

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Д

ст

CORNELIUS TACITUS

КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ

***

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*М. П. Алексеев, Н. И. Балашов, Д. Д. Благой, И. С. Брагинский,
В. В. Виноградов, Н. Н. Голенищев-Кутузов, А. А. Елистратова,
В. М. Жирмунский, Н. И. Конрад (председатель), Д. С. Лихачев,
Д. В. Ознобишин (ученый секретарь), Ю. Г. Оксман,
Ф. А. Петровский, А. М. Самсонов,
С. Д. Сказкин, С. Л. Утченко*

Ответственный редактор
С. Л. УТЧЕНКО

И С Т О Р И Я

КНИГА ПЕРВАЯ

1. Началом моего повествования станет год, когда консулами были Сервий Гальба во второй раз и Тит Виний.¹ События предыдущих восьмисот двадцати лет, прошедших с основания нашего города,² описывали многие, и, пока они вели речь о деяниях римского народа,³ рассказы их были красноречивы и искренни. Но после битвы при Акции,⁴ когда в интересах спокойствия и безопасности всю власть пришлось сосредоточить в руках одного человека,⁵ эти великие таланты перевелись. Правду стали всячески искажать — сперва по неведению государственных дел, которые люди начали считать себе посторонними, потом — из желания польстить властителем или, напротив, из ненависти к ним. До мнения потомства не стало дела ни хулителям, ни льстецам. Но если лезть, которой историк пользуется, чтобы преуспеть, противна каждому, то к наветам и клевете все охотно прислушиваются; это и понятно: лезть несет на себе отвратительный отпечаток рабства, тогда как коварство выступает под личиной любви к правде. Если говорить обо мне, то от Гальбы, Отона⁶ и Вителлия⁷ я не видел ни хорошего, ни плохого. Не буду отрицать, что начало моим успехам по службе положил Веспасиан, Тит умножил их, а Домициан⁸ возвысил меня еще больше;⁹ но тем, кто решил неколебимо держаться истины, следует вести свое повествование, не поддаваясь любви и не зная ненависти. Старость же свою, если только хватит жизни, я думаю посвятить труду более благодарному и не столь опасному: рассказать о принцепате Нервы и о владычестве Траяна,¹⁰ о годах редкого счастья, когда каждый может думать, что хочет, и говорить, что думает.

2. Я приступаю к рассказу о временах, исполненных несчастий, изобилюющих жестокими битвами, смутами и распрями, о временах, диких и неистовых даже в мирную пору. Четыре принцепса, погибших насильственной смертью,¹¹ три гражданские войны,¹² ряд внешних и много та-

ких, что были одновременно и гражданскими, и внешними,¹³ удаchi на Востоке и беды на Западе — Иллирия объята волнениями,¹⁴ колеблется Галлия,¹⁵ Британия покорена и тут же утрачена,¹⁶ племена сарматов и свебов объединяются против нас,¹⁷ растет слава даков, ударом отвечающих Риму на каждый удар,¹⁸ и даже парфяне, следуя за шутом, надевшим личину Нерона, готовы взяться за оружие.¹⁹ На Италию обрушиваются беды, каких она не знала никогда или не видела уже с незапамятных времен: цветущие побережья Кампании где затоплены морем, где погребены под лавой и пеплом;²⁰ Рим опустошают пожары, в которых гибнут древние храмы,²¹ выгорел Капитолий, подожженный руками граждан.²² Поруганы древние обряды,²³ осквернены брачные узы;²⁴ море покрыто кораблями, увозящими в изгнание осужденных, утесы запятнаны кровью убитых.²⁵ Еще худшая жестокость бушует в самом Риме, — все вмещается в преступление: знатность, богатство, почетные должности, которые человек занимал²⁶ или от которых он отказался,²⁷ и неминуемая гибель вознаграждает добродетель.²⁸ Денежные премии, выплачиваемые доносчикам, вызывают не меньше негодования, чем их преступления.²⁹ Некоторые из них в награду за свои подвиги получают жреческие и консульские должности,³⁰ другие управляют провинциями императора³¹ и вершат дела в его дворце. Внушая ужас и ненависть, они правят всем по своему произволу. Рабов подкупами восстанавливают против хозяев, вольноотпущенников — против патронов. Если у кого нет врагов, его губят друзья.³²

3. Время это, однако, не вовсе было лишено людей добродетельных и оставило нам также хорошие примеры. Были матери, которые сопровождали детей, вынужденных бежать из Рима; жены, следовавшие в изгнание за своими мужьями;³³ друзья и близкие, не отступившиеся от опальных; зятя, сохранившие верность попавшему в беду тестю; рабы, чью преданность не могли сломить и пытки; мужи, достойно сносившие несчастья, стойко встречавшие смерть и уходившие из жизни как прославленные герои древности. Не только на людей обрушились бесчисленные бедствия: небо и земля были полны чудесных явлений: вещая судьбу, сверкали молнии, и знамения — радостные и печальные, смутные и ясные — предрекали будущее. Словом, никогда еще боги не давали римскому народу более очевидных и более ужасных доказательств того, что их дело — не заботиться о людях, а карать их.³⁴

4. Однако прежде чем приступить к задуманному рассказу, нужно, я полагаю, оглянуться назад и представить себе, каково было положение в Риме, настроение войск, состояние провинций и что было в мире здорово, а что гнило. Это необходимо, если мы хотим узнать не только внешнее течение событий, которое по большей части зависит от случая, но также их смысл и причины. По началу смерть Нерона была встречена бурной радостью и ликованием, но вскоре весьма различные чувства охватили, с одной стороны, сенаторов, народ и расположенные в городе

войска, а с другой — легионы и полководцев, ибо разглашенной оказалась тайна, окутывавшая приход принцепса к власти, и выяснилось, что им можно стать не только в Риме.³⁵ Сенаторы, несмотря на это, неожиданно обретя свободу, радовались и забирали все больше воли, как бы пользуясь тем, что принцепс лишь недавно приобрел власть и находится вдали от Рима. Немногим меньше, чем сенаторы, радовались и самые именитые среди всадников; воспрянули духом честные люди из просто-народья, связанные со знатными семьями, клиенты и вольноотпущенники осужденных и сосланных. Подлая чернь, привыкшая к циркам и театрам, худшие из рабов, те, кто давно растратил свое состояние и кормился, участвуя в постыдных развлечениях Нерона, ходили мрачные и жадно ловили слухи.

5. Преторианцы издавна привыкли по долгу присяги быть верными Цезарям,³⁶ и Нерона они свергли не столько по собственному побуждению, сколько поддавшись уговорам и настояниям.³⁷ Теперь же, не получив денежного подарка, обещанного им ранее от имени Гальбы, зная, что в мирное время труднее выделиться и добиться наград, чем в условиях войны, поняв, что легионы, выдвинувшие нового государя,³⁸ имеют больше надежд на его благосклонность, и к тому же подстрекаемые префектом Нимфидием Сабинном, который сам рассчитывал стать принцепсом, они жаждали перемен. Хотя попытка Нимфидия захватить власть была подавлена и мятеж обезглавлен, многие преторианцы помнили о своей причастности к заговору;³⁹ немало было и людей, поносивших Гальбу за то, что он стар, и избобличавших его в скупости. Сама его суровость, некогда прославленная в войсках и стяжавшая ему столько похвал, теперь пугала солдат, испытывавших отвращение к дисциплине былых времен и привыкших за четырнадцать лет правления Нерона так же любить пороки государей, как когда-то они чтили их доблести. Стали известны и слова Гальбы о том, что он «набирает солдат, а не покупает», — правило, полезное для государства, покоящегося на справедливых основах, но опасное для самого государя; впрочем, поступки Гальбы не соответствовали этим словам.

6. Положение немощного старика подрывали Тит Виний,⁴⁰ отвратительнейший из смертных, и Корнелий Лакон, ничтожнейший из них; Виния все ненавидели за подлость, Лакона презирали за бездеятельность. Путь Гальбы к Риму был долог и кровав. Погибли — и, как полагали, невинно — кандидат в консулы Цингоний Варрон⁴¹ и Петроний Турпилиан,⁴² бывший консул; их не выслушали, им не дали защитников, и обоих убили, первого — как причастного к заговору Нимфидия, второго — как полководца Нерона. Вступление Гальбы в Рим было омрачено недобрым предзнаменованием: убийством нескольких тысяч безоружных солдат, вызвавшим отвращение и ужас даже у самих убийц.⁴³ После того как в Рим, где уже был размещен легион, сформированный Нероном из морской пехоты, вступил еще и легион из Испании,⁴⁴ город наполнился вой-

сками, ранее здесь не виданными. К ним надо прибавить множество воинских подразделений, которые Нерон набирал в Германии, Британии и Иллирии и, готовясь к войне с альбанами,⁴⁵ отправил к каспийским ущельям, но вернул с дороги для подавления вспыхнувшего восстания Виндекса. Вся эта масса, склонная к мятежу, хоть и не обнаруживала явных симпатий к кому-либо, была готова поддержать каждого, кто рискнет на нее опереться.

7. Случилось так, что в это же время было объявлено об убийстве Клодия Макра⁴⁶ и Фонтя Капитона.⁴⁷ Макр, который бесспорно готовил бунт, был умерщвлен в Африке по приказу Гальбы прокуратором⁴⁸ Требонием Гаруцианом; Капитона, затевавшего то же самое в Германии, убили, не дожидаясь приказа, легаты⁴⁹ Корнелий Аквин и Фабий Валент. Кое-кто, однако, полагал, что Капитон, хоть и запятанный всеми пороками, стяжатель и развратник, о бунте все же не помышлял, а убийство его было задумано и осуществлено легатами, когда они поняли, что им не удастся убедить его начать войну; Гальба же, или по неустойчивости характера, или стремясь избежать более тщательного расследования, лишь утвердил то, что уже нельзя было изменить. Так или иначе, оба эти убийства произвели гнетущее впечатление, и отныне, что бы принцепс ни делал, хорошее или дурное, — все навлекало на него равную ненависть. Общая продажность, всевластие вольноотпущенников, жадность рабов, неожиданно вознесшихся и торопившихся, пока старик еще жив, обделая свои дела, — все эти пороки старого двора свирепствовали и при новом, но снисхождения они вызывали гораздо меньше. Даже возраст Гальбы вызывал смех и отвращение у черни, привыкшей к юному Нерону и по своему обыкновению сравнивавшей, — какой император более красив и статен.

8. Таково было настроение в Риме, — если можно говорить об общем настроении у столь великого множества людей. Что касается провинций, то Испанией управлял Клувий Руф,⁵⁰ человек красноречивый, сведущий в политике, но в военном деле неопытный; Галлию привязывала к новому режиму не только память о восстании Виндекса, но также и благодарность за недавно дарованное ей право римского гражданства и облегчение налогов.⁵¹ Между тем племена галлов, жившие по соседству со стоявшими в Германии армиями, не получили подобных привилегий, в некоторых случаях даже лишились части своей земли⁵² и с равным возмущением вели счет чужим выгодам и своим обидам. Германские армии были встревожены и раздражены; они гордились недавней победой,⁵³ но боялись, что их обвинят в поддержке противной партии, — сочетание чувств крайне опасное там, где сосредоточено столько оружия и сил. Эти войска с опозданием отступились от Нерона, а Вергиний⁵⁴ не сразу встал на сторону Гальбы; никто не знал, захочет ли он сам сделаться императором, но было известно, что солдаты ему это предлагали. Убийство Фонтя Капитона возмутило здесь даже тех, кто не имел

права выражать свое мнение.⁵⁵ После того как Гальба, притворившись другом Вергиния, вызвал его к себе, армия осталась без командующего, когда же он был в Риме не только задержан, но и привлечен к ответственности, солдаты восприняли это как угрозу самим себе.

9. Верхнегерманские легионы⁵⁶ презирали своего легата Гордеония Флакка⁵⁷ за телесную немощь, вызванную старостью и подагрой, за слабый и нерешительный характер. Он не умел командовать, даже пока солдаты вели себя спокойно, теперь же, когда они были раздражены, его беспомощные попытки навести порядок лишь распаляли их ярость. Легионы Нижней Германии⁵⁸ долго оставались без консульского легата, пока, наконец, Гальба не прислал к ним Авла Вителия — сына цензора и трижды консула Вителия. В войсках, расположенных в Британии, не было никаких беспорядков: среди потрясений, вызванных гражданскими войнами, именно эти легионы остались более, чем другие, верны своему долгу, — то ли потому, что они были удалены от Рима и отрезаны от него Океаном, то ли трудные походы научили их обращать свою ненависть прежде всего на врагов. Спокойно было и в Иллирии, хотя легионы, выведенные оттуда Нероном в Италию⁵⁹ и бесцельно стоявшие здесь, через своих представителей предлагали императорскую власть Вергинию. Однако эти воинские части были размещены на большом расстоянии одна от другой (что всегда является наилучшим средством сохранить среди них верность присяге), так что не могли ни заражать друг друга мятежными настроениями, ни объединить свои силы.

10. Восток пока оставался спокойным. Здесь командовал четвертьмя легионами⁶⁰ и управлял Сирией Лициний Муциан, человек, равно известный своими удачами и своими несчастьями. В молодости он из честолюбия искал дружбы с людьми знатными и богатыми и тщательно поддерживал эти отношения. Когда же вскоре состояние его оказалось расстроеным и положение безвыходным, когда над ним готов был разразиться гнев Клавдия, его отправили в один из захолустных городов Азии, и он жил чуть ли не на положении ссыльного в тех самых местах, где позже пользовался почти неограниченной властью. В нем уживались изнеженность и энергия, учтивость и заносчивость, добро и зло, величайшая доблесть в походах и излишняя преданность наслаждениям во время отдыха; его поведение в обществе и на службе вызывало похвалы, о тайных сторонах его жизни говорили много дурного; с подчиненными, близкими, коллегами, — с каждым он умел быть обаятельным по-своему; власть он охотнее уступал другим, чем пользовался ею сам. Войну в Иудее вел Флавий Веспасиан с тремя легионами,⁶¹ во главе которых его поставил еще Нерон. Веспасиан тоже не помышлял о борьбе против Гальбы; как мы расскажем в своем месте, он даже послал к нему своего сына Тита в знак почтения и преданности. В то, что императорская власть была суждена Веспасиану и его детям тайным роком, знамениями и пророчествами, мы уверовали лишь позже, когда судьба уже вознесла его.

11. В Египте уже со времен божественного Августа место царей заняли римские всадники, которые управляли страной и командовали войсками, охранявшими здесь порядок: императоры сочли за благо держать под своим личным присмотром эту труднодоступную провинцию, богатую хлебом, склонную из-за царивших здесь суеверий и распущенности к волнениям и мятежам, незнакомую с законами и государственным управлением. В ту пору во главе ее стоял Тиберий Александр, египтянин. Африка и расположенные здесь легионы, достаточно натерпевшиеся от местных властей,⁶² были рады служить любому принцепсу, избавившему их от Клодия Макра. Обе Мавритании,⁶³ Реция,⁶⁴ Норик,⁶⁵ Фракия⁶⁶ и прочие провинции, управлявшиеся прокураторами, склонялись в пользу нового государя или против него в зависимости от настроения стоявших поблизости армий. Провинции, в которых не было войск, и в первую очередь сама Италия, были обречены хранить рабскую покорность победителю и играть роль военной добычи.

Таково было положение дел, когда Сервий Гальба во второй раз и Тит Виний вступили в свой консульский год, ставший последним для них и едва не принесший гибель государству.

12. Через несколько дней после январских календ от Помпея Пропинква, прокуратора Белгики, пришло сообщение: верхнегерманские легионы, нарушив верность присяге, требуют нового императора и, рассчитывая таким путем вызвать более снисходительное отношение к своему заговору, предоставляют выбор его сенату и римскому народу. Это событие ускорило решение Гальбы избрать себе наследника и разделить с ним власть, — замысел, который он уже давно обдумывал сам и обсуждал с близкими. В те месяцы по всему городу только и было речи, что об этом выборе, прежде всего из-за обычной страсти к такого рода разговорам и потому еще, что Гальба был уж очень стар и слаб. Людей, судивших здраво или принимавших к сердцу судьбы государства, было мало; многие начинали питать нелепые надежды, каждый раз когда друзья или клиенты называли их как возможных наследников и сеяли слухи, льстившие их тщеславию. Играла свою роль и ненависть к Титу Винию, возраставшая по мере того, как день ото дня крепло его могущество.⁶⁷ В друзьях Гальбы нерешительность императора разжигала жадное стремление к власти, ибо при немощном и легковерном правителе творить беззакония менее опасно и сулит больше выгод.

13. Высшую власть в государстве делили между собой консул Тит Виний, префект претория Корнелий Лакон и пользовавшийся не меньшим доверием Гальбы его вольноотпущенник Икел;⁶⁸ последнему были дарованы кольца и всадническое имя Марциан.⁶⁹ Все трое вечно ссорились, и даже в мелочах каждый тянул в свою сторону; теперь, когда речь зашла о назначении наследника, они разделились на две группы. Виний стоял за Марка Отона; Лакон и Икел объединились, не столько чтобы покровительствовать тому или иному претенденту, сколько в стрем-

лении противопоставить кого-нибудь кандидату Виния. Дружба Отона с Винием не была секретом и для Гальбы, а любители сплетен даже прочли неженатого Отона в зятя Винию, у которого дочь была вдовой. Думаю, что противники Отона учитывали и интересы государства: не было никакого смысла отнимать у Нерона власть, чтобы оставить ее в руках Отона. Дело в том, что Отон провел первые годы юности беспечно, молодость бурно и приобрел благосклонность Нерона, соревнуясь с ним в распутстве. Именно у Отона как соучастника всех его постыдных пождений скрыл принципс свою наложницу Поппею Сабину, рассчитывая тем временем избавиться от жены Октавии.⁷⁰ Вскоре, однако, заподозрив Отона в связи с Поппеей, Нерон отправил его в Лузитанию,⁷¹ назначив для вида легатом этой провинции. Отон управлял провинцией хорошо, первым примкнул к Гальбе, стал рьяным его сторонником и, пока еще шла война, затмил щедростью всех в его окружении. Надежда, что Гальба усыновит его, уже тогда в нем зародившаяся, все более овладевала Отоном, тем более что солдаты в большинстве любили его, а люди, близкие Нерону, видя их сходство, его поддерживали.

14. Хотя в донесении о беспорядках в германских легионах и не сохранилось ничего определенного относительно намерений Вителлия, все же Гальба, не зная, куда может броситься ярость восставших, и не доверяя даже войскам, сосредоточенным в Риме, решился сделать шаг, в котором видел единственную возможность поправить дело, — назначить себе преемника. Он вызывает к себе Виния и Лакона, кандидата в консулы Мария Цельза,⁷² префекта города⁷³ Дуция Гемина и, сказав для начала несколько слов о своем старческом возрасте, приказывает ввести Пизона Лициниана.⁷⁴ Неизвестно, остановился он на этой кандидатуре сам, или, как некоторые полагали, — под влиянием Лакона, который подружился с Пизоном, встречаясь с ним у Рубеллия Плавта;⁷⁵ во всяком случае Лакон покровительствовал Пизону очень осторожно, делая вид, что помогает человеку, с которым незнаком, а добрая слава Пизона лишь придавала вес его словам. Сын Марка Красса и Скрибонии, Пизон был благородного происхождения и по отцу, и по матери; по внешности, манере держаться, взглядом это был человек старшего склада; он был суров — если судить о нем справедливо, или угрюм — как уверяли недоброжелатели. Гальбе нравилась именно эта сторона его характера, внушавшая опасения людям, мятежно настроенным.

15. Взяв Пизона за руку, Гальба, как передают, начал свою речь следующим образом. «Если бы я был частным лицом и усыновил тебя, как это обычно принято, по решению куриатных комиций и жрецов, то и мне было бы лестно ввести в свой дом потомка Гнея Помпея и Марка Красса, и для тебя было бы почетно присоединить к знатному твоему роду славные имена Сульпициев⁷⁶ и Лутациев.⁷⁷ Сейчас, однако, когда я, с согласия богов и людей, призван к высшей власти, сознание твоих выдающихся способностей и любовь к родине приводят меня к ре-

шению именно тебе, наслаждающемуся миром и спокойствием, предложить принять принципат, за который наши предки сражались с оружием в руках и которого я добился войной. Я поступаю при этом по примеру божественного Августа, который сначала племяннику своему Марцеллу, потом зятю Агриппе, вскоре затем внукам⁷⁸ и, наконец, пасынку Тиберию Нерону дал положение, почти столь же высокое, как его собственное. Однако если Август искал преемников в пределах своей семьи, то я ищу их в пределах всего государства, и не потому, что у меня нет родных или боевых товарищей; я не из личного честолюбия принял власть, и то, что я оказываю тебе предпочтение не только перед моими, но и перед твоими сородичами, пусть будет этому доказательством. У тебя есть брат,⁷⁹ равный тебе по благородству происхождения; он старше тебя и был бы достоин этой высокой участи, если бы ты не был достоин ее еще больше. За это говорит и твой возраст,⁸⁰ которому уже чужды юношеские страсти, и вся твоя жизнь, не содержащая ничего, за что следовало бы краснеть. До сих пор судьба не была к тебе милостива,⁸¹ но ведь удачи подвергают наш дух еще более суровым испытаниям, ибо в несчастьях мы закаляемся, а счастье нас расслабляет. Конечно, сам ты сохранишь нетронутыми лучшие человеческие свойства: твердость души, любовь к свободе, верность друзьям; но другие своим раболепием погубят их. Появятся пресмыкательство, лесть и то, что вернее всего отравляет всякое искреннее чувство, — своекорыстие. Мы с тобой разговариваем сейчас откровенно и прямо, но другие обращаются скорее не к нам, а к положению, которое мы занимаем. Ведь давать государю правильные советы — вещь трудная, а соглашаться с каждым, кто стал принцем, можно, ничего не переживая и ничего не думая.

16. «Если бы огромное тело государства могло устоять и сохранить равновесие без направляющей его руки единого правителя, я хотел бы быть достойным положить начало республиканскому правлению. Однако мы издавна уже вынуждены идти по другому пути: единственное, что я, старик, могу дать римскому народу, — это достойного преемника, и единственное, что можешь сделать для него ты, человек молодой, — это стать хорошим принцем. При Тиберии, при Гае и при Клавдии мы представляли собой как бы наследственное достояние одной семьи. Теперь, когда правление Юлиев и Клавдиев кончилось, глава государства будет усыновлять наиболее достойного. Разум не играет никакой роли в том, что человек родился сыном принцепса, но если государь сам избирает себе преемника, он должен действовать разумно, должен обнаружить и независимость суждения, и готовность прислушиваться к мнению других. Пусть стоит перед твоими глазами судьба Нерона, который так гордился происхождением из семьи, давшей Риму длинный ряд Цезарей. Его низвергли не Виндекс со своей безоружной провинцией и не я с моим единственным легионом,⁸² а собственная чудовищная жестокость и собственная страсть к наслаждениям: неудивительно, что это первый принцепс,

который заслужил официальное осуждение. Мы достигли власти войной и опираясь на признание разумных людей, но как бы благородно мы себя ни вели, злоба и зависть всегда будут сопровождать нас. И не следует тебе испытывать страха от того, что в этом охваченном потрясениями мире есть два легиона, которые все еще никак не успокоятся:⁸³ я ведь и сам принял власть, когда положение было нелегким. Зато теперь, как только распространится слух о твоём усыновлении, меня перестанут считать стариком, а ведь это — единственное, что мне ставят в вину. Дурные люди будут всегда сожалеть о Нероне; нам с тобой надо позаботиться о том, чтобы о нем не стали жалеть и хорошие. Сейчас не время давать тебе дальнейшие наставления; если, остановив свой выбор на тебе, я поступил правильно, — осуществилось все, на что я надеялся. Установить, что есть в человеке плохого и что хорошего, лучше и легче всего, если присмотреться, к чему он стремился и чего избегал при другом государе. У нас ведь не так, как у народов, которыми управляют цари:⁸⁴ там властвует одна семья и все другие — ее рабы; тебе же предстоит править людьми, неспособными выносить ни настоящее рабство, ни настоящую свободу». И Гальба долго еще продолжал говорить так или примерно так, наставляя будущего государя, в то время как все остальные уже обращались к Пизону как к принцепсу, облеченному полнотой власти.

17. Присутствовавшие сначала лишь посматривали на Пизона, вскоре все взоры сошлись на нем одном, но он, как рассказывают, не обнаружил никаких признаков волнения или радости. Ответная речь его была почтительна по отношению к отцу и императору и сдержанна в том, что касалось его самого. В лице его и манере держаться ничего не изменилось; казалось, что он скорее чувствует себя в праве повелевать, чем стремится к этому. Стали совещаться о том, где лучше объявить об усыновлении Пизона — в сенате, в лагере преторианцев или возвестить об этом с ростр.⁸⁵ Было решено отправиться в лагерь и этим оказать честь преторианцам: Гальба считал, что дурно добиваться расположения солдат подарками и лестью, но что не следует пренебрегать возможностью достичь этой цели честным путем. Между тем все больше народу, стремившегося проникнуть в тайну происходящего, окружало Палатин,⁸⁶ и неудачные попытки подавить слухи лишь заставляли их расти и шириться.

18. Четвертый день перед январскими идами,⁸⁷ мрачный и дождливый, был отмечен необычными небесными знамениями, громом и молниями. В такие дни издавна принято не созывать никаких собраний. Все это, однако, не испугало Гальбу, и он, несмотря ни на что, отправился в лагерь: то ли он презирал такие пророчества, считая их делом случая, то ли человеку не дано избежать своей судьбы, хотя она ему и ясно предказана. На многолюдной солдатской сходке он кратко и властно объявил, что усыновляет Пизона — по примеру божественного Августа и по солдатскому обычаю, согласно которому каждый воин сам избирает следующего.⁸⁸ Опасаясь, что, промолчав о мятеже,⁸⁹ он лишь

еще больше привлечет к нему внимание, Гальба, с несколько излишней настойчивостью, стал утверждать, что число зачинщиков заговора невелико, что четвертый и двадцать второй легионы не пошли дальше разговоров и крика и что в самом ближайшем будущем они вернутся к исполнению своих обязанностей. К своей речи он не прибавил ни одного ласкового слова и не распорядился раздать преторианцам деньги. Однако трибуны,⁹⁰ центурионы и солдаты в передних рядах встретили его слова с одобрением; остальные стояли молчаливые и мрачные: несмотря на войну, думали они, мы не получили денег, хотя другие императоры привыкли их раздавать даже и в мирное время. Прояви скупой старик хоть малейшую щедрость, он, без сомнения, мог бы привлечь солдат на свою сторону; ему повредили излишняя суровость и негибкая, в духе предков, твердость характера, ценить которые мы уже не умеем.

19. Обращение Гальбы к сенату было столь же простым и кратким, как и выступление его перед солдатами, речь Пизона — искусной и любезной. Сенаторы выразили ему свою благосклонность, многие искренне, недоброжелатели многоречиво, а равнодушное большинство — с угодливой покорностью, преследуя при этом лишь свои личные цели и нимало не заботясь об интересах государства. Ничего нового Пизон не сказал народу и не сделал и за последующие четыре дня, прошедшие между его усыновлением и гибелью. Поскольку каждый день поступали все новые и новые сообщения о мятеже в германских провинциях и так как люди всегда охотно прислушиваются к недобрым вестям и верят им, сенат принял решение направить в германскую армию легатов. Втайне обсуждалась возможность отправить с ними и Пизона: это придало бы всему мероприятию большую внушительность, ибо легаты представляли бы власть сената, а он славу, сопутствующую имени Цезаря.⁹¹ Намеревались послать также и префекта претория Лакона, но он сумел этому воспрепятствовать. Сенат поручил выбор легатов Гальбе, но он с постыдной нерешительностью назначал одних, затем отменял свое решение и ставил на их место других; люди боязливые при этом старались остаться в Риме, честолюбцы вели интриги, чтобы быть посланными.

20. Следующая задача заключалась в том, чтобы достать деньги. Перебрав все возможности, решили, что правильное всего добыть их из того же источника, из которого и произошло нынешнее безденежье: Нерон раздарил два миллиарда двести миллионов сестерциев, Гальба приказал взыскать их, оставив каждому одну десятую часть подаренной суммы. Но сверх этой одной десятой у людей, облагодетельствованных Нероном, уже почти ничего и не было, ибо, привыкши расточать свое добро, они так же управлялись с дареным; у этих хищных негодяев не осталось ни капиталов, ни земли и хватало богатства лишь на разврат. Вести изъятием этих денег — делом новым и нелегким, вызвавшим много происков и тяжб, — были назначены тридцать римских всадников.⁹² Город заволновался: люди продавали и покупали, вели судебные дела;

многие, однако, ликовали при мысли, что те, кого Нерон обогатил, станут беднее тех, кого он обобрал. В эти же дни были уволены из армии трибуны: из претория Антоний Тавр и Антоний Назон, из гарнизона⁹³ Эмилий Паценз, из городской стражи⁹⁴ Юлий Фронтон. Остальных эта мера не исправила, а напугала: из хитрости и осторожности, казалось им, Гальба уволил лишь некоторых, на подозрение же попали все.

21. Отон между тем хорошо понимал, что может добиться своего лишь пока длятся беспорядки и, если установится спокойствие, у него не останется никаких надежд. Многие толкали его к решительным действиям: расточительность, непосильная даже для императора, безденежье, нестерпимое и для частного человека, злоба против Гальбы, зависть к Пизону. Чтобы распалиться еще больше, он и сам внушал себе всяческие страхи: еще Нерону он был ненавистен, теперь же ему следует ждать даже не возвращения в Лузитанию, не новой почетной ссылки; правители всегда подозревают и ненавидят тех, кто может прийти им на смену; это уже повредило ему в глазах престарелого принцепса и повредит еще больше в мнении правителя молодого, угрюмого и свирепого по характеру, к тому же озлобленного длительной ссылкой. Поэтому следует набраться храбрости и действовать решительно, пока власть Гальбы непрочна, а власть Пизона еще не окрепла. Переход власти из рук в руки — самый благоприятный момент для великих дерзаний, и не следует медлить в такое время, когда выжидание может оказаться опаснее, чем смелость. Перед лицом природы смерть равняет всех, но она дарует либо забвение, либо славу в глазах потомков. Если же один конец ждет и правого, и виноватого, то для настоящего человека достойнее погибнуть недаром.

22. Отон был изнежен телом, но духом решителен и тверд. Он хотел иметь такой же дворец, как у Нерона, он жаждал роскоши, наслаждений в браке и вне брака — всех утех, которые сулит положение принцепса. Его приближенные из вольноотпущенников и рабов, более распушенные и хитрые, чем обычно в частном доме, убеждали его, что всего этого он может добиться, если найдет в себе достаточно мужества, чтобы рискнуть, но что все это может попасть в чужие руки, если он и дальше будет бездействовать. На то же толкали его и звездочеты: наблюдение светил, утверждали они, показывает, что государству предстоят новые потрясения и что начинающийся год принесет Отону славу. Люди этой породы обманывают государей и лгут честолюбцам, их вечно изгоняют из нашего государства и вечно оставляют, чтобы пользоваться их услугами.⁹⁵ На этих гнусных приспешников императорских семей опиралась в своих тайных интригах Поппея. Среди ее звездочетов находился также и Птолемей, впоследствии, в Лузитании, входивший в окружение Отона.⁹⁶ Именно он обещал Отону, что тот переживет Нерона. Когда это предсказание сбылось, ему стали верить, и он, основываясь на догадках и разговорах о том, что Гальба стар, а Отон еще молод, предсказал последнему импе-

раторскую власть. Человеку, обуреваемому честолюбием, свойственно рассчитывать на осуществление даже самых смутных надежд, и Отон поверил этим словам, решив, что они продиктованы мудростью и выражают волю судьбы. Птолемей не терял времени и вскоре начал толкать Отона на преступления, — тем более что, раз поддавшись жажде власти, перейти к ним совсем нетрудно.

23. Едва ли, однако, преступный замысел родился у Отона внезапно; рассчитывая, что Гальба усыновит его, а может быть, и подумывая уже о захвате власти, он исподволь стремился обеспечить себе поддержку солдат. Во время похода,⁹⁷ на марше и на стоянках он обращался к старейшим воинам по имени и, вспоминая время, когда они вместе состояли в свите Нерона, называл их своими товарищами. В одних он узнавал старых знакомых, других расспрашивал об их делах, оказывал им покровительство и помощь деньгами. В этих беседах он нередко жаловался на Гальбу, отзывался о нем двусмысленно и вообще делал все, чтобы вызвать в войсках недовольство. Трудности похода, нехватка продовольствия и строгость командиров раздражали солдат: они привыкли разъезжать по городам Ахайи⁹⁸ или плавать на кораблях по озерам Кампании, а теперь им приходилось делать огромные переходы и в полном вооружении карабкаться по склонам Пиренеев и Альп.

24. Солдаты уже пылали яростью, когда Мевий Пуденс, один из приближенных Тигеллина,⁹⁹ еще подбросил хворосту в огонь. Он издавна привлекал на свою сторону каждого колеблющегося, каждого, кто, нуждаясь в деньгах, стремился к переменам. Постепенно он дошел до того, что всякий раз, как Гальба обедал у Отона, давал каждому преторианцу дежурной когорты якобы на угощение по сто сестерциев,¹⁰⁰ а Отон к этой, как бы всем официально полагающейся награде добавлял еще тайно некоторым солдатам определенную сумму. Его изобретательность в деле подкупа была неистощима: когда один из преторианцев, по имени Кокцей Прокул, затеял с хозяином соседнего с его владениями земельного участка тяжбу из-за межи, Отон на свои деньги скупил всю землю этого соседа и подарил ее солдату. Всему этому попустительствовал префект, слабый и ограниченный, неспособный ни проникнуть в тайные замыслы, ни понять то, что происходит у него на глазах.¹⁰¹

25. Потом Отон назначил одного из своих вольноотпущенников — Ономаста — руководить осуществлением злодейского замысла. Узнав, что тессерарий¹⁰² Барбий Прокул и опцион¹⁰³ Ветурий (оба служившие в телохранителях) по разным поводам вслух возмущались Гальбой и даже угрожали ему, Отон через Ономаста вызвал их к себе, засыпал подарками и обещаниями и дал денег, чтобы они могли других также переманивать на свою сторону. И вот два солдата задумали передать Римскую империю из одних рук в другие и действительно добились своего! О заговоре знали немногие, остальные колебались, и заговорщики разными способами воздействовали на них: старшим солдатам наме-

кали, что Гальба их подозревает, так как они пользовались в свое время благосклонностью Нимфидия; в рядовых вызывали ярость напоминаниями о ранее им обещанных и безвозвратно упущенных деньгах; некоторым, помнившим Нерона, говорили, что хорошо бы вернуться к легкой и праздной жизни, которую при нем вели солдаты; и всех пугали возможностью перевода из претория в легионы.

26. Мятежные настроения как чума перекинулись в легионы и вспомогательные войска,¹⁰⁴ и без того взволнованные вестями о нарушении присяги германскими армиями. Заговорщики были уже настолько готовы к перевороту, а остальные так к нему безразличны, что на следующий день после январских ид преторианцы окружили Отона, возвращавшегося домой с ночного пира, и насильно увели бы его с собой, если бы не ночь, не боязнь расставленных по всему городу постов и не разброд, обычный между пьяными. Их остановила не забота о государстве, главу которого — Гальбу — они хладнокровно собирались резать, а только лишь опасение принять в темноте первого встречного, указанного солдатами из паннонской или германской армии, за Отона, которого большинство не знало в лицо. Заговорщикам до времени удавалось скрывать многочисленные признаки готового вот-вот вспыхнуть мятежа; когда же некоторые из этих признаков привлекали к себе внимание Гальбы, префект Лакон обращал все в шутку: не зная настроения солдат, относясь враждебно ко всякому предложению, даже самому дельному, если только не он сам его подал, этот человек упорно сопротивлялся всему, что советовали люди, более опытные.

27. В восемнадцатый день перед февральскими календами,¹⁰⁵ когда Гальба совершал жертвоприношение в храме Аполлона, гаруспик¹⁰⁶ Умбриций сказал ему, что внутренности животных предвещают несчастья, что тайная измена готова вырваться наружу и что в его ближайшем окружении свили гнездо враги государства. Отон, стоявший рядом, истолковал это прорицание в свою пользу и очень обрадовался, увидев в нем знак того, что все благоприятствует его замыслам. Немного времени спустя вольноотпущенник Ономаст громко объявил, что Отона ждут архитектор и подрядчики; эти слова были условным сигналом, означавшим, что солдаты собрались и все готово для осуществления заговора. Отон, уже уходя, объяснил тем, кто стал его расспрашивать, что он покупает загородную виллу, но, так как она старая, должен раньше ее как следует осмотреть. Поддерживаемый вольноотпущенником, он прошел через дом Тиберия, вышел в Велабр и направился к позолоченному верстовому столбу у храма Сатурну.¹⁰⁷ Собравшиеся там двадцать три преторианца приветствовали его как императора, поспешно усадили в носилки — хотя он дрожал от страха, видя, как мало народа его приветствует, — обнажили мечи и, окружив носилки, понесли их. По дороге к ним присоединилось примерно еще столько же солдат, — одни из сочувствия задуманному делу, другие из любопытства, некоторые с радостными кри-

ками, остальные молча, рассчитывая, что по ходу дела станет ясно, как вести себя дальше.

28. В тот день дежурным по лагерю преторианцев был трибун Юлий Марциал. Растерявшись при виде того, какой размах принимает внезапно вспыхнувший бунт, и не зная, насколько широко мятежные настроения успели распространиться по лагерю, Марциал боялся рисковать жизнью, выступая против мятежников, так что многие сочли, будто он тоже замешан в заговоре. Остальные трибуны и центурионы тоже предпочитали оставить все как есть, чем стремиться к рискованным, хоть и заманчивым, новшествам. Словом, судя по общему настроению, на последнее злодеяние решились лишь некоторые, сочувствовали ему многие, готовились и выжидали все.

29. Между тем ни о чем не подозревавший Гальба продолжал усердно приносить жертвы, лишь утомляя ими богов — покровителей уже не принадлежавшей ему империи. Среди присутствующих распространился слух, что преторианцы увели к себе в лагерь какого-то сенатора; вскоре выяснилось, что похищен Отон, и тут же об этом заговорил весь город, каждый встречный. Одни преувеличивали опасность, другие все еще не хотели упустить возможность сказать Гальбе приятное и преуменьшали истину. Посовещавшись, решили проверить настроение той когорты, которая несла караул на Палатине, но не поручать это самому Гальбе, чтобы сохранить весь его авторитет на крайний случай. Солдат вызвали на лестницу перед дворцом, и Пизон заговорил с ними так: «Вот уже шестой день,¹⁰⁸ боевые мои товарищи, как я стал Цезарем, не ведая, что сулит мне этот титул в будущем, и не зная, следовало мне к нему стремиться или правильнее было страшиться его. Каковы будут последствия этого избрания для нашей семьи и для государства, зависит от вас. Я сам не боюсь смерти: изведав немало бед, я теперь начинаю понимать, что и счастливая судьба таит в себе не меньше опасностей. Я скорблю об отце, о сенате, о порядке в государстве, ибо сегодня нам либо придется погибнуть самим, либо — а это для честного человека не меньшее несчастье — убивать других. Во время последнего переворота мы могли утешаться тем, что в Риме не была пролита кровь и переход власти обошелся без междуусобиц; когда меня избирали наследником, надеялись, что это позволит избежать войны также и после смерти Гальбы.

30. «Я не стану говорить ни о знатности моего происхождения, ни о том, что веду себя порядочно и скромно, — если речь идет о сравнении с Отоном, неуместно и упоминать о доблести и благородстве. Его пороки — а кроме них ему хвастать нечем — принесли много вреда государству, даже пока он считался всего только другом императора. Чем заслужил он высшую власть — своими повадками, походкой или тем, что всегда разряжен как женщина? Ошибаются те, кто принимают разнузданность за щедрость: погубить вас он сумеет, обогатить — нет. Постыдные развлечения, пиры да женщины — вот что у него на уме, в них видит он

преимущества верховной власти. Но утех и наслаждения достанутся ему, а стыд и позор — всем. Никто и никогда не использовал во благо власть, добытую преступлением. Гальбу все человечество единодушно провозгласило императором; меня, с вашего согласия, сделал Цезарем Гальба. Если слова „государство“, „сенат“ и „народ“ стали теперь пустым звуком, то лишь вы, соратники мои, можете помешать негодяям сделать императором своего человека. Иногда приходится слышать, что легионы восстают против командиров; ваша же верность, ваша добрая слава остаются незапятнанными до сего дня. Даже Нерон изменил вам, а не вы Нерону.¹⁰⁹ Можно ли допустить, чтобы два-три десятка перебежчиков и дезертиров, которым никто не давал права выбирать себе центурионов и трибунов, распоряжались судьбами империи? Что же, вы последуете их примеру и, потворствуя преступлению, сами окажетесь его соучастниками? Беспорядки перекинутся в провинции, и если преступления, происходящие сегодня, направлены против нас, то в завтрашних войнах умирать придется вам. Убив принцепса, вы выиграете не больше, чем сохранив верность своему долгу, и мы заплатим вам за преданность столько же, сколько другие за злодеяние».

31. Старшие солдаты дежурной когорты были разосланы еще раньше, остальные же выслушали оратора не без сочувствия и немедленно построились в боевой порядок. Как обычно бывает во время волнений, они действовали без всякого обдуманного замысла и скорее по воле случая, чем из вероломства и лицемерия, как стали считать позже. Не только Пизон был отправлен к солдатам; Мария Цельза послали к легионерам, выведенным в свое время из Иллирии¹¹⁰ и расквартированным в Випсаниевом портике,¹¹¹ а примипляриям,¹¹² Амулию Серену и Домицию Сабину, велели привести подразделения германской армии,¹¹³ стоявшие в Атриуме Свободы. Легиону морской пехоты не было оказано подобного доверия: здесь солдаты были настроены против Гальбы, ибо помнили, что он, входя в город, перебил столько их товарищей. В то же время трибуны Цетрий Север, Субрий Декстер и Помпей Лонгин отправились в преторианский лагерь, чтобы попытаться разумными советами успокоить едва начавшийся и еще по-настоящему не развернувшийся бунт. В лагере преторианцы напали на трибунов и разоружили их. При этом Субрию и Цетрию они лишь угрожали, у Лонгина же отняли оружие силой, ибо он был назначен трибуном не в порядке очередности, а по дружбе с Гальбой, был предан своему принцепсу и тем самым особенно подозрителен мятежникам. Легион морской пехоты¹¹⁴ без промедления присоединился к преторианцам. Иллирийские войска прогнали Цельза, угрожая ему дротами. Германские отряды, сильно утомленные, но довольные своим положением, долго колебались: в свое время Нерон, собираясь ехать в Александрию, послал их вперед и затем вернул; долгое путешествие по морю измучило их, и Гальба не жалел денег на их лечение и отдых.

32. Чернь со всего города, смешавшись с рабами, уже заполняла Палатин и нестройными возгласами, словно требуя нового зрелища в театре или цирке, призывала убить Отона и покончить с заговором. В криках их не было ничего серьезного и искреннего: еще не кончился день, а они с равным пылом уже требовали вещей противоположных; просто по традиции принято лстыть каждому принцепсу, приветствуя его до неприличия громкими и развязными возгласами и выказывая ему преданность, на деле ни к чему не обязывающую.

Между тем Гальба все не мог решить, какому совету последовать. Тит Виний считал, что нужно оставаться во дворце, выставить стражу из рабов, укрепить все подступы и не выходить к охваченным яростью мятежникам. Он убеждал Гальбу дать виновным время раскаяться, а честным людям — сплотиться. Преступлению, говорил он, нужна внезапность, доброму делу — время; выйти из дворца, если понадобится, можно и позже, а вот можем ли мы в случае неудачи возвратиться, зависит уже не от нас.

33. Остальные полагали, что следует действовать быстро, пока заговор, до сей поры бессильный, не разросся. Кроме того, утверждали они, Отон, тайком ушедший из храма и увиденный в лагерь, где никто его не ожидал, будет еще некоторое время чувствовать себя неуверенно; если же мы станем медлить и терять время в бездействии, то он успеет научиться вести себя как принцепс. Нельзя дожидаться, пока он, договорившись в лагере с преторианцами, на глазах у Гальбы взойдет на Капитолий, в то время как наш великий полководец со своими доблестными друзьями будет сидеть запершись во дворце, спокойно взирая на все происходящее и готовясь мужественно перенести осаду. Славную помощь окажут нам рабы, если ослабеет единодушие, владеющее собравшимися здесь, если — что гораздо важнее — угаснет первый порыв возмущения, их охвативший. Нет спасения в позоре. Если уж должны мы погибнуть, надо идти прямо навстречу опасности: нам это принесет славу, Отону еще больший позор. Когда Виний стал возражать против этого плана, Лакон, подстрекаемый Икелом, бросился на него с угрозами. Их домашние распри неуклонно вели государство к гибели.

34. Гальба не стал более медлить и присоединился к тем, чей план, казалось, сулил больше славы. Сначала, однако, в лагерь преторианцев послали Пизона, рассчитывая, что он скорее добьется успеха, как отпрыск очень знатного рода, человек, лишь недавно вошедший в милость и противник Тита Виния. Трудно сказать, был ли Пизон действительно его врагом или враги Виния хотели в это верить: всегда легче считать, что людьми движет ненависть. Едва Пизон ушел, пополз первый, смутный и ненадежный, слух, будто Отон убит в лагере преторианцев. Как обычно в таких случаях, сколь бы ни была лжива передаваемая новость, нашлись люди, утверждавшие, что они при этом были, видели все своими глазами, и присутствовавшие, кто с радостью, а кто и по легкомыслию, поверили

молве. Многие же считали, что отонианцы, уже замешавшиеся в толпу, пустили и раздувают этот слух, чтобы обмануть Гальбу радостной вестью и выманить его из дворца.

35. При этом известии не только народ и бессмысленная чернь разражаются рукоплесканиями, но даже позабывшие страх и осторожность всадники и сенаторы разбивают двери дворца и устремляются во внутренние покои, стремясь попасть на глаза Гальбе, громко жалуясь, что их опередили и не дали отомстить за нанесенные императору обиды; скопище глупцов, хвастунов, пустословов, в минуту опасности, как оказалось дальше, ни на что не способных решиться. Не понимал никто ничего, судили и рядили все. Наконец, Гальба, убедившись в невозможности установить правду и видя, что все повторяют одно и то же, надел панцирь и сел в носилки: он был стар и слаб и не мог устоять на ногах среди напиравшей на него толпы. Еще во дворце ему встретился телохранитель Юлий Аттик, который, показывая на свой окровавленный меч, крикнул, что убил Отона. «А кто тебе приказал это сделать, друг?», — сказал Гальба, до конца остававшийся беспощадным к солдатскому своеволию, бесстрашным перед лицом опасности, не поддающимся на угодливость и лесть.

36. Между тем преторианцы, остававшиеся в лагере, перестали колебаться; неистовый пыл овладел ими, им показалось мало того, что они пронесли Отона на плечах через весь город и защищали его своими телами: они подняли его на возвышение, на котором среди боевых значков еще недавно стояла золоченая статуя Гальбы, и окружили вымпелами своих отрядов. Ни трибунов, ни центурионов не подпускали к этому месту: солдаты говорили, что командиров надо опасаться в первую голову. Над лагерем стоял гул, и в нем сливались голоса, шум и крики, которыми солдаты подбадривали друг друга. Когда так шумит толпа, состоящая из граждан и черни,¹¹⁵ ее крики не выражают ничего, кроме слабости и раболепия. Здесь было иное: едва завидев кого-нибудь из подходивших солдат, преторианцы хватали их за руки, обнимали, ставили в свои ряды, заставляли повторять слова присяги, расхваливали их императору или императора им. Отон простирали к толпе руки, склонялся перед ней в почтительном поклоне, посылал воздушные поцелуи и, стремясь стать владыкой, вел себя как раб. Когда присягу принес легион морской пехоты в полном составе, он счел, что располагает достаточными силами, и решил воодушевить сразу всю массу солдат, вместо того чтобы и дальше обращаться к каждому поодиночке. Поднявшись на лагерьный вал, он начал так.

37. «Я все еще не могу сказать, друзья и товарищи, кем мне себя считать. Я не решаюсь назвать себя ни частным человеком, раз вы провозгласили меня принцепсом, ни принцепсом, раз государством правит другой. И кем считать вас, тоже будет неизвестно, пока не определится, кто находится в вашем лагере, — враг римского народа или его император.

Разве вы не слышите, как гальбанцы требуют одновременно наказания для меня и казни для вас? Ясно, как день, что и погибнуть, и спастись мы можем только вместе. Милосердие Гальбы нам знакомо; человек, убивший безо всякой причины столько тысяч ни в чем не повинных солдат, наверное, уже поклялся, что покарает меня и уничтожит вас. Ужас охватывает, едва вспомню, как он по трупам въезжал в Рим; то была единственная, одержанная Гальбой победа — убийство на глазах всего города каждого десятого из солдат, поверивших в нового императора и по их же просьбе принятых под его покровительство. Так ознаменовав свое вступление в город, чем он прославил свое дальнейшее правление? Убийством Обультрия Сабина и Корнелия Марцелла в Испании? Бетуя Цилона в Галлии?¹¹⁶ Фонтя Капитона в Германии? Клодия Макра в Африке? Цингония — на дороге в Рим, Турпилиана — в самом Риме, Нимфидия — в преторианском лагере? Где та провинция, где тот воинский лагерь, которые не были бы залиты кровью и обесчещены или, выражаясь его словами, „наставлены на правильный путь“? Ибо то, что для других преступление, по его мнению — целебное средство; исполненный лицемерия, он называет жестокость строгостью, скупость бережливостью, муки и оскорбления, которым вас подвергают, — дисциплиной. Со смерти Нерона прошло семь месяцев, а награбленное Икелом уже превосходит все, о чем поликлиты,¹¹⁷ ватинии¹¹⁸ и тигеллины лишь смели мечтать. Если бы Тит Виний правил один, он не был бы так жаден и не вел бы себя так распушенно; теперь же он помыкает нами, словно подданными, и презирает, словно чужеземцев. Одного его состояния хватило бы на те денежные подарки, которых вам ни разу не дали и которыми вас каждый день попрекают.

38. «Не приходится надеяться и на преемника императора. Гальба вызвал из ссылки человека, которого считал равным себе по озлобленности и скупости. Вы сами видели, друзья, какую непогоду наслали на нас боги, недовольные этим выбором. То же недовольство владеет сенатом и римским народом. Ваша доблесть — их единственная надежда; опираясь на нее, честные люди ощущают свою силу, лишенный вашей поддержки, даже самый выдающийся человек не может ничего сделать. Я веду вас не в бой, не на опасности — все солдаты, владеющие оружием, с нами. Облаченные в тоги бойцы единственной когорты, составляющей парадный конвой Гальбы, не столько охраняют его, сколько держат под стражей. Едва они завидят вас, едва получают от меня пароль, как станут бороться друг с другом за мое расположение, — никакой другой битвы и не будет. Медлить в задуманном нами деле нельзя, надо победить, и лишь тогда мы сможем собой гордиться». Окончив речь, Отон велит открыть арсенал. В мгновение ока, не соблюдая порядка и строя, солдаты разбирают оружие; все смешалось: преторианец хватается за оружие легионера, легионер — преторианца, мелькают щиты и шлемы солдат из вспомогательных войск, не слышно приказов ни центурионов, ни трибунов. Каждый — сам

себе командир, каждый сам себя подгоняет, и скорбь честных людей больше всего раззадоривает негодяев.

39. Уже Пизон, напуганный нарастающим грохотом восстания и доносившимися к нему со всех сторон криками, вернулся к Гальбе, который успел тем временем выйти из дворца и приближался к Форуму; уже принес неутешительные вести императору Марий Цельз, а окружавшие Гальбу все еще не могли решить, что делать: одни советовали вернуться на Палатин, другие — попытаться захватить Капитолий,¹¹⁹ большинство — занять ростры.¹²⁰ Как бывает обычно, когда советы дают люди, охваченные горем и смятением, многие настаивали на своем только из духа противоречия, и лучшими казались те меры, время для которых было уже упущено. Говорят, что Лакон тайком от Гальбы начал подстранивать убийство Тита Виния, — может быть, он надеялся смягчить солдат, если Виний понесет заслуженную кару, или считал его сообщником Отона, то ли, наконец, был движим личной к нему ненавистью. Гальба по-прежнему не мог остановиться на каком-либо решении: поздний час, непривычная обстановка, боязнь, что резня, раз начавшись, окончательно лишит его контроля над положением, лишь способствовали его неуверенности. Бесперывно прибывали перепуганные гонцы, приближенные императора разбегались, на глазах ослабевал пыл даже тех, кто сначала был полон бодрой уверенности и выказывал твердость духа.

40. Под напором мечущейся толпы Гальбу кидало от одной базилики¹²¹ к другой, от одного храма к другому, и зрелище, которое открывалось перед переполнявшими их людьми, вселяло ужас. И зажиточные граждане, и бедняки, с растерянными лицами, не произнося ни слова, напряженно прислушивались. Шума не было, но не было и спокойствия, — царило молчание, какое обычно сопутствует великому страху и великому гжеву. Тем не менее Отону доложили, будто чернь вооружается. Он приказывает немедленно выступить и предупредить опасность. И вот римские солдаты, словно бы они спешили изгнать Вологеца или Пакора с древнего престола Аршакидов,¹²² а не убить своего старого и безоружного императора, разбрасывают толпу, отталкивают сенаторов и, потрясая оружием, на всем скаку¹²³ врываются на Форум. Ни вид Капитолия, ни грозно высящиеся со всех сторон храмы, ни уважение к принципсам, бывшим и будущим, не в силах остановить их.

41. Завидев приближающихся вооруженных преторианцев, знаменосец отряда, охранявшего Гальбу (говорят, это был Атилиий Вергилион), сорвал с древка изображение императора¹²⁴ и бросил его на землю. Это значило, что армия целиком перешла на сторону Отона; Форум мгновенно опустел; народ разбежался; преторианцы с дротами в руках преследовали тех, кто замешкался. Носильщики императора дрожали от страха — возле бассейна Курция¹²⁵ Гальба вывалился из носилок и покатылся по земле. Последние слова Гальбы передают по-разному те, кто ненавидел его, и те, кто им восхищался. Одни утверждают, что он молил объяснить, в чем

его вина, и просил даровать ему несколько дней жизни, дабы успеть раздать солдатам деньги. Большинство же рассказывает, что он сам подставил убийцам горло со словами: «Делайте, что задумали, и убейте меня, если так нужно для государства». Впрочем, убийцам было все равно, что он говорит. Кто именно убил его, в точности неизвестно. Одни называют ветерана Теренция, другие — Лекания; чаще же всего приходится слышать, что меч в горло Гальбы погрузил солдат пятнадцатого легиона¹²⁶ Камурий. Остальные изрезали ему ноги и руки (ибо грудь принцепса была закрыта панцирем) и, движимые дикой злобой, нанесли еще множество ран уже мертвому обезображенному телу.

42. Затем солдаты набросились на Тита Виния. И тут тоже в точности неизвестно, действительно ли у него от испуга перехватило горло или он успел крикнуть, что Отон не велел его убивать. Последнее он мог придумать со страха, но не исключено, что тем самым он признал свою причастность к заговору. Жизнь его, да и вся его дурная слава делают очень вероятным, что он был соучастником того самого заговора, который и возник-то из ненависти к нему. Он упал возле храма божественному Юлию¹²⁷ от первого же удара, который пришелся ему под колено, и тут же легионер Юлий Кар пронзил его насквозь.

43. В тот день мы стали свидетелями доблестного поведения замечательного человека — Семпрония Денса. Это был центурион когорты, которой Гальба поручил охранять Пизона. С одним кинжалом выбежал он навстречу нападавшим, вооруженным с головы до ног, стал поносить мятежников, отвлекая на себя убийц то голосом, то жестами, и дал-таки Пизону, хотя и раненому, возможность бежать. Пизон пробрался в храм Весте,¹²⁸ где сторож, государственный раб, из сострадания принял его и скрыл в своей каморке. Только уединенность этого места, а не почтение, внушаемое религией, не святость храма позволили Пизону хоть немного отсрочить надвигавшуюся на него гибель. Он все еще прятался там, когда в храм явились служивший в британских когортах Сульпиций Флор, лишь недавно получивший из рук Гальбы римское гражданство, и один из телохранителей — Стаций Мурк. Отон дал им особый приказ убить Пизона, и они рвались исполнить порученное дело. Они вытащили Пизона из того места, где он скрывался, и убили его на пороге храма.

44. Рассказывают, что ни одно убийство не доставило Отону столько удовольствия и ни одну голову он не рассматривал с такой жадностью, — оттого ли, что только теперь он смог вздохнуть свободно и впервые стал ощущать настоящую радость, а может быть, воспоминания о величии Гальбы, о дружбе с Титом Винием все же омрачали его безжалостную душу, тогда как радоваться смерти Пизона — врага и соперника — казалось ему справедливым и естественным. На высоко поднятых пиках, рядом с орлом легиона, проносили окруженные боевыми значками головы убитых; тот, кто действительно убивал, и тот, кто лишь при этом присутствовал, тот, кто говорил правду, и тот, кто лгал, наперебой показы-

вали измазанные кровью руки и похвалялись своими преступлениями, словно прекрасными и достопамятными подвигами. Позже Вителлий обнаружил больше ста двадцати ходатайств о вознаграждении за услуги, оказанные в этот день; он приказал разыскать и казнить всех, кто подавал эти ходатайства, не из уважения к памяти Гальбы, а чтобы, внушив страх современникам, обезопасить самого себя от повторения подобных заговоров и подать пример своим преемникам на случай, если и его постигнет та же участь.

45. И сенат, и народ как будто подменили: отталкивая друг друга и обгоняя тех, кто забежал вперед, все бросились в лагерь преторианцев, поносили Гальбу, прославляли мудрость солдат, целовали Отону руки и тем громче выражали свою преданность, чем лицемернее она была. Отон принимал благосклонно всех и каждого, солдат же сдерживал голосом и выражением лица, не давая их алчности и жестокости вырваться наружу. Они требовали казни кандидата в консулы Мария Цельза, друга Гальбы, до конца остававшегося ему верным, и ярость их вызывали именно энергия Цельза и его безукоризненная честность, словно то были худшие человеческие свойства. Было ясно, что они хотят истребить всех лучших людей и только ждут момента начать грабежи и убийства. Власть Отона пока еще не была настолько полной, чтобы он имел возможность запретить злодеяния, но уже была достаточной, чтобы он мог отдавать приказания. Он притворился разгневанным, велел заковать Цельза в кандалы и под тем предлогом, что хочет придумать для него наиболее мучительную казнь, спас его от немедленной гибели.

46. С этого времени все делалось по произволу преторианцев. Даже префектов они стали выбирать себе сами, — сначала Плотия Фирма, некогда служившего в телохранителях, позже командовавшего отрядами городской стражи и перешедшего на сторону Отона, когда вся власть была еще в руках Гальбы, затем — Лициния Прокула, который, будучи близким другом Отона, вероятно, содействовал его замыслам. Префектом города сделали Флавия Сабина, идя в этом по стопам Нерона, при котором Сабин занимал ту же должность; многие помогали этому избранию еще и потому, что за спиной Сабина, как они считали, стоял его брат Веспасиан. Солдаты требовали отменить плату за предоставление отпусков, по традиции взимавшуюся центурионами и превратившуюся для рядовых в ежегодную подать. Никак не меньше четвертой части солдат каждой манипулы, уплатив центуриону определенную сумму денег, постоянно уходили с его разрешения в город или слонялись без дела по лагерю. В состоянии ли солдаты внести такую сумму, откуда они ее достанут — никого не интересовало, и им приходилось, чтобы оплатить свое право на безделье, заниматься разбоем или выполнять унизительные работы, обычно поручаемые рабам. Солдат же, имевших свои деньги, центурионы до тех пор преследовали и донимали нарядами, пока те не соглашались заплатить за отпуск. Когда эти люди, в прошлом зажиточные и

трудолюбивые, возвращались в свой манипул, растратив все деньги, привыкнув к безделью, развращенные нищетой и распутством, они жадно искали возможности ввязаться в заговоры, распри и даже в гражданскую войну. Отон понимал, однако, что, удовлетворивши требования солдат, он рискует настроить против себя центурионов, и поэтому обещал ежегодно выплачивать деньги за отпуска из своей казны, — мера бесспорно правильная и которую впоследствии лучшие из принцепсов превратили постепенно в постоянный обычай. Префект претория Лагон был для вида сослан на один из островов, но по дороге перехвачен и убит ветераном, которого Отон нарочно послал вперед с этой целью. Марциана Икела, как вольноотпущенника, казнили всенародно.

47. Но всего ужаснее были изъявления радости, которыми завершился этот переполненный преступлениями день. Городской претор¹²⁹ созывает сенат. Магистраты соревнуются в пресмыкательстве. Сбегаются сенаторы. Отону присваивают полномочия трибуна, звание Августа¹³⁰ и все знаки почета, подобающие принцепсу. Каждый из всех сил старается, чтобы Отон забыл поношения и ругательства, еще так недавно раздававшиеся по его адресу. Никто не подозревал, что всем этим оскорблениям, даже высказанным вскользь и случайно, он вел в душе счет; действительно ли он предал их забвению или только на время отложил месть за них, решить нельзя из-за кратковременности его правления. Отону повели на Капитолий, оттуда на Паладин. Проходя через все еще залитый кровью Форум, где кучами валялись трупы, он разрешил выдать тела убитых родным для совершения похоронного обряда и предания огню. Пизона хоронили его жена Верания и брат Скрибониан, Тита Виния — дочь Криспина. Головы погибших пришлось разыскивать и выкупать у убийц, нарочно спрятавших их, чтобы потом продать.

48. Пизон погиб, не достигнув и тридцати одного года, прожив жизнь, скорее достойную, нежели счастливую. Два его брата были казнены: Магн — императором Клавдием, Красс — Нероном.¹³¹ Сам он долго был изгнанником и четыре дня Цезарем. После того как Гальба столь поспешно его усыновил, он оказался вознесенным над старшим своим братом лишь затем, чтобы погибнуть раньше него. Тит Виний прожил пятьдесят семь лет и на своем веку повидал многое. Его отец происходил из преторской семьи, дед по матери числился в проскрипционных списках. В самом начале военной службы он опозорился: жена легата Кальвизия Сабина,¹³² под начальством которого Виний тогда состоял, загорелась грязным желанием во что бы то ни стало посмотреть, как устроен военный лагерь; она сумела пробраться туда ночью, переодевшись солдатом, при помощи этого же постыдного маскарада выведала у ночной стражи и дежурных все, что ей было надо, и, наконец, обнаглела до того, что стала заниматься любовью на главной площади лагеря. В преступлении этом обвинили Тита Виния. По приказу Гая Цезаря его заковали в кандалы, но вскоре времена изменились, Виния выпустили, и он стал беспрепят-

ственно продвигаться по службе: после претуры был назначен командовать легионом и снискал на этом посту одобрение и похвалы. Вскоре на него пало новое обвинение, на этот раз в проступке, достойном разве что раба: говорили, что он на пиру у Клавдия украл золотой кубок, и Клавдий на следующий день приказал подать ему — единственному из всех присутствовавших — глиняную чашу. Однако, став проконсулом Нарбоннской Галлии, он управлял порученной провинцией с суровой и неподкупной честностью, пока дружба с Гальбой не погубила его.¹³³ Человек наглый, горячий и ловкий, он мог быть в равной мере легкомысленным и дельным в зависимости от цели, которую в данный момент преследовал. Наследникам своим Виний оставил такие огромные суммы, что завещание его было объявлено незаконным. Что же касается Пизона, то нищета его подтверждала полную законность всех его посмертных распоряжений.

49. Тело Гальбы, долго валявшееся без присмотра, а после наступления ночи снова подвергшееся надругательствам, взял, наконец, и схоронил в своем саду, в скромной могиле, диспенсатор Аргий — один из приближенных рабов погибшего императора.¹³⁴ Голову, которую лагерные маркизанты и обозные слуги успели тем временем истыкать гвоздями и окончательно изуродовать, удалось найти лишь на следующий день возле могилы Патробия, вольноотпущенника Нерона, казненного Гальбой;¹³⁵ ее сожгли и пепел смешали с прахом, оставшимся от ранее кремированного тела. Таков был конец Сервия Гальбы. За свои 73 года он благополучно пережил пятерых государей и при чужом правлении был счастливей, чем при своем собственном. Семья его принадлежала к древней знати и славилась своими богатствами. Его самого нельзя было назвать ни дурным, ни хорошим; он скорее был лишен пороков, чем обладал достоинствами; безразличен к славе не был, но и не гонялся за ней; чужих денег не искал, со своими был бережлив, на государственные скуп. Если среди его друзей или вольноотпущенников случались люди хорошие, он был к ним снисходителен и не перечил ни в чем, но зато и дурным людям прощал все самым недопустимым образом. Тем не менее все принимали его слабость и нерешительность за мудрость, — отчасти благодаря знатности его происхождения, отчасти же из страха, который в те времена владел каждым. В расцвете лет и сил он снискал себе громкую воинскую славу в германских провинциях, проконсулом умеренно и осторожно управлял Африкой, уже стариком заставил Тарраконскую Испанию уважать законы Рима.¹³⁶ Когда он был частным лицом, все считали его достойным большего и полагали, что он способен стать императором, пока он им не сделался.

50. Город еще не пришел в себя от только что пережитых ужасов, от страха, охватывавшего каждого при мысли о характере Отона, когда на него обрушилась весть об измене Вителлия. Пока Гальба был жив, этой новости не давали распространиться и представляли дело так, что мятеж захватил лишь войска, сосредоточенные в Верхней Германии. Теперь же не только сенаторы и всадники, которые принимали к сердцу дела госу-

дарства и стремились сыграть в них свою роль,¹³⁷ но даже и простой народ стал открыто сетовать, что судьба как бы нарочно выбрала из всех смертных двух самых бесстыдных, самых слабых и беспутных людей, дабы они верней погубили отечество. Люди уже не ждали ничего похожего на события недавнего времени — ужасного, но все же мирного. В их памяти вставали гражданские войны, Рим, вновь и вновь склоняющийся перед нашими же войсками, опустошенная Италия, разграбленные провинции, названия мест, напоминающие нам о наших бедах и поражениях, — Фарсалия и Мутина, Филиппы и Перузия.¹³⁸ Даже когда достойные люди боролись за принципат, рассуждали они, и то весь мир едва не погиб, но при победе Гая Юлия или Цезаря Августа власть императора все равно сохранялась, республика бы все равно осталась, взял бы верх Помпей или Брут. А теперь за кого молить богов — за Отона, за Вителлия? Молитвы за того и другого равно нечестивы, просьба о помощи тому или другому будет с равным негодованием отвергнута богами. Если же и разразится между ними война, все равно победитель будет хуже побежденного. Кое-кто предсказывал, что скоро выступит Веспасиан и восстанут войска на востоке. Хотя Веспасиан и был лучше тех двоих, все страшилось новой войны и новых несчастий; да и слава, которая шла о Веспасиане, была не слишком доброй. Из всех римских государей он был единственным, кто, ставши принцепсом, изменился к лучшему.

51. Теперь, я полагаю, следует рассказать о том, как началось восстание Вителлия и какие причины его вызвали. Уничтожив Юлия Виндекса и его войска, германские легионы, без всякого труда и не подвергаясь опасностям, получили такие трофеи и такие почести, какие обычно достаются солдатам лишь в результате большой победоносной кампании. Они поэтому были полны боевого пыла, жаждали и дальше пользоваться плодами войны и грабежа, вместо того чтобы получать свое обычное жалованье. Уже в течение долгого времени служба не приносила им никаких доходов; солдаты все больше тяготились и местом службы, и здешним климатом, и воинской дисциплиной — столь неумолимой в мирное время и всегда ослабляющейся при внутренних распрях, когда обе стороны стремятся подкупить легионеров, а измена сходит с рук безнаказанно. В германских армиях было вдоволь людей, вооружения, коней; они были готовы к войне — и к той, что полезна государству, и к той, что может принести ему один лишь позор. Кроме того, до последнего похода люди знали только свою центурию или свой эскадрон,¹³⁹ а каждая армия была сосредоточена в своей провинции. На подавление восстания Виндекса были стянуты легионы из нескольких провинций; солдаты узнали друг друга, узнали галлов, в которых они теперь уже видели не союзников, как прежде, а побежденных врагов, и стали стремиться к новым походам, к новым распрям. Галльские племена, жившие по Рейну,¹⁴⁰ тоже жаждали перемен и больше всех старались пробудить ненависть к «гальбанцам»; в это новое прозвище они вкладывали теперь всю ненависть и презрение,

которые связывались у них прежде с именем Виндекса. Прирейнские галлы люто ненавидели секванов, эдуев и их союзников¹⁴¹ и с жадностью мечтали захватить их укрепленные поселения, уничтожить их посевы, разорить их дома. Последние тоже делали все, чтобы возбудить к себе ненависть: они не только были жадны и вели себя нагло, как это обычно бывает с богачами, но и оскорбляли других галлов, а армию презирали на том основании, что Гальба одарил их,¹⁴² освободил от четвертой части податей и обращался как с суверенным народом. В то же время в войсках ловко распускались слухи о том, что легионы будут подвергнуты децимации, что наиболее популярные центурионы будут уволены, а солдаты по легкомыслию верили этим сплетням. Отовсюду ползли мрачные вести, рассказывали об ужасах, которые происходят в Риме, Лугдунская колония, враждебная новому принцепсу и упорно сохранявшая верность Нерону, кишела слухами.¹⁴³ Однако больше всего выдумывали небылиц и охотнее всего им верили в самих лагерях. Тут царили ненависть и страх, сменявшиеся всякий раз, когда солдаты убеждались в своей силе, уверенностью в собственной безнаказанности.

52. Под самые декабрьские календы в зимние лагеря нижегерманских легионов прибыл Авл Вителлий. Он стал внимательно разбираться в положении, которое здесь создалось: вернул многим их прежние должности, сделал наказания менее унижительными, смягчил взыскания. Движимый в большинстве случаев желанием добиться популярности, но иногда и из чувства справедливости, он беспристрастно распределил воинские должности, отменив назначения, которые Фонтей Капитон произвел за деньги или по грязным соображениям. Ничто здесь в сущности не выходило за пределы мер, которые обязан принимать консульский легат, но многие усматривали в них нечто большее. Перед людьми строгими и суровыми Вителлий заискивал, а среди своих сторонников слыл человеком славным и добродушным, потому что безрассудно и не считая раздавал и свои, и чужие деньги; войска так стосковались по настоящей власти,¹⁴⁴ что принимали за достоинства и самые его пороки. В обеих армиях было много людей скромных и спокойных, но немало дурных и необузданных. Однако особой алчностью и редкой дерзостью отличались легаты легионов Алиен Цецина и Фабий Валент.¹⁴⁵ Валент ненавидел Гальбу, так как считал, будто именно он, Валент, разоблачил в свое время тактику сознательных проволок, проводившуюся Вергинием,¹⁴⁶ будто он же подавил в зародыше заговор Капитона, а император недостаточно вознаградил его. Поэтому он принялся подстрекать Вителлия к мятежу, всячески расхваливая ему боевой дух солдат. По его словам выходило, что нет места, где не гремела бы слава Вителлия, что Гордеоний Флакк не сможет ему помешать, что Британия поддержит его, а вслед за ней поднимутся и вспомогательные войска в Германии, что провинции ненадежны, власть старика колеблется и скоро рухнет. Пусть же Вителлий раскроет объятия и дары судьбы сами свалются ему в руки: вполне естественно, что Вергиний,

родом из всадников, сын никому неведомого отца, колебался принять власть, которая была ему не по плечу, и предпочитал ради собственной безопасности от нее уклониться. Таков ли Вителлий? Троекратное консульство отца, должности, которые он занимал совместно с принцепсом, — все это издавна уже облекло его императорским достоинством и заставляет ныне отказаться от спокойной жизни частного человека.

Вителлий был слаб духом, подобные разговоры сильно действовали на него, и под их влиянием он стал стремиться к таким целям, достичь которых ранее и не надеялся.

53. В Верхней Германии любовью солдат пользовался Цецина. Молодой, красивый, статный, непомерно честолюбивый, он сумел завоевать их расположение ловкими речами и простотой обращения. Раньше он был квестором в Бетике¹⁴⁷ и сразу же перешел на сторону Гальбы, который назначил его командиром легиона. Вскоре обнаружилось, что он растратил казенные деньги, и император приказал отдать его под суд по обвинению в казнокрадстве. Цецина, сочтя себя обиженным, решил вызвать смуту в государстве, с тем чтобы общественные бедствия отвлекли внимание от его личных обид. Настроения легионов давали для этого все возможности: верхнегерманская армия в полном составе участвовала в войне против Виндекса; если бы не смерть Нерона, она так и не перешла бы на сторону Гальбы; к тому же и в этом ее опередили войска Нижней Германии, успевшие первыми принести присягу новому императору. Тревиры, лингоны и люди из других племен,¹⁴⁸ которых Гальба лишил части земель и угнетал своими суровыми распоряжениями, постоянно встречались с легионерами, стоявшими в зимних лагерях. Здесь возникали мятежные разговоры, дисциплина падала, как всегда бывает, когда солдаты живут среди местного населения, и любовь их к Вергинию могла быть использована кем угодно другим.

54. Племя лингонов прислало римскому войску изображение двух соединенных правых рук — подарок, издавна служивший символом гостеприимства и дружбы. Принесшие его послы, в траурных одеждах и с удрученным видом, появлялись на лагерной площади и в палатках, жаловались на перенесенные обиды, на то, что милости достались не им, а соседним племенам. Видя, что солдаты охотно к ним прислушиваются, послы стали заводить разговоры и о положении в самой римской армии — об опасностях, ее окружающих, об обидах, которые ей приходится терпеть, сея в войсках возбуждение и ярость. Восстание готово было разразиться, когда Гордеоний Флакк приказал послам вернуться домой и, чтобы привлечь к ним возможно меньше внимания, велел им покинуть лагерь ночью. Это породило множество домыслов, один ужаснее другого; большинство утверждало, что послы убиты и что так же, под покровом темноты и тайком от остальных, будут убиты и лучшие из солдат, жаловавшиеся на теперешнее состояние армии, если только они сами о себе не позаботятся. Легионы сплотились в тайном союзе, к которому вскоре

примкнули и вспомогательные отряды. На первых порах эти отряды казались солдатам подозрительными: в пешем и конном строю они окружали легионы и, казалось, вот-вот готовы были обрушиться на них.¹⁴⁹ Вскоре, однако, обнаружилось, что и они стремятся к той же цели, но с еще большей яростью и энергией: дурным людям всегда легче объединиться для войны, чем в интересах мира и спокойствия.

55. Так или иначе, нижегерманским легионам, как каждый год, было приказано принести в январские календы присягу Гальбе.¹⁵⁰ Церемония проходила вяло; среди центурионов лишь немногие произносили слова присяги, остальные молчали, выжидая, что станет делать кто-нибудь посмелее, — таково уж свойство нашей природы: человек всегда спешит примкнуть к другим, но медлит выступить первым. Впрочем, настроения легионов были весьма различны. В первом и пятом деле дошло до того, что в изображения Гальбы стали кидать камнями. В пятнадцатом и шестнадцатом солдаты не позволяли себе ничего, кроме ропота и угроз; они посматривали на другие легионы, ожидая, что восстание начнется там. В Верхней Германии четвертый и двадцать второй легионы, занимавшие один и тот же лагерь, в самый день январских календ разбили изображения Гальбы.¹⁵¹ Четвертый легион выступил более решительно, а двадцать второй поначалу медлил, но вскоре они договорились. Чтобы создать впечатление, будто они сохраняют верность государству, солдаты прибавили к присяге всеми уже забытые слова о сенате и римском народе.¹⁵² Из легатов и трибунов никто не выступил в защиту Гальбы; некоторые, как обычно бывает во время беспорядков, даже сами подстрекали к восстанию. До сих пор, однако, никто не решился собрать солдат на сходку и обратиться к ним с трибуны: не было еще человека, от которого можно было бы ожидать за это награды.

56. Консульский легат Гордеоний Флакк не решался ни обуздать самых отчаянных, ни предостеречь колеблющихся, ни поддержать лучших. Вялый, бледный, он взирал на весь этот позор, не принимая в нем участия лишь потому, что был слишком труслив даже и для этого. Центурионы двадцать второго легиона Ноний Рецепт, Донатий Валент, Ромилий Марцелл и Кальпурний Репентин пытались защитить изображение Гальбы, но солдаты силой оттащили их и связали. Кроме них, никто и не вспомнил о принесенной прежде присяге; как обычно во время восстания, все переметнулось на сторону большинства. В ночь после январских календ в Агриппинову колонию¹⁵³ к Вителлию, который в это время ужинал, явился знаменосец четвертого легиона и сообщил ему, что четвертый и двадцать второй легионы сбросили изображения Гальбы и поклялись в верности сенату и римскому народу. Все понимали, что клятва эта не имеет серьезного значения, и надо было лишь не упустить благоприятный момент выдвинуть нового принцепса. Вителлий разослал в легионы и к легатам гонцов, которые объявили, что войска Верхней Германии покинули Гальбу, что надо либо двигаться против них, либо

в интересах мира и согласия провозгласить своего императора и что подержать уже имеющегося кандидата будет менее рискованно, чем искать нового.

57. На следующий день Фабий Валент, самый решительный и смелый из легатов, вступил в Агриппинову колонию во главе конных подразделений и вспомогательных войск первого легиона, чьи зимние лагеря находились ближе всего к городу, и приветствовал Вителлия как императора. За ним, соревнуясь друг с другом, бросились и остальные легионы этой провинции. Верхнегерманская армия, позабыв и про сенат, и про римский народ, примкнула к Вителлию на третий день после январских нон,¹⁵⁴ доказав тем самым, что и за два дня до этого она уже была неверна государству. Жители колонии, лингоны, тревиры ни в чем не отставали от армии и наперебой предлагали людей, коней, оружие и деньги, смотря по тому, чего у каждого было больше — сил, богатств или воодушевления. Не только знатные люди в колонии и офицеры в лагерях, которые и так были богаты, а в случае победы рассчитывали разбогатеть еще больше, но даже простые солдаты целыми манипулами и поодиночке вносили свои сбережения, а если денег не было, отдавали нагрудные бляхи, изукрашенные портупей, серебряные застёжки, — то ли в порыве восторга, то ли по расчету.

58. Воздав солдатам должное за их рвение, Вителлий назначил всадников на дворцовые должности, прежде поручавшиеся вольноотпущенникам,¹⁵⁵ из своей казны выплатил центурионам деньги, которые они получали за предоставление отпусков рядовым, удовлетворил большинство требований о смертной казни наиболее ненавистных командиров и лишь некоторых из них посадил в тюрьму для вида, обманув таким образом разъяренных солдат. Помпей Пропинкв, прокуратор Белгики, был убит сразу же. Префекта германского флота¹⁵⁶ Юлия Бурдона Вителлий спас, пустившись на хитрость. В армии Бурдона ненавидели, так как считали, что он оклеветал Фонтя Капитона и подстроил его гибель. Войска хранили о Капитоне светлую память, и Вителлию теперь оставалось выбрать только одно из двух: либо, если он хотел действовать открыто, убить Бурдона в угоду рассвирепевшим солдатам, либо, если он хотел простить его, — прибегнуть к обману. Поэтому он заключил Бурдона под стражу и выпустил его лишь после своей победы, когда гнев солдат уже улегся. Пока что в качестве искупительной жертвы на смерть выдали центуриона Криспина: он своими руками убил Капитона, солдаты именно его считали наиболее виновным, да и Вителлию он был отвратителен.

59. Избежал грозившей ему опасности также и Юлий Цивилис: он пользовался большим влиянием на батавов, и казнь его могла бы восстанавить против Вителлия это воинственное племя.¹⁵⁷ К тому же восемь батавских когорт находились в это время в землях племени лингонов; они образовывали вспомогательные силы четырнадцатого легиона, отбились от него во время последних неурядиц, и было очень важно, как они

себя поведут — дружественно или враждебно. Упомянутых мной выше центурионов Нония, Донатия, Ромилия и Кальпурния Вителлий приказал умертвить как повинных в верности своему долгу — самом тяжком преступлении в глазах изменников. На сторону мятежников перешли легат провинции Белгики Валерий Азиатик, которого Вителлий вскоре избрал себе в зятя,¹⁵⁸ и правитель Лугдунской Галлии Юний Блез, приведший с собой Италийский легион¹⁵⁹ и расквартированную неподалеку от Лугдунума таврианскую конницу.¹⁶⁰ Без колебаний и промедлений присоединились к Вителлию войска, расположенные в Реции и даже в Британии.

60. Здесь командовал Требеллий Максим, которого войска презирали и ненавидели за скарედность и подлость.¹⁶¹ Ненависть эту разжигал Росций Целий, легат двадцатого легиона, издавна мятежно настроенный, а теперь, в обстановке распрей и междоусобиц, совсем распоясавшийся. Требеллий упрекал Целия за неподчинение приказам и упадок дисциплины, а Целий обвинял Требеллия в том, что он ободрал легионеров и довел их до нищеты.¹⁶² Отвратительные дразги между легатами разлагали дисциплину в армии. Дело дошло до того, что Требеллий, покинутый и когортами, и конными отрядами, перешедшими на сторону Целия, осыпавший насмешками и бранью солдат и союзников, был выгнан из лагеря и бежал к Вителлию. Несмотря на отсутствие консулярия, провинция оставалась спокойной — легаты легионов управляли ею на равных правах, но Целий, самый наглый из всех, пользовался наибольшей властью.

61. После того как к нему присоединилась британская армия,¹⁶³ Вителлий, располагавший теперь несметными силами и богатствами, решил начать войну, действуя по двум направлениям и поручив ведение ее двум полководцам. Фабию Валенту было велено посулами переманить галльские провинции на сторону восставших, а в случае отказа — опустошить эти земли и через Коттианские Альпы¹⁶⁴ вторгнуться в Италию. Цецина получил приказ двигаться более коротким путем и спуститься в Италию через Пеннинский перевал.¹⁶⁵ Под командование Валента были отданы отдельные подразделения, выбранные из нижегерманской армии, и пятый легион в полном составе, со своим знаменем, когортами и конными отрядами, всего до сорока тысяч солдат. Цецина из Верхней Германии вывел тридцатитысячную армию, ядро которой составлял двадцать первый легион. И тому, и другому были приданы вспомогательные отряды, состоявшие из германцев. Ими же Вителлий пополнил и те части, с которыми намеревался сам следовать за главными силами.

62. Император и армия самым удивительным образом отличались друг от друга. Солдаты настаивают, требуют начать войну немедленно, пока галльские провинции еще трепещут от страха, а испанские медлят; нас не остановят ни зима, ни привычка к мирной жизни, достойная только трусов, кричат они; надо вторгнуться в Италию, занять Рим;

во время гражданских смут самое безопасное — идти вперед, и действовать важнее, чем рассуждать. Вителлий же, как будто оцепенев, не двигался с места. Предвкушая положение принцепса, он проводил время в праздности, роскоши и пирах, среди бела дня появлялся на людях, объевшийся и пьяный. Солдаты, охваченные одушевлением и энергией, действовали за него, и поэтому могло показаться, будто в армии есть настоящий командующий, который людям мужественным внушает надежду на успех, а слабым страх. Войска стояли в полной боевой готовности и требовали приказа о выступлении. Вителлию они тут же присвоили имя Германика — называть себя Цезарем он не разрешал даже и после победы.¹⁶⁶

Когда Фабий Валент уходил со своей армией в поход, ему было счастливое знамение: в самый день выступления в небе появился орел и медленно полетел впереди войска, как бы указывая ему дорогу. Сопровождаемый радостными криками солдат, он долго парил над двигавшейся колонной. Никто не сомневался, что то было предзнаменование великого и блестящего успеха.

63. Армия спокойно вступила на территорию союзных тревиров и остановилась в городе Диводуре,¹⁶⁷ принадлежащем племени медиоматриков.¹⁶⁸ Здесь солдатами, несмотря на оказанный им прекрасный прием, внезапно овладел беспричинный страх, и, похватав оружие, они бросились убивать ни в чем не повинных жителей — не ради добычи, не из желания пограбить, а движимые лишь испугом и яростью. Чем непонятней были причины, вызвавшие резню, тем труднее было их устранить; лишь под влиянием просьб и заклинаний командующего солдаты пришли в себя, и племя удалось спасти от полного истребления. Тем не менее убитых оказалось около четырех тысяч человек. Галльские провинции охватил такой ужас, что целые племена, со старейшинами во главе, выходили навстречу войскам, моля о пощаде, женщины и дети бросались к ногам солдат, делали все, чтобы умиротворить гнев воинов и добиться мира, хотя по существу никакой войны и не было.

64. Весть об убийстве Гальбы и о захвате власти Отоном достигла Фабия Валента, когда он находился в землях племени левков.¹⁶⁹ У солдат, однако, это известие не вызвало ни радости, ни ужаса, — только война была у них на уме. Галльские провинции перестали колебаться — Вителлия и Отона они ненавидели равно, но бояться им приходилось прежде всего Вителлия. Следующим на пути армии было племя лингонов; верных сторонников вителлианской партии. Принятые ими весьма радушно, солдаты соревновались в предупредительности и любезности. Но радость была недолгой: наглость батавских когорт положила ей конец. Как я уже упоминал,¹⁷⁰ они отбили от четырнадцатого легиона и Фабий Валент влил их в свою армию. Между батавами и легионерами начались перебранки, потом стычки, остальные солдаты встали на сторону кто тех, кто других, и дело дошло бы до настоящей битвы, если бы

Валент, наказав нескольких смутьянов, не образумил батавов, забывших было о воинской дисциплине.

Найти повод для войны с эдуями, несмотря на все старания, оказалось невозможно: им было приказано снабдить армию оружием и деньгами — они поставили еще и провиант. Жители Лугдунума сделали то же самое, но не из страха, как эдуи, а с радостью.¹⁷¹ Италийский легион и таврийская конница были выведены из Лугдунума, а в городе решили оставить восемнадцатую когарту,¹⁷² которая и раньше стояла здесь на зимних квартирах. Легат Италийского легиона Манлий Валент, несмотря на свои заслуги перед Вителлием, был встречен им весьма холодно: Фабий успел очернить в глазах Вителлия ничего не подозревавшего легата, которого он в присутствии других всячески расхваливал, чтобы усыпить его бдительность.

65. Между жителями Лугдунума и Виенны¹⁷³ издавна существовала вражда, которую сильно обострила минувшая война.¹⁷⁴ Они нападали друг на друга столь часто и с таким ожесточением, что вряд ли можно было это объяснить одной лишь преданностью Нерону или Гальбе. Разгневанный жителями Лугдунума, Гальба придрался к первому попавшемуся случаю и объявил все их доходы принадлежащими казне; жителей же Виенны, напротив того, осыпал почестями. Это породило зависть, раздоры, и тех, кого разделяла река,¹⁷⁵ связала ненависть. Теперь жители Лугдунума, обращаясь то к одному солдату, то к другому, начали подстрекать их напасть на Виенну. Они говорили, что виеннцы держат Лугдунум в осаде, что они помогали Виндексу в его попытках захватить власть и совсем еще недавно набрали войска для защиты Гальбы. Перечисляя все это, жители Лугдунума в то же время не забывали упомянуть и о богатой добыче, которой солдаты могли бы поживиться в Виенне. Вскоре тайных разговоров с тем или другим солдатом им показалось мало, и они стали обращаться к армии в целом: пусть воины-мстители устремятся на Виенну и уничтожат этот очаг раздоров в Галлии, уничтожат город, где все чуждо и враждебно Риму. Ведь фортуна может еще отвернуться от Вителлия и его воинов, и надо позаботиться о том, чтобы Лугдунум — исконная римская колония,¹⁷⁶ неразрывно связанная с армией, готовая делить с ней горе и радость. — не остался во власти разъяренных недрогов.

66. Подобными речами они довели дело до того, что легаты и даже руководители восстания не могли дольше сдерживать гнев и раздражение, владевшие войсками. Тогда жители Виенны, понимавшие, какая опасность им грозит, вышли навстречу двинувшейся на них армии. Они шли в белых головных повязках, неся впереди перевитые лентами оливковые ветви,¹⁷⁷ и, едва дойдя до первых рядов, бросились обнимать колени легионеров, целовали их ноги, руками отводили оружие. Римляне почувствовали к ним жалость. Валент тут же объявил, что выдает каждому легионеру по триста сестерциев, солдаты немедленно вспомнили, какой

Виенна древний город, сколь почетное место она занимает среди других римских колоний, и благосклонно выслушали речь Фабия, советовавшего оставить город целым и невредимым. Хотя на жителей все же наложили наказание — их лишили права носить оружие, — они тем не менее собрали у частных лиц и в городских житницах большое количество продовольствия и снабдили им войска. Правда, ходили упорные слухи, что Валент был подкуплен и получил большие деньги: прожив так долго в позорной бедности и внезапно разбогатев, он не сумел скрыть, что состояние его изменилось: после многих лет нищеты неумеренно предался наслаждениям и стал под старость сорить деньгами.

Дальнейший путь армии пролегал через земли аллоброгов и воконтиев.¹⁷⁸ Двигалась она медленно, потому что Валент решал, по каким дорогам идти, и определял места стоянок в зависимости от того, сумеют ли владельцы участков и вожди племен от него откупиться, и вступал с ними в самые грязные сделки. В своей непомерной жестокости он до тех пор стоял, например, около Лука,¹⁷⁹ города в земле воконтиев, угрожая его сжечь, пока жители не задобрили его деньгами. Там, где у населения денег не было, милость его приходилось покупать ценой бесчестия девушек и женщин.

Так армия Валента добралась до Альп.

67. Еще большими бесчинствами и кровопролитием был отмечен путь Цецины. Гнев этого взбалмошного человека вызвали гельветы,¹⁸⁰ галльское племя, уже в древности прославившееся воинской доблестью¹⁸¹ и с тех пор с гордостью хранившее честь своего славного имени. Они ничего не слышали об убийстве Гальбы и отказались признать власть Вителлия. Война вспыхнула из-за нетерпения и алчности солдат двадцать первого легиона: они силой захватили деньги, высланные гельветами на сторожевую заставу, где службу несли люди их племени, от них же получавшие и жалованье. Гельветы сочли себя оскорбленными, перехватили письма, которые германская армия направила паннонским легионам, задержали и взяли под стражу центуриона и нескольких солдат. Цецина, жаждавший войны, ухватился за этот повод, чтобы не дать гельветам времени раскаяться, и тут же двинулся отомстить им: лагерь были спешно перенесены ближе к гельветам, их посевы уничтожены, разграблено поселение, привлекавшее своим красивым местоположением и целебными источниками многих приезжих и разросшееся благодаря этому до размеров небольшого города; к расположенным в Реции вспомогательным войскам отправили гонцов с приказом зайти в тыл гельветам, которые были обращены фронтом к двадцать первому легиону.

68. Гельветы были весьма воинственны, пока им ничто не угрожало, но, увидев нависшую над ними опасность, растерялись. В первые дни, полные еще боевого задора, они выбрали себе полководца — Клавдия Севера, но ни распределить обязанности между войсками разного назначения, ни сражаться в правильном строю, ни подчиняться единому коман-

дованию они не умели. Решиться на битву с армией, состоявшей из ветеранов, означало верную гибель; запереться в крепости было тоже небезопасно: стены ее разваливались от старости; с одной стороны — Цецина со свежими войсками, с другой — ретийские легионы¹⁸² со своей пехотой и конницей, поддержанные закаленной и привычной к войне молодежью этой провинции; куда ни погляди — со всех сторон поражение и гибель. Разбежавшись и побросав оружие, измученные гельветы долго метались между легионерами и ретийцами, а затем бежали на Воцетийскую гору,¹⁸³ но были немедленно выбиты оттуда специально посланной фракийской когортой. Они бросились в леса, но германцы и ретийцы преследовали их там и убивали, в каких бы тайниках те ни скрывались. Много тысяч людей было убито, много тысяч продано в рабство. Когда, уничтожив здесь все и всех, армия в боевом строю подошла к столице гельветов Авентуку,¹⁸⁴ город выслаз парламентаров. Они сообщили, что город сдается на милость победителя, и капитуляция была принята. Цецина наказал Юлия Альпина как зачинщика войны, а остальных предоставил милосердию — или жестокости — Вителлия.

69. Нелегко сказать, кто встретил послов гельветов более враждебно — полководец или легионеры. Солдаты грозили им кулаками, замахивались дротами, требовали уничтожить город, да и Вителлий осыпал их оскорблениями и угрозами. Смягчить солдат удалось лишь Клавдию Коссу, одному из послов. Выдающийся оратор, он сумел замаскировать свое искусное красноречие притворным страхом, отчего его слова произвели еще большее впечатление. Толпа, всегда подверженная внезапным переменам настроения, стала настаивать на помиловании жителей столь же рьяно, как только что требовала их истребления, посылались рыдания, каждый предлагал обойтись с побежденными возможно мягче, и в результате город был не только спасен, но и не понес никакого наказания.

70. Цецина все еще находился в земле гельветов, ожидая более точных указаний от Вителлия и готовясь к переходу через Альпы, когда, несколько дней спустя, получил из Италии радостную весть: на верность Вителлию присягнула занимавшая долину Пада силианская конница.¹⁸⁵ Эта кавалерийская часть находилась под командованием Вителлия, когда он был проконсулом в Африке; вскоре затем Нерон вывел ее из этой провинции, чтобы послать впереди себя в Египет, а затем, ввиду начавшейся войны с Виндексом, отозвал в Италию, где она и осталась. Ее декурионы, которые Отона не знали и были целиком преданы Вителлию, всячески превозносили мощь надвигавшихся легионов и великую славу германской армии. Под их влиянием солдаты перешли на сторону нового принцепса и передали ему в дар наиболее укрепленные города Транс-паданской области — Медиолан и Новарию, Эпоредию и Верцеллы.¹⁸⁶ Через жителей этих городов Цецина и узнал о случившемся. Понимая, что одна кавалерийская часть не в силах удержать эту обширнейшую об-

ласть Италии, он отправил туда когорты галлов, лузитанов, британцев и поддержанные петрианской конницей отряды германцев, а сам остался на месте, предполагая вскоре двинуться через ретийские перевалы в Норик против прокуратора этой провинции Петрония Урбика; Урбик стягивал вспомогательные войска, разрушал мосты через большие реки, и все предполагали, что он останется верен Отону. Решив, однако, что он может потерять ушедшую вперед пехоту и кавалерию, считая, что он добьется большей славы, если удержит в руках Италию, и полагая, что, где бы ни произошла решающая битва, Норик так или иначе достанется в награду победителям, Цецина двинулся через Пенинский перевал и сумел провести не только пешие и конные отряды, но даже и тяжеловооруженные легионы,¹⁸⁷ с обозами и воинским имуществом, через Альпы, покрытые еще в эту пору года глубоким снегом.

71. Между тем Отон, против всеобщего ожидания, не предавался ни утехам, ни праздности. Отказавшись от любовных походов и скрыв на время свое распутство, он всеми силами старался укрепить императорскую власть. Правда, такое поведение внушало еще больший ужас, ибо все понимали, что доблести эти притворны и что его дурные страсти, едва им снова дадут волю, окажутся страшнее, чем раньше. Чтобы прослыть великодушным к человеку, пользующемуся доброй славой, но ненавидимому окружением императора, Отон приказал привести на Капитолий Мария Цельза — кандидата в консулы, которого он в свое время заключил в тюрьму и спас таким образом от ярости солдат.¹⁸⁸ Цельз не только подтвердил, что оставался верным Гальбе, но и дал понять Отону, какую пользу могут принести ему самому люди, умеющие хранить верность своему принцепсу. Отон не стал вести себя как государь, прощающий преступника; он призвал богов в свидетели того, что они с Цельзом примиряются как равный с равным, тут же ввел его в число своих самых близких друзей и вскоре отправил на войну вместе с другими полководцами. Цельз, как бы преследуемый злым роком, был и на этот раз столь же верен своему императору, столь же стоек и столь же несчастен. Знать встретила помилование Цельза с удовлетворением, чернь — с шумной радостью и даже солдаты ничего не имели против, — теперь они восхищались доблестью Мария, которая прежде приводила их в такую ярость.

72. Некоторое время спустя столь же бурную радость вызвало и другое событие — казнь Тигеллина. Софоний Тигеллин, человек темного происхождения, провел молодость в грязи, а старость — в бесстыдстве. Избрав более короткий путь, он подлостью достиг должностей, которые обычно даются в награду за доблесть, — стал префектом городской стражи, префектом претория, занимал и другие посты, отличаясь на первых порах жестокостью, а потом и жадностью, — пороками, которых трудно было ожидать в столь изнеженном человеке. Тигеллин не только вовлек Нерона в преступления, но и позволял себе многое за его спиной,

а в конце концов его же покинул и предал. Ничей казни поэтому в Риме не требовали с таким упорством, как казни Тигеллина; движимые противоположными чувствами, ее добивались и те, кто ненавидел Нерона, и те, кто его любил. При Гальбе его защищал могущественный Тит Виний, оправдывавшийся тем, что Тигеллин спас его дочь. Спас он ее, конечно, не по доброте — откуда бы ей быть у убийцы стольких людей, — а стараясь обеспечить себе лазейку на будущее: дурной человек тому, что есть, не доверяет, а перемен боится и ищет спасения от ненависти общества в покровительстве того или другого частного лица, заботится не о своей порядочности, а о безнаказанности. Теперь, когда к презрению, которое все издавна к нему питали, прибавилась еще и ярость против Виния, народ возненавидел Тигеллина окончательно. Граждане собирались на Палатине, на рынках и площадях, чернь — там, где она чувствует себя вольготнее, — в цирке и театрах, и, не считаясь ни с какими распоряжениями властей, все в один голос требовали смерти Тигеллина. Наконец, Тигеллин, находившийся в это время на лечебных водах в Синуессе,¹⁸⁹ получил приказ лишить себя жизни. Окруженный наложницами, среди бесстыдных ласк, он долго старался оттянуть конец, пока не перерезал себе бритвой глотку, завершив и без того подлую жизнь запоздалой и отвратительной смертью.

73. Около того же времени народ требовал также казни Кальвии Криспиниллы, но император с помощью хитрости и обмана спас ее, хотя и сильно повредив себе этим в общественном мнении. В свое время Криспинилла устраивала для Нерона все его постыдные развлечения, потом отправилась в Африку с целью убедить Клодия Макра взяться за оружие и, не стеснясь, добивалась там принятия мер, которые должны были вызвать в Риме голод.¹⁹⁰ Позже она тем не менее приобрела уважение всего города: вышла замуж за консулярия, сумела уцелеть при Гальбе, Отоне и Вителлии и пользовалась большим влиянием благодаря богатству и бездетности — двум преимуществам, которые играют свою роль в любые времена, и дурные, и хорошие.

74. Между тем Отон вновь и вновь писал Вителлию письма, преисполненные ухищрений, к которым прибегают разве что женщины, предлагая ему свою милость, деньги, спокойную и обеспеченную жизнь в любом месте, которое тот пожелает выбрать. Вителлий делал подобные же предложения Отону. Сначала они обменивались любезностями, причем каждый прибегал к глупым и недостойным уловкам, стараясь обмануть соперника, но вскоре начали перебраниться и упрекать друг друга — в обоих случаях с полным основанием — в подлостях и преступлениях. Отон вернул легатов Гальбы¹⁹¹ и вместо них отправил в обе германские армии, в Италийский легион и в войска, расквартированные вокруг Лугдунума, других людей, представив их как посланцев сената. Посланные с такой готовностью остались в лагере Вителлия, что трудно было поверить, будто их там задержали силой. Отон послал с ними, якобы для

большого почета, отряд преторианцев, которых тут же отправили обратно, не дав им времени вступить в сношения с легионерами. Фабий Валент дал им с собой письмо, обращенное от имени германской армии к преторианской гвардии и городской страже, где писал о подавляющих силах вителлианцев, об их готовности прийти к соглашению и обвинял преторианцев в том, что они передали Отону императорскую власть, давно уже¹⁹² принадлежавшую Вителлию.

75. Таким образом была предпринята попытка подействовать на преторианцев одновременно обещаниями и угрозами и убедить их в том, что война им не по силам, а мир не сулит ничего дурного. Тем не менее поколебать их верность Отону этим путем не удалось. Несколько позже Вителлий подослал в Рим, а Отон в Германию своих агентов. Это, однако, тоже ничего не дало: вителлианцы, хоть сами и уцелели, ничего не сумели сделать, так как затерялись в огромной массе римского населения и не смогли установить связь друг с другом; отонианцы же сразу выдали себя, ибо были посторонними в лагере, где каждый знал друг друга. Вителлий написал брату Отона Тициану,¹⁹³ угрожая, что убьет и его самого, и его сына, если тот не обеспечит безопасность матери и детям Вителлия.¹⁹⁴ И та, и другая семья остались невредимы. Говорили, что Отон не тронул семью Вителлия из страха. Когда же Вителлий, одержав победу, тем не менее пощадил родных Отона, все стали прославлять его за великодушие.

76. Первое сообщение, внушившее Отону уверенность в своих силах, пришло из Иллирии: на верность ему присягнули легионы Далмации, Паннонии и Мёзии.¹⁹⁵ Подобное же известие было доставлено из Испании. Но едва Отон успел особым эдиктом поблагодарить за это Клувия Руфа, тут же выяснилось, что Испания уже перешла на сторону Вителлия. Аквитания поклялась Юлию Корду¹⁹⁶ остаться верной Отону, но тоже очень скоро нарушила свои обещания. Никто не руководствовался ни верностью долгу, ни привязанностью к принцепсу, каждая провинция присоединялась к той или другой партии из страха или по необходимости: так, видя, какая опасность над ней нависла, и понимая, что всегда легче примкнуть к тому, кто ближе и сильнее, перешла на сторону Вителлия Нарбоннская Галлия. Более отдаленные провинции и армии, находившиеся за морем, оставались верны Отону, но не из преданности отонианской партии, а потому, что испытывали великое уважение к имени Рима и к достоинству сената, да и услышали они об Отоне раньше, чем о Вителлии. В Иудее Веспасиан и Муциан в Сирии привели свои легионы к присяге Отону. Под его властью оставались также Египет и другие провинции, расположенные дальше на восток. Верность ему сохраняла и провинция Африка, где зачинщиком выступил Карфаген: здесь вольноотпущенник Нерона Кресценс — в дурные времена и подобные люди начинают вмешиваться в государственные дела, — не дожидаясь решения проконсула Випстана Априониана, устроил для черни пир в честь Отона,

и народ поспешно признал нового императора, ознаменовав это признание всякого рода безобразиями и бесчинствами. Примеру Карфагена последовали и прочие города.

77. Теперь, когда провинции и армии разделились на две враждующие партии, Вителлий стал еще сильнее стремиться к войне, которая ему была необходима, чтобы захватить верховную власть, а Отон, как будто в мире царило полнейшее спокойствие, занялся текущими делами империи; некоторые из них он решал в соответствии с достоинством государства, большинство же — в нарушение принятых обычаев, сообразуясь лишь с обстоятельствами. Консулами на срок до мартовских календ стали он сам и его брат Тициан, на следующий срок он, рассчитывая таким путем польстить германским войскам, сделал консулом Вергиния, а его коллегой — Помпея Вониска, по старой дружбе, как утверждал он сам, или чтобы проявить уважение к жителям Виенны, как говорили многие.¹⁹⁷ На остальные месяцы были сохранены те назначения, которые произвели еще Нерон и Гальба и которые Вителлий после своей победы также оставил в силе: до июльских календ — Целий и Флавий Сабини, до сентябрьских — Аррий Антонин и Марий Цельз.¹⁹⁸ Стариков, которые в свое время уже занимали высшие государственные должности, Отон, дабы достойно завершить их почетную деятельность, произвел в понтифики и в авгуры, а недавно возвращенным¹⁹⁹ из ссылки молодым нобилям вернул, чтобы их хоть как-то утешить, жреческие должности, принадлежавшие их отцам и дедам. Кадий Руф, Педий Блез и Сцевин Приск²⁰⁰ вновь заняли в сенате свои места, которых они были лишены при Клавдии и Нероне за хищения и взятки. Чтобы добиться их оправдания, изменили формулировку обвинения, и то, что на деле было вымогательством, назвали оскорблением величия: возмущение, которое вызывали процессы этого последнего рода, заставило забыть и справедливый закон о вымогательствах.

78. Стремясь подобной же щедростью привлечь к себе симпатии союзных племен и жителей провинций, Отон допустил новые семьи в число полноправных колонистов Гиспала²⁰¹ и Эмериты,²⁰² распространил на все племя лингонов право римского гражданства,²⁰³ передал несколько мавританских городов в дар провинции Бетика, ввел новые законы в Каппадокии²⁰⁴ и в Африке; все эти реформы были нужны Отону лишь для завоевания популярности; он и не рассчитывал, что они останутся в силе сколько-нибудь длительное время. Среди всех этих дел, которые еще можно было оправдать требованиями момента и надвигавшейся опасностью, Отон, однако, не забывал и о своих былых увлечениях: он провел через сенат декрет о восстановлении статуй Поппей²⁰⁵ и даже, как говорили, подумывал об устройстве торжеств в память Нерона, надеясь таким образом привлечь чернь на свою сторону. Нашлись люди, выставившие изображения Нерона перед своими домами, и дело дошло до того, что народ и солдаты, как бы желая еще больше превознести знатность и

славу Отона, в течение нескольких дней приветствовали его именем Нерона Отона. Сам он никак не высказал своего отношения к этому новому титулу, то ли боясь его отвергнуть, то ли стыдясь его принять.

79. У всех мысли были заняты гражданской войной, и границы стали охраняться менее тщательно. Сарматское племя роксоланов, предыдущей зимой уничтожившее две когорты и окрыленное успехом, вторглось в Мёзию. Их конный отряд состоял из девяти тысяч человек, опьяненных недавней победой, помышлявших больше о грабеже, чем о сражении. Они двигались поэтому без определенного плана, не принимая никаких мер предосторожности, пока неожиданно не встретились со вспомогательными силами третьего легиона.²⁰⁶ Римляне наступали в полном боевом порядке, у сарматов же к этому времени одни разбрелись по округе в поисках добычи, другие тащили тюки с награбленным добром; лошади их ступали неуверенно, и они, будто связанные по рукам и ногам, падали под мечами солдат. Как это ни странно, сила и доблесть сарматов заключены не в них самих: нет никого хуже и слабее их в пешем бою, но вряд ли существует войско, способное устоять перед натиском их конных орд. В тот день, однако, шел дождь, лед таял, и они не могли пользоваться ни пиками, ни своими длиннейшими мечами, которые сарматы держат обеими руками; лошади их скользили по грязи, а тяжелые панцири не давали им сражаться. Эти панцири, которые у них носят все вожди и знать, делаются из пригнанных друг к другу железных пластин или из самой твердой кожи; они действительно непроницаемы для стрел и камней, но если врагам удастся повалить человека в таком панцире на землю, то подняться он сам уже не может. Вдобавок ко всему их лошади вязли в глубоком и рыхлом снегу, и это отнимало у них последние силы. Римские солдаты, свободно двигавшиеся в своих легких кожаных панцирях, засыпали их дротиками и копьями, а если ход битвы того требовал, переходили в рукопашную и пронзали своими короткими мечами ничем не защищенных сарматов, у которых даже не принято пользоваться щитами. Немногие, которым удалось спастись, бежали в болото, где погибли от холода и ран. После того как весть об этой победе достигла Рима, проконсул Мёзии Марк Апоний был награжден триумфальной статуей,²⁰⁷ а легаты легионов Фульв Аврелий, Юлиан Теттий и Нумизий Луп — консульскими знаками отличия.²⁰⁸ Отон был весьма обрадован, приписал славу этой победы себе и старался создать впечатление, будто военное счастье ему улыбается, а его полководцы и его войска стяжали государству новую славу.

80. Между тем в Риме по ничтожному поводу, никому не внушавшему никаких опасений, возникли беспорядки, едва не приведшие к гибели всего города. Отон еще раньше приказал вызывать в Рим из Остии семнадцатую когортую²⁰⁹ и поручил трибуну преторианцев Варию Криспину обеспечить ее оружием. Криспин, решив выполнить приказ, когда он сам не занят, а в лагере уже всё успокаивается, дождался сумерек, велел от-

крыть арсенал и начал грузить оружие на принадлежавшие когорте повозки. Выбранное Криспином время показалось преторианцам подозрительным, намерения его преступными, и чем тише он старался все делать, тем больший шум поднимался в лагере. Пьяные солдаты, увидев оружие, захотели пустить его в ход, стали обвинять центурионов и трибунов в измене, кричать, что они хотят погубить Отона и для этого вооружают сенаторских клиентов; некоторые кричали, потому что были пьяны и не понимали толком, что происходит, другие — худшие, — надеясь, что, может быть, удастся пограбить, чернь, как всегда, — из любви к беспорядкам; солдаты, верные своему долгу, не могли помешать происходящему из-за наступившей темноты. Трибуна, пытавшегося обуздать мятеж, убили, убиты были и самые строгие и требовательные из центурионов; расхватав оружие, обнажив мечи, солдаты вскочили на коней и устремились в город и на Палатин.

81. У Отона в это время был большой пир, устроенный им для знатнейших женщин и мужчин. Перепуганные гости, не зная, как объяснить вспышку солдатской ярости — видеть ли в ней случайность, приписать ли ее коварству императора, не понимая, что опаснее — оставаться на месте, рискуя быть схваченным, или бежать и оказаться один на один с толпой, то храбрились, то выдавали весь свой испуг и не сводили глаз с Отона; как часто случается с людьми, не в меру проникательными, они усматривали опасность для себя в словах и поступках Отона, которые на самом деле были продиктованы одним лишь страхом. Опасаясь за самого себя не меньше, чем за сенаторов, он сразу же послал префектов претория навстречу солдатам с поручением успокоить их, а гостям велел немедленно разойтись. Высшие должностные лица государства, побросав знаки своего достоинства и избегая свиты клиентов и рабов, кинулись врассыпную; старики и женщины брели по улицам ночного города. Мало кто направлялся домой, большинство искало приюта у друзей или в глухих трущобах, у самого незаметного из клиентов.

82. Солдат не удалось остановить даже у входа во дворец; они ворвались в зал, где шел пир, ранили трибуна Юлия Марциала и префекта легиона Вителлия Сатурнина,²¹⁰ пытавшихся их задержать, и стали громко требовать, чтобы им показали Отона. Потрясая оружием, преторианцы угрожали то центурионам и трибунам, то сенату и, обезумев от слепого страха, не зная, на ком выместить свою ярость, были готовы расправиться со всеми сразу. Наконец, Отон, позабыв о достоинстве императора, вскочил на ложе и, обливаясь слезами, стал умолять солдат успокоиться. С великим трудом он убедил их вернуться в лагерь; солдаты ушли, но неохотно, чувствуя свою вину. На следующий день город выглядел так, будто его захватили враги: дома заперты, на улицах почти не видно граждан; простой народ, удрученный, молчит; солдаты, скорее озлобленные, чем смущенные, ходят, опустив глаза в землю. Префекты Лициний Прокул и Плотий Фирм обошли манипулы, обращаясь

к солдатам каждый на свой лад — один с увещеваниями, другой с угрозами; впрочем, речи обоих заканчивались обещанием выплатить каждому преторианцу по пять тысяч сестерциев. Только после этого Отон отважился вступить в лагерь. Здесь его обступили трибуны и центурионы; побросав наземь знаки своего достоинства, они стали требовать, чтобы Отон спас их от гибели и освободил от службы. Солдаты поняли, чем вызвана эта просьба, снова начали подчиняться приказам командиров и сами потребовали наказания зачинщиков мятежа.

83. Отон видел, что положение остается беспокойным и что в армии нет единодушия. Среди солдат лучшие требовали покончить с распространившейся повсюду распушенностью, большинство же было радо бунтовать, помыкать властями и стремилось перейти от грабежей и беспорядков к гражданской войне. Отон понимал также, что власть, захваченную преступлением, нельзя удержать, внезапно вернувшись к умеренности и древней суровости нравов; беспокоило его и то, что город оказался в опасности, а над сенатом нависла угроза. Взвесив все это, он обратился к преторианцам со следующей речью. «Не с тем пришел я к вам, друзья, чтобы пробудить в вас еще большую любовь к себе или поощрить вашу доблесть, — и та, и другая выше всяких похвал. Я пришел потребовать, чтобы вы умерили свое мужество и сдержали изъятия своей верности. Недавние неурядицы возникли не от алчности или ненависти, которые так часто порождают беспорядки в других войсках, не от непослушания или страха перед опасностью. Их вызвала ваша преданность, в выражении которой вы проявили больше страсти, чем осмотрительности: если действовать не подумавши, то и самые похвальные намерения часто приводят к дурным последствиям. Мы стоим на пороге войны. Разве можно в такую минуту, в столь чрезвычайных обстоятельствах, выслушивать при всех каждое новое сообщение, всенародно обсуждать каждый новый план? Есть вещи, о которых солдатам надлежит ведать, и есть вещи, которых им лучше не знать. Власть полководца и незыблемый порядок в армии зиждутся именно на том, что даже трибуны и центурионы во многих случаях должны только лишь выполнять приказы. Если каждый, получив приказание, начнет спрашивать, зачем да почему оно нужно, прахом пойдет дисциплина, а за ней погибнет и государство. Что же, и на войне вы броситесь среди ночи расхватывать оружие? И там один-два пьяных негодяя — ибо я не хочу верить, что вчерашнее безумие захватило многих, — будут пятнать руки кровью центурионов и трибунов, станут ломиться в шатер своего императора.

84 «То, что вы сделали, — вы сделали для меня. Но если нет порядка, если повсюду царят смятение и мрак, то открываются пути силам, которые враждебны и мне. Имей Вителлий и его приспешники возможность выбирать, в каком настроении хотели бы они нас видеть? Что доставило бы им большую радость, чем распри и ссоры в наших рядах? Они только и мечтают, чтобы наши солдаты перестали подчиняться центурионам, цен-

турионы — трибунам и чтобы все мы, пешие и конные, позабыв о порядке и дисциплине, устремились навстречу собственной гибели. Мощь армии, друзья, основана на том, что солдаты подчиняются приказам полководца, а не стараются разузнать побольше о его планах, и в час опасности то войско оказывается сильнее, которое перед тем было более сплоченным и спокойным. Пусть остаются при вас ваше мужество и ваше оружие, а думать и направлять вашу доблесть предоставьте мне. Провинились среди вас немногие, наказаны будут лишь двое, остальные пусть навсегда забудут о событиях этой позорной ночи, пусть ни в одной армии никогда не узнают об угрозах сенату, раздававшихся здесь. На высший совет империи, где заседают лучшие люди всех провинций, не решились бы поднять руку, клянусь Геркулесом, даже варвары-германцы, которых Вителлий изо всех сил старается натравить на нас. Так может ли быть, чтобы подлинные сыны Италии стали требовать убийств и казней сенаторов, чтобы истинно римское юношество посягнуло на сословие, придающее славу и блеск нашему делу и ставящее нас неизмеримо выше того сброда, что окружает Вителлия? Он захватил земли нескольких племен, у него есть какое-то подобие армии, но сенат с нами, значит государство здесь, а там — враги государства. Ужели вы думаете, что лишь дома, крыши, нагромождения камня составляют этот прекрасный город? Их можно разрушить, можно отстроить заново, — ничего от этого не изменится. Но непоколебимо стоит Рим, мир царит в мире, и мы с вами живы до тех пор, пока цел и невредим сенат. По велению богов создал его прародитель и основатель нашего города; вечный и нерушимый, простоял он от времени царей до времени принцепсов; таким мы приняли его от предков, таким передадим и потомкам нашим; ибо как из вас выходят сенаторы, так из сенаторов выходят государи».

85. Преторианцы благосклонно приняли речь Отона, рассчитанную на то, чтобы пристыдить их и одновременно им польстить, покарать виновных и, однако, сделать это в мягкой форме, — не случайно из всех зачинщиков мятежа он велел наказать лишь двоих. Этой речью он сумел хотя бы на время достичь того, чего не мог добиться с помощью силы, — заставить солдат соблюдать дисциплину и подчиняться приказам. Спокойствие тем не менее не возвращалось. Рим был полон звона оружия и выглядел как город, охваченный войной. Сообща преторианцы больше не затевали никаких смут, однако поодиночке и тайком солдаты, действуя якобы от имени и в интересах государства, продолжали нападать на дома наиболее знатных, богатых и вообще чем-либо известных граждан; к тому же по городу распространился слух, будто в Рим проникли солдаты Вителлия, чтобы выведать настроения различных группировок, и многие этой сплетне верили. Поэтому все всех подозревали, и даже разговоры, которые люди вели у себя дома, при закрытых дверях, не были до конца безопасны. Но больше всего страху подверглись те, кому приходилось принимать участие в государственных делах: какую бы весть

ни принесла молва, каждый старался настроиться на нужный лад и придать своему лицу подходящее к случаю выражение, как бы кто не подумал, что он легкомысленно относится к дурным известиям или недостаточно обрадован хорошими. Особенно сложно было правильно держать себя на заседаниях сената, где молчание могло показаться строптивостью, а независимость подозрительной. Впрочем, Отон, который еще недавно сам был частным лицом и вел себя точно так же, хорошо знал цену всем этим уловкам. На разные лады все называли Вителлия врагом и изменником, наиболее дальновидные ограничивались обычными бранными выражениями, другие осуждали его более резко, но старались, чтобы слова их прозвучали неясно или утонули в общем шуме.

86. В довершение бед на всех наводили ужас доходившие с разных сторон слухи о чудесах и знамениях. На Капитолии статуя Победы, стоящая на колеснице, запряженной парой коней, выронила из рук вожжи; из придела Юноны в Капитолийском храме внезапно вышел призрак выше человека ростом; в ясный безветренный день Тибр тек совершенно спокойно, как вдруг стоявшая на острове посреди реки обращенная на запад статуя божественного Юлия повернулась лицом к востоку; в Этрурии заговорил бык; животные рожали странных уродцев, и происходило еще множество всяких чудес. В далеком прошлом, исполненном невежества и дикости, люди и в обычное время с благоговением и ужасом относились к разным странным явлениям, сейчас же на них обращают внимание только, когда все охвачено страхом. Но главным событием этих дней было неожиданное наводнение, которое и само по себе принесло много несчастий, и вселило в граждан еще больший страх перед будущим. Уровень воды в Тибре резко поднялся, река сорвала стоявший на сваях мост и разбила мол, перегораживавший течение; масса обломков рухнула в поток, и вытесненные воды затопили не только кварталы, примыкавшие к Тибру, но и части города, всегда считавшиеся безопасными.²¹¹ Волны смывали людей на улицах, настигали их в домах и лавках; народ голодал, заработков не было, продовольствия не хватало; вода подмыла основания огромных доходных домов, и когда река отступила, они обрушились. Едва прошел первый страх, все увидели, что непроходимы стали Марсово поле и Фламиниева дорога,²¹² а тем самым оказался закрытым путь, по которому Отон должен был выступить в поход. В этом обстоятельстве, порожденном естественными причинами или возникшем по воле случая, тут же усмотрели знамение, указывавшее на неизбежное поражение.

87. Отон, совершив обряд очищения города, принес очистительные жертвы и, взвесив все возможные планы кампании, решил двинуться к Нарбоннской Галлии, так как Пеннинские и Коттианские Альпы, а равно все другие подступы к галльским провинциям были заграждены вителлианскими войсками. Избирая такой план, Отон рассчитывал на силу и преданность своего флота: он выпустил из тюрьмы солдат морской пе-

хоты, уцелевших во время резни у Мувлиева моста, которых Гальба с присущей ему жестокостью велел держать в заточении, сформировал из них особые подразделения в составе легиона, а остальным²¹³ дал понять, что в будущем они могут рассчитывать на более почетную службу. Флоту были приданы некоторые когорты городской стражи и преторианцы, по численности и боевым качествам составлявшие главную силу армии, охранявшие полководцев и даже дававшие им советы. Верховное командование было поручено примипиляриям Антонию Новеллу и Сведию Клементу, а также Эмилию Падензу, которому Отон вернул должность трибуна, отнятую у него Гальбой. Кораблями по-прежнему ведал вольноотпущенник Моск;²¹⁴ Отон поручил ему даже следить за людьми, которые по рождению были гораздо его выше. Командовать пешими и конными войсками назначили Светония Паулина, Мария Цельза и Анния Галла,²¹⁵ но самым доверенным лицом был префект претория Лициний Прокул. Отличившийся во время службы в римском гарнизоне, но неопытный в военном деле, он избрал легкий путь к почестям: стал клеветать на других командиров, отрицая те хорошие качества, которые у каждого из них были, — способность Паулина внушать к себе уважение, стойкость Цельза, опытность Галла, и в результате благодаря своей ловкости и подлости добился превосходства над людьми порядочными и скромными.

88. Примерно в эти же дни был выслан в Аквин,²¹⁶ под гласный и не слишком строгий надзор, Корнелий Долабелла,²¹⁷ он не совершил никакого преступления, но был под подозрением как человек из древней фамилии и родственник Гальбы. Многие из высших должностных лиц и большинство консуляриев получили от Отона приказ выехать вместе с ним в армию, — не для участия в военных операциях или содействия им, а для того только, чтобы состоять в его свите; среди них находился и Луций Вителлий;²¹⁸ Отон обращался с ним с обычной своей любезностью, не как с братом императора, но и не как с братом врага. Приказ Отона вызвал в городе переполох. Люди всех сословий боялись происходящего и опасались за будущее: наиболее заслуженные сенаторы были дряхлы и за долгие годы мирной жизни обленились, изнеженные аристократы отвыкли от походов, всадники никогда их и не знали. Чем больше каждый старался скрыть свой страх и трепет, тем очевиднее они становились. Немало было и таких, кого обуревало бессмысленное тщеславие; они покупали дорогое оружие, породистых лошадей и уместные разве что на пирах и попойках предметы роскоши, которые они тоже считали частью военного снаряжения. Люди мудрые думали о том, как обеспечить интересы мира и государства; самые легкомысленные, неспособные заглянуть в будущее, тешили себя пустыми надеждами; многие из тех, кто в обычное время со страхом скрывается от кредиторов, теперь среди неурядиц и беспорядков приободрились и чувствовали себя в безопасности.

89. Мало-помалу, однако, и чернь, и простонародье, которых обычно не задевают беды, переживаемые государством, начали испытывать на себе тяготы войны: все деньги уходили на нужды армии, цены на продукты питания росли. Во время восстания Виндекса эти трудности мало коснулись населения; тогда город чувствовал себя в безопасности, борьба легионов с галлами, разворачивавшаяся в провинциях, казалось, шла за рубежами империи. Вообще с тех пор, как божественный Август положил начало власти цезарей, римский народ вел войны на далеких окраинах империи, а все заботы и почет выпадали на долю одного человека. При Тиберии и Гае государство страдало от бед, преследующих людей и в мирное время; восстание Скрибониана²¹⁹ против Клавдия оказалось уже подавлено, когда весть о нем достигла Рима; Нерон был свергнут не силой оружия, а слухами и молвой. Теперь же на театр военных действий были выведены легионы и флоты, были выведены — что прежде бывало очень редко — войска городской стражи и преторианцы; западные и восточные провинции со всеми сосредоточенными в них армиями образовывали тыл, и, при других полководцах, такая война могла бы затянуться надолго. Отон был уже совсем готов к походу, но ему стали советовать проявить уважение к древним обрядам и повременить с выступлением, пока не будут возвращены на место священные щиты;²²⁰ он же не допускал и мысли об отсрочке, говоря, что подобное промедление губило Нерона. К тому же Цецина уже перешел Альпы и надо было спешить.

90. Накануне мартовских ид Отон поручил сенату заботы о делах государства и распорядился передать лицам, возвращенным из ссылки, деньги, вырученные от распродажи их имущества, конфискованного Нероном, если только эти суммы не были уже взяты в казну. При всей справедливости и эффектности этого распоряжения практически оно ничего не дало, ибо конфискации эти производились Нероном очень поспешно.²²¹ Вскоре затем Отон созвал собрание граждан, где говорил о величии Рима, превозносил единодушие, с которым сенат и народ его поддерживают, и весьма осторожно коснулся легионеров-вителлианцев, обвиняя их скорее в незнании подлинного положения дел, чем в неподчинении. О Вителлии он не упомянул совсем, — то ли потому, что сам опасался говорить о нем, то ли человек, писавший ему речь, боясь за себя, предпочел обойтись без нападок на Вителлия: говорили, что в гражданских делах Отон пользовался знаниями и способностями Галерия Трахала,²²² точно так же как в военных опирался на советы Светония Паулина и Мария Цельза. Некоторые даже утверждали, что уловили в речи Отона ораторскую манеру Трахала, прославившегося частыми выступлениями в суде, — его многословный и звучный слог, поражающий рядового слушателя. Ластивые, как всегда, крики и рукоплескания толпы были преувеличенно громки и неискренни: можно было подумать, что в поход провожают диктатора Цезаря или императора Августа. Ста-

раясь превзойти друг друга, все наперебой желали Отону удачи и призывали на него благословение богов, не из страха или особой преданности, а как бы наслаждаясь собственным пресмыкательством; так, в частном доме, в толпе рабов и клиентов каждый преследует свои корыстные цели, и даже мысль о чести семьи не приходит никому в голову. Отправляясь в поход,²²³ Отон поручил наблюдать за спокойствием в городе и ведать делами государства своему брату Сальвию Тициану.

КНИГА ВТОРАЯ

1. Между тем на другом конце земли по воле фортуны незаметно зрела новая власть, которой суждено было принести государству множество великих удач и ужасных бед, породить принцевов, знавших безоблачное счастье,¹ и правителей, встретивших бесславную гибель.² Гальба еще был облечен всей полнотой власти, когда Тит Веспасиан выехал по поручению отца из Иудеи в Рим. Тит ехал, как объяснял он сам, чтобы воздать почести государю и обратить на себя его внимание; юноша вступал в тот возраст, когда пора уже думать о занятии почетных государственных должностей. Среди черни же, всегда склонной к выдумкам, разнесся слух, будто Тит хочет добиться, чтобы Гальба его усыновил. Пересуды эти были вызваны преклонным возрастом принцепса, его бездетностью и привычкой людей гадать о том, кто захватит власть, пока кто-нибудь один еще не завладел ею. Всё поддерживало эти слухи — ум и характер Тита, дававшие ему основания претендовать на любое, самое высокое положение, его красивая, даже величественная, внешность, успехи Веспасиана, предсказания, оракулы и, наконец, случайные происшествия, в которых легковверные люди склонны видеть предуказания судьбы. Тит находился в городе Коринфе, в Ахайе, когда до него дошли бесспорные известия о гибели Гальбы; кое-кто в его окружении уже поговаривал также о восстании Вителлия и гражданской войне. Встревоженный, он собрал нескольких друзей, чтобы обсудить с ними две различные возможности дальнейшего поведения: если он явится сейчас в Рим, то не встретит никакой благодарности за знаки внимания, изначально предназначавшиеся другому, и рискует оказаться в заложниках у Вителлия или Отона; если же он теперь повернет назад, то будущий принцепс, разумеется, оскорбится таким поступком. Но кто окажется победителем, пока что неизвестно, а кроме того, отец, признав власть нового государя, заставит его тем самым простить и сына. Наконец, если Веспасиан сам вмешается в борьбу за власть, ни Отон, ни Вителлий, занятые гражданской войной, не станут вспоминать о былых обидах.

2. Так или примерно так размышлял Тит, колеблясь между надеждой и страхом, пока не остановился на решении, внушавшем более всего надежд. Кое-кто думал, что повернуть обратно заставила Тита страсть, которой он пылал к царице Беренике.³ Юноша и в самом деле не был к ней равнодушен, что, однако, нисколько не мешало ему вести свои дела разумно и осмотрительно. В молодости он был действительно склонен к утехам и развлечениям и еще в годы правления своего отца вел себя далеко не столь сдержанно, как позже, когда сам сделался императором. Он не стал двигаться вдоль берегов Ахайи и Азии и, оставив влево от себя море, их омывающее, отправился прямо к островам Родосу и Кипру, а оттуда — в Сирию, т. е. избрал путь, требовавший особого мужества.⁴ На Кипре Тит пожелал посетить и осмотреть храм Венере Пафосской,⁵ слава которого гремела среди местных жителей и приезжих. Я думаю, не займет много времени, если я в нескольких словах расскажу о возникновении здешнего культа, о храмовых обрядах и о том, как выглядит изображение богини, нигде не имеющее себе подобных.

3. Древние сказания называют основателем храма царя по имени Аэрия, хотя кое-кто и полагает, что это — имя самой богини. Более позднее предание гласит, что храм поставил Кинир⁶ — на том самом месте, куда прибой вынес рожденную морем богиню; учение же и искусство гаруспиков⁷ занес на Кипр киликиец⁸ Тамир. При этом было по взаимному согласию решено, что культ будут отправлять совместно потомки обеих семей. Впоследствии, однако, чтобы царский род⁹ не оказался в менее почетном положении, чем род пришельцев, новые поселенцы перестали пользоваться учением, ими же самими введенным, и жреческие должности начали занимать лишь потомки Кинира. В храме принимают любых жертвенных животных, каких кто принесет, но для заклания выбирают самцов; прорицания считаются самыми верными, если они составлены по внутренностям молодых козлят. Обливать жертвенники кровью запрещается, лишь молитвы и чистое пламя возносятся с алтарей, и, хотя они находятся под открытым небом, не было еще случая, чтобы дождь залил огонь. Идол богини не имеет человеческого облика, а напоминает мету на ристалищах — круглый внизу и постепенно сужающийся кверху.¹⁰ Почему он такой — неизвестно.

4. Осмотрев драгоценности, царские подношения и прочие вещи, которые, как уверяли любящие старину греки, были подарены храму еще в незапамятные времена, Тит сразу же постарался выяснить, можно ли плыть дальше. Узнав, что путь открыт и море спокойно, он принес обильные жертвы и лишь после этого осторожно попытался выяснить, какая судьба ждет его в будущем. Сострат (так звали жреца), увидев по благоприятному расположению внутренностей,¹¹ что богиня согласна ответить на вопросы столь знатного посетителя, сперва ограничился несколькими словами, обычными в таких случаях, а потом, явившись к Титу

тайком, открыл ему будущее, которое его ожидает.¹² Воспрянув духом, Тит прибыл к отцу в тот самый момент, когда положение в войсках и провинциях было крайне неустойчивым, и переполнявшая его вера в свое будущее заставила чашу весов склониться на сторону Флавиев.

Веспасиан тем временем почти окончил войну в Иудее, хотя ему еще и предстояло взять Иерусалиму, — дело трудное, требовавшее большого напряжения, — и не из-за того, что в городе скопилось много сил и жители легко переносили тяготы осады, а главным образом потому, что Иерусалима стояла на недоступной круче, а осажденные упорствовали в своих суевериях. Как я уже упоминал, тремя закаленными в боях легионами командовал сам Веспасиан и еще четыре находились под началом Муциана.¹³ Хотя этим последним не приходилось еще участвовать в войне, их нельзя было назвать слабыми, ибо слава, которую стяжали их товарищи, возбуждала соперничество между обеими армиями и разжигала их боевой дух. Солдаты Веспасиана были сильны благодаря перенесенным трудностям и опасностям, легионы Муциана — потому, что хорошо отдохнули и не были измучены войной. Оба полководца располагали вспомогательными когортами и конницей, флотами,¹⁴ армиями местных царей,¹⁵ оба были, хотя и по-разному, знамениты.

5. Веспасиан обычно сам шел во главе войска, умел выбрать место для лагеря, днем и ночью помышлял о победе над врагами, а если надо, разил их могучею рукой, ел, что придется, одеждой и привычками почти не отличался от рядового солдата, — словом, если бы не алчность, его можно было бы счесть за римского полководца древних времен. Муциан, напротив того, отличался богатством и любовью к роскоши, привык окружать себя великолепием, у частного человека невиданным; он лучше владел словом, был опытен в политике, разбирался в делах и умел предвидеть их исход. Какой образцовый получился бы принцепс, если бы можно было, отбросив пороки, слить воедино достоинства того и другого! Они, однако, не ладили друг с другом, так как правили, один — Сирией, а другой — Иудеей, двумя соседними и потому соперничавшими провинциями. Лишь после смерти Нерона они перестали враждовать и начали советовать друг с другом; посредниками между ними были сначала друзья, а потом Тит, который быстро и ко взаимной выгоде покончил с разделявшими их мелочными дразгмами, сумел благодаря своему врожденному обаянию и тонкой обходительности понравиться даже Муциану и вскоре стал опорой и вдохновителем их дружбы. Трибуны, центурионы и рядовые солдаты поддерживали этот союз, — кто из верности долгу, а кто из желания поживиться, одни — движимые доблестью, другие — пороками.

6. Еще до возвращения Тита обе армии были уведомлены о захвате власти Отоном и присягнули ему на верность. Такие вести всегда доходят быстро, но много нужно времени и многое приходится преодолеть, прежде чем решиться на гражданскую войну, о которой тогда впервые

начали подумывать восточные провинции, столько лет остававшиеся послушными и спокойными. Самые крупные гражданские войны издавна разворачивались в Италии или в Галлии и вели их войска, расположенные в западных провинциях. Ни Помпею, ни Кассию, ни Бруту, ни Антонию¹⁶ — никому из тех, кто пробовал перенести гражданскую войну на восток, — не удавалось добиться здесь победы. Сирия и Иудея больше слышали о государях, чем видели их. В то время как в других местах все уже пришло в движение в ожидании гражданской войны, здесь царил безмятежный покой; никаких беспорядков не было и в легионах; лишь изредка, с переменным успехом, вступали они в схватки с парфянами. Легионы спокойно принесли присягу Гальбе, но вскоре распространился слух, что Отон и Вителлий, стремясь захватить императорский престол, затевают друг против друга преступную войну. Тогда-то солдаты испугались, что власть со всеми ее благами попадет в руки другим, а на их долю останется одна лишь тяжелая служба. Они стали оглядываться вокруг, дабы посмотреть, какими силами располагают: здесь на месте — семь легионов с приданными им крупными вспомогательными армиями Сирии и Иудеи, дальше — Египет с двумя легионами,¹⁷ а с другой стороны — Каппадокия, Понт, гарнизоны, цепью охватывающие Армению, Азия и другие провинции, многолюдные и богатые, бесчисленные острова, омываемые морем, наконец, и само море, отделяющее эти земли от Рима, обеспечивающее их безопасность и дающее возможность исподволь готовить гражданскую войну.

7. Полководцы видели мятежные настроения солдат, но пока что предпочитали выжидать и смотреть, как будут воевать другие. Победители и побежденные в гражданской войне, рассуждали они, никогда не примирятся надолго. Гадать же сейчас, кому удастся взять верх — Отону или Вителлию, не имеет смысла: добившись победы, даже выдающиеся полководцы начинают вести себя неожиданно, а уж эти двое, ленивые, распутные, вечно со всеми ссорящиеся, все равно погибнут оба, — один оттого, что проиграл войну, другой — оттого, что ее выиграл. Поэтому Веспасиан и Муциан решили, что вооруженное выступление необходимо, но что его надо отложить до более подходящего случая. Остальные по разным соображениям давно уже придерживались того же мнения, — лучших вела любовь к отечеству, многих подталкивала надежда пограбить, иные рассчитывали поправить свои домашние дела. Так или иначе, и хорошие люди, и дурные, все по разным причинам, но с равным пылом, жаждали войны.

8. Примерно в это же время в Ахайе и в Азии распространились ложные вести о появлении Нерона, вызвавшие ужас в этих провинциях.¹⁸ Чем больше ходило слухов об обстоятельствах гибели Нерона, тем больше встречалось людей, утверждавших, что он жив, и таких, что этому верили. В дальнейшем ходе моего повествования я расскажу о судьбе самозванцев, пытавшихся выдавать себя за Нерона, тот же, о котором сейчас идет речь,

был рабом из Понта¹⁹ или, как говорят иные, вольноотпущенником из Италии. Он хорошо пел и играл на кифаре, и это вселило в него уверенность, что ему удастся выдать себя за Нерона,²⁰ на которого он к тому же походил лицом. Наобещав великое множество всяких благ каким-то нищим бродягам из беглых солдат, он увлек их за собой и вместе с ними пустился в море. Буря прибила их к острову Цитну,²¹ где они повстречались с солдатами из восточных легионов, находившимися здесь в отпуске; самозванец часть из них уговорил следовать за собой, тех же, кто отказался, велел убить и, ограбив нескольких купцов, вооружил самых сильных и крепких из рабов. Центуриона Сисенну, который от имени сирийской армии вез преторианцам изображение переплетенных правых рук — символ мира и согласия, он всяческими уловками пытался перетянуть на свою сторону, так что перепуганный центурион, опасаясь за свою жизнь, бежал с острова. С этого момента паника стала распространяться все шире; славное имя Нерона привлекало многих — и любителей перемен, и недовольных существующим. Успех смутьянов ширился день ото дня, пока случай не положил ему конец.

9. Еще до всех этих событий Гальба поручил Кальпурнию Аспренату управление провинциями Галатия и Памфилия.²² Тот отправился к месту назначения с почетным эскортом из двух трирем, взятых из состава Мизенского флота,²³ с которыми и прибыл на остров Цитн. Здесь нашлись люди, передавшие командирам обоих кораблей приглашение от имени Нерона. Прикинувшись удрученным и вызывая к чувству долга солдат, некогда столь верно ему служивших, он стал убеждать их поддержать начатое им дело в Сирии и в Египте. То ли вправду заколебавшись, то ли из хитрости, триерархи²⁴ пообещали соответствующим образом настроить солдат, перетянуть их на его сторону и тогда вернуться; сами же пошли и все честно рассказали Аспренату. По его призыву солдаты штурмом взяли корабль самозванца, где этого человека — кто бы он на самом деле ни был — и убили. Голову его, поражавшую дикостью взгляда, косматой гривой и свирепым выражением лица, отправили в Азию, а оттуда в Рим.

10. Государство терзали распри; из-за частой смены принцевсов в Риме царила свобода, граничившая с распущенностью; мелкие повседневные дела шли здесь своим чередом под шум потрясавших империю великих событий. Вибий Крисп,²⁵ которому его богатство, власть и таланты стяжали больше известности, чем уважения, возбудил в сенате дело против всадника Анния Фавста, сделавшего при Нероне своим ремеслом сочинение доносов: в начале принципата Гальбы сенаторы приняли решение о том, что они сами будут разбирать дела доносчиков. Это сенатское постановление в одних случаях применялось со всей строгостью, в других о нем едва вспоминали, в зависимости от того, был ли обвиняемый богат или беден, но в общем сохраняло всю свою силу.²⁶ Крисп набросился на Фавста, донесшего в свое время на его брата,²⁷ со всей страстью лично заинтересованного человека и убедил большую

часть сенаторов потребовать казни Фавста, не выслушав ни защитников, ни его собственных оправданий. Некоторых сенаторов, однако, именно непомерное влияние обвинителя больше всего настраивало в пользу обвиняемого. Они считали, что улики отнюдь не очевидны, что торопиться не к чему и повторяли, что, сколь бы ненавистен и виновен Фавст ни был, надо следовать обычаям и выслушать его. На первых порах сторонники этого взгляда взяли верх, и следствие было отложено на несколько дней, но тем не менее вскоре Фавст был осужден. Его осуждение, правда, не вызвало в обществе того одобрения, которого Фавст заслужил своими пороками. Вспоминали, что и сам Крисп с великой для себя выгодой занимался такими же доносами; словом, все были довольны, что преступление наказано, но никому не нравился тот, кто добился наказания.

11. Между тем для Отона война начиналась счастливо: на его поддержку двинулись войска из Далмации и Паннонии — четыре легиона, каждый из которых выслал вперед авангард из двух тысяч человек и основными силами следовал за ними на небольшом расстоянии. То были созданный Гальбой седьмой, закаленные в боях одиннадцатый и тринадцатый и знаменитый четырнадцатый,²⁸ прославившийся подавлением восстания в Британии, позже отмеченный Нероном как сильнейший легион римской армии и потому долго сохранявший ему верность, а теперь полностью преданный Отону. Эти легионы располагали огромным количеством людей и оружия, а поэтому высоко ценили свою помощь и не спешили. Перед каждым двигались входившие в его состав конные отряды и вспомогательные когорты. Силы, выступившие из Рима, тоже были весьма немалые — пять когорт и конные отряды преторианцев, первый легион и две тысячи гладиаторов — постыдная разновидность вспомогательного войска, которой, однако, в пору гражданских войн не брезговали и более взыскательные полководцы.²⁹ Командовать этой армией было поручено Аннию Галлу, и он ушел вперед, чтобы вместе с Вестридием Спуринной³⁰ занять долину Пада: хотя первоначальный план кампании провалился, так как Цецина тем временем уже перешел Альпы, Отон все же рассчитывал, что вителлианцев удастся остановить в галльских провинциях. Самого Отона сопровождали отборные отряды, составленные из особо заслуженных солдат, остальные когорты претория, преторианцы-ветераны³¹ и значительные силы морской пехоты. В походе Отон не выказывал ни изнеженности, ни любви к роскоши: в железном панцире, просто одетый, он шел перед строем, впереди боевых значков, суровый, непохожий на того Отона, которого знала молва.

12. Судьба была благосклонна к замыслам Отона; флот обеспечивал ему контроль над большей частью Италии, вплоть до Приморских Альп, и он поручил Сведию Клементу, Антонию Новеллу и Эмилию Пагензу продвинуться с находившимися под их командованием войсками к этим горам и выйти на границу Нарбоннской провинции.³² Но Пагенз был схвачен и заточен вышедшими из повиновения солдатами, Антоний Но-

велл не пользовался никаким авторитетом, и командовал фактически один Сведий Клемент,³³ заигрывавший с солдатами, потерявший всякое представление о воинской дисциплине и старавшийся, где только можно, начать военные действия. Казалось, что он идет не по Италии, не по полям и селениям своей родины, а опустошает чужие берега, выжигает и грабит вражеские города. Это было тем отвратительнее, что никто и не думал защищаться — на полях кипела работа, дома стояли открытыми. Хозяева, уверенные, что кругом царят мир и безопасность, с женами и детьми выбегали навстречу войскам, и тут их настигала война со всеми ее ужасами. Прокуратором Приморских Альп³⁴ был в это время Марий Матур. Он собрал местных жителей, среди которых было много молодежи, и задумал, опираясь на нее, преградить отонианцам путь в свою провинцию. Но уже в первой схватке горцы были перебиты или разбежались, как того и следовало ожидать от людей, наспех собранных, не имевших представления ни об устройстве лагерей, ни о едином командовании; таким солдатам и победа не в славу, и бегство не в укор.

13. Сражение это только раздражило солдат Отона, и они решили выместить свою досаду на жителях города Альбинтимлия.³⁵ Победа не принесла никакой добычи, так как крестьяне были нищи и плохо вооружены, захватить их, чтобы продать в рабство, тоже не удалось, потому что они прекрасно знали местность и ловко прятались. Алчность отонианцев хоть как-то насытилась лишь страданиями ни в чем не повинных горожан. Ненависть к солдатам Клемента еще возросла, когда пример редкой доблести явила одна из лигурийских³⁶ женщин. Она где-то укрыла своего сына, доверив ему, как полагали солдаты, все свои богатства. Они пыткой хотели добиться от женщины, где она прячет сына, но она указала себе на живот и ответила, что скрывает его в своем теле. Ни угрозы, ни смерть не заставили ее отречься от своих гордых слов.³⁷

14. К Фабию Валенту явились перепуганные гонцы из Нарбоннской Галлии и донесли, что флот Отона угрожает этой провинции, присягнувшей на верность Вителлию. Одновременно к нему через своих легатов обратились за помощью и колонии.³⁸ Валент послал им две тунгрские когорты,³⁹ четыре эскадрона и всю тревирскую конницу,⁴⁰ поставив во главе их Юлия Классика.⁴¹ Часть этих войск он позже задержал в колонии Форум Юлия, опасаясь, что, отведя в глубь страны все свои силы, он упустит контроль над морем и ускорит этим нападение отонианского флота. Путь на врага продолжали двенадцать конных отрядов и пехотинцы, набранные из солдат обеих когорт. К ним добавили когарту лигурийцев, которые издавна знали местность и потому могли оказать большую помощь, а также пятьсот новобранцев из Паннонии, еще не успевших принести присягу. Битвы пришлось ждать недолго. Отонианская армия была расположена так, что приморские холмы занимала часть солдат морской пехоты вместе с местными ополченцами, прибрежную равнину — преторианцы,⁴² а море — флот, в полном боевом порядке, грозно

развернутый фронтом к берегу и готовый в нужную минуту прийти на помощь. Вителлианцы, главную силу которых составляла не пехота, а кавалерия, разместили в ближних ущельях отряды горцев, а когорты поставили тесными рядами позади конницы. Конные отряды тревиров, позабыв осторожность, далеко вырвались вперед. Их встретили ветераны претория, а с фланга стали засыпать камнями ополченцы, благо метать камни вполне по силам и крестьянам; рассеянные среди солдат, они все — и храбрцы, и трусы — с равным пылом стремились к победе. Вителлианцы были уже разбиты, когда с тыла на них обрушился флот, обративший их в полное замешательство. Окруженные со всех сторон, они были бы начисто истреблены, если бы спустившаяся ночная тьма не остановила победителей и не скрыла бегущих.

15. Хотя вителлианцы и были побеждены, они не успокоились. Подтянув вспомогательные войска, они напали на врагов, которые после одержанной победы чувствовали себя в безопасности и действовали не так решительно, как раньше. Часовые были перебиты, оборона лагерей прорвана, и схватки закипели уже у самых кораблей. Тут только преторианцы пришли в себя и, заняв соседний холм, начали сопротивляться, а вскоре и сами перешли в наступление. Резня была ужасная; погибли, засыпанные дротами, префекты тунгрских когорт, долго удерживавшие своих солдат в боевом строю. Отонианцам тоже победа стоила немало крови: они так увлеклись преследованием конников Вителлия, что те, повернув лошадей, сами окружили и разбили их. Затем, как бы заключив перемирие и опасаясь, одни — внезапной атаки кавалерии, другие — неожиданного нападения флота, противники разошлись: вителлианцы отошли к Антиполису, городу в Нарбоннской Галлии; отонианцы вернулись в Альбигаун, во внутренней Лигурии.⁴³

16. Слава победоносного флота разнеслась по Корсике, Сардинии, по другим соседним островам и заставила их сохранить верность Отону. Корсику, однако, чуть не погубило безрассудство прокуратора Декума Пакария,⁴⁴ принесшее ему самому смерть, а пользы в столь долгой и трудной войне не оказавшее никому. Из ненависти к Отону он решил поддержать Вителлия силами корсиканцев, чем оказал бы ему, даже если бы задуманный план и удался, лишь незначительную помощь. Собрав всех, кто пользовался на острове влиянием, Пакарий рассказал о своих намерениях, а возражавших ему триерарха либурнских судов⁴⁵ Клавдия Пиррика и всадника Квинтия Церта велел убить; остальные, уstraшенные их гибелью, присягнули на верность Вителлию. Толпа, ничего не понимавшая в происходящем и, как всегда, готовая трепетать, если трепещут другие, тут же последовала их примеру. Однако, когда Пакарий приступил к воинскому набору и начал требовать от местных жителей, не призывавших ни к какому порядку, строгого исполнения воинских обязанностей, они стали проклинать обрушившиеся на них тяготы и раздумывать о своем бедственном положении. Мы живем на острове, рассуждали они,

Германия и легионы от нас далеко, а флот — рядом. Не раз ведь уж было, что моряки уничтожали население и губили людей, даже надежно защищенных пешими и конными войсками. Все как один отвернулись от Пакария, но, не решаясь пока что выступить открыто и прибегнуть к силе, выжидали подходящего времени для мятежа. Он был убит раздетый и беспомощный, вместе со своими слугами, когда однажды, проводив гостей, собирался сесть в ванну. Убийцы сами доставили Отону их головы, будто головы врагов. Однако они не получили ни награды от Отона, ни наказания от Вителлия: в бурном течении событий это преступление затерялось среди других, несравненно больших.

17. Как я уже говорил, силианская кавалерия ⁴⁶ перенесла войну в Италию. В здешних местах никто не испытывал эсбой любви к Отону, но вовсе не потому, что предпочитали ему Вителлия, — просто долгие годы мирной жизни приучили людей бессильно склоняться перед каждым, захватившим власть, и не задумываться, кто из них лучше. Тем временем когорты, высланные Цециной вперед, уже спустились в Транспаданскую Галлию, и эта цветущая область Италии, со всеми городами и военными поселениями, разбросанными между Падом и Альпами, оказалась под контролем вителлианской армии. Солдаты Вителлия захватили возле Кремоны паннонскую когорту, между Плаценцией и Тицином ⁴⁷ — сотню всадников и тысячу солдат морской пехоты, так что реки и морской берег теперь тоже перестали представлять для них опасность. Батавам и зарейнским германцам не терпелось переправиться через Пад. Неожиданно для всех они перешли эту реку около Плаценции, захватили в плен несколько человек из патрульного отряда отонианской армии и так перепугали остальных, что те разбежались в ужасе, разнося повсюду весть, будто в Циспаданской Галлии ⁴⁸ находится уже вся армия Цецины.

18. Спуринна, который командовал гарнизоном Плаценции, достоверно знал, что Цецина еще далеко. Но, даже если бы вителлианцы действительно оказались близко, он все равно рассчитывал держать своих солдат за городскими укреплениями и не думал пытаться противопоставить свои три преторианские когорты, тысячу легионеров и небольшое число всадников закаленной в боях армии. Но разнузданные и неприличные к походам солдаты, не обращая внимания на центурионов и трибунов, захватывают боевые значки ⁴⁹ и выпелы, ⁵⁰ устремляются вон из лагеря и угрожают дротами командующему, который пытается их удерживать. Слышатся крики, будто Отона предали, будто Цецину призвали в город. Спуринне пришлось согласиться на безрассудные требования солдат. Сначала он не скрывал, что действует по принуждению, но потом прикинулся, будто и сам хочет того же, рассчитывая, что мятеж все равно затихнет, а ему таким путем удастся сохранить власть.

19. Пад уже скрылся из виду и спускалась ночь, когда было решено разбить лагерь и обнести его валом, но солдаты римского гарнизона не привыкли к такой тяжелой работе и вскоре приуныли. Самые старые

принялись сетовать на свою опрометчивость и объяснять более молодым, какая опасность нависнет над ними, если Цецина со своей армией здесь, в чистом поле, окружит их несколько когорт. Солдаты утихли, центурионы и трибуны вмешались в беседу и вскоре все с похвалой заговорили о мудрой проницательности командующего, намеревавшегося сделать главным узлом обороны колонию, с ее богатствами и силами, в ней сосредоточенными. Наконец, выступил и сам Спуринна, который не стал особенно пенять солдатам за их поведение, а вместо того разъяснил все преимущества своего плана. Оставив лазутчиков, он с остальными повернул назад и привел их в Плаценцию уже не столь буйными, а послушными его власти. Стены города были исправлены, перед ними сооружены новые укрепления, возведены башни, усилено не столько вооружение войска, сколько дисциплина и порядок — единственное, чего не хватало сторонникам Отона, на мужество которых жаловаться не приходилось.

20. Солдаты Цецины, как бы оставив по ту сторону Альп свою жестокость и распушенность, вели себя в Италии, по которой они теперь шли, сдержанно и дисциплинированно. Осуждение колонистов и горожан вызывала, правда, одежда самого Цецины: они видели высокомерие в том, что он носил длинные штаны, короткий полосатый плащ и в таком виде позволял себе разговаривать с людьми, облаченными в тоги.⁵¹ Жена его, Салонина, ехала на великолепном скакуне, покрытом пурпурным чепраком, и, хотя никому никакого вреда в том не было, это тоже раздражало жителей. Так уж устроены люди: с неодобрением смотрят они на каждого, кто внезапно возвысился, и ни от кого не требуют такой скромности, как от человека, еще недавно бывшего им равным. Перейдя Пад и сделав попытку уговорами и обещаниями перетянуть отонианцев на свою сторону, попытку, на которую они отвечали тем же, так что немало времени прошло в столь же высокопарных, сколь и бессмысленных разговорах о мире и согласии, Цецина решил сосредоточить все свои мысли и силы на осаде Плаценции. Он хотел, чтобы взятие этого города подействовало устрашающе, ибо хорошо понимал, что от первых шагов войны зависит, как будут относиться к ней в дальнейшем.

21. В первый день, однако, события разворачивались скорее по воле страстей, чем по планам, продиктованным военным искусством. Вителлианцы появились под стенами города, слишком плотно поев, пьяные, без прикрытий и позабыв о всякой осторожности. Во время сражения сгорел расположенный за городскими стенами прекрасный амфитеатр. Может быть, его подожгли нападающие, когда забрасывали в город горящие лучины, раскаленные ядра и зажигательные стрелы, а может быть, и осажденные, которые, возвращаясь после вылазки к себе, проходили через этот амфитеатр. Склонная к подозрениям городская чернь решила, что здание подожгли из зависти люди, подсланные соседними колониями, ибо нигде в Италии не было столь огромного амфитеатра. От чего бы это ни произошло, пока жителям Плаценции грозили еще большие

беды, они не слишком сокрушались о сгоревшем амфитеатре, когда же все успокоилось, стали так горевать, будто ничего худшего с ними не могло и случиться. Пролитая кровь не давала Цецине покоя, и он употребил всю ночь на подготовку к новому штурму. Вителлианцы плели фашины, сколачивали щиты и навесные крыши, которые защищали бы нападающих, пока они будут вести подкоп под стены; отонианцы острили колья, собирали в огромные кучи камни, куски свинца и меди, чтобы обрушивать их на нападающих и уничтожать их осадные машины. И те и другие боятся позора и жаждут славы, и тех и других командиры подбадривают, напоминая одним о мощи германской армии и ее легионов, другим — о чести римского гарнизона и преторианских когорт; здесь поносят преторианцев — слабосильных бездельников, не знающих ничего, кроме цирков и театров; там — легионеров, которые, скитаясь на чужбине, забыли о родине, и чужестранцев, им помогающих; здесь, чтобы подзадорить солдат, ругают Отона и превозносят Вителлия, там, наоборот, Отона расхваливают, а Вителлия поносят, благо в обоих случаях оснований для осуждения больше, чем поводов для похвал.

22. Едва забрезжил день, защитники города высыпали на стены, поля покрылись войсками и засверкали оружием. Сомкнутым строем двигались легионы,⁵² врассыпную шли вспомогательные отряды, стрелами и камнями засыпая стены там, где они были повыше, и устремляясь на приступ в местах, где они небрежно охранялись или обветшали. Сверху, со стен, откуда было легче целиться и удобнее размахнуться, отонианцы метали дроты в отчаянно лезущих на приступ германцев из вспомогательных когорт. По обычаю своих предков, германцы наступали полуголые, потрясая над головой щитами и опьяняя себя боевыми песнопениями.⁵³ Легионеры, прикрытые навесами и плетеными крышами, подкапывали стены, насыпали валы, пытались разбить ворота. Преторианцы с грохом скатывали на них нарочно приготовленные для этой цели огромные тяжелые камни, которые увлекали за собой наступающих, давили и калечили раненых. Вителлианцы дрогнули, число убитых стало еще больше, град камней, дротов и стрел со стен усилился, и, наконец, вителлианцы стали отходить, навсегда расставаясь со славой, сопутствовавшей дотоле партии Вителлия. Снедаемый стыдом из-за столь безрассудно начатой осады, Цецина решил покинуть лагерь, где все смеялось над ним и напоминало о его пустом тщеславии, вновь перейти Пад и попытать свои силы под Кремоной.⁵⁴ Цецина уже уходил, когда к нему присоединились Туруллий Цериал, со множеством солдат морской пехоты, и небольшое число конников во главе с Юлием Бригантиком. Бригантик был префект кавалерии, родом из Батавии, а Цериал — примипилярый, служивший в свое время центурионом в Германии и потому знавший Цецину.

23. Когда Спуринне стало известно, куда направился противник, он послал Аннию Галлу донесение, в котором описал оборону Плаценции, рассказал обо всем, что случилось, и о дальнейших намерениях Цецины.

Галл в это время вел первый легион на поддержку гарнизона Плаценции. Зная, как мало в городе войск, он опасался, что они не выдержат осады и не смогут долго сопротивляться германской армии. Получив сведения о том, что Цецина отброшен и движется на Кремону, он с большим трудом — солдаты до того рвались в бой, что едва не взбунтовались, — остановил свой легион у Бедриака. Селение это находится на полпути между Вероной и Кремоной и пользуется недоброй славой из-за двух поражений, которые потерпело здесь римское войско.⁵⁵

В эти же дни неподалеку от Кремоны одержал победу Марций Макр. Человек храбрый и решительный, он на лодках перевез через Пад отряды гладиаторов и внезапно появился с ними на том берегу реки. Вспомогательные отряды вителлианцев были смяты, те, кто оказал сопротивление, вырезаны, остальные бежали по направлению к Кремоне. Опасаясь, однако, что противник получит подкрепление и сумеет повернуть ход битвы в свою пользу, Макр приказал победителям прекратить преследование. Отонианцам, которые и без того истолковывали в худшую сторону все поступки своих командиров, это показалось подозрительным. Каждый, кто был трус в душе, но боек на язык, спешил взвести всяческие обвинения на Анния Галла, Светония Паулина и Мария Цельза, которым Отон поручил командовать войсками. Особенно рьяно сеяли смуту и подстрекали к мятежу убийцы Гальбы. Содеянное преступление и страх лишили их уверенности; они стремились к беспорядкам и с этой целью то открыто призывали к бунту, то тайно писали доносы Отону. Отон всегда доверял любому ничтожеству и опасался честных людей. Неуверенный в успехе, лишь в несчастье обнаруживавший лучшие стороны своего характера, он находился в постоянном волнении. Наконец, он вызвал своего брата Тициана и поручил ведение войны ему.⁵⁶

24. Тем временем дела отонианцев под руководством Паулина и Цельза шли блестяще. Цецина дошел до отчаяния оттого, что каждый предпринятый им шаг оказывался неудачным и слава его армии меркла на глазах. От Плаценции его отбросили, вспомогательные отряды свои он только что потерял, даже в стычках разведчиков, не заслуживающих упоминания, но происходивших весьма часто, его солдаты неизменно терпели поражение. К тому же Фабий Валент был уже близко, и Цецина, чтобы не уступать ему славу победителя, стремился возможно быстрее добиться успеха, проявляя при этом больше нетерпения, чем разума. В двенадцати милях от Кремоны есть место, по названию Касторы, где лес подходит к самой дороге. Цецина расположил здесь наиболее боеспособные из своих вспомогательных отрядов, а коннице приказал продвигаться дальше вперед, завязать бой и внезапно отступить, заманив преследователей в засаду. Этот план стал известен полководцам отонианской армии. Паулин взял на себя командование пехотой, а Цельз — всадниками.⁵⁷ Одно подразделение тринадцатого легиона, четыре вспомогательные когорты и пятьсот всадников встали слева, середину дороги заняли

построенные в колонну три когорты преторианцев. правый фланг образовал первый легион с двумя вспомогательными когортами и пятьюстами всадниками. Наконец, сзади всех расположился конный отряд претория и конники вспомогательных войск — всего тысяча человек, готовых закрепить успех в случае победы или прийти на помощь в случае неудачи.

25. Войска еще не успели сойтись врукопашную, как вителлианцы стали отступать, но Цельз, зная о задуманной ловушке, удержал своих солдат на месте. Вителлианцы, которые были спрятаны в лесу, позабыв всякую осторожность, бросились преследовать медленно отходившего Цельза и, вырвавшись слишком далеко вперед, сами попали в засаду: на флангах у них оказались когорты, впереди — легионы, сзади — конница, внезапным маневром преградившая им путь к отступлению. Однако Светоний Паулин ввел в бой пехоту не сразу. Человек по природе своей медлительный и предпочитавший случайному успеху осторожные и продуманные действия, он приказал сначала засыпать канавы, расчистить поле битвы и лишь тогда строем развернул свои войска. «Предусмотри все, чтобы тебя не разбили, — говорил он, — а победа придет в свое время». Его медлительность дала возможность вителлианцам укрыться в виноградниках, где преследовать их было трудно из-за перепутанных лоз, тянувшихся от дерева к дереву. Рядом находился небольшой лесок, откуда они, осмелев, сделали вылазку и убили самых неосторожных из конных преторианцев. Ранен был и царь Эпифан,⁵⁸ ревностно призывавший всех сражаться за Отона.

26. В это время в бой ринулась отонианская пехота. Сокрушив основные силы противника, пехотинцы одно за другим обращали в бегство подходившие на помощь своим подразделениям вителлианцев. Дело в том, что Цецина вводил в бой свои когорты не сразу, а по одной; это вызвало смятение, ибо страх, владевший бежавшими с поля битвы солдатами, передавался и тем, что порознь и неуверенно приближались к месту сражения. В лагере вителлианцев начался бунт. Возмущенные тем, что их не посылают в бой всех сразу, солдаты схватили и заковали в цепи префекта лагеря Юлия Грата, утверждая, будто он изменяет им в угоду своему брату, воевавшему на стороне Отона; брат его, трибун Юлий Фронтон, был в это же самое время арестован отонианцами на основании точно такого же обвинения. Между тем повсюду — на подступах к полю боя и при отступлении с него, в центре битвы и под валами укреплений — вителлианцами владел такой ужас, что все войско Цецины можно было бы уничтожить, если бы Светоний Паулин не приказал дать отбой; слух о конце сражения быстро распространился по обеим армиям. По словам Паулина, он решил так поступить из опасения, как бы его солдаты, утомленные боем и долгой дорогой, не оторвались от своих и не попали возле лагеря вителлианцев под удар свежих сил противника. Эти соображения командующего кое-кто считал правильными, но массой солдат его решение было встречено неодобрительно.

27. Это поражение не столько напугало вителлианцев, сколько заставило их стать более дисциплинированными, — и не в одной только армии Цецины, который обвинял во всем солдат, думавших, по его словам, больше о бунте, чем о битве; в войске Фабия Валента (дошедшем тем временем до Тицина) тоже перестали с презрением отзываться о противнике; движимые желанием вернуть утраченную славу, солдаты и здесь стали вести себя сдержаннее и почтительнее по отношению к командующему и подчиняться его приказам. Между тем все сильнее разгоралось большое восстание, о начале которого можно рассказать, лишь вернувшись несколько назад: говорить о нем ранее не было возможности, ибо это нарушило бы связность повествования о Цецине и его делах. Я уже упоминал,⁵⁹ что батавские когорты, которые Нерон, готовясь к войне, вывел из состава четырнадцатого легиона, услышали, находясь на пути в Британию, о восстании Вителлия и присоединились в земле лингонов к Фабию Валенту. Батавы эти вскоре стали вести себя нагло и самоуверенно: они приходили в палатки солдат и говорили, будто именно они, батавы, заставили выступить четырнадцатый легион, будто тем самым Нерон из-за них потерял Италию и будто вообще от одних батавов зависит исход войны. Солдат это оскорбляло, командующего раздражало. Перебранки и драки ослабляли дисциплину, и в конце концов Валент стал опасаться, что батавы, начав с дерзостей, кончат изменой.

28. По всем этим причинам, когда Валент получил сообщение, что конница тревиров и тунгры разбиты флотом Отона, а Нарбоннская Галлия окружена, он решил защитить союзников и прибегнуть к военной хитрости: разделить охваченные брожением когорты, представлявшие собой, пока они находились вместе, столь опасную силу, и отдал приказ части батавов выступить на поддержку осажденной провинции. Слух об этом приказе быстро распространился по армии, союзные войска пришли в уныние, а легионы — в ярость. «У нас забирают лучших воинов, — говорили солдаты. — Именно сейчас, когда враг стоит прямо перед нами, отправить ветеранов, победителей в стольких сражениях, — это все равно, что выгнать их из строя перед битвой. Если провинция важнее Рима и спасения империи, то всем нам надо идти туда; если же исход войны и судьба нашего дела решаются в Италии, то отделить сейчас от армии эти когорты — все равно что отсечь от тела самые могучие его члены».

29. Валент попытался было подавить восстание силами ликторов, но разъяренные солдаты бросились на него, кидали в него камни, а когда он обратился в бегство, устремились за ним, крича, что он присвоил себе и добычу, взятую у галлов, и золото, полученное от жителей Виенны, и все деньги, полагавшиеся им за труды. Пока Валент, переодетый рабом, прятался у одного из декурионов кавалерии, они разворотили тюки с его добром, сорвали его палатку и даже землю под ней перекопали дротами и копьями. Вскоре префект лагеря Алфен Вар, заметив, что восстание понемногу идет на убыль, решил покончить с ним хитростью: он запретил

центурионам обходить посты, а трубачам не велел сзывать войско на работу и учения. Солдаты увидели, что никто ими не командует, и это больше всего испугало их. Сначала они как бы застыли в оцепенении, потом начали растерянно озиаться, замолкли, притихли и, наконец, стали со слезами молить о прощении. Когда же Валент, которого все считали погибшим, появился, — плачущий, в безобразной одежде, но здоровый и невредимый, — солдатами овладели радость, сострадание и любовь к своему полководцу. Чернь в веселии так же необузданна, как и в ярости. Ликующая толпа окружила Валента боевыми значками когорт и орлами легионов и понесла к трибуналу,⁶⁰ всячески восхваляя его и желая ему счастья. Он проявил разумную снисходительность и не стал требовать ничьей казни, хорошо зная, что во время гражданских войн солдатам позволено больше, чем полководцам. В то же время опасаясь, как бы войска не сочли подобную умеренность неискренней, он все-таки назвал несколько человек и указал на них как на виновных.

30. Армия занималась постройкой укреплений возле Тицина, когда пришла известие о том, что Цецина разбит. Сообщение это чуть было снова не вызвало мятежа; солдаты решили, что Валент медлил нарочно, из желания досадить Цецине, и что именно поэтому они опоздали к сражению. Позабыв об отдыхе и не дожидаясь приказа командующего, воины устремились вперед; они обгоняли знаменосцев, упрашивали их идти быстрее, — армия шла форсированным маршем и вскоре соединилась с войсками Цецины. Солдаты Цецины были настроены против Валента и жаловались, что он оставил их маленькую группу на милость несравненно более сильного неприятеля, который к тому же располагал свежими, отдохнувшими войсками. Говоря так, они, с одной стороны, льстили вновь прибывшим, приписывая решающую роль их армии, и в то же время снимали с себя обвинение в трусости и неспособности добиться победы. Хотя Валент действительно командовал почти вдвое большим числом легионов и вспомогательных войск, любимцем солдат все-таки оставался Цецина. Он находился в расцвете лет и сил, вызывал в людях безотчетную симпатию, а его радушие и щедрость привлекали к нему все сердца. Отсюда и пошла распря между полководцами. Цецина издевался над Валентом, называя его человеком подлым и грязным. Валент насмехался над Цециной, выставляя его гордецом и хвастуном. Однако оба, затаив ненависть, служили одному делу. Уже не рассчитывая на прощение, они без устали сочиняли памфлеты против Отона, в которых осыпали его самыми позорными обвинениями; из полководцев Отона ни один не писал ничего подобного, хотя Вителлий и мог бы дать для таких сочинений богатейшую пищу.

31. Пока оба они не погибли — Отон, стяжав громкую славу, а Вителлий — окончательно себя опозорив, римляне больше боялись бешеных вожделений первого, чем ленивого сластолюбия второго. Убийство Гальбы еще увеличило ненависть и страх, которые внушал Отон, Вителлия же,

однако, никто не обвинял в том, что он развязал гражданскую войну. Своим обжорством и пьянством Вителлий позорил самого себя,⁶¹ в то время как распутный, жестокий и наглый Отон⁶² казался опасным для государства.

Когда войска Цецины и Валента соединились, вителлианцы решили больше не медлить и дать сражение всеми имевшимися у них силами. Отон со своей стороны тоже начал задумываться, стоит ли ему и дальше затягивать войну или лучше попытаться счастья в решающей битве.

32. Светоний Паулин, считавший, что репутация самого искусного полководца своего времени дает ему право судить об общем ходе кампании, настаивал на том, что поспешность выгодна только противнику, а в интересах отонянцев — всячески затягивать военные действия. «В Италию спустилась вся армия вителлианцев, — говорил он, — в тылу у нее почти не осталось резервов. Между тем в галльских провинциях зреет бунт,⁶³ а снять войска с берегов Рейна нельзя, ибо это грозит вторжением враждебных племен. Британские легионы отрезаны от нас морем, да и враг, с которым им там приходится иметь дело, приковывает их к месту. Войска, сосредоточенные в Испании, не так уж велики. Нарбоннская провинция не в силах еще прийти в себя от страха после проигранного сражения и нападения нашего флота.⁶⁴ Транспаданская Италия⁶⁵ не может рассчитывать на помощь с моря, с суши ее окружают Альпы; край этот опустошен прошедшими здесь войсками и не в состоянии обеспечить армию продовольствием, без продовольствия же не может продержаться долго ни одно войско. Германцы, представляющие для нас наибольшую опасность, плохо переносят непривычный им климат, и если нам удастся затянуть боевые действия до лета, они совсем выбьются из сил. Многие войны, бурно, с успехом начатые, затянувшись и утомив всех, кончались ничем. Напротив того, все, что есть в мире надежного и сильного, — все на нашей стороне: хорошо отдохнувшие и крепкие духом армии Паннонии, Мёзии, Далмации и восточных провинций; Италия и Рим — столица мира, его сенат, его народ, — имена эти не померкли, хоть тень иногда и падала на них; несметные сокровища, принадлежащие государству и частным лицам, огромные суммы денег, которые в пору гражданских смут важнее оружия; солдаты, либо привыкшие к Италии, либо служившие в местах, где они научились переносить еще большую жару.⁶⁶ Нас прикрывают река Пад⁶⁷ и города с сильными гарнизонами и крепкими стенами, из которых, как показал пример Плаценции, ни один не уступит врагу. Надо, следовательно, затягивать войну. Через несколько дней здесь будет четырнадцатый легион, а с ним мёзийские войска. Тогда мы сможем снова обсудить положение, и если уж принимать бой, то располагая большими силами, чем теперь».

33. Марий Целзь поддержал доводы Паулина; послали узнать мнение Анния Галла, который за несколько дней до того упал с лошади и лежал больной; он велел отвечать, что думает то же самое. Тем не менее Отон

был склонен принять сражение. Брат его Тициан и префект претория Прокул,⁶⁸ оба люди неопытные, и слышать не хотели о промедлении. Они уверяли, что судьба, боги, удача, неизменно сопутствующая Отону, — все будет на их стороне, если только они рискнут, и, стремясь пресечь всякие возражения, подкрепляли свои доводы лестью по адресу принцепса. После того как было решено дать сражение, возник вопрос, участвовать ли императору в битве или находиться вдали от нее. Те же злополучные советчики настояли, чтобы Отон уехал в Брикселл⁶⁹ и там, не подвергаясь случайностям и риску, сосредоточился лишь на самых главных вопросах управления государством и общим руководством империей. Паулин и Цельз на этот раз не возражали, опасаясь создать впечатление, будто они хотят подвергнуть опасности жизнь принцепса. Этот день и положил начало бедствиям отонианцев: с принцепсом ушла значительная часть войска, состоявшая из преторианских когорт, наиболее заслуженных солдат и отрядов конницы; оставшиеся пали духом, ибо к полководцам они относились подозрительно и верили одному только Отону, который и сам по-настоящему полагался только на солдат. Кроме того, Отон, уходя, не распределил точно обязанностей между командующими.

34. Ни одна из этих мер не ускользала от внимания вителлианцев благодаря перебежчикам, которых бывает так много во время гражданских войн, — да и лазутчики, стараясь выведать, как идут дела у врага, не умели скрыть положение в собственной армии. Спокойно и пристально наблюдали Цецина и Валент за противником, совершавшим одну ошибку за другой, и раз уж сами не могли придумать ничего умного, выжидали, пока другие наделают глупостей. Чтобы создать впечатление, будто они готовятся напасть на стоявших против них на другом берегу гладиаторов⁷⁰ и в то же время не дать своим солдатам разлениться, они начали строить мост через Пад. Корабли расставили на равных расстояниях друг от друга, связали их крепкими балками, перекинутыми от носа к носу и от кормы к корме, а чтобы мост не снесло, суда укрепили якорями, удерживавшими их носом прямо против течения; якорные канаты, однако, не были натянуты и свисали свободно: если бы вода прибыла, корабли всплыли бы и мост остался бы цел. Мост замыкался башней, построенной на переднем корабле, откуда можно было, пользуясь машинами и метательными снарядами, обстреливать позиции врага. Отонианцы на своем берегу тоже возвели башню, откуда осыпали противника камнями и зажигательными стрелами.⁷¹

35. Посредине реки был остров. Пока гладиаторы собирались добраться до него на кораблях, германцы переплыли реку и захватили его. Увидев, что на острове скопилось их довольно много, Макр посадил на быстроходные суда отборных гладиаторов и напал на германцев. Однако гладиаторы по своему боевому опыту не могли сравниться с солдатами, да и стрелять с качающихся кораблей им было гораздо труднее,

чем германцам, стоявшим на твердой земле. Они перебежали от одного борта к другому, суда от этого раскачивались все сильнее, пока, наконец, бойцы, назначенные первыми выскочить на берег, не смешались в одну беспорядочную толпу с гребцами. Тут-то германцы по мелководью бросились к кораблям, хватались за корму, вскакивали на борт, тащили суда за собой и топили их. Все это происходило на глазах обеих армий, и чем громче радовались вителлианцы, тем больше отонианцы проникались ненавистью к Макру, который все это затеял и довел их до такого разгрома.

36. Сражение кончилось тем, что уцелевшие и не попавшие в руки германцев корабли вернулись восвояси. Солдаты требовали казни Макра; кто-то издал метнул в него дротик; он был ранен и несомненно погиб бы, если бы трибуны и центурионы не подоспели ему на помощь. Через некоторое время Вестриций Спуринна по приказу Отона оставил в Плаценции небольшой гарнизон и, выступив из города, присоединился к основным силам армии. Во главе войск, которыми командовал прежде Макр, Отон поставил кандидата в консулы Флавия Сабина.⁷² Солдаты радовались, как всегда при смене командира; командиры же, видя, что в войсках все чаще вспыхивают бунты, неохотно соглашались командовать такой разложившейся армией.

37. У некоторых писателей⁷³ мне доводилось читать, будто войска боялись, что война затянется, и испытывали отвращение к обоим принципсам, о преступлениях и низостях которых с каждым днем говорили все более открыто; будто они поэтому подумывали, не отказаться ли им вообще от вооруженной борьбы и либо принять всем вместе какое-то решение, либо поручить сенату выбрать нового императора; будто командиры отонианской армии потому и советовали всячески затягивать кампанию, что искали нового принципса и возлагали главные надежды на Паулина, — старшего среди консуляриев, прекрасного полководца, стяжавшего своими британскими походами громкую славу. Вполне допуская, что были люди, в глубине души предпочитавшие спокойствие распрям, а хорошего и ничем не запятнанного принципса — двум дурным и преступным, я в то же время не думаю, будто такой трезвый человек, как Паулин, живя в наредкость испорченное время, мог ожидать от черни благоразумия и надеяться, что люди, разрушившие мир из любви к войне, теперь откажутся от войны из любви к миру. Трудно поверить, кроме того, чтобы такое единодушие могло охватить армию, состоявшую из разнородных частей, отличных друг от друга по языку и обычаям; да и вряд ли легаты и командиры, хорошо знавшие, насколько большинство из них погрязло в долгах, распутстве и преступлениях, стали бы терпеть императора, который не был бы столь же обесславлен, как они, и не зависел бы во всем от их услуг.

38. Жажда власти, с незапамятных времен присущая людям, крепла вместе с ростом нашего государства и, наконец, вырвалась на свободу. Пока римляне жили скромно и неприметно, соблюдать равенство было не трудно, но вот весь мир покорился нам, города и цари, соперничавшие

с нами, были уничтожены, и для борьбы за власть открылся широкий простор. Вспыхнули раздоры между сенатом и плебсом; то буйные трибуны,⁷⁴ то властолюбивые консулы одерживали верх один над другим; на Форуме и на улицах Рима враждующие стороны пробовали силы для грядущей гражданской войны. Вскоре вышедший из плебейских низов Гай Марий и кровожадный аристократ Луций Сулла оружием подавили свободу, заменив ее самовластьем.⁷⁵ Явившийся им на смену Гней Помпей был ничем их не лучше, только действовал более скрытно; и с этих пор борьба имела одну лишь цель — принципат. У Фарсалии и под Филиппами легионы, состоявшие из римских граждан, не поколебались поднять оружие друг против друга, — нечего и говорить, что войска Отона и Вителлия тоже не сложили бы оружие по доброй воле. Все тот же гнев богов и все то же людское безумие толкали их на борьбу друг с другом, все те же причины породили и эту преступную войну, и только из-за бездарности правителей подобные войны оканчиваются после первой же битвы.⁷⁶

Однако размышления о нравах былых и нынешних времен завели меня слишком далеко; возвращаюсь к моему рассказу.

39. После того как Отон отправился в Брикселл, весь почет, подобающий главнокомандующему, выпал на долю брата его Тициана, действительную же власть сосредоточил в своих руках префект претория Прокул. Цельз и Паулин, с их умом и дальновидностью, оказались не у дел, и им ничего не оставалось, как прикрывать своим званием полководцев ошибки, которые совершали другие. Трибуны и центурионы, видя, что лучшие люди в опале, а худшие в силе, помалкивали. Солдаты были настроены бодро, но предпочитали обсуждать приказы командиров, вместо того чтобы выполнять их. Лагерь решили перенести на четыре мили в сторону от Бедриака,⁷⁷ но при этом обнаружили такую неопытность, что в самый разгар весны, в местности, орошаемой множеством рек, армия страдала от нехватки воды. Надо ли принимать сражение — все еще оставалось неясным. Отон присылал письма, в которых требовал быстрее дать бой; солдаты настаивали, чтобы император сам принял в нем участие; многие предлагали привести войска, находившиеся по ту сторону Пада.⁷⁸ Рассудить, какой образ действия был бы здесь самым лучшим, труднее, чем решить, не был ли избранный самым худшим.

40. Снарядившись так, будто ей предстоит не битва, а поход, армия двинулась к месту слияния Адуи⁷⁹ и Пада, расположенному в шестнадцати милях от лагеря. Цельз и Паулин доказывали, что нельзя ставить солдат, изнуренных переходом и перегруженных поклажей, под удар противника, который, конечно, не упустит возможности, пройдя налегке только четыре мили,⁸⁰ напасть на отонианцев, пока они либо находятся на марше и не построены для боя, либо, разделившись на небольшие группы, заняты постройкой лагеря. Тициан и Прокул не могли ничего противопоставить этим доводам, но данной им властью решили действовать по-своему. От Отона прискакал гонец-нумидиец⁸¹ и привез письмо,

в котором император в угрожающем тоне обвинял своих полководцев в нерадивости и приказывал им дать решительное сражение, — не в силах ждать дольше, он горел нетерпением увидеть, сбудутся ли его надежды.⁸²

41. В тот же день⁸³ к Цецине, который находился у строящегося моста и изо всех сил торопил окончание работ, явились трибуны двух преторианских когорт. Они просили принять их, и Цецина только что собрался выслушать их предложения и выдвинуть свои, когда примчавшиеся во весь опор разведчики сообщили о приближении неприятеля. Переговоры были тут же прерваны, и так и осталось неясным, что привело обоих трибунов — желание устроить ловушку Цецине, измена собственной армии или, напротив того, намерения серьезные и достойные. Отпустив трибунов, Цецина вернулся в лагерь и увидел, что Фабий Валент уже распорядился протрубить сигнал к бою и что солдаты стоят в полном вооружении. Пока легионы тянули жребий, определявший расстановку их во время битвы, конница вителлианцев бросилась в атаку. Странно сказать, но горстки отонианцев оказалось достаточно, чтобы обратить их в бегство, и всадники были бы прижаты к валу,⁸⁴ если бы не находчивость Итальянского легиона:⁸⁵ выставив обнаженные мечи, легионеры заставили конников повернуть обратно и вернуться в бой. Остальные вителлианские легионы спокойно строились для битвы; хотя враг находился совсем рядом, они не видели его из-за густых зарослей. В отонианской армии тем временем командиры трусили, солдаты им не доверяли; обозы и повозки маркитантов ломали строй; войску предстояло наступать по дороге,⁸⁶ вдоль которой шли две глубокие канавы, и проезжая часть была настолько узка, что по ней было трудно двигаться и в обычных условиях. Одни строились, другие разыскивали значки своей когорты, с криком подбегали и метались по всему лагерю солдаты — те, кто посмелей, протискивались в передние ряды, кто потрусливей, забивались назад.

42. Внезапно прошел слух, будто армия Вителлия отступилась от своего вождя. Страх и уныние тут же сменились весельем, которое лишь еще больше ослабило солдат. Распустили эту весть лазутчики Вителлия или она возникла в отонианском лагере — по чьему-либо злему умыслу, а может быть, и случайно — установить трудно. От боевого подъема отонианцев не осталось и следа; мало этого, они приветствовали армию противника, ответившую им глухим враждебным ропотом. Большинство отонианцев не понимало, что означают эти приветственные крики, и в испуге решило, что часть солдат изменила их делу. В этот-то момент на них и устремилась двигавшаяся стройными рядами неприятельская армия, превосходившая их мощью и числом. Отонианцы, хотя их было меньше, хотя они не успели построиться и были изнурены переходом, мужественно приняли бой. Деревья и вьющиеся виноградные лозы мешали солдатам: им приходилось то сходиться врукопашную, то вести бой на расстоянии, то схватываться мелкими группами, то нападать на неприятеля, построившись клином, так что каждый участок битвы выглядел на

свой лад. На дороге бились грудь с грудью, щит о щит; за дроты никто не брался; панцири и шлемы разлетались в куски под ударами мечей и секир. Сражаясь на глазах у всех против людей, которых он знал издавна, каждый солдат вел себя так, будто от его мужества зависел исход войны.

43. На поле, раскинувшемся между Падом и дорогой, случай свел гордый своей давней боевой славой двадцать первый легион, по прозванию Стремительный, стоявший за Вителлия, и сражавшийся на стороне Отона первый Вспомогательный, солдаты которого в подлинном сражении еще не бывали, но яростно рвались в бой, дабы стяжать себе первые лавры.⁸⁷ Прорвав передовые линии двадцать первого легиона, отонианцы овладевают его орлом. Вzbешенные легионеры отбрасывают нападающих, убивают их легата Орфидия Бенигна и захватывают множество значков и вымпелов. На другом участке под натиском пятого легиона отступает тринадцатый, со всех сторон окружен превосходящими силами противника четырнадцатый.⁸⁸ Полководцы Отона давно уже обратились в бегство, а Цецина с Валентом продолжают вводить в бой все новые и новые подкрепления. Неожиданно на поле боя появился Алфен Вар⁸⁹ со своими батавами. Стоявшие напротив них на другом берегу реки отряды гладиаторов начали переправляться через Пад, но батавы перебили их прямо на кораблях и теперь, окрыленные победой, наступали на левый фланг отонианцев.

44. Когда прорванным оказался и центр, отонианцы повсюду обратились в бегство, стремясь возможно скорей добраться до Бедриака. Путь, который им предстояло пройти, был бесконечен;⁹⁰ дороги завалены трупами; резня становилась все более жестокой — в гражданской войне не берут пленных, раз их нельзя продать. Светоний Паулин и Лициний Прокул отступали по разным дорогам, и ни тот, ни другой в лагерь не вернулись. Легат тринадцатого легиона Ведий Аквила, ничего не соображая от страха, сам себя выставил на поругание: он поднялся на вал, когда было еще совсем светло, и бежавшие с поля боя, вышедшие из повиновения солдаты накинулись на него с криком, с проклятиями и побоями, называя его дезертиром и изменником. Никакой особой вины за Авкилой не было, но чернь всегда обвиняет других в преступлениях, которые совершила сама. Тициану и Цельзу помогла темнота ночи — к тому времени как они добрались до лагеря, солдат уже удалось успокоить и повсюду были расставлены караулы. Действуя то увещаниями и просьбами, то приказами, Анний Галл сумел убедить отонианцев не отягчать понесенное поражение кровопролитием в своем же стане. «Кончится ли на этом война, — говорил он, — решим ли мы продолжать борьбу, одна только сплоченность может спасти побежденных». Солдаты чувствовали себя подавленными. Преторианцы жаловались, что были преданы, а не разбиты в честном бою. «Разве не пришлось вителлианцам кровью заплатить за победу? — спрашивали они. — Конница их понесла поражение, один легион

потерял своего орла; Отон по-прежнему с нами, с нами его войска, находящиеся по ту сторону Пада, и приближающиеся мёзийские легионы, и вся армия, которая стоит в Бедриаке,⁹¹ — их-то во всяком случае никто еще не победил. А если уж приходится умирать, то всегда почетнее погибнуть в бою». Охваченные такими размышлениями, солдаты то дрожали от страха, то вдруг возгорались жаждой мщенья. Ими все сильнее овладевало отчаяние, и, ослепленные гневом, они забывали об опасности.

45. Вителлианская армия остановилась на ночь возле пятого камня, не доходя Бедриака.⁹² Командиры ее не решились штурмовать отонианский лагерь в тот же день да и надеялись, что противник капитулирует сам. Заночевали они налегке,⁹³ в том, в чем вышли сражаться; не валы, а мечи и дроты охраняли их сон, согревали их не палатки, а радость и гордость одержанной победой. На следующий день рассеялись последние сомнения относительно того, что намерена предпринять отонианская армия, — теперь даже самые ожесточенные противники Вителлия были готовы выразить свое раскаяние. Отонианцы выслали парламентариев;⁹⁴ полководцы Вителлия согласились заключить с ними мир. Парламентарии возвратились не сразу, и вся армия ждала, затаив дыхание, гадая, удалось ли склонить победителей к миру. Вскоре послы вернулись; распахнулись ворота лагеря; обливаясь слезами, мешая горе и радость, проклиная гражданскую войну, победители и побежденные бросились друг к другу; в палатках перевязывали раны — брат брату, родственник родственнику. Мечты о наградах, честолюбивые надежды — все казалось спорным, бесспорны были только страдания и кровь; не было воина, которого пощадила бы злая судьба — каждому было кого оплакивать. Тело легата Орфидия отыскивали и сожгли с подобающими воинскими почестями. Немногих похоронили друзья, трупы других остались валяться на земле.

46. Отон ожидал известия об исходе битвы без всякого волнения, твердо зная, что ему делать дальше. Сначала по неясно доносившимся до него мрачным слухам, а потом по рассказам солдат, бежавших с поля боя, он понял, что сражение проиграно. Охваченные боевым пылом солдаты не стали ждать, пока император заговорит с ними. «Мужайся, — кричали они ему, — есть у нас еще свежие силы! Да и сами мы на все готовы, все вынесем!». Они не лгали: войска действительно пылали яростью, жаждой мести и рвались в бой спасти дело своей партии. Стоявшие в задних рядах протягивали к Отону руки, те, что были поближе, обнимали его колени. Особенно выделялся префект претория Плотий Фирм, умолявший Отона не бросать войско, столь ему верное, не покидать солдат, столь доблестно ему служивших. Он убеждал Отона, что достойнее переносить трудности, чем избегать их, что люди доблестные и сильные даже вопреки судьбе не перестают надеяться, что отчаиваются при виде опасности лишь трусы и глупцы. Солдаты сопровождали слова Плотия Фирма то криками радости, когда видно было, что Отон к ним

прислушивается, то стонами и жалобами, если им казалось, что он упорствует. Так вели себя не только преторианцы, издавна преданные Отону; солдаты из мёзийского авангарда с не меньшей настойчивостью повторяли, что армия их приближается, что легионы уже вступили в Аквилею,⁹⁵ лишь бы убедить всех, что существует возможность и дальше продолжать эту ужасную, губительную войну, не сулящую ничего верного ни побежденным, ни победителям.

47. Когда Отон заговорил, было ясно, что он уже оставил всякую мысль о войне. «Вы, по-моему, слишком высоко цените мою жизнь, — начал он, — если готовы с такой твердостью и мужеством идти ради нее навстречу гибели. Чем больше надежд, по вашим словам, мне остается, тем прекраснее предпочесть жизни смерть. Мы с судьбой достаточно долго испытывали друг друга, и не стоит гадать, смогу ли я еще раз добиться ее милости: чем яснее понимаешь, что счастье дано тебе ненадолго, тем труднее вовремя перестать за него цепляться. Из-за Вителлия началась гражданская война. По его вине мы с оружием в руках вступили в борьбу за принципат; я готов дать пример того, что не следует ее затягивать; по этому поступку пусть судят меня потомки. Я предоставляю Вителлию наслаждаться любовью брата, жены, детей, я не хочу мстить, не хочу искать утешения в чужом горе.⁹⁶ Другие дольше меня пользовались императорской властью; но никто не проявил такого мужества, расставаясь с ней. Могу ли я допустить, чтобы столько римских юношей, столько замечательных солдат бездыханные устилали землю и гибли без всякой пользы для государства? Мысль о том, что вы готовы были умереть за меня, я унесу с собой, но вы оставайтесь и живите. Не будем дольше тратить время, я не должен мешать вам спастись, вы не должны мешать мне выполнить мое твердое решение. Много говорит о смерти лишь тот, кто ее боится. Мое же решение умереть — неколебимо. Вы видите, что это правда хотя бы уже потому, что я никого ни в чем не обвиняю: только пока человек держится за жизнь, он продолжает нападать на богов и людей».

48. Окончив речь, Отон сказал солдатам, что они лишь вызовут гнев победителей, если и дальше будут медлить с капитуляцией, и посоветовал им поскорей отправляться. Стариков он об этом просил, от молодежи требовал, ласков был со всеми. Он велел им сдержать свою скорбь, и черты его были ясны, а голос тверд. Отон распорядился обеспечить отъезжавших судами⁹⁷ и повозками. Уничтожил памфлеты и письма, авторы которых неумеренно выражали преданность ему или поносили Вителлия. Роздал деньги, проявив при этом бережливость, необычную в человеке, решившем умереть. Он стал утешать своего племянника Сальвия Кокцейана, совсем еще мальчика, дрожавшего от ужаса и горя, хвалил его за преданность, стыдил за робость. «Вся семья Вителлия, — говорил он, — осталась цела и невредима, не может быть, чтобы у него хватило жестокости не ответить нам тем же; своей скорой смертью я тоже заслужил

милость победителя; наша армия стремится в бой, и, следовательно, смерть моя вызвана не отчаянной крайностью, а желанием избавить государство от гибели». Отон говорил далее, что стяжал достаточно славы себе и своему потомству, ибо после Юлиев, Клавдиев, Сервиев⁹⁸ был первым, кто, происходя из недавно возвысившегося рода, добился императорской власти. Пусть же юноша преисполнится бодрости и продолжает жить, пусть никогда не забывает, что он племянник Отона, но и не думает об этом слишком часто.⁹⁹

49. Отпустив всех, Отон прилег отдохнуть. Он уже обратился мыслями к близкой смерти, но внезапный шум отвлек его. Ему доложили, что удрученные горем разбушевавшиеся солдаты угрожают смертью тем, кто решил уйти и сдаться Вителлию. Самую лютую ненависть вызывал у них Вергиний,¹⁰⁰ чей дом, запертый со всех сторон, подвергся настоящей осаде. Выбрав зачинщиков, Отон вернулся к себе и стал прощаться с друзьями, не торопясь, стараясь, чтобы никто не имел повода на него обидеться. День уже клонился к вечеру. Отон зачерпнул пригоршню ледяной воды и напился. Ему принесли два кинжала, он попробовал, какой острее, выбрал один и спрятал его под изголовьем. Проверив, все ли друзья ушли, он лег, провел ночь спокойно и, как говорят, даже поспал, а с первыми лучами солнца¹⁰¹ бросился грудью на подставленный кинжал. Прибежавшие на стоны умирающего вольноотпущенники, рабы и префект претория Плотий Фирм увидели на теле его только одну рану. Погребение было совершено быстро, — он сам перед смертью усиленно просил об этом, — чтобы враги не отрубили голову и не стали глумиться над ней. Тело несли преторианцы. Они восхваляли покойного, целовали его руки, рану на груди. Возле костра несколько солдат покончили с собой: за ними не было никакой вины, и им нечего было бояться; они хотели показать свою любовь к принцепсу и затмить других столь славной гибелью. Смерть их вызвала восхищение и в Бедриаке, и в Плаценции, и в других лагерях. Над могилой Отона возвели гробницу — скромную и прочную. Так кончил он свою жизнь тридцати семи лет от роду.

50. Отон происходил из муниципия Ферентина.¹⁰² Отец его был консулярий,¹⁰³ дед претор, мать родилась в семье не столь видной, но не лишеной заслуг. Как прошли его детство и молодость, я уже рассказывал.¹⁰⁴ Он увековечил память о себе двумя поступками — одним позорным, другим благородным¹⁰⁵ — и приобрел у потомков и добрую, и дурную славу. Повторять рассказы и тешить читателей вымыслами несовместно, я думаю, с достоинством труда, мной начатого, однако я не решаюсь не верить вещам, всем известным и сохранившимся в преданиях. Как вспоминают местные жители, в день битвы под Бедриаком неподалеку от Регия Лепида,¹⁰⁶ в роще, где обычно бывает много народу, опустилась некая невиданная птица. Она не испугалась стечения людей, и летавшие кругом птицы не могли прогнать ее; но она исчезла из глаз в ту самую минуту, когда Отон покончил с собой. Вспоминая об этом впоследствии,

люди поняли, что странная птица сидела неподвижно как раз все то время, пока Отон готовился к смерти.

51. Во время похорон Отона солдаты, охваченные смятением и горем, снова взбунтовались, и на этот раз некому было их успокоить. Они бросились к Вергинию и, мешая мольбы с угрозами, просили его то принять императорскую власть, то отправиться в качестве легата к Цецине и Валенту. Вергиний тайком вышел из дома через заднюю дверь; только так, обманом, ему удалось спастись от ворвавшихся к нему солдат. Рубрий Галл¹⁰⁷ отправился от имени когорт, расположенных в Брикселле, заявить, что они сдаются, и капитуляция их была немедленно принята. Флавий Сабин тоже передал победителям войска, которыми командовал.¹⁰⁸

52. Уже после того как военные действия повсюду кончились, едва не погибло множество сенаторов, выехавших вместе с Отоном из Рима. Отон оставил их в Мутине,¹⁰⁹ где они и получили известие о поражении под Бедриаком. Солдаты не хотели ему верить и решили, что сенаторы, настроенные враждебно к Отону, нарочно распускают подобные слухи. Они начали следить за сенаторами; в их словах, одежде и выражении лица им виделась измена; наконец, они принялись осыпать сенаторов бранью и оскорблениями, чтобы таким образом получить повод и начать резню. В довершение бед над сенаторами нависла еще одна опасность: время шло, Вителлий с его сторонниками уже одержали победу и могли подумать, что сенаторы нарочно медлят с выражением своей радости. Никто не отваживался самостоятельно принять решение; перепуганные опасностями, грозившими им с обеих сторон, сенаторы сошлись вместе, решив, что уж если быть виноватыми, то всем сразу, и что так оно спокойнее. Затруднительность их положения увеличили еще декурионы¹¹⁰ Мутины, которые явились к сенаторам и, весьма некстати называя их отцами отечества,¹¹¹ принялись предлагать им оружие и деньги.

53. На этом собрании разразилась громкая ссора: Лициний Цецина обрушился на Эприя Марцелла,¹¹² утверждая, что тот выступил в сенате нарочито неопределенно и двусмысленно. Другие сенаторы говорили не более определенно, чем Марцелл, но Цецина выбрал именно его, стяжавшего своими доносами всеобщую ненависть и тем самым более уязвимого: как человек новый и недавно допущенный в сенат, он хотел во что бы то ни стало привлечь к себе внимание и поэтому старался нападать на людей известных. Самые благоразумные и умеренные из сенаторов разняли их, и все вернулись в Бононию,¹¹³ так как надеялись там скорее получить новые сведения и тогда еще раз обсудить создавшееся положение. На дороги, ведущие к Бононии, были высланы люди, которые расспрашивали каждого новоприбывшего. Среди последних оказался вольноотпущенник Отона. Его спросили, почему он покинул своего господина; вольноотпущенник отвечал, что несет предсмертные распоряжения Отона, что, когда он уходил, Отон был еще жив, но уже порвал все нити, связывающие

его с этим миром, и помышлял лишь о мнении потомства. Сенаторы пришли в восхищение от доблести Отона, из уважения к смерти не стали расспрашивать дальше и тотчас обратили все помыслы к Вителлию.

54. На совещаниях сенаторов присутствовал его брат Луций Вителлий. Он уже принимал лстивые выражения преданности, как вдруг ужасная весть, принесенная вольноотпущенником Нерона Ценом, привела всех в оцепенение: прибыл четырнадцатый легион, войска соединились в Брикселле, победители уничтожены, борющиеся стороны поменялись местами. Цен распустил этот слух, чтобы с помощью столь радостного известия вновь придать силу подорожной, данной ему Отонем и которой никто не хотел подчиняться. Цен действительно был немедленно доставлен в Рим, но там через несколько дней казнен по приказу Вителлия. Однако солдаты-отонянцы поверили распространившемуся слуху, и положение сенаторов стало еще опаснее. Паника росла, ибо все решили, будто отъезд сенаторов из Мутины носил официальный характер и знаменовал их отказ поддерживать дальше партию Отона. Теперь сенаторы вообще перестали собираться, каждый принимал решения на свой страх и риск. Наконец, прибыло письмо от Фабия Валента, которое рассеяло все страхи. К тому же смерть Отона была столь прекрасна, что молва о ней распространилась очень быстро, и дольше сомневаться в ней было невозможно.

55. В Риме волнений не знали. В установленный обычаем срок были устроены игры в честь Цереры.¹¹⁴ Когда актеры в театре объявили, что Отон умер и префект Рима Флавий Сабин привел все находящиеся в городе войска к присяге Вителлию, имя победителя было встречено аплодисментами. Народ обходил храмы, неся украшенные лаврами и цветами изображения Гальбы, неподалеку от бассейна Курция, на том месте, которое умирающий Гальба обогрил своей кровью, из венков сложили нечто вроде могильного холма. Сенат разом присвоил Вителлию все почести, которые были придуманы за долгие годы правления других принцевов.¹¹⁵ Постановили воздать хвалу и благодарность германской армии и отправить легатов, которые бы выразили войскам удовлетворение сената. Письма Фабия Валента консулам были прочитаны и найдены весьма умеренными; с еще большей благосклонностью отметили скромность Цецины, не приславшего никаких писем.

56. Между тем Италия терпела беды и страдания еще худшие, чем во время войны. Рассыпавшиеся по колониям и муниципиям вителлианцы крали, грабили, насиловали; жадные и продажные, они любыми правдами и неправдами старались захватить побольше и не щадили ни имущества людей, ни достояния богов. Находились и такие, что переодевались солдатами, дабы расправиться со своими врагами. Легионеры, хорошо знавшие местность, выбирали самые цветущие усадьбы и самых зажиточных хозяев, нападали на них и грабили, а если встречали сопротивление, то и убивали; командиры понимали, что находятся во власти солдат, и не

решались запрещать им что бы то ни было. Цецина был занят только своими честолюбивыми планами, Валент же так запятнал себя хищениями и вымогательством, что ему ничего не оставалось, как покрывать преступления других. Италия, и без того уже разоренная, едва могла прокормить все эти пехи и конные войска, едва выносила все эти несчастья и оскорбления.

57. Тем временем Вителлий, ничего еще не зная о своей победе и готовясь к длительной войне, стягивал остальные силы германской армии. Он оставил в зимних лагерях немногих престарелых солдат и поспешно вербовал рекрутов в галльских провинциях, чтобы пополнить свои легионы. Охрану рейнского берега он поручил Гордеонию Флакку¹¹⁶ и присоединил к своим войскам восемь тысяч солдат из британской армии.¹¹⁷ Едва он продвинулся на несколько дневных переходов, как получил известие о том, что битва при Бедриаке выиграна и смерть Отона положила конец войне. Вителлий тут же собрал войска и воздал солдатам хвалу за проявленную ими доблесть. Армия стала требовать, чтобы он даровал права всадника своему вольноотпущеннику Азиатик.¹¹⁸ Вителлий отказался выполнить эту просьбу, слишком уж отдававшую грубой лестью, но потом, с присущим ему непостоянством, негласно сделал то, на что не хотел согласиться открыто, и на пиру вручил кольца¹¹⁹ Азиатик, подлому рабу и злобному пройдохе.

58. В эти же дни прибыло сообщение о том, что на сторону Вителлия перешли обе Мавритании и что прокуратор этих провинций¹²⁰ Альбин убит. Лукцей Альбин был назначен управлять Мавританией Цезарейской еще Нероном. После того как Гальба распространил его полномочия и на Тингитанскую провинцию, в его руках оказались крупные силы: девятнадцать когорт, пять эскадронов конницы и большой отряд мавританцев, которые столько грабили и насильничали, что тоже приобрели немалый военный опыт. После убийства Гальбы Альбин, который склонялся на сторону Отона и которому Африка представлялась слишком тесным полем деятельности, стал угрожать Испании, отделенной от Мавритании лишь узким проливом. Это вызвало опасения у Клувия Руфа.¹²¹ Он приказал десятому легиону выйти к побережью и делать вид, будто готовится переправа в Африку, а сам выслал вперед центурионов и поручил им склонить мавров на сторону Вителлия. Сделать это им было нетрудно, ибо слава германской армии гремела в этих провинциях. В довершение всего распространился слух, будто Альбин брезгует должностью прокуратора, украшает себя царскими регалиями и принял имя Юбы.¹²²

59. Настроение в мавританских провинциях изменилось. Префект кавалерии Азиний Поллион, один из ближайших друзей прокуратора, и префекты когорт Фест и Сципион были удушены, Альбин убит, когда он, прибыв морем из Тингитанской провинции в Цезарейскую, сходил на берег, жена его сама подставила грудь ножам убийц и была ими заре-

зана. Никого из тех, кто все это проделал, Вителлий так и не привлек к ответу, — неспособный ни к чему серьезному, он и более важные дела выслушивал лишь краем уха.

Армии своей он приказал продолжать путь пешком, а сам плыл вниз по реке Араp,¹²³ без всякого великолепия, подобающего принцепсу, выставляя на всеобщее обозрение свою нищету, пока, наконец, правитель Лугдунской Галлии Юний Блез,¹²⁴ человек знатный, щедрый и богатый, не дал ему людей для его штата и не окружил блестящей свитой, за что Вителлий его возненавидел, хотя и прикрывал свои чувства самой низкой лезтью. В Лугдунуме его ждали полководцы обеих партий — победители и побежденные. Воздав перед строем войск хвалу Валенту и Цецине, он усадил их по обеим сторонам своего курульного кресла.¹²⁵ Вскоре затем Вителлий велел принести своего новорожденного сына, укутал его боевым плащом и приказал войскам дефилировать перед ребенком, которого держал прижатым к груди; он назвал сына Германиком¹²⁶ и облек его всеми знаками императорского достоинства; почести эти, в те счастливые дни ребенку ненужные, стали позже, когда все для него изменилось к худшему, единственными его утешением.

60. Вскоре затем самые храбрые и преданные из центурионов-отониянцев были убиты, что сразу оттолкнуло от Вителлия солдат иллирийской армии; под их влиянием другие легионы, и без того недолюбливавшие германские войска и завидовавшие им, тоже стали помышлять о войне. Светония Паулина и Лициния Прокула Вителлий долгое время держал под угрозой обвинения, пока, наконец, не дал им аудиенции, во время которой они старались обелить себя с помощью аргументов, продиктованных скорее их безвыходным положением, чем искренностью. Они дошли до того, что изобразили сами себя изменниками и приписали своим проискам и длиннейший переход,¹²⁷ и утомление войск перед битвой, и давку, которую произвели повозки, замешавшиеся в ряды солдат, и даже все те перенесенные отониянцами невзгоды, что были вызваны простой случайностью. Вителлий им поверил и простил людей, бывших образцом верности, лишь когда счел их изменниками. Никаких обвинений не было предъявлено брату Отона Тициану: его достаточно оправдывали и подчиненное положение, и полная бездарность. Марий Цельз остался консулом; ходили, однако, слухи, будто Цецилий Симплекс пытался (во всяком случае такое обвинение ему было вскоре предъявлено в сенате) за деньги приобрести эту должность и подстроить гибель Цельза. Вителлий на это не согласился и позже сам отдал Цецилию консулат,¹²⁸ за который тому не пришлось платить ни преступлением, ни деньгами. Трахала спасла от обвинителей Галерия, жена Вителлия.¹²⁹

61. Рассказывая о несчастьях, обрушившихся на стольких замечательных людей, стыдно даже упоминать некоего Марикка из племени бойев,¹³⁰ который возымел наглость добиваться власти и пойти против римского оружия, утверждая, что действует по велению неба. Он назы-

вал себя богом и мстителем за дело галлов; благодаря этому ему удалось собрать восемь тысяч человек, и они начали грабить окружающие деревни эдуев. Тогда это племя, славящееся суровой чистотой нравов, послало против них лучшую часть своего юношества, Вителлий — несколько когорт, и они вместе разогнали беснующуюся толпу. Марикка в этом сражении захватили в плен и бросили диким зверям, но звери не тронули его, и невежественная чернь была убеждена, что его охраняет высшая сила до тех пор, пока присутствовавший здесь Вителлий не велел его убить.

62. Больше не было принято никаких мер против сторонников Отона, и никто не покушался на их имущество. Завещания людей, погибших, сражаясь за Отона, исполнялись; если завещаний не было, действовали согласно закону о наследовании. Вообще если бы Вителлий мог справиться со своим обжорством, алчности его опасаться не приходилось. Он отличался отвратительной, ненасытной страстью к еде. Дороги, ведущие от обоих морей, дрожали под грохотом повозок, доставлявших из Рима и Италии все, что могло еще возбудить его аппетит. В городах устраивались пиры, своим великолепием разорявшие магистратов и истощавшие городские запасы продовольствия. Солдаты отвыкали от труда и воинской доблести, ибо все больше погружались в разврат и проникались презрением к своему вождю. Вителлий отправил в Рим эдикт, которым отклонял звание Цезаря и, до времени, звание Августа, но сохранял за собой всю полноту власти. Звездочеты были изгнаны из Италии. Строжайше запрещено римским всадникам позорить себя участием в гладиаторских боях. При прежних принцепсах их склоняли к этому деньгами, а чаще силой; многие муниципии и колонии наперебой старались подкупить наиболее развращенных из своих молодых людей, чтобы сделать их гладиаторами.

63. Все больше людей, стремившихся навязать Вителлию свои советы по управлению государством, втирались в его доверие; вскоре к ним присоединился брат императора, и под их общим влиянием принцепс становился день ото дня заносчивей и кровожадней. Он приказал умертвить Долабеллу, который, как я уже упоминал, был выслан Отонем в Аквинскую колонию.¹³¹ Получив известие о смерти Отона, Долабелла прибыл в Рим, где Планций Вар, бывший претор и его ближайший друг, донес на него префекту города Флавию Сабину.¹³² Планций уверял, будто Долабелла самовольно вернулся из ссылки, чтобы взять на себя руководство разбитой партией,¹³³ и будто он пытался склонить к измене стоявшую в Остии когорту солдат.¹³⁴ Все эти обвинения ни на чем не были основаны; позже Планций всячески в них раскаивался и старался оправдаться, но преступление было уже совершено. Флавий Сабин медлил, но жена Люция Вителлия Триария, отличавшаяся невиданной в женщине жестокостью, в угрожающем тоне потребовала, чтобы он не пытался прослыть гуманным и милосердным, спасая преступников, представляющих угрозу для принцепса. Сабин, человек по характеру добрый, но в минуты опас-

ности терявшийся и легко менявший свои решения, стал бояться уже за самого себя и подтолкнул падающего, дабы не подумали, что он пытается его спасти.

64. Новый принцепс не только боялся Долабеллы, но и ненавидел его, потому что тот сочетался браком с Петронией, вскоре после ее развода с Вителлием.¹³⁵ Вызвав Долабеллу к себе письмом, Вителлий приказал тем, кто его вез, свернуть с оживленной Фламиниевой дороги на Интерамну¹³⁶ и там его убить. Убийце, однако, все это показалось слишком сложным; в одном из трактиров по дороге он просто повалил Долабеллу на землю и перерезал ему горло. Убийство Долабеллы возбудило ненависть к новому принцепсу, впервые обнаружившему свой подлинный нрав. Необузданная свирепость Триарии выступала лишь еще отчетливее при сравнении со скромностью жены императора Галерии, принадлежавшей к тому же тесному кругу, но не запятнавшей себя участием ни в одном из злодеяний. Подобной же древней чистотой нравов отличалась и мать братьев Вителлиев Секстилия. Рассказывают, будто, получив первое письмо от сына,¹³⁷ она сказала, что рожала не Германика, а Вителлия. И позже ей не принесли радости ни милости судьбы, ни лесть всего государства, — до того чувствовала она себя чужой своей семье.

65. Вителлий уже выступил из Лугдунума, когда его догнал, бросив в Испании все свои дела, Клувий Руф; с виду он был полон радости и горячо поздравлял нового императора, в душе же скрывал страх, так как знал о взводимых на него обвинениях. Вольноотпущенник Цезаря Гиларий¹³⁸ донес, будто Клувий Руф, узнав о провозглашении принцепсами Отона и Вителлия, тоже решил захватить власть и овладеть Испанией, будто именно поэтому он не ставил имени ни того, ни другого из принцепсов на выдаваемых им подорожных¹³⁹ и будто некоторые из его речей были рассчитаны на завоевание популярности и оскорбительны для Вителлия. Уважение, которым пользовался Клувий, оказалось сильнее этих наветов, и Вителлий даже велел наказать вольноотпущенника.¹⁴⁰ Клувий присоединился к свите принцепса, в Испанию не вернулся и стал управлять ею на расстоянии по примеру Луция Аррунция.¹⁴¹ Аррунция Тиберий Цезарь не отпускал от себя из страха, Клувия же Вителлий оставил при себе без всяких тайных мыслей. Требеллий Максим, который, спасаясь от ярости солдат, бежал из Британии, не был удостоен подобной чести, — на его место Вителлий послал нового легата Веттия Болана,¹⁴² человека из своего ближайшего окружения.

66. Вителлия серьезно беспокоило настроение, царившее в разбитых легионах.¹⁴³ Разбросанные по всей Италии среди легионов победившей армии, они были рассадниками слухов и разговоров, враждебных новому принцепсу. Особенно буйствовали солдаты четырнадцатого легиона, которые вообще не считали себя побежденными. Под Бедриаком, говорили они, поражение потерпели одни лишь приданные легиону отряды, а главных наших сил там и не было. Вителлий счел за лучшее отправить

их обратно в Британию, откуда Нерон некогда их вывел, а пока что поместить в одном лагере с когортами батавов, издавна враждовавших с солдатами четырнадцатого легиона.¹⁴⁴ Батавы и легионеры, ненавидевшие друг друга и при этом вооруженные, недолго жили в мире. В колонии Августа Тавринов¹⁴⁵ один батав обругал какого-то ремесленника изменником; легионер, стоявший у этого ремесленника на квартире, за него вступился; на помощь тому и другому подоспели товарищи, и дело, начавшись с перебранки, кончилось резней. Драка превратилась бы во всеобщее побоище, если бы две преторианские когорты не встали на сторону легионеров, умножив тем самым их силы и напугав батавов. За проявленную преданность Вителлий влил батавов в состав своей армии, а легиону приказал перевалить через Грайские Альпы и двигаться дальше, минуя Виенну, так как жители этой колонии тоже опасались буйства легионеров.¹⁴⁶ В ночь, когда четырнадцатый легион уходил из Таврины, от больших костров, оставленных повсюду солдатами, начался пожар, уничтоживший часть города. Беда эта, как и многие, порожденные войной, была позже вытеснена из памяти людей худшими несчастьями, которые пришлось перенести другим городам. Когда легион спустился с Альп, некоторые самые мятежные его подразделения свернули на дорогу, ведущую к Виенне, но лучшие солдаты подавили бунт, и легион благополучно переправился в Британию.

67. Немногим меньше, чем побежденных легионов, боялся Вителлий преторианских когорт. Сначала их изолировали, затем предложили почетную отставку на льготных условиях;¹⁴⁷ наконец, они сдали трибунам оружие, но едва распространился слух о войне, начатой Веспасианом, — снова вернулись в строй и составили главную опору флавианской партии. Первый легион морской пехоты отправили в Испанию, дабы он успокоился, живя на отдыхе, вдали от военных столкновений, одиннадцатый и седьмой вернулись в свои зимние лагеря;¹⁴⁸ тринадцатый получил приказ приступить к сооружению амфитеатров: Цецина в Кремоне, а Валент в Боннии готовили гладиаторские игры, ибо Вителлий никогда не был в состоянии настолько предаться делам, чтобы забыть об удовольствиях.

68. Вителлию таким образом удалось без шума разъединить и изолировать силы побежденной партии, но как раз в это время начался мятеж в стане победителей. Повод для его возникновения был незначителен, но количество жертв, которое он за собой повлек, еще увеличило ненависть к новому принцепсу. Однажды Вителлий обедал в Тицине; среди приглашенных был Вергиний.¹⁴⁹ В лагере Вителлия легаты и трибуны подражали императору: то старались перешеголять друг друга суровостью нравов, то начинали пировать среди бела дня; солдаты вели себя точно так же: то удивляли всех послушанием, то буйствовали. Вообще в лагерях вителлианской армии не прекращались беспорядки и пьянство, все здесь походило больше на ночную пирушку или вакханалию, чем на воинский лагерь. Два солдата, один из пятого легиона, другой — из галль-

ских вспомогательных войск, затеяли борьбу, сначала в шутку, потом, разозлившись, — всерьез; легионер упал, галл стал всячески поносить его; зрители разделились; сбежавшиеся легионеры набросились на солдат вспомогательных войск и перебили две когорты. Побоище прекратилось, только когда поднялся новый переполох: кто-то, завидев вдали клубы пыли и блеск оружия, крикнул, что это возвращается на помощь своим четырнадцатый легион. На самом деле то было тыловое охранение уходившего легиона, и едва это стало ясно, как волнение улеглось. Тем временем солдаты случайно повстречали на улице принадлежавшего Вергинию раба, стали обвинять его в убийстве Вителлия и бросились в дом, где шел пир, требуя смерти Вергиния. Вителлий, обычно трепетавший от всякого рода подозрений, на этот раз не сомневался, что обвинение ложно; ему, однако, стоило большого труда усмирить солдат, с криками требовавших смерти консулярия, еще недавно бывшего их полководцем. Вообще трудно найти человека, которому бы столько раз грозили смертью мятежные войска; солдатам казалось, будто Вергиний их презирает,¹⁵⁰ и они не могли простить ему этого, хотя преклонялись перед его доблестью и славой.

69. На следующий день Вителлий принял представителей сената (он еще раньше приказал им дожидаться его в Тицине), а затем отправился в лагерь и произнес речь, в которой хвалил войска за преданность и дисциплину. Солдаты вспомогательных отрядов, увидев, что легионеры, после всех бесчинств, ими содеянных, остаются безнаказанными, пришли в ярость. Опасаясь их гнева и буйства, Вителлий отправил батавов назад в Германию,¹⁵¹ сделав первый шаг к той войне, одновременно и внешней, и междоусобной, которую готовила нам судьба.¹⁵² Вернули в свои племена и галльских ополченцев: они были набраны немедленно после измены,¹⁵³ набраны в несметном количестве и во время военных действий оказались совершенно бесполезными. Впоследствии Вителлий, опасаясь, что императорской казне не хватит денег на все его расходы, распорядился сократить кадровый состав легионов и вспомогательных войск, впредь пополнений не проводить и стал всем и каждому предлагать выход в отставку. Эти меры, губительные для государства, не одобряли и солдаты: раз людей становилось меньше, а труды и опасности оставались те же, на долю каждого их должно было приходиться больше. Армия теряла силы в распутстве и наслаждениях и все больше забывала древнюю дисциплину, установления предков, при которых Римское государство стояло твердо, ибо зиждилось на доблести, а не на богатстве.¹⁵⁴

70. Из Тицина Вителлий свернул на Кремону¹⁵⁵ и, посмотрев устроенные Цециной гладиаторские игры, выразил желание побывать на поле сражения у Бедриака, чтобы своими глазами увидеть места, где его войска недавно добились победы. Зрелище, открывшееся глазам Вителлия, вызывало лишь отвращение и ужас. Со времени сражения прошло уже сорок дней; повсюду виднелись растерзанные тела, отрубленные члены,

гниющие останки людей и коней, пропитанная кровью земля дышала миазмами, деревья были поломаны, посевы вытоптаны, кругом расстилась мертвая пустыня. Дорога, шедшая через эти нагромождения трупов,¹⁵⁶ выглядела еще ужаснее оттого, что кремонцы, следуя обычаям восточных деспотий, разбросали по ней цветы и лавровые ветки и соорудили алтари, на которых убивали жертвенных животных.¹⁵⁷ Кремонцы ликовали, но прошло совсем немного времени, и эти самые торжества обернулись для них несчастьями и бедами.¹⁵⁸ Валент и Цецина рассказывали о ходе битвы и показывали Вителлию места, где разворачивались те или иные ее эпизоды, — здесь легионы бросились в атаку, отсюда налетела конница, оттуда вспомогательные войска двинулись на окружение противника. В разговор вмешались трибуны и префекты; каждый восхвалял свои подвиги, примешивая к правде всяческие преувеличения, а то и прямую ложь. Солдаты с шумом и веселыми криками разбрелись по полю, узнавая места, где происходили схватки, дивились на горы оружия и груды трупов. Некоторые же, видя, сколь превратно бывает счастье человеческое, сокрушались и плакали. Вителлий, однако, не пришел в ужас, не опустил глаза при виде стольких тысяч своих сограждан, оставшихся без погребения;¹⁵⁹ не зная еще, что готовит ему судьба, он радостно приносил жертвы местным богам.

71. Затем в Бононии бои гладиаторов устроил и Фабий Валент. За оружием и всем необходимым для этих зрелищ он послал в Рим. Чем ближе подъезжали посланные им люди к столице, тем больше окружали они себя роскошью и распутничали. К ним присоединялись бродячие актеры, целые шайки миньонов и множество других подобных же лиц, обычно составлявших свиту Нерона, — было известно, что Вителлий восхищался Нероном и присутствовал обычно на всех его выступлениях не по принуждению, как многие достойные люди, а потому только, что любил разврат и готов был продаться в рабство каждому, кто хорошо угостит. Чтобы предоставить почетные должности Валенту и Цецине, Вителлий стал сокращать консульские сроки других. Без всякого шума был освобожден от обязанностей консула как один из руководителей отоннианской партии Марций Макр; не получил полагавшейся ему должности выдвинутый в консулы еще Гальбой Валерий Марин, — он ни в чем не провинился, а просто был известен как человек покладистый и терпеливо сносящий обиды. Обошли консульским званием и Педания Косту, — Вителлий, хоть и приводил другие основания, на самом деле не любил его за то, что Коста осмеливался выступать против Нерона и поддерживать Вергиния. Следуя рабским обыкновениям того времени, все они выразили Вителлию благодарность.

72. В это время объявился новый самозванец, продержавшийся, несмотря на сопутствовавший ему вначале успех, лишь несколько дней. Он выдавал себя за Скрибониана Камерина¹⁶⁰ и утверждал, будто бежал при Нероне в Истрию, где сохранились поместья и клиенты Крассов.¹⁶¹

и где имя их было окружено почетом. Набрав несколько человек из самой сволочи, которые согласились сыграть назначенные роли в задуманной им комедии, он вскоре привлек на свою сторону чернь, всегда верящую разным слухам, и некоторых солдат, либо не понявших, где правда, либо надеявшихся поживиться во время беспорядков; но тут его схватили и доставили к Вителлию. Император начал расспрашивать его, что он за человек, но никакой веры словам его придать было нельзя. Когда же бывший хозяин узнал его и оказалось, что он — беглый раб по имени Гета, то его казнили, — так, как обычно казнят рабов.¹⁶²

73. Сейчас нам даже трудно представить себе, до чего возгордился Вителлий и какая беспечность им овладела, когда прибывшие из Сирии и Иудеи гонцы сообщили, что восточные армии признали его власть. До тех пор в народе на Веспасиана смотрели как на возможного кандидата в принцепсы и слухи о его намерениях,¹⁶³ хоть и смутные, хоть и неизвестно кем распускаемые, не раз приводили Вителлия в волнение и ужас. Теперь и он сам, и его армия, не опасаясь больше соперников, предались, словно варвары, жестокостям, распутству и грабежам.

74. Веспасиан между тем еще и еще раз взвешивал, насколько он готов к войне, насколько сильны его армии, подсчитывал, на какие войска у себя в Иудее и в других восточных провинциях он может опереться. Когда он первым произносил слова присяги Вителлию и призывал на него милость богов, солдаты слушали его молча, и было ясно, что они готовы восстать немедленно. Муциан к Веспасиану относился сдержанно благожелательно, а Титу явно симпатизировал; префект Египта Тиберий Александр¹⁶⁴ знал о замыслах Веспасиана и одобрял их; Веспасиан полностью полагался на третий легион, переведенный им из Сирии в Мёзию, и рассчитывал, что остальные иллирийские легионы в нужный момент тоже последуют за ним.¹⁶⁵ На то были основания: вся армия возмущалась наглостью солдат, приезжавших сюда от имени Вителлия, их свирепым видом, их грубой речью, их манерой насмехаться над окружающими и считать всех ниже себя. Но нелегко решиться на такое дело, как гражданская война, и Веспасиан медлил, то загораясь надеждами, то снова и снова перебирая в уме все возможные препятствия. Два сына в расцвете сил, шестьдесят лет жизни за плечами, — неужели настал день, когда все это надо отдать на волю слепого случая, воинской удачи? Частный человек волен сам решать, добиваться ли осуществления своих замыслов или отказаться от них, он может взять от судьбы больше или меньше, как захочет. Перед тем же, кто идет на борьбу за императорскую власть, один лишь выбор — подняться на вершину или сорваться в бездну.

75. Перед глазами Веспасиана проходили германские армии, мощь которых он, старый полководец,¹⁶⁶ хорошо знал. «Мои легионы, — думал он, — не имеют опыта гражданской войны, а легионы Вителлия одушевлены только что одержанной победой; на победленных рассчитывать нельзя — они охотнее жалуются, чем дерутся. Солдаты, пережившие

столько гражданских смут, все вместе ненадежны, а поодиночке — опасны. Что пользы в пеших когортах и конных отрядах, если один-два солдата в расчете на награду, которая ждет их в лагере противника, могут внезапно броситься на полководца и покончить с ним? Так погиб в правление Клавдия Скрибониан, а его убийца Волагиний неожиданно поднялся из низов и дошел до высших военных должностей.¹⁶⁷ Легче увлечь за собою целую толпу, чем избежать коварства одного человека».

76. Друзья и приближенные старались развеять мрачные мысли Веспасиана. Муциан, который и раньше через тайных посредников не раз убеждал его решиться на восстание, встретился, наконец, с Веспасианом и обратился к нему со следующими словами: «Каждый, кто отваживается на великое дело, должен взвесить, принесет ли оно пользу государству и славу ему самому, как скоро удастся его осуществить и не сопряжено ли оно со слишком большими трудностями. Надо убедиться также, готов ли человек, толкающий тебя на такое дело, разделить весь риск, с ним связанный, надо предугадать, кому в случае удачи достанется наибольший почет. Я призываю тебя, Веспасиан, взять императорскую власть, которую сами боги отдают тебе в руки; государству это принесет спасение, тебе — великую славу. Не думай, что слова мои продиктованы желанием польстить тебе: стать императором после Вителлия скорее унизительно, чем почетно. Мы¹⁶⁸ не пытались бороться ни с могучим и мудрым божественным Августом, ни с подозрительным стариком Тиберием, мы не шли против Гая, Клавдия или Нерона — все они принадлежали к семье, власть которой была долгой и прочной; ты склонился и перед Гальбой, но бездействовать далее, наблюдать, как государство идет к поруганию и гибели, — трусость и позор; бесчестным трусом сочтут тебя, если ты предпочтешь ценой унижений и покорности обеспечить себе безопасность. Теперь уже никто не подумает, что ты хочешь захватить императорскую власть из честолюбия, она для тебя — единственное спасение. Или ты забыл о гибели Корбулона?¹⁶⁹ Я понимаю, что благородством происхождения он превосходил нас с тобой, но ведь и Нерон вышел из более знатной семьи, чем Вителлий. Трусу представляется великим и знатным каждый, кто внушает страх. Вителлий, сделавшийся императором без денег, без боевых заслуг, благодаря одной лишь ненависти солдат к Гальбе, по собственному опыту знает, что, опираясь на поддержку армии, можно стать принцепсом. Сейчас он сокращает состав легионов, разоружает преторианские когорты, вызывая раздражение, которое каждый день может привести к новой гражданской войне. Ведь Отон погиб не оттого, что противник превосходил его стратегическим искусством или численностью, а оттого лишь, что слишком рано счел свое дело проигранным; теперь же, видя, сколь нелепо управляет империей Вителлий, люди начинают скорбеть об Отоне как о великом государе и вспоминать о нем с сожалением. Если у вителлианских солдат и были энергия и боевой пыл, то они, по примеру своего принцепса, растратили их по трактирам и

пирушкам. У тебя же в Иудее, Сирии и Египте стоят девять нетронутых легионов, не утомленных походами, не развращенных смутами; солдаты здесь закалены, привыкли смирять врагов-иноземцев, боевой мощи исполнены эскадры кораблей, конные отряды и пешие когорты, целиком преданы нам местные цари, и ты превосходишь всех соперников опытом полководца.

77. «Для себя я хотел бы только одного — не считаться хуже Валента и Цецины. Не пренебрегай мной как союзником только потому, что я не стремлюсь с тобой соперничать. Я ставлю себя выше Вителлия, тебя же — выше себя. Ты триумфом прославил свое родовое имя,¹⁷⁰ у тебя двое сыновей, один из которых уже может управлять государством и еще юношей стяжал себе славу, сражаясь в германской армии.¹⁷¹ Если бы я был императором, я сам бы выбрал его в наследники; поэтому я поступаю разумно, с самого начала уступая тебе императорскую власть. Мало этого, удача и неудача в затеваемом деле по-разному отзовутся на каждом из нас: если мы победим, я получу лишь ту награду, которую ты мне даруешь, перед лицом же опасностей и смерти мы равны. Лучше всего, если ты сохранишь в своих руках верховное командование и не станешь подвергать себя риску, а все превратности военного счастья пусть выпадут на мою долю. Настроение в побежденной армии сейчас лучше, чем у победителей, — солдатам разбитого войска гнев, ненависть и жажда мщения заменяют доблесть; силы же их бывших противников ослаблены спесью и упрямством. Война сорвет корку, которая сейчас скрывает от глаз гноящиеся раны вителлианства, и я еще больше рассчитываю на лень, невежество и жестокость Вителлия, чем на твою проницательность, бережливость¹⁷² и мудрость. Так или иначе, война сулит нам меньше опасностей, чем мир, ибо того, что мы говорим сейчас, уже достаточно, чтобы нас сочли изменниками».

78. Муциан умолк. Все окружили Веспасиана, требовали, чтобы он решился на затеваемое дело, напоминали ему о благоприятных ответах прорицателей и счастливом расположении светил. Веспасиан не был чужд суеверий — недаром, уже ставши владыкой мира, он открыто держал при себе некоего Селевка, звездочета и прорицателя, и прислушивался к его советам.¹⁷³ И сейчас давние предзнаменования всплыли у него в памяти. Он был еще юношей, когда у него в имени неожиданно рухнул на землю огромный кипарис. На следующий день упавший ствол сам вернулся на свое место и стал расти и зеленеть пуще прежнего. Гаруспики в один голос истолковали это как предсказание величия и счастья, которое сулит юному Веспасиану судьба, как предвестие славы, его ожидающей. Триумф, консулат, победа в Иудейской войне казались ему исполнением пророчества; теперь, когда все это уже было позади, он стал думать, не предрекало ли ему это давнее знамение и императорскую власть. Между Сирией и Иудеей есть место, где высится гора Кармел и где чтут божество того же имени.¹⁷⁴ Тут стоит его алтарь, тут возносят

ему молитвы, но по заветам предков ему не строят храмов и не ставят изображений. Здесь-то, в ту пору, когда тайные надежды уже владели его душой, Веспасиан совершал жертвоприношение. Жрец Басилид долго всматривался в расположение внутренностей жертвенного животного и, наконец, сказал: «Что бы ты ни замышлял, Веспасиан: постройку дома, расширение своих поместий или покупку новых рабов — все даруют тебе боги, — и пышные палаты, и бескрайние владения, и власть над множеством людей». Загадочные слова эти сразу же стали достоянием молвы, но лишь теперь люди начали понимать их тайный смысл, и среди черни только и было речи, что об этом пророчестве. Еще больше толковали о нем в доме Веспасиана: если человек вынашивает какие-либо планы, близкие обычно предсказывают ему успех.

Муциан и Веспасиан разъехались. Один направился в столицу Сирии Антиохию, другой — в Цезарею, столицу Иудеи.¹⁷⁵ И тот, и другой понимали, что жребий брошен.

79. Первым признал Веспасиана императором Тиберий Александр. С торопливостью, пожалуй чрезмерной, он уже в июльские календы¹⁷⁶ привел к присяге стоявшие в Александрии легионы. В дальнейшем именно эта дата праздновалась как первый день правления Веспасиана, хотя он сам принял присягу иудейской армии лишь на пятые сутки после июльских нон.¹⁷⁷ Случилось это так внезапно, что не дождались даже Тита, возвращавшегося в это время из Сирии, где он выполнял роль посредника между отцом и Муцианом. Никто не собирал легионы, никто не устраивал сходки — все решил энтузиазм солдат.

80. Еще никто не знал, где и когда начнется сходка, еще не решили, — в таких случаях это всегда самое трудное, — кто заговорит первым, люди то надеялись, то пугались, то пытались все рассчитать, то полагались на случай, а уж несколько солдат, собравшихся у шатра Веспасиана, чтобы как обычно воздать ему почести, подобающие легату, неожиданно приветствовали его как императора. Немедленно сбежались остальные и тут же присвоили ему титулы Цезаря, Августа и все прочие звания, полагающиеся принцепсу. Страх исчез, солдаты уверовали в свою счастливую судьбу. Сам Веспасиан в этих новых и необычных обстоятельствах оставался таким же, как прежде — без малейшей важности, без всякой спеси. Едва прошло первое волнение, густым туманом застилающее глаза каждому, кто попадает на вершину могущества, он обратился к войску с несколькими словами, по-солдатски простыми и суровыми. В ответ со всех сторон раздались громкие крики ликования и преданности. Радостный подъем охватил также легионы, стоявшие в Сирии, и Муциан, с нетерпением ожидавший начала событий, тотчас привел их к присяге Веспасиану. Затем он явился в антиохийский театр, где местные жители обычно собираются, чтобы поговорить о делах,¹⁷⁸ и обратился к толпе с речью, встреченной со лстивой восторженностью. Муциан был искусен в делах и словах, на всем, что он говорил или делал, всегда лежала

печать какого-то артистизма, и речь его, хотя произнесенная по-гречески, получилась яркой и красивой. Слова Муциана о том, что Вителлий решил перевести германские легионы в Сирию, где служить выгодно и спокойно, а в германские лагеря, с их суровым климатом и тяжелым режимом, отправить войска из Сирии, вызвали бурное возмущение провинциалов и солдат. Возмущались они потому, что и провинциалы привыкли к стоявшим в этих местах войскам, хорошо относились к солдатам, со многими из них породнились и вели общие дела, и солдаты, после стольких лет службы, стали смотреть на лагерь как на родной дом.

81. Еще до июльских ид присягу приняла вся Сирия. К восставшим примкнули Сохем со своим царством и находившимися под его властью немалыми боевыми силами, а также Антиох — самый крупный среди местных подчиненных Риму царьков, знаменитый своими богатствами, доставшимися ему от предков.¹⁷⁹ Вскоре затем Агриппа, получив секретное сообщение от своих приближенных, покинул Рим и по-прежнему ничего не подозревавшего Вителлия, стремительно пересек море и вернулся к себе.¹⁸⁰ Царица Береника также решительно встала на сторону восставших. Молодая и красивая, она даже старого Веспасиана обворожила любезностью и роскошными подарками. Все приморские провинции, вплоть до границ Азии и Ахайи, и все внутренние, вплоть до Понта и Армении, присягнули на верность Веспасиану. Правда, легионы в Каппадокию тогда еще введены не были¹⁸¹ и легаты всех этих провинций не располагали военными силами. Чтобы обсудить наиболее важные вопросы, в Берите¹⁸² было собрано совещание. Муциан прибыл туда, окруженный легатами, трибунами, самыми блестящими центурионами и солдатами; отборных своих представителей прислала и иудейская армия. Все эти пешие и конные воины, цари, соревнующиеся друг с другом в роскоши, придавали совещанию такой вид, будто именно здесь принимали настоящего принцепса.

82. Подготовку к войне Веспасиан начал с того, что набрал рекрутов и призвал в армию ветеранов; наиболее зажиточным городам поручили создать у себя мастерские по производству оружия, в Антиохии начали чеканить золотую и серебряную монету. Эти меры спешно проводились на местах особыми доверенными лицами. Веспасиан показывался всюду, всех подбадривал, хвалил людей честных и деятельных, растерянных и слабых наставлял собственным примером, лишь изредка прибегая к наказаниям, стремился умалить не достоинства своих друзей, а их недостатки. Он роздал должности префектов и прокураторов и назначил новых членов сената, в большинстве своем людей выдающихся, вскоре занявших высокое положение в государстве; встречались, однако, и такие, которым счастливый случай помог больше, чем собственные достоинства. Что до денежного подарка солдатам, то Муциан на первой же сходке предупредил, что он будет весьма умеренным, и Веспасиан обещал войскам за участие в гражданской войне не больше, чем другие платили им

за службу в мирное время: он был непримиримым противником бессмысленной щедрости по отношению к солдатам, и поэтому армия у него всегда была лучше, чем у других. К парфянам и в Армению были посланы легаты, и были приняты меры к тому, чтобы после ухода легионов на гражданскую войну границы не оказались незащищенными. Тит остался в Иудее, Веспасиан занял ворота Египта,¹⁸³ — было решено, что для победы над Вителлием хватит лишь части войск и такого командующего, как Муциан, а также славы, окружавшей имя Веспасиана; во всем остальном они полагались на фортуна, которая может сокрушить любые препятствия. Были подготовлены письма ко всем армиям и легатам, командирам приказано переманивать на свою сторону преторианцев, настроенных враждебно к Вителлию, обещая им в награду возвращение на службу.

83. Муциан вел себя не как доверенное лицо Веспасиана, а скорее как его соправитель. Выступив в путь во главе отборного отряда, он двигался не слишком медленно, дабы не подумали, будто он затягивает кампанию, но и не слишком быстро, ибо знал, что войск у него немного, а армия, которую еще никто не видел, всегда кажется опаснее, и ужас, ею вызываемый, тем больше, чем медленнее она приближается. Правда, двигавшиеся за ним шестой легион и насчитывавшие тринадцать тысяч бойцов самостоятельные отряды и без того производили весьма внушительное впечатление. Муциан приказал кораблям выйти из Понта и собраться в Византии.¹⁸⁴ План кампании не был ему еще до конца ясен, но он все более склонялся к мысли, оставив Мёзию в стороне, двинуться пешими и конными силами к Диррахию,¹⁸⁵ одновременно запретив большим кораблями выход из моря, омывающего Италию.¹⁸⁶ Это давало возможность закрыть доступ в Ахайю и Азию, которые иначе пришлось бы укреплять особыми гарнизонами или оставить безоружными на милость Вителлия. Если бы этот план удался, Вителлий оказался бы в растерянности, не зная, какую часть Италии защищать от нападения вражеского флота, — Брундизий или Тарент, берега Калабрии или Лукании.¹⁸⁷

84. Провинции содрогались от грохота оружия, поступи легионов, передвижений флотов. Хуже всего, однако, им приходилось от денежных поборов. Муциан часто повторял, что деньги — станова жила войны; при сборе их поэтому он исходил только из величия задач, перед ним стоявших, и не считался ни с правом, ни с реальными возможностями провинций. Доносы сыпались к нему со всех сторон, все богатые имения были разграблены. Эти свирепые и безжалостные меры в условиях войны еще можно было оправдать, но их продолжали применять и в мирное время. В начале своего правления Веспасиан только не мешал злоупотреблениям других, позднее же, избалованный удачами, поощряемый дурными советчиками, стал позволять их себе и сам.¹⁸⁸ Муциан тратил на военные нужды немало и собственных денег, — тем охотнее, что он их с лихвой возмещал из государственных сумм. Другие следовали его при-

меру и тоже расходовали свои средства, но восполнять их теми способами, какие применял он, позволяли себе весьма немногие.

85. Дела Веспасиана пошли еще успешнее, после того как на его сторону перешла иллирийская армия. В Мёзии третий легион подал пример остальным,¹⁸⁹ т. е. восьмому и седьмому Клавдиеву, которые, хотя и не участвовали в битве при Бедриаке, были страстно преданы Отону. Заняв Аквилею,¹⁹⁰ они разогнали всех, кто распространял сведения о смерти Отона, разгромили отряды, несшие на своих знаках изображения Вителлия, и кончили тем, что разграбили и поделили между собой казну. Оказавшись таким образом в лагере противников принцепса, они испугались, а испугавшись, сообразили, что провинности перед Вителлием можно представить как заслуги перед Веспасианом. Тогда они отправили в Паннонию письмо, в котором убеждали стоящую там армию присоединиться к ним, а на случай отказа стали готовиться к вооруженному столкновению. В разгар всех этих событий правитель Мёзии Апоний Сатурнин решился на гнусное преступление: прикрывая политическими соображениями личную вражду, он поручил одному из центурионов убить легата седьмого легиона Теттия Юлиана.¹⁹¹ Юлиан, узнав о грозящей ему опасности, связался с людьми, хорошо знающими тамошние места, окольными дорогами пересек Мёзию и скрылся по ту сторону Гэмских гор.¹⁹² Он и в дальнейшем не принимал участия в гражданской войне: выехав к Веспасиану, он то замедлял, то ускорял свой путь в зависимости от поступавших к нему вестей и в конце концов так до Веспасиана и не добрался.

86. Тем временем в Паннонии тринадцатый и седьмой Гальбанский легионы,¹⁹³ удрученные и обозленные разгромом под Бедриаком, без всяких промедлений присоединились к Веспасиану, главным образом под влиянием Прима Антония. Этот человек, не уважавший законы, осужденный при Нероне за подлог, был возвращен в число сенаторов, — как будто и без того война принесла нам мало бедствий. Поставленный Гальбой во главе седьмого легиона, Антоний, если верить молве, много раз писал Отону и вызывался возглавить его сторонников. Отон пренебрег его предложениями, и во время отонианской войны Антоний остался не у дел. Когда положение Вителлия только начало колебаться, он перешел на сторону Веспасиана, и этот переход имел тогда большое значение. Антоний был лихой рубака, бойкий на язык, мастер сеять смуту, ловкий зачинщик раздоров и мятежей, грабитель и расточитель, в мирное время нестерпимый, но на войне небесполезный. Мёзийская и паннонская армии, таким образом, объединились и увлекли за собой войска, расположенные в Далмации, хотя консульские легаты в этих провинциях вовсе не были склонны к мятежу. Паннонией правил Тампий Флавиан, Далмацией — Помпей Сильван,¹⁹⁴ и тот, и другой — люди богатые и старые. Был там, однако, еще и прокуратор Корнелий Фуск, человек в расцвете сил и знатного рода. Еще в ранней молодости, горя желанием побыстрее раз-

богатеть, он вышел из сенаторского сословия.¹⁹⁵ Он был одним из главных магистратов своей родной колонии и вместе с ней перешел на сторону Гальбы, что принесло ему, наконец, возжеленное место прокуратора;¹⁹⁶ присоединившись же к Веспасиану, Фуск сделался ярым вдохновителем войны. Опасности он любил больше, чем блага, добываемые их ценой, крайние и рискованные меры предпочитал испытанным и верным. Фуск объединился с Антонием, и они вместе принялись разжигать ненависть солдат, напоминая об обидах, некогда им нанесенных, и бередя старые раны. Было составлено обращение к солдатам четырнадцатого легиона, расположенного в Британии, и первого, стоявшего в Испании, — оба они не так давно выступали на стороне Отона против Вителлия;¹⁹⁷ галльские провинции были засыпаны подметными письмами, и в мгновение ока на огромных пространствах забушевала война. Иллирийская армия открыто изменила Вителлию, остальные решили положиться на судьбу.

87. Пока Веспасиан и руководители его партии вели в провинциях эти приготовления, Вителлий лениво двигался к Риму, останавливаясь в каждом муниципии, на каждой вилле, где только можно было приятно провести время. День ото дня он становился все более беспомощным и вызывал к себе все большее презрение. За ним следом шло шестьдесят тысяч разнузданных и наглых солдат, еще больше войсковой прислуги и обозных рабов, выделявшихся своей развращенностью даже среди невольников, и свита, состоявшая из такого количества официальных лиц и знакомых императора, что с ними нельзя было бы справиться и при самой строгой дисциплине. Толпа эта еще увеличивалась за счет сенаторов и всадников, которые выехали из столицы навстречу принцепсу, одни — движимые страхом, другие — подобострастием, остальные, число которых понемногу росло, — боязную отставку от других. Со всех сторон сбегались шуты, лицедеи, возницы; некогда¹⁹⁸ они тешили Вителлия своим искусством, он не забыл этих участников своих постыдных походов и встречал их с радостью, повергавшей многих в недоумение. Вся эта масса войск опустошала не только колонии и муниципии, но даже усадьбы земледельцев; нивы, уже колосившиеся новым урожаем, они вытапывали, как будто шли по земле врага.

88. Со времени беспорядков в Тицине¹⁹⁹ легионеры продолжали враждовать с солдатами вспомогательных войск; они непрерывно ссорились, убивали друг друга и примирались, только чтобы выступить вместе против мирных жителей. Самое большое побоище произошло у седьмого камня, не доходя Рима.²⁰⁰ Вителлий начал здесь раздавать солдатам паек — каждому поодиночке, будто откармливал гладиаторов; сбежавшие со всех сторон местные жители проникли в лагерь и смешались с солдатами. Несколько человек из простонародья придумали нелепую шутку: они потихоньку срезали портупеи у ничего не подозревавших солдат, а потом спрашивали, где их оружие. Воины, не привыкшие сносить насмешки, возмутились и с обнаженными мечами бросились на безоруж-

ную толпу. Среди прочих был убит отец одного из них, пришедший проводить сына; когда это стало известно, солдаты утихли и решили пощадить ни в чем не повинных людей. Рим тем не менее был охвачен паникой, так как жители успели познакомиться с солдатами, вступившими в город еще до прибытия армии. Солдаты эти стремились прежде всего попасть на Форум: им не терпелось взглянуть на то место, где несколькими месяцами ранее лежал труп Гальбы. Одетые в звериные шкуры, с огромными дротами, наводившими ужас на окружающих, они представляли дикое зрелище. Непривычные к городской жизни, они то попадали в самую гущу толпы и никак не могли выбраться, то скользили на мостовой, падали, если кто-нибудь с ними сталкивался, тут же раздражались руганью, лезли в драку и, наконец, хватались за оружие. Даже трибуны и префекты носились по городу во главе вооруженных банд, наводя повсюду страх и трепет.

89. Сам Вителлий, в боевом плаще, опоясанный мечом, верхом на великолепном скакуне, тронулся с Мульвиева моста,²⁰¹ гоня перед собой сенаторов и народ, как победитель, въезжающий в покоренный город. Друзья, однако, посоветовали ему так в Рим не входить;²⁰² он испугался, сменил плащ на тогу и вступил в столицу во главе армии, шедшей в сомкнутом строю. Впереди двигались орлы четырех легионов,²⁰³ по обеим их сторонам — вымпелы четырех остальных,²⁰⁴ следом — двенадцать значков кавалерийских отрядов, легионеры, конница и тридцать четыре пешие когорты, разделенные по племенам и видам оружия. Перед орлами шагали, все в белом, префекты лагерей, трибуны и первые центурионы первых десяти манипул; остальные центурионы, сверкая оружием и знаками отличия, шли каждый впереди своей центурии; фалеры и нагрудные украшения солдат блестели на солнце.²⁰⁵ Великолепное зрелище, великолепная армия, достойная не такого полководца, как Вителлий! Он поднялся на Капитолий, обнял мать и назвал ее почетным именем Августа.

90. На следующий день Вителлий произнес пышную речь, в которой восхвалял самого себя, свою энергию и миролюбие. Можно было подумать, что он выступает перед сенатом и народом чужой страны: ведь и приближенные, и те, кто сейчас слушали его, и Италия, по которой он только что прошел, бесстыдно выставляя напоказ свое распустство и лень, — все были свидетелями его преступлений. И тем не менее неспособная отличать истину от лжи, приученная к лести бессмысленная толпа покрыла его речь возгласами одобрения. Как он ни отказывался, его заставили принять имя Августа — титул, который никак не пристал Вителлию, независимо от того, соглашался он принять его или нет.

91. В нашем государстве люди склонны искать толкование для любого события, и когда Вителлий, ставши верховным понтификом,²⁰⁶ распорядился провести в пятнадцатый день августовских календ публичное богослужение, все восприняли это как недоброе предзнаменование: день этот, отмеченный поражением на Кремере и аллийским разгромом, издавна

считался несчастливый.²⁰⁷ Вителлий, однако, ничего не смыслил ни в человеческих, ни в божественных установлениях, он поступал по советам друзей, столь же глупых и легкомысленных, как его вольноотпущенники, и к тому же всегда казавшихся пьяными. Правда, он, как простой гражданин, отстаивал на консульских комициях своих кандидатов,²⁰⁸ ходил в театры, аплодировал в цирке и, сидя там, внимательно прислушивался ко всем мнениям, высказывавшимся в толпе, вплоть до самых вздорных. Такое поведение, будь оно выражением высоких душевных качеств, конечно, обеспечило бы Вителлию любовь и популярность, но так как все помнили его прошлую жизнь, то оно выглядело непристойным и вульгарным. Он часто бывал в сенате, даже когда там обсуждались незначительные вопросы. Однажды кандидат в преторы²⁰⁹ Приск Гельвидий выступил против него. В первую минуту Вителлий вспыхнул, но овладел собой и лишь обратился к народным трибунам с просьбой защитить авторитет власти, попранный в его лице. Друзья, опасаясь, как бы гнев не завел его далеко, стали его успокаивать. «Нет ничего странного в том, — отвечал Вителлий, — что два сенатора, обсуждая государственные дела, разошлись во мнениях», и добавил, что сам он много раз выступал против Тразеи.²¹⁰ Сравнение было настолько нескромным, что многие рассмеялись; некоторым, однако, понравилось, что в качестве подлинного образца он назвал Тразею, а не кого-нибудь из стоявших у власти.

92. Во главе претория Вителлий поставил префекта одной из когорт Публилия Сабина и центуриона Юлия Приска; первому покровительствовал Цецина, второму — Валент. Окруженный распрями, Вителлий не имел настоящей власти, — Цецина и Валент правили за него. Их давняя ненависть друг к другу, которую в походах и лагерях как-то удавалось скрывать, теперь в столице, где поводы для ссор столь обильны, разжигаемая коварными друзьями, разгорелась еще сильнее. Они старались перещеголять друг друга числом сторонников, пышностью свиты, обилием клиентов, ожидавших их выхода по утрам.²¹¹ Вителлий, непостоянный в своих привязанностях, склонялся на сторону то одного, то другого; на власть, зависящую от произвола правителя, никогда нельзя по-настоящему положиться. Оба они презирали и боялись принцепса, вечно колебавшегося, осыпавшего их то беспричинными оскорблениями, то неуместными ласками, что не мешало им захватывать дома, сады, сокровища казны, в то время как толпы аристократов, возвращенных Гальбой из ссылки,²¹² обремененных детьми, жалких и нищих, не получали от принцепса никакого вспомоществования. Эти отпрыски знатнейших родов государства с радостью приняли распоряжение Вителлия, одобренное даже и чернью, по которому вернувшимся из ссылки гарантировались обычные права патрона на своих вольноотпущенников.²¹³ Хитрые рабы, однако, всячески нарушали это распоряжение, то пряча свои деньги, то помещая их под чье-либо высокое покровительство; некоторые даже жили теперь в императорском дворце и стали могущественнее своих господ.

93. Солдаты не уместались в лагере,²¹⁴ переполняли портики и храмы, бродили по всему городу. Они забыли о строе, о дежурствах, об укрепляющей тело работе и предались таким развлечениям, о которых даже стыдно говорить; безделье губило их тела, низкие страсти — душу. Даже о сохранении своей жизни люди перестали заботиться — многие расположились лагерем в гиблом Ватиканском овраге и умирали один за другим.²¹⁵ Томимые жарой и постоянным желанием освежиться, галлы и германцы, и без того болезненные, беспрерывно купались в протекавшем неподалеку Тибре, и это ослабляло их еще больше. Обычный порядок прохождения службы был нарушен из-за интриг и всеобщей распущенности: формировалось шестнадцать когорт претория и четыре городской стражи, по тысяче человек каждая, и Валент, утверждавший, что он некогда спас Цецину от гибели, на этом основании набирал теперь в преторианцы и городскую стражу кого ему заблагорассудится.²¹⁶ Появление Валента с войсками в свое время действительно обеспечило победу вителлианцев; удачный исход сражения заставил забыть недобрые слухи о том, что Валент шел к Бедриаку подозрительно медленно, и теперь все солдаты нижегерманской армии были на его стороне. Говорят, что именно в эти дни Цецина впервые поколебался в своей преданности Вителлию.

94. Впрочем, если Вителлий и закрывал глаза на своеволие командиров, еще больше потакал он солдатам. Каждый сам выбирал себе род войск. Любой, пусть и недостойный, мог, если только ему взбрело на ум, проходить службу в столице, и наоборот, даже самый хороший солдат, стоило ему захотеть, оставался в легионах или кавалерийских отрядах. Немало легионеров, измученных болезнями и жарой, выражали такое желание. Так или иначе, легионы лишились основных своих сил, а престижу римского гарнизона, в который влили двадцать тысяч человек, на вербованных без разбора по всей армии, был нанесен тяжкий удар.

Однажды, когда Вителлий проводил солдатскую сходку, раздался голоса, требовавшие казни Азиатика, Флава и Руфина — галльских вождей, воевавших на стороне Виндекса, и Вителлий даже не попытался обуздать крикунов. Дело заключалось не только в его природной глупости и слабости: он понимал, что приближается день, когда солдатам придется выдать вознаграждение, денег у него не было, и он старался задобрить их любым другим способом. На императорских вольноотпущенников наложили подать по числу рабов, которым каждый из них владел. Сам же Вителлий, умевший только тратить, строил конюшни своим возничим, свозил отовсюду гладиаторов и диких зверей для зрелищ, которые собирался устраивать, как будто владел несметными богатствами.

95. День рождения Вителлия,²¹⁷ прежде никем не отмечавшийся, Цецина и Валент отпраздновали с редким великолепием, устроив гладиат-

торские бои в каждом квартале Рима.²¹⁸ Радость негодяев и возмущение людей порядочных вызвали жертвоприношения в память Нерона, устроенные Вителлием у жертвенника, сооруженного для этой цели на Марсовом поле. Жертвенных животных убивали и сжигали во славу римского народа, жертвенный огонь разводили жрецы-августалы,²¹⁹ — был восстановлен весь обряд, созданный Ромулом в честь царя Татия²²⁰ и Цезарем Тиберием для прославления рода Юлиев. Не прошло еще и четырех месяцев со времени победы Вителлия, а уж его вольноотпущенник Азиатик возбудил к себе такую же ненависть, как в былые годы поликлиты, патробины²²¹ и им подобные. Никто в этом доме не пытался выдвинуться с помощью честности или трудолюбия, к власти вел только один путь — тешить ненасытные вожделения Вителлия оргиями и пирами, один другого роскошней и расточительней. Сам принцепс радовался тому, что может наслаждаться, пока есть время, о будущем старался не думать и, как говорят, за несколько месяцев проел двести миллионов сестерциев.²²² Целый год пришлось злосчастному городу терпеть Отона и Вителлия, сносить обиды и оскорбления от виниев, фабиев, икелов, азиатиков, пока не явились Муциан и Марцелл,²²³ — другие люди, но с теми же нравами.

96. Первое сообщение о мятеже в армии, полученное Вителлием, касалось третьего легиона и было послано Апонием Сатурнином²²⁴ еще до того, как сам он примкнул к партии Веспасиана. По письму Апония, перепуганного внезапно развернувшимися событиями, трудно было судить, какой размах они приняли, лстивые же придворные старались преуменьшить значение случившегося, уверяя, что взбунтовался всего-навсего один легион и что остальная армия сохраняет верность императору. В этом духе Вителлий и произнес речь перед солдатами. Он обрушился на недавно демобилизованных преторианцев, которые, по его словам, занимались распространением всех этих ложных слухов, не упомянул ни об опасности гражданской войны, ни даже имени Веспасиана и разослал по городу солдат, приказав им пресекать все опасные разговоры. Эта последняя мера как раз и дала больше всего пищи для разнотолков.

97. Тем не менее Вителлий стал вызывать войска из Германии, Британии и Испании, не торопясь и делая вид, что ему не грозит никакая опасность. Не спешили и провинции во главе со своими легатами. Гордеоний Флакк, которому поведение батавов уже тогда начало казаться подозрительным, больше думал о войне, угрожавшей ему самому; Веттий Болан управлял страной, где никогда не было настоящего спокойствия;²²⁵ оба колебались, не зная, на чью сторону лучше стать. Из испанских провинций, лишенных в ту пору единой верховной власти,²²⁶ тоже никто не торопился на помощь Вителлию; легаты всех трех легионов²²⁷ были равны по своему положению; если бы удача сопутствовала Вителлию, они стремились бы перещегоолять друг друга в услужливости, теперь же, когда его положение пошатнулось, они с редким единодушием старались дер-

жаться от него подальше. В Африке легион²²⁸ и отдельные когорты, набранные Клодием Макром и вскоре распущенные Гальбой, по приказу Вителлия снова вернулись в строй. Молодежь, не попавшая в этот набор, тоже охотно записывалась в солдаты. Дело в том, что и Вителлий, и Веспасиан в разное время были проконсулами Африки, и первого вспоминали здесь с уважением и благодарностью, в то время как имя второго повторяли с ненавистью и злобой.²²⁹ На этих-то воспоминаниях провинциалы и строили свои предположения о будущем правлении каждого из них, предположения, опровергнутые дальнейшим ходом событий.

98. Сначала легат Валерий Фест²³⁰ от всей души поощрял эти настроения провинциалов. Вскоре, однако, он повел двойную игру: в донесениях и эдиктах открыто поддерживал Вителлия, а секретно сообщаемыми сведениями втайне помогал Веспасиану, рассчитывая выждать и выступить на стороне той партии, которая возьмет верх. Из числа солдат и центурионов, разосланных Веспасианом с письмами и эдиктами по Реции и галльским провинциям, лишь немногие были схвачены, доставлены к Вителлию и казнены, остальным удалось обмануть бдительность вителлианцев: одних спрятали друзья, другие сумели скрыться сами. Так или иначе, о приготовлениях Вителлия было известно все, о замыслах Веспасиана — почти ничего. Причиной тому были и глупость Вителлия, и заставы в Паннонских Альпах,²³¹ задерживавшие гонцов, и этезийские ветры,²³² благоприятные кораблям, шедшим на Восток, но мешавшие тем, кто плыл в противоположную сторону.

99. Перепуганный продвижением противника и доходившими со всех сторон зловещими вестями, Вителлий приказал Цецине и Валенту двинуться на врага. Цецина отправился вперед; Валент задержался в Риме, так как был еще слишком слаб после только что перенесенной тяжелой болезни. Уходившие из города войска мало походили на прежнюю германскую армию: воины не чувствовали более ни сил в теле, ни бодрости в душе; они шли медленно, несомкнутым строем, оружие едва не падало из ослабевших рук, кони шатались от истощения. Измученные жарой, пылью, резкими переменами погоды, солдаты были изнурены и неспособны переносить трудности походной жизни, но тем более склонны к бунтам и ссорам. Сам Цецина, обычно полный энергии, теперь как бы впал в оцепенение, — то ли этот баловень судьбы растратил в оргиях все свои силы, то ли вынашивал измену и разложение армии входило в его планы. Многие думали, что к измене он начал склоняться под влиянием Флавия Сабина. Действовавший по поручению Сабина Рубрий Галл²³³ уверял Цецину, что Веспасиан примет все его условия, разжигал его зависть и ненависть к Валенту, убеждал добиваться влияния при новом дворе и милостей нового принцепса, раз Вителлий не оценил его по заслугам.

100. Вителлий осыпал Цецину почестями, обнял его на прощание, и тот выступил в поход, отправив вперед часть кавалерии с приказом занять

Кремону. Вслед за Цециной двинулись отдельные подразделения первого, четвертого, пятнадцатого и шестнадцатого легионов, за ними — пятый и двадцать второй; наконец, походным строем пошли двадцать первый Стремительный и первый Италийский, сопровождаемые отдельными подразделениями трех британских легионов и отборными отрядами вспомогательных войск. Уже после того как Цецина выступил, Валент написал в те легионы, которыми прежде командовал, письмо, прося солдат остановиться и подождать его и уверяя, что о задержке этой он с Цециной договорился. Цецина сам шел с армией и, воспользовавшись этим, убедил солдат, что договоренность его с Валентом будто бы была позже изменена и что не следует дробить войско перед лицом надвигающейся опасности. Одним легионам он приказал быстро идти на Кремону, другим — двигаться на Гостилию,²³⁴ сам же, под предлогом, что ему нужно договориться с флотом, свернул на Равенну и вскоре, в поисках возможности начать тайные переговоры с противником, оказался в Патавии.²³⁵ Во главе Равеннского и Мизенского флотов²³⁶ стоял Луцилий Басс. Вителлий назначил его — простого префекта кавалерийского отряда — командиром двух флотов. Луцилий, однако, счел себя оскорбленным тем, что его тут же следом не сделали префектом претория, и принялся с подлым коварством выискивать, на чем бы выместить свою бессмысленную ярость. Сейчас уже нельзя сказать, он ли увлек за собой Цецину или, как это часто бывает, — у недобрых людей мысли сходятся, — одни и те же дурные наклонности двигали обоими.

101. Писатели, которые рассказывали историю этой войны во время правления Флавиев,²³⁷ из лести объясняли измену Цецины и других их заботами о мире и любовью к родине. Нам же кажется, что людьми этими, — не говоря уж об их непостоянстве и готовности раз изменить Гальбе, изменять кому угодно, — двигали соперничество и зависть; они готовы были погубить Вителлия, лишь бы не уступить его расположение кому-нибудь другому. Вернувшись к своим легионам,²³⁸ Цецина принялся разными хитростями восстанавливать центурионов и солдат против Вителлия, которому они были фанатически преданы. Басс действовал в том же направлении, но ему было не так трудно добиться своей цели: моряки, еще недавно воевавшие за Отона, и без того склонялись к измене.

КНИГА ТРЕТЬЯ

1. Гораздо удачнее и с большей преданностью своему вождю разрабатывали планы войны полководцы флавианской партии. Они собрались в Петовионе, в зимних лагерях тринадцатого легиона, и между ними возник спор о том, укрепляться ли в Паннонских Альпах и ждать, пока

с востока придут основные силы, или избрать более решительный образ действий — двигаться прямо на врага и завязать бой за Италию. Командиры, предпочитавшие медлить и ждать резервов, много говорили о славе и мощи германских легионов, об отборных частях британской армии, только что присоединившихся к Вителлию.¹ «Наши легионы, — утверждали они, — недавно лишь потерпели поражение и уступают противнику не только по числу, — какие бы грозные речи солдаты ни произносили, боевой дух у них далеко не тот, что у вителлианцев. Если же мы займем Альпы и там остановимся, к нам присоединятся Муриан и его восточные армии, а Веспасиану останутся эскадры кораблей² и преданные ему провинции, — с такими силами в пору начать еще одну войну. Разумное промедление, таким образом, в будущем умножит наши силы, а в настоящее время ничему не вредит».

2. Антоний Прим, самый рьяный среди сторонников войны, доказывал, что быстрота действий восставшим выгодна, а для Вителлия губительна. «Победа, — говорил Антоний, — скорее ослабила наших противников, чем укрепила их силы. Вителлианцы перестали готовиться к боям, забыли лагерную жизнь: расставленные на постой по муниципиям всей Италии, они тем больше боятся хозяев, у которых живут, чем сильнее притесняли их раньше, тем жаднее набрасываются на удовольствия, чем меньше к ним привыкли. От цирков и театров, от удобств столичной жизни силы их тают, здоровье слабеет. Если только дать им время, они вспомнят о походах и войнах, снова обретут былую боевую мощь. Германия, откуда они черпают силы, — недалеко, лишь узкий пролив отделяет от них Британию, рядом — провинции Галлии и Испании, шлющие им подати, людей и коней; в их руках Италия и сокровища Рима. Захотят они перейти в наступление — к их услугам два флота,³ и на всем Иллирийском море ни одного корабля, способного дать им отпор.⁴ Что проку будет тогда от наших горных укреплений? Какой смысл, затягивать войну еще на одно лето? Откуда тем временем добывать деньги и продовольствие? Не лучше ли воспользоваться тем, что паннонские легионы, скорее обманутые, чем разбитые,⁵ только и мечтают о мести, что мы располагаем нетронутыми силами мёзийской армии? Если вести расчет не по числу легионов, а по количеству солдат, то мы сильнее вителлианцев, да и дух наших войск несравненно лучше: самый стыд, который они испытывают, помогает укреплению дисциплины. Что же касается конницы, то она ведь даже и не была разбита; напротив того, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, она сумела разгромить пехоту Вителлия.⁶ Всего два кавалерийских отряда — паннонский и мёзийский — смогли тогда нанести противнику поражение; теперь же на врага разом устремятся шестнадцать таких отрядов — пыль, несущаяся из-под копыт, облаком окутает вителлианцев, топот коней и грохот оружия оглушат отвыкших от сражений лошадей и всадников. Я не просто убеждаю вас в преимуществах этого плана, я готов сам и осуществить

его, если только никто мне не помешает.⁷ Ваш час еще не пробил, оставайтесь с легионами, мне довольно одних легковооруженных когорт. Скоро вы услышите, что путь в Италию открыт, а Вителлию нанесен решительный удар. И тогда вы радостно двинетесь вслед за мной по пути, проложенному победителем».

3. Глаза Антония горели. Он говорил резким громким голосом, стараясь, чтобы его услышало возможно больше народу: в помещение, где шел совет,⁸ понемногу собрались и центурионы, и кое-кто из солдат. Доводы Антония сыпались в таком изобилии, что заколебались даже люди осторожные и предусмотрительные; толпа признавала теперь только одного вождя, только одного человека превозносила до небес и презирала всех прочих за слабость и нерешительность. Популярность эту Антоний завоевал еще раньше, когда на солдатской сходке было оглашено обращение Веспасиана.⁹ В отличие от других командиров, выступавших уклончиво и нерешительно, он не лавировал, не выжидал, как развернутся события; он открыто встал на сторону солдат, и солдаты, видя, что он готов разделить с ними и вину, и славу, прониклись к нему уважением.

4. Прокуратор Корнелий Фуск пользовался почти такой же властью, как Антоний. Он тоже так часто и яростно нападал на Вителлия, что и у него не осталось никакой надежды на примирение с властями. Подозрительность солдат вызывал Тампий Флавиан:¹⁰ он был медлителен, и по натуре, и из-за своего преклонного возраста, они же считали, что он сохраняет верность Вителлию, помня о своем родстве с ним. Кроме того, Флавиан в начале восстания бежал, потом неожиданно вернулся, и в этом тоже усматривали какой-то коварный умысел. Флавиан действительно уехал из Паннонии, вернулся в Италию и был уже вне всякой опасности, как вдруг снова принял звание легата и ринулся в гражданскую войну, отчасти из стремления к переменам, отчасти под влиянием Корнелия Фуска. Фуск же убеждал Флавиана присоединиться к восставшим не потому, что нуждался в его помощи, а для того чтобы имя консулария придало вид законности зарождавшемуся движению.

5. Апонию Сатурнину¹¹ было отправлено письмо с просьбой привести возможно скорее войска из Мёзии, — их помощь позволила бы осуществить вторжение в Италию быстро и без потерь. Чтобы лишившиеся защиты провинции не подверглись нападению варваров, вождям сарматских язигов,¹² правившим здешними племенами, предоставили возможность участвовать в войне. Они предложили также привести с собой своих людей и конницу, которая одна лишь и составляет подлинную боевую силу сарматов. Эта их услуга, однако, не была принята из опасения, что они воспользуются гражданской войной в своих целях, а может быть, и переметнутся к тем, кто больше заплатит. Повстанцам удалось привлечь на свою сторону королей свебов Сидона и Италика.¹³

Свебы издавна отличались верностью Риму, и с людьми этого племени легче было договориться, обращаясь с ними не как с подчиненными, а как с союзниками. Один из флангов наступающей армии укрепили вспомогательными отрядами, так как из соседней Реции можно было ожидать нападения: прокуратор этой провинции¹⁴ Порций Септимин сохранял непоколебимую верность Вителлию. После всех этих приготовлений вперед был выслан Секстилий Феликс во главе аурианской кавалерии, восьми пеших когорт и ополчения, состоявшего из молодежи провинции Норик; он получил задание занять берег реки Эн,¹⁵ отделяющей Норик от Реции. Ни сам Феликс, ни противники его не стремились к сражению, и судьбам флавианской партии предстояло решаться далеко от этих мест.

6. Отбрав часть всадников, Антоний поспешно создавал из них конные отряды и набирал по когортам бойцов для вторжения в Италию. Ему помогал в этом Аррий Вар, известный как решительный командир, особенно прославившийся победами в Армении и своей службой под началом Корбулона. Говорили, впрочем, что именно он тайными наветами очернил доблестного Корбулона в глазах Нерона и в награду за подлость был назначен примиплярием; это добытое бесчестным путем звание на первых порах доставило ему много радости,¹⁶ но вскоре и погубило его. После того как Прим и Вар заняли Аквилею, все окрестные города, в частности Опитергий и Альтин,¹⁷ — с радостью открыли им свои ворота. В Альтине решили оставить гарнизон для защиты края от возможных нападений Равеннского флота, ибо весть о его измене Вителлию¹⁸ в эту пору сюда еще не дошла. Патавий и Атесте¹⁹ тоже вынуждены были перейти на сторону флавианцев. Здесь полководцы получили сведения о том, что три вителлианские когорты и конный отряд, известный под именем Себосианского, выстроили мост, открывавший им доступ к Форуму Алиенуму,²⁰ и заняли этот город. Флавианцы знали, что солдаты расположившихся здесь когорт не ожидают нападения, сочли момент подходящим и на заре бросились в атаку на ничего не подозревавшего противника. Нападавшим было приказано убить лишь некоторых, остальных же заставить перейти на свою сторону. Действительно, нашлись солдаты, которые тут же сдались флавианцам, большинство, однако, предпочло уничтожить мост и закрыть дорогу наступающему противнику. Война, таким образом, с самого начала принимала благоприятный для флавианцев оборот.

7. Весть об этой победе успела разнестись повсюду, когда седьмой Гальбанский легион и тринадцатый Сдвоенный в бодром и радостном настроении вступили во главе с легатом Ведием Аквилей в Патавий. Войскам дали несколько дней отдыха. Здесь же пришлось спасать от раздраженных солдат префекта лагерей седьмого легиона Муниция Юста, обращавшегося с легионерами более сурово, чем это допустимо в условиях гражданской войны, — его отправили к Веспасиану. Антоний приказал

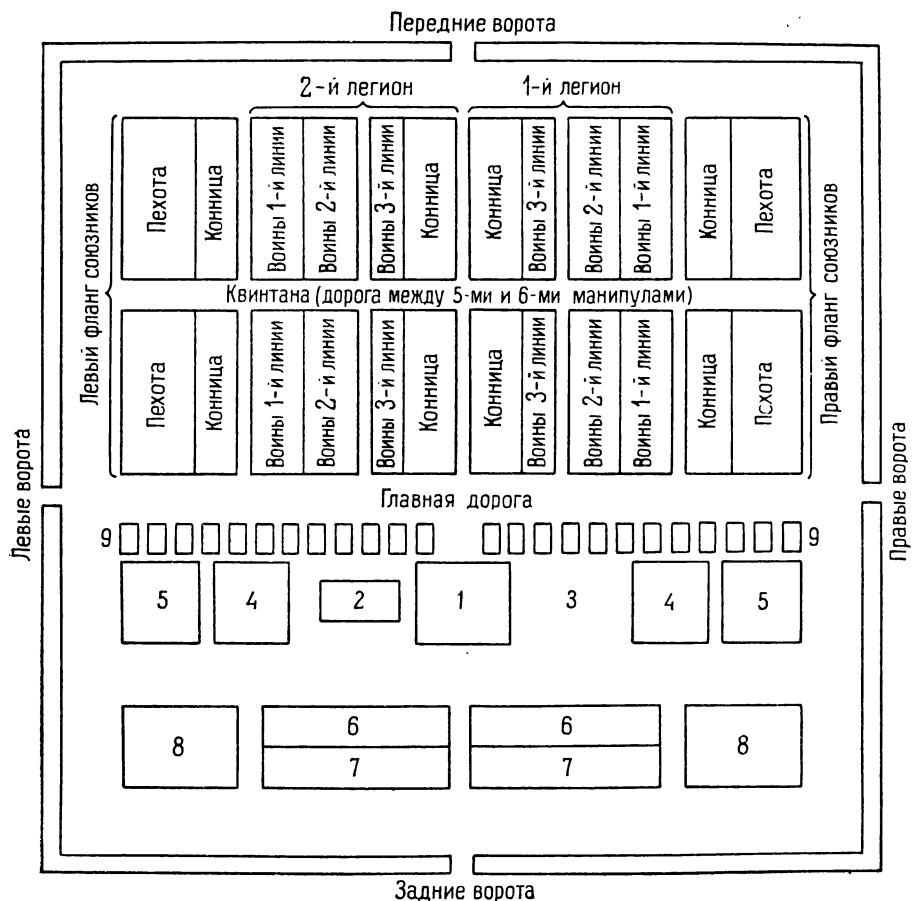

восстановить во всех городах изображения Гальбы, уничтоженные во время гражданских неурядиц. Мера эта, которой все давно и с нетерпением ожидали, пользовалась тем большей популярностью, что каждый на свой лад истолковывал причины, ее вызвавшие; Антоний же прибег к ней просто потому, что считал выгодным для своей партии, если люди станут говорить, будто флавианцы высоко ценят принципат Гальбы и возрождают его дело.

8. Затем стали искать место, где было бы удобнее всего развернуть военные действия. Выбор пал на Верону: поля, окружавшие этот город, хорошо подходили для маневров конницы, которая составляла главную силу наступавшей армии, отнять же у Вителлия богатую колонию казалось флавианцам делом, сулящим и выгоду, и славу. По пути к Вероне заняли Вицедию,²¹ небольшой муниципий со слабым гарнизоном, неожиданно приобретший, однако, немалое значение: здесь, как говорили, родился Цецина, и, захватив этот городок, повстанцы овладели родиной вражеского полководца. Подлинным торжеством явилось взятие Вероны, молва об этом событии и захваченные здесь богатства принесли флавианцам большую пользу; кроме того, их войска, проникнув в долину между Ретией и Юлиевыми Альпами, овладели горными проходами и закрыли доступ сюда германской армии. Веспасиан ничего не знал об этих действиях или был против них. Он велел войскам остановиться возле Аквилеи, ждать там Муциана и приводил доводы в пользу этого плана. Пока мы владеем Египтом, держим в руках ключ от житницы империи²² и располагаем доходами от богатейших провинций, говорил он, мы можем принудить вителлианцев к сдаче, лишив их денег и продовольствия. О том же самом много раз писал Антонию и Муциан. Он утверждал, что можно добиться победы без крови и слез, приводил множество других подобных же доводов, в то время как на самом деле, снедаемый честолюбием, стремился единственно к тому, чтобы сохранить всю славу лишь за собой. Их письма, впрочем, проделывали столь долгий путь, что, когда они попадали в руки Антония, дело так или иначе оказывалось уже сделанным.

9. Внезапным набегом Антоний проник за аванпосты врага; после небольшой стычки, в которой обе стороны лишь прощупывали силы друг друга, противники, так и не добившись победы, разошлись. Вскоре после этого Цецина отстроил хорошо укрепленный лагерь между Гостилий, деревней неподалеку от Вероны, и болотистым берегом реки Тартар,²³ в безопасном месте, прикрытом с тыла рекой, а с боков болотом. Если бы он хотел выполнять свой долг, он свободно мог разгромить соединенными силами вителлианцев оба легиона противника²⁴ до их соединения с мезийской армией и не оставить им иного выхода, кроме отступления из Италии, позора и бегства. Вместо этого Цецина с самого начала позволил противнику захватить инициативу; имея все возможности изгнать флавианцев из Италии силой оружия, он довольствовался

тем, что писал им грозные письма и медлил до тех пор, пока посланные им люди не договорились окончательно об условиях, на которых он со-

План Римского лагеря.

1 — преторий; 2 — квесторий; 3 — форум (площадка для собраний); 4 — палатка отборной конницы и добровольцев; 5 — палатка отборной пехоты и добровольцев; 6 — отборные всадники (союзников); 7 — отборные пехотинцы (союзников); 8 — резервные помещения для вспомогательных отрядов; 9 — палатки трибунов и командного состава союзников.

глашался предать Вителлия. Тем временем к флавианцам прибыл Апоний Сатурнин с седьмым Клавдиевым легионом. Командовал легионом трибун²⁵ Випстан Мессала, человек знатного рода, выдающихся до-

стоинств и единственный, кто участвовал в этой войне по искреннему убеждению.²⁶ Этой-то армии, которая, располагая тремя легионами,²⁷ была пока все еще слабее вителлианской, Цецина направил письмо, где упрекал противников в том, что после понесенного поражения они вновь безрассудно ввязываются в войну. В своем письме он восхвалял доблесть германских легионов, Вителлия упоминал лишь между прочим и не позволял себе никаких выпадов против Веспасиана, — словом, не делал ни малейшей попытки запугать врагов или перетянуть их на свою сторону. В ответном письме флавианские полководцы не стали оправдывать прошлые неудачи своей армии. Они с восторгом писали о Веспасиане, выражали уверенность в правоте своего дела и его конечном горжестве, заранее праздновали победу над Вителлием, которого объявляли своим заклятым врагом. Флавианцы намекали, что перешедшим на их сторону трибунам и центурионам будут сохранены привилегии, пожалованные им Вителлием, и без всяких обиняков призывали Цецину к измене. Оба письма были прочитаны на сходке и только укрепили солдат в том мнении, что Цецина решил не оказывать настоящего сопротивления и поэтому старается ничем не задеть Веспасиана, а что их собственные вожди презирают своих противников и Вителлия, их императора.

10. Вскоре к восставшим прибыли еще два легиона — третий во главе с Диллием Апоннаном и восьмой под командованием Нумизия Лупа.²⁸ Чтобы показать всем, какие несметные силы собрались под Вероной, было решено соорудить укрепленный вал вокруг всего города. Солдатам Гальбанского легиона досталась работа на участке, ближе всего подходившем к неприятельским позициям. Заметив вдали отряд союзнической конницы, они приняли его за противника, решили, что их предали, и, придя в ужас от опасности, которую сами выдумали, схватились за оружие. Ярость солдат обратилась против Тампия Флавиана. Никаких оснований для этого не было, но легионеры были давно уже злы на него и, охваченные безрассудным гневом, стали требовать его казни. Они кричали, что Флавиан — родственник Вителлия, что он предал Отона и захватил деньги, присланные для раздачи солдатам. Разорвав на себе одежды, содрогаясь от рыданий, Флавиан простирался на земле перед легионерами, с мольбой протягивая к ним руки. Никто не слушал его оправданий: солдаты считали, что такой страх может испытывать только человек с нечистой совестью, и озлоблялись еще больше. Апоний пытался говорить, но рев толпы заглушил его голос. Слова других командиров тоже тонули в общем крике и грохоте оружия. Солдаты согласились выслушать только Антония; он один обладал нужным красноречием и умением ладить с чернью, один внушал настоящее уважение. Видя, что бунт разгорается и что мятежники готовы перейти от крика и брани к драке и резне, он приказал заковать Флавиана в кандалы, но солдаты учуяли подвох²⁹ и, охваченные жадной кровью, бросились к трибуналу,³⁰ разо-

гнав стражу, его охранявшую. Тогда Антоний сорвал с пояса меч и, подставив грудь ударам солдат, стал клясться, что, если его не зарубят, он покончит с собой сам. Он обращался к самым известным и отличившимся в боях легионерам, называя их по именам, и требовал, чтобы они убили его. Повернувшись к боевым значкам с изображениями богов,³¹ Антоний молил их вдохнуть бешенство и дух раздора, владеющие его армией, в сердца неприятелей, молил до тех пор, пока бунт не начал иссякать. День клонился к вечеру, и солдаты разошлись по своим палаткам. Той же ночью Флавиан выехал из лагеря. По дороге он встретил гонцов, везших в армию письмо Веспасиана. Письмо это отвлекло внимание солдат и избавило Флавиана от опасности.

11. Будто чума охватила легионы: вслед за паннонской восстала против своего легата мёзийская армия. Солдаты здесь не были утомлены целым днем работы,³² — бунт вспыхнул около полудня под влиянием распространившегося слуха о письме, которое легат мёзийских легионов Апоний Сатурнин якобы написал Вителлию. Когда-то воины состязались между собой и доблести и послушания, теперь они старались превзойти друг друга дерзостью и преследовали Апония с тем же яростным упорством, с каким только что требовали казни Флавиана. Солдаты из Мёзии напоминали паннонским легионам о поддержке, которую оказали им в преследовании Флавиана; паннонские же войска, видя, что другие тоже бунтуют и это как бы освобождает их от ответственности, устремились на поддержку мёзийцев и, готовые на новые преступления, вместе с ними ворвались в парк, окружавший виллу Сатурнина. Хотя Антоний, Апония и Мессала пытались сделать все, что могли, им не удалось бы спасти Сатурнина, если бы он сам не спрятался в таком месте, где никому не могло прийти в голову его искать, — в печи одной из бань, в ту пору случайно не топившейся. Вскоре затем он, бросив своих ликторов,³³ бежал в Патавий. После отъезда консуляриев³⁴ Антоний оказался полновластным хозяином обеих армий, — товарищи и так уступали ему первое место, солдаты любили и уважали только его. Были люди, считавшие, что Антоний сам подстроил оба бунта, чтобы все плоды победы достались ему одному.

12. В стане вителлианцев тоже царили распри, тем более опасные, что порождали их не бессмысленные подозрения черни, а коварные интриги полководцев. Моряки Равеннского флота были в большинстве своем родом из Далмации и Паннонии, т. е. из провинций, находившихся под властью Веспасиана, и префекту флота Луцилию Бассу³⁵ без труда удалось склонить их на сторону этого государя. Заговорщики наметили ночь для выступления и решили, что они одни, никого ни о чем не предупреждая, сойдутся в условленный час на центральной площади лагеря. Басс, то ли мучимый стыдом, то ли неуверенный в исходе затеваемого предприятия, остался дома, выжидая, чем кончится дело. Триерархи,³⁶ крича и гремя оружием, набросились на изображения Вителлия и перебили тех

немногих, кто пытался оказать им сопротивление; остальная масса, движимая обычной жадой перемен, сама перешла на сторону Веспасиана. Тогда-то Луцилий выступил на сцену и признался, что заговор устроил он. Моряки выбрали себе в префекты Корнелия Фуска, который, едва узнав об этом, спешно прибыл во флот. Басс, в сопровождении почетного эскорта из либурнских кораблей, направился в Атрию,³⁷ где префект конницы Вибенний Руфин, командовавший гарнизоном города, немедленно посадил его в тюрьму. Правда, его тут же освободили благодаря вмешательству вольноотпущенника Цезаря Горма, — оказывается, и он входил в число руководителей восстания.

13. Узнав, что флот изменил Вителлию, Цецина дождался времени, когда большинство солдат было разослано на работы, и собрал на центральной площади лагеря несколько легионеров и самых заслуженных центурионов, якобы для того, чтобы обсудить кое-какие вопросы, не подлежащие разглашению. Здесь он заговорил о доблести Веспасиана и мощи его сторонников, о том, что флот перешел на его сторону, об угрозе голода, нависшей над вителлианской армией; рассказал о положении в галльских и испанских провинциях, готовых выступить против принцепса, о настроении в Риме, где вителлианцам тоже не на кого положиться; напомнил о слабостях и пороках Вителлия и начал поспешно приводить присутствующих к присяге Веспасиану — те, кто знали все заранее, присягнули первыми, остальные, ошеломленные неожиданностью, последовали их примеру. Изображения Вителлия были тут же сорваны с древков, к Антонию отправлены гонцы с сообщением о случившемся. Весть об измене вскоре распространилась. Сбежавшиеся солдаты, увидев надписи с именем Веспасиана³⁸ и валяющиеся на земле изображения Вителлия, остановились в молчании, но тут же разразились яростными криками. «Так вот где суждено закатиться славе германской армии! Сдать оружие, позволить связать себе руки, без боя, без единой раны? Кому сдаваться — легионам, над которыми мы же сами одержали победу? Даже не первому, не четырнадцатому — единственному в отонианской армии, с кем стоит считаться, хотя мы и их били, били на этих же самых полях, на которых сейчас стоим. Допустить, чтобы тысячи вооруженных солдат пригнали, словно стадо наемников, в подарок ссыльному преступнику³⁹ Антонию? Подарить ему восемь легионов вдобавок к его одной-единственной эскадре? Это все Басс с Цециной... Мало им домов, садов, денег, которые они накрали у Вителлия, теперь они хотят украсть у принцепса армию, а у армии принцепса. Мы не потеряли ни одного человека, не пролили ни капли крови, — даже флавианцы станут нас презирать; а что мы скажем тем, кто спросит нас об одержанных победах, о понесенных поражениях?».

14. Так кричали солдаты, так кричала вся охваченная скорбью армия. Сначала пятый легион, а за ним и остальные снова нацепили на свои знамена изображения Вителлия. Цецину заковали в кандалы. Армия

выбрала полководцами легата пятого легиона Фабия Фабулла и префекта лагеря Кассия Лонга. Легионеры набросились на случайно встретившихся им, ничего не понимавших и ни в чем не повинных солдат с трех либурнских кораблей и изрубили их в куски. Уничтожив мосты,⁴⁰ армия выступила из лагеря на Гостилию, а оттуда — в Кремону, на соединение с первым Италийским и двадцать первым Стремительным легионами, которые Цецина еще раньше отправил вместе с частью конницы вперед, чтобы занять этот город.

15. Услышав об этих событиях, Антоний решил напасть на вителлианцев теперь же, пока войска их охвачены брожением и разделены на части. Он опасался, что с течением времени полководцы противника сумеют вновь овладеть положением, их солдаты опять начнут подчиняться приказам и вся вражеская армия снова обретет уверенность в своих силах. Антоний догадывался, что Фабий Валент уже выехал из Рима и, узнав об измене Цецины, постарается возможно скорее прибыть в армию, а Валент был опытный военачальник и предан Вителлию. Антоний знал, кроме того, что через Рецию на него угрожают ринуться значительные силы германцев,⁴¹ что Вителлий еще раньше начал стягивать резервы из Британии, Галлии и Испании и что если сейчас не дать бой и не добиться победы, то война обрушится на него всей своей тяжестью. Он вывел всю армию из Вероны и после двух дней пути остановился возле Бедриака. На следующее утро легионы получили приказ заняться укреплением лагеря. Вспомогательные войска Антоний послал в окрестности Кремоны: под предлогом фуражировки он хотел дать солдатам пограбить и приохотить их таким образом к гражданской войне. Сам он с четырьмя тысячами всадников выехал к восьмому мильному камню от Бедриака, чтобы заняться грабежом, не мешая другим. Как обычно, на большое расстояние вокруг были разосланы патрули.

16. Шел пятый час дня,⁴² когда прискакавший во весь опор верховой сообщил Антонию, что противник начал наступление, на пути его находится лишь несколько человек и со всех сторон доносится шум движущейся армии и грохот оружия. Пока Антоний советовался с окружающими, Аррий Вар, нетерпеливо искавший случая показать себя, врезался с лучшими своими конниками в строй вителлианцев и заставил их отступить. Едва он начал рубить врага, как к вителлианцам подоспели новые силы, положение изменилось, и те, что наступали первыми, оказались в хвосте обратившегося в бегство отряда. Антоний предвидел, что из-за этого Вара ничего не получится и теперь не спешил прийти ему на помощь. Он обратился к своим солдатам с краткой речью, призвал их мужественно встретить врага и велел рассыпаться по обеим сторонам дороги, чтобы оставить свободный проход конникам Вара. Легионам был дан приказ готовиться к бою, тем, кто находился на соседних вилах, — прекратить грабеж и присоединиться к ближайшему отряду. Тем временем в панике несшиеся обратно конники Вара ворвались в ряды своих же

отрядов, сея смятение и страх, сталкиваясь на узких тропинках со своими еще не вступившими в бой товарищами.

17. В этом переполохе Антоний делал все, что подобает опытному командиру и храброму солдату. На глазах врагов и своих он бросается навстречу бегущим, удерживает колеблющихся; всюду, где нависает опасность, всюду, где брезжит надежда, мелькает его фигура, раздаются его распоряжения, слышится его голос. Охваченный воодушевлением, он пронзает копьем убегающего знаменосца, выхватывает у него выппел и устремляется на врага. Увидев это, около сотни всадников, устыдившись своего бегства, поворачивают коней. Сама природа помогла Антонию: дорога, все более сужаясь, уперлась, наконец, в реку, мост через реку был разрушен, берега круты и русло неизвестно. Бегущие остановились. То ли они поняли, что нет другого выхода, то ли сама судьба им помогла, но они снова овладели положением. Поставив лошадей вплотную одна к другой, они ожидали противника. Мчавшиеся врассыпную вителлианцы налетели на сомкнутые ряды и покатались обратно. Антоний бросился преследовать бегущих, поражая мечом всех, кто оказывал сопротивление. Солдаты пустились грабить, вязать пленных, захватывать оружие и лошадей, — кому что больше было по вкусу и по нраву. Услыхав крики радости, вернулись и вмешались в ряды победителей даже беглецы, спрятавшиеся было на соседних полях.

18. Вдруг на дороге к Кремоне засверкали значки легионов — это Стремительный и Италийский, услышав о первых успехах своей конницы, двинулись вперед и дошли до четвертого камня от города. Однако они не сумели, когда положение изменилось, ни перестроить свои ряды, ни расступиться, чтобы пропустить отступавших всадников, ни перейти в атаку, а уж тем более опрокинуть врага, хоть он и был ослаблен боем и длительным маршем.⁴³ Оба легиона выступили самовольно, и пока дела шли успешно, даже не вспоминали о своих полководцах, но когда над ними нависла угроза поражения, они пожалели, что командиров с ними нет. Строй их дрогнул, в этот момент на них обрушилась кавалерия, а следом за ней трибун Випстан Мессала со вспомогательными отрядами из Мёзии, которые даже после проделанного форсированного марша мало чем уступали легионам. Соединившись, пехота и кавалерия флавианцев прорвали строй легионов. Кремона была рядом. Легионеры понимали, что за ее стенами легко скрыться от поражения, и не очень старались отразить атаку врага. Антоний тоже не стал двигаться дальше: в течение этого дня, в конце концов все-таки принесшего победу флавианцам, боевое счастье столько раз обманывало их, что теперь они были ослаблены потерями и измучены усталостью.

19. Под вечер прибыли основные силы флавианской армии. Увидав горы трупов и следы только что разыгравшегося сражения, солдаты решили, будто война кончена, и стали требовать, чтобы их вели на Кремону — принимать капитуляцию противника или брать город штурмом.

Все вместе они повторяли эти красивые слова, про себя же каждый думал совсем другое: «Колония лежит на равнине, и захватить ее внезапным налетом нетрудно. Что днем, что ночью — мужество от нас требуется то же, а грабить в темноте свободнее. Если дожждаться дня, пойдут молебны и просьбы, разговоры о мире, за все труды, за всю кровь нам достанутся только пустая слава и никчемная репутация великодушных воинов, а богатства Кремоны прикарманят префекты да легаты. Каждый ведь знает, что если город взят, добыча принадлежит солдатам, если он сдался — командирам». Солдаты не давали говорить центурионам и трибунам, заглушали их слова звоном оружия, потрясали мечами и копьями, угрожая поднять бунт, если их не поведут на Кремону.

20. Тогда Антоний вошел в гущу толпы. Вид его и почтительный страх, который он всегда вызывал, заставили солдат затихнуть. «Я не хочу лишать вас ни почестей, ни добычи, столь вами заслуженных, — начал он. — Но существует разделение обязанностей: дело воинов — стремиться к бою, дело командиров — не торопиться, служить армии не пылкостью, а проникательностью и зрелым размышлением. Как простой солдат, с оружием в руках, я внес свой вклад в нашу сегодняшнюю победу; теперь я должен помочь ей, как подобает полководцу, — умом и знаниями. Кругом ночь, расположение города нам неизвестно, враг укрыт за стенами, на каждом шагу нас подстерегают ловушки, — не ясно ли, что нас ждет, если мы сейчас двинемся на Кремону? Даже среди бела дня, даже если бы ворота Кремоны стояли распахнутые, и тогда нельзя было бы входить в город, не выяснив все заранее. Разве можно идти на штурм, не зная условий местности, высоты стен, не решив, достаточно ли будет одних баллист и стрел или придется строить навесы и осадные машины?». Антоний обращался то к одному, то к другому солдату и спрашивал, взяли ли они топоры, захватили ли лопаты, есть ли у них с собой все прочие орудия, необходимые для осадных работ; слыша отовсюду отрицательные ответы, он продолжал: «Вы что же, собираетесь подкапывать стены мечами и долбить их дротами? А если понадобится насыпать валы, плести щиты и фашины, чтобы было где скрыться? Если мы ничего не предусмотрим, нам останется только стоять толпой под стенами вражеского города и бессмысленно глазеть на его башни и укрепления. Разве не лучше выждать одну ночь, но зато явиться туда с машинами и осадными орудиями, уверенными в своих силах и в предстоящей победе?». Он тут же послал в Бедриак за продовольствием и необходимым снаряжением обозных слуг и тех конников, что были меньше других утомлены дневным сражением.

21. Всякая отсрочка казалась солдатам невыносимой, и в армии готов был вспыхнуть бунт, но тут всадники, выехавшие под стены города, захватили нескольких случайно там оказавшихся жителей Кремоны. Жители эти рассказали, что шесть вителлианских легионов и остальные войска, стоявшие в Гостилии,⁴⁴ совершили за один день переход в тридцать миль;

только что узнали о понесенном поражении, начали готовиться к бою и вот-вот должны появиться. Эта страшная весть убедила солдат послушаться своего полководца. Антоний приказал тринадцатому легиону остаться на насыпи Постумиевой дороги, слева, вплотную к ней, в открытом поле, расположил седьмой Гальбанский и еще левее, используя в качестве естественного прикрытия проходившую здесь канаву, — седьмой Клавдиев. Справа от дороги, с незащищенной стороны, встал восьмой легион, за ним в рожище — третий. В таком порядке располагались только орлы легионов и значки когорт; солдаты в темноте не могли найти свои легионы и становились в ряды той части, которая оказывалась поблизости. Отряд преторианцев⁴⁵ поместился возле третьего легиона, вспомогательные когорты — на флангах, конница прикрывала армию с боков и с тыла; перед строем передвигались отборные бойцы из свебского ополчения во главе со своими вождями — Сидоном и Италиком.

22. Вместо того чтобы, как то подсказывал здравый смысл, переночевать в Кремоне, восстановить свои силы сном и едой, а наутро разгромить голодного и промерзшего противника, вителлианская армия, лишенная руководства,⁴⁶ не имевшая никакого плана действий, в третьем часу ночи⁴⁷ обрушилась на флавианцев, в боевом строю ожидавших нападения. В темноте взволнованные и раздраженные солдаты сбили строй легионов, и я не берусь описать, в каком порядке располагались части вителлианской армии. Некоторые, правда, рассказывают, будто на правом фланге находился четвертый Македонский легион, в центре — пятый и пятнадцатый с приданными им отдельными подразделениями британских легионов — девятого, второго и двадцатого, на левом фланге — шестнадцатый, двадцать второй и первый. Солдаты Стремительного и Италийского легионов разбрелись по чужим манипулам,⁴⁸ конные отряды и вспомогательные когорты встали туда, куда им заблагорассудилось. Всю ночь кипел жестокий бой, всю ночь то одной, то другой армии грозила гибель, то в ту, то в другую сторону клонилось коварное, переменчивое военное счастье. Ни доблестный дух, ни могучая рука, ни острый глаз, ясно видевший приближающуюся опасность, — ничто не спасало от неминуемой смерти: вооружение солдат — одинаковое у своих и у врагов, пароль обеих армий известен каждому, столько раз приходилось его спрашивать и кричать в ответ; вымпелы, которые противники без конца отбивали друг у друга, перемешались. Хуже всего пришлось недавно созданному Гальбой седьмому легиону. Здесь было убито шестеро первых центурионов, захвачены значки нескольких когорт, даже орел легиона едва не попал в руки врага. Его спас центурион первой пилы Атилий Вер,⁴⁹ нагромоздивший вокруг себя груды вражеских трупов и под конец погибший сам.

23. Чтобы поддержать колеблющийся строй своих легионов, Антоний вызвал преторианцев. Они отвлекли на себя основные силы противника и обратили его в бегство, но вскоре сами были отброшены. Дело в том, что вителлианцы сосредоточили на дорожной насыпи метательные ору-

дия и теперь в упор расстреливали врагов; прежде их орудия стояли в разных местах и стреляли по зарослям, в которых противника не было. Невиданных размеров баллиста шестнадцатого легиона извергала огромные камни, прорывавшие брешь в рядах противников. Она погубила бы еще больше народу, если бы не славный подвиг, на который отважились двое солдат: подобрав щиты мертвых вителлианцев, они прокрались, никем не узнанные, к самой баллисте и перерубили скрученные тяжи и канаты.⁵⁰ Оба были тут же убиты, и имена их до нас не дошли, но того, что они сделали, не отрицает никто. Поздней ночью взошла луна и озарила своим обманчивым светом ряды сражающихся, а исход битвы все еще не был ясен. К счастью для флавианцев, луна вставала у них за спиной, от коней и бойцов ложились длинные тени, и в эти-то тени, принимая их за людей, метали враги свои дроты и стрелы. Вителлианцам же луна светила в лицо, и они были хорошо видны противнику, поражающему их из темноты.

24. В лунном свете Антоний увидел свои легионы, и легионы увидели его. Он обратился к войскам, порицая и стыдя одних, хваля и ободряя других, внушая надежду и раздавая обещания всем. Солдат паннонской армии он спрашивал, зачем они взялись за оружие, напоминал, что только здесь, на этих полях, могут они смыть с себя позор⁵¹ и вернуть свою былую славу. «Вы зачинщики войны, — говорил он мёзийским войскам.⁵² — Зачем вы угрожали вителлианцам, оскорбляли их, вызывали на бой, если теперь не только не имеете сил выдержать их натиск, но дрожите при одном взгляде на них?». Так обращался Антоний к каждому легиону. Дольше всех говорил он с солдатами третьего, говорил о подвигах былых времен, о недавних победах, напоминая, как под водительством Марка Антония⁵³ они разгромили парфян,⁵⁴ как вместе с Корбулоном нанесли поражение армянам,⁵⁵ как только что разбили сарматов. Еще более суровой и грозной была его речь к преторианцам: «Упустите победу сейчас, и никогда больше вам не видать Рима. Какой император возьмет вас на службу? Какой лагерь откроет вам свои ворота? Вот ваши знамена, вот ваше оружие. Потеряете вы их — и одна только смерть останется вам, ибо позор вы уже испили до дна».⁵⁶ В это время поле загремело от крика: солдаты третьего легиона по обычаю, усвоенному ими в Сирии, приветствовали восходящее солнце.⁵⁷

25. Многие, однако, решили, что то прибыли войска Муциана и что приветственные клики относились к ним; может быть, сам Антоний нарочно распустил этот слух. Солдаты ринулись в бой, будто и в самом деле получили подкрепление. Вителлианцы к этому времени уже понесли тяжелые потери: командующего у них не было, и каждый действовал на свой лад — люди мужественные теснее спланивали ряды, трусы разбегались. Почувствовав, что вителлианцы дрогнули, Антоний бросил на них свои сомкнутым строем двигавшиеся когорты. Ряды вителлианцев оказались прорванными, солдаты, не в силах восстановить их, метались среди

повозок и машин. Увлеченные преследованием победители устремились вперед по обочинам дороги. Началась резня, которая до сих пор памятна многим, — один из воинов погиб в ней от руки собственного сына. Я передаю эту историю и имена действовавших в ней лиц так, как описал ее Випстан Мессала. Юлий Мансуэт, родом из Испании, был призван и проходил службу в рядах Стремительного. Дома он оставил малолетнего сына, который вскоре подрос, был мобилизован Гальбой в сформированный им седьмой легион и теперь, случайно встретив Мансуэта на поле боя, смертельно его ранил: обшаривая распростертое тело, он узнал отца, и отец узнал сына. Обняв умирающего, жалобным голосом стал он молить отцовских манов не считать его отцеубийцей, не отворачиваться от него. «Все, а не я, — зывал он, — повинны в этом злодеянии. Что может сделать один солдат, ничтожная частица бушующей повсюду гражданской войны?». Он тут же выкопал яму, на руках перенес к ней тело и воздал отцу последние почести. Это сначала привлекло внимание тех, кто находился поблизости, потом остальных. Вскоре по всей армии телько и слышались возгласы удивления и ужаса, все проклинали безжалостную войну, но каждый с прежним остервенением убивал и грабил близких, родных и братьев, повторял, что это преступление, — и снова совершал его.

26. Под Кремоной наступающих ждали новые, едва одолимые препятствия. Еще во время отонианской войны⁵⁸ солдаты германской армии окружили стены города своими лагерями, обнесли их валами, а на валах возвели еще дополнительные укрепления. Увидев эти оборонительные сооружения, воины-победители заколебались, командиры не знали, что им приказывать. Начинать осаду было едва ли по силам войску, утомленному дневным маршем и ночным боем, да и успех ее представлялся сомнительным, так как никаких резервов под руками не было; возвращаться в Бедриак — значило не только обречь армию на мучительный бесконечный переход, но и оставить нерешенным исход сражения; сооружать лагерь в непосредственной близости от вителлианцев было рискованно: враги могли внезапно напасть на рассеянных по равнине и занятых работой легионеров. Больше всего, однако, беспокоило командиров настроение солдат: они готовы были вынести любые опасности, но не допускали и мысли о промедлении, всякая мера предосторожности вызывала у них раздражение, только безрассудная дерзость сулила надежду, алчность и страсть к добыче заставляли забывать о смерти, ранах и крови.

27. Антоний не стал спорить с солдатами и приказал охватить полукругом валы лагеря. Сначала бой шел на расстоянии, обе армии осыпали друг друга камнями и стрелами, к великому урону для флавианцев, которые стояли внизу под валами и потому представляли для противника отличную мишень. Тогда Антоний распределил участки вала и лагерьные ворота между отдельными легионами; он рассчитывал, что соперничество заставит солдат сражаться еще лучше, а ему так будет виднее, кто ведет себя мужественно и кто трусит. Третий и седьмой легион взяли

на себя ту часть вала, что примыкала к бедриакской дороге, восьмой и седьмой Клавдиев встали правее, тринадцатый устремился к Бриксийским воротам.⁵⁹ Наступило короткое затишье: солдаты свозили с соседних полей мотыги и заступы, тащили лестницы и длинные шесты с укрепленными на концах железными крючьями. Но вот бойцы выстроились тесными рядами вплотную друг к другу, взметнулись над головами щиты, и черепаха⁶⁰ двинулась к валу. Однако обе стороны владели римским искусством ведения боя: вителлианцы обрушили на наступавших огромные камни, панцирь черепахи закачался, изогнулся и треснул, вителлианцы стали вонзать в щели дроты и копья; крыша из щитов распалась, и груды растерзанных трупов покрыли землю. И снова наступило затишье. Ни приказы, ни подбадриванья не действовали больше на обессиленных солдат. Тогда полководцы указали солдатам на Кремону и пообещали отдать им город на разграбление.

28. Прав ли Мессала, утверждающий, будто план этот придумал Горм,⁶¹ или следует больше полагаться на слова Гая Плиния,⁶² который обвиняет во всем Антония, — решить нелегко; и Горм, и Антоний давно забыли, что такое порядочность и честь, и оба были готовы на самые ужасные преступления. Ни кровь, ни раны не могли больше удержать солдат. Они подкапывают валы, таранят ворота, снова строят черепаху и по щитам, образующим ее панцирь, по спинам товарищей устремляются на вителлианцев, вырывают у них оружие, хватают их за руки. Мертвые скатываются во рвы, увлекая живых, истекающие кровью цепляются за раненых и стаскивают их за собой. Многоликая смерть обращает к гибнущим то одно, то другое свое лицо.

29. Главную тяжесть боя, соревнуясь в храбрости, приняли на себя третий и седьмой легионы. Антоний со вспомогательными войсками устремился им на помощь. Вителлианцы не выдержали столь упорного натиска; видя, что их дроты отскакивают от панциря черепахи, они обрушили на нападающих баллисту. Машина раздавила множество солдат и на мгновение расстроила их ряды, но, падая, увлекла за собой верхнюю площадку вала и зубцы, ее прикрывавшие. Одновременно под градом камней осела стоявшая рядом башня. В образовавшуюся брешь устремились, построившись клиньями, солдаты седьмого легиона. В это же время третий легион топорами и мечами разбил ворота. Первым ворвался в лагерь, как утверждают в один голос все авторы, солдат третьего легиона Гай Волузий. Разбросав тех, кто еще сопротивлялся, он взбежал на вал и, вставши там на виду у всех, объявил, что лагерь взят. За ним, в то время как охваченные паникой вителлианцы скатывались с вала, последовали остальные. На всем пространстве между лагерем и стенами Кремоны шла кровопролитная резня.

30. И снова сражение изменило свой облик. Перед наступающими выросли высокие стены города, каменные башни, ворота, запертые окоеванными железом брусьями. На стенах стояли солдаты и потрясали дро-

тами. Многочисленные жители Кремоны все были преданны Вителлию; в эти дни там к тому же была ярмарка, на которую съехался народ почти со всей Италии, — защитники города считали приезжих своим резервом, и это питало их веру в победу, нападающие видели в них свою добычу и еще яростнее рвались к грабежу. Антоний приказал захватить и поджечь лучшие здания, расположенные вне города, так как надеялся, что кремонцы, опасаясь за свое имущество, перейдут на его сторону. На крышах домов, расположенных поблизости от городских стен и возвышавшихся над ними, он разместил во множестве лучших своих солдат. Они бросали в вителлианцев бревна, черепицу, зажженные факелы, стараясь прогнать защитников Кремоны со стен.

31. Легионы уже строили черепаху, а солдаты вспомогательных войск метали в противника дроты и камни. Мужество вителлианцев мало-помалу начало слабеть. Первыми отказались от сопротивления командиры: они понимали, что после взятия города у них не останется надежд на прощение и что вся ярость победителей обратится не на бедняков солдат, а на трибунов и центурионов, у которых есть чем поживиться. Рядовые были настроены более решительно: как люди подневольные, они не подвергались особой опасности, а будущее их не заботило. Однако и они давно разбрелись по улицам Кремоны, отсиживались в домах обывателей; мира они не просили, но воевать по сути дела перестали. Префекты лагерей попрятали изображения Вителлия и старались не упоминать его имени. С Цецины, которого до сих пор держали в кандалах, сняли оковы, и командиры стали просить его заступиться за них перед флавианцами. Цецина отказывался, чванился, они принялись плакать и умолять его. Что может быть отвратительнее такого зрелища — толпа доблестных воинов молит предателя о защите? Вскоре на стенах показались обвитые лентами масличные ветви, замелькали священные головные повязки. Антоний приказал опустить дроты; из города вынесли орлов легионов и значки когорт; следом, опустив головы и глядя в землю, шли удрученные безоружные солдаты. Победители окружили их, посыпались проклятья, угрозы. Побежденные, забыв о былой заносчивости, молча, покорно выслушивали оскорбления. Видя это, флавианцы вспомнили, что перед ними те самые люди, которые совсем недавно одержали победу у Бедриака и проявили столько умеренности и снисходительности. Но в ту же минуту ярость и возмущение снова охватили их: в воротах города показался Цецина, со знаками консульского достоинства — в претексте,⁶³ окруженный ликторами, разгонявшими толпу. Обвинения в высокомерии, жестокости и даже — такую лютую ненависть вызывают у людей изменники — в предательстве полетели со всех сторон. Антоний приказал солдатам молчать и под конвоем отправил Цецину к Веспасиану.

32. Между тем жители Кремоны в ужасе метались по улицам, наводненным вооруженными воинами. Резня чуть было не началась, но командирам удалось уговорить солдат сжалиться. Антоний собрал войска на

сходку и обратился к ним с речью, в которой воздал хвалу победителям, милостиво отозвался о побежденных и не сказал ничего определенного о жителях города. Солдаты, однако, были движимы не только обычной жадой грабежа, — легионеры издавна ненавидели жителей Кремоны и рвались перебить их всех. Считалось, что еще во время отонианской войны они поддерживали Вителлия; солдаты тринадцатого легиона, оставленные в свое время в городе для сооружения амфитеатра,⁶⁴ не забыли шуток и оскорблений, которых им пришлось тогда наслушаться от распущенной как всегда городской черни; флавианцев возмущало, что здесь, в Кремоне, Цецина устраивал свои гладиаторские бои;⁶⁵ они приходили в ярость при воспоминании о том, что именно тут дважды происходили кровопролитные сражения, жители выносили пищу сражающимся вителлианцам и даже кремонские женщины принимали участие в битве, — до того велика была их преданность Вителлию. Сыграла свою роль и происходившая в городе ярмарка: благодаря ей колония, и без того зажиточная, выглядела сказочно богатой. Позже виноватым за все здесь случившееся оказался в глазах людей один Антоний, остальные полководцы сумели остаться в тени. Сразу же после боя Антоний поспешил в баню, чтобы смыть покрывавшую его кровь; вода оказалась недостаточно теплой, он рассердился, кто-то крикнул: «Сейчас поддадим огня!». Слова эти, принадлежавшие одному из домашних рабов, приписали Антонию, истолковав их так, будто он приказал поджечь Кремону, и общая ненависть обратилась на него; на самом же деле, когда он находился в бане, колония уже пылала.

33. Сорок тысяч вооруженных солдат вломились в город, за ними — обозные рабы и маркитанты, еще более многочисленные, еще более распущенные. Ни положение, ни возраст не могли оградить от насилия, спасти от смерти. Седых старцев, пожилых женщин, у которых нечего было отнять, волокли на потеху солдатне. Взрослых девушек и красивых юношей рвали на части, и над телами их возникали драки, кончавшиеся поножовщиной и убийствами. Солдаты тащили деньги и сокровища храмов, другие, более сильные, нападали на них и отнимали добычу. Некоторые не довольствовались богатствами, бывшими у всех на виду, — в поисках спрятанных кладов они рыли землю, избивали и пытали людей. В руках у всех пылали факелы, и, кончив грабеж, легионеры кидали их, потехи ради, в пустые дома и разоренные храмы. Ничего не было запретного для многоязыкой многоплеменной армии, где перемешались граждане, союзники и чужеземцы,⁶⁶ где у каждого были свои желания и своя вера. Грабеж продолжался четыре дня. Когда все имущество людей и достояние богов сгорело дотла, перед стенами города продолжал высижаться один лишь храм Мефитис,⁶⁷ сохранившийся благодаря своему местоположению или заступничеству богини.

34. Так, на двести семьдесят шестом году своего существования, погибла Кремона. Ее основали в те времена, когда в Италию вторгся Ган-

нибал, при консулах Тиберии Семпронии и Публии Корнелии,⁶⁸ как передовую крепость, выдвинутую против транспаданских галлов и других народов, которые могли нахлынуть из-за Альп. Впоследствии благодаря притоку колонистов, удачному расположению на водных путях, плодородию почвы, мирным отношениям и родственным связям с окружающими племенами город окреп и расцвел. Внешние войны его не коснулись, гражданские же принесли горести и беды.⁶⁹ Антоний, стыдясь преступлений, которым он потворствовал, чувствуя, что ненависть к нему все растет, издал приказ, запрещающий кому бы то ни было держать в неволе жителей Кремоны. Пленные эти оказались для солдат невыгодной добычей, так как вся Италия единодушно и с отвращением отказывалась покупать рабов, захваченных таким образом. Солдаты стали их убивать; прослышав об этом, родные и друзья начали тайком выкупать своих близких. Вскоре потянулись на прежние места уцелевшие жители, вновь зашумели рынки, отстраивались разрушенные храмы. Щедрую помощь оказывали Кремоне соседние муниципии, и Веспасиан со своей стороны поощрял жителей восстанавливать город.

35. Пока что, однако, вокруг победителей расстилалась дышащая миазмами земля,⁷⁰ и долго оставаться в погребенном под развалинами городе было невозможно. Встав лагерем возле третьего камня от Кремоны, солдаты ловили разбредшихся по всей округе перепуганных вителлианцев и возвращали каждого в его когорт. В условиях продолжающейся гражданской войны эти разбитые легионы могли вновь стать опасными, и поэтому их разбросали по всему Иллирику. Флавианцы решили, что не одни гонцы, но и молва донесут весть о победе до испанских провинций, а затем и до Британии; в Галлию был послан трибун Юлий Кален, в Германию — префект когорты Альпиний Монтан. Вестников выбирали с расчетом произвести вящее впечатление на жителей этих провинций: Кален был эдуй, Монтан — тревир, и оба в прошлом — вителлианцы. В альпийских проходах расположились сторожевые заставы, дабы из Германии никто не мог прийти на помощь Вителлию.

36. Между тем Вителлий через несколько дней после отъезда Цецины сумел выпроводить из Рима на театр военных действий и Фабия Валента, и теперь, стараясь забыть обрушившиеся на него беды, предавался роскоши и развлечениям. Он даже не помышлял о том, чтобы обеспечить себя оружием, закалить армию перед предстоящими боями, обратиться к солдатам с речью, показаться народу. Укрывшись в тени своих садов, подобный бессмысленным животным, которые, едва насытятся, погружаются в оцепенение, Вителлий не заботился ни о прошлом, ни о настоящем, ни о будущем. Ваяль, неподвижный, сидел он в Арицийской роще,⁷¹ когда пришла весть о предательстве Луцилия Басса и переходе Равеннского флота на сторону Веспасиана. Через некоторое время ему доложили о том, что случилось с Цециной.⁷² Это известие одновременно и огорчило, и обрадовало Вителлия: его удручало, что Цецина ему изменил,

но рассказ о том, что солдаты заковали Цецину в кандалы, доставил ему удовольствие. В этой ничтожной душе приятные впечатления всегда заслоняли серьезные. С великим ликованием Вителлий возвратился в Рим и на многолюдном собрании граждан воздал солдатам хвалу за проявленную ими верность, приказал заточить в тюрьму префекта претория Публилия Сабина,⁷³ который был дружен с Цециной, и назначил на его место Алфена Вара.⁷⁴

37. Некоторое время спустя он выступил в сенате с тщательно составленной пышной речью, и сенаторы осыпали его выражениями самой льстивой преданности. На Цецину обрушились все, первым — Луций Вителлий,⁷⁵ за ним остальные. Старательно разыгрывая возмущение, они клеймили консула, предавшего республику, полководца, изменившего своему императору, предателя, обманувшего друга, который осыпал его богатствами и почестями. Каждый сетовал на обиды, нанесенные Вителлию, но в глубине души думал лишь о себе. Никто из выступавших не позволил себе никаких резкостей по адресу Веспасиана, говорили о заблуждении, в которое впали солдаты, о неосмотрительности, ими проявленной, и тщательно избегали упоминать имя, бывшее у всех на уме. Срок консульства Цецины истекал через день; нашелся человек, упросивший Вителлия разрешить ему занять эту должность на оставшиеся сутки; просьба была удовлетворена, что вызвало множество насмешек и над тем, кто оказал подобное благодеяние, и над тем, кто его принял. В течение одного дня — накануне ноябрьских календ — Росий Регул и принял консульские полномочия, и сложил их с себя.⁷⁶ Впервые, как говорили сведущие в этих делах люди, новый магистрат был назначен без предварительно принятого законного решения о снятии обязанностей с человека, раньше занимавшего эту должность. Консулы одного дня были известны и прежде. Так, диктатор Гай Цезарь, торопясь вознаградить Каниния Ребила за услуги, оказанные во время гражданской войны, назначил его консулом при таких же обстоятельствах.⁷⁷

38. В эти же дни умер Юний Блез,⁷⁸ смерть его привлекла к себе всеобщее внимание и вызвала много разговоров. Вот что мне удалось о ней узнать. Тяжело заболевший Вителлий ночевал в Сервилиевых садах;⁷⁹ вдруг он заметил, что один из расположенных поблизости дворцов ярко освещен. Вителлий послал узнать, в чем дело; ему доложили, что Цецина Туск⁸⁰ устроил многолюдное пиршество в честь Юния Блеза, и со всяческими преувеличениями описали пышность пира и распущенность, якобы там царящую. Тут же нашлись люди, вменившие в преступление Туску, его гостям и в первую очередь Блезу, что они веселятся, когда принцепс болен. Придворные, которые всегда только и ждут, на кого бы натравить императора, видя, что на Вителлия действуют их разговоры и таким образом открывается возможность погубить Блеза, уговорили Луция Вителлия выступить в роли обвинителя. Запятнанный всеми пороками, он издавна завидовал безупречной репутации Блеза и ненавидел

его. Явившись в комнату принцепса, Луций Вителлий бросился на колени, а потом принялся горячо обнимать и прижимать к груди сына Вителлия. На вопрос, в чем дело, Луций отвечал, что боится не за себя, что пришел слезно умолять брата защитить лишь свою жизнь и оградить от опасности детей. «Не Веспасиана надо бояться, — говорил он, — между ним и нами германские легионы, верные своему долгу провинции, бескрайние моря и земли. Другого врага нам следует опасаться — того, кто здесь, в Риме, у нас на глазах, хвастается своими предками — Юниями и Антониями,⁸¹ кичится своим происхождением из императорского рода⁸² и выставляет напоказ перед солдатами свою доброту и щедрость.⁸³ Он привлек к себе все сердца, он бражничает, спокойно взирая на муки и страдания принцепса. Не разобрав, где враг и где друг, ты пригрел на своей груди соперника. Надо наказать этого человека за неуместное веселье, пусть эта ночь станет для него ночью ужаса и скорби. Пусть знает, что Вителлий жив, что он правит, и у него есть сын, который в случае роковой необходимости заменит его».

39. Вителлий трепетал от страха, но не мог решиться на преступление. Он боялся, что, сохраняя Блезу жизнь, подвергает себя смертельной опасности, но в то же время знал, что, приказав убить его, рискует вызвать к себе всеобщую лютую ненависть. Поэтому он счел за лучшее отравить его. Радость, которую он не сумел скрыть при виде мертвого тела Блеза, еще раз показала всем, кто повинен в этом злодеянии. Передавали сказанные им мерзкие слова (и *призжужу их совершенно точно*), будто видом мертвого врага он насыщает свой взор. Блез был человек не только знатный и отлично воспитанный, но и на редкость верный своему долгу. Вителлию еще ничто не угрожало, когда Цецина и другие главари вителлианской партии уже разочаровались в нем и стали всячески обхаживать Блеза: однако Блез упорно отвергал все их домогательства. Он был чист душой, держался в стороне от интриг, не стремился ни к незаслуженным почестям, ни к принцепской власти, которой его едва не сочли достойным.

40. Между тем Фабий Валент двигался к театру военных действий во главе целой армии изнеженных наложниц и евнухов, и далеко не так поспешно, как подобает полководцу. Когда ему срочной эстафетой доставили сведения об измене Луцилия Басса и переходе Равеннского флота на сторону Веспасиана,⁸⁴ он еще мог форсированным маршем опередить колебавшегося Цецину или присоединиться к легионам до того, как над ними нависла опасность разгрома. Одни из его приближенных советовали свернуть с главной дороги и с группой верных людей, окольными тропами, в обход Равенны, поспешить к Гостилии или Кремоне, другие настаивали на том, чтобы вызвать из Рима преторианские когорты и, собрав достаточно сил, прорвать фронт врага.⁸⁵ Валент медлил и вместо того, чтобы действовать, проводил время в бесполезных разговорах. В конце концов он отверг оба плана и, не обладая ни подлинной смелостью, ни

мудрой предусмотрительностью, выбрал самое худшее, что может быть в таком положении, — среднюю линию.

41. Валент написал Вителлию, прося подкреплений. Ему прислали три когорты⁸⁶ и британскую конницу; для скрытого маневра, рассчитанного на обман врага, это было слишком много, для открытого прорыва — слишком мало. Валент и в этих критических обстоятельствах не хотел отказываться от своих подлых привычек: ходили слухи об извращенных наслаждениях, которым он предается, о прелюбодеяниях и преступлениях, творимых им в домах, где он останавливался. Силы и деньги у него еще были, но он видел, что звезда его закатывается, и стремился натешиться напоследок. Как только к Валенту прибыли вызванные им из Рима пехотные и конные подразделения, нелепость его плана стала очевидна всем: с такими ограниченными силами нечего было и думать выступить против врага, даже если бы прибывшие солдаты и были готовы до конца стоять за Вителлия, а они подобной преданностью не отличались. Свои подлинные настроения они проявили не сразу, поначалу стыд и почтение, которое обычно внушает присутствие командующего, удерживали их. Однако люди, которые опасностей страшатся, а позора нет, не надолго поддаются подобным чувствам. Валент хорошо понимал это и, отправив пешие когорты к Армину,⁸⁷ а кавалерии поручив оборону тыла, в сопровождении немногих солдат, сохранивших ему былую верность, свернул в Умбрию, а оттуда в Тоскану, где его застало известие об исходе битвы под Кремоной. Тогда-то у него и возник новый план, не лишенный дерзости, а в случае удачи грозивший ужасными последствиями: добраться морем до Нарбоннской провинции и оттуда поднять Галлию, римские армии и германские племена на новую войну.

42. Когорты, оставленные Валентом в Армине, после отъезда командующего совсем пали духом. Корнелий Фуск подтянул против них свои войска, приказал быстроходным судам курсировать вдоль берегов и таким образом запер вителлианцев с суши и с моря. Теперь долины Умбрии и омываемая Адриатическим морем часть Пицены оказались заняты;⁸⁸ между Италией Веспасиана и Италией Вителлия единственной преградой остался Апеннинский хребет. Валент тем временем вышел на кораблях из Пизанского залива, но штиль или встречные ветры заставили его пристать в порту Геркулеса Монойкийского,⁸⁹ неподалеку от которого действовал прокуратор Приморских Альп Марий Матур,⁹⁰ пока еще по-прежнему сохранявший верность Вителлию, хотя все кругом уже перешли на сторону его врагов. Марий Матур хорошо принял Валента и отговорил его от безрассудной поездки в Нарбоннскую Галлию. Доводы Матура навели на Валента ужас, а вскоре и солдат его страх заставил забыть о долге и присяге.

43. Расположенные поблизости города перешли на сторону Веспасиана. Принудил их к этому прокуратор⁹¹ Валерий Паулин, опытный военачальник, связанный с Веспасианом узами старинной дружбы, начавшейся еще

до того, как судьба вознесла будущего принцепса. Паулин собрал людей, уволенных Вителлием из армии и жаждавших принять участие в войне,⁹² и занял колонию Форум Юлия,⁹³ контролировавшую выход к морю. Власть Паулина была тем более велика, что сам он происходил из этой колонии; преторианцы его поддерживали, потому что он некогда был у них трибуном; даже крестьяне из окрестных деревень помогали ему, стремясь завоевать расположение городских властей и рассчитывая на поддержку со стороны Паулина в будущем. Когда слух об его успехах, и без того значительных, да еще приукрашенных молвой, распространился среди колебавшихся, неуверенных в себе вителлианцев, Фабий Валент поспешил вернуться на свои корабли. За ним последовали четверо ординарцев, трое друзей и три центуриона; Матур и остальные решили остаться и присягнуть Веспасиану. Валент хорошо понимал, откуда ему грозит опасность, гораздо хуже он представлял себе, на кого ему можно было бы опереться; будущее казалось смутным, и в море он чувствовал себя увереннее, чем на берегу или в городах. Непогодой корабли его отнесло к Стойхадам — островам, находившимся под властью города Массилии.⁹⁴ Здесь его и схватили моряки быстроходных либурнских кораблей, которые Паулин еще раньше выслал к Стойхадам.

44. После ареста Валента дела Веспасиана повсюду пошли на лад. К нему присоединились сначала Испания, где первый Вспомогательный легион, верный памяти Отона и потому враждебный Вителлию, увлек за собой десятый и шестой, затем — галльские провинции и, наконец, Британия. Солдаты расположенного здесь второго легиона любили Веспасиана, который при Клавдии командовал ими и хорошо проявил себя в боях. Они сумели перетянуть на свою сторону и остальные войска, правда, не без сопротивления и споров: большинство центурионов и солдат получили от Вителлия повышения по службе и очень неохотно отказывались от принцепса, доказавшего им на деле свою благосклонность.⁹⁵

45. Все эти распри и непрерывно доходившие слухи о междоусобицах в Риме вдохнули новые силы в сердца британцев. Больше всех подстрекал их к восстанию Венуций,⁹⁶ человек неукротимый, лютый враг римлян и к тому же имевший свои причины ненавидеть царицу Картимандую. Эта царица, происходившая из старого знатного рода, правила племенем бригантов. Могущество ее сильно возросло после того, как она, обманом захватив царя Каратака, как бы своими руками устроила триумф Клавдия Цезаря.⁹⁷ Вместе с богатством и удачей пришли, как обычно, роскошь и разврат. Картимандуя отвергла своего мужа Венуция и разделила ложе и власть с его оруженосцем Веллокатом. Это преступление вызвало целую бурю: на сторону Венуция стало все государство, на сторону Веллоката — царица, ослепленная страстью и готовая на любую жестокость. Венуций сумел собрать силы, британцы изменили Картимандуе, и, доведенная до последней крайности, она обратилась за помощью к римлянам. После нескольких сражений, кончавшихся победой то одной, то другой стороны,

римские когорты и конные отряды спасли царицу от нависшей над ней опасности. Победа осталась за нами, царство — за Венуцием.

46. В эти же дни вспыхнули волнения в Германии. Здесь господство римлян едва не было уничтожено из-за слабости полководцев, распушенности легионов, коварства союзных племен и обилия сил, которыми располагали варвары. О причинах и ходе этой надолго затянувшейся войны я вскоре расскажу особо.

Возмущение захватило также и племя даков;⁹⁸ они никогда не были по-настоящему верны Риму, а после ухода войск из Мёзии решили, что теперь им уж совсем нечего бояться. Сперва они хранили спокойствие и только наблюдали за происходящим, когда же война запылала по всей Италии и армии одна за другой стали втягиваться в борьбу, даки захватили зимние лагеря пеших когорт и конных отрядов, овладели обоими берегами Дуная и уже собирались напасть на лагеря легионов, но Муциан, получивший тем временем сведения о победе под Кремоной и понимавший, что если даки и германцы с разных сторон вторгнутся в пределы империи, то ему придется иметь дело с вдвое более грозным противником, двинул против даков шестой легион.⁹⁹ Опять, как во многих других случаях, сама судьба позаботилась о римском народе: Муциан с восточными армиями вовремя оказался на месте,¹⁰⁰ а Кремону мы тем временем окончательно закрепили за собой. Во главе Мёзии был поставлен Фонтей Агриппа,¹⁰¹ переведенный из Азии, которой он в течение года управлял в качестве проконсула. В помощь ему дали армию, набранную из бывших вителлианцев, — и здравый смысл, и интересы мира требовали рассредоточить их по провинциям и занять войной с противником, угрожавшим Риму извне.

47. Непокойны были и другие племена. В Понте¹⁰² неожиданно взялся за оружие раб, варвар, некогда командовавший царским флотом, — отпущенник Полемона Аникет. Прежде он пользовался большой властью в этой стране; когда же она сделалась римской провинцией, принялся с нетерпением ожидать переворота. Именем Вителлия он привлек на свою сторону пограничные с Понтом племена, пообещал самым нуждающимся дать возможность пограбить и во главе значительных сил неожиданно ворвался в Трапезунд, славный древний город, основанный греками в самой отдаленной части Понтийского побережья.¹⁰³ Расположенная здесь когорта,¹⁰⁴ составлявшая в прошлом царский гарнизон, была перебита: хотя этим солдатам недавно дали римское гражданство, значки и оружие, принятые в нашей армии, они по сути дела остались прежними ленивыми, распушенными греками. Аникет сжег римские суда, забросав их горящими факелами, и стал полновластным хозяином на море, так как лучшие либурнские галеры и всех солдат Муциан еще прежде увел отсюда в Византий.¹⁰⁵ Варвары с удивительной быстротой понастроили себе корабли и безнаказанно бороздили море. Корабли эти называются у них камары,¹⁰⁶ борта их расположены близко друг к другу, а ниже бортов

корпус расширяется; варвары не пользуются при постройке кораблей ни медными, ни железными скрепами; когда море бурно и волны высоки, поверх бортов накладывают доски, образующие что-то вроде крыши, и защищенные таким образом барки легко маневрируют. Грести на них можно в любую сторону, эти суда кончаются острым носом и спереди, и сзади, так что могут с полной безопасностью причаливать к берегу и одним, и другим концом.

48. Мятеж Аникета привлек внимание Веспасиана, и он выслал против повстанцев отдельные подразделения легионов во главе с опытным военачальником Вирдием Геминиом. Напав на занятых грабежом, разбредшихся по всей округе варваров, он принудил их вернуться на корабли. Поспешно выстроив несколько быстроходных галер, Гемин погнался на них за Аникетом и настиг его в устье реки Хоб,¹⁰⁷ где тот чувствовал себя в безопасности, так как успел деньгами и подарками привлечь на свою сторону местного царя Седохеза¹⁰⁸ и теперь рассчитывал на его поддержку. Царь сначала действительно оказывал покровительство своему гостю, умолявшему его о помощи, и даже грозил римлянам оружием. Вскоре, однако, Гемин дал ему понять, что, предав повстанцев, он может получить деньги, продолжая же защищать Аникета, рискует подвергнуть свою страну нападению римских войск. Непостоянный, как все варвары, царь решился погубить Аникета и выдал римлянам тех, кто искал у него спасения. На том и кончилась эта война с рабами.

Все желания Веспасиана сбывались, и исполнение каждого его замысла приносило еще больше удачи, нежели он рассчитывал: не успел он нарадоваться победе над Аникетом, как к нему в Египет пришла весть о битве под Кремоной. Тем быстрее устремился Веспасиан к Александрии, чтобы теперь, когда войска Вителлия были разгромлены, закрыть подвоз припасов в Рим и голодом принудить к сдаче столицу, вечно нуждавшуюся в продовольствии. С этой целью он собирался вторгнуться с моря и суши в расположенную по соседству провинцию Африка и, приостановив поставки хлеба, вызвать в стане врага смятение и голод.

49. В результате этих охвативших весь мир потрясений по-новому начали складываться судьбы империи; далеко не так как прежде стал действовать после победы под Кремоной и Прим Антоний. То ли он решил, что хватит с него воинских подвигов и теперь можно ни о чем не заботиться, то ли удача обнажила присущие ему жадность, высокомерие и прочие пороки, которые он прежде тщательно скрывал, но он повел себя в Италии как в завоеванной стране, а с легионами начал обращаться так, будто то было его собственное войско. Теперь в каждом его слове, в каждом поступке сказывалось желание любой ценой проложить себе путь к власти. Чтобы поддержать мятежные настроения солдат, он разрешил им самим выбрать себе центурионов на место погибших; в результате избранными оказались отъявленные смутьяны. Теперь уже не солдаты подчинялись командирам, а командиры зависели от произвола солдат.

Вскоре Антоний попытался использовать разложение армии и упадок дисциплины в своих интересах. Он не подумал о том, что Муциан уже близко, а между тем встать на пути этого человека было гораздо опаснее, чем оскорбить самого Веспасиана.

50. Приближалась зима, сырость ложилась на поля в пойме Пада, когда армия налегке, без поклажи и обозов, выступила в поход. Значки и орлы легионов, раненых, престарелых, а с ними и многих здоровых солдат победители оставили в Вероне. Они считали, что конец войны уже не за горами и можно справиться с помощью конных отрядов, отдельных когорт и набранных по легионам добровольцев. Одиннадцатый легион,¹⁰⁹ который в начале войны медлил и выжидал, теперь, после победы флавианцев, испугавшись, что можно опоздать к дележу добычи, присоединился к победителям. С ним шли шесть тысяч новобранцев — далматов.¹¹⁰ Командовал им консулярий Помпей Сильван,¹¹¹ на самом же деле все военные планы разрабатывал легат легиона Анний Басс. Делая вид, будто он полностью подчиняется своему командиру, Басс спокойно и энергично руководил легионом и фактически направлял все поступки Сильвана, который был неопытен в военном искусстве и вместо того, чтобы действовать, произносил речи. Моряки Равеннского флота требовали, чтобы их перевели в число легионеров;¹¹² из них выбрали лучших, включили в состав армии, а на их место поставили далматов. В Фанум Фортуне¹¹³ армия и полководцы остановились и стали решать, что делать дальше: ходили слухи, будто преторианские когорты выступили из Рима; проходы в Апеннинах, по всей вероятности, охранялись сторожевыми заставами; местность, где остановились войска, была разорена войной; командиры боялись солдат, буйно требовавших выплаты клавария.¹¹⁴ Никто в свое время не позаботился ни о пополнении казны, ни о запасах пищи. Алчность и нетерпеливость солдат делали положение еще более трудным: они грабили население и отнимали у жителей продовольствие, которое те готовы были отдать даром.

51. В сочинениях самых прославленных историков я нахожу факты, показывающие, сколь бессовестно преступали победители все заповеди богов. Один рядовой конник пришел к командирам, заявил, что убил в последнем сражении своего брата, и потребовал за это вознаграждения. Положение в войске сложилось такое, что наказать его было невозможно, награждать же — бесчеловечно и незаконно. Командиры ответили, что совершенный им подвиг заслуживает почестей, воздать которые в походных условиях невозможно, поэтому лучше отложить дело до другого времени. Позже об этом случае уже не вспоминали. Подобные преступления случались в истории гражданских войн и раньше. В битве с Цинной у Яникульского холма¹¹⁵ один из воинов-помпеянцев, как рассказывает Сисенна,¹¹⁶ убил, не узнав его, своего родного брата, а поняв, что произошло, тут же покончил с собой: вот насколько превосходили нас наши предки, — и вознаграждая доблесть, и карая преступление. Подобные примеры

из прошлого, если только они к месту, я и впредь буду приводить всякий раз, когда нужно прославить доблесть или найти утешение в беде.

52. Антоний и полководцы его армии решили выслать вперед конников, дабы, обследовав всю Умбрию, найти самые удобные дороги, ведущие к Апеннинам. Они договорились также стянуть в одно место легионы, самостоятельно действовавшие когорты и оставшихся в Вероне солдат, а транспорты с поклажей и продовольствием отправить по реке Пад и морем. Кое-кто из полководцев нарочно мешал осуществлению этих планов: они теперь уже не нуждались в Антонии и рассчитывали больше выгадать, помогая Муциану. Дело в том, что Муциан был обеспокоен молниеносными успехами Антония, он опасался, как бы Антоний не двинулся на Рим один и не лишил его тем самым славы победителя. Он непрерывно писал Приму и Вару письма, в которых то настаивал на необходимости спешно завершить начатое дело, то рассуждал о преимуществах мудрой медлительности. Письма были составлены так, что в случае неудачи Муциан мог бы от всего отпереться, в случае же победы — приписать ее своим попечениям. С Плотием Грипом, которого Веспасиан недавно возвел в сенаторское достоинство и назначил командовать легионом, и с другими своими сторонниками Муциан был откровеннее и побуждал их противодействовать Антонию. В ответных письмах они старались расположить Муциана к себе и в самом неблагоприятном свете изображали причины, заставлявшие Прима и Вара торопиться. Муциан пересылал эти письма Веспасиану и добился того, что император стал относиться к поступкам и замыслам Антония совсем не так, как тот рассчитывал.

53. Все это с каждым днем сильнее раздражало Антония, и он решил, не дожидаясь, пока интриги Муциана сведут на нет страдания и опасности, им перенесенные, сам бросить вызов сопернику. Невоздержный на язык, не привыкший кому-либо подчиняться, Антоний не слишком щадил Муциана в разговорах с окружающими. Он составил письмо Веспасиану, написанное с самоуверенностью, недопустимой при обращении к принцепсу, и содержавшее скрытые нападки на Муциана. Антоний писал там о своих заслугах, говорил, что это он поднял паннонские легионы, он увлек правителей Мёзии, он форсировал Альпы,¹¹⁷ занял Италию, преградил путь германцам и ретам, составлявшим резервы Вителлия. А битва, начатая атакой конницы против рассеянных беспорядочных легионов вителлианцев и завершенная наступлением пехоты, в течение суток громившей разбитого противника? Разве это не блестящая военная операция, и разве не он, Антоний, провел ее? Что касается злосчастной истории с Кремоной, так на то и война; гражданские распри былых времен, принесшие гибель не одному, а многим городам, обходились государству гораздо дороже. Боевыми делами, а не донесениями и письмами служит он своему императору. При этом он вовсе не хочет умалять заслуги людей, наводивших тем временем порядок в Дакии,¹¹⁸ — их дело

было охранять мир в этой провинции, его — обеспечивать спасение и безопасность Италии. Кто, как не он, убедил галльские и испанские провинции, эти лучшие земли империи, перейти на сторону Веспасиана? Неужели теперь плодами всех его трудов воспользуются люди, не принимавшие в них никакого участия, а Антоний останется ни при чем?

Муциан хорошо понимал, чем грозит ему это письмо. Оно породило ненависть, которую Антоний высказывал открыто, а Муциан, хитрый и безжалостный, — лелеял в глубине души.

54. Поражение под Кремоной разрушило все планы Вителлия. Он старался скрыть, что произошло, но эта нелепая политика не столько пресекала зло, сколько мешала найти средства борьбы с ним. В самом деле: если бы Вителлий все откровенно рассказал и попросил бы совета, у него нашлись бы еще и надежды, и силы; он же, наоборот, старался представить все в радужном свете и тем лишь ухудшал свое положение. Удивительное молчание обо всем, связанном с войной, окружало его; в городе было приказано не разговаривать на эту тему, и потому только ее повсюду и обсуждали. Если б подобные разговоры не запрещались, люди вели бы речь о действительно произошедших событиях, теперь же, когда говорили тайно, по городу расползались слухи, один ужаснее другого. Полководцы флавианской партии всячески содействовали распространению этих слухов. Захваченных в плен разведчиков Вителлия водили по всему лагерю флавианцев, давали им воочию убедиться в силе победоносной армии, после чего отпускали на волю. Всех их Вителлий тайно допрашивал, а потом казнил. Замечательный героизм проявил в эту пору центурион Юлий Агрест. Он не раз говорил с Вителлием, тщетно пытаясь возбудить его мужество, и, наконец, испросил разрешения отправиться в армию противника, дабы выяснить, что произошло под Кремоной, и посмотреть, какими силами располагают флавианцы. Явившись к Антонию, он не пытался обмануть его и выполнить свою миссию тайно, а откровенно рассказал о возложенном на него поручении, о своих намерениях и потребовал, чтобы его познакомили с положением. Антоний отрядил людей, которые показали Агресту место сражения, развалины Кремоны, захваченные в плен легионы вителлианцев. Агрест вернулся к Вителлию, но тот отказался верить принесенным сведениям и даже обвинил его в измене. На это Агрест ответил: «Если тебе нужно бесспорное свидетельство моей преданности и никакой другой пользы ни жизнью своей, ни смертью я принести не могу, то ты получишь доказательство, которому поверишь». И выйдя от принцепса, он наложил на себя руки, добровольною смертью скрепив истину своих слов. Некоторые говорят, что его убили по приказу Вителлия, но все в один голос признают его верность и мужество.

55. Вителлий как бы очнулся от сна; он приказал Юлию Приску и Алфену Вару¹¹⁹ взять четырнадцать когорт претория, всю наличную конницу и встать заставой в Апенниннах; вслед им отправили еще легион

морской пехоты.¹²⁰ Будь во главе столько тысяч отборных пехотинцев и конников другой командующий, сил этих могло бы хватить даже для контрнаступления. Командовать остальными когортами¹²¹ и обеспечить с их помощью безопасность столицы Вителлий поручил своему брату Луцию. Сам же он и не подумал отказаться от постоянно окружавшей его роскоши и разврата. Подгоняемый сознанием непрочности своей власти, он поспешно собрал комиции, где назначил консулов на много лет вперед,¹²² с бессмысленной щедростью роздал союзникам права федератов,¹²³ иностранцам — латинское гражданство,¹²⁴ одним отложил взнос налогов, других освободил от повинностей и, наконец, нимало не заботясь о будущих поколениях, принялся раздаривать государственное имущество. Чернь только диву давалась, глядя на этот поток благодеяний; глупцы старались добиться их за деньги, люди умные не придавали им никакой цены, понимая, что при нормальном положении дел никто не стал бы ни оказывать подобные милости, ни принимать их. Армия между тем заняла Меванию¹²⁵ и требовала, чтобы Вителлий присоединился к ней. Спровожаемый толпой сенаторов, из которых одних привело сюда желание выслужиться, а большинство — страх, он прибыл в лагерь, растерянный, готовый послушаться любого коварного совета.

56. Когда Вителлий проводил солдатскую сходку, над его головой, — дивно сказать, — закружились какие-то отвратительные крылатые существа, и было их столько, что они как туча затмили день.¹²⁶ К этому прибавилось недоброе предзнаменование: бык разбросал священную утварь, убежал от алтаря и был убит далеко от того места, где обычно совершают жертвоприношения. Но наиболее мрачное зрелище являл собой сам Вителлий. Невежественный в военном деле, неспособный что-либо предвидеть и рассчитать, он не умел ни построить войско, ни собрать нужные сведения, ни ускорить или замедлить ход военных действий. Он обо всем спрашивал совета у окружающих, при каждом новом известии ужасался, дрожал, а потом напивался. Наконец, лагерная жизнь ему надоела. Получив сведения о переходе Мизенского флота на сторону противника,¹²⁷ он поспешил в Рим, озабоченный лишь последними событиями и вовсе не думая об угрожающей ему гибели. Каждый понимал, что следовало перевести через Апеннины всю армию и со свежими войсками обрушиться на ослабевшего от голода и холода противника, но Вителлий дробил свои силы и посылал на верную смерть или плен лучших солдат, готовых идти за него в огонь и воду. Даже центурионы, из тех, что больше других понимали дело, не одобряли эту тактику и раскрыли бы Вителлию глаза, если б он посоветовался с ними. Но ближайшие друзья Вителлия не давали центурионам высказать свое мнение, а уши императора были устроены так, что он оставался глух ко всему, что могло его спасти, и выслушивал лишь приятные, но гибельные советы.

57. Во времена гражданских неурядиц даже один человек может сделать многое, если он дерзок и решителен: центурион Клавдий Фавентин,

которого Гальба некогда оскорбил, уволив из армии, сумел склонить к измене весь Мизенский флот; он показывал морякам подложные письма Веспасиана, в которых тот якобы обещал им награду, если они предадут Вителлия. Командовавший этим флотом Клавдий Аполлинарий не был ни настолько мужественным, чтобы остаться верным присяге, ни настолько честолюбивым, чтобы изменить ей. Во главе мятежников стал только что отслуживший претору Апиний Тирон, который в это время случайно оказался в Минтурне.¹²⁸ Под влиянием восставших началось брожение также в муниципиях и колониях; к вражде между вителлианцами и флавианцами здесь добавлялось соперничество городов друг с другом: жители Путеол¹²⁹ горячо поддерживали Веспасиана, капуанцы наперекор им решили хранить верность Вителлию. Чтобы вернуть себе расположение солдат, Вителлий отправил к ним Клавдия Юлиана;¹³⁰ Юлиан незадолго перед тем руководил Мизенским флотом и проявил себя как мягкий, гуманный командир. Ему в помощь дали когорту солдат городской стражи и гладиаторов, которыми он ведал. Они разбили лагерь рядом с лагерем мятежников, и Юлиан, недолго поколебавшись, перешел на сторону Тирона, после чего все вместе отправились в Таррацину,¹³¹ — здесь они могли считать себя в безопасности, полагаясь, правда, не столько на собственное мужество, сколько на стены города и его неприступное местоположение.

58. Узнав об этих событиях, Вителлий оставил в Нарнии¹³² префектов претория с частью войск, а брата своего Луция отправил с шестью когортами и пятьюстами всадниками в Кампанию, чтобы преградить путь войне, надвигавшейся на него отсюда. Мрачное настроение его начало рассеиваться: солдаты выражали ему свою преданность, народ громкими криками требовал оружия, и он уже стал называть эту толпу, не способную ни на что, кроме бессмысленной болтовни, новой армией и новыми легионами. По совету своих вольноотпущенников (он предпочитал их друзьям, которым доверял тем меньше, чем более достойные люди среди них встречались) Вителлий приказывает созвать трибы.¹³³ Сначала он сам принимает присягу у добровольцев, но, видя, что толпа жаждущих записаться все растет, поручает отбор их консулам. Он устанавливает, сколько рабов и какую сумму денег должен внести каждый сенатор; римские всадники наперебой предлагают свою помощь и свои сбережения; даже вольноотпущенникам, настаивающим, чтобы и им дали возможность принять участие в общем деле, разрешают принять на себя такие же обязательства. Все это порожденное страхом воодушевление постепенно перерастало в сострадание и жалость. Большинство, однако, скорбело не о Вителлии, а о принцепате, над которым нависла угроза. Вителлий стремился вызвать к себе сочувствие печальным выражением лица, жалобным голосом и слезами; он раздавал направо и налево явно невыполнимые обещания, как это обычно бывает с людьми, дрожащими от страха. Прежде он отвергал звание Цезаря, теперь же пожелал назы-

ваться этим именем, отчасти возлагая на него суеверные надежды, а отчасти и потому, что, когда человек в опасности, пересуды толпы значат для него столько же, сколько голос благоразумия. Впрочем, как всегда бывает при внезапно возникающих безрассудных порывах, которые сильны на первых порах, а со временем остывают, воодушевление сенаторов и всадников начало постепенно спадать. Они стали отходить от Вителлия, сперва втихомолку, пользуясь его отсутствием, потом, уверовав в собственную безнаказанность, с откровенным пренебрежением. Наконец, видя, что из всей затеи ничего не получается, Вителлий, мучимый стыдом, решил не брать у сенаторов и всадников того, что они все равно ему не давали.

59. Захват Мевании поразил ужасом всю Италию; казалось, война начинается заново; однако трусливое бегство Вителлия вновь изменило положение и еще более укрепило популярность флавианской партии. Самниты, пелигны, марсы,¹³⁴ уязвленные тем, что жители Кампании опередили их,¹³⁵ поднялись в свой черед и ревностно, как подобает новым подданным, выполняли обязанности, возложенные на них в связи с войной. Армия тем временем, изнемогая в борьбе со снегами и холодом,¹³⁶ с трудом прокладывала себе путь через Апеннины. Даже во время этого мирного перехода у людей едва хватало сил выбраться из снегов; теперь солдатам стало ясно, какие бы их ждали опасности, если бы судьба, приходившая на помощь флавианским полководцам не реже, чем их военные таланты, не вернула Вителлия в Рим. В пути флавианцы неожиданно встретили Петилия Цериала;¹³⁷ хорошее знание местности и крестьянская одежда помогли ему ускользнуть от приставленной Вителлием стражи. Цериал был близким родственником Веспасиана, слыл опытным командиром и тут же вошел в число руководителей армии. Многие авторы утверждают, будто у Флавия Сабина и Домициана¹³⁸ тоже была полная возможность скрыться; лазутчики Антония всякими правдами и неправдами сумели пробраться к ним и убеждали их бежать, обещая проводить под крепкой охраной в надежное место. Сабин отказался, говоря, что слабое здоровье не позволяет ему отважиться на побег, сопряженный с трудностями и риском. Домициан обладал нужной решительностью, но Вителлий приставил к нему сторожей, которые, хотя и говорили, будто готовы содействовать побегу, внушали ему опасения. Впрочем, Вителлий не собирался трогать Домициана и по соображениям собственной выгоды.

60. Дойдя до Карсул,¹³⁹ полководцы флавианской партии остановились на несколько дней, чтобы отдохнуть и дать время остальным легионам присоединиться к ним. Место для лагеря оказалось очень удачным: его окружали открытые поля, где все было видно на большое расстояние, дороги, по которым подвозилось продовольствие, были безопасны, в тылу лежали цветущие многолюдные города. Вителлианцы стояли в десяти милях; это облегчало ведение переговоров, внушало надежду, что их

удастся перетянуть на сторону Веспасиана. Солдат такая перспектива не радовала. Они стремились не к перемирию, а к победе и не хотели ждать прихода остальных легионов, видя в них скорей соперников в деле добычи, чем товарищей в борьбе. Антоний собрал сходку. Он заговорил о том, что Вителлий разбит еще не до конца, что можно вступить в переговоры и склонить его войска к измене, но, если довести вителлианцев до крайности, у них еще хватит сил оказать ожесточенное сопротивление. В гражданской войне, утверждал он, на первых порах все зависит от удачи, но окончательной победы можно добиться, лишь действуя мудро и осмотрительно. Антоний напомнил, что Мизенский флот и цветущая, омываемая морем Кампания уже отвернулись от Вителлия, что из всей мировой империи у него осталась лишь полоска земли между Таррациной и Нарнией. «Битва под Кремоной принесла вам довольно славы, — продолжал он, — но еще больше ненависти к вам вызвала гибель этого города. Теперь, когда Рим перед вами, следует думать не о том, как им овладеть, а о том, как оградить его от бед. Не лучшая ли награда и не высшая ли честь, не пролив ни капли крови, отстоять безопасность сената и римского народа?». Этими и подобными доводами Антоний сумел успокоить солдат.

61. Некоторое время спустя подошли отставшие легионы, и флавианская армия стала еще более многочисленной. Слухи об этом распространились среди противников и посеяли панику в их рядах; вителлианцы заколебались; никто здесь не призывал солдат продолжать борьбу; напротив, все убеждало их в том, что лучше перейти на сторону врага; командиры наперебой сдавались флавианцам, принося в дар победителям свои конные отряды и центурии, в надежде, что это зачтется им в будущем. От них стало известно, что расположенный неподалеку на равнине город Интерамна¹⁴⁰ охраняется гарнизоном в четыреста всадников. Против них немедленно выслали летучий отряд во главе с Варом. Немногие, оказавшие сопротивление, были перебиты, другие побросали оружие и сдались, кое-кто бежал в лагерь.¹⁴¹ Чтобы как-то оправдаться и объяснить, почему они изменили своему долгу, беглецы всячески преувеличивали доблесть и численность противника, и слухи о грозящей опасности тут же охватили весь лагерь. Трусов вителлианцы не наказывали; изменники были явно не в накладе, и это окончательно подрывало дух армии; остальные состязались в подлости и коварстве. Трибуны и центурионы все чаще перебегали на сторону врага, хотя рядовые солдаты упорно хранили верность Вителлию. Наконец, Приск и Алфен бросили лагерь на произвол судьбы и вернулись к Вителлию, тем самым заранее отпустив вину всем остальным.

62. В эти же дни в Урбине¹⁴² в тюрьме был убит Фабий Валент. Голову его выставили на обозрение вителлианцам, дабы лишить их всяких надежд на будущее: до сих пор они верили, будто Валент бежал в Германию, сплавивает там свои старые войска и набирает новые.¹⁴³

Видя, что полководец их убит, вителлианцы впали в отчаяние; флавианцы же ликовали и решили, что смерть Валента означает конец войны.

Валент родился в Анагнии,¹⁴⁴ во всаднической семье. Развратный и неглупый, он предался распутству, дабы прослыть светским человеком. При Нероне, во время Ювеналовых игр,¹⁴⁵ он неоднократно выступал в качестве мима, сначала делая вид, будто его к этому вынуждают, потом — не скрывая, что выступает по собственной охоте; игра на сцене принесла ему репутацию скорее умелого актера, чем порядочного человека. В бытность свою легатом легиона он поддерживал Вергиния и его же оклеветал, убил Фонтя Капитона, склонив его раньше к измене, а может быть, именно потому, что тот не соглашался на измену, предал Гальбу. Он сохранил верность Вителлию, когда другие ему изменяли, и это принесло ему славу.

63. Видя, что все их надежды пошли прахом, солдаты вителлианской армии тоже решили перейти на сторону противной партии, но позаботились о том, чтобы их капитуляция выглядела достойно. С развернутыми вымпелами и поднятыми знаками они спустились на лежавшие ниже Нарнии поля. Флавианское войско, изготовленное к бою, в парадном вооружении выстроилось сомкнутыми рядами по обеим сторонам дороги. Вителлианцы вошли в образовавшийся проход, их немедленно окружили, и Антоний обратился к ним с приветливой речью; часть их оставили в Нарнии, часть разместили в Интерамне. Тут же расположили и несколько легионов из армии победителей: они не трогали вителлианцев, пока те вели себя спокойно, но в случае необходимости готовы были подавить любые волнения. В эти дни Прим и Вар несколько раз писали Вителлию, гарантируя ему жизнь, предлагая деньги и тайное убежище в Кампании, если он согласится сложить оружие и сдаться вместе с детьми на милость Веспасиана. О том же самом писал ему и Муциан. Вителлию все чаще приходила в голову мысль согласиться на эти предложения. Он уже начал поговаривать о том, сколько рабов он с собой возьмет и какое место на побережье его бы больше всего устроило. Полное безразличие овладело им. Если бы другие не помнили, что он принцепс, сам он давно бы забыл об этом.

64. Самые видные люди в государстве втайне уговаривали префекта столицы Флавия Сабина принять участие в победоносном завершении войны, обеспечить себе свою долю славы и не уступать ее целиком Антонию и Вару. Они напоминали ему о находящихся в его распоряжении расположенных в столице когортах, о солдатах городской стражи, которые, конечно, тоже поддержат его, о том, что события сами всегда складываются в пользу победителей, обещали свою помощь, призывали префекта подумать о судьбе флавианской партии. «У Вителлия, — говорили они, — солдат мало, да и те удручены сыплющимися на них со всех сторон мрачными вестями. Народ непостоянен в своих привязанностях;

если ты объявишь себя их вождем, они станут так же раболепствовать пред Веспасианом. Вителлий и при благоприятных обстоятельствах не умел быть настоящим принцепсом, а теперь, когда все кругом идет прахом, и вовсе впал в ничтожество. Честь завершить войну выпадет на долю человека, который овладеет Римом. Естественней всего именно тебе из рук в руки передать власть Веспасиану, ему же будет приятно оказаться обязанным в первую очередь брату и лишь затем всем остальным».

65. Сабин был стар,¹⁴⁶ страсти в его душе давно утихли, и он неохотно выслушивал подобные речи. Находились люди, тайно распространявшие оскорбительные для Сабина слухи, будто он ненавидит брата и из зависти не хочет помочь ему. Дело в том, что Сабин был старше Веспасиана и, пока они оба оставались частными лицами, превосходил его также богатством и пользовался большим уважением в обществе. Рассказывали, будто в трудную для Веспасиана минуту, когда кредит его пошатнулся, Сабин ссудил ему весьма умеренную сумму, забрав в обеспечение долга его дом и земли. С тех пор оба брата втайне остерегались друг друга, хотя внешне сохраняли хорошие отношения. Гораздо вероятнее, однако, другое объяснение. Сабин был человек мягкий, кровопролитие и убийства внушали ему отвращение, поэтому он не раз убеждал Вителлия заключить перемирие и договориться об условиях, на которых можно будет прекратить вооруженную борьбу. Они обсуждали эти вопросы сначала дома, потом в храме Аполлона,¹⁴⁷ где, как уверяла в то время молва, в конце концов и пришли к соглашению. Голоса обоих собеседников и слова, ими произносимые, слышали только два человека — Клувий Руф и Силий Италик,¹⁴⁸ остальные могли лишь издали наблюдать за обоими собеседниками. Вителлий выглядел унылым и жалким, лицо Сабина выражало не столько высокомерие, сколько сострадание.

66. Если бы Вителлию удалось с такой же легкостью убедить своих приближенных согласиться на перемирие, с какой принял эту мысль он сам, войска Веспасиана вступили бы в Рим, не пролив ни капли крови. Но в том-то и беда, что все близкие Вителлию люди и слушать не хотели о прекращении войны на каких бы то ни было условиях: перемирие, по их мнению, поставило бы вителлианцев в полную зависимость от любого каприза победителя и не принесло бы им ничего, кроме опасностей и позора. Веспасиан, утверждали люди, окружавшие Вителлия, не настолько тщеславен, чтобы принять бывшего императора в число своих подданных, побежденные тоже не смирятся с этим, так что само милосердие нового принцепса обернется для Вителлия еще худшей опасностью. Вителлий, говорили они, прожил долгую жизнь, изведаль радость и горе и теперь утомлен и тем и другим; но пусть он подумает о славном имени своего рода, об участии, ожидающей его сына Германика. «Сейчас тебе предлагают деньги, обещают сохранить жизнь членам семьи, сулят безмятежный отдых в Кампании на берегу одной из ее прелестных бухт. Но когда Веспасиан станет полновластным хозяином, ни он сам, ни друзья

его, ни солдаты не смогут чувствовать себя спокойно, пока не уничтожат соперника. Даже Фабий Валент, скованный по рукам и ногам, сохраняемый как заложник на случай возможных осложнений, и тот показался им слишком опасным. Так что же еще мог приказать Веспасиан Муциану и берущим с него пример Приму и Фуску, как не убить Вителлия? Цезарь не пощадил Помпея, Август Антония; можно ли ожидать большего великодушия от Веспасиана, бывшего клиентом одного из Вителлиев в те времена, когда последний вместе с Клавдием управлял империей?¹⁴⁹ Вспомни же, что твой отец был цензором и трижды консулом, вспомни о почете, окружающем ваш славный дом, и пусть овладевшее тобой отчаяние отступит перед мужественной решительностью. По-прежнему верны тебе твои солдаты, по-прежнему любят тебя граждане, и те, и другие готовы на все. Ничего хуже того, к чему мы сами стремимся, с нами произойти не может. Смерть ждет нас, если мы сдадимся врагам, и смерть настигнет нас, если мы потерпим поражение. Нам остается один выбор — или погибнуть в бою, как подобает мужчинам, или умереть под градом насмешек и оскорблений».

67. Вителлий оставался глух к советам, продиктованным доблестью. Он жалел самого себя, боялся, что раздраженный затянувшимся сопротивлением противник не пощадит его жену и детей, и все эти мысли сокрушали его душу. Думал он и о своей престарелой матери; судьба, правда, сжалилась над ней — она скончалась за несколько дней до гибели всех своих родных; принципат сына не принес ей ничего, кроме горя и общего уважения.¹⁵⁰

В пятнадцатый день перед январскими календами¹⁵¹ Вителлий получил сообщение о том, что оставшийся в Нарнии легион вместе с приданными ему когортами изменил своему долгу и сдался врагу.¹⁵² Облаченный в черные одежды, окруженный плачущими родными, клиентами и рабами, спустился он с Палатина.¹⁵³ За ним, как на похоронах, несли в носилках его маленького сына. Странно звучали льстивые приветствия, которыми его встретил народ. Солдаты хранили мрачное молчание.

68. Не было ни одного, даже самого бесчувственного человека, которого не потрясла бы эта картина: римский принцепс, еще так недавно повелевавший миром, покидал свою резиденцию и шел по улицам города, сквозь заполнившую их толпу, шел, дабы сложить с себя верховную власть. Никто еще не видел такого зрелища, никто не слышал ни о чем подобном. Диктатор Цезарь пал жертвой внезапного нападения, Гая¹⁵⁴ унес тайный заговор, только ночь да безвестная деревня видели бегство Нерона,¹⁵⁵ Пизон и Гальба погибли как бойцы на поле боя. Один лишь Вителлий уходил от власти среди своих же солдат, среди народа, который он сам же еще так недавно созывал здесь¹⁵⁶ на сходку, уходил, не стыдясь присутствия женщин. В нескольких кратких, приличествующих обстоятельствам словах он объявил, что отказывается от власти в интересах мира и государства, просит сохранить память о нем и брате

и сжалиться над его женой и невинными детьми Протягивая ребенка окружавшей толпе, он обращался то к одному, то к другому, то ко всем вместе, рыдания душили его. Наконец, он отстегнул от пояса кинжал и подал его стоявшему рядом консулу Цецилию Симплексу,¹⁵⁷ как бы передавая ему власть над жизнью и смертью сограждан. Консул отказался принять кинжал; толпа шумно протестовала; Вителлий двинулся к храму Согласия¹⁵⁸ с намерением там сложить с себя знаки верховной власти и затем укрыться в доме брата.¹⁵⁹ Вокруг кричали еще громче, требуя, чтобы он отказался от мысли поселиться в частном доме и вернулся на Палатин. Пройти по улицам, забитым народом, оказалось невозможно; свободна была только Священная дорога.¹⁶⁰ Вителлий поколебался и вернулся во дворец.

69. Слух, будто Вителлий отрекся от власти, опережая события, полз по городу; Флавий Сабин отдал трибунам когорт¹⁶¹ письменное распоряжение принять меры против возможных выступлений солдат. Кажется, вся империя целиком отдала себя в руки Веспасиана; видные сенаторы, многие всадники, все солдаты из гарнизона и когорт городской стражи заполнили дом Флавия Сабина. Вскоре, однако, здесь стало известно, что городской плебс принял сторону Вителлия, а германские когорты¹⁶² грозят уничтожить всякого, кто выступит против принцепса. Сабин зашел уже слишком далеко и отступать было поздно; толпившиеся у него в доме люди не решались разойтись, опасаясь, как бы вителлианцы не перебили их поодиночке; поэтому каждый, дрожа за свою жизнь, уговаривал Сабина не колебаться более и взяться за оружие. Как обычно бывает в подобных случаях, все наперебой давали советы и почти никто не хотел рисковать своей жизнью. Когда Сабин в сопровождении успешных к тому времени вооружиться сторонников Веспасиана спускался с холма, возле Фунданиева бассейна на него напали опередившие своих товарищей вителлианцы. В мимолетной стычке, которая началась неожиданно для одних и других, вителлианцы одержали верх. Положение было критическое, Сабин предпочел не рисковать и заперся в крепости на Капитолии.¹⁶³ За ним последовали солдаты, кое-кто из сенаторов и всадников; перечислить их по именам затруднительно, — слишком уж многие после победы Веспасиана хвастались участием в этой обороне. Среди осажденных оказались и женщины, самая известная из них — Верулана Гратилла,¹⁶⁴ покинувшая своих детей и близких ради тревог и опасностей войны. Вителлианцы обложили крепость, но охраняли подступы к ней настолько небрежно, что Сабин в первую же ночь сумел провести на Капитолий своих детей и племянника Домициана.¹⁶⁵ Были ворота, возле которых осаждающие и вовсе забыли поставить караул, и Сабин, воспользовавшись этим, отправил гонца к полководцам флавианской армии. Он писал, что находится в осаде и что положение его, если только ему не придут на помощь, скоро станет безвыходным. Ночь прошла так спокойно, что Сабин, если бы захотел, мог незамеченным уйти с Капито-

лия. Вителлианские солдаты, такие мужественные перед лицом опасности, не были способны к длительному усилию и не умели нести караульную службу; к тому же внезапно хлынувший зимний ливень мешал им что-либо расслышать или рассмотреть.

70. На заре следующего дня Сабин, не дожидаясь возобновления военных действий, отправил к Вителлию примипилярия Корнелия Марциала, поручив ему спросить, на каком основании Вителлий нарушает заключенное между ними соглашение.¹⁶⁶ Неужели отказ от власти был лишь комедией и притворством, рассчитанным на обман стольких достойнейших людей? В самом деле, почему Вителлий пытался скрыться в доме брата, возвышающемся над Форумом и привлекающем всеобщее внимание, а не захотел удалиться на Авентин,¹⁶⁷ в дом жены, который стоит поодаль от остальных и, казалось бы, гораздо больше подходит человеку, собирающемуся жить как частное лицо и избегать малейшего напоминания о власти принцепса? Вместо этого Вителлий возвращается на Палатин, эту твердыню императорской власти, высылает оттуда вооруженных солдат, обгаряющих кровью невинных самые многолюдные кварталы города, посягает на святыню Капитолия, в то время как брат Веспасиана, сенатор и гражданин Рима, глядя на кровавые столкновения легионов, на захваченные города, на сдающиеся противнику когорты, спокойно ждет исхода борьбы между Веспасианом и Вителлием, остается, несмотря на отпадение испанских и германских провинций, несмотря на измену Британии, верным своему долгу и соглашается вести переговоры. Восстановление мира и согласия необходимо не только побежденным, оно украшает также и победителей. Если уж Вителлий решил отступить от заключенного соглашения, то нечего пробовать свои силы в борьбе с захваченным врасплох противником и с едва вышедшим из отроческих лет сыном Веспасиана,¹⁶⁸ — какую пользу принесет ему убийство одного старика и одного подростка? Пусть идет навстречу вражеским легионам и с ними вступает в решительный бой. Если исход сражения будет для него благоприятен, все остальное устроится само собой. Перепуганный, движимый одним лишь желанием оправдаться, Вителлий отвечал очень кратко; он возложил всю вину на солдат, чей пыл, по его словам, не имел ничего общего с его собственным смирением перед обстоятельствами. Он уговорил Марциала выйти из дома незаметно, через задние комнаты, так как солдаты убили бы его, если б узнали, что он явился для заключения ненавистного им перемирия; сам Вителлий уже ничего не мог ни приказать, ни запретить. Он не был больше императором, он был лишь поводом для раздоров.

71. Едва Марциал успел вернуться на Капитолий, как к крепости устремились разъяренные вителлианские солдаты. Никто ими не командовал, каждый действовал на свой страх и риск. Быстро миновав Форум и возвышающиеся здесь храмы,¹⁶⁹ они сомкнутыми рядами устремились вверх по холму к первым воротам капитолийской крепости.¹⁷⁰ Осажден-

ные выбрались на крыши древних портиков, идущих по правой стороне улицы, и оттуда осыпали вителлианцев камнями и черепицами. Наступающие были вооружены одними мечами, свободных людей у них не было, подвозить же осадные и метательные машины показалось им слишком долгим. Они забросали факелами крайний портик и двинулись вверх следом за огнем. Вот уже запылали ворота, еще минута — и вителлианцам удалось бы пробиться на Капитолий, но Сабин велел завалить проход статуями, которые были расставлены здесь повсюду для прославления предков. Тогда вителлианцы решили проникнуть на Капитолий с двух других сторон — от рощи Убежища и по ста ступеням, ведущим на Тарпейскую скалу. Обе атаки явились для осажденных совершенно неожиданными, но особенно угрожающей была та, что началась из рощи Убежища, — путь этот короче других, и вителлианцы сражались здесь с особенной яростью. Дома на этом склоне холма строились в ту пору, когда никто не думал о возможности войны: они стояли вплотную друг к другу, и крыши их как бы образовывали лестницу, ведущую прямо на Капитолий; по этой-то лестнице солдаты и бросились наверх. До сих пор неясно, кто поджег крыши этих домов, — нападающие или осажденные, стремившиеся таким способом отбросить прорвавшихся вперед вителлианцев; последнее мнение приходится слышать чаще. Огонь перекинулся на портики, окружавшие храм, и вскоре запылали деревянные орлы, поддерживавшие скаты кровли. Коснувшись старого дерева, пламя вспыхнуло еще ярче и устремилось вперед. Так сгорел Капитолий, сгорел при запертых воротах, уже никем не защищаемый, но еще никем не захваченный.

72. Со времени основания города республика народа римского не видела столь тяжкого и отвратительного злодеяния. Святиня Юпитера Сильнейшего и Величайшего перестала существовать, когда мир царил на границах и боги, насколько то допускали наши нравы, были к нам милостивы. Созданный предками по указанию богов залог римского могущества,¹⁷¹ на который не осмелились поднять руку ни Порсенна, когда город ему сдался,¹⁷² ни галлы, когда они взяли его силой,¹⁷³ погубили яростные распри принцепсов. Пожары случались в храме и раньше, в пору гражданских войн, но тогда поджигатели действовали поодиночке, тайно, теперь же он подвергся осаде и был предан огню на виду у всего города. Зачем был затеян этот бой? Ради чего совершено такое злодеяние? Пока мы вели войны в интересах родины, храм стоял нерушимо.¹⁷⁴

Капитолийский храм был основан по обету, данному во время войны с сабинянами царем Тарквинием Древним.¹⁷⁵ Заложил он его, сообразуясь больше со своими надеждами на будущее, чем со скромным положением, которое занимал в ту пору римский народ. Позже Сервий Тулий с помощью союзников, а затем и Тарквиний Гордый, использовавший для строительства богатства, захваченные при взятии Свессы Помеции, продолжали возведение храма.¹⁷⁶ Честь завершить работу выпала на долю уже свободного Рима: после изгнания царей Гораций Пульвилл во время

своего второго консульства освятил храм,¹⁷⁷ столь великолепный, что огромные богатства, доставшиеся римскому народу позже, использовались чаще на доделки и украшения, чем на расширение здания; Капитолийский храм, простояв четыреста пятьдесят лет, сгорел в консульство Луция Сципиона и Гая Норбана¹⁷⁸ и был затем возведен на прежнем месте. Восстановление его взял на себя Сулла, уже после того как добился окончательной победы. Однако освятить новый храм суждено было не Сулле, в этом одном отказали ему боги,¹⁷⁹ а Лутацию Катуллу.¹⁸⁰ Несмотря на все, что сделали для Капитолия Цезари, новое здание вплоть до принципата Вителлия называли именем Катулла.

Вот какой храм погибал теперь в огне.

73. Пожар Капитолия испугал осажденных больше, чем осаждающих. В трудную минуту вителлианцы сумели проявить ловкость и мужество; совсем по-другому вели себя флавианцы. Солдаты трепетали от страха; беспомощный, как бы впавший в оцепенение вождь не был в состоянии ни говорить, ни слушать, ни командовать сам, ни следовать советам других; он поворачивался то в одну, то в другую сторону, прислушиваясь к крикам врагов, запрещал то, что раньше приказывал, и приказывал то, что раньше запрещал. Как часто бывает в минуты смертельной опасности, все командовали, и никто не выполнял распоряжений. Наконец, осажденные бросали оружие и затаились по крепости в поисках средств обмануть противника и скрыться. Вителлианцы врываются на Капитолий. Повсюду бушует пламя, сверкают мечи, льется кровь. Немногие настоящие воины, среди которых самые известные — Корнелий Марциал, Эмилий Пауленз,¹⁸¹ Касперий Нигер, Дидий Сцева — вступают в бой, но тут же падают мертвыми. Победители окружают безоружного, не оказывающего никакого сопротивления Флавия Сабина и консула Квинция Аттика, который еще так недавно, движимый тщеславием и желанием показать свою призрачную власть, обращался к народу с воззваниями, прославляя Веспасиана и понося Вителлия. Остальные теми или другими способами ухитрились бежать; одни переоделись рабами, других вынесли, спрятав под ворохами вещей, верные клиенты. Были люди, чья собственная дерзость защитила надежнее, нежели любое тайное убежище: подслушав пароль, по которому вителлианцы узнавали друг друга, они воспользовались им и даже сами требовали отзыва у встречающих.

74. Еще когда первые вителлианцы ворвались на Капитолий, Домициан спрятался у сторожа храма. Вскоре один из вольноотпущенников сумел ловко вывести его оттуда: закутавшись в полотняный плащ, Домициан смешался с толпой жрецов¹⁸² и, никем не узнанный, добрался до Велабра,¹⁸³ где его приютил клиент отца Корнелий Прим. После прихода к власти Веспасиана Домициан снес домик сторожа, где когда-то прятался, и отстроил на его месте небольшой храм Юпитеру Хранителю,¹⁸⁴ а в храме — мраморный алтарь с изображением событий, с ним здесь случившихся. Сделавшись вскоре императором, он воздвиг

Юпитеру Стражу огромный храм,¹⁸⁵ после чего освятил и храм, и статую, изображавшую его самого в объятиях бога. Сабина и Аттика заковали в цепи и привели к Вителлию, который встретил их спокойно, без всяких угроз и оскорблений, несмотря на ярость солдат, кричавших, что они имеют право распоряжаться жизнью побежденных, и требовавших награды за оказанные Вителлию услуги. Толпа присоединилась к ним, самая подлая часть черни то угрозами, то лестью добивалась от Вителлия приказа казнить Сабина. Вителлий, стоя на ступенях Палатина, собирался вымолить у толпы жизнь пленных, но приближенные убедили его уйти во дворец. Едва Вителлий удался, Сабин пал под ударами солдат. Ему отрубили голову, а растерзанное тело сволокли в Гемонии.¹⁸⁶

75. Таков был конец этого довольно примечательного человека. Тридцать пять раз участвовал он в походах, прославив свое имя и на военном, и на гражданском поприще. Его честность и справедливость неоспоримы. Семь лет правил он Мёзией, двенадцать лет был префектом Рима, и единственное, что могли ставить ему в вину, — это излишнюю говорливость. Некоторые считали, будто под конец жизни он сделался человеком слабым, большинство же объясняло его поведение в ту пору умеренностью и нежеланием проливать кровь сограждан. Все согласны в том, что до восшествия Веспасиана на престол именно Сабин пользовался в этой семье наибольшим влиянием и почетом. Муциан, как уверяют, воспринял весть о его гибели с большой радостью. Многие даже утверждали, что смерть эта избавила нас от новых гражданских войн: один был братом императора, другой считал себя его соправителем, и только гибель Сабина предотвратила новые междоусобия. Атик признал себя виновным в поджоге Капитолия. Может быть, с его стороны это был только ловкий ход: он принял на себя всю ненависть, которую вызвало это злодеяние, и тем самым сумел отвести ее от вителлианской партии; поэтому, когда народ стал требовать казни консула, Вителлий счел себя обязанным воздать за услугу услугой и сумел отстоять его.

76. Тем временем Луций Вителлий разбил лагерь у Феронии¹⁸⁷ и угрожал Таррацине. Запершиеся в крепости гладиаторы и гребцы¹⁸⁸ не решались ни на вылазку, ни на открытое сражение. Как я уже говорил, гладиаторами командовал Юлиан, гребцами Аполлинарий, оба сами больше похожие на гладиаторов, чем на полководцев. Они не выставляли караулов, не чинили обветшалые стены. Дни и ночи оглашали они самые очаровательные уголки побережья своими разгульными криками, рассылали солдат на поиски новых мест для развлечений и вспоминали о войне только во время попоек. Апиний Тирон¹⁸⁹ несколькими днями раньше вышел из города и теперь самыми крутыми мерами выжимал из муниципий деньги и подарки, что не столько умножало его силы, сколько возбуждало к нему ненависть.

77. К Луцию Вителлию явился перебежчик — раб Вергилия Капитона¹⁹⁰ — и пообещал без боя передать город вителлианцам, если они

обеспечат ему вооруженную охрану. Глубокой ночью он вывел в горы легковооруженные когорты и расположил их над головой у противника. Оттуда солдаты устремились вниз, — не для битвы, а для резни, — только что очнувшиеся ото сна люди, не имевшие оружия или едва успевшие за него схватиться, падали под их мечами; темнота, страх, рев боевых труб, крики наступающих увеличивали панику. Несколько гладиаторов оказали отпор врагу и дорого продали свою жизнь, остальные устремились к кораблям, где их ждала та же гибель: они попали здесь в толпу местных жителей, которых вителлианцы убивали, не встречая никакого сопротивления. Шесть быстроходных галер — на одной из них находился префект флота Аполлинарий — вышли в море еще в самом начале сражения, прочие были захвачены на стоянке либо потонули под тяжестью облепивших их людей. Юлиана привели к Луцию Вителлию и зарезали у него на глазах, сначала зверски избив плетью. Некоторые рассказывали, будто жена Луция Вителлия Триария, нагло опоясавшись солдатским мечом, творила жестокости на заваленных трупами улицах поверженного, погруженного в отчаяние города. Муж ее в знак одержанной победы отправил брату лавровый венок и спрашивал, что ему надлежит делать дальше, — немедленно возвращаться, раз он и так уже слишком задержался, или остаться в Кампании для полного покорения края. Сомнения Луция Вителлия оказались спасительными не только для партии Веспасиана, но и для всего государства: если бы солдаты, и прежде фанатически преданные Вителлию, а теперь еще ободренные победой, успели вернуться в Рим, сражение здесь было бы тяжелым и сама столица могла бы погибнуть. При всей своей подлости Луций Вителлий был человек деятельный и представлял серьезную угрозу, если не благодаря своим достоинствам, как бывает у людей доблестных, то, как это бывает у негодяев, — благодаря своим порокам.

78. Пока в стане вителлианцев происходили описанные события, войско Веспасиана оставило Нарнию¹⁹¹ и, остановившись в Окрикуле,¹⁹² спокойно праздновало сатурналии.¹⁹³ Пытаясь хоть как-то оправдать столь странную неторопливость, приближенные Антония говорили, что надо подождать Муциана. Правда, находились люди, утверждавшие, будто Антоний медлит неспроста; будто Вителлий прислал ему письмо, в котором предлагал изменить Веспасиану, обещая за это должность консула, руку дочери и огромное приданое. Другие отвечали, что все это выдумки, сочиненные в угоду Муциану. Существовала, наконец, и третья версия, согласно которой полководцы Веспасиана условились между собой держать Рим под угрозой, но не доводить дело до штурма, а дожидаться, пока Вителлий, покинутый своими верными когортами и лишенный всякой опоры, сам откажется от власти; план этот якобы не удалось осуществить по вине Сабина, который сначала вел себя безрассудно, а потом струсил: опрометчиво было с его стороны браться за оружие, и только трусостью можно объяснить, что он не сумел отстоять от каких-то трех

когорт¹⁹⁴ неприступную Капитолийскую крепость,¹⁹⁵ способную выдержать нападение большой армии. Нелегко, видно, возложить на кого-нибудь одного ответственность за ошибки, в которых повинны все. В самом деле, Муциан своими двусмысленными письмами тормозил продвижение победоносных войск; Антоний был виноват в том, что неожиданно начал прислушиваться к его советам, скорее всего стремясь переложить на Муциана ответственность за затяжку кампании; другие полководцы считали, что война выиграна, и думали лишь о том, как бы под конец отличиться. Даже Петилий Цериал, которому было поручено провести тысячу всадников через Сабинское поле и вступить в Рим по Соляной дороге, откуда вителлианцы их меньше всего ожидали,¹⁹⁶ и тот не торопился выполнить возложенную на него миссию. Весть об осаде Капитолия положила конец всем этим колебаниям.

79. Антоний двигался к Риму по Фламиниевой дороге. Глубокой ночью дошел он до Красных камней¹⁹⁷ и тут понял, что опоздал: его ждали вести о страшных событиях в столице — убит Сабин, Капитолий горит, в городе паника. Говорили также, что народ и рабы вооружаются, дабы выступить на защиту Вителлия. Потерпел поражение со своими конниками и Петилий Цериал. Считая, что враг уже разбит, он стремился вперед, не соблюдая никакой осторожности, и вдруг наткнулся на засаду из всадников и пехотинцев. Битва развернулась под самым Римом, среди садов и строений, на кривых извилистых улицах, хорошо знакомых вителлианцам, но внушавших страх конникам Цериала. Последние к тому же далеко не все сражались с одинаковым пылом: среди них было немало солдат, совсем недавно, под Нарнией, перешедших на сторону флавианцев, и теперь они старались угадать, какая партия возьмет верх. В этой битве префект конницы Юлий Флавиан был захвачен в плен; остальные в беспорядке бежали; победители преследовали их только до Фиден.¹⁹⁸

80. Этот успех еще усилил энтузиазм народа. Городская чернь взялась за оружие. Мало у кого были настоящие боевые щиты, большинство вооружилось чем попало, толпа размахивала дротами — требовала сигнала к началу битвы. Вителлий поблагодарил их и приказал двигаться на защиту города. Собравшийся тут же сенат назначил легатов, которые отправились в войско противника, чтобы убедить его, якобы ради интересов государства, согласиться на мир и прекращение военных действий. Судьба этих легатов сложилась по-разному. Явившиеся к солдатам Петилий Цериала, которые и слышать не хотели о перемирии, едва не погибли. Ранен был претор Арулен Рустик:¹⁹⁹ ярость солдат вызвало не только звание посла и претора, над которым они надругались, но и горделивое достоинство, отличавшее этого мужа. Свиту его разогнали, первый ликтор,²⁰⁰ осмелившийся расчищать в толпе дорогу претору, был убит. Охваченные бешеной ненавистью к своим же согражданам, забыв о неприкосновенности послов, которую чтят даже чужеземные племена,

они убили бы легатов под самыми стенами родного города, если бы Цериал не приказал окружить прибывших охраной. Несколько лучший прием встретили посланцы сената, явившиеся к Антонию, — не потому, что солдаты здесь были дисциплинированнее, а потому, что командующий крепче держал их в руках.

81. В число легатов замешался всадник Музоний Руф, ревностный последователь философов и поклонник стоицизма.²⁰¹ Попав в армию вителлианцев, он принялся толковать окружающим его вооруженным солдатам о благах мира и ужасах войны. Некоторые смеялись, большинству было противно. Его бы, наверное, избили и выгнали, но он вовремя послушался людей, убеждавших его по-хорошему, и, испугавшись сыпавшихся на него со всех сторон угроз, прекратил свои неуместные поучения. Навстречу армии вышли также девы-весталки, несшие Антонию письмо Вителлия. Он просил отложить решающее сражение на один день и уверял, что благодаря этой отсрочке легче удастся все уладить. Антоний с почетом отпустил весталок, Вителлию же написал, что после убийства Сабина и пожара Капитолия ни о каких переговорах не может быть и речи

82. Все же Антоний, собрав войска на сходку, пытался уговорить их разбить лагерь возле Мульвиева моста и отложить вступление в город до следующего дня. Он стремился добиться этой отсрочки, ибо опасался, что разгоряченные битвой солдаты не пощадят ни народ, ни сенат, ни даже храмы и святилища богов. Но солдаты были уверены, что любое промедление только на руку врагу. К тому же они видели вымпелы, развевавшиеся на окружающих холмах: хотя под этими вымпелами стояли всего-навсего мирные граждане,²⁰² солдатам казалось, что там их ждет готовая к бою вражеская армия. Войско разделилось на три колонны: одна осталась на Фламиниевой дороге, другая пошла в наступление берегом Тибра, третья двигалась по Соляной дороге к Коллинским воротам.²⁰³ Одной кавалерийской атаки оказалось достаточно, чтобы разогнать чернь, и наступавшие столкнулись с войсками вителлианцев, тоже разделенными на три колонны. Битва на подступах к городу шла во многих местах и с переменным успехом, но в большинстве случаев все же победа оставалась за флавианцами, у которых были лучше командиры. Тяжело пришлось тем флавианцам, которые, вступив в город, свернули налево²⁰⁴ и оказались в узких, скользких улицах, примыкающих к Саллюстиевым садам.²⁰⁵ Вителлианцы, взобравшись на стены садов, забрасывали наступавших камнями и дротами и до самых сумерек не давали им продвинуться вперед, пока, наконец, их самих не окружили конники, прорвавшиеся в город через Коллинские ворота. Местом битвы стало и Марсово поле.²⁰⁶ Удача сопутствовала флавианцам, которых окрыляла память о множестве прежних побед, вителлианцам же придавало силы одно лишь отчаяние; их обращали в бегство, но они снова и снова собирались то в одной, то в другой части города.

83. Жители, наблюдавшие за этой борьбой, вели себя как в цирке — кричали, аплодировали, поощряли то тех, то этих. Если одни брали верх и противники их прятались в лавках или домах,²⁰⁷ чернь требовала, чтобы укрывшихся выволакивали из убежища и убивали; при этом ей доставалась большая часть добычи: поглощенные убийством и борьбой, солдаты предоставляли толпе расхватывать награбленное. Охваченный жестокостью, город был неузнаваем и безобразен. Бушует битва, падают раненые, а рядом люди принимают ванны или пьянствуют; среди потоков крови и валяющихся мертвых тел разгуливают уличные женщины и мужчины, подобные им;²⁰⁸ роскошь и распутство мирного времени, а рядом — жестокости и преступления, как в городе, захваченном врагом; безумная ярость и ленивый разврат владеют столицей. Столкновения вооруженных войск бывали в Риме и раньше, дважды приносили они победу Луцию Сулле,²⁰⁹ один раз Цинне;²¹⁰ и в ту пору тоже совершалось не меньше жестокостей. Но только теперь появилось это чудовищное равнодушие. Никому и в голову не пришло хоть на минуту отказаться от обычных развлечений; события, разыгрывавшиеся на улицах города, казалось, придавали празднику еще больше блеска. Все ликовали, все захлебывались от восторга — и не оттого, что сочувствовали какой-либо из партий, а оттого, что радовались несчастьям своего государства.

84. Труднее всего оказалось взять лагерь,²¹¹ последнюю опору еще оставшейся в живых горстки смельчаков. Сопротивление их еще больше раззадорило флавианцев, особенно бойцов старых когорт.²¹² Строй черепахой, осадные машины, зажигательные снаряды, насыпи — все приемы, используемые при осаде укрепленных городов, были пущены в ход разом. «Только, если возьмем лагерь, — кричали нападающие, — имеет смысл все, что нам пришлось вынести, — сражения, бедствия, труды. Город принадлежит сенату и римскому народу, храмы — богам, но честь солдата — в лагере: там его родина, там его дом. Если не удастся захватить лагерь сейчас, будем сражаться всю ночь, а своего добьемся!». Вителлианцы уступали противнику числом, удача покинула их, и они выбрали единственное, что остается в утешение побежденным, — затягивать борьбу, противиться наступлению мира, обогреть кровью дома и алтари. На площадках башен и на валах выпускали дух умирающие. Наконец, ворота рухнули, но оставшиеся в живых вителлианцы сбились в кучу и отвечали ударом на каждый удар врага. Они погибли все до единого, но падали только лицом к противнику и, даже расставаясь с жизнью, думали лишь о том, чтобы умереть со славой.

Когда город был взят, Вителлий вышел через задние комнаты дворца, сел в носилки и приказал отнести себя на Авентин, в дом жены. Он рассчитывал незамеченным переждать здесь день, а затем пробраться в Таррацину, к брату и его когортам. Вителлий отличался редким непостоянством мыслей; к тому же, когда человек испуган, ему всегда самым ненадежным представляется именно то положение, в котором он сейчас нахо-

дится; Вителлий поколебался и вернулся на Палатин. Дворец стоял пустой и безлюдный. Даже самые ничтожные рабы разбежались или прятались, едва увидев приближающегося принцепса. Тишина и одиночество наводили жуть. Вителлий открывал одну дверь за другой и отшатывался в ужасе: покои были пусты. Устав скитаться по дворцу, он было спрятался в постыдное место,²¹³ но трибун когорты Юлий Плацид выгнал его оттуда. Со скрученными за спиной руками, в разодранной одежде его повели по городу. Зрелище было отвратительное, многие выкрикивали ругательства и оскорбления, не плакал никто: когда смерть так позорна, состраданию нет места. Какой-то солдат из германской армии попался им навстречу и неожиданно с неистовой злобой набросился на Вителлия. Так и осталось непонятным, чего он хотел, — излить свою ярость на принцепса, избавить его от издевательств или убить трибуна. Он успел отрубить трибуну ухо и тут же пал под ударами солдат.

85. Подталкиваемый со всех сторон остриями мечей и копий, Вителлий вынужден был высоко поднимать голову; удары и плевки попадали ему прямо в лицо, он видел, как валятся с пьедесталов его статуи, видел ростральные трибуны, узнал место, где был убит Гальба. Наконец, его поволокли к Гемониям, куда еще так недавно бросили тело Флавия Сабина.²¹⁴ Глумившемуся над ним трибуну он сказал: «Ведь я был твоим императором», — то были единственные достойные слова, которые пришлось от него услышать. Произнеся их, он тут же упал, покрытый бесчисленными ранами, и чернь надругалась над мертвым так же подло, как она пресмыкалась перед живым.

86. Вителлий был родом из Луцерии.²¹⁵ Смерть застигла его, когда он завершал пятьдесят седьмой год своей жизни. Консульские и жреческие должности, славное имя, место среди первых людей государства — все досталось ему без всяких заслуг, лишь благодаря славе отца.²¹⁶ Люди, вручившие ему принципат, толком его не знали. Мало кому удавалось, действуя честно и благородно, добиться такой преданности солдат, какую Вителлий завоевал своей глупостью и беспомощностью. Были в нем, правда, и простодушие, и широта, но ведь это свойства, которые, если не управлять ими, обращаются на погибель человеку. Он искренне думал, что дружбу приобретают не верностью, а богатыми подарками, и поэтому окружали его не столько друзья, сколько наемники. Свержение Вителлия было, бесспорно, на пользу государству, но людям, покинувшим его ради Веспасиана, не стоит изображать свое предательство как заслугу: немногим ранее они так же изменили Гальбе.

День клонился к вечеру. Магистраты и сенаторы либо бежали из города, либо прятались у своих клиентов, так что созвать заседание сената оказалось невозможным. Убедившись, что ему больше не грозит никакая опасность, Домициан явился к полководцам флавийской армии и тут же был провозглашен Цезарем.²¹⁷ Солдаты как были после боя, увешанные оружием, толпой проводили его в дом отца.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Вителлий был убит; война кончилась, но мир не наступил. Победители, полные ненасытной злобы, с оружием в руках, по всему городу преследовали побежденных; всюду валялись трупы; рынки и храмы были залиты кровью. Сначала убивали тех, кто случайно попадался под руку, но разгул рос, вскоре флавианцы принялись обшаривать дома и выволакивать укрывавшихся там. Любого, кто обращал на себя внимание высоким ростом¹ или молодостью, будь то воин или житель Рима, тотчас же убивали. На первых порах победители еще помнили о своей вражде к побежденным и жаждали только крови, но вскоре ненависть отступила перед алчностью. Под тем предлогом, что жители могут скрывать у себя вителлианцев, флавианцы запретили что-либо прятать или запираить и стали врывать в дома, убивая всех сопротивлявшихся. Среди самых бедных плебеев и самых подлых рабов нашлись такие, что выдали своих богатых хозяев; других предавали друзья. Казалось, будто город захвачен врагами; отовсюду неслись стоны и жалобы; люди с сожалением вспоминали о наглых проделках солдат Отона и Вителлия, вызывавших у них в свое время такую ненависть. Полководцы флавианской партии сумели разжечь гражданскую войну, но оказались не в силах справиться с победившими солдатами: во время смут и беспорядков чем хуже человек, тем легче ему взять верх; править же в мирное время способны лишь люди честные и порядочные.

2. Домициан принял титул Цезаря и поселился во дворце. Он не спешил взять на себя заботы, сопряженные с этим званием, и походил на сына принцепса лишь своими постыдными и развратными похождениями. Префектом претория стал Аррий Вар, высшая власть сосредоточилась в руках Прима Антония. Он присваивал принадлежавшие принцепсам деньги и рабов и вел себя в императорском дворце как в захваченной Кремоне. Остальные командиры, то ли слишком скромные, то ли недостаточно решительные, никак не проявили себя во время войны и теперь, при дележе добычи, тоже остались в стороне. Жители столицы, запуганные и готовые пресмыкаться перед новым принцепсом, требовали послать войска навстречу возвращавшемуся из Таррацины Луцию Вителлию, дабы затушить последний очаг войны. Вскоре кавалерия действительно получила приказ выступить к Ариции, а легионы расположились в Бовиллах.² Луций Вителлий не стал медлить и сразу же вместе со всеми своими когортами сдался на милость победителя; его солдаты, испуганные и раздраженные, побросали оружие, принесшее им столько несчастий. Нескончаемая колонна пленных, окруженная вооруженными легионерами, вступила в столицу. Вителлианцы шли мрачные, суровые, не замечая ни рукоплесканий, ни насмешек толпы, ни на одном из лиц ни малейшего признака слабости; несколько человек вырвались за шеренгу конвойных и

были тут же убиты; остальных отвели в заключение. Никто из пленных не проронил ни одного недостойного слова, и подобающая их мужеству слава осталась, несмотря на унижительное положение, незапятнанной. Луций Вителлий был убит. Пороками равный брату, он с большей энергией защищал принципат Вителлиев и был ближе к Авлу в дни его падения, чем в дни счастья.

3. В это же время Луцилий Басс³ был отправлен во главе летучих конных отрядов на усмирение Кампании, хотя города этой провинции больше ссорились между собой, чем бунтовали против власти принцепса. С появлением солдат всюду водворилось спокойствие, и мелкие города не понесли никакого наказания. В Капуе⁴ разрушили несколько лучших домов и разместили на зимние квартиры третий легион, но зато жители Таррацины⁵ в возмещение понесенного ими ущерба не получили ничего: всегда легче воздать за зло, чем за добро; люди тяготятся необходимостью проявлять благодарность, но с радостью ищут случая проявить мстительность. Единственным утешением была казнь принадлежавшего Вергилию Капитону раба, который выдал Таррацину врагу, о чем я уже рассказывал прежде;⁶ его распяли с тем самым кольцом на пальце,⁷ которое он получил от Вителлия и постоянно носил. В Риме тем временем сенат присвоил Веспасиану все почести и звания, обычно полагающиеся принцепсу. Сенаторы были полны радостных надежд: гражданская война, вспыхнувшая в Галлии и Испании,⁸ перекинувшаяся сначала в Германию,⁹ потом в Иллирию, наконец — в Египет, Иудею и Сирию,¹⁰ охватившая все провинции и все армии, как очистительное пламя пронеслась по миру и теперь, казалось, близилась к концу. Еще более обрадовало всех письмо Веспасиана, написанное им якобы до окончания войны, — во всяком случае форма письма производила такое впечатление. Веспасиан принял тон настоящего принцепса, все внимание уделял большим государственным вопросам, а о себе упоминал как о простом гражданине. Сенат со своей стороны проявил готовность ему служить: Веспасиан и сын его Тит получили звание консулов, Домициан стал претором с консульскими полномочиями.¹¹

4. Муциан тоже прислал сенату письмо, вызвавшее много разговоров. «Если мы имеем дело с частным человеком, — рассуждали сенаторы, — то на каком основании обращается он к сенату с официальным посланием? Разве не мог он несколькими днями позже сказать то же самое на словах? Запоздалые нападки на Вителлия тоже не свидетельствуют о благородстве, а хвастливое заявление о том, что он, Муциан, держал в своих руках императорскую власть и добровольно даровал ее Веспасиану, непочтительно по отношению к государству и оскорбительно для принцепса». Впрочем, Муциана ненавидели тайно, превозносили явно: после многословных восхвалений ему присудили триумфальные знаки отличия, — как говорилось, за поход против сарматов, на самом деле — за победу в гражданской войне.¹² Консульские знаки отличия получил Прим

Антоний, преторские¹³ — Корнелий Фуск и Аррий Вар. Потом вспомнили и о богах и приняли решение восстановить Капитолий. Все эти меры, одну за другой, предлагал кандидат в консулы Валерий Азиатик,¹⁴ остальные лишь улыбками и жестами выражали свое одобрение. Немногие, либо занимавшие особо почетное положение, либо особо изощренные в лести, заявляли о своем согласии в тщательно составленных речах. Когда очередь дошла до кандидата в преторы¹⁵ Гельвидия Приска, он произнес речь, в которой, отдав должное заслугам нового принцепса, не сказал ни одного слова неправды. Выступление его вызвало восторг сенаторов. Этот день стал для Гельвидия самым важным в жизни, — с той минуты громкая слава и тяжкие несчастья сопутствовали ему повсюду.

5. Имя этого мужа встречается нам уже второй раз,¹⁶ и дальше о нем придется говорить еще чаще. Как видно, сам ход повествования требует, чтобы здесь я остановился и сказал несколько слов о его жизни, образе мыслей и судьбе. Гельвидий Приск родился в Карезинской области,¹⁷ в муниципии Клувиях, от отца примипилярия. Еще юношей он посвятил все свои блестящие способности занятию возвышенными науками,¹⁸ — не для того чтобы подобно многим прикрывать громкими словами постыдное безделье, но дабы укрепить свой дух мужеством, очиститься от всего пустого и случайного и затем отдаться государственной деятельности. Он последовал за наставниками, учившими, что единственное благо — честность, единственное зло — позор, власть же, знатность и все прочее, постороннее душе человеческой, — не благо и не зло. Гельвидий только еще отбыл службу в должности квестора,¹⁹ когда Пэт Тразея выбрал его себе в зятя; ценить свободу было главное, чему он научился у тестя. Как гражданин и сенатор, как муж, зять и друг, он был всегда неизменен: презирал богатство, неуклонно соблюдал справедливость и не ведал страха.

6. Некоторые считали чрезмерным его стремление к славе, — известно, что даже самым мудрым людям от честолюбия удастся избавиться позже, чем от других страстей. После гибели тестя²⁰ Гельвидий был сослан, но при Гальбе вернулся в Рим и выступил как обвинитель Эприя Марцелла, по доносу которого казнили Тразею. Сенат разделился, одни считали стремление Гельвидия отомстить за тестя справедливым, другие — чрезмерным: если бы Марцелл был осужден, по этому же обвинению пришлось бы казнить целые толпы людей. Насколько напряженной на первых порах была борьба, можно судить по замечательным речам, произнесенным обоими противниками. Вскоре, однако, Гельвидий снял свое обвинение — его просили об этом многие сенаторы, да и Гальба занял слишком неопределенную позицию. Мнения людей всегда несходны, и поступок Гельвидия вызвал самые разные толки: одни хвалили его за умеренность, другие порицали за недостаток настойчивости. В тот день, когда сенат признал Веспасиана верховным владыкой империи, было решено отправить к нему легатов. По этому поводу между Гельвидием и Эприем снова на-

чалась бурная ссора: Приск настаивал на том, чтобы принесшие присягу магистраты поименно назначили легатов, Марцелл поддерживал мнение кандидата в консулы и требовал решить дело жребием.

7. Марцелл тем более рьяно отстаивал это предложение, что защищал здесь свои собственные интересы: если бы его не назначили, все бы решило, что его считают хуже других. Постепенно противники перешли от колкостей к длинным речам, полным взаимной ненависти. Гельвидий язвительно спрашивал Марцелла, почему он так боится решения магистратов, ведь он богат, красноречив и превосходил бы многих других кандидатов, если бы за ним по пятам не шла память о былых злодеяниях. Жребий не разбирает, кто хорош, кто дурен; голосование же и обсуждение потому и приняты в сенате, что таким образом можно ясно представить себе и жизнь человека, и его репутацию. Интересы государства, уважение к Веспасиану требуют, чтобы ему навстречу были посланы те, кого сенат считает самыми честными и благородными, люди, от которых император услышит лишь достойные речи. Веспасиан был другом Тразеи, Сорана, Сентия;²¹ может быть, сейчас и не время карать тех, кто выступал с обвинениями против этих мужей, но выставлять их обвинителей напоказ тоже не следует. Посылая навстречу Веспасиану легатов, избранных сенатом, мы как бы указываем ему, кому следует доверять и кого опасаться. Хорошие друзья — главная опора всякой справедливой власти. Довольно с Марцелла и того, что по его наущению Нерон погубил столько невинных людей, пусть наслаждается полученными за это деньгами²² и собственной безнаказанностью, Веспасиана же пусть предоставит тем, кто честнее его.

8. Марцелл в своей речи говорил, что все эти нападки направлены против предложений, внесенных не им, а кандидатом в консулы; мнение последнего, впрочем, вполне соответствует древним установлениям, согласно которым состав легатов определялся жребием, дабы не дать проявиться честолюбию и личной вражде. «Не случилось ничего, что заставляло бы считать эти древние установления устаревшими или позволяло бы использовать почести, подобающие принцепсу, для унижения других. Можно любым способом выразить новому принцепсу свою покорность, но более всего надо опасаться, как бы кто-либо не рассердил его своим упрямством, именно сейчас, когда он еще не освоился со своим положением, внимательно вглядывается во все лица и прислушивается ко всем речам. Я хорошо знаю, в какое время живем мы и какое государство создали наши отцы и деды. Древностью должно восхищаться, но соотносываться приходится с нынешними условиями. Я молюсь, чтобы боги ниспосылали нам хороших императоров, но смиряюсь с теми, какие есть. Тразея погиб не столько от моей речи, сколько по общему решению сената, — Нерон любил тешить свою жестокость такого рода зрелищами, и дружба его была для меня не менее ужасна, чем для других изгнание.²³ Пусть Гельвидий равняется мужеством и доблестью с Катонами и Бру-

тами; ²⁴ я — всего лишь один из членов этого сената, пресмыкавшийся и унижавшийся вместе со всеми. Я даже дал бы Приску совет: не ставить себя выше принцепса, ²⁵ не пытаться навязывать Веспасиану свои мнения, — он старик, триумфатор, отец взрослых детей. Плохим императорам нравится неограниченная власть, хорошим — умеренная свобода».

Доводы обоих противников, изложенные в яростном споре, были восприняты по-разному: победили те, которые настаивали на избрании легатов по жребию: рядовые сенаторы предпочитали не отступать от обычая, люди выдающиеся сочли за благо согласиться с ними, опасаясь возбудить зависть, если окажутся избранными.

9. Вскоре возникла новая распря. Преторы, распорядившиеся казной (ибо в те времена казной еще ведали преторы), ²⁶ пожаловались на оскудение государственных денежных запасов и потребовали, чтобы было принято постановление, ограничивающее расходы. Кандидат в консулы, напомнив, каких огромных денег требует управление империей и как трудно найти средства борьбы с истощением казны, советовал предоставить решение вопроса принцепсу; Гельвидий же официально предложил, чтобы сенат сам принял постановление по этому поводу. Консулы уже приступили к опросу мнений, когда народный трибун Вулкаций Тертуллин воспользовался своим правом вето и запретил выносить решение в отсутствие принцепса. Гельвидий предложил далее, чтобы государство взяло на себя восстановление Капитолия, Веспасиан же оказал бы определенную помощь. Наиболее благоразумные встретили это предложение молчанием и вскоре о нем забыли. Кое-кто, однако, его запомнил.

10. Затем Музоний Руф напал на Публия Целера, ²⁷ утверждая, что тот своими ложными показаниями погубил Барею Сорана. Все понимали, что разбор этого дела грозит снова превратить сенат в арену взаимных нападков и раздоров, но подлость и вина Целера были столь очевидны, что спасти его от расследования оказалось невозможным. Все чтить память Сорана, Целер же, некогда обучавший Барею философии, а позже выступивший против него свидетелем, предал и опозорил то самое чувство дружбы, которое так красноречиво восхвалял. Разбор дела назначили на следующий день. Общее внимание было сосредоточено не столько на Музонии или Публии, сколько на Приске, Марцелле и других, стремившихся отомстить друг другу.

11. Между сенаторами царили раздоры, побежденные скрывали в душе злобу, победителей никто не уважал, законы не соблюдались, принцепс находился вдали от Рима. Таково было положение, когда Муциан вступил в город и немедленно сосредоточил всю власть в своих руках. Он отстранил от дел Прима Антония и Вара Аррия и относился к ним с ненавистью, которую, хоть и без большого успеха, старался скрыть за внешней любезностью. Столица, однако, привыкла безошибочно угадывать, кто находится в опале, — вся преданность и лесть тут же обратились на Муциана. Он тоже знал, как себя вести: его постоянно окружали воору-

женные солдаты, он жил каждый день в новом дворце, непрерывно менял одни сады на другие, и весь его вид, походка, повсюду сопровождавшая его охрана показывали, что он-то и есть настоящий принцепс, хоть и не соглашается принять это звание. Больше всего страху вызвало убийство Кальпурния Галериана, сына Гая Пизона.²⁸ Поведение его не давало поводов для подозрений, но окруженное почетом знатное имя и молодость привлекали к нему симпатии простонародья. В городе, еще не успокоившемся после пережитых волнений и жадно ловившем любые новости, нашлись люди, распускавшие бессмысленные слухи о том, что Галериан может стать принцепсом. Понимая, что убийство Кальпурния прямо в Риме будет слишком заметно, Муциан приказал взять его под стражу и отвезти по Аппиевой дороге²⁹ к сороковому мильному камню от города; здесь ему перерезали вены, и он умер от потери крови. Юлий Приск, бывший при Вителлии префектом преторианских когорт, наложил на себя руки, — ничто, кроме стыда, не принуждало его к этому. Алфен Вар остался жить после всех содеянных им подлостей и глупостей. Азиатик был вольноотпущенник, и смертью, достойной раба,³⁰ заплатил за власть, которой так дурно пользовался.

12. В эти же дни в городе все чаще стали говорить о великой беде, случившейся в Германии,³¹ впрочем, разговоры эти не вызывали ни у кого особого огорчения. Граждане спокойно рассуждали о гибели целых армий, о захвате противником зимних лагерей легионов, о том, что галльские провинции готовы отпасть от империи.³² Теперь мне следует вернуться назад, дабы рассказать о причинах, породивших эту войну, и о племенах, как чужих, так и союзных Риму, которые оказались в нее втянутыми. Батавы до своего переселения за Рейн составляли часть народа хаттов;³³ из-за внутренних распрей они переселились на самую отдаленную часть галльского побережья, где в ту пору еще не было оседлых жителей, а также заняли расположенный поблизости остров, омываемый спереди морем Океаном, а сзади и с боков — Рейном. Ни богатство и могущество Рима, ни союз с другими племенами не укротили их, и они до сих пор поставляют империи только бойцов и оружие.³⁴ Закаленные в войнах с германцами,³⁵ батавы приумножили свою славу, сражаясь в Британии,³⁶ — туда была переброшена несколько их когорт, которыми по старинному обычаю командовали воины, происходившие из самых знатных родов. Еще у себя дома они начали проводить наборы в конные войска, знаменитые главным образом искусством форсировать вплавь реки: их отряды с оружием в руках переплывали Рейн, не слезая с коней и не нарушая строя.

13. Среди батавов выделялись Юлий Цивилис и Клавдий Павел, оба из царского рода. Павла Фонтей Капитон³⁷ казнил по ложному обвинению в бунте, Цивилиса же заковали в цепи и отправили к Нерону. Гальба освободил его, но при Вителлии над ним снова нависла угроза гибели, ибо армия настойчиво требовала его казни. Все это озлобило Цивилиса,

и он затаил в душе надежду использовать наши неудачи для мести Риму. Однако Цивилис был умнее, чем большинство варваров; он даже считал себя достойным равняться с Серторием и Ганнибалом, ибо лицо его было так же обезображено, как у них.³⁸ Понимая, что открытое выступление против римлян поставит его под удар римских армий, он решил принять участие в гражданской войне и прикинулся сторонником Веспасиана. Ему тем удобнее было это сделать, что у него в руках находилось письменное распоряжение Прима Антония, предписывавшее ему вызвать для вида волнения среди германских племен, дабы задержать легионы, расположенные в этих провинциях, и не дать им прийти на помощь Вителлию. Того же добивался от Цивилиса во время их личных встреч и Гордеоний Флакк; последний все больше склонялся на сторону Веспасиана и беспокоился о судьбе государства, которому грозила гибель, если бы гражданская война вспыхнула с новой силой и тысячи вооруженных солдат хлынули в Италию.

14. Решившись на восстание, Цивилис счел за благо до времени не открывать, как далеко простираются его замыслы, и, направляя развитие событий в выгодную ему сторону, рассчитывал, что ход их сам покажет, как действовать далее. В это время по приказу Вителлия проводился набор батавских юношей в армию. Делу этому, и без того нелегкому, мешали жадность и пороки людей, которым оно было поручено: они захватывали стариков и увечных, чтобы потом отпустить за выкуп, принуждали к разврату красивых мальчиков, благо почти все подростки в этой стране отличаются высоким ростом. Батавы пришли в ярость, и зачинщики готового уже вспыхнуть мятежа убедили их отказаться выдать рекрутов. Цивилис пригласил в священную рощу знатных людей своего племени и самых решительных из престопадоб, якобы для того, чтобы угостить их ужином. Когда под влиянием веселого ночного пира страсти их разгорелись, он начал говорить, — сперва повел речь о славе своего племени, потом об оскорблениях и насилиях, которые приходится сносить батавам под властью Рима. «Некогда мы были союзниками, — говорил Цивилис, — теперь с нами обращаются как с рабами. Давно прошло время, когда нами правили присланные из Рима легаты. Они приезжали с огромной свитой, они были спесивы, и все же префекты³⁹ и центурионы, во власть которых мы отданы теперь, еще хуже. Каждый из них старается награть как можно больше, а когда он напьется досыта нашей крови, его отзывают и на его место присылают другого, который старается придумать новые уловки и новые поводы для вымогательства. Теперь на нас обрушился этот набор, похищающий, подобно смерти, сына у родителей и брата у брата. Между тем никогда еще дела римлян не были так плохи; в их зимних лагерях — одни лишь старики да награвленная добыча. Поднимите же голову, оглянитесь окрест и перестаньте дрожать перед громкими названиями римских легионов. У нас — могучие пешие и конные войска, германцы нам братья, галлы хотят того же, что

мы; даже римляне могут счесть эту войну бесполезной для себя. Разобьют нас — мы скажем, что действовали по приказу Веспасиана, а победим — никто не посмеет спросить у нас отчета».

15. Собравшиеся слушали Цивилиса с большим сочувствием, и он тут же связал их обрядами и закланиями, полагающимися у варваров в таких случаях. К каннинефатам⁴⁰ были отправлены послы с поручением убедить их поддержать затеваемое предприятие. Это племя, похожее на батавов по происхождению, языку и доблести, но уступающее им численностью, занимает часть острова, о котором упоминалось выше. Цивилис тайно привлек на свою сторону приданные британским легионам батавские когорты, которые были, как я рассказывал, переведены в Германию и находились в это время в Могунциаке.⁴¹ Среди каннинефатов большой известностью пользовался человек по имени Бриннон, происходивший от знатных родителей и отличавшийся безграничной, хоть и бестолковой, храбростью. Его отец много раз восставал против римлян и в свое время отказался принимать участие в смехотворных походах императора Гая,⁴² сумев при этом избежать наказания. Слава, окружавшая эту мятежную семью, привлекала к Бриннону симпатии соплеменников. Каннинефаты поставили его на большой щит и подняли на плечи; он стоял, слегка покачиваясь, высоко над головами людей; это значило, что Бриннона выбрали вождем племени. Он тут же договорился с живущим за Рейном племенем фризов,⁴³ и они вместе устремились к зимним лагерям двух когорт,⁴⁴ расположенных вблизи от берега Океана. Солдаты не ожидали нападения, да если бы и ожидали, все равно не могли бы справиться с противником, ибо их было слишком мало. Германцы захватили и разграбили лагерь, а потом бросились преследовать и убивать римских торговцев и обозных слуг, которые, считая, что время мирное, разбрелись по всей округе. Угроза нависла и над другими укреплениями. Видя, что защитить их не удастся, префекты когорт распорядились их сжечь. Все солдаты, когорты и отдельные отряды собрались в возвышенной части острова под командованием примипилярия⁴⁵ Аквилія. То была армия лишь по названию, не представлявшая собой подлинной боевой силы: Вителлий еще прежде вызвал из расположенных здесь когорт всех лучших бойцов и заменил их нервиями⁴⁶ и германцами, набранными по окрестным селам; их было мало, и они тяготились своим новым положением.

16. На первых порах Цивилис предпочитал действовать хитростью. Он обрушился на префектов с обвинениями, укоряя их в том, что они бросили доверенные им укрепления, убеждал каждого вернуться в свой зимний лагерь и обещал, что сам со своей когортой сумеет подавить мятеж каннинефатов. Все, однако, уже разгадали коварный замысел, скрытый за этими советами. Цивилис хотел, чтобы когорты разошлись по своим лагерям, где ему было бы легче уничтожить их поодиночке. Все больше признаков указывало на то, что не Бриннон, а именно Цивилис руководит

восстанием; германцы же, как всегда радостно возбужденные войной, и вовсе перестали это скрывать. Увидев, что хитростью немногого добьешься, Цивилис стал действовать силой. Он расположил каннинифатов, фризов и батавов тремя клиньями, острия которых сходились у Рейна, в том месте, куда, после пожара наших укреплений, были сведены римские корабли. Бой едва начался, как тунгры перекинулись на сторону Цивилиса; союзники и враги вместе набросились на ошеломленных изменой солдат и уничтожили их. С таким же коварством вели себя и варвары, бывшие на кораблях. Гребцы, среди которых было немало батавов, прикинувшись неловкими и неумелыми, сначала срывали все маневры матросов и солдат, потом повернули суда кормой к берегу, занятому врагами, и, наконец, перебили рулевых и центурионов, не соглашавшихся перейти на их сторону. Вскоре в руках врагов оказались все двадцать четыре судна, составлявшие наш флот; одни были захвачены, другим пришлось сдаться.

17. Эта победа не только тотчас же прославила батавов, но и в будущем принесла им немалую выгоду. Они получили оружие и корабли, которых им не хватало, все восхищались мужеством своих освободителей, и слава о них разошлась широко по землям Германии и Галлии. Германцы тут же прислали послов с предложением помощи, галльские племена Цивилис старался склонить на свою сторону с помощью подарков и разного рода хитростей. Он отправил обратно в свои племена префектов побежденных когорт, солдатам же предоставил выбор — оставаться или разойтись по домам; остававшимся было обещано повышение по службе, возвращавшимся домой — захваченные у римлян трофеи. Он вел с галлами тайные переговоры, убеждая их сбросить, наконец, рабство, лицемерно называемое мирной жизнью, в котором они изнывают уже столько лет. «Батавы освобождены от податей, — говорил он галлам, — и все-таки мы взяли с оружием. Мы поднялись против наших общих угнетателей и в первом же бою добились победы. Почему галлам тоже не сбросить с себя иго римлян? Много ли их осталось в Италии? Ведь они удерживают провинции под своей властью с помощью самих же провинциалов. Нынешнее положение не имеет ничего общего с тем, что было при Виндексе. Тогда эдуев и арвернов⁴⁷ разгромила батавская кавалерия, в число вспомогательных отрядов Вергиния входили белги, значит, Галлии нанесли поражение по сути дела сами же галлы.⁴⁸ Теперь мы выступаем все заодно, мы владеем боевым опытом и военными знаниями, накопленными в римских лагерях, за мной идут когорты ветеранов, только что нанесшие поражение легионам Отона.⁴⁹ Пусть Сирия, Азия, пусть весь Восток, привыкший сносить власть царей, пребывает и дальше в рабстве, — в Галлии живо еще немало людей, родившихся до того, как вы начали платить подати.⁵⁰ Недавно мы уничтожили Квинтилия Вара и избавили Германию от рабства, дерзнув бросить вызов не принцепсу Вителлию, а самому Цезарю Августу.⁵¹ Свободой природа наделила даже бессловесных скотов, доблесть же — благо, данное лишь человеку, и сами боги помогают герою. Мы — сами себе хо-

зяева, римляне связаны по рукам и ногам; мы полны сил, они истощены своими войнами. Пока одни помогают Веспасиану, а другие Вителлию, мы можем избавиться от тех и других». Такими речами Цивилис старался укрепить свое влияние в галльских и германских провинциях. Если бы ему удалось осуществить свои планы, он сделался бы верховным владыкой этих могучих и богатых народов.

18. Флакк Гордеоний сначала делал вид, будто не замечает поведения Цивилиса, и дал ему время до конца раскрыть свои намерения. Когда же перепуганные гонцы принесли ему известия о взятии лагерей, разгроме когорт и изгнании римлян с принадлежавшего батавам острова, Флакк приказал легату Мунию Луперку, возглавлявшему зимние лагеря двух легионов,⁵² выступить на врага. Луперк тут же собрал своих легионеров, живших рядом с лагерем убиев, и располагавшуюся неподалеку конницу тревиров и переправил все эти силы на остров, придав им еще отряд батавской кавалерии. Эти батавы давно уже решили изменить римлянам, но считали, что принесут своим больше пользы, если перейдут на их сторону прямо на поле боя. Цивилис велел окружить себя значками разбитых когорт, которые поражали бы врагам ужас и напоминали о понесенном только что поражении, бойцам же Цивилиса — о недавно одержанной славной победе. Позади армии Цивилис приказал поставить жен и малых детей, собранных со всего племени, и в их числе — свою мать и сестер. Они должны были воодушевлять бойцов на победу и служить им укором в случае поражения. Пение мужчин, вопли женщин громом прокатились по рядам, легионы и когорты отвечали им слабо, неуверенно. Еще до начала сражения обнажился левый фланг римской армии: занимавшие его батавские конники перешли к своим, и Цивилис тут же послал их в атаку. Легионеры, хотя и в столь трудном положении, сумели, однако, сохранить строй и не бросить оружия. Зато уби и тревирь, составлявшие вспомогательные отряды, самым постыдным образом разбежались по всей округе. Германцы бросились преследовать их, и легионы получили возможность отступить в лагерь, известные под названием Старых. Префекта батавской конницы Клавдия Лабеола, соперничавшего с Цивилисом за влияние на соплеменников, увезли в земли фризов: Цивилис понимал, что, убив Лабеола, может навлечь на себя ненависть соплеменников, оставить же его в живых означало сохранить повод для будущих раздоров.

19. Около этого же времени посланный Цивилисом вестник нагнал на дороге когорты батавов и каннинефатов, по приказу Вителлия двигавшиеся к Риму.⁵³ Солдаты тотчас же начали грубить командирам и нагло требовать награды за проделанный поход, удвоения жалованья, увеличения числа конных бойцов.⁵⁴ Вителлий действительно обещал им все это, но сейчас они возобновили свои домогательства вовсе не с целью получить обещанное, а в поисках повода для мятежа. Согласившись на многие из их требований, Флакк достиг лишь того, что батавы и каннинефаты выдвинули новые претензии, которые, как они заведомо знали, удовлетво-

рить невозможно. Они отказались подчиняться приказам Флакка и двинулись в Нижнюю Германию на соединение с Цивилисом. Гордеоний созвал трибунов и центурионов, дабы посоветоваться, следует ли силой принудить когорты к повиновению. Флакк был трус по натуре; командиры его не доверяли ни явно что-то замышлявшим солдатам вспомогательных войск, ни своим наспех набранным легионам,⁵⁵ в итоге было постановлено оставить войска в лагерях.⁵⁶ Вскоре, однако, Флакк раскаялся в этом решении, и те самые люди, которые еще недавно убеждали его не трогаться с места, теперь стали его же упрекать в бездеятельности. Гордеоний сделал вид, будто собирается выступить в поход, и написал Гереннию Галлу, легату стоявшего в Бонне первого легиона, чтобы тот напал на батавов, когда они будут проходить мимо, сообщив при этом, что сам он идет по следам мятежных когорт, готовый обрушиться на них с тыла. Если бы Флакк и Галл действительно двинули свои войска и с двух сторон напали на противника, батавы были бы уничтожены. Но Гордеоний снова передумал и послал Галлу еще одно письмо, в котором убеждал его не препятствовать движению мятежников. В результате у солдат возникло подозрение, что легаты нарочно тянут время и дают мятежу разрастись. Отныне и прошлые события, и все, что случилось далее, люди стали объяснять не бездеятельностью солдат или силой противника, а одним лишь коварством полководцев.

20. Дойдя до Боннского лагеря, батавы отправили к Гереннию Галлу своих послов, которые изложили требования когорт. Послы объяснили, что батавы не считают себя врагами римлян, в чьих рядах они так долго сражались, но они устали от долгой бесплодной службы и мечтают только о том, чтобы вернуться на родину и отдохнуть; они никого не тронут, если им дадут идти своей дорогой, но, встретив сопротивление, сумеют силой проложить себе путь. Легат медлил с ответом, однако под давлением солдат вынужден был пойти на риск и принять сражение. Три тысячи легионеров, солдаты наспех собранных белгских когорт,⁵⁷ толпы местных крестьян и обозных слуг, в сражении трусливых и беспомощных, но хвастливых и дерзких, пока бой не начался, хлынули из всех ворот лагеря, надеясь подавить противника числом. Опытные, привыкшие к боям батавы построились клиньями, сплотили ряды и оказались неуязвимы со всех сторон, — не только спереди, но также с боков и с тыла. Клинья устремились вперед и без труда прорвали тонкие линии наших войск. Увидев, что белги не выдержали натиска, легионеры тоже дрогнули и в беспорядке бросились к лагерю. Больше всего народу погибло перед его воротами и под валами; рвы заполнились трупами; люди умирали не только под ударами противника, не только от ран, — в панике они сами давили друг друга, натыкались на свои же дроты. Одержав победу, батавы двинулись дальше, в обход Агриппиновой колонии. За все время пути они не позволили себе больше никаких враждебных действий. Битву под Бонном они оправдывали тем, что римляне, отказавшись удов-

летворить их мирные требования, вынудили их прибегнуть к силе оружия.

21. После того как когорты ветеранов присоединились к Цивилису, в его распоряжении оказалась настоящая армия. Тем не менее он продолжал колебаться и не решался открыто выступить против римлян. Он привел всех своих людей к присяге Веспасиану и послал послов в оба легиона, запершихся после недавнего неудачного сражения в Старых лагерях, с предложением последовать его примеру. Полученный им вскоре ответ гласил: «Мы не принимаем советов ни от изменников, ни от врагов. У нас есть один принципс — Вителлий. Ему мы останемся верны, за него будем биться до последнего вздоха. Не перебежчику-батаву решать за римлян, что им следует делать; пусть лучше готовится понести заслуженное наказание за свои преступления». Когда Цивилису прочли этот ответ, он пришел в неопишемую ярость. Все племя батавов взялось по его приказу за оружие, к ним присоединились бруктеры и тенктеры,⁵⁸ разосланные по всей Германии гонцы звали народ к восстанию, обещая добычу и славу.

22. Перед лицом надвигавшейся со всех сторон опасности легаты легионов Муний Луперк и Нумизий Руф принялись укреплять валы и стены лагеря. За долгие годы мирной жизни вокруг лагеря вырос целый поселок; его снесли, дабы не дать врагу воспользоваться постройками. Однако меры по обеспечению армии провиантом были приняты непредусмотрительно: солдатам разрешили силой отбирать продовольствие у окрестных жителей, и запасы, которых могло бы хватить надолго, оказались уничтоженными в несколько дней. В центре наступающей армии находился сам Цивилис с главными силами батавов; рассчитывая устроить противника, густыми толпами высыпали на оба берега Рейна германцы; по приречным лугам проносились всадники; вверх по течению реки двинулся флот. Осажденные не понимали, что происходит: на них глядели значки старых римских когорт и рядом с ними изображения диких зверей, которые здешние племена обычно хранят в лесах и священных рощах, а идя в битву, несут перед собой; гражданская война сливалась с войной против варваров. Осаждающие надеялись, что непомерная длина валов тоже послужит им на пользу. Лагерь строился с расчетом на два легиона, а теперь его защищали едва пять тысяч римлян⁵⁹ да толпа торговцев и обозных слуг, сбежавшихся сюда, как только начались военные действия.

23. Одна часть лагеря лежала на пологом склоне холма, другая — на равнине. Когда Август создавал его, он рассчитывал, что здесь будут постоянные квартиры легионов, способных держать под контролем германские провинции и подавлять малейшее сопротивление; он и не предполагал, что настанет день, когда за этими самыми валами придется выдерживать осаду нашим войскам. Поэтому, полностью положившись на доблесть солдат и силу оружия, римляне и не подумали выбрать для лагеря не столь доступное место или обнести его дополнительными укреплениями.

ниями. Батавы и зарейнские племена⁶⁰ расположились поодаль друг от друга, чтобы было яснее видно, кто ведет себя с большим мужеством. Сначала они издали обстреливали лагерь; почти все их стрелы, однако, попадали лишь в башни и зубцы стен, сами же варвары несли тяжелые потери от сыплющихся сверху камней. Тогда нападающие, оглашая воздух криками, бросились на штурм. Одни карабкались вверх по приставным лестницам, другие — по спинам построившихся черепахой товарищей. Еще минута — и многие из них добрались бы до зершины вала. Однако варвары хорошо сражаются лишь поначалу, пока дело само идет на лад; к тому же они слишком положились на счастье, сопутствовавшее им все последнее время; наткнувшись на мечи и щиты легионеров, они покатились обратно, падая в ров, где их настигали летевшие с вала копья и заостренные колья. Вскоре жажда добычи заставила их забыть о неудачах; они даже решились прибегнуть к помощи осадных орудий, столь им непривычных. Сами они не имеют никакого навыка в этом деле, но по указаниям перебежчиков и пленных изготовили грубый помост, поставленный на колеса, который передвигали, подталкивая сзади. Стоявшие на помосте бойцы поражали противника сверху; солдаты, спрятавшиеся под помостом, подкапывали под его защитой стены. Римляне обстреливали это нелепое сооружение камнями из баллисты и вскоре вывели его из строя. Тотчас же затем метательные орудия обрушили на варваров, занятых плетением фашин и подготовкой защитных навесов, огромные зажигательные стрелы. Вспыхнувшее пламя все ближе подбиралось к нападающим; от мысли взять лагерь штурмом пришлось отказаться, и решено было взять его измором. Цивилис знал, что продовольствия осажденным хватит всего лишь на несколько дней, что лагерь полон людей, неспособных носить оружие, и возлагал надежду на предательство измученных голодом солдат, на непостоянство рабов и случайности войны.

24. Тем временем Флакку сообщили, что мятежники осадили лагерь и разослали по галльским провинциям доверенных людей, которые пытаются набрать войска на помощь восставшим. Флакк выбрал лучших солдат из своей армии и поручил легату двадцать второго легиона Дилию Вокуле выступить возможно быстрее берегом Рейна;⁶¹ сам же двинулся следом с кораблями, совершенно больной⁶² и ненавидимый солдатами. Разговоры в войске становились все более угрожающими. Именно Флакк, роптали солдаты, выпустил из Могунциака батавские когорты, именно он скрыл от всех, что Цивилис готовит мятеж и пытается привлечь на свою сторону германцев. «Ни Прим Антоний, ни Муциан, — говорили они, — не оказали Веспасиану большей помощи. Если бы Флакк действовал открыто, с оружием в руках, мы могли бы так же открыто дать ему отпор, но хитрость и коварство тем и опасны, что не знаешь, откуда приходится ждать нападения. Цивилис перед нами, он строит свои войска для битвы, а Гордеоний лежит в постели и шлет из своей опочивальни приказы, лишь облегчающие врагу его задачу. Не довольно ли

стольким здоровым и храбрым, хорошо вооруженным людям подчиняться хилому старику, который под влиянием болезни сегодня хочет одного, завтра другого? Не пора ли нам восстать против своей злой судьбы и покончить с изменником?». Солдаты были крайне возбуждены подобными разговорами, прибывшее в этот момент письмо Веспасиана разъярило их окончательно. Не имея возможности скрыть письмо, Флакк прочел его солдатам на сходке, арестовал доставивших его флавианцев и в цепях отправил их к Вителлию.

25. Этот поступок успокоил армию, и она благополучно прибыла в Бонну, где находились зимние лагеря первого легиона. Солдаты, стоявшие здесь, еще сильнее ненавидели Гордеония, так как считали, что он виновен в понесенном ими поражении: по его приказу они выступили против батавов, рассчитывая на идущие из Могунциака легионы, но так как подкрепления не пришли, их товарищам пришлось жизнью заплатить за эту измену. Все случившееся Флакк скрыл от остальных армий и от своего императора; в противном случае он с помощью собранных по провинциям ополчений легко мог бы подавить вспыхнувший мятеж. Услышав эти разговоры, Гордеоний обнародовал письма, отправленные им в Британию, в галльские и испанские провинции, содержавшие просьбу о присылке помощи. При этом письма были переданы знаменосцам легионов и солдаты получили возможность познакомиться с ними прежде командиров; так Гордеоний положил начало отвратительному обычаю, существующему и поныне. Затем он приказал схватить одного из бунтовщиков, не потому, что считал его одного виноватым, а для того, чтобы показать свою власть. Из Бонны армия двинулась в Агриппинову колонию; по дороге к ней присоединялись многочисленные вспомогательные отряды из Галлии,⁶³ на первых порах оказавшие римлянам большую помощь. Вскоре, однако, узнав об одержанных германцами победах, большинство галльских племен тоже взялось за оружие в надежде завоевать свободу, а если удастся, то и захватить власть над другими. Раздражение легионеров росло, — арест одного человека не внушил им никакого страха. Сам заключенный к тому же уверял, будто играл роль посредника между Цивилисом и Флакком и будто последний потому и возводит на него ложные обвинения, что хочет отвести глаза от настоящего преступника. В этих условиях Вокула проявил редкое самообладание. Он поднялся на трибунал, приказал вывести арестованного и казнить, не обращая внимания на его вопли. Смутьяны пришли в ужас, настоящие солдаты стали подчиняться приказам. Армия в один голос настаивала, чтобы командование было передано Вокуле, и Флакк уступил общему требованию.

26. Многое, однако, продолжало вызывать у склонных к мятежу солдат страх и озлобление. Не хватало денег, не хватало провианта, галльские провинции противились взиманию податей и набору рекрутов, из-за засухи, невиданной в этих местах, Рейн обмелел, и суда едва могли двигаться; изыскивать и доставлять продовольствие становилось все труднее:

чтобы не дать германцам форсировать реку вброд, по берегам расположили заставы, ртов из-за этого стало больше, а возможностей добывать пищу меньше. Люди, не привыкшие к трудностям, склонны были самую засуху считать небесным знамением и уверяли, что даже реки, испокон века бывшие оградительными рубежами империи, отказываются служить нам. В том, что в мирное время считалось естественным или случайным, теперь видели перст судьбы и гнев богов.

Войска перешли в Новезий,⁶⁴ где соединились с шестнадцатым легионом; Вокула передал часть своих обязанностей легату⁶⁵ Гереннию Галлу. Полководцы не решались выступить против врага и, отведя армию к тринадцатому мильному камню от Новезия, разбили лагерь у места, называемого Гельдуба. Здесь они занялись строевыми учениями, сооружением и восстановлением валов и прочими воинскими упражнениями, укрепляющими боевой дух армии. Вокула решил дать солдатам пограбить, чтобы возбудить их воинский пыл, и вывел часть войск в земли присоединившегося к Цивилису племени кугернов.⁶⁶ Остальные остались на месте под командованием Геренния Галла.

27. Случилось так, что в это самое время один из кораблей, везших зерно, сел на мель недалеко от лагеря.⁶⁷ Пока матросы хлопотали, пытаясь сдвинуть судно с места, германцы стали тянуть его к своему берегу. Галл не мог стерпеть подобной наглости и отправил на помощь кораблю когорту солдат, к германцам тоже подоспела поддержка, подкрепления подходили и с той, и с другой стороны, и вскоре началась настоящая битва. Германцы нанесли нам тяжелый урон и захватили корабль. Как повелось в ту пору, причиной поражения солдаты сочли не собственную трусость, а вероломство легата. Его вытащили из палатки, избили, разорвали на нем одежду, требуя, чтобы он признался, сколько денег получил за свое предательство и кто ему помогал. В солдатах проснулась старая ненависть к Гордеонию; они уверяли, что это он подстроил поражение, а Галл лишь выполнял его волю. Перепуганный легат под угрозой смерти обвинил Гордеония в измене и подтвердил, что действовал по его приказу. Галла заковали в цепи и освободили только после возвращения Вокулы, который на следующий же день по прибытии в лагерь казнил зачинщиков бунта. Так эта армия постоянно колебалась между мятежным своеволием и тупой покорностью. Рядовые ее бойцы сохраняли верность Вителлию, — в этом не может быть сомнений; руководители же склонялись на сторону Веспасиана. Отсюда вечная смена мятежей и казней, то вспышки ярости, то смирение, и постоянная готовность командиров наказывать солдат, которых они не могли удерживать в повиновении обычными средствами.

28. Между тем германцы скрепили свой союз с Цивилисом, выдав в качестве заложников самых знатных своих людей, и теперь бойцы, оружие и деньги в несметных количествах стекались к нему со всех концов страны. Тем германцам, что жили неподалеку от убиев и тревиров, он

приказал пройти с огнем и мечом по земле этих племен,⁶⁸ другим отрядам велел переправиться через реку Мозу, вторгнуться в пределы соседних менапиев и моринов⁶⁹ и разграбить пограничные поселения галлов. И тут и там германцы захватили много добычи, но с особой яростью обрушились они на убиев, ибо это племя, германское по своему происхождению, отсеклось от родного народа и приняло римское имя агриппинов. Когорты убиев, полагая, что они находятся достаточно далеко от побережья,⁷⁰ расположились в деревне Маркодуре, не приняв никаких мер предосторожности, и внезапно напавшие ополченцы Цивилиса перебили их. Убии не примирились со своим поражением. Стремясь захватить побольше добычи, они, в свою очередь, ринулись в Германию,⁷¹ где на первых порах беспрепятственно занимались грабежом, пока, наконец, германцы не окружили и не уничтожили их. Вообще в эту кампанию убии прославились скорей своей верностью, чем боевыми удачами. После разгрома убиев Цивилис почувствовал себя полновластным хозяином, с каждым успехом он нагнал все больше и, наконец, решил, что настало время расправиться с запершимися в лагере⁷² legionами. Он велел усилить караулы, дабы никто не мог тайно проникнуть в лагерь и рассказать там о войсках, идущих на помощь осажденным. Батавам Цивилис поручил вести земляные работы и готовить осадные машины, а зарейнские племена, которые горели нетерпением и рвались в бой, бросил на штурм вала. Атака была отбита, но Цивилис приказал германцам снова идти на приступ, благо племена эти были так многочисленны, что не обращали никакого внимания на потери.

29. Наступила ночь, но битва не кончилась. Нападающие сваливали в кучи стволы деревьев, устраивали огромные костры и тут же садились есть и пить. Опьяненные вином, они с бессмысленной отвагой бросались в бой и в темноте метали в противника копья, не приносявшие ему никакого вреда. Сами же варвары, освещенные огнем костров, были, напротив того, прекрасно видны римлянам, поражавшим на выбор всякого, кто привлекал их внимание храбростью или блеском боевого убора. Заметив это, Цивилис приказывает загасить костры и в темноте уничтожить противника. В нестройном грохоте битвы нельзя понять, кто погиб, а кто еще продолжает сражаться, куда наносить удары и откуда их ждать. Бойцы бросаются то в одну, то в другую сторону, — туда, откуда слышится шум, и давка становится еще ужаснее. Храбрость не дает преимуществ, бессмысленный случай царит надо всем, и мужественные бойцы сплошь да рядом падают под ударами трусов. Германцами правит один лишь безрассудный гнев. Римские солдаты, привыкшие к опасностям, рассчитанно и метко поражают их окованными железом кольями, обрушивают на них огромные камни. Заслышав шум подкопа, завидев приставленные к валам лестницы, римляне бросаются на врага, отталкивают его щитами, засыпают дротами, кинжалами поражают тех, кто успел вскочить на стену. Так прошла ночь. С наступлением дня сражение приняло другой облик.

30. Батавы выстроили двухэтажную башню и подкатали ее к преториевым воротам,⁷³ туда, где почва была ровнее. Выставив вперед крепкие колья, осажденные ударами балок разбили башню, уничтожив при этом многих воинов, стоявших на ее площадках, а затем внезапной удачной вылазкой ошеломили противника. Тем временем легионеры, более опытные, чем батавы, и превосходящие их в воинском искусстве, тоже соорудили множество машин. Особенный ужас наводил на варваров длинный гибкий рычаг, который неожиданно опускался на строй противника, выхватывал одного или нескольких человек и, взмыв под действием противовесов, перебрасывал захваченных воинов на глазах их товарищей за стены лагеря.⁷⁴ Видя, что попытки взять лагерь штурмом ничего не дают, Цивилис решил вернуться к осаде, не требовавшей от его армии никаких усилий. В то же время он продолжал склонять легионеров к измене, подсылая к ним гонимых, не скупясь на посулы и обещания.

31. Все эти события происходили в Германии еще до кремонской битвы. Об исходе ее легионы узнали из письма Прима Антония, к которому был приложен эдикт, подписанный Цециной,⁷⁵ а префект одной из разбитых когорт Альпиний Монтан⁷⁶ рассказал о том, как складываются дела обеих борющихся партий в настоящее время. Новости эти вызвали у солдат различные чувства. Набранные в Галлии вспомогательные войска служили неохотно и не испытывали ни любви, ни ненависти ни к одной из враждующих сторон; они сразу же поддались на уговоры префектов и отложились от Вителлия. Ветераны долго колебались, а когда, наконец, согласились присягнуть новому императору, то всем своим видом показывали, что делают это, лишь подчиняясь приказам Гордеония и настоящим трибунов. Они отчетливо выговаривали слова присяги, пока не доходили до имени Веспасиана, — тут одни бормотали вполголоса, другие и вовсе молчали.

32. Антоний прислал Цивилису письмо, в котором обращался к нему как к другу и союзнику и во враждебном тоне говорил о германской армии. Когда письмо это было прочитано на сходке,⁷⁷ оно вызвало у солдат недовольство и подозрения. Такое же отношение встретили сообщения обо всем случившемся и в лагерях под Гельдубой. Монтану было поручено отправиться к Цивилису и потребовать, чтобы тот прекратил военные действия и перестал оправдывать лживыми предложениями войну, которую он ведет против Рима, ибо если он и вправду взялся за оружие лишь чтобы помочь Веспасиану, то дело уже сделано. Выслушав легата, Цивилис начал было хитрить и лавировать, но видя, что Монтан — человек резкий, горячий и готов на самые крайние меры, заговорил о страданиях и опасностях, которые он двадцать пять лет терпел в римских лагерях. «За все, что мне пришлось вынести, — продолжал Цивилис, — я получил достойную награду: я пережил гибель брата,⁷⁸ претерпел арест и носил кандалы, я слышал, как вопили солдаты, требуя моей казни, и я имею законное право мстить за все это. Ну а вы, тревирсы, вы, рабские

души, какой награды ждете вы за пролитую кровь, кроме изнурительной службы, бесконечных поборов, порок, казней и барских капризов? Я всего лишь префект одной когорты, каннифаты и батавы — лишь ничтожная часть народа галлов,⁷⁹ а ведь сумели же мы стереть с лица земли их нелепые огромные лагеря, сумели зажать их в кольцо железа и голода. Если мы наберемся мужества и поднимемся на врага, мы приведем свободу на наши земли, если же разобьют нас, то все останется как сейчас, хуже не будет». Своей речью Цивилис заронил сомнения в душу легата и отпустил его, велел, однако, значительно смягчить выражения, когда тот станет передавать римлянам содержание их разговора. Возвратясь, Монтан сообщил лишь, что посольство его было неудачным; вскоре, однако, все, что он постарался сохранить в тайне, сделалось явным.

33. Оставив при себе часть войск, Цивилис поручил Юлию Максиму и сыну своей сестры Клавдию Виктору командовать когортами ветеранов, добавил к ним самых храбрых бойцов-германцев и приказал выступить против армии Вокулы. По дороге они захватили и разграбили расположенные в Асцибургии⁸⁰ зимние лагеря конного отряда. Батавы и германцы налетели на лагерь столь неожиданно, что Вокула не успел ни обратиться к солдатам с речью, ни построить армию для боя; у него едва хватило времени распорядиться, чтобы находившиеся в резерве легионеры заняли центр лагеря. Вспомогательные отряды были смяты сразу же, наша конница вырвалась было вперед, но тут же разбилась о строй наступавшего противника и в беспорядке бросилась назад, давая и опрокидывая своих. С этого момента битва превратилась в резню. Когорты нервиов, то ли по трусости, то ли по вероломству, открыли фланги римской армии, и наступающие устремились на легионеров; те побросали значки, кинулись к валу, но и здесь падали под ударами варваров. Неожиданно на поле боя появились новые силы, и ход сражения круто изменился. Когорты васконов, набранные еще Гальбой,⁸¹ были вызваны в Германию и теперь приближались к лагерю. Они услышали шум битвы и с тылу налетели на увлеченных наступлением варваров, посеяв в их рядах панику, на какую, по своей малочисленности, никак не могли рассчитывать; одни решили, что прибыли войска из Новезия, другие — что из Могундиака, но никто не сомневался, что на помощь осажденным явилась целая армия. Это вдохнуло в римских солдат новую энергию, и, рассчитывая на чужие силы, они сумели собрать свои собственные. Лучшие бойцы-батавы, сражавшиеся в пешем строю, были уничтожены, конники ускакали, захватив с собой значки и пленных, взятых в начале сражения. По числу убитых потери нашей армии были в тот день больше, но мы лишились плохих солдат, тогда как германцы оставили на поле боя весь цвет своего воинства.

34. Оба полководца равно были виноваты во всем случившемся — и тот, и другой заслужили поражение, ни тот, ни другой не были достойны победы. Цивилис, стоило ему ввести в бой большие силы,⁸² су-

мел бы взять и уничтожить лагерь и не дал бы нескольким когортам окружить свое войско. Вокула не предвидел приближения врага и поэтому был побежден, едва показавшись на поле боя; мало этого, он мог, развивая достигнутый в бою успех, освободить томившиеся в осаде легионы,⁸³ если бы больше доверял своей победе, больше бы полагался на ход событий, если бы тут же, вместо того чтобы тратить попусту день за днем, бросился преследовать врага. Тем временем Цивилис всячески старался подействовать на осажденных и создать у них впечатление, будто победа на его стороне и положение римлян безнадежно. На виду лагеря выставили захваченные значки когорт и вымпелы и перед валом проводили пленных солдат. Один из них решился на героический подвиг: он громко обратился к осажденным, сказал им, что произошло на самом деле,⁸⁴ и тут же пал, пронзенный мечами германцев, — ярость, с которой враги набросились на смельчака, лишь подтвердила справедливость его слов. В это же время осажденные слышали шум, доносившийся из разрушаемых деревень, увидели зарево пожаров и поняли, что на помощь им спешит победоносная армия. В виду лагеря Вокула остановил свои войска, велел составить в одно место значки когорт, обвести это место валом и окружить его рвом: он хотел, чтобы солдаты оставили поклажу в безопасном месте и сражались налегке. Армия претестующе зашумела, — привыкшие разговаривать с полководцами языком угроз, солдаты требовали, чтобы их тотчас же вели в бой. По-видимому, Цивилис был прав, рассчитывая не только на мужество своих войск, но и на распущенность своих противников: не успев построиться, усталые солдаты беспорядочной толпой бросаются на врага; боевое счастье улыбается то римлянам, то варварам, особенно трусливо ведут себя те, кто кричал больше всех. Некоторые из римлян, однако, одушевленные недавно одержанной победой, отстаивают каждую пядь земли, наносят врагу удар за ударом, подбадривают окружающих и самих себя. Вот они уже снова стоят крепким строем, машут руками стоящим на стенах, приглашая их тоже не терять времени. Осажденные все видели и все поняли — они распахивают ворота лагеря и со всех сторон устремляются в битву. Случилось так, что в этот самый момент конь Цивилиса упал и сам он оказался на земле. Тотчас же по обеим армиям разнеслась молва, что он ранен или убит. Трудно представить себе, в какой ужас повергла эта весть варваров и какой прилив бодрости вызвала она у наших солдат. Вокула, однако, не стал преследовать противника и занялся починкой валов и башен,⁸⁵ словно лагерю могла угрожать новая осада, сведя на нет тем самым результаты победы. Видно, не без оснований подозревали его в том, что сама война интересовала его больше, нежели ее исход.⁸⁶

35. Ничто так не удручало наши войска, как недостаток продовольствия. Обозы легионов и всех, кто не был способен сражаться, отправили в Новезий за зерном, поручив им доставить продовольствие в лагерь по суше — река по-прежнему находилась в руках противника. В пер-

вый раз, — Цивилис в это время был еще не совсем здоров, — экспедиция кончилась благополучно. Когда же в Новезий за продовольствием двинулась вторая экспедиция и Цивилису стало известно, что охраняющие ее когорты ведут себя так, будто никакой войны нет, а кругом царят мир и спокойствие: значки почти не охраняются, оружие сложено на повозках, все разбрелось, куда глаза глядят, — он выслал заставы к мостам и в места, где дороги особенно узки и опасны, а сам построил войска и напал на римлян. Битва развернулась по всей длине колонны и шла с переменным успехом, пока ночь не положила ей конец. Когорты добрались до Гельдубы, где по-прежнему находился римский лагерь, охраняемый оставленными здесь солдатами. Не приходилось сомневаться, что на обратном пути напуганных всем случившимся и отягощенных поклажей солдат ждут еще худшие опасности. Вокула вывел им на помощь тысячу бойцов, набранных из пятого и пятнадцатого легионов. Солдаты этих легионов, перенесшие осаду Старых лагерей, ненавидели командиров и плохо подчинялись приказам. В выступавшую из лагеря колонну их набежало больше, чем было велено; в строю они громко выражали свое возмущение, кричали, что не позволят морить себя голодом и не станут дольше терпеть козни легатов. Те же, которые оставались в лагере, жаловались, что после ухода стольких бойцов они остаются брошенными на произвол судьбы. Недовольство, таким образом, росло с обеих сторон: одни требовали, чтобы Вокула вернулся, другие отказывались оставаться в лагере.

36. Тем временем Цивилис возобновил осаду Старых лагерей. Вокула отступил к Гельдубе, оттуда к Новезий⁸⁷ (Цивилис занял Гельдубу⁸⁸) и вскоре неподалеку от этого поселения одержал победу в конном бою. Поражение или победа — все теперь вызывало у солдат лишь одно желание: поскорее расправиться со своими командирами. После присоединения тысячи бойцов из пятого и пятнадцатого легионов армия⁸⁹ стала более многочисленной, и солдаты, проведав о деньгах, присланных Вителлием, начали требовать, чтобы им выдали денежный подарок. Гордеоний не заставил себя долго просить, роздал солдатам деньги, но сказал, что вручает им подарок от имени Веспасиана. Это и послужило главным поводом для бунта. На ночных сходках и попойках в солдатах проснулась их бывшая ненависть к Гордеонию. В темноте ночи они, потеряв последний стыд, вытащили Гордеония из постели и убили; ни один из легатов или трибунов не решился оказать им сопротивление. Та же участь ожидала и Вокулу, но он переоделся рабом и под покровом темноты, никем не узнанный, скрылся.

37. Когда первый порыв ярости улегся, солдаты пришли в ужас и послали в Галлию центурионов просить у тамошних племен помощи людьми и деньгами. Чернь, лишенная руководителя, всегда безрассудна, труслива и тупа; при приближении Цивилиса легионеры стали было беспорядочно готовиться к бою, но тут же бросали оружие и обратились в бегство. Беда порождает раздоры: солдаты нижнегерманской армии⁹⁰

объявили, что у них есть свои особые цели, а потому им с остальными не по пути. Изображения Вителлия были восстановлены и в лагерях, и в окрестных поселениях белгов, хотя он сам в это время был уже убит. Солдаты первого, четвертого и двадцать второго легионов вдруг раскаялись и вернулись под командование Вокулы, который заставил их снова присягнуть Веспасиану, а затем повел на освобождение осажденного Могунциака. Между тем армия, обложившая этот город, которая состояла из хаттов, узипов и маттиаков,⁹¹ успела награть вдоволь добычи и сама сняла осаду; когда они, ничего не подозревая, разбрелись в разные стороны, наши солдаты напали на них и заставили кровью заплатить за содеянное. Тревиры обнесли свои границы валом и плетнем и вели с германцами упорные жестокие бои, но в конце концов тоже взбунтовались⁹² и втоптали в грязь лавры, которые стяжали, воюя на стороне римского народа.

38. Между тем Веспасиан во второй раз⁹³ и Тит впервые вступили в должность консулов. Оба находились далеко от столицы, охваченной скорбью и тоскливым ожиданием действительных и мнимых несчастий. Ходили, например, слухи, будто от империи отложилась провинция Африка, подстрекаемая к тому своим проконсулом Луцием Пизоном.⁹⁴ На самом деле Пизон и не помышлял ни о каком восстании: зимние холода не давали судам возможности выйти в плавание, чернь же, привыкшая покупать хлеб каждый день и только на один день, вечно боявшаяся, что прекратится подвоз зерна, и из всех государственных дел интересовалась только доставкой хлеба, поверила, будто свершилось то, чего она постоянно опасалась: будто порты закрыты и подвоз зерна приостановлен. Слухи эти раздували и вителлианцы, по-прежнему действовавшие в интересах своей партии, и флавианцы, чью алчность внешние войны лишь раздражали, а победы, одержанные в гражданской войне, не смогли насытить.

39. В день январских календ сенат, созванный городским претором Юлием Фронтином,⁹⁵ принял решение воздать хвалу и выразить благодарность легатам, армиям и царям.⁹⁶ Теттия Юлиана под тем предлогом, что он покинул свой легион,⁹⁷ перешедший на сторону Веспасиана, лишили звания претора и должность эту передали Пластию Грипу. Горм⁹⁸ был возведен в сословие всадников. Вскоре Фронтин сложил с себя звание претора, и оно было передано Домициану. Именем Домициана теперь открывались эдикты и официальные письма, но реальная власть была сосредоточена в руках Муциана; впрочем, Домициан, подстрекаемый друзьями и собственным властолюбием, действовал во многих случаях вполне самостоятельно. Муциан, однако, считал главной для себя угрозой Прима Антония и Вара Аррия, покрытых славой подвигов, которые были еще у всех свежи в памяти, боготворимых солдатами и любимых даже народом за то, что свою свирепую ярость они проявляли только на поле боя. Ходили слухи, будто Антоний подбивал Скрибониана Красса,

человека, к которому знатность происхождения и слава брата привлекали всеобщее внимание,⁹⁹ захватить власть в государстве. Сообщники нашлись бы, но Скрибониан сам отклонил все домогательства: он нелегко соглашался участвовать и в верном деле, а сомнительных предприятий остерегался всегда. Не чувствуя себя в силах победить соперника в открытой борьбе, Муциан выступил в сенате, превознося заслуги Антония, и негласно предложил ему стать наместником в ближней из испанских провинций, — эта должность оставалась незанятой после отъезда Клувия Руфа; друзья Антония тоже получили, кто префектуру, кто трибунат.¹⁰⁰ Усыпив эту тщеславную душу посулами и обещаниями, Муциан вывел в зимние лагеря фанатически преданный Антонию седьмой легион; третий легион, солдаты которого хорошо относились к Аррию Вару, он отправил в Сирию, лишив таким образом обоих полководцев воинских сил, на которые они могли бы в случае нужды опереться; часть армии была отослана в германские провинции. Из Рима таким образом оказалось удаленным все, что питало смуту и мятежи, и город снова принял обычный вид, вновь стали соблюдаться законы, магистраты вернулись к исполнению своих обязанностей.

40. В день своего первого появления в сенате Домициан произнес краткую речь. Говорил он главным образом о своей молодости и о том, что отца и брата его нет в Риме, держал себя скромно и достойно, поминутно краснел, и сенаторы, не знавшие еще его нрава, решили, что это от смущения. Когда Цезарь упомянул о том, что необходимо восстановить почести, окружавшие ранее имя Гальбы, Курций Монтан¹⁰¹ предложил почтить также память Пизона. В принятом решении говорилось об увековечении памяти обоих погибших, но часть его, касавшаяся Пизона, так и осталась невыполненной. По жребию были назначены сенаторы, которым поручили обеспечить возвращение ценностей, отнятых в ходе войны, владельцам, восстановить пострадавшие от времени медные доски с текстами законов, очистить фасты от добавлений, внесенных в них в угоду временным властителям, сократить государственные расходы. Когда выяснилось, что Теттий Юлиан бежал к Веспасиану, ему вернули претуру, и Гриму остался лишь почет, подобающий бывшему претору. Сенат решил снова вернуться к рассмотрению дела, возбужденного Музонием Руфом против Публия Целера.¹⁰² Публия осудили, и многое было сделано, чтобы восстановить доброе имя Сорана. День этот, ознаменованный победой суровости; подобающей при решении государственных дел, принес лавры и частному человеку: все хвалили Музония за то, что он добился столь справедливого возмездия, и, напротив того, с презрением говорили о Деметрии, философе из секты киников,¹⁰³ который, руководствуясь не чувством справедливости, а одним лишь тщеславием, взялся защищать заведомого преступника. Сам Публий, попав в опасное положение, совсем растерялся, и речь, им произнесенная, не принесла ему никакой пользы. Дело Целера послужило сигналом к началу целой кампании против до-

носчиков. Юний Мавриций¹⁰⁴ попросил Цезаря передать сенату императорские архивы, чтобы выяснить, кто и на кого доносил в прошлом. Домициан ответил, что такой вопрос должен решать сам принцепс.

41. Сенаторы принесли присягу, в которой каждый из них клялся, призывая в свидетели богов, что не предпринимал никогда ничего с целью повредить другому лицу и не пытался извлечь преимущества или выгоды из несчастий сограждан. Сначала присягу произносили первые сенаторы, за ними, не соблюдая порядка, магистраты, наконец, остальные, которых вызывали по одному. Все, кто знали за собой вину, трепетали, произнося слова присяги, и старались с помощью разных уловок переиначить их. Сенаторы шумно одобряли тех, кто говорил правду, и тут же изобличали каждого, приносившего ложную клятву. Особенно яростно обрушились эти цензоры на Сариолена Вокулу, Нония Аттиана и Цестия Севера,¹⁰⁵ которые во времена Нерона прославились своими многочисленными доносами. Над Сариолоном тяготела к тому же память о преступлениях, совершенных им совсем недавно, в правление Вителлия, при котором он пытался играть ту же роль, что и при Нероне. Сенаторы поносили Вокулу и грозили ему кулаками, пока не заставили его покинуть курию. Следом за ним был изгнан из зала Пакций Африкан;¹⁰⁶ его обвиняли в том, что он указал Нерону на братьев Скрибониев, славных своим богатством и постоянно царившим между ними согласием, и тем самым подстроил их гибель.¹⁰⁷ Признать свою вину Африкан не смел, отрицать не мог. Тогда, вместо того чтобы защищаться, он обратился к осыпавшему его вопросами Вибию Криспу и напомнил, что тот тоже был замешан в этом деле; так он избавился от самого яростного из своих обвинителей, разделив с ним вину.

42. Немалую славу стяжал себе в этот день своим красноречием и преданностью интересам семьи Випстан Мессала, который решился выступить, хотя не достиг еще даже сенаторского возраста,¹⁰⁸ и умолял о снисхождении к своему брату Аквилию Регулу.¹⁰⁹ Регула, хитростью и коварством погубившего семьи Крассов¹¹⁰ и Орфита,¹¹¹ люто ненавидели. Еще юношей он по собственному почину выступил в роли обвинителя, причем, как все считали, ему тогда ничто не угрожало и толкало его на этот путь одно лишь желание выдвинуться.¹¹² Если бы теперь сенат начал рассматривать его дело, на него немедленно обрушилась бы месть вдовы Красса Сульпиции Претекстаты и ее четверых детей. Поэтому Мессала не стал говорить ни о самом деле, ни об обвиняемом, а просто защищал попавшего в беду брата и уже разжалобил кое-кого из сенаторов, когда Курций Монтан¹¹³ резко прервал его и предъявил Регулу чудовищное обвинение: после гибели Гальбы Регул якобы заплатил убийцам Пизона, и когда те принесли ему голову жертвы, яростно впился в нее зубами.¹¹⁴ «К этому уж во всяком случае Нерон тебя не принуждал, — продолжал Монтан, — и творить такие зверства не нужно было ни ради спасения жизни, ни ради сохранения своего положения. Да и до-

вольно уже мы наслушались оправданий людей, которые предпочитали губить других, лишь бы отвести опасность от себя.¹¹⁵ Тебе же вообще ничто не угрожало: отец твой был в изгнании, имущество поделено между кредиторами, сам ты — слишком молод, чтобы добиваться должностей, Нерону нечего было у тебя отнять и нечего тебя бояться. Ты был еще безвестен и ни разу еще не защищал никого в суде, но жестокая, алчная душа твоя уже жаждала крови честных людей; лишь когда ты сумел украсть с погребального костра республики достояние консуляриев,¹¹⁶ засунуть себе в пасть семь миллионов сестерциев и сделаться жрецом, когда получил возможность губить без разбора невинных детей, покрытых славой старцев и благородных женщин, когда смог упрекнуть Нерона, будто он действует недостаточно решительно, тратя свои силы и силы своих доносчиков на уничтожение одной или другой семьи, вместо того чтобы казнить разом весь сенат, — вот тогда ты почувствовал, наконец, удовлетворение. Спасите же, отцы-сенаторы, и сохраните в своей среде человека столь тонкого ума; да послужит он образцом всему нашему веку, и как старики наши стремились подражать Марцеллу и Криспу, так пусть наши юноши следуют примеру Регула. Подлость и в беде находит себе последователей, — что же будет, если мы дадим ей расцвести и набраться сил? Вы боитесь обидеть его, пока он еще только квесторий, так как же поднимется у вас на него рука, когда он станет претором и консулом? Неужели вы думаете, что Нерон — последний из тиранов? И после смерти Тиберия, и после смерти Гая люди тоже думали так, но всегда являлся новый тиран, еще более гнусный, еще более свирепый, чем прежние. Нам нечего бояться Веспасиана — он настоящий принцепс и по возрасту, и по умеренности, его возрасту подобающей. Но люди уходят, примеры остаются.¹¹⁷ Мы слабеем, отцы-сенаторы; уж мы не тот сенат, который после убийства Нерона требовал наказать его подручных и доносчиков так, как наказывали подобных людей наши предки. Лучший день после смерти дурного государя — первый день».

43. Сенаторы с таким сочувствием слушали Монтана, что Гельвидий вновь загорелся надеждой свалить Марцелла. Он начал с похвалы Клувию Руфу, который ни свой выдающийся ораторский талант, ни свое огромное богатство ни разу во времена Нерона не использовал кому-нибудь во зло; говоря так, он не только изобличал Эприя, но и противопоставлял ему Клувия, чем еще больше возбуждал гнев сенаторов против доносчика. Почувствовав общее настроение, Марцелл поднялся, как бы собираясь покинуть курию. «Мы уходим, Приск, — сказал он Гельвидию, — и оставляем тебе твой сенат. Управляй им, не смущаясь присутствием Цезаря». За ним следом двинулся Вибий Крисп; оба были одинаково полны ненависти, но выражением лица резко отличались друг от друга: Марцелл смотрел грозно, Крисп широко улыбался:¹¹⁸ подоспевшие друзья заставили обоих вернуться на свои места. Яростный спор, в котором на одной стороне было состоявшее из честных людей боль-

шинство, на другой — располагавшее властью меньшинство, становился все более ожесточенным и затянулся до конца дня.

44. В следующем заседании сената Цезарь первым заговорил о том, что надо забыть прошлые обиды и распри, и о том, что иные вещи в прежние времена бывали необходимы. Муциан многословно развивал ту же мысль и всячески выгораживал доносчиков. Тех, кто вновь возбудил некогда начатые, но позже приостановленные судебные процессы, он мягко, даже с просительными интонациями, убеждал отказаться от своих претензий. Встретив сопротивление, отцы-сенаторы тут же отступились от своей едва обретенной свободы. Не желая, однако, создавать впечатление, будто он пренебрегает мнением сената и оставляет безнаказанными преступления, совершенные во времена Нерона, Муциан вернул на острова, на которые они были сосланы ранее, появившихся было в Риме сенаторов Октавия Сагитту и Антистия Созиана.¹¹⁹ Октавий находился в незаконной связи с Понтией Постуминой, которая не соглашалась выйти за него замуж; не видя возможности удовлетворить свою любовь, Октавий убил ее. Созиан был негодяй, принесший гибель многим людям. Решением сената, составленным в самых суровых выражениях, оба были осуждены и изгнаны, и теперь, когда всем остальным разрешили вернуться, их оставили в прежнем положении. Ненависть к Муциану, однако, от этого не стала меньше: в ссылке ли, в Риме ли — Созиан и Сагитта все равно вызывали одно лишь презрение; доносчики же, с их талантом, богатствами, властью, с их изощренной способностью делать зло, внушали людям ужас.

45. Судебное дело, которое сенат рассматривал в соответствии с древними обычаями, заставило страсти хоть немного улегся. Манлий Патруит жаловался, что в Сенской колонии¹²⁰ он был, по приказу местных магистратов, избит напавшей на него толпой. Преступление, однако, этим не исчерпывалось: окружив Патруита, жители колонии били себя в грудь, причитали как над трупом и проделывали над ним, живым, похоронные обряды, выкрикивая при этом ругательства и оскорбления, относившиеся ко всему сенату. Вызвали свидетелей преступления, дело было расследовано и виновные осуждены; к решению добавили постановление сената, которым колонистам предписывалось вести себя впредь более скромно. В те же дни, по обвинению, возбужденному жителями Киренаики, Антоний Фламма был осужден на основании закона о вымогательстве, изобличен в жестокости и выслан.

46. В разгар всех этих событий чуть было не вспыхнул мятеж в армии. Преторианские части, распущенные Вителлием¹²¹ и вновь сформированные Веспасианом,¹²² требовали, чтобы им вернули их привилегированное положение; перевод в преторианскую гвардию был обещан многим legionерам, и теперь они настаивали на выполнении данных обещаний; не приходилось также надеяться, будто удастся без большого кровопролития распустить и тот преторианский корпус, что создал Вителлий,

а содержание претория, в который вошли бы все, кто этого добивался, стоило бы немислимым денег. Муциан явился в лагерь и, чтобы яснее видеть, кому какое причитается вознаграждение, велел флавианцам построиться с оружием и знаками отличия, оставив между манипулами и когортами совсем небольшое расстояние. Потом привели вителлианцев; все они — и те, что перешли, как я упоминал, на сторону победителей в Бовиллах,¹²³ и остальные, собранные со всего Рима и его окрестностей, были едва одеты. Муциан приказал им построиться по армиям: бойцам германских легионов отойти в одну сторону, британских — в другую, остальным расположиться отдельно от тех и от других. Войдя в лагерь, вителлианцы оцепенели: со всех сторон на них глядели выстроенные словно для битвы войска, оцетинившиеся мечами и дротами; когда их, грязных и полуголых, стали разводить по указанным им местам, они впали в панику; больше всех испугались солдаты германской армии, решившие, что их хотят отделить от остальных, чтобы затем убить. Они обнимали своих товарищей, бросались им на шею, целовали как перед смертью, заклинали не покидать их в беде, умоляли не допустить, чтобы разная судьба постигла тех, кто воевал за одно дело; они обращались с мольбами к Муциану, к принцепсу, которого здесь не было, к небу и богам; наконец, Муциан рассеял их ни на чем не основанные страхи, сказав, что все они солдаты одного императора, верные одной присяге. Он не мог поступить по-другому, так как видел, что солдаты-победители тоже кричат, плачут и всячески выражают свое сочувствие побежденным. В тот день на этом все и кончилось. Вскоре, однако, они оправились и обратившегося к ним через несколько дней с речью Домициана встретили совсем по-иному: не соглашались принять земельные наделы, которые им предлагали, настаивали на выдаче жалованья и продолжении службы. Они только просили, но отказать в этих просьбах было невозможно, и в ряды претория пришлось принять всех. Позже те, кто безупречно отслужил свой срок, получили почетную отставку, многих уволили за провинности, но в разное время и поодиночке. Действуя этим испытанным методом, круговую поруку удалось сломить.

47. То ли действительно обнаружилось, что государственная казна истощена, то ли кто-то решил воспользоваться этим предлогом, но сенат постановил занять у частных лиц шестьдесят миллионов сестерциев и поручил сбор их Помпею Сильвану.¹²⁴ Вскоре, однако, потребность в этих деньгах миновала или миновала необходимость притворяться, будто они нужны. По докладу Домициана сенат отнял консульское достоинство у лиц, назначенных на эту должность Вителлием, и постановил похоронить Флавия Сабина со всеми подобающими почестями. Так переменчивая судьба еще раз показала, сколь любо ей то возносить человека, то свергать его в бездну.

48. Примерно в это же время был убит проконсул¹²⁵ Луций Пизон. Для того чтобы понятнее стал рассказ об этом убийстве, мне придется

остановиться на событиях, ему предшествовавших и раскрывающих причины подобных злодеяний. При Августе и Тиберии легионом, расквартированным в Африке и охранявшим вместе с приданными ему вспомогательными войсками границы империи в этой провинции, командовали проконсулы. Вскоре Гай Цезарь, вечно всех в чем-то подозревавший и опасавшийся, в частности, правившего Африкой Марка Силана,¹²⁶ отнял у проконсулов право командовать легионом и передал его специально назначенному легату. Обоим в равной мере было присвоено право раздавать награды и поощрения, обязанности их перепутались и между ними вспыхнула вражда, в которой был столь заинтересован император и которая в дальнейшем лишь возрастала под влиянием взаимной зависти. С течением времени легаты добились большей власти — может быть, оттого, что они дольше оставались в должности,¹²⁷ а может быть, и потому, что, находясь в подчиненном положении, они вкладывали в борьбу больше энергии; проконсулы же, люди в основном знатные и богатые, вынуждены были думать не столько о власти, сколько о собственной безопасности.¹²⁸

49. В описываемое время легионом, стоявшим в Африке, командовал Валерий Фест, человек молодой, щедрый, честолюбивый, который, однако, был родственником Вителлия и потому пребывал в постоянном страхе. Теперь трудно установить, Фест ли подстрекал Пизона к бунту или Пизон подстрекал Феста, который не соглашался на его уговоры: они виделись без свидетелей, а после смерти Пизона большинство согласилось с версией, выгодной убийце. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что и провинциалы, и солдаты здесь не сочувствовали Веспасиану. Некоторые вителлианцы, бежавшие в Африку из Рима, твердили проконсулу, что галльские провинции колеблются, что Германия готова восстать хоть завтра, что над самим Пизоном нависла смертельная опасность и ему выгоднее война, чем ненадежный мир. В это время к Пизону явился префект петрианской кавалерии Клавдий Сагитта. Его корабль сумел в море обогнать судно, везшее центуриона Папирия, направлявшегося к тому же Пизону, с поручением от Муциана. Сагитта уверил проконсула, что Папирию дан приказ убить его. «Галериан, двоюродный брат твой и зять, — продолжал префект, — уже погиб;¹²⁹ надежда на спасение у тебя одна — действовать сразу и решительно, путей к спасению — два: либо немедленно браться за оружие, либо плыть в Галлию и там встать во главе вителлианских войск». Слова префекта, казалось, не произвели на Пизона никакого впечатления. Между тем посланный Муцианом центурион, едва сойдя с корабля в карфагенском порту, начал громко призывать на голову Пизона благословение богов в выражениях, обычно употребляемых, когда речь идет о принцепсе; при этом он требовал от ошеломленных неожиданностью прохожих, чтобы они кричали вместе с ним. Доверчивая чернь, неспособная выяснить правду и одержимая страстью к лести, хлынула на форум, принялась шуметь, аплодировать и требовать, чтобы

Пизон показался толпе. Может быть, помня о предостережениях Сагитты, а может быть, по врожденной скромности, Пизон не внял этим льстивым призывам и не вышел. Расспросив центуриона, он убедился, что тот старался создать повод для обвинения проконсула в измене, и приказал казнить его. Он поступил так не потому, что хотел спасти свою жизнь; им владел гнев против негодяя, который участвовал некогда в убийстве Клодия Макра¹³⁰ и теперь вернулся, чтобы руками, еще обгабленными кровью легата, лишить жизни проконсула. Однако в эдикте, в котором Пизон выразил свое неудовольствие поведением карфагян, ясно сквозил владевший им страх; затем он заперся у себя в доме и перестал выполнять свои обычные обязанности, дабы как-нибудь случайно не подать повода для бунта.

50. Когда молва, всегда раздувающая до невиданных размеров и правду и ложь, донесла до Феста слухи о беспорядках в Карфагене и о казни центуриона, он отправил конных солдат убить Пизона. День едва брезжил, когда прискакавшие во весь опор всадники, с обнаженными мечами, ворвались в темный еще дом проконсула. Фест выбрал для этого дела мавров и солдат-пунийцев из вспомогательных войск; большинство из них никогда не видело проконсула и не знало его в лицо. Недалеко от спальни они встретили случайно проходившего раба, спросили, как выглядит Пизон и где его найти. Доблестный раб ответил, что он сам и есть Пизон, и тут же пал под ударами мечей. Вскоре, однако, Пизон тоже был заколот, ибо среди убийц все же нашелся человек, который его знал. То был Бебий Масса, один из прокураторов Африки. В дальнейшем мы будем еще не раз встречать это имя, ибо с ним связано множество несчастий, о которых нам предстоит рассказать, но уже и в ту пору Масса был опасен для каждого порядочного человека.¹³¹ Из Адрумета,¹³² где он выжидал исхода событий, Фест немедленно отправился к своему легиону и приказал заковать в цепи, как пособника Пизона, префекта лагерей Цетрония Пизана; на самом деле арест Цетрония был вызван личной неприязнью к нему Феста. Фест наказал кое-кого из солдат и центурионов и наградил других; как наказанные не заслужили своих наказаний, так награжденные — своих наград, но Фесту нужно было создать впечатление, будто он подавил целый заговор. Вслед за этим он заставил жителей Эи и лептийцев¹³³ прекратить свои распри, начавшиеся со споров между крестьянами из-за украденного продовольствия или скота, а кончившиеся настоящими сражениями, в которых обе стороны выступали в боевом строю и с оружием в руках. Дело в том, что жители Эи, уступавшие противникам численностью, призывали на помощь гарамантов, свирепое племя, своими набегами наводившее ужас на соседей.¹³⁴ Положение лептийцев стало критическим: поля и земли их на огромном пространстве были опустошены, а сами они в страхе сбежались в крепость, под укрытие стен. Появление наших когорт и конных отрядов заставило гарамантов обратиться в бегство и вернуть награб-

ленное; не удалось получить обратно только вещи, которые гараманты сумели унести в свои недоступные становища, а там продали племенам, живущим еще дальше на юг.

51. После Кремонской битвы к Веспасиану отовсюду шли все новые и новые радостные известия. Теперь множество людей из различных сословий, положившись на судьбу и собственное мужество, устремились по бурному зимнему морю к новому принцепсу, дабы сообщить ему о смерти Вителлия. Прибыли к нему и послы царя Вологеца, предлагавшего Веспасиану сорок тысяч парфянских всадников.¹³⁵ Радостное и великолепное зрелище: принцепс, которому союзники предлагают столь значительную помощь и который в ней не нуждается! Поблагодарив Вологеца, попросив передать ему, что в империи ныне царит мир и послов следует направлять в сенат,¹³⁶ Веспасиан занялся положением в Италии и в Риме. Первое, что ему пришлось услышать, были жалобы на Домициана, который, как говорили, разрешал себе больше, чем позволяет сыну принцепса, особенно в его возрасте. Веспасиан разделил свою армию, оставил лучшие войска Титу и поручил ему продолжать войну в Иудее.¹³⁷

52. Рассказывают, что перед отъездом Веспасиана Тит долго говорил с отцом, просил его не верить слухам, порочащим Домициана, и при встрече отнестись к сыну беспристрастно и снисходительно. «Настоящая опора человека, облеченного верховной властью, — говорил Тит, — не легионы и не флоты, а дети, и чем больше их, тем лучше. По воле времени и судеб, под влиянием страстей или заблуждений слабеет чувство дружбы, друзья покидают нас, привязываются к кому-нибудь другому, и только узы крови остаются нерушимы. Особенно крепки они должны быть в семье принцепса, который счастье свое делит и с посторонними, а беды — только с самыми близкими. Как же сумеем мы с братом жить в мире и согласии, если отец не подаст нам пример?». Речи эти не заставили Веспасиана отнестись к Домициану снисходительнее, но верность Тита семье и уважение, которое он питал к старинным нравам, искренне порадовали отца. Он отвечал, что об интересах мира и делах семьи позаботится сам, Титу же посоветовал не беспокоиться, а лучше думать о том, как прославить государство разумным ведением войны и собственной доблестью. Потом Веспасиан приказал нагрузить зерном самые быстроходные корабли и отправил их в Рим, хотя море еще не успокоилось от зимних бурь: положение в столице было критическим, — когда отправленные Веспасианом суда вошли, наконец, в гавань, хлеба в амбарах оставалось едва на десять дней.

53. Восстановление Капитолия Веспасиан поручил Луцию Вестину, который, хотя и происходил из сословия всадников, пользовался таким уважением и снискал столь добрую славу, что считался одним из первых людей в государстве.¹³⁸ Созванные им гаруспики¹³⁹ объявили, что развалины старого храма следует вывезти на болота,¹⁴⁰ а новый возводить на том же фундаменте: по словам гаруспиков, боги были против измене-

ний в форме храма. Одиннадцатый день после июльских календ¹⁴¹ был ясный и безоблачный; место, отведенное под постройку храма, обложили венками и обвили священными лентами; в образовавшееся пространство вошли солдаты, носившие особенно счастливые имена,¹⁴² держа в руках ветви деревьев, сулящих удачу.¹⁴³ Потом весталки, сопровождаемые мальчиками и девочками, у которых были живы отец и мать, омылись водой, зачерпнутой из рек и чистых ключей. Претор Гельвидий Приск вступил вслед за понтификом Плавтием Элианом¹⁴⁴ на место будущего храма, очистил его, принеся в жертву свинью, овцу и быка,¹⁴⁵ и, разложив внутренности животных на дерне,¹⁴⁶ обратился к Юпитеру, Юноне и Минерве, к богам-покровителям империи, прося их даровать делу успех и своей божественной десницей вознести на вершину славы предназначенное для них обиталище, к сооружению которого люди ныне приступают. Произнеся молитву, Гельвидий взялся за священные повязки, которыми были увиты камень¹⁴⁷ и опутывавшие его веревки. Тотчас же все остальные: магистраты, жрецы, сенаторы, всадники, множество людей из простого народа, — упираясь изо всех сил, сдвинули и с криками ликованья поволокли огромную глыбу. Отовсюду в основание храма бросали слитки золота, серебра, сырую, не ведавшую еще горна руду, — гаруспики заранее предупредили, что нельзя осквернять закладываемый храм золотом или камнями, ранее предназначавшимися для какой-либо иной цели. Новое здание сделали выше старого: говорили, что малая высота была единственным недостатком прежнего храма, и только это жрецы и разрешили изменить.

54. Тем временем весть о смерти Вителлия разнеслась по Галлии и Германии и породила еще одну, новую, войну.¹⁴⁸ Цивилис отбросил теперь всякое притворство и открыто выступил против римского народа. Вителлианские легионы скорее готовы были служить варварам, нежели подчиниться Веспасиану и признать его императором. Среди галлов распространился слух, будто зимние лагеря легионов в Мёзии и Паннонии осаждены сарматами и даками¹⁴⁹ и что дела римлян в Британии обстоят не лучше; галлы вообразили, что судьба повсюду преследует наши войска, и эта уверенность наполнила их сердца радостью. Самое большое впечатление, однако, на них произвел пожар Капитолия. Одержимые нелепыми суевериями, друиды¹⁵⁰ твердили им, что Рим некогда¹⁵¹ был взят галлами, но тогда престол Юпитера остался нетронутым и лишь поэтому империя выстояла; теперь, говорили они, губительное пламя уничтожило Капитолий, а это ясно показывает, что боги разгневаны на Рим и господство над миром должно перейти к народам, живущим по ту сторону Альп. Ходили также слухи, будто знатные галлы, которых Отон отправил воевать против Вителлия, поклялись перед отъездом подняться на защиту свободы, если только они увидят, что непрерывные гражданские войны и внутренние распри подрывают силы римского народа.

55. Пока был жив Флакк Гордеоний, никаких признаков заговора не было заметно, но после его гибели зачастили гонцы между Цивилисом и префектом тревирской конницы Классиком.¹⁵² Классик происходил из царского рода, стяжавшего себе великую славу на военном и гражданском поприще, и превосходил всех своих соплеменников знатностью и богатством. Он любил говорить, что предки его прославились не столько как союзники Рима, сколько как его враги. К Цивилису и Классику присоединились Юлий Титор и Юлий Сабин — один тревир, другой лингон. Титора Вителлий назначил префектом прирейнских земель,¹⁵³ Сабин же, вообще отличавшийся крайним тщеславием, нашел еще особый повод для хвастовства: ему не давала покоя генеалогия, которую он сам себе придумал, — он уверял, будто божественный Юлий во время галльской войны обратил внимание на красоту его прабабки и сделал ее своей наложницей. Заговорщики тайно выведывали настроения окружающих, и если находили человека, казавшегося им пригодным для их целей, втягивали его в заговор. Наконец, они устроили собрание в Агриппиновой колонии. Собраться им пришлось в частном доме: ведь если бы замыслы их были обнаружены, народ встретил бы их с ужасом и отвращением. На сходке присутствовало несколько убиев и тунгров, но решающая роль принадлежала тревирам и лингонам. Они были слишком нетерпеливы, чтобы серьезно обсудить положение, и наперебой кричали, что римляне, поглощенные внутренними распрями, не в состоянии больше действовать разумно, что легионы перебиты, Италия разграблена, Рим вот-вот падет, каждая армия поглощена войной со своими собственными врагами. «Стоит нам закрыть альпийские проходы, — твердили заговорщики, — и слившиеся воедино галльские племена обретут, наконец, свободу, а там нам останется лишь решить, где поставить предел победоносному шествию наших армий».

56. Присутствующие тут же утвердили это предложение. Сомнение у них вызывала дальнейшая судьба уцелевшей части вителлианской армии. Многие настаивали на том, чтобы уничтожить этих изменников и смутьянов, забрызганных кровью своих полководцев. Победило, однако, другое мнение: утратив надежду на спасение, вителлианцы станут сопротивляться с упорством отчаяния; гораздо выгоднее переманить их на свою сторону; достаточно перебить легатов легионов, а с остальными, исполненными сознания своей вины и стремящимися избежать наказания, договориться будет нетрудно. Приняв на первом собрании эти решения, заговорщики разослали по галльским провинциям своих людей, поручив им подстрекать жителей к восстанию, сами же продолжали по-прежнему беспрекословно выполнять все приказы Вокулы, дабы усыпить его бдительность и тем легче захватить его врасплох. Правда, нашлись люди, сообщившие Вокуле о том, что происходит, но подавить заговор со своими малочисленными и не внушавшими доверия легионами он все равно был не в силах и потому, окруженный ненадежными солдатами

и тайными врагами, счел за лучшее действовать так же, как его противники, т. е. скрывать свои подлинные намерения. Он отправился в Агриппинову колонию, где застал Клавдия Лабеоны,¹⁵⁴ который сумел подкупить своих сторожей и бежать из-под ареста (я уже рассказывал прежде о том, что Лабеон был арестован по приказу Цивилиса и выслан в племя фризов). Он уверял Вокулу, что пойдет на батавов и, если только ему дадут войска, сумеет заставить большую часть племени вновь вступить в союз с римлянами. Ему дали немного пехоты и всадников, но он не посмел даже приблизиться к батавам, а, увлекши за собой кое-кого из племен нервиев и бетазиев, стал нападать на каннифатов и марсаков,¹⁵⁵ действуя исподтишка, не как полководец, а как разбойник.

57. Введенный в заблуждение коварством галлов, Вокула выступил против врага. Он находился недалеко от Старых лагерей, когда Классик и Тотор, под предлогом рекогносцировки продвинувшиеся вперед, встретились с вождями германцев и еще раз подтвердили прежде существовавшую между ними договоренность. Только после этого они построили лагерь и заперлись в нем со своими отделившимися от легионов войсками. Вокула заклинал их не делать этого, убеждал, призывал в свидетели богов. «Неужели вы думаете, — говорил он, — что Римское государство так ослабело от гражданских войн, что станет терпеть оскорбления от тревиров и даже от лингонов? Нет, у нас остались еще верные провинции и победоносные войска, осталась Фортуна, пекущаяся о нашей империи, и боги, готовые отомстить за нее. Довольно было одной битвы, чтобы уничтожить Виндекса с его галлами, а в старину — Сакровира и эдучей;¹⁵⁶ тот же гнев богов, та же судьба ждут и сегодня изменников, нарушающих договор о союзе. Божественный Юлий и божественный Август лучше знали ваш нрав: стоило Гальбе отменить подати,¹⁵⁷ как ненависть овладела вашими сердцами, с вас стали меньше взыскивать — и вы сделали врагами Рима. Отберут у вас все и разденут донага — вот тогда вы почувствуете себя нашими друзьями!». Эти полные ярости слова не произвели на Тотора и Классика никакого впечатления, и они продолжали упорствовать в измене. Убедившись в этом, Вокула вернулся в Новезий,¹⁵⁸ в двух милях от которого расположились и галлы. Центурионы и солдаты то и дело ходили к ним в лагерь, там их соблазняли деньгами, и они дали, наконец, обещание совершить неслыханное преступление: привести римскую армию к присяге варварам, а пока, в знак того, что они сдержат свое слово, — убить или заковать в цепи легатов. Многие советовали Вокуле скрыться, но он не хотел отступать и, созвав солдат на сходку, заговорил с ними так.

58. «Ни разу еще, обращаясь к вам с речью, не был я столь полон беспокойства за вас и столь спокоен за себя. Я слышу со всех сторон, что смерть моя близка, и радуюсь этому, ибо среди бед, на нас обрушившихся, она одна сможет положить конец моим несчастьям. Но за вас мне и горько, и стыдно. С вами ведь даже не собираются сражаться, не для вас

отныне закон оружия и право войны. Классик надеется вашими руками выиграть войну против римского народа, убеждает вас покориться галлам и присягнуть им на верность. Пусть ныне счастье отвернулось от нас и мы утратили былую доблесть, разве мало было в прошлом римских легионов, которые предпочли умереть, чем сделать шаг назад? Разве мало мы знаем союзных народов, обрекавших огню свои города, своих жен и детей и не искавших за их гибель иной награды, кроме славы и сознания выполненного долга? Запертые в Старых лагерях легионы перенесли невиданные лишения, но не дали ни запугать себя, ни соблазнить посулами. А ведь наше положение совсем иное: у нас есть не только оружие, солдаты и ограждающие нас могучие укрепления, у нас к тому же вдоволь зерна и запасы провианта, с которыми можно выдержать любую, самую долгую осаду. Денег вам тоже только что роздали немало, — вы можете считать, что получили их от Веспасиана, или думать, что их вам прислал Вителлий, но никто не усомнится в том, что вам дал их римский император. Если вы, победители в бесчисленных войнах, герои Гельдубы и Старых лагерей,¹⁵⁹ столько раз бившие врага, теперь боитесь открытого сражения, это, конечно, стыдно, но ведь мы можем отсидеться за нашими валами и стенами, можем разными способами протянуть время, пока из ближайших провинций не придут нам на помощь войска и отряды союзников. Не нравлюсь вам я — у вас есть другие легаты, есть трибуны, есть, наконец, центурионы и солдаты. Лишь бы только не разлетелась по миру чудовищная весть о том, что вы, покорно следуя приказам Цивилиса и Классика, вторглись в Италию! Или и это вам нипочем, и когда германцы и галлы приведут вас под стены Рима, вы с оружием в руках ворветесь в родные дома? Ужас наполняет душу при одной лишь мысли о подобном злодеянии. Неужто вы согласны нести караул возле опочивальни тревира Тутора? Идти в бой по сигналу, поданному батавом? Раствориться в разбойничьих шайках германцев? Как станете вы держать ответ за все содеянное, когда придется, наконец, встретиться с римскими легионами? Изменники среди изменников, предатели среди предателей, преследуемые гневом богов, будете вы метаться от тех, кому принесли присягу сначала, к тем, кому присягнули потом. О, Юпитер Сильнейший и Величайший, столькими триумфами прославленный за эти восемьсот двадцать лет!¹⁶⁰ О Рима создатель, Квирин!¹⁶¹ Молю и заклинаю вас: если уж вы не позволили, чтобы эти лагеря под моим началом сохранили всю свою неподкупную чистоту, не дайте хоть Тутору и Классику осквернить их; пусть римские войны либо не совершат преступления, либо быстро раскаются в содеянном и не понесут никакого наказания».

59. Среди слушавших Вокулу солдат одни были полны надежд, другие глядели в будущее со страхом, третьих мучил стыд, и речь легата вызвала у них самые разные чувства. Вокула удалился к себе и занялся приведением в порядок своих дел, готовясь вскоре покончить счета

с жизнью. Однако рабы и вольноотпущенники не дали ему оставить мир по своей воле, и ему пришлось принять тяжкую и позорную смерть. Убил его нарочно присланный для этой цели Классиком дезертир первого легиона Эмилий Лонгин; легатов Нумизия и Геренния сочли достаточным заковать в цепи, и лишь затем в лагерь явился сам Классик, украшенный знаками достоинства римского полководца. Но даже этот человек, привыкший ко всякого рода преступлениям, не нашелся, что сказать солдатам; он только прочел текст присяги, и все поклялись в верности власти галлов. Убийцу Вокулы Классик повысил в звании, остальных награждал в меру преступлений, совершенных каждым.

Тутор и Классик распределили между собой обязанности. Тутор во главе многочисленного отряда осадил Агриппинову колонию и привел к присяге не только жителей города, но и все войска, расположенные по берегам Верхнего Рейна. В Могунциаке трибуны и префект лагерей оказали ему сопротивление, — первые были убиты, второй изгнан. Классик выбрал из перешедших на его сторону римских солдат нескольких самых подлых, приказал, чтобы они отправились к осажденным,¹⁶² обещали им прощение и, приведя в пример самих себя, уговорили подчиниться новой власти. Если же осажденные станут упорствовать, велел передать Классик, пусть не надеются ни на что, кроме голода, цепей и смерти.

60. Верность долгу влекла осажденных в одну сторону, голод — в другую; верность долгу требовала, чтобы они помышляли лишь о своей чести и достоинстве, голод толкал их на путь преступления. Пока они медлили, съеденным оказалось и продовольствие, и то, что в крайних обстоятельствах его заменяет: лошади, волы, мулы, нечистые, отвратительные животные, употребляемые в пищу лишь в самой крайности. Под конец стали есть ветки кустов, корни, траву, пробивающуюся между камнями.¹⁶³ Память об этой осаде, о муках, выпавших на долю римских солдат, и об их стойкости жила бы вечно, если бы осажденные не опозорили сами себя, послав к Цивилису делегатов с просьбой о помиловании. Парламентеров не стали слушать, пока осажденные не присягнули на верность галлам. После этого Цивилис, дабы захватить всю находившуюся в лагере добычу, прислал своих людей следить за тем, чтобы все деньги и поклажа, все обозные слуги остались на месте, а воины ушли бы из лагеря с пустыми руками. Ничего не подозревая, солдаты походной колонной дошли почти до пятого мильного комня, когда на них напали выскочившие из засады германцы. Лучшие из солдат оказали сопротивление и были уничтожены на месте, многие разбежались по округе, но германцы настигали их и убивали; остальные вернулись в лагерь. Цивилис громко жаловался на германцев, говорил, что они нарушили свои же клятвы, и возмущался их коварством. Притворялся ли он или и в самом деле не мог сдерживать разъяренных германцев — судить трудно. Разграбленный лагерь варвары забросали горящими факелами, и пламя поглотило всех, кто избежал смерти в бою.

61. Легионы были разгромлены полностью, и Цивилис, который, по принятому у варваров обычаю, выступая против римлян, дал обет не стричь волосы, пока не добьется победы, снял, наконец, свою крашенную в рыжий цвет гриву,¹⁶⁴ падавшую ему на лицо и на грудь. Рассказывают, что он отдал нескольких пленных своему маленькому сыну, чтобы те служили мишенью для его упражнений в стрельбе из лука и метании дротика. Цивилис не принес присяги галлам и не привел к ней никого из батавов; он опирался на германцев, и если бы ему пришлось с оружием в руках бороться с галлами за власть, на его стороне оказалась бы не только слава непобедимого полководца, но и перевес сил. Легата легиона¹⁶⁵ Муния Луперка отправили вместе с другими подарками Веледе. Эта девушка из племени бруктеров пользовалась у варваров огромным влиянием, ибо германцы, которые всегда считали, будто многие женщины обладают даром прорицать будущее, теперь дошли в своем суеверии до того, что стали считать некоторых из них богинями. Благоговение, которое вызывала у них Веледа, еще возросло, когда сбылись ее предсказания о победе германцев и гибели римских легионов.¹⁶⁶ Луперка, однако, убили по дороге, а немногих центурионов и трибунов родом из Галлии сохранили в качестве заложников, дабы помешать галлам нарушить свои союзнические обязательства. Зимние лагеря когорт, конных отрядов, легионов были разрушены и сожжены; уцелели лишь те, что находятся в Могунциаке и Виндониссе.¹⁶⁷

62. Шестнадцатый легион вместе со своими вспомогательными отрядами, также перешедшими на сторону врага, получил приказ выступить в определенный, заранее назначенный день из Новезия и расположиться в Колонии Тревиоров.¹⁶⁸ Оставшееся до выступления время легионеры проводили в размышлениях и заботах: трусы бледнели от страха, вспоминая о судьбе погибших в Старых лагерях; настоящие солдаты стыдились содеянного и спрашивали себя, что теперь будет: куда они пойдут, кто их поведет и что станет с ними, раз они попали в полную зависимость от людей, которым сами дали право распоряжаться своей жизнью и смертью; были и такие, что вовсе не печалились о своем позоре, а заботились лишь о том, как лучше спрятать под одеждой деньги и драгоценности; иные, как будто готовясь к бою, острили мечи и чинили дроты. Среди всех этих размышлений пришло время выступить, и солдатам стало еще тоскливее: за стенами лагеря унижение их было не так заметно, теперь они выставляли его всем напоказ, в открытом поле, среди бела дня. Молча, как на похоронах, проходит нескончаемая колонна мимо валяющихся на земле императорских статуй; на значках когорт не видно ни украшений, ни знаков отличия; кругом весело плещутся по ветру вымпелы галльских отрядов, и впереди шагает назначенный командовать переходом Клавдий Санкт, кривой, грозный с виду, но слабый умом. К прежнему позору прибавился новый, после того как к шестнадцатому легиону присоединился еще один, вышедший из боннских лагерей.¹⁶⁹ Весть о том,

что идут взятые в плен легионы, разлетелась по округе, и люди, еще недавно трепетавшие при одном упоминании о римлянах, выбегали в поле, взбирались на крыши, непристойно наслаждаясь небывалым зрелищем. Конники пицентинского отряда не вытерпели насмешек черни и, не обращая внимания на обещания и угрозы Санкта, свернули к Могунциаку. По дороге им случайно встретился убийца Вокулы Лонгин, они забросали его дротами, сделав таким образом первый шаг к искуплению своей вины. Легионы продолжали идти прежним путем и остановились лишь под стенами Колонии Тревиоров.

63. Цивилис и Классик были в упоении от своих успехов, но все же колебались отдать на разграбление солдатам Агриппинову колонию. Алчность и природная жестокость толкали их к тому, чтобы расправиться с этим городом, но в то же время они понимали, что на первых порах им выгодно прослыть великодушными властителями, и желание добиться подобной репутации вместе со стратегическими соображениями удерживали их от этого шага. Цивилис, кроме того, не забывал о благодарении, оказанном ему агриппинцами: они мягко и почтительно обращались с его сыном, который был схвачен в этой колонии в начале мятежа и содержался здесь под почетным арестом.¹⁷⁰ У зарейнских племен, однако, этот большой и богатый город вызывал слепую ненависть, и они считали, что война будет кончена только тогда, когда германцы любого племени получат право селиться здесь; если же нет, говорили они, город следует уничтожить, а убиев расселить по другим землям.¹⁷¹

64. Тенктеры, обитавшие на другом берегу Рейна, послали своих представителей в совет колонии, и самый свирепый из них передал решение своего племени в следующих словах: «Мы благодарим наших общих богов и величайшего среди них — Марса¹⁷² за то, что они вернули вас в семью германских народов и разрешили снова называться германским именем. Мы поздравляем вас, — отныне вы будете свободными среди свободных. Прежде реки и земли были в руках римлян, они ухитрились отнять у нас даже самое небо; они не давали нам собираться для обсуждения наших дел, а если и разрешали, то на условиях, невыносимых для людей, живущих ради войны, — безоружными, полуголыми, под наблюдением конвоиров и за деньги.¹⁷³ Но чтобы союз и дружба наши были вечны, мы требуем от вас срыть стены колонии; эта ограда — оплот рабства; даже дикие звери, если их долго держать взаперти, отвыкают быть храбрыми. Вы должны убить всех римлян, находящихся в ваших землях: трудно, став свободными, терпеть у себя господ. Имущество убитых будет отдано в общее пользование, и пусть никто не пытается что-нибудь скрыть или заботиться только о своей выгоде. И мы, и вы будем обрабатывать земли по обоим берегам реки, как в старину это делали наши предки. Земля, как воздух и свет, не может быть достоянием одного человека — воздух и свет принадлежат всем, земля —

доблестным воинам.¹⁷⁴ Вернитесь к установлениям предков, к нашим древним верованиям, откажитесь от удовольствий, с помощью которых римляне вернее, чем оружием, удерживают людей в подчинении. Забудьте о рабстве, станьте опять прямыми и честными, и вы будете равны другим народам, а может быть, даже добьетесь власти над ними».

65. Страх перед будущим мешал жителям колонии согласиться на предъявленные условия; отвергнуть требования тенктеров в положении, в котором колония находилась теперь, было тоже невозможно. Колонисты думали долго и, наконец, дали следующий ответ. «Едва обретя свободу, мы нетерпеливо, не думая об осторожности, воспользовались первой же возможностью, чтобы воссоединиться с нашими соплеменниками — с вами и другими германскими народами. И сейчас, когда на нас со всех сторон движутся римские войска, нам надо не срывать стены города, а напротив, укреплять их. Если в наших землях и находился кто-нибудь из жителей Италии или из провинциалов, не родственных германцам, они либо погибли на войне, либо вернулись на родину. Те римляне, которые были когда-то переселены сюда, издавна женятся на наших женщинах, они породнились с нами, здесь — их родина и родина их детей. Неужели вы будете столь жестоки и потребуете от нас, чтобы мы собственными руками убивали своих родителей, своих детей и братьев? Мы отменяем пошлины и другие ограничения торговли, пусть каждый без всякой охраны входит в колонию и выходит из нее, но пока это новое правило не станет старым и привычным, вход будет разрешен только безоружным и только днем. Посредниками мы выбираем Цивилиса и Веледу, пусть они утвердят наш договор». Успокоив таким образом тенктеров, агриппинцы отправили к Цивилису и Веледе послов, которые поднесли им дары и сумели уладить все дело к выгоде колонистов. К Веледе, однако, их не допустили и говорить с ней не дали: ее скрывают от людских взоров, дабы она внушала еще большее благоговение; живет она в высокой башне, задавать ей вопросы и получать от нее ответы можно только через одного из родственников, который передает также ее прощенья.

66. После того как жители колонии заключили с Цивилисом союз, его влияние возросло еще больше, он решил захватить власть также над окрестными племенами, а тех, кто станет сопротивляться, подчинить силой оружия. Он занял земли сунуков,¹⁷⁵ сформировал несколько когорт из молодых людей этого племени и намеревался двинуться дальше, но дорогу ему преградил Клавдий Лабейон.¹⁷⁶ Он еще раньше захватил мост через реку Мозу¹⁷⁷ и, наскоро собрав отряд из бетазиев, тунгров и нервиев, решил встретить здесь Цивилиса, так как считал, что мост этот образует важную позицию и что его особенно удобно оборонять. Сражение развернулось в узких горных проходах и продолжалось с переменным успехом до тех пор, пока германцы, переправившись через реку вплавь, не зашли Лабейону в тыл. В этот момент Цивилис, то ли заранее все рас-

считав, то ли следуя внезапному порыву, бросился в гущу сражавшихся тунгров и громко крикнул: «Не для того мы начинали войну, чтобы батавы и тревирсы повелевали остальными племенами. Нет и не было у нас таких намерений. Давайте заключим союз, я перехожу к вам и готов быть у вас вождем или рядовым бойцом, как вы захотите». Обращение это ошеломило тунгров, они убрали мечи, а вожди их, Кампан и Ювенал, уступили Цивилису главенство над племенем. Лабеон бежал, не дожидаясь, пока его окружают. Бетазии и нервии также присягнули победителю, и он включил их в свою армию. Дела Цивилиса шли блестяще, и многие племена, либо напуганные его успехами, либо по доброй воле, переходили на его сторону.

67. Тем временем Юлий Сабин¹⁷⁸ уничтожил официальные свидетельства союзных отношений между лингонами и римлянами, велел провозгласить себя Цезарем и во главе огромной беспорядочной толпы своих соплеменников напал на секванов,¹⁷⁹ живших рядом с лингонами и сохранявших верность Риму. Секваны выступили навстречу врагу, судьба встала на сторону достойных, лингоны были разбиты. Сабин бежал с поля боя так же стремительно, как ринулся в сражение. Он постарался распустить слух, будто его больше нет в живых, и с этой целью сжег виллу, где скрывался после поражения; все действительно поверили, что он искал смерти и погиб в пожаре. Позже я расскажу о хитростях, с помощью которых он сумел, скрываясь по разным тайникам, прожить еще девять лет, поведаю о мужественной преданности его друзей и достойном поведении жены его Эппонины.¹⁸⁰ Победа секванов положила предел дальнейшему распространению войны; галлы мало-помалу опомнились, стали соблюдать законы и выполнять союзнические обязательства. Зачинщиками выступили ремии,¹⁸¹ которые обратились к остальным племенам с предложением прислать своих представителей и всем вместе решить, что предпочесть — свободу или мир.

68. Из Рима положение представлялось еще более мрачным, чем оно было на самом деле, и Муциан встревожился не на шутку. Он назначил Галла Анния и Петилия Цериала командовать отправляемой в Галлию армией, но не был уверен, что даже эти выдающиеся полководцы сумеют справиться со столь трудным поручением. В то же время Муциан не хотел оставлять столицу без надежного руководителя, боялся Домициана с его бешеными страстями, не доверял, как я уже говорил, Приму Антонию и Вару Аррию. Командуя преторианцами, Вар располагал людьми и оружием,¹⁸² и Муциан счел за благо сместить его, предоставив в утешение должность префекта, ответственного за подвоз зерна в Рим. Вар пользовался расположением Домициана, и чтобы привлечь последнего на свою сторону, Муциан назначил префектом претория Аррецина Клементы, весьма близкого Домициану и родственника Веспасиана. «Отец Клемента, — объяснял Муциан, — в правление Гая Цезаря с большим успехом командовал преторием, и солдаты хорошо относятся к этой семье; что

же касается обязанностей сенатора, то он прекрасно сумеет совместить их с руководством преторианцами». ¹⁸³ Все наиболее видные жители столицы получили назначения в армию, многие сами присоединились к войску из честолюбия. Домициан и Муциан тоже собрались в поход, но настроение их было весьма различно: один, полный молодого задора, мечтал отличиться, другой старался охладить его, придумывая все новые и новые проволочки: Муциан опасался, что, получив власть над армией, Домициан под влиянием молодости, собственных страстей и дурных советчиков наделает ошибок и в политике, и в военном искусстве. Победоносные восьмой, одиннадцатый и тринадцатый легионы, ¹⁸⁴ двадцать первый, состоявший из вителлианцев, и недавно сформированный второй ¹⁸⁵ двинулись через Пеннинские и Коттианские Альпы, часть войска пошла Грайскими горами. Из Британии был вызван четырнадцатый легион, из Испании — шестой и первый.

Услышав о приближении легионов, галлы, которые и без того склонялись к миру, послали своих представителей на собрание в землю ремиев. Здесь их ожидало уже посольство тревиров во главе с рьяным сторонником войны Юлием Валентином. Он произнес тщательную подготовленную, исполненную ненависти речь, в которой осыпал римский народ оскорблениями и теми упреками, какие всегда предъявляются великим империям. Дикое красноречие этого человека, одержимого страстью к заговорам и смутам, произвело на многих сильное впечатление.

69. Ему возражал Юлий Авспекс, один из самых знатных людей племени ремиев. Он восхвалял римлян и блага мирной жизни, говорил, что развязать войну могут и трусы, а бороться против опасностей, с ней связанных, приходится людям решительным, призывал не забывать, что легионы уже совсем близко. Подобными доводами ему удалось убедить слушателей; люди постарше и поумнее вспомнили об уважении к законам и верности союзным обязательствам, те, кто помоложе, испугались. Все хвалили Валентина за патриотизм, но действовать предпочли по совету Авспекса. Бесспорно, что помощь, оказанная лингонами и тревирами Вергинию в пору восстания Виндекса, также настроила остальных галлов против них. Многие опасались, что между галлами вспыхнет борьба за власть. «Кто встанет во главе восстания? — спрашивали себя такие люди. — Кто будет нам приказывать и толковать пророчества? И в чьих руках сосредоточится верховная власть, если все кончится благополучно?». Ничего еще не добившись, галлы уже начали ссориться; одни гордились своими договорами о союзах, другие — мощью и богатством, третьи — древним происхождением. Видя, что будущее не сулит особых радостей, они решили примириться с настоящим. Тревирам отправили письмо, в котором от имени всех галльских племен советовали сложить оружие и покаяться. «Если вы так поступите, — писали галлы, — можно надеяться на прощение; у нас есть люди, готовые за вас ходатайствовать». Валентин изо всех сил сопротивлялся подобному обороту дела и

сумел убедить своих соплеменников не обращать внимания на предложения галлов. К войне он, однако, не готовился и только ораторствовал на сходках.

70. Ни тревирь, ни лингоны, ни другие мятежные племена не принимали ничего, что соответствовало бы важности дела, ими затеянного. Вожди восстания действовали без всякого общего плана. Цивилис блуждал в белгских лесах, стараясь захватить Лабео́на или прогнать его из этих мест; Классик проводил дни в бездействии и развлечениях, как будто уже создал собственное государство и стал его правителем; даже Тутор не спешил занять берега Верхнего Рейна и закрыть альпийские проходы. Тем временем двадцать первый легион и вспомогательные когорты под командованием Секстилия Феликса,¹⁸⁶ первый — через Виндониссу, вторые — из Реции, прорвались на территорию Галлии. К ним присоединилась кавалерийская часть сингуляриев,¹⁸⁷ некогда созданная Вителлием, но затем перешедшая на сторону Веспасиана. Командовал конниками Юлий Бригантик,¹⁸⁸ сын сестры Цивилиса; он кипел злобой против своего дяди, а тот ненавидел его, — известно, что чем ближе люди по родству, тем более острое чувство вражды питают они друг к другу. Тутор влил в тревирскую армию ополченцев, набранных недавно в племенах вангионов, церакатов и трибоков,¹⁸⁹ а также подразделения ветеранов, состоявшие из пеших и конных солдат, которых он угрозами или посулами переманил на свою сторону.¹⁹⁰ Эти ветераны разгромили когарту, высланную вперед Секстилием Феликсом, но когда увидели, что на них движется во главе со своими полководцами римская армия, вернулись к исполнению своего долга; трибоки, вангионы и церакаты последовали их примеру. Тутор со своими тревирами, в обход Могунциака, отступил к Бингию,¹⁹¹ сжег мост через Наву и считал, что теперь он находится в безопасности. Однако солдаты Секстилия нашли брод и разгромили армию Тутора. Это поражение ошеломило тревиров; побросав оружие, они разбежались по всей округе; некоторые из вождей племени, дабы показать, что они первыми прекратили войну, кинулись в города, сохранившие верность Риму. Легионы, которые, как я уже упоминал, были переведены из Новезия и Бонны в землю тревиров,¹⁹² добровольно принесли присягу Веспасиану. Все эти события произошли в отсутствие Валентина. Когда он появился, пылая гневом и готовый на все, лишь бы вернуть своих соплеменников на путь мятежа и разбоя, легионы уже ушли на территорию союзного племени медиоматриков.¹⁹³ Валентин и Тутор убедили тревиров снова взяться за оружие, а чтобы отнять у них всякую надежду на прощение и еще больше запутать их в свои преступления, убили легатов Геренния и Нумизия.¹⁹⁴

71. Таково было положение дел, когда в Могунциаке прибыл Петилий Цериал. Появление его возродило надежды на скорое окончание войны. Цериал рвался в бой, в его характере храбрость преобладала над осторожностью, и речи его, полные яростного одушевления, сильно действовали

на солдат. Он стремился возможно скорее сразиться с врагом и не соглашался ни на какие промедления. Цериал отправил по домам набранных в Галлии бойцов и велел каждому рассказывать своим соплеменникам, что империя вполне может обойтись силами легионов, союзники же пусть возвращаются к мирным занятиям, — если римляне взяли ведение войны на себя, можно считать, что она уже выиграна. В результате этой меры галлы сделались еще послушнее, чем были раньше: после возвращения молодежи им стало легче выплачивать подати, а видя, что никто не собирается их преследовать, они еще больше старались угодить римлянам. Узнав о поражении Тутора, разгроме тревиров и удачах противника, Цивилис и Классик испугались, начали срочно стягивать свои рассеянные войска и посылать к Валентину гонца за гонцом, убеждая его до времени не рисковать и ни под каким видом не принимать пока решительного сражения. Это лишь заставило Цериала действовать еще более энергично. Он велит легионам¹⁹⁵ двигаться на врага кратчайшим путем, через земли медиоматриков, сам собирает солдат, находившихся в Могунциаке,¹⁹⁶ и тех, что привел с собой, и после трехдневного перехода появляется перед Ригодулом,¹⁹⁷ где заперся Валентин со своими тревирями. Место это окружено горами и защищено рекой Мозеллой, однако Валентин велел вдобавок вырыть еще рвы и нагромождать груды камней. Вражеские укрепления не устроили римского полководца, он приказал пехоте прорвать оборонительную линию, коннице, не обращая внимания на противника, подняться по склону холма. Цериал не принимал всерьез наспех собранное войско варваров, он верил, что доблесть римских солдат сильнее, чем все укрепления, которыми окружили себя враги. На склоне холма под градом дротов и стрел наступающие замешкались, но едва дошло до рукопашной, тревирь отступили и покатались вниз. В тыл им тем временем зашли римские конники, которых Цериал послал в обход по более удобным дорогам; всадники захватили в плен многих знатных белгов¹⁹⁸ и среди них самого Валентина.

72. На следующий день Цериал вступил в Колонию Тревириков.¹⁹⁹ Солдаты настаивали на том, чтобы город был стерт с лица земли. «Тут родина Классика, здесь родился ТUTOR, — кричали они, — из-за их коварства попали в осаду и погибли наши легионы. Разве можно сравнить это преступление с виной Кремоны, которая лишь на одну ночь задержала победителей, но и за это была разграблена дотла, — а ведь Кремона стояла в самом сердце Италии? Неужели же мы допустим, чтобы здесь, на границе Германии, целым и невредимым сохранился город, похваляющийся убийством наших полководцев, трофеями, отнятыми у наших армий? Пусть все, что удастся здесь взять, идет в казну, мы хотим видеть, как пламя пожрет мятежный город, как гибелью своей он заплатит за уничтоженные римские лагеря». Опасаясь, что позор падет на него, если распространится слух, будто он потакает распушенности и жестокости солдат, Цериал постарался справиться с царившим в армии возмущением.

Солдаты никогда не вносят в войны против варваров того ожесточения, с каким они сражаются против своих сограждан; теперь гражданские распри были позади, и войска подчинились требованиям Цериала. Внимание их к тому же было отвлечено другим событием: в Колонию Тревиоров пришли легионы, находившиеся до сих пор в землях медиоматриков. Угнетенные сознанием содеянных преступлений, легионеры стояли, опустив глаза в землю, и вид их вызывал жалость. Армии не приветствовали друг друга, кое-кто из солдат Цериала пытался утешить и подбодрить новоприбывших, но те не отвечали, они разбрелись по палаткам и сидели там, избегая даже дневного света, оцепенев не столько от страха, сколько от стыда и сознания собственного позора. Победители тоже ходили мрачные и, не смея открыто просить о снисхождении к провинившимся, молчали и плакали, стремясь добиться прощения для своих товарищей. Наконец, Цериал успокоил и тех, и других, приписав злему року все, что на самом деле произошло из-за происков врагов или распрей между командирами и солдатами. «Считайте сегодняшний день первым днем вашей службы, — сказал он, обращаясь к пришедшим, — считайте, что только сегодня вы принесли присягу. Былых преступлений не станем вспоминать ни император, ни я». Новоприбывших разместили в том же лагере, где находились воины Цериала; по манипулам был оглашен приказ, запрещающий солдатам, если они поссорятся или начнут браниться, попрекать товарищей былой изменой или понесенным поражением.

73. Вскоре после этого Цериал созвал на сходку тревиров и лингонов и заговорил с ними следующим образом: «Я никогда не был оратором и привык оружием доказывать доблесть римского народа. Но раз для вас важнее всего — разговоры, раз добро и зло вы судите не по их подлинному значению, а по тому, чем назовет их какой-нибудь бунтовщик, я решил обратиться к вам с несколькими словами; исход войны почти решен, и вам важнее их выслушать, чем мне сказать. Римские полководцы и императоры вступили в земли, принадлежавшие вам и другим галлам, не из алчности, а по просьбе ваших предков, едва не погибших от междоусобных войн.²⁰⁰ Германцы, которых вы в ту пору призвали на помощь, обратили в рабство вас всех, не разбирая, где союзник, где враг. Сколько раз сражались мы с кимврами и тевтонами, какие трудности пришлось вынести при этом нашим войскам, чем кончились войны с германцами²⁰¹ — достаточно хорошо известно. Мы поставили свои армии на Рейне не для того, чтобы обеспечить безопасность Италии, а для того, чтобы не дать новому Ариовисту²⁰² посягнуть на государство галлов. Неужели вы думаете, что вы милее Цивилису, батавам и зарейским племенам, чем их предкам — ваши отцы и деды? Та же страсть к грабежам, та же алчность и любовь к скитаниям всегда гнали германцев в галльские земли; то же стремление захватить ваши плодородные края и вас самих испокон века заставляло их покидать свои болота и дебри.

Свобода и прочие громкие слова для них лишь предлог; не было еще человека, который, намереваясь захватить власть и поработить других, не прибегал бы к этим словам.

74. «Борьба за власть и междоусобные войны терзали Галлию, пока вы не приняли наши законы. С тех пор, сколько бы раз вы ни бунтовали, мы использовали свое право победителей для единственной цели — взывали к вам лишь то, что необходимо для поддержания мира: спокойствие народов охраняется армиями, армии нельзя содержать без жалования, жалование солдатам неоткуда взять, если не взимать податей. Во всем остальном мы с вами равны: вы командуете многими из наших легионов, вы управляете провинциями, и этими, и другими; нет ничего, что было бы доступно нам и недоступно вам. Добро, которое творят хорошие государи, приносит пользу и вам, хотя вы живете вдали от Рима; жестокость дурных обрушивается только на нас, стоящих рядом. Сносите алчность и расточительность принцепсов так, как вы сносите недород или ливни, губящие урожай. Пороки будут существовать, пока существует род человеческий, но и они не беспрерывно властвуют над людьми, нет — да и наступают лучшие времена. Или вы, может быть, надеетесь, что правление Татора и Классика будет более мягким? Что войска, которые вам понадобятся, дабы обузывать натиск германцев и бриттов, потребуют меньших налогов? А ведь война всех со всеми и есть то, что вас ждет, если, — да не допустят этого боги, — римляне будут изгнаны из Галлии. Восемьсот лет сопутствовала нам удача, восемьсот лет возводилось здание Римского государства, и всякий, кто ныне попытается разрушить его, погибнет под развалинами. Самая большая опасность, однако, грозит вам, ибо вы обладаете золотом и богатствами, из-за которых чаще всего и возникают войны. Любите же и охраняйте мир, любите и охраняйте Город, который все мы, победители и побежденные, с равным правом считаем своим. Перед вами выбор между покорностью, обеспечивающей вам спокойную жизнь, и упорством, таящим смертельную опасность; вы уже испытали и то, и другое; пусть же опыт заставит вас выбрать первый из этих путей». Лингоны и тревирсы ожидали гораздо худшего; речь Цериала успокоила и ободрила их.²⁰³

75. Победоносная армия находилась в земле тревиров, когда Цивилис и Классик прислали Цериалу письмо следующего содержания: Веспасиан умер, хотя в официальных донесениях это и скрывается; Рим и Италия охвачены междоусобной войной; Муциан и Домициан не популярны, за ними никто не пойдет. Если Цериал согласен принять верховную власть над всей Галлией, они — Цивилис и Классик — удовлетворятся господством над своими племенами; если же он предпочитает сражаться, они согласны и на это. Цериал ничего не ответил, а гонца, принесшего письмо, отправил к Домициану.

Отряды варваров стекались отовсюду. Многие обвиняли Цериала в том, что он дал им объединиться, а не вступал в бой с каждым в от-

дельности. Римляне же тем временем обносили валом и рвом лагерь, который при постройке по неосторожности оставили неукрепленным.

76. Среди германцев шли споры. Цивилис настаивал на том, чтобы дожидаться прихода зарейнских племен. «Римляне так их боятся, — утверждал он, — что смешаются, едва завидя их. Правда, что белги открыто перешли на нашу сторону и преданы мне, но ведь из всех галлов только они одни и составляют настоящую силу, все остальные — не более чем добыча для победителей». Тотор считал, что всякое промедление на пользу римлянам: «Отовсюду стекаются армии, — говорил он, — один легион переправляется из Британии, несколько вызваны из Испании, из Италии тоже движутся войска, причем идут не новобранцы, а старые, закаленные в боях воины. Германцы, на которых мы возлагаем столько надежд, не привыкли слушаться приказов, не знают дисциплины, всегда и во всем движимы лишь жаждой наживы. Единственное, что на них действует, — это деньги и подарки, которых у римлян больше, чем у нас, и не настолько они любят войну, чтобы предпочесть труды и опасности возможности получить те же деньги без всякого риска. Если же мы не станем медлить и нападём на врага сейчас, то Цериалу нечего будет нам противопоставить, кроме легионов, прежде входивших в состав германской армии, связанных обязательствами, которые они на себя приняли, вступив в союз с галлами. Поражение, которое римляне неожиданно для самих себя нанесли недавно Валентину и толпе его тревиров, исполнило сомнения и солдат, и их полководцев. Теперь они рвутся к новым победам, но когда явятся к нам, то увидят перед собой не юношу, больше способного произносить речи на сходках, чем владеть мечом,²⁰⁴ а Цивилиса и Классика, один лишь вид которых сразу заставит их вспомнить перенесенные опасности, бегство, голод, вспомнить, сколько раз их жизнь зависела от прихоти победителя. Тревиры и лингоны тоже ведут себя спокойно не оттого, что любят римлян; пройдет страх, и они снова возмутятся за оружие». Классик присоединился к мнению Тотора, и это решило спор; тотчас же начались приготовления к бою.

77. В центре встали убии и лингоны, на правом фланге — когорты батавов, на левом — бруктеры и тенктеры. Одни устремились вперед по горам, другие — по равнине, между дорогой и Мозеллой, и столь неожиданно налетели на наши позиции, что Цериал, ночевавший не в лагере, еще лежа в постели у себя в комнате, одновременно услышал и о нападении врага, и о поражении своих войск. Он обрушился на тех, кто принес это известие, и приписал его их трусости, но вскоре его глазам открылась вся картина побоища: оборона лагеря прорвана, конница бежит, середина моста через Мозеллу, соединявшего обе части города, занята противником.²⁰⁵ Цериал всегда в критических обстоятельствах сохранял полное самообладание: он своею рукой останавливает бегущих и бросается, без щита, без панциря, под град дротиков. Его храбрость тут же приносит плоды: лучшие воины сбегаются к нему со всех сторон и

отбивают мост. Поручив оборону его отборному отряду, Цериал возвращается в лагерь и видит, что манипулы легионов, сдавшихся в плен под Новезием и Бонной, разбегаются, возле значков осталось лишь несколько солдат, орлы почти полностью окружены врагами. В ярости обращается он к солдатам: «Кто может сказать, что вы изменники? Вы ведь не предаете ни Флакка, ни Вокулу.²⁰⁶ Вы всего лишь отступаете от человека, безрассудно поверившего, что вы порвали союз с галлами и вспомнили о присяге, принесенной Риму. Пусть меня постигнет судьба Нумизиев и Геренниев,²⁰⁷ чтобы не осталось в живых ни одного из ваших легатов, чтобы все они пали от руки солдат или под ударами врагов. Идите, скажите Веспасиану, а еще лучше Цивилису и Классику, что вы бросили своего полководца на поле боя. Скоро наши легионы будут здесь, я не останусь неотмщенным, а вы безнаказанными».

78. Все это была правда, и трибуны и префекты твердили легионерам то же самое. Солдаты собрались в когорты и манипулы. Они не могли развернуться строем, ибо враги были повсюду и территория лагеря, на которой шел бой, загромождена палатками и тюками. Тутор, Классик и Цивилис, каждый со своей стороны, воодушевляли бойцов, говорили галлам о свободе, батавам о славе, германцам о добыче. Победа склонялась на сторону варваров. Но двадцать первый легион, который не был так стеснен, как остальные, сумел выдержать атаку нападающих и заставил их отступить. Сами боги, должно быть, сломили боевой дух победителей, и они обратились в бегство. Варвары объясняли дело так, будто их испугал вид когорт, которые, смешавшись в начале сражения, отступили под натиском врага в горы, там снова построились и теперь производили впечатление шедших на помощь римлянам свежих подкреплений. На самом деле они одержали было уже победу, но забыли о противнике и начали драться между собой из-за добычи. Цериал, по небрежности чуть не проигравший сражение, поправил дело мужеством и упорством: он сумел использовать выпавшую на его долю удачу, в тот же день взял лагерь мятежников и уничтожил его.

79. Отдыхать солдатам пришлось недолго. Жители Агриппиновой колонии просили помощи и предлагали выдать жену Цивилиса, его сестру и дочь Классика, оставленных у них в залог взаимной верности батавов и галлов. Они перебили германцев, которые жили поодиночке в домах колонистов, боялись теперь, что враги, оправившись от поражения, вновь обретут уверенность в своих силах и вернуться мстить, и с полным правом просили римлян о защите. Цивилис уже шел к городу; силы его были все еще довольно значительны, ибо оставалась нетронутой лучшая его когорта, состоявшая из хавков²⁰⁸ и фризов и расположенная в Тольбиаке,²⁰⁹ на окраине Агриппиновой колонии. В пути, однако, он получил недобрые известия, заставившие его изменить свои планы: жители колонии устроили для составлявших эту когорту германских солдат большой пир, а когда те, отяжелев от пищи и вина, заснули, заперли их в доме и

сожгли; так благодаря коварству колонистов вся когорта оказалась уничтоженной. К этому же времени к Агриппиновой колонии после форсированного марша подошел Цериал. Опасность грозила Цивилису и с другой стороны: четырнадцатый легион мог с помощью британского флота напасть на батавов, живших на побережье Океана.²¹⁰ Однако легат этого легиона Фабий Приск повел своих солдат по суше, напал на племена нервиев и тунгров, и они тут же сдались ему. Флот тем временем подвергся нападению каннинифатов, потопивших или захвативших большую часть кораблей. Те же каннинифаты разгромили нервиев, по собственному почину выступивших на поддержку римлян. Классик тоже одержал победу над конным отрядом, высланным Цериалом к Новезию. Все эти поражения, сами по себе мелкие, но следовавшие одно за другим, омрачали славу, окружавшую после недавней победы армию Цериала.

80. Примерно в эти же дни Муциан приказал убить сына Вителлия,²¹¹ говоря, что нельзя считать войну по-настоящему конченной, пока не уничтожены семена смуты. Он не допустил также, чтобы Домициан включил Антония Прима в свою свиту, ибо опасался популярности Антония среди солдат и знал, что тщеславие этого человека не позволит ему терпеть кого-либо рядом с собой, а тем более — выше себя. Антоний уехал к Веспасиану, где был принят с меньшим радушием, чем рассчитывал, хотя никакой враждебности к нему император также не проявил. Противоречивые чувства владели Веспасианом. С одной стороны, он признавал заслуги Антония и понимал, что война окончилась победой лишь благодаря ему, с другой — письма Муциана убеждали его в обратном. Приближенные императора тоже всячески чернили Антония, говорили, что он человек непостоянный, обаянный гордыней, напоминал о неблагоприятных поступках, совершенных им в молодости.²¹² Антоний и сам оскорблял людей своей заносчивостью: он без конца напоминал о своих заслугах, всех считал трусами, бранил Цецину, уверяя, что тот сдался в плен без боя.²¹³ Постепенно уважать его перестали и даже начали презирать, хотя, казалось, он по-прежнему окружен дружеским расположением.

81. За несколько месяцев, что Веспасиан провел в Александрии, дожидаясь, пока установятся попутные ветры и море станет совсем спокойным,²¹⁴ произошло множество чудес, как бы доказывавших благоволение неба и приязнь богов к новому принцепсу. Один из александрийских простолудинов, у которого, как все знали, болезнь отняла зрение, пал Веспасиану в ноги, со слезами умоляя об исцелении. Он уверял, что поступает так по велению Сераписа, почитаемого этим суеверным народом больше всех прочих богов, и просил принцепса смазать ему слюной веки и глазницы. Другой, с парализованной рукой, якобы по указанию того же бога, умолял Цезаря наступить ему на больную руку. Сначала Веспасиан посмеялся над обоими и наотрез отказал им. Однако, когда они стали настаивать, он заколебался: ему не хотелось прослыть слишком

самоуверенным, но мольбы обоих калек и уверения льстецов рождали в нем надежду, что исцеление может удасться. Наконец, он приказал спросить у врачей, в человеческих ли силах справиться с подобной болезнью глаз и с таким увечьем руки. После долгих споров те ответили, что слепой утратил зрение не до конца и его можно восстановить, устранив помехи, которые не дают больному видеть; что же касается руки, то она вывихнута и под действием целительной силы может вернуться в обычное положение. «Может быть, — говорили врачи, — это угодно богам, и они избрали принцепса для исполнения своей воли. Кроме того, если исцеление удасться, слава достанется Цезарю; если ничего не получится, посмешищем станут калеки». Веспасиан, решив, что удача сопутствует ему во всем, и нет вещи, даже самой невероятной, которой ему не дано было бы совершить, весело улыбаясь, исполнил то, о чем его просили. Огромная толпа следила за ним с напряженным вниманием. Увечный тут же начал двигать рукой, слепой узрел дневной свет. Люди, присутствовавшие там, уверяют, что все так в точности и происходило; они повторяют это до сего дня, когда им уже нет выгоды говорить неправду.

82. После этого случая Веспасиан еще сильнее захотел посетить святилище божества,²¹⁵ дабы узнать о судьбах империи. Он приказал, чтобы в храм никого не пускали, но когда вошел в святилище и с напряженным вниманием ждал, что скажет оракул, заметил позади себя знатного египтянина по имени Басилид; Веспасиан знал, что этот Басилид лежит сейчас больной в нескольких днях пути от Александрии. Он спросил жрецов, приходил ли в тот день Басилид в храм, расспросил прохожих, видели ли его в городе, и, наконец, послал верховых к месту, где он находился. Вернувшись, всадники донесли, что в тот момент, когда Веспасиан видел его в храме, Басилид был в восьмидесяти милях от Александрии. Тогда Веспасиану стал ясен смысл божественного видения, и он понял, что само имя Басилида содержало ответ оракула на его вопрос.²¹⁶

83. Из наших писателей никто еще достойным образом не рассказал о происхождении этого божества.²¹⁷ Египетские жрецы говорят о нем следующее. Первый из македонян, кто сумел превратить Египет в мощную державу, был царь Птолемей.²¹⁸ Когда он обносил стенами только что основанную в ту пору Александрию,²¹⁹ строил в ней храмы и создавал религиозные обряды, ему было видение, — во сне предстал ему юноша необычайного роста и редкой красоты и приказал: «Пошли самых верных друзей своих в Понт,²²⁰ дабы они привезли оттуда мое изображение. Царству твоему оно принесет счастье, а храму, где его поставят, — величие и славу». Едва юноша произнес эти слова, как огненный вихрь вознес его на небо. Встревоженный пророческим видением, Птолемей рассказал о нем египетским жрецам, опытным в толковании вещей снов. Те признались, однако, что почти ничего не слышали о Понте и народах, живущих за пределами Египта. Тогда Птолемей обратился к Тимофею, афинянину

из рода Евмолпидов,²²¹ которого он еще раньше вызвал из Элевсина, поручив руководить отправлением священных обрядов, попросил его объяснить видение и истолковать волю божества. Тимофей расспросил людей, бывавших в Понте, и узнал от них, что есть в этих краях город, называемый Синопа,²²² а недалеко от города — древний храм, известный у жителей под именем храма Юпитеру Диту:²²³ в святилище, рядом со статуей самого божества, стоит и изображение женщины, которую многие считают Прозерпиной.²²⁴ Но Птолемей был царь, и как то свойственно царям, действовал быстро, лишь пока ему угрожала опасность; видя, что все кругом по-прежнему спокойно, он снова стал больше помышлять о развлечениях, чем о почитании богов, мало-помалу забыл о пророчестве и обратился к другим делам, как вдруг тот же юноша явился ему в еще более грозном облике и сказал, что, если царь не исполнит приказания, немедленная гибель ждет и его самого, и его царство. Жителями Синопы правил в ту пору царь Скидрофемид; Птолемей тут же отправил к нему послов с дарами, велел им по дороге посетить святилище Аполлона Пифийского. Плавание их было удачно, и бог сказал им вполне ясно, что они должны ехать и возвратиться с изображением его отца, статую же сестры оставить на прежнем месте.²²⁵

84. Прибыв в Синопу, послы вручили Скидрофемиду подарки, передали ему просьбу Птолемея и умоляли его эту просьбу исполнить. Царь не знал, что делать, — веление божества приводило его в трепет, народ требовал, чтобы статуи никто не касался, и своим буйством внушал Скидрофемиду ужас; однако подарки и обещания послов делали свое дело, и он все больше склонялся на их сторону. Так прошло три года, в течение которых Птолемей не ослаблял своих усилий и не скупился на подношения; от него приезжали послы все более высокого ранга, росло число прибывавших из Египта кораблей, все увеличивался вес золота, которое они привозили. Грозная тень явилась Скидрофемиду, приказала не медлить долее и тотчас выполнить веление бога. Он продолжал колебаться. Тогда на него обрушились беды; начались болезни, гнев небес, день ото дня все более неумолимый, разразился над жителями Синопы. Царь собрал народ и стал говорить о велении божества, о видениях, которые являлись ему и Птолею, о несчастьях, все более свирепеющих над Синопу. Жители не хотели слушаться царя; они ненавидели египтян, боялись за себя и кончили тем, что выставили у храма охрану. Поэтому и приходится так часто слышать, будто статуя сама поднялась на один из кораблей, стоявших у берега. Не меньшее удивление вызывает и та невиданная быстрота, с которой суда прошли огромное расстояние от Синопы до Египта: уже на третий день они появились в гавани Александрии. Святилище, размерами своими соответствующее величию города, было выстроено в месте, называемом Ракотис,²²⁶ где стоял старинный маленький храм, посвященный Серапису и Изиде. Именно так рассказывают чаще всего о происхождении храма и о том, каким образом

попала сюда статуя бога. Я знаю, что, по мнению некоторых, статуя была привезена из сирийского города Селевкии²²⁷ в правление Птолемея, третьего царя с этим именем.²²⁸ Есть также люди, считающие, что привез ее тот самый Птолемей, о котором шла речь выше, но не из Синопы, а из Мемфиса, твердыни древнего Египта, пользовавшейся некогда громкой славой. Бога этого одни считают Эскулапом, так как он излечивает болезни, другие Озирисом — древнейшим божеством Египта; многие говорят, что раз он правит всем сущим, то это должен быть Юпитер; большинство же видит в нем отца Дита, поскольку многие признаки указывают на это прямо, а другие могут быть истолкованы в таком же смысле.

85. Еще не дойдя до Альп, Домициан и Муциан получили известие о благополучном исходе военных действий против тревиров. Яснее всего говорило об одержанной победе пленение Валентина, полководца противника.²²⁹ Он держал себя мужественно, и лицо его еще выражало то одушевление, с которым он вел в бой своих соплеменников. Его участь была решена заранее, его выслушали лишь для того, чтобы узнать его образ мыслей, и осудили на смерть. Когда во время казни кто-то, желая уязвить Валентина, сказал, что его родина снова находится под игом победителя, он ответил: «Смерть меня утешит».

Муциан, сделав вид, что все это только что пришло ему в голову, выступил, наконец, с предложением, которое вынашивал издавна: вряд ли будет достойно Домициана теперь, когда кампания по сути дела кончена и сопротивление врага милостью богов сломлено, появиться на театре военных действий и делить славу с другими; если бы речь шла о судьбе империи, о спасении галльских провинций, тогда действительно место Цезаря было бы в первых рядах сражающихся, но борьбу с каннинифатами и батавами лучше предоставить не столь выдающимся полководцам; правильнее будет остановиться в Лугдунуме и, не подвергая себя мелким повседневным опасностям, но в то же время не избегая настоящих трудностей, показать окружающим народам принципат во всем его величии и ²³⁰мощи.

86. Домициан последовал этому совету; он разгадал замысел Муциана, но не хотел, чтобы тот это понял, и вместе с ним прибыл в Лугдунум. Существует мнение, что из Лугдунума Домициан отправил тайных послов к Цериалу, дабы выяснить, передаст ли тот ему, если он явится в армию, свои войска и командование над ними. Так и осталось неясным, что было у Домициана на уме: готовился ли он к войне с отцом или собирал силы и средства для борьбы с братом, ибо Цериал, с присущими ему умеренностью и здравым смыслом, сумел представить этот поступок Домициана как проявление детского тщеславия и превратил все в шутку. Видя, что его юный возраст вызывает презрение у людей пожилых, Домициан перестал выполнять даже те немногие государственные обязанности, которые на себя принял, прикинулся скромным, простоватым и, удалившись в уеди-

нение, сделал вид, будто всецело предался изучению литературы и сочинению стихов. Он хотел таким образом скрыть свои подлинные намерения и избежать соперничества с братом, чью мягкую душу, столь непохожую на его собственную, он никогда не был в состоянии понять.

КНИГА ПЯТАЯ

1. В начале того же года¹ Цезарь Тит по поручению Веспасиана двинулся на усмирение Иудеи. Он показал себя отличным военачальником еще в ту пору, когда и сам он, и отец его были частными людьми;² теперь же, окруженный вниманием провинциалов и любовью солдат, наперебой старавшихся доказать ему свою преданность, он принялся за дело с еще большей энергией и добился еще большей славы. Тит не хотел, чтобы кто-либо подумал, будто он тяготится своим подчиненным положением, а потому вел себя как облеченный доверием решительный военачальник, ласковым и дружеским обращением вызывал в каждом желание исправно нести службу, делил с рядовыми бойцами труды и тяготы походной жизни, никак не роняя при этом свое достоинство полководца. В Иудее его ждали пятый, десятый и пятнадцатый легионы,³ состоявшие из солдат, давно уже служивших под командованием Веспасиана. Тит присоединил к ним находившийся дотоле в Сирии двенадцатый легион и выведенные из Александрии двадцать второй и третий. Кроме того, за армией Тита следовали двадцать когорт союзников, восемь конных отрядов, армии царей Агриппы и Сохема, вспомогательные войска царя Антиоха,⁴ значительные силы арабов, особенно опасных для иудеев, так как эти два народа питали друг к другу ненависть, обычную между соседями, а также множество людей, на свой страх и риск приехавших из Италии, в надежде добиться благосклонности принцепса, до сих пор еще не дарившего никого особым расположением. Во главе всех этих войск, шедших походными колоннами, Тит вступил во вражеские пределы. Продвигаясь вперед, он тщательно разведывал окружающую местность, готовый предупредить любое нападение, и, наконец, разбил лагерь неподалеку от Иерусалимы.

2. Поскольку в дальнейшем нам предстоит описать гибель этого доисторического города, сейчас будет уместно рассказать о его происхождении.⁵ Одно из преданий гласит, что иудеи бежали с острова Крита и расселились на дальних окраинах Ливии еще в те времена, когда Сатурн, побежденный Юпитером, оставил свое царство.⁶ Доказательством этого считают самое имя иудеев: на Кипре есть прославленная гора Ида, и говорят, будто народ, живший от нее поблизости, был назван «идеи», позже

в устах варваров это слово превратилось в «иудей». Иные утверждают, что это — часть переполнявшего Египет населения, которая в царствование Изиды ушла во главе с Иеросолимом и Иудой в близлежащие земли. Многие видят в иудеях потомков эфиопов, при царе Кефее покинувших свои земли из-за распрей и войн. Некоторые думают, что они происходят от тех ассирийцев, которые, не имея довольно земли, захватили сначала часть Египта, оттуда двинулись дальше, стали возделывать земли неподалеку от Сирии и в краях эбреев и основали там свои города. Есть, наконец, люди, приписывающие иудеям весьма славное происхождение и считающие их потомками воспетых Гомером солимов,⁷ которые основали Иеросолиму, назвав ее по имени своего племени.

3. Большинство писателей сходятся на следующем. Некогда на Египет напала заразная болезнь, от которой тело человека становилось безобразно. Царь Бокхорис обратился с мольбой о помощи к оракулу Аммона и услышал в ответ, что страну следует очистить, выселив в чужие земли людей, навлекших на себя гнев богов. Когда их разыскивали, собрали отовсюду и вывели в пустыню, они впали в отчаяние и не в силах были двигаться. Тогда один из изгнанников, по имени Моисей, стал убеждать остальных не просить помощи ни у богов, ни у людей. «И те, и другие, — говорил он, — отступились от вас. Положитесь же на самих себя и знайте, что вождь небесный направляет ваш путь; едва лишь он подаст вам помощь, как вы тут же сумеете избавиться от нынешних бедствий».⁸ Все согласились и, не зная пути, побрели по первой попавшейся дороге. Вскоре, однако, жажда, мучившая их, стала невыносимой, и они упали на землю, чувствуя приближение смерти. В эту минуту они увидели, что на вершину скалы, стоявшей в тени густой рощи, взбирается стадо диких ослов. Моисей догадался, что там, где есть трава, должна быть также и вода, пошел вслед за стадом и обнаружил большой родник. Вода облегчила страдания путников, и они шли шесть дней, не останавливаясь, на седьмой же пришли в некую землю, захватили ее, изгнав людей, ее возделывавших, и основали здесь город и храм.

4. Моисей, желая увековечить себя в памяти иудеев, дал им новую религию, враждебную всем тем, что исповедуют остальные смертные. Иудеи считают богопротивным все, что мы признаем священным, и, наоборот, все, что у нас запрещено как преступное и безнравственное, у них разрешается. В своих святилищах они поклоняются изображениям животного, которое вывело их из пустыни и спасло от мук жажды;⁹ при этом режут баранов, будто нарочно, чтобы оскорбить бога Аммона;¹⁰ убивают быков, потому что египтяне чтут бога Аписа.¹¹ Они не употребляют в пищу мясо свиней, ибо животные эти подвержены той самой болезни, что некогда поразила народ иудеев. О перенесенном ими в древние времена страшном голоде доньше напоминают соблюдаемые иудеями частые посты, а привычка их замешивать хлеб без дрожжей связана с тем, что некогда они питались наспех сорванными сухими колосьями. Они и отды-

хоть любят в седьмой день, как говорят, потому, что на седьмой день кончились их муки; со временем безделье стало казаться им все более привлекательным, и теперь они проводят в праздности каждый седьмой год.¹² Некоторые, правда, полагают, будто этот обычай они ввели у себя во славу Сатурна, потому ли, что вера их и народ пошли от идеев, удалившихся в изгнание вслед за Сатурном, но, может быть, и потому, что из семи звезд, правящих судьбами смертных, самая высокая и самая могучая — звезда, называемая Сатурновой,¹³ а путь, проходимый многими небесными светилами, и время, за которое они этот путь совершают, выражаются числами, кратными семи.

5. Но каково бы ни было происхождение всех описанных обычаев, они сильны своей глубокой древностью; прочие же установления, отвратительные и гнусные, держатся на нечестии, царящем у иудеев: самые низкие негодяи, презревшие веру отцов, издавна приносили им ценности и деньги, отчего и выросло могущество этого народа; увеличилось оно еще и потому, что иудеи охотно помогают друг другу, зато ко всем прочим людям относятся враждебно и с ненавистью. Они ни с кем не делят ни пищу, ни ложе, избегают чужих женщин, хотя до крайности преданы разврату и в общении друг с другом позволяют себе решительно все; они и обрезание ввели, чтобы отличать своих от всех прочих. Те, что сами перешли к ним, тоже соблюдают все эти законы, но считаются принятыми в число иудеев лишь после того, как исполнятся презрения к своим богам, отрекутся от родины, откажутся от родителей, детей и братьев. При всем том иудеи весьма заботятся о росте своего народа, — на убийство детей, родившихся после смерти отца, смотрят как на преступление,¹⁴ души погибших в бою или казненных почитают бессмертными и по этим причинам любят детей и презирают смерть. Тела умерших они не сжигают, а подобно египтянам зарывают в землю; большую роль играет в их религии учение о подземном мире, тоже совпадающее с египетским; зато совсем по-другому, чем египтяне, представляют они себе небесные силы. В Египте божеские почести воздаются различным животным и статуям, нарочно созданным для этой цели, иудеи же верят в единое божественное начало, постигаемое только разумом, высшее, вечное, непреходящее, не поддающееся изображению, и считают безумцами всех, кто делает себе богов из тлена, по человеческому образу и подобию. Поэтому ни в городах у них, ни тем более в храмах нет никаких кумиров, и они не ставят статуй ни в угоду царям, ни во славу цезарей. На том основании, что их жрецы издавна пели хором под звуки флейт и тимпанов, опутывали себя гирляндами из хмеля, а в храме были найдены золотые лозы, кое-кто решил, будто иудеи поклоняются отцу Либеру, который некогда подчинил себе страны Востока и вывел их из состояния дикости. Религии эти, однако, ничуть не сходны: обряды, введенные Либером, торжественны и радостны, обычаи же иудеев бессмысленны и нечисты.

6. Страна их простирается на восток до границ Арабии, на юг — до Египта, на запад — до земель, заселенных финикийцами, и моря; на север от нее широко раскинулась Сирия.¹⁵ Люди здесь крепки телом и выносливы в труде. Дожди выпадают редко, плодородная почва родит то же, что у нас, а сверх того, тут произрастают пальмы и бальзамовое дерево. Пальмы высоки и прекрасны, бальзамовое дерево на вид невзрачно. Когда какая-нибудь из его веток вздуется, ее нельзя взрезать железом, ибо древесные жилы цепенеют от страха; вскрыть их можно только острым камнем или черепком;¹⁶ жидкость, из них вытекающая, используется врачами для лечения больных. Из гор самая высокая — Ливан; дивно сказать, но снег лежит на ней густым и плотным слоем даже при здешней невозможной жаре, Ливан дает начало реке Иордан и питает ее своими снегами.¹⁷ Иордан не изливается в море, а проходит нетронутым через одно озеро, потом через другое и лишь в третьем остается навсегда.¹⁸ Озеро, в которое впадает Иордан, огромно, почти как море, лишь вода его более отвратительна на вкус; над ним поднимаются тяжелые испарения, которые несут чуму людям, живущим по его берегам. Ветер не волнует поверхности озера, рыбы не живут в нем, и не приближаются к нему привыкшие плавать птицы; неподвижные воды, словно покрытые твердой корою, удерживают на своей глади любой предмет и не дают утонуть ни опытному пловцу, ни новичку, едва умеющему плавать. В определенное время года озеро извергает из своих глубин смолу, и люди постепенно научились ее вылавливать, руководствуясь в этом промысле, как и во всех других полезных ремеслах, исподволь накопленным опытом. Это черное вещество в обычном состоянии представляет собой жидкость, но если налить на него уксусу, оно густеет и всплывает на поверхность; тут его берут руками, втягивают на палубу, и тогда оно само по себе, без всякой помощи, начинает изливаться в глубь корабля до тех пор, пока не перережут струю. Перерезать же ее нельзя ни медью, ни железом; она прерывается только от крови, — если поднести к ней одежды, смоченные в той крови, что каждый месяц выделяют женщины. Так по крайней мере рассказывают об этом промысле старинные писатели. Люди же, хорошо знающие тамошние места, говорят, что смола плавают на поверхности озера, ее хватают руками и вытаскивают на берег, а потом, когда она высохнет от испарений земли и солнечных лучей, рубят на куски топорами и клиньями, наподобие того как раскалывают бревна или камни.¹⁹

7. Неподалеку от этих мест расстилаются равнины, которые, как рассказывают, были некогда плодородны и покрыты многолюдными городами, а после выжжены небесным огнем. Говорят, что остатки этих городов видны и поныне,²⁰ земля же с тех пор как бы навеки обуглилась и утратила способность плодоносить. Всякое растение, посаженное здесь рукой человека или само по себе пробившееся из земли, тонкий ли у него стебель и бледные цветы или, наоборот, оно кажется поначалу вполне

здоровым и крепким, — все равно в конце концов вянет, чернеет и рассыпается в прах. Что касается рассказов о гибели некогда славных и великих городов, уничтоженных небесным огнем, я готов допустить, будто так оно и было на самом деле. Но когда речь заходит о бесплодии здешней земли, о стоящем над ней зараженном воздухе, я полагаю, что лучше объяснять это действием испарений озера; растения же и посевы гибнут от вредоносного дыхания, которое исходит тут от земли и неба. Есть здесь еще и река Бел, впадающая в Иудейское море.²¹ В устье ее добывается песок, из которого, если варить его с содой, можно получить стекло; место это очень небольшое, однако сколько ни берут отсюда песка, запасы его не иссякают.

8. Большая часть Иудеи занята деревнями, но есть у них также и города, среди которых столица племени — Иерусалима. Именно здесь находился их храм, в котором были собраны огромные богатства. За первой линией укреплений шел город, дальше — дворец, а храм стоял в самой глубине, за внутренней оградой. Только иудеям разрешалось приближаться к его дверям; внутрь допускались одни лишь жрецы. Пока Востоком правили ассирийцы, мидяне и персы,²² иудеи были самым жалким из подвластных им народов. Во время господства македонян царь Антиох попытался было искоренить столь распространенные среди них суеверия и ввести греческие обычаи, чтобы хоть немного улучшить нравы этого мерзкого племени, но тут начался мятеж Аршакидов, и вспыхнувшая парфянская война не дала ему довести до конца начатое дело.²³ Позже, когда власть македонян пришла в упадок, парфяне еще не сделались тем могучим народом, в какой они превратились впоследствии, а римляне были далеко, иудеями стали управлять их собственные цари.²⁴ Затем непостоянная чернь изгнала этих деспотов; но они вернулись, с помощью оружия вновь захватили власть и стали править так, как обычно правят цари: ссылали граждан, уничтожали целые города, убивали братьев, жен, родителей. Полагая, что это поможет укрепить их власть, они приняли также жреческое достоинство и стали еще больше поощрять иудеев в их суевериях.

9. Из римлян Гней Помпей первым покорил Иудею и по праву победителя вступил в иерусалимский храм.²⁵ Только тогда выяснилось, что храм этот пуст, что изображений богов в нем нет и таинственность, его окружавшая, — плод нелепых фантазий. Стены города были скрыты, но святилище осталось стоять по-прежнему. Вскоре у нас у самих вспыхнула гражданская война, восточные провинции оказались в руках Марка Антония, власть в Иудее захватил парфянский царевич Пакор,²⁶ но Публий Вентидий вскоре убил его и оттеснил парфян на другую сторону Евфрата, а Гай Созий привел иудеев в покорность Риму.²⁷ Антоний поставил над ними царем Ирода, и Август после своей победы еще больше расширил и укрепил его власть.²⁸ Когда Ирод умер, некий Симон, не дожидаясь приказаний от Цезаря, сам объявил себя царем. Правивший

тогда Сирией Квинтилий Вар²⁹ покарал его за это, народ был приведен в повиновение, а власть разделена между тремя сыновьями Ирода.³⁰ При Тиберии в Иудее царило спокойствие, когда же Гай Цезарь велел поставить в храме свое изображение, народ взялся за оружие; правда, вскоре, со смертью Цезаря, движение это улеглось. Из царей, правивших страной, одни умерли, другие впали в ничтожество; Клавдий превратил Иудею в провинцию³¹ и поручил управлять ею римским всадникам или вольноотпущенникам. Среди последних особой жестокостью и сластолюбием отличался Антоний Феликс — раб на троне.³² Он женился на внучке Клеопатры и Антония Друзилле и стал внучатым зятем того самого Антония, внуком которого был Клавдий.³³

10. Иудеи терпеливо сносили все, но, когда прокуратором сделался Гессий Флор,³⁴ они подняли мятеж. Легат Сирии Цестий Галл³⁵ двинулся на его подавление, но вел дело с переменным успехом и проиграл большинство сражений. То ли так ему было суждено судьбой, то ли овладело им невыносимое отвращение к жизни, но он вскоре умер, и Нерон прислал на его место Веспасиана. Веспасиан был в то время в расцвете славы, удача сопутствовала ему повсюду, он опирался на талантливых командиров, и за два лета его победоносная армия овладела всей иудейской равниной и всеми городами страны, кроме Иерусалимы.³⁶ В следующем году, заполненном событиями гражданской войны, в Иудее ничего важного не произошло, но едва в Италии был восстановлен мир, как снова пришлось думать о положении на границах. Иудеи были единственным народом, отказывавшимся подчиниться Риму, и это особенно возмущало всех. Веспасиан учитывал и то, что новому режиму придется на первых порах столкнуться со всевозможными неожиданностями и случайностями, и считал в этих условиях полезным сохранить руководство армией в руках Тита.

11. Тит, как мы уже говорили, разбил лагерь возле Иерусалимы³⁷ и развернул строем свои легионы, дабы показать их жителям города. Иудеи выстроились под самыми стенами, рассчитывая продвинуться вперед, если победа начнет клониться на их сторону, или скрыться в городе в случае поражения. Римляне бросили на врага конницу и легковооруженные когорты, но начавшееся сражение не принесло победы ни той, ни другой стороне. Иудеи очистили поле боя; в течение последующих дней они много раз вступали возле ворот в схватки с нашими солдатами, но, видя, что эти столкновения неизменно кончаются для них неудачей, заперлись в стенах города. Римляне склонялись к тому, чтобы брать Иерусалиму штурмом: им казалось недостойным выжидать, пока осажденные ослабеют от голода, они стремились к риску и опасностям, некоторые — движимые воинской доблестью, большинство же — алчностью и жестокостью. Титу виделись Рим, наслаждения, роскошь, и стоять под стенами Иерусалимы казалось ему бессмысленной потерей времени. Иерусалима была расположена в труднодоступном месте и укреплена насыпями и крепостными

сооружениями, достаточными, чтобы защитить ее, даже если бы она находилась среди ровного поля.³⁸ Два высоких холма были окружены стеной, образовывавшей ломаную линию, кое-где резко вдававшуюся внутрь, так что фланги нападающих оказывались открытыми; и холмы, и стены располагались на скале, края которой круто обрывались вниз. Там, где помогала гористая местность, городские башни имели высоту шестьдесят ступней, другие, построенные в низинах, — сто двадцать ступней, так что издали они казались одной высоты и производили самое удивительное впечатление. Еще одна стена проходила внутри города и окружала дворец; за ней вздымалась высоко в небо Антониева башня, названная так Иродом в честь Марка Антония.

12. Храм тоже представлял собой своеобразную крепость; его окружала особая стена, сооруженная с еще большим искусством, чем остальные, постройка которой стоила еще большего труда; даже портики, шедшие вокруг всего храма, могли быть использованы при обороне как опорные пункты. Тут же бил неиссякающий родник, в горе были вырыты подземные помещения, устроены бассейны и цистерны для хранения дождевой воды. Основатели Иерусалимы, когда еще только закладывали ее, понимали, что резкие различия между иудеями и окружающими их народами не раз будут приводить к войнам, и потому приняли все меры, дабы город мог выдержать любую, самую долгую осаду. Недостатки в обороне города, обнаружившиеся при взятии его Помпеем, и боязнь, что случившееся может повториться, научили иудеев многому. Во время правления Клавдия они, воспользовавшись всеобщей алчностью, за деньги приобрели себе право возводить оборонительные сооружения и стали строить стены, как бы готовясь к войне, хотя вокруг царил мир. Теперь, после взятия всех окружающих поселений, чернь отовсюду хлынула в Иерусалиму; сюда сбежались самые отъявленные смутьяны, и распри стали еще пуще раздирать город. Во главе обороны Иерусалимы стояли три полководца, каждый со своей армией. Внешнюю, самую длинную стену, защищал Симон, среднюю — Иоанн, известный также под именем Баргиора,³⁹ за оборону храма отвечал Елеазар. Симон и Иоанн были сильны численностью и вооружением своих армий, Елеазар — неприступным положением храма. Между ними царила вражда, толкавшая их на военные столкновения, на интриги и даже поджоги, так что в пламени погибли большие запасы зерна.⁴⁰ Наконец, Иоанн послал к Елеазару своих людей, как будто для совершения жертвоприношения;⁴¹ они убили самого Елеазара, перебили его солдат и захватили храм. Город разделился на две борющиеся партии, и лишь когда римляне подошли к Иерусалиме, надвигающаяся война заставила жителей забыть о своих распрах.

13. Над городом стали являться знамения, которые народ этот, погруженный в суевериях, но не знающий религии, не умеет отводить ни с помощью жертвоприношений, ни очистительными обетами. На небе бились враждующие рати, багровым пламенем пылали мечи, низвергавшийся из

туч огонь кольцом охватывал храм. Внезапно двери святилища распахнулись, громовый, нечеловеческой силы голос возгласил: «Боги уходят», — и послышались шаги, удалявшиеся из храма. Но лишь немногим эти знамения внушали ужас; большинство полагалось на пророчество, записанное, как они верили, еще в древности их жрецами в священных книгах: как раз около этого времени Востоку предстояло якобы добиться могущества, а из Иудеи должны были выйти люди, предназначенные господствовать над миром. Это туманное предсказание относилось к Веспасиану и Титу, но жители, как вообще свойственно людям, толковали пророчество в свою пользу, говорили, что это иудеям предстоит быть вознесенными на вершину славы и могущества, и никакие несчастья не могли заставить их увидеть правду. Всего осажденных, считая людей обоего пола и всех возрастов, было, как сообщают, около шестисот тысяч. Оружие роздали всем, кто был в состоянии его носить, и необычно большое по отношению ко всему населению города число людей решилось им воспользоваться. Равное упорство владело мужчинами и женщинами, и жизнь вдали от Иерусалимы казалась им не менее страшной, чем смерть. Вот против какого города и какого народа начал борьбу Цезарь Тит; убедившись, что местоположение Иерусалимы не дает возможности взять ее штурмом или внезапным налетом, он решил действовать с помощью осадных сооружений и насыпей. Каждый легион получил свое особое задание, и стычки под стенами города были прерваны на время, которое потребовалось для постройки осадных машин всех возможных видов, и изобретенных древними, и придуманных современными мастерами.

14. Между тем разбитый под Колонией Тревиоров Цивилис⁴² пополнял свои войска германцами и расположился возле Старых лагерей. Позиция эта была выгодной для обороны, к тому же именно здесь варвары в свое время одержали победу, и воспоминания о ней наполняли их души уверенностью. Цериал двинулся туда же во главе войска, численность которого тем временем удвоилась: в него влились второй, шестой и четырнадцатый легионы; отдельные когорты и кавалерийские отряды, еще раньше выступившие на соединение с главными силами, услышав об одержанной Цериалом победе, тоже поспешили присоединиться к его армии. Ни один, ни другой командующий не любили медлить, но войскам не давало сойтись лежавшее между ними огромное поле, бывшее и прежде сильно заболоченным, теперь же совсем залитое водой: Цивилис распорядился насыпать дамбу, которая косо вдавалась в реку и отводила воду на окрестные поля. Приблизиться к противнику можно было только, идя по воде, скрывавшей местность, особенности которой никому из римлян известны не были. Позиция была для нас невыгодная, ибо тяжелооруженные римские солдаты боятся и не любят плавать, германцы же привыкли переплывать реки, — легкое вооружение и высокий рост немало помогают им в этом.

15. Батавы начали дразнить римских солдат, самые нетерпеливые и храбрые стали отвечать; поднялась сумятица; в бездонных болотах топили лошади и оружие; германцы, знавшие скрытые под водой тропинки, легко перескакивали с одной на другую, они не нападали на наши войска с фронта, а старались сжать их с флангов или зайти в тыл; сражение ничем не походило на сухопутный бой врукопашную, оно напоминало скорее битву на море. Люди бродили среди волн, бились, едва уцепившись за клочок твердой земли, и вода поглощала сплетенные тела здоровых и раненых, опытных пловцов и не умеющих плавать. Потерь у нас, однако, оказалось меньше, чем можно было ожидать в таком переполохе: германцы, так и не решившись выйти из болота, отступили в лагерь.⁴³ После этой битвы оба полководца, хоть и по разным причинам, нетерпеливо стремились к решающему сражению: Цивилис хотел не упустить удачу, Цериал — смыть позор; германцев вдохновлял счастливый исход сражения, римлян гнал в битву стыд. Настала ночь. Гнев и ненависть к врагу владели нашими солдатами. Из варварского лагеря доносились пение и крики.

16. На заре следующего дня Цериал выдвинул в первый ряд конницу и вспомогательные когорты, за ними расположил легионы, а при себе оставил на случай какой-либо неожиданности отряд отборных воинов. Цивилис предпочел не растягивать свои войска в линию и построил их клиньями: справа — батавов и кугернов,⁴⁴ слева, ближе к реке, ополченцев из зарейнских племен. Ни тот, ни другой не стали произносить речей перед всей армией; они объезжали подразделения и обращались к каждому из них отдельно. Цериал напоминал солдатам о древней славе римского имени, о победах, одержанных ими и в старину, и совсем недавно, призывал их навсегда покончить с коварным, трусливым, в сущности уже разбитым врагом, уверял, что римским воинам предстоит не сражаться, а мстить. Недавно они вступили в бой с более многочисленным противником и, однако, разгромили германцев, составлявших главную силу вражеской армии, теперь у Цивилиса остались лишь люди, которые не в силах забыть свое бегство с поля боя и раны, покрывающие их спины. К каждому легиону Цериал обращался с теми словами, которые могли особенно сильно подействовать на солдат. Воинов четырнадцатого он называл покорителями Британии;⁴⁵ шестому напомнил, что лишь благодаря его могучей поддержке Гальба стал принцепсом;⁴⁶ бойцам второго сказал, что начинающийся бой будет для них первым, что здесь им предстоит стяжать славу своему новому знамени и новым значкам когорт.⁴⁷ «Эти лагеря — ваши, вам принадлежат эти берега, — воскликнул Цериал, обращаясь к легионам германской армии и обводя рукой окружающие поля. — Пусть же враги кровью заплатят за попытку лишить вас ваших владений». Эти слова были встречены особенно громкими криками, — солдаты, уставшие от длительного мира, рвались в бой; другие, утомленные войной, стосковались по спокойной жизни и надеялись, что предстоящее сражение принесет им награды, а вслед за ними желанный отдых.

17. Выстраивая войска для битвы, Цивилис тоже не молчал. Он призывал окрестные поля в свидетели доблестного поведения своих бойцов. «Земля, на которой вам предстоит сражаться, — говорил он, — свидетель ваших подвигов; германцы и батавы на каждом шагу вспоминают здесь о своей славе, попирают ногами пожарища лагерей и кости легионеров.⁴⁸ Куда бы римский воин ни бросил взгляд, все здесь твердит ему о поражении и плене, все предвещает гибель. Пусть не смущает вас то, что в земле тревиров нам не удалось нанести противнику решающее поражение; там сама победа, одержанная германцами, встала препятствием на их пути. Они набросились на добычу и выпустили оружие из рук, занятых награвленным добром; события же, произошедшие после этого сражения, приносили нам одну лишь выгоду, а противнику один лишь вред.⁴⁹ На сей раз предусмотрено все, что только может предусмотреть опытный в своем деле полководец: округа залита водой, это ваши поля, где вам знакома каждая пядь, для врагов же это болото, грозящее смертью. Рейн и германские боги, во славу которых вы будете стремиться к победе, смотрят на вас, о вас думают жены, думают родители, думает родина. Сегодня вы обретете или славу, превосходящую славу предков, или позор, о котором вечно будут помнить потомки». Варвары одобряли слова Цивилиса, как это у них принято, звоном оружия и пляской в три шага. В римлян полетели камни, глиняные ядра и другие метательные снаряды; битва началась. Наши солдаты не решались входить в болото, германцы всячески дразнили их, стараясь заманить в трясины.

18. Вскоре варвары израсходовали все метательные орудия и, видя, что битва разгорается, яростно устремились вперед. Пользуясь своим огромным ростом, они издали длинными пиками поражали скользящих по грязи, едва удерживавшихся на ногах солдат. С дамбы, которую, как я упоминал, германцы возвели на Рейне, перебрался вплавь отряд бруктеров. Начался переполох, строй союзных когорт дрогнул, но тут в дело вступили легионы и, подавив натиск бруктеров, выровняли ход сражения. Таково было положение, когда к Церялу явился батав-перебежчик и сказал, что берется провести конницу по окраинам болот на твердую землю в тыл противника; он добавил, что тылы врага охраняются людьми из племени кугернов и охраняются весьма небрежно. С перебежчиком послали два отряда конницы, они окружили ничего не подозревавшего противника и внезапно обрушились на него. Когда шум этой схватки донесся до римской армии и там поняли, что произошло, легионы с фронта устремились на врага. Германцы в беспорядке побежали к Рейну. Если бы римский флот вовремя двинулся в погоню за противником, этой битвой могла бы кончиться война; конница тоже не смогла преследовать разбитых германцев из-за наступавшей темноты и внезапно хлынувшего ливня.

19. На следующий день четырнадцатый легион отправили в Верхнюю Германию к Галлу Аннию,⁵⁰ а Церял пополнил свою армию прибывшим из Испании десятым легионом. На помощь Цивилису подошло ополчение

племени хавков. Несмотря на это, он не решился защищать главный город батавов и, захватив все, что можно было унести, а остальное побросав в огонь, отступил на остров.⁵¹ Цивилис знал, что кораблей для сооружения моста у римлян нет и что никаким другим способом они переправить свою армию на остров не сумеют. Он даже разрушил дамбу, выстроенную Друзом Германиком,⁵² и Рейн, освобожденный от сдерживавших его преград, устремился в свое старое русло, которое постепенно опускается в сторону Галлии. Когда река отхлынула, между островом и Германским берегом остался такой узкий рукав, что здесь образовалась как бы сплошная суша. За Рейн ушли также Тутор, Классик и сто тринадцать старейшин племени тревиров, среди которых был и Альпиний Монтан, присланный в галльские провинции, как я уже рассказывал раньше,⁵³ Примом Антонием. Монтана сопровождал его брат Децим Альпиний. Другие тем временем набирали подкрепления в племенах, всегда готовых к войне, стараясь вызвать у них сострадание и не скупясь на подарки.

20. Но конец войны был еще далеко; в один и тот же день Цивилис атаковал сторожевые охранения римских легионов, когорт и конных отрядов в четырех разных местах: в Аренаке,⁵⁴ где находились лагеря десятого легиона, в Батаводуре, где расположился второй, в Гриннах и в Ваде, где стояли отдельные когорты и отряды конников.⁵⁵ Цивилис разделил армию на несколько частей и, оставив себе одну, передал остальные сыну своей сестры Вераксу, Классику и Тутору. Он не надеялся на успех во всех предприятиях, но считал, что если рискнуть, то хоть где-нибудь счастье ему улыбнется; кроме того, Цивилис знал, что римский полководец не отличается осторожностью, и предвидел, что как только к Церриалу начнут поступать донесения из разных мест, он начнет метаться от одного к другому, и, может быть, где-то на пути его удастся захватить в плен. Варвары, которые должны были атаковать лагерь десятого легиона, сочли, что справиться с этим им не под силу, и напали на солдат, вышедших из лагеря на рубку леса; префект лагеря, пять первых центурионов и несколько легионеров были убиты, остальным удалось укрыться за лагерными укреплениями. Тем временем в Батаводуре отряд германцев пытался уничтожить недостроенный мост; бой здесь шел с переменным успехом и с наступлением ночи прекратился.

21. Еще больше опасностей выпало на нашу долю под Гриннами, которые атаковал Классик, и под Вадой, где наступлением командовал Цивилис. Римляне здесь оказались не в силах сопротивляться, после того как лучшие бойцы пали в сражении и среди них префект конников Бригантик, о чьей преданности римлянам и ненависти к своему дяде Цивилису я уже рассказывал.⁵⁶ Однако, когда на поле боя во главе отборного отряда конников появился сам Церриал, положение изменилось; германцы в беспорядке отступили к реке.⁵⁷ Цивилис пытался остановить бегущих, но был замечен, и на него посыпался целый град дротиков; он бросил коня и вплавь переправился на другую сторону Рейна; тем же способом

спасся Веракс; за Тутором и Классиком к берегу пришли лодки, в которых они и перебрались на ту сторону. Римский флот, несмотря на полученное распоряжение, и на этот раз не принял никакого участия в сражении, — отчасти из трусости, отчасти же потому, что гребцы оказались разосланными по разным поручениям. Правда, Цериал всегда давал очень мало времени на выполнение своих приказов; он принимал решения внезапно, но в результате неизменно оказывался прав, ибо там, где изменяли талант и знания, его выручала удача. И сам он, и солдаты его, привыкнув к этому, порядком распустились. В результате несколькими днями позже Цериалу удалось избежать плена, но не бесчестия.

22. Цериал возвращался к себе после осмотра лагерей, которые легионеры строили на зиму в Новезии и Бонне.⁵⁸ Он плыл по Рейну, сопровождаемый флотом; строй никто не соблюдал, солдаты боевого охранения забыли о своих обязанностях. Заметив это, германцы задумали вероломно напасть на наши войска. Они выбрали для нападения темную ночь, небо было покрыто тучами; течение подхватило варваров и вынесло к лагерю; не встретив никакого сопротивления, они оказались вскоре за валами. Первые римские воины, погибшие в эту ночь, пали жертвой коварства: германцы перерезали растяжки палаток и убивали солдат, еще не успевших выбраться из-под полотнищ. Другой отряд бросился к стоянке кораблей; суда опутывали веревками, волочили их кормой вперед. Сначала германцы хранили мертвое молчание, но едва началась резня, со всех сторон загрели их крики, которыми они старались вызвать среди римлян еще большее смятение. Легионеры проснулись от сыпавшихся на них ударов. Они ищут оружие, выскакивают в проходы между палатками; людей в боевом снаряжении почти не видно, большинство сражается, настав на одну руку одежду и держа меч в другой. Цериал, сонный, полуголый, спасся лишь благодаря ошибке врагов: узнав по поднятому вымпелу флагманский корабль, они решили, что командующий находится там и принялись оттаскивать судно от берега. Цериал же в эту ночь был не у себя, а, как многие уверяли, у Клавдии Сакраты, женщины из племени убиев, с которой состоял в связи. Часовые, стараясь выгородить себя, говорили, что виною всему позорное поведение Цериала. Они уверяли, будто командующий приказал им не беспокоить его и соблюдать тишину, они перестали перекликаться и заснули. Было уже совсем светло, когда варвары отправились восвояси на захваченных кораблях; флагманскую трирему они отвели вверх по реке Лупии в дар Веледе.⁵⁹

23. Цивилису захотелось показать свой флот в строю. На биремы⁶⁰ и на суда с одним обычным рядом гребцов он посадил бойцов, окружил корабли несметным количеством барок, несших по тридцать-сорок человек каждая ... и вооруженных наподобие либурнских кораблей.⁶¹ Над лодками поднялись пестрые солдатские плащи,⁶² которые варвары использовали вместо парусов и которые придавали всей картине веселый праздничный вид. Цивилис выбрал место, где Моза, необъятная, как море.

впадает в Рейн⁶³ и гонит его воды в Океан. Устраивая этот парад судов, германцы не просто хотели потешить свое обычное тщеславие; они хотели таким образом запугать солдат, везших из Галлии в римскую армию продовольствие, а может быть, попытаться перехватить их по дороге. Цериал, скорее удивленный, чем испуганный, двинул против врага свой флот. Римляне уступали германцам по числу судов, но превосходили их опытом гребцов, искусством кормчих, размерами кораблей. Течение несло римские суда в одну сторону, ветер гнал биремы варваров в противоположную; оба флота поравнялись друг с другом, с той и другой стороны посыпались дротики, и корабли разошлись. Цивилис, не решившись ничего больше предпринять, отступил за Рейн;⁶⁴ Цериал прошел огнем и мечом остров батавов, но, как то обычно делают полководцы, поля и виллы, принадлежавшие самому Цивилису, не тронул. Тем временем осень перешла на вторую половину; начались ливни, столь частые во время равноденствия; вздувшаяся река озерами разлилась по низкому болотистому острову. У оставшихся здесь римлян не было ни флота, ни продовольствия; лагеря стояли на равнине и теперь оказались отделенными друг от друга водой.

24. Позже Цивилис уверял, что в то время он имел полную возможность уничтожить легионы, что германцы стремились к этому и ему лишь хитростью удалось помешать им. Судя по тому, что через несколько дней варвары в самом деле капитулировали, в словах этих была доля правды. Цериал еще прежде установил тайные связи с батавами, с Цивилисом и с Веледой. Первым он обещал мир, второму прощение, Веледе же и ее приближенным говорил, что война уже принесла им достаточно бедствий и что настал момент, когда они могут, во время оказав услугу римскому народу, повлиять на ее исход. «Вспомните, — писал он им, — об убитых тревирах, о вновь покорившихся Риму убиях, о батавах, скитающихся вдали от родных мест. Дружба с Цивилисом не принесла вам ничего, кроме ран, поражений и слез. Этот изгнанный отовсюду бездомный бродяга становится обузой для каждого, кто согласится его принять. Вы уже достаточно провинились, столько раз переходя на нашу сторону Рейна. Если вы и дальше будете злоумышлять против Рима, все поймут, что разрушители закона — вы и на вас лежит вся вина, нам же останется лишь воздать вам по заслугам, и боги помогут нам в этом».

25. Угрозы в письмах Цериала чередовались с посулами. Зарейнские племена начали колебаться в своей преданности Цивилису. Совсем другие разговоры пошли и среди батавов. «Зачем нам губить себя? — рассуждали они. — Разве может одно племя выволить из рабства целый мир? Какой прок в том, что мы уничтожили легионы и сожгли лагерь?»⁶⁵ На их место пришли другие, еще сильнее, еще многочисленнее. Если, затеяв войну, мы хотели помочь Веспасиану, так Веспасиан уже добился верховной власти; если мы вздумали воевать против римского народа, то ведь батавы — лишь ничтожная часть человеческого рода. Посмотрим

лучше на ретов, нориков, на другие союзные племена. Они не платят подарков, с них требуют лишь доблести и солдат, а ведь это почти и есть свобода. Если уж нам приходится выбирать себе хозяев, то лучше все-таки сносить власть римских принцепсов, чем германских женщин».⁶⁶ Такие толки шли среди простонародья, люди знатные судили еще резче: «Только из-за безрассудства Цивилиса оказались мы втянутыми в эту войну. Чтобы отомстить за свои семейные несчастья, он повел на смерть целое племя. Гнев богов обрушился на батавов лишь тогда, когда мы стали осаждать лагерь легионов и убивать легатов, когда мы ради интересов одного человека начали эту губительную войну. Всех нас ждет смерть, если мы не образумимся. Покараем виновного и тем самым докажем на деле свое раскаяние».

26. Подобные настроения не ускользнули от внимания Цивилиса, и он решил предупредить события. Он устал от преследовавших его несчастий и тем не менее хотел жить, а это желание не раз губило самых мужественных людей. Он предложил переговоры. Мост через реку Набалию⁶⁷ разрушили посередине, оба полководца, каждый со своей стороны, подошли к провалу, и Цивилис так начал свою речь: «Если бы мне пришлось защищать себя перед легатом Вителлия, то ни поведение мое не заслуживало бы в его глазах оправдания, ни слова мои — доверия. Между нами не было ничего, кроме ненависти; он начал войну, я разжег ее еще больше. К Веспасиану же я издавна питаю чувство уважения; нас называли друзьями, когда он был еще частным человеком. Прим Антоний знал об этом, когда обратился ко мне с письмом и просил начать войну, дабы помешать германским легионам и галльской молодежи проникнуть за Альпы».⁶⁸ Я пошел на то, о чем Антоний просил меня в письмах, а Гордеоний Флакк лично: я начал военные действия в Германии, подобно тому как Муциан начал их в Сирии, Апоний в Мезии, Флавиан — в Панпонии...⁶⁹

П Р И Л О Ж Е Н И Я

КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ

I

Тацит, характеризуя свою деятельность как историка Римской империи, в отличие от своих предшественников, писавших о республике, отмечает, что его труд ограничен тесными рамками и не сулит ему славы (Анналы, IV, 32). Слова эти оказались в известной мере пророческими. Ни один историк императорского Рима, — в том числе и Тацит, — не стал «классиком» римской литературы. В римской школе не изучали Тацита; хранители школьной традиции, филологи (так называемые «грамматики») не интересовались его произведениями. Следствием этого невнимания явилось полное отсутствие сведений о жизни историка у позднейших римских ученых. Для биографии Тацита мы можем использовать только разрозненные данные, имеющиеся в его произведениях и в свидетельствах современников.

Даже год рождения историка поддается лишь приблизительному определению. Друг Тацита, Плиний Младший, в одном из своих писем к нему (VII, 20) указывает, что они оба «приблизительно одного возраста», но прибавляет, что, будучи еще «юнцом», ставил себе в образец Тацита, пользовавшегося уже тогда большой славой. Очевидно, Плиний был несколько моложе Тацита, хотя и считал возможным причислить себя к тому же поколению, что и его старший друг. Год рождения Плиния известен — 61—62 гг. н. э. Если предположить, что Тацит был на 5—6 лет старше, мы приходим к интервалу 55—57 гг. н. э. как к вероятной дате рождения историка.

Будущий консул и идеолог сенатской аристократии не унаследовал от предков принадлежности к сенатскому сословию. В списках римских магистратов, как более раннего, так и более позднего времени, других Корнелиев Тацитов нет, и историк сам признает (История, I, 1), что своим

положением он обязан императорам из династии Флавиев. Попасть в сенат он мог только как выходец из второй верхушечной группы Рима, из сословия «римских всадников». Известный римский энциклопедист I в. н. э. Плиний Старший (23/24—79 гг. н. э.) рассказывает в своей «Естественной истории» (VII, 76) об умершем в детстве ребенке необычного роста, сыне римского всадника Корнелия Тацита, управлявшего провинциальными финансами в Бельгийской Галлии; это единственный, кроме историка, представитель ветви Корнелиев Тацитов, о котором упоминается в римской письменности. При редкости этого имени естественно предположить, что речь идет о родственнике писателя, — неизвестно только, какой степени близости. По времени он мог бы быть отцом или дядей историка.

Попытки более конкретно уточнить происхождение Тацита не вышли за пределы догадок. Исходят, например, из имени историка: Публий (или Гай) Корнелий Тацит.¹ Корнелии — одно из наиболее распространенных римских родовых имен (попен) в Италии и в провинциях, но лишь немногие из его носителей являются потомками древних патрицианских Корнелиев. В этом патрицианском роде не было ветви Тацитов. «Тацит» как третий элемент имени (cognomen, «прозвище») встречается при разных родовых именах. Надписи показывают, что «Тациты» локализованы преимущественно в двух областях — в Северной Италии, и притом на территории к северу от р. По, и в Южной (Нарбонской) Галлии, которая стала римской провинцией еще во II в. н. э. Это дает основание ряду современных исследователей относить происхождение семьи Корнелиев Тацитов к одной из названных областей. При этом против Северной Италии как родины Тацита говорит то обстоятельство, что уроженец этой области Плиний Младший, часто подчеркивающий все, что сближает его с Тацитом, никогда не называет историка своим земляком. За происхождение семьи Тацита из Нарбонской Галлии высказывается наряду с другими учеными автор новейшей и самой обстоятельной монографии о Таците и его общественной среде, английский историк Рональд Сайм.² С его точки зрения, Тацит стоит в ряду тех провинциалов, которые с I в. н. э. занимают все более видное место в управлении Римским государством и в римской литературе.

Тем не менее эта гипотеза остается лишь догадкой. Мы не знаем ни родины Тацита, ни того, где он провел детство, где и у кого он учился. Он мог от рождения или с малых лет жить в Риме, но нет никаких положительных данных, чтобы утверждать это. Однако где бы ни проходили первые годы жизни историка, обучение мальчиков в состоятельных римских семьях, особенно там, где задачей являлась подготовка к государственным должностям, имело стандартный характер и разврывалось по нескольким обязательным ступеням.

Первоначальным учителем был грамматист (grammatista от греч. *grammata* — буквы, или *literator*), у которого дети учились чтению и письму и

элементам счета. В верхушечных слоях общества чтение и письмо предусматривались как на латинском языке, так и на греческом, владение которым было необходимо для всякого мало-мальски образованного римлянина.

Грамматиста сменял грамматик. В отличие от обучения у грамматиста, которое в богатых семьях чаще всего носило домашний характер, грамматик обычно содержал школу. В рабовладельческом обществе, где всякий производительный труд, кроме сельскохозяйственного, презирался и был уделом рабов и низших слоев свободного населения, профессиональной школы не существовало. Школьное обучение имело две основные задачи: привить учащимся, с одной стороны, мировоззренческую основу рабовладельческого общества, принципы его идеологии, политики, морали, а с другой стороны — культуру речи. Последний момент имел в античном обществе огромное значение. С эпохи софистики (конец V в. до н. э.) «оратор» (*rhētōr*) становится в Греции синонимом «государственного деятеля». Наука о публичной речи, риторика, получает то же значение в Риме с конца II в. до н. э. В I в. до н. э. в античной школе устанавливается двухступенное обучение вслед за элементарным. Основу образования закладывает грамматик, а завершает его ретор. Грамматик строит свое обучение на объяснительном чтении классических поэтов. У греков основным текстом служили гомеровские поэмы; в Риме ко времени школьных лет Тацита установилось чтение «Энеиды» Вергилия как первоосновы грамматического обучения. На поэтических текстах разъяснялись вопросы литературного языка, и вместе с тем учащемуся внушались, — на увлекательном и эмоционально заряженном художественном материале, — основы морали и политических представлений господствующего класса, в частности убеждение в прочности Римской империи, в цивилизаторском значении римских завоеваний. Грамматические занятия проходили у римлян как на латинском, так и на греческом языках.

На следующей ступени обучения, в риторической школе, вместо поэтических текстов изучались уже прозаические, главным образом произведения ораторов и историков. Риторы уделяли особое внимание самостоятельным упражнениям учащихся в различных жанрах литературной прозы. В соответствии со значением публичной речи в античном мире центр тяжести лежал не на письменных работах, а на устной речи, требовавшей художественного исполнения. С переходом Рима от республиканского строя к императорскому практические возможности политического и судебного красноречия сократились, и это привело к переключению функций публичной речи. Она стала эстетической самоцелью, литературным и исполнительским художественным жанром. Место подлинной политической или судебной речи занимает фиктивная речь на мнимом процессе или мнимых политических дебатах — *декламация*. Формы судебного и сощественного красноречия были поставлены здесь на службу раскрытию сложных морально-психологических конфликтов. Уже в начале империи,

при Августе, декламация установилась как самостоятельный жанр. По сравнению со старым ораторским искусством декламационное красноречие знаменовало решительное обеднение идейного содержания, компенсировавшееся, правда, некоторым обогащением психологической трактовки образов и новыми эффектами патетического стиля. Проза сближалась с поэзией.

Декламация была важнейшим, но отнюдь не единственным жанром, которому обучали в риторической школе. Она вырабатывала умение владеть разнообразными литературными стилями в зависимости от жанра произведения и разных литературных традиций. Отсюда непривычная для людей нового времени способность античных авторов варьировать литературный стиль. Примером может служить творчество такого писателя, как Апулей (II в. н. э.). Он совершенно по-разному стилизует свои сочинения, относящиеся к разным жанрам, и мастерски дифференцирует стили даже в рамках единого произведения. Виртуозность эта вызывала у исследователей подозрения в действительной принадлежности Апулею некоторых произведений или их частей. Тацит тоже «пострадал» из-за многогранности своего стилистического искусства, как мы увидим при рассмотрении «Диалога об ораторах».

С риторической школой конкурировала философская, но Тацит ее, по-видимому, не проходил. К философии и ее адептам историк относился очень сдержанно. Самая распространенная философская система этого времени — стоицизм — имела в I в. оппозиционную направленность и поддерживала пассивное сопротивление некоторых кругов аристократии по отношению к императору. Впоследствии, при другой политической обстановке, во времена Траяна и его преемников, философия утратила оппозиционный привкус и тот же стоицизм услужливо создавал теоретическое обоснование для императорской власти; однако это произошло лишь в позднейшие годы жизни Тацита, и историк вряд ли сочувствовал в этот период своей деятельности такому повороту в государствоведческой теории философов. Нередко встречающееся в научной литературе утверждение, будто Тацит по своим убеждениям был близок к стоикам, представляется совершенно необоснованным.

Начало школьных лет Тацита проходило еще при Нероне. После падения Нерона (68 г.) началась смута. В 69 г. погибли один за другим 3-императора — Гальба, Отон и Вителлий. Ставленник восточной армии Флавий Веспасиан удержал за собой власть и положил начало новой императорской династии Флавиев. Обучение Тацита риторике должно было прийтись на начало правления Веспасиана.

Флавиус старались расширить свою социальную базу, опереться на более многочисленные слои италийского и отчасти провинциального населения. Мелкие и средние рабовладельцы империи при этом выиграли. Политическая обстановка благоприятствовала выдвижению новых людей в сенат. Для карьеры сенатора было 2 дороги. Молодой человек мог полу-

чить известность или как военный деятель, или как оратор. Склонности и дарования Тацита влекли его по второму пути.

В риторической школе Тацит, видимо, задержался недолго. Уже в первые годы правления Веспасиана мы находим его на римском форуме проходящим практическую выучку у известных ораторов — Марка Апра и Юлия Секунда (Диалог, 2). Учителя Тацита — оба незнатного происхождения, провинциалы из Галлии; они блистали красноречием в гражданском суде, но не играли видной роли в государственной жизни.

Сравнительно спокойные годы начала правления Флавиев разрядили общественную атмосферу, сгустившуюся было при последних императорах предшествующей династии. Расточительность, необузданность и преступления Нерона служили поощряющим примером для его клевретов и всей римской знати. Теперь нравы стали спокойнее и скромнее. Поворот общественной морали отразился также и в искусстве слова.

При ближайших преемниках Августа в римской литературе развился тот «новый» риторический стиль, который возник в декламационном ораторском жанре, — нервный, чувственный, патетический. Спокойная размеренная периодическая речь Цицерона уступила место стремительному потоку коротких точеных фраз. Наиболее яркие образцы этого стиля сохранились в сочинениях Сенеки; к этому же течению принадлежит эпическая поэма Лукана «О гражданской войне» («Фарсалия»). При Флавиях такая погоня за чувственными эффектами представлялась уже чрезмерной. Оппозицию против нового стиля возглавил ритор Квинтилиан; он призывал отказаться от сладостных соблазнов новейшего времени, вернуться к более строгому и «мужественному» красноречию Цицерона. Этот лозунг, получивший официальную поддержку, не знаменовал, однако, полного разрыва с декламационным стилем и сводился к отказу от парадоксальных преувеличений и подчеркнутому примыканию к некоторым Цицероновским традициям.

Молодой Тацит с первых же лет самостоятельной ораторской деятельности соприкоснулся с этими литературными спорами, которые он впоследствии, 30 лет спустя, воспроизвел с несравненным искусством в «Диалоге об ораторах». Его собственный литературный путь определился в столкновении тех же противоборствующих тенденций. Из Тацита выработался совершенно оригинальный мастер, который шел самостоятельным стилистическим путем в каждом избранном им жанре. Однако во всех этих жанрах он исходил из единой литературной программы: примкнуть к классической традиции римской республиканской прозы — Цицерона, Саллюстия, соединив ее с достижениями «нового» стиля, но без его крайностей. В этом отношении будущий историк был сторонником господствующего литературного движения своего времени.

Тацит быстро выдвинулся как талантливый оратор. Плиний Младший (VII, 20) вспоминает, что в начале его ораторской деятельности (конек 70-х годов I в.) «громкая слава Тацита была уже в расцвете». Слава эта

была основана на его судебных речах или декламациях. В другом письме (II, 11) Плиний отмечает как особое свойство ораторского стиля Тацита то торжественное достоинство, которое в греческой риторической теории обозначалось термином «почтенность» (*σεμνότης*, лат. *gravitas*). Однако ораторские произведения Тацита не дошли до нас; не упоминают о них и позднейшие римские писатели. Очень возможно, что Тацит, как и огромное большинство ораторов времени империи, не издавал своих речей, находя их недостаточно значительными для серьезного деятеля, начинавшего уже подниматься по лестнице государственных должностей.

Приступая к «Истории», Тацит считает своим долгом признать, что начало его государственной карьеры как магистрата положил Веспасиан, что Тит увеличил его почет, а Домициан продвинул его еще дальше (I, 1). Эти несколько стыдливые и неясные слова следует, вероятно, понимать так, что и при Веспасиане, и при Тите, и (по крайней мере частично) при Домициане историк получал свои посты как лицо, рекомендованное императором («кандидат цезаря») и единогласно избиравшееся сенатом. Веспасиан, вероятно, выдвинул его на одно из 20 ежегодных мест 4-х младших магистратских коллегий. По истечении годового срока младшей магистратуры молодой человек примерно в 20-летнем возрасте отправлялся на военную службу, обычно в провинцию. Длилась она недолго — 6 месяцев или год. Занять квесторскую должность, первую магистратуру, вводившую в сенат, можно было, лишь достигнув 25 лет. Предпочтение оказывалось кандидатам, имеющим детей, и молодые римляне из верхушечных слоев часто вступали в брак в начале третьего десятилетия своей жизни, после военной службы, на подступах к государственным должностям. В 78 г. Тацит женился на дочери известного полководца того времени Юлия Агриколы, одного из консулов 77 г., который был в милости у Веспасиана и получил от него достоинство патриция. Этот год бракосочетания Тацита вполне согласуется с принятой нами датой его рождения в 55—57 гг.

При сыне Веспасиана Тите (79—81 гг.) почетное положение Тацита стало, по его словам, выше. Под этим, вероятно, разумеется должность квестора — в 81 или 82 г. — и связанный с ней переход в сенаторское сословие. Дальнейшее его продвижение происходило при младшем брате Тита Домициане (81—96 гг.). Новый император резко усилил абсолютистские тенденции, и это привело к ухудшению его отношений с сенатом. На карьере Тацита эти события не отразились. За 6—7 лет он поднялся на 2 должностные ступени и в 88 г. был претором (Анналы, XI, 11). Это показывает, что Тацит умел не возбуждать против себя подозрительность Домициана и стоял далеко от оппозиционных групп. Одновременно с претурой он уже занимал пожизненную жреческую должность как член коллегии «пятнадцати мужей», заведовавшей культами иноземного происхождения. Для сравнительно молодого человека из незнатного рода получение такой должности было очень почетно и свидетельствовало о бла-

говолении императора. Не лишено поэтому правдоподобия предположение Р. Сайма,³ что назначению Тацита в коллегию пятнадцати предшествовал какой-то значительный успех, быть может в результате блистательных ораторских выступлений в сенате. В год своей претуры он в связи со своими жреческими обязанностями принимал деятельное участие в празднестве «вековых игр», устроенных Домицианом, и впоследствии описал эти игры в не дошедших до нас книгах своей «Истории».

Вскоре после претуры в 89 г. Тацит с женой покинул Рим и вернулся уже после смерти Агриколы, скончавшегося в августе 93 г. Очевидно, он находился на государственном посту в провинции, но нет никаких сведений, в какой провинции он был в эти годы, на гражданской ли или военной должности, занимал ли он один пост или несколько постов последовательно. Биографам Тацита часто хотелось предположить, что будущий автор «Германии» находился в этой стране или по соседству с ней; однако трактат «Германия» не содержит никаких следов личного знакомства автора с описываемой страной.

Возвратившись в Рим, Тацит застал столицу в тревожном состоянии. Отношения между императором и сенатом крайне обострились. С 92 г. казни и изгнания сенаторов стали обычным явлением. Домициан пользовался услугами специальных доносчиков и обвинителей, воскрешая обстановку времен Тиберия и Нерона. Подробный рассказ об этих годах, который несомненно был дан Тацитом в последних книгах «Истории», не сохранился. Однако краткие зарисовки домициановского террора и бессильной покорности сената в трактате «Агрикола», сделанные к тому же по свежим следам, вскоре после гибели Домициана, принадлежат к самым сильным страницам литературного наследия историка (например: Агрикола, 2 и 45). Последние годы правления Домициана стали для Тацита острым переживанием, которое навсегда определило характер его литературной деятельности. Однако он сумел не только не навлечь на себя гнев императора, но даже сохранить в известной мере его благосклонность. Высшая магистратура — консульство — досталась ему, правда, уже после Домициана, в 97 г., однако списки магистратов обычно устанавливались заранее, в начале предшествующего года. Тацит был назначен консулом, вероятно, еще при Домициане и, очень возможно, по его рекомендации.

18 сентября 96 г. Домициан был убит. Императором был провозглашен престарелый сенатор Нерва.

Сенатская аристократия — и не одна она — встретила переворот с ликованием. Как и другие перевороты в Риме I в. н. э., он проходил под знаком восстановления попранной свободы. Однако уже давно ни одна общественная группировка в Риме не ставила своей политической целью возвращение к республиканским порядкам. Сенатские круги мыслили свободу лишь как смягчение деспотизма верховной власти, как согласие между императором и сенатом. Казалось, что теперь наступает такое время. Однако император был стар и не пользовался популярностью

в войске. Преторианцы (императорская гвардия) восстали. Нерва нашел удачный выход из положения. Он объявил о том, что усыновляет известного полководца М. Ульпия Траяна, командовавшего тогда армией в Верхней Германии, и делает его своим соправителем (октябрь 97 г.). Вскоре Нерва умер (январь 98 г.), и Траян остался единоличным императором (98—117 гг.).

При Нерве Тацит был консулом. Эта высшая магистратура времен республики при империи осталась почетной должностью, которая по традиции увенчивала карьеру сенаторов, но давала только некоторые права представительства. Консулов было одновременно лишь два, и уже Август сократил срок консульства до немногих месяцев, чтобы дать возможность большему числу сенаторов занимать эту должность. В каждом году после первой пары консулов, имена которых служили для обозначения года, последовательно отправляли консульские обязанности еще несколько пар «добавочных» консулов. Тацит был одним из таких добавочных консулов (*consul suffectus*) во второй половине 97 г. Единственный известный нам акт Тацита в месяцы его консульства — похвальная речь на похоронах сенатора Луция Вергиния Руфа, который — в паре с императором Нервой — был в третий раз консулом в начале 97 г.

Сведения о позднейшей жизни Тацита, о годах его литературной деятельности крайне отрывочны. Из писем Плиния Младшего мы узнаем, что Тацит пользовался репутацией блестящего оратора и писателя, что вокруг Тацита собирались молодые поклонники его таланта, учившиеся у него искусству красноречия (IV, 13, ок. 104 г.). Плиний и Тацит посылали друг другу свои труды до их выхода в свет для взаимной критики и стилистической правки (VII, 20; VIII, 7). Однако из конкретных фактов биографии Тацита после 97 г. Плиний сообщает только о том, что в 100 г. он и Тацит выступали по поручению сената на процессе проконсула Африки Мария Приска, разграбившего свою провинцию, как адвокаты жалобщиков-провинциалов.

Мы ничего не знаем о взаимоотношениях Тацита и Траяна. Заметный рост автократизма при новом императоре не мог его радовать. Похвалы Траяну содержит только самое раннее произведение историка «Агрикола»; в «Германии» его имя однажды упоминается в специальном хронологическом контексте, а в сохранившихся частях позднейших исторических произведений оно уже больше не встречается. Нет сведений, чтобы Тацит занимал какой-нибудь пост, открывавшийся в императорских провинциях для консуляра (сенатора в консульском звании). По сенатской линии он получил традиционное годичное наместничество (проконсулат). Эту должность он отправлял в провинции Азия в 112—113 или 113—114 гг.

Основное содержание жизни Тацита в последомициановский период составляла литературная деятельность; он стал историком императорского деспотизма и подобострастия сената. Как мы увидим в дальнейшем, есть все основания предполагать, что последний исторический труд Тацита

«Анналы» был закончен уже во времена императора Адриана (117—138 гг.).

Год смерти Тацита неизвестен.

II

В Риме издревле было принято произносить на похоронах значительного лица хвалебную речь в честь покойника (*laudatio funebris*); впоследствии к древнему обычаю стала присоединяться публикация жизнеописания в форме книги. Для Тацита составление биографии его тестя Агриколы являлось семейным долгом, которого он не мог выполнить при жизни Домициана. Первым литературным произведением историка стало «Жизнеописание Юлия Агриколы» (начало 98 г.)⁴ — *De vita Julii Agricolae* (сокращенно «Агрикола»). Вместе с тем «Жизнеописание Юлия Агриколы» представляет собой политический памфлет. Сенатская аристократия первого столетия империи выработала особый вид биографии оппозиционных деятелей, мучеников «свободы», погибших от императорского террора. Прообразом таких героев был Катон младший, противник Юлия Цезаря, считавшийся идеальным воплощением республиканских «добродетелей». После Домициана интерес к биографиям этого рода снова оживился. Плиний Младший называет в своих письмах 2 сборника таких произведений (V, 5 и VIII, 12), главной темой которых было прославление погибших, как защитников свободы сената и врагов деспотизма.

Политическая установка монографии Тацита совершенно иная. Его тесть Агрикола отнюдь не являлся мучеником за «свободу»; он был чужд всяких крайностей и стремился ладить со всеми, в первую очередь с императором. Тацит располагал слишком незначительным материалом для того, чтобы изобразить Агриколу как жертву Домициана. В «Агриколе» говорится, что император, справлявший фиктивные триумфы по случаю мнимых побед над германцами, завидовал реальным успехам Агриколы в Британии и не поручал ему новых провинций. В этом утверждении много преувеличенного. Археологические исследования римско-германской пограничной линии (*limes*) обнаружили, что победы Домициана совсем не являлись вымыслом; с другой стороны, завоевательные операции Агриколы в отдаленной и дикой Британии вряд ли оправдывали те средства, которые нужно было затрачивать на них, — во всяком случае Риму пришлось очень скоро сократить площадь своей британской провинции. Как бы то ни было, Агриколу нельзя было ставить в один ряд с оппозиционными сенатскими деятелями. Сторонники этой группировки, вероятно, упрекали Агриколу в чрезмерной уступчивости и угодничестве перед императором. Такие же обвинения раздавались, надо полагать, и по адресу самого Тацита. Апология Агриколы и его поведения в монографии его зятя тем самым косвенно становится апологией самого автора монографии. Биограф Агриколы признает поведение своего героя положительным образцом.

Оппозиционный жест сам по себе бесполезен, и против его поклонников направлена своим политическим острием монография Тацита. Империя, положившая в свое время конец гражданским смутам, стала неизбежностью. Долг сенатора — исполнять свои гражданские обязанности по отношению к государству (*res publica*), невзирая на возможные неудобства императорской формы правления. Пример Агриколы показывает, что, при надлежащих моральных и деловых качествах, сенатор может выполнить этот долг и стать великим человеком даже при дурном императоре, не нуждаясь в «честолюбивой смерти» (42) оппозиционера.

Всем показом жизненного пути своего тестя Тацит создает образ, глубоко отличный от старинного римского аристократа, считавшего себя социально равным цезарям. Агрикола, провинциал, скромно воспитанный в патриархальной Массилии (Марсели), не слишком богатый, деловитый и почтительный в отношении вышестоящих, умеренный в своем образе жизни — образцовый представитель новой римской знати. Траян был деятелем сходного типа. Автор приветствует нового императора не только от собственного имени, но и от лица своего героя. Агрикола будто бы предсказывал, что Траян будет императором, уверяет Тацит, и горячо желал этого (44).

В политической концепции Тацита государственный строй империи внутренне принят. Страшное время Домициана, особенно годы после смерти Агриколы, получают сжатую, но мрачно-выразительную характеристику. Но теперь наступил «счастливейший век», и уже на самой заре этого века Нерва Цезарь сумел соединить дотоле несоединимые вещи — «единовластие и свободу» (3), иначе говоря, империю и соблюдение прав сената.

Биографический жанр установился в греко-римской исторической и ораторской литературе еще с IV в. до н. э. Существовали разные подвиды этого жанра: справочная биография, биография-восхваление, биография-характеристика и т. д. «Жизнеописание Юлия Агриколы» не подходит полностью ни под один из устоявшихся типов; это — биография, переходящая в историческое повествование. Важнейший этап деятельности Агриколы — его наместничество в Британии (68—74 гг.) — рассказан как глава из истории Рима; предшествующая часть его жизни и его последующее бездействие при Домициане трактуются в более узком биографическом плане. Большое место занимает, как это было принято в античной историографии, описание военных действий. Вместе с тем внимание историка привлекают черты характера побежденного народа. Тацит понимает, что военные успехи Рима в значительной мере основаны на внутренних раздорах британских племен (12), что эти племена легче всего поработить, опираясь на местных князьков (14). Мероприятия Агриколы по романизации британской знати историк считает «спасительными» (21): «у людей несведущих это называлось образованностью, тогда как тут была доля их рабства» (21). Не затушевывает автор и тех насилий, при-

теснений и поборов, которые приносило британцам римское завоевание. Идеолог рабовладельческого общества несомненно признает эти явления нормальными и возражает только против отдельных эксцессов (19).

Традиционным приемом античной историографии были речи. Они влагались в уста государственных деятелей или полководцев, но в действительности представляли собой комментарий историка к описываемым событиям. В речи Калгака (30—31), вождя племен Северной Каледонии (совр. Шотландии), собраны обвинения, которые могли бы бросить покоренные народы своим завоевателям. По отношению к римлянам такие упреки формулируются еще во II в. до н. э. в речи (действительной) Катона Старшего за родосцев, а позже в письме (фиктивном) понтийского царя Митридата у Саллюстия. Однако наиболее резкую форму придает этим обвинениям Тацит.

С техникой исторического повествования роднит монографию Тацита также и наличие в ней географическо-этнографического экскурса о Британии и ее населении (10—12). Экскурс этот был тем более уместен, что в результате походов Агриколы знакомство римлян с Британией уточнилось.

Стиль монографии дифференцирован в различных ее частях. Там, где она приближается к историческому повествованию, Тацит ориентируется на классиков римской историографии, главным образом на Саллюстия, но также и на Ливия. Вместе с тем индивидуальные стилистические тенденции Тацита заметны уже здесь: стремление к необычному, асимметрическому, к семантической полновесности и сжатой выразительности. Другие страницы книги стилизованы в ораторском жанре: вступление и заключение, главы о терроре Домициана, традиционное в надгробных речах обращение к покойному (45, 46). Здесь образцом является гармонический стиль Цицерона, вплоть до многочисленных дословных заимствований.

* * *

В том же 98 г., к которому относится «Агрикола», Тацит написал другую монографию, и притом в совершенно иной стилистической традиции: «О происхождении германцев и местоположении Германии» — *De origine et situ Germanorum* (сокр. «Германия»). Выбор заглавия указывает на жанр произведения. Античные историки, повествуя о малоизвестных странах и народах, сопровождали свой рассказ географическими и этнографическими экскурсами — о «местоположении» страны и «происхождении» племени.

Описание путешествий по чужим землям и сведения о населяющих их народах — один из наиболее ранних видов греческой литературной прозы. Первое крупное произведение греческой историографии — «История» Геродота — содержит целый ряд географо-этнографических экскурсов. Мысль о тесной связи между географией, этнографией и историей нашла

горячего сторонника в лице философа и историка Посидония (около 135—51 гг. до н. э.), теории которого оказывали большое влияние на греко-римскую мысль первых веков нашей эры. Римские историки, по крайней мере со времени Саллюстия (около 86—35 гг. до н. э.), также сопровождали свое изложение географо-этнографическими экскурсами. Как мы видели, этой традиции последовал и Тацит в «Агриколе».

Особенность «Германии» Тацита в том, что она является самостоятельным произведением. В этом отношении она занимает изолированное положение среди сохранившихся памятников греко-римской письменности. Однако среди не дошедших до нас произведений имелись труды, очень напоминающие монографию Тацита по названию. Так, у Сенеки были трактаты «О местонахождении Индии», «О местонахождении и религии египтян». Труд Тацита, очевидно, должен быть связан с традицией таких монографий, возникших в порядке обособления прежних экскурсов, превращения их в самостоятельное целое.

«Германская» тема в 98 г. представляла актуальный интерес. Новый император Траян не спешил с приездом в Рим и заканчивал операции на Рейне и Дунае. В Риме несомненно шли споры, продолжать ли завоевательную политику в Германии. Тацит не приходит в своем труде к каким-либо ясно высказанным политическим выводам, но по всему изложению видно (см. особенно гл. 33 и 37), что он рассматривает германцев как опаснейших соседей, упорное стремление которых к независимости является источником постоянных трудностей для римской экспансии. Как бы мимоходом брошенное замечание о том, что в последнее время над германцами больше праздновалось триумфов, чем было побед (37), направлено против домициановской пропаганды, заверявшей, что Риму уже ничего не грозит со стороны германцев. Монография Тацита должна показать, что германская опасность существует, и дать картину жизни народа, являющегося источником этой опасности. Забота о судьбах Рима диктует Тациту его литературные интересы. Траян стал на иную точку зрения. Он предпочел мирно уладить германские конфликты и перенес завоевательные планы на овладение Дакией. На монетах первых лет правления Траяна иногда начертана надпись «Germania pacata» («умиротворенная Германия»).

Мы уже говорили о том, что трактат «Германия» не основан на личном знакомстве Тацита с этой страной. В распоряжении писателя были многочисленные источники, письменные и устные. Первое описание германцев как особого народа принадлежало Юлию Цезарю, который в «Записках о галльской войне» (книга VI) уделил место 2-м этнографическим экскурсам — о галлах и глубоко отличных от галлов германцах. Во времена Августа описание Германии было дано известным историком Титом Ливием (эта часть его труда не сохранилась). Наиболее богатым и разносторонним источником информации о Германии должен был явиться для Тацита не дошедший до нас труд Плиния Старшего «Германские

войны». Плиний хорошо знал Германию и провел в ней ряд лет на военной службе. Интересы его распространялись на самые различные области природы и человеческой жизни, и обширное повествование о германских войнах, занимавшее двадцать книг, несомненно заключало в себе много материала, полезного для Тацита. Сведения о германцах имелись также в многочисленных трудах римских историков I в. Во всех этих книгах история отношений римлян с германцами доводилась примерно до конца правления императора Клавдия (54 г.). Имел ли Тацит подробные литературные источники для более позднего времени, трудно сказать. Он, вероятно, пользовался письменными и устными сообщениями, исходившими как от людей сенатского круга, бывших командующих армиями в Верхней и Нижней Германии, так и от работников финансового управления, военнотружеников, купцов и т. д., наконец — от самих германцев, находившихся в Риме.

«Германия» состоит из 2 частей — общей и специальной. Общая часть содержит главы 1—27.⁵ Тацит начинает с краткого и не очень точного сообщения о географических границах Германии; затем он переходит к ее жителям, которых он считает исконными обитателями своей страны, рисует их физический тип и сравнительно скудные природные богатства земли. Следуют сообщения о военном деле, религии; более подробно останавливается автор на общественном строе германцев и их быте. В специальной части (28—46) дается обзор германских племен. Сначала рассматриваются ближе известные римлянам западные и северо-западные германцы, затем Тацит переходит к обширному племенному союзу свебов и дунайским племенам и заканчивает свое изложение народностями востока и северо-востока Германии и их соседями. По мере удаления от Рима географические и этнографические сведения автора становятся все более туманными и фантастическими.

«Германия» затрагивает почти весь круг вопросов, подымавшихся в древности при описании народов. Но с наибольшим интересом останавливается Тацит на тех чертах германцев, которые находятся в резком контрасте с римской жизнью.

Уровень общественного развития германцев во время Тацита Энгельс определяет как начальную стадию высшей ступени варварства.⁶ Римский сенатор Тацит относится с чувством надменного превосходства к полудиким грязным германцам, не знающим городов, одетым в звериные шкуры, проводящим значительную часть времени в праздности и пьянстве; с другой стороны, он не мог не заметить, что традиция о древних римлянах, о римлянах той эпохи, которая в глазах Тацита и многих его современников представлялась наиболее цветущим временем истории римского народа, приписывала им некоторые черты, сближающие их с современными ему германцами. Обличитель императорского абсолютизма, скорбевший о раблении сенаторского сословия, Тацит находил у германцев то же стремление к свободе, которое предание приписывало древним

римлянам, изгнавшим царей и установившим республику. Отсюда та симпатия к «врагам» римского народа, германцам, с которой Тацит часто изображает их нравы.

Идеализация народов, живущих родовым бытом, была свойственна античному обществу на всех этапах его исторического развития. Как положительная черта этих народов особенно часто отмечается отсутствие частной собственности на землю. Римские писатели эпохи империи приписывают к этому чистоту семейной жизни. Согласно Горацию (Оды, III, 24), скифы, живущие в повозках, и геты, не имеющие земельной межи между пашнями, счастливее римлян; к тому же святость брака у них не нарушается. Обе эти черты напоминают поэту древний Рим.

Тацит далек от идеализации германского общественного строя и быта в целом, но на чистоте семейной жизни он останавливается подробно (18—19) и дает при этом волю своей патетической декламации. Энгельс справедливо отмечает, что «его рассказ оставляет здесь много пробелов, и, кроме того, он слишком явно служит зеркалом добродетели для развращенных римлян».⁷ В семейном строе германцев Тацит многого не понял. Так, купля жены превращается у него в приданое, которое в отличие от римлян не жена приносит мужу, а муж жене (18). И, конечно, совершенно беспомощным оказывается римский историк перед теми следами материнского права у германцев, которое Энгельс обнаружил на основании его же изложения.⁸ Когда дело доходит до племени ситонов, в котором верховная власть принадлежит женщине (45), автор «Германии» возмущенно говорит о вырождении по отношению не только к свободе, но даже к рабству.

Двойственное отношение Тацита к идеализации диких народов ясно обнаруживается в картине жизни восточных соседей германцев — финнов. У них «удивительная дикость, отвратительная бедность» (46): нет оружия, нет коней, нет домов. И вместе с тем Тацит готов в теории согласиться с философами-киниками, восхвалявшими такую бедную жизнь. Финны достигли самого трудного — у них нет нужды даже желать чего-нибудь.

Стремление автора к морально-психологическим толкованиям нередко становится причиной искажения действительности. Примитивные черты религии германцев, не знавших храмов и изображений богов (Тацит, по-видимому, здесь несколько преувеличивает), получают объяснение в духе античной вульгарной философии, будто храмы и изображения несовместимы с «величием» небесных существ (9). Утверждение, что германцы избегают могильных памятников как давящих мертвеца своей тяжестью (27), опровергается археологически — многочисленными могильными камнями германских погребений. К тому же ни сам Тацит, ни те римские или греческие писатели, трудами которых он мог пользоваться, не знали языка германцев. При описании их общественного строя и религии автор лишь очень редко пользуется германскими терминами и име-

нами и заменяет их римскими. Он все время говорит о «царях», «вельможах», «вождях», «рабах», «вольноотпущенниках», «гражданских общинах», «округах» без достаточного уточнения действительного значения этих терминов по отношению к германцам. Германские боги также получают римские имена. Все это сообщает изложению «Германии» расплывчатый, нечеткий характер. Встречаются анахронизмы. Тацит следует своим источникам, забывая, что они в значительной мере относятся уже к прошлому. Изображение батавов как верных союзников римлян (29) соответствовало действительности лишь до восстания 70 г. Отложение маркоманов и квадов в 89 г. резко нарушило те мирные отношения с Римом, о которых говорится в гл. 42. В разделе о гермундурах (41) граница между империей и германцами мыслится проходящей по Дунаю, что уже не соответствует положению дела в конце I в. н. э.

Таким образом, трактат Тацита имеет много недостатков, даже с точки зрения уровня, достигнутого античной этнографией. Однако автор ставил перед собой не научные, а политические и литературные задачи. У него есть ошибки, ложные толкования, но вместе с тем он сохранил ряд ценнейших сведений, свидетельствующих об осведомленности и наблюдательности тех его предшественников, которые, как например Плиний Старший, знали германцев по непосредственным наблюдениям. Именно сообщения Тацита позволили Энгельсу в его работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» восстановить картину родового строя древних германцев.

Мы уже говорили (стр. 214), что одним из римских предшественников Тацита в деле составления этнографических трактатов был Сенека, мастер «нового стиля» в декламационно-реторическом искусстве. «Германия» во многом примыкает к этой же литературной традиции. Короткие манерные фразы, исполненные антитез, параллелизмов, анафор, эпиграмматически отточенные сентенции, обилие поэтических оборотов, декламационный пафос — все это сближает «Германию» с римским «новым стилем».

* * *

Малые труды Тацита сохранились в единственной рукописи, — ныне почти полностью утраченной, — попавшей в руки гуманистов в XV в. Рукопись эта содержала, кроме «Германии» и «Агриколы», также «Диалог об ораторах». Первые 2 произведения были прямо засвидетельствованы как принадлежащие Тациту в самой рукописи; были ли такие же данные о «Диалоге», неясно, но почти во всех гуманистических списках Тацит обозначен как его автор. В XVI в. возникли попытки оспаривать подлинность диалога на том основании, что в отличие от прочих трудов историка Тацита это произведение стилистически ориентировано на Цицерона. Со стороны содержания нет, однако, никаких препятствий к признанию подлинности «Диалога»: об этом свидетельствуют и общая идеоло-

гическая направленность произведения, и близость отдельных его положений к историческим трудам Тацита. В настоящее время лишь немногие решаются отрицать подлинность этого произведения; однако «стилистический» аргумент и поныне производит впечатление на некоторых исследователей: они объясняют особенности диалога тем, что это — самое раннее произведение Тацита, написанное еще до того, как автор выработал стиль, известный нам из «Агриколы» и «Германии». В основе этого аргумента лежит недооценка античного стилистического искусства, способности древнего писателя варьировать свой стиль в зависимости от жанра и ориентации на тот или иной образец.

Тема «Диалога» — причины упадка красноречия.

На этот вопрос обращали внимание в I в. н. э. римские писатели самых различных направлений: и поклонник декламаторов времени Августа Сенека Старший (Контroversии, I, предисловие, 6 сл.), и наиболее выдающийся мастер «нового стиля» Сенека Младший (114-е письмо к Луцилию), и более классицистически настроенный Петроний (в первых главах «Сатирикона»). Трактат Квинтилиана «О причинах порчи красноречия» не сохранился, но точка зрения автора известна по дошедшему до нас полностью большому труду «Обучение оратора». Все эти писатели выдвигают в качестве причины упадка красноречия порчу нравов, отсутствие стремления к серьезному труду. Тацит держался иного взгляда и считал упадок ораторского искусства следствием происшедшей в Риме перемены государственного строя. Мысль была несколько «крамольная» и требовала осторожного изложения. Тацит избрал форму диалога, в котором автор не отождествляет себя полностью ни с одним из участников и в известной мере может соглашаться со всеми.

Классиком диалогической формы в Риме был Цицерон. Обращение к нему было тем более показано, что содержание «Диалога об ораторах» имеет много точек соприкосновения со знаменитым диалогом Цицерона «Об ораторе». Искусство Тацита в воспроизведении цicerоновского стиля явилось, как мы видели, причиной недоверия филологов нового времени к подлинности «Диалога».

Действие «Диалога» отнесено к первым годам правления Веспасиана. Сенатор Куриаций Матерн, оратор и поэт, публично прочитал свою трагедию «Катон», где главным действующим лицом был Катон Младший, любимый герой сенатской оппозиции I в. н. э. Трагедия возбудила неудовольствие власть имущих. На следующий день Матерна посетили друзья, ораторы Апр и Секунд, под руководством которых Тацит проходил свою «выучку на форуме». Как лицо, сопровождающее своих учителей, юный Тацит становится немым участником собеседования Матерна с друзьями.

Друзья огорчены опасным уклоном поэтической деятельности Матерна. Не лучше ли ему вернуться к красноречию? Первая часть диалога (5—13) содержит спор о том, надлежит ли предпочесть деятельность судебного оратора или поэта. Апр горячо превозносит судебное красноречие как

общественно полезную деятельность, доставляющую творческие радости, славу, богатство, высокое положение в государстве, благосклонное уважение императора. В своем ответе Апру Матерн подчеркивает отрицательные стороны судебного красноречия в эпоху империи. Оно корыстно и запятнано кровью (12). Те мрачные фигуры нероновского времени, которые Апру ставит в образец, «никогда не кажутся повелителям достаточно рабопенными, а нам достаточно свободными». С этими положениями Матерна Тацит, как мы его знаем по другим произведениям, несомненно согласен. Однако положительная часть речи Матерна — хвала поэзии и уединения в лесах и рощах — выдержана в нереальных идиллических тонах и римского читателя убедить не может. Автор дает понять, что он не всегда солидаризируется со своим главным действующим лицом.

Разговор принимает иной уклон с появлением нового собеседника. Это Мессала, молодой человек знатного происхождения, поклонник старины. Начинается новый спор — о сравнительной ценности древнего и нового красноречия (15—26).

С защитой современного ораторского искусства выступает тот же Апру. Он доказывает, что изменение ораторского стиля, наступившее после Цицерона, отвечает более высоким художественным запросам культурно выросшей аудитории.

Литературная практика самого Тацита, отнюдь не чуждавшегося украшений «нового» стиля, заставляет думать, что автор диалога считает некоторые мысли Апра справедливыми. Мессала не оспаривает стилистических достижений послещицероновского времени, но подчеркивает «здоровый» характер старого ораторского искусства в отличие от бессодержательного легкомыслия и фиглярских приемов речи у современных краснобаев. Собеседование вступает в свой последний этап: разбирается вопрос о причинах упадка красноречия.

Тут мы снова имеем 2 речи — Мессалы и Матерна. Текст этой части диалога дошел в поврежденном виде. Утерян конец речи Мессалы и начало выступления Матерна. Если второй друг Матерна Секунд участвовал в диалоге, то его речь пропала в той же лакуне.

Мессала выступает с изложением общепринятой в то время точки зрения: в упадке красноречия повинно нерадение молодежи, небрежность родителей, невежество преподавателей. Речь Мессалы зачастую переключается с трактатом Квинтилиана «Обучение оратора», вплоть до текстуальной близости. Вслед за Цицероном Мессала считает, что оратор нуждается в широком образовании и должен изучать философию. Тацит не случайно вложил эти малооригинальные мысли в уста наиболее молодого из участников собеседования. Более глубокое объяснение упадка красноречия в Риме он приберег для заключительного выступления Матерна.

По мысли Матерна, основной причиной, определяющей расцвет или упадок красноречия, является государственный строй. Наилучшая почва для развития ораторского искусства — демократическое устройство. Великое красноречие существовало в Афинах при Демосфене, в Риме — во вре-

мена Цицерона, т. е. в те эпохи, когда шла ожесточенная борьба политических группировок. «Великое красноречие есть питомец своеволия, которое глупцы называют свободой, спутник возмущений, подстрекатель необузданного народа» (40). Когда государственные вопросы решались народным собранием, когда судебные процессы зачастую имели политический характер, красноречие было важным двигателем общественной жизни, вызывало всеобщий интерес, стимулировало таланты. В условиях империи красноречие не может играть прежней роли. Теперь, когда государственные дела решает «мудрейший и один», когда преступления так редки и милосердие правителя делает ненужной функцию защитника, время великого красноречия прошло (41).

Это звучит монархически. Но внимательный читатель не может не вспомнить первой части диалога, где Матерн избрал героем своей трагедии Катона Младшего. Поклонник Катона не мог бы считать, что только глупцы именуют республиканское «своеволие» свободой. Читатель должен был понять, что идилическая картина Рима, где «преступления так редки», легко допускает ироническое истолкование. Тацит нашел нужным смягчить свой пессимистический вывод о невозможности великого красноречия в условиях империи комплиментами по адресу «мудрейшего» и «милосердного» правителя, — не столько, конечно, Веспасиана, ко времени которого относится действие диалога, сколько того императора, при котором это произведение вышло в свет. Политическая двойственность Тацита, сочетающего признание неизбежности империи с ненавистью к деспотизму императоров и раболепию сената, пронизывает весь «Диалог» и отражается в двойственной обрисовке главного действующего лица — Матерна.

Объяснение упадка красноречия политическими условиями империи не являлось совершенно новой идеей. Следы этого объяснения имеются в греческой литературе I в. н. э. Выдающийся памятник античной эстетической теории, трактат «О возвышенном», составленный в 40-х годах неизвестным греческим ретором, жившим в Риме, содержит рассмотрение вопроса о причинах отсутствия «возвышенных» дарований в современной литературе. Рассуждение облечено в форму диалога между автором трактата и неким «философом», который ссылается на «широко распространенный» взгляд, что выдающееся красноречие возможно только в условиях демократии. Условия римской империи с ее «справедливым рабством» напоминают «философу» клетку для искусственного выращивания карликов. Автор старается смягчить опасные мысли «философа» и от своего лица предпочитает обычное моралистическое объяснение измельчания талантов.

Мы можем назвать только одного сторонника того взгляда, который охарактеризован в трактате «О возвышенном» как широко распространенный. Это известный иудео-эллинистический философ I в. н. э. Филон Александрийский. Некоторые исследователи считали, что в трактате «О возвышенном» воспроизводятся мысли именно Филона. Более правдоподобно,

однако, объяснять сходство между трактатом «О возвышенном» и Филоном наличием общих источников. Очень возможно, что эти источники относятся еще к эллинистической эпохе, что в них противопоставлялся упадок красноречия в эллинистических монархиях его расцвету в древних Афинах или в родосской демократии. Не исключена возможность, что таким источником был Посидоний. С возникновением Римской империи те же вопросы встали в Риме,

В отличие от автора трактата «О возвышенном» Тацит отнюдь не считает, что в его время отсутствуют возвышенные дарования. Он только полагает, что обладателям таких дарований нужно теперь обращаться не к красноречию, а к другим литературным жанрам. Матерн избрал поэзию, — для римского сенатора это необычный выход из положения. Сенатор Корнелий Тацит отказывается от красноречия ради историографии, и читатель «Диалога» должен оценить основательность его мотивов.

Дата написания «Диалога» определяется тем, что собеседование, относящееся к первым годам правления Веспасиана, происходило в дни «ранней юности» автора (1). Стало быть, произведение написано значительно позже. При Домициане оно по политическим условиям не могло бы выйти в свет. Естественнее всего думать, что трактат относится к первым годам II в., когда Тацит переходит от красноречия к своим историческим трудам. Портрет исторического деятеля в «Агриколе» и изображение народа в «Германии» еще не выходили, с точки зрения античной теории словесности, за рамки «ораторских упражнений». В первых книгах писем Плиния Тацит прославляется как крупнейший авторитет в области красноречия. В дальнейшем характер упоминаний Плиния о Таците меняется: это уже историограф, автор «Истории», которая начала, по-видимому, издаваться в 105 г. Переход писателя к новому жанру обосновывается в «Диалоге».

Любовь автора к ораторскому искусству, тоска по его былому и невозвратимому величию, в оболочке блестящего цicerоновского стиля, создает вокруг «Диалога» мечтательную дымку и делает его одним из самых увлекательных произведений римской литературы.

III

Первый значительный труд Тацита — «История» (Historiae). В Риме этим заглавием часто пользовались при описании событий, современником которых был сам автор произведения. Однако выполнение не вполне отвечает той первоначальной программе, о которой мы узнаем из вступления к «Агриколе» (3). Тогда Тацит обещал сочетать в своем будущем труде «память прошлого рабства» со «свидетельством о нынешнем благополучии». В 97—98 гг. римский читатель естественно понимал это обещание как изображение мрачного правления Домициана и поворота, наступившего со времен Нервы и Траяна. «История» построена иначе. Она представляет собой рассказ о правлении Флавиев, начиная с гражданской войны 69 г.,

которая привела их к власти, вплоть до гибели последнего представителя династии — Домициана. «Нынешнее благополучие» оставлено в стороне, и автор считает нужным извиниться перед читателем, — и перед императором, — заявляя, что о «годах редкого счастья» при Траяне он расскажет в старости, если доживет (История, I, 1).

Также и это обещание, если считать, что писатель когда-либо к нему серьезно относился, осталось не выполненным. Закончив «Историю», Тацит обратился не к настоящему, а к более отдаленному прошлому. Его второй большой труд озаглавлен «От кончины божественного Августа» (Ab excessu Divi Augusti). Здесь дана история Римской империи после ее основателя Августа, рассказано о правлении Тиберия, Калигулы, Клавдия и Нерона (14—68 гг.).⁹ Свой второй труд Тацит однажды называет (Анналы, IV, 32) «анналами», т. е. «летописью». Это не заглавие, а наименование историографического жанра, посвященного более раннему времени, чем «История», но в новое время «Анналами» стали называть самый труд вместо длинного и неудобного названия, которое ему дал автор. «Анналы» смыкаются с «Историей», которая становится их продолжением. Оба произведения составляют единое целое — историю Рима от 14 до 96 г. Как единое целое даны они и в рукописях.⁹ Заглавие «История» восстановлено было только филологами XVI в. на основании античных свидетельств (Плиний Младший, Тертуллиан).

О произведении, посвященном временам Нервы и Траяна, речи больше нет. Теперь Тацит собирается, если жизнь ему позволит, заняться в будущем еще более ранним периодом — правлением Августа (Анналы, III, 24). Этот замысел тоже не был выполнен.

Надо думать, что Тацит не случайно отказался от изображения времен Траяна. При Траяне стабилизировалось сотрудничество императора с сенатом, но фактически власть императора при этом увеличилась и значение сената еще более пошло на убыль. Порядки эти не могли не вызывать неудовольствия Тацита, но позиция деятелей его типа оказывалась изолированной в рядах самого сената, где «староримская» группировка уменьшилась количественно и охотно шла на примирение с императорской властью. Мировоззрение историка становилось все более пессимистическим, а картины прошлого, которые он рисовал, — все более мрачными.

Оба основных исторических труда Тацита сохранились только частично. От «Истории» дошли первые 4 книги и часть пятой — гражданская война 69 г. и самое начало правления Веспасиана (70 г.). От «Анналов» сохранилось на различных путях рукописной традиции 2 массива. Один из них составляет начало произведения, его первые 6 книг, в которых рассказан конец жизни Августа и правление императора Тиберия (14—37 гг.). В этой части имеется, однако, большая лакуна, охватывающая почти всю пятую книгу (кроме ее начала) и начало шестой. В лакуну попали события конца 29 г., весь 30 г. и большая часть 31 г. Повествование о Калигуле и первых годах Клавдия не сохранилось. Второй массив начинается со сре-

дины одиннадцатой книги (с 47 г.) и обрывается в середине шестнадцатой книги на незаконченном рассказе о гибели лидера сенатской оппозиции Тразея Пета при Нероне (66 г.). Удалось ли Тациту закончить свой труд, довести «Анналы» до начала изложения «Истории», неизвестно.

Христианский писатель IV в. Иероним сообщает, что произведение Тацита, которое он рассматривает как единое последовательное целое «от кончины Августа до смерти Домициана», состояло из 30 книг.¹⁰ Какая часть из них падает на «Анналы» и какая на «Историю», неясно (18 + 12 или 16 + 14?). До нас дошло, таким образом, около половины всего труда.

Из письма Плиния Младшего (VII, 33) видно, что около 108 г. часть «Истории» была опубликована, но Тацит собирал в это время материалы для описания извержения Везувия в 79 г., т. е. не дошел еще до правления Домициана. Надо думать, что «История» была закончена не ранее 110 г. При этих условиях трудно себе представить, чтобы такой сложный труд, как «Анналы», был завершен еще при Траяне, т. е. до 117 г., тем более что на этот промежуток времени падает проконсульство Тацита в Азии. Почти несомненно, что историк продолжал работу над «Анналами» при преемнике Траяна — Адриане.

* * *

Наукообразное осмысление исторического процесса возникало в античном мире лишь спорадически, и занимались этим чаще философы, чем историки. Историография развивалась не как наука, а как искусство, как один из жанров повествовательной художественной литературы.

В классический период своего развития греческая поэзия изображала либо мифологических героев, возвышавшихся над обыденной действительностью (эпос, трагедия), либо карикатурные комедийные маски. Средний человек мог подаваться лишь как реальное лицо, не преобразованное в художественную фикцию. Ответом на эстетический запрос, требовавший персонажей среднего уровня, было развитие прозаических жанров. Художественная историография, изображавшая жизнь реальных людей, их чувства и стремления, становилась в один ряд с поэзией, восполняя оставленный ею пробел.

Греческая историография имела художественный характер с самого своего зарождения в VI—V вв., особенно у Геродота. Фукидид присоединил к художественной стороне ряд наукообразных элементов: историческую критику, искание причинности в ходе событий, политический анализ. Но последующие историки в большинстве своем не удержались на научном уровне изложения Фукидида. С наступлением упадка полисной системы в IV в. литературные задачи историографии стали преобладать над научными. В литературном сознании позднейшей античности историографический жанр занимал промежуточное положение между красноречием и поэзией. История — учительница жизни, сокровищница примеров, иллюстрирующих добродетели и пороки. Она служит для поучения — в области

морали, политики, военного дела — и одновременно для услаждения. Рассказ историка мог тяготеть либо к риторическим прославлениям и порицаниям, и блистать тогда речами, письмами, описаниями, либо к драматической напряженности, вызывать сильные эффекты — страх, сострадание, изумление. Стремление «потрясти» читателя сближало историографический жанр с трагедией. Предполагалось, конечно, что историк должен быть правдивым, но это требование очень часто нарушалось. Вопросы проникновения в причинный ход исторического развития у эллинистических теоретиков историографии даже не ставятся. Греческое рабовладельческое общество эпохи эллинистических монархий уже не чувствовало себя в силах сознательно распоряжаться своей судьбой.

Лишь один историк эллинистического времени составляет исключение. Это — Полибий (около 201—120 до н. э.), свидетель возвышения Рима как мировой державы и превращения Греции в римскую провинцию, первый в ряду греческих мыслителей, обслуживающих идеологию римской аристократии. Римское общество находилось еще в процессе восходящего развития, и Полибий возвращается к проблематике исторической причинности. Он объясняет успехи Рима прочностью его государственного строя, в котором смешаны элементы, свойственные и монархии, и аристократии, и демократии. Продолжателем Полибия являлся философ и историк Посидоний, о котором мы уже вспоминали в связи с «Германией» и «Диалогом» Тацита; его метод, по-видимому, оказал большое влияние на римских историков, начиная с Саллюстия.

В Риме годовые записи — «анналы» (*annus* — год) — существовали издревле. С конца III в. до н. э. стали появляться писатели — «анналисты», которые в форме погодной хроники рассказывали о событиях римской истории. Произведения эти преследовали политические цели; они были обращены к эллинистическому миру и писались по-гречески. Авторы их нередко являлись видными политическими деятелями. Художественных задач эти труды себе не ставили. Излагать историю для римских читателей, и притом в художественной форме, предоставлялось поэтам, которыми в это время могли быть только люди невысокого общественного положения.

Со середины II в. до н. э. римские историки стали пользоваться латинским языком, но по своему художественному уровню римская историография сравнялась с греческой только во второй половине I в. до н. э. (Саллюстий, Ливий и др.). Характерным для Рима осталось, однако, то, что историографическая деятельность продолжала привлекать к себе людей с государственным и военным опытом. Наряду с кабинетными литераторами вроде Тита Ливия в качестве историков продолжали выступать сенаторы, писавшие зачастую о тех событиях, в которых они лично принимали участие. Один историк продолжал повествование другого: Саллюстий примкнул к изложению более раннего историка Сизенны. Видный деятель времен Цезаря и его преемников Азиний Поллион близко примкнул к Саллюстию

в своем рассказе о гражданской войне, приведшей к установлению империи. Правлению Августа был посвящен исторический труд Кремуция Корда. Судьба этого произведения свидетельствует уже о новых условиях историографической деятельности, наступивших в период империи. Автор был обвинен в том, что восхвалял убийцу Цезаря (Анналы, IV, 34—35). Сенат постановил сжечь его книги, и Кремуций Корд лишился жизни. Некоторые экземпляры, однако, сохранились, и книга впоследствии переиздавалась. Тем не менее традиция сенатской историографии не оборвалась. Ее продолжали консулары Сервилий Ноннан и Клувий Руф. Историки-сенаторы не уходили в глубокую древность и считали своей основной задачей рассказ о политических событиях сравнительно недавнего прошлого. Антикварные и культурно-исторические интересы были чужды им в отличие от историков «кабинетного типа» (*scholastici*). К этой последней категории после Тита Ливия принадлежали, по-видимому, 2 известных историка — Авфидий Басс в первой половине I в. и Фабий Рустик — во второй. Тацит, разумеется, обновляет традицию сенатской историографии.

* * *

«Программные» декларации Тацита во вступлениях к «Истории» и «Анналам» не выходят за рамки установившейся уже в течение столетий эллинистическо-римской историографической теории. От историка требуются два качества — красноречивое изложение и правдивость. В Риме, пока дело шло о временах республики, бывали выдающиеся историки, которые удовлетворяли обоим требованиям (История, I, 1). С установлением империи «эти великие таланты перевелись» (там же). Здесь звучат мотивы «Диалога об ораторах»: политическая обстановка империи губительно действует на судьбы красноречия. Правдивость изложения тоже пошла на убыль, — сперва «по неведению государственных дел...», потом — из желания польстить властителям или, напротив, из ненависти к ним» (там же). Империя положила конец публичному обсуждению государственных вопросов в народном собрании и перенесла решение многих важнейших дел даже за пределы сената, в узкий круг советников принцепса. Тайный характер управления и отсутствие доступной документации ограничивали осведомленность историков; недостаток государственного опыта приводил к поверхностному пониманию событий. С другой стороны, правдивый рассказ был невозможен в атмосфере лжи, созданной императорским строем (ср. также: Анналы, I, 1). Противопоставляя себя предшествующим историкам империи, Тацит заявляет о своей неколебимой любви к истине (История, I, 1), обещает рассказывать «без гнева и пристрастия» (*sine ira et studio* — Анналы, I, 1), продолжая тем самым традиции республиканской историографии. Для «Истории» возможность правдивого изложения обеспечивалась политической обстановкой, установившейся при Траяне, —

«когда каждый может думать, что хочет, и говорить, что думает» (История, I, 1); «Анналы» были посвящены более далеким уже временам.

Избирая темой «Истории» гражданскую войну после гибели Нерона и правление Флавиев, Тацит считает нужным предупредить о мрачном колорите событий, которые будут развернуты перед читателем. Несколько иной, но столь же мрачный характер имеют «Анналы», в которых значительное место занимают картины террористического правления Тиберия и Нерона. Атмосфера разворачивающейся трагедии разлита по обоим историческим произведениям Тацита и определяет их художественное задание. Они принадлежат к тому историографическому жанру, который, согласно определениям античных теоретиков, изображает «страшное», «поразительное», потрясающее.

Вместе с тем Тацит, как почти все античные историки,— моралист. «Я считаю главнейшей обязанностью анналов,— пишет он,— сохранить память о проявлениях добродетели и противопоставить бесчестным словам и делам устрашение позором в потомстве» (Анналы, III, 65). С другой стороны, автор «Агриколы», «Германии» и «Диалога» продолжает оставаться публицистом также и тогда, когда обращается к изображению прошлого. В истории его интересуют лишь «наиболее значительные деяния» (Анналы, XIII, 34), т. е. события политической и военной истории, то, что касается императора, сената, армии.

При такой направленности своих интересов автор «Истории» и «Анналов» вправе считать себя наследником республиканских историков, повествовавших о «деяниях римского народа». Но именно в этом заключается ограниченность, архаичность основных подходов Тацита. Во времена республики, когда важнейшие государственные дела решались в народном собрании города Рима, Рим был ведущим политическим центром. Уже при Августе он потерял это значение, уступив его Италии в целом. Политическое развитие I в. н. э. вело к тому, что Италия стала утрачивать эту роль, и со времени Адриана центр тяжести империи перемещается на восток. Этого процесса Тацит не замечает и продолжает рассматривать историю империи с чисто «римской» точки зрения.

Однако вместе с этой уже устаревшей перспективой Тацит усвоил от своих республиканских предшественников очень важное положительное качество — стремление к самостоятельному осмыслению событий. Линия античной историографии, идущая от Фукидида через Полибия и Посидония к Саллюстию, нашла в лице Тацита своего последнего представителя. Историк хочет быть не только рассказчиком, повествующим о ходе событий, который «по большей части зависит от случая», а стремится проникнуть в «их смысл» (*ratio*) и «причины» (*causae*; История, I, 4). Отыскание «причин» и «начал» (*initia*) составляет постоянную заботу Тацита. Все это диктовалось единой задачей — осмыслить Римскую империю в ее возникновении и развитии и сделать отсюда политические выводы для настоящего.

* * *

Каковы же представления Тацита о движущих силах исторического процесса?

На этот вопрос исследователи давали самые разнообразные ответы. Пельман, написавший в начале нашего века специальную монографию о мировоззрении Тацита, нашел в его мыслях «хаос непроясненных и непродуманных мнений, мешанину из противоречий».¹¹ Почвой, на которой возникло это суждение, является риторический характер повествования, где участие «богов», «рока» или «фортуны» в равной мере допустимо как украшение возвышенного стиля.

В гражданской религии античного государства веры не требовалось, а нужно было лишь строгое выполнение обрядов. Те, кто в теории отрицали существование богов или по крайней мере сомневался в нем, признавали государственную религию на практике, как гражданскую и патриотическую ценность, как средство спайки рабовладельческого коллектива. Тацит был по своим политическим установкам традиционалистом и к тому же членом той жреческой коллегии пятнадцати мужей, которая в случае тяжелых «знамений» обращалась к оракулу «Сивиллиных книг» ради умилоствления «гнева богов». В свое время римская анналистика началась с записей о подобных знамениях («продигиях»), и последующие римские историки считали своей обязанностью продолжать эту традицию. Не отходит от нее, разумеется, и Тацит: «Повторять рассказы и тешить читателей вымыслами несовместимо, я думаю, с достоинством труда, мною начатого, однако я не решаюсь не верить вещам, всем известным и сохранившимся в преданиях» (История, II, 50). Следуя за своими источниками, он часто повествует о «чудесах» и «знамениях», но около половины таких рассказов сопровождается скептическими замечаниями историка. В других случаях Тацит либо вовсе не выражает своего отношения к достоверности сообщения, либо высказывается очень осторожно и неопределенно. Лишь по отношению к императорам Веспасиану и Титу, которым Тацит был обязан началом своей сенатской карьеры, делается исключение,— принимается версия официальной флавианской историографии о «благоволении неба и приязни богов» к Веспасиану (История, IV, 81).

Помимо традиционных знамений или оракулов. Тацит очень редко апеллирует к божественному воздействию, и то главным образом в поэтически окрашенных местах. В этих немногочисленных упоминаниях речь идет не об отдельных богах римской религии (Юпитере, Марсе и т. п.); «боги» фигурируют здесь коллективно и по большей части как «гневающиеся». О «благоклонности» богов говорится только при рассказе о совершенно ничтожных событиях. Лишь в официальной политической фразеологии, в речах императоров и членов сената, в международных переговорах обращение к богам и ссылки на них занимают свое прочное место.

В верхушечных кругах римского общества все более распространялись в это время представления вульгарной позднеантичной философии о едином божестве, провидении, бессмертии души и т. п. Тацит не последовал за новыми религиозными увлечениями. Метафизическое божество не играет у него никакой роли. Стоики учили о роке, предопределении. У Тацита «рок» (*fatum*) встречается только в порядке поэтического выражения, и почти всегда ссылка на рок сопровождается альтернативным указанием на естественную причину события. Столь же редко и тоже в высоком стиле или в цитатах и заставших выражениях мы находим ссылки на фортуна. Слово это обычно употребляется у Тацита в нарицательном значении — «случай», «удача».

В шестой книге «Анналов», относящейся, вероятно, уже к последним годам жизни историка, подводится некий итог его размышлениям и сомнениям по вопросу о силах, управляющих миром, — «определяются ли дела человеческие роком и непреклонной необходимостью, или случайностью» (22). Тацит приводит 3 наиболее распространенных взгляда: воззрения эпикурейцев, стоиков и астрологов, — но не решается присоединиться ни к одному из них.

Во всяком случае как историк он ищет естественных причин событий. В начале «Истории», после программного вступления (I, 1—3), мы находим очень интересную картину состояния империи перед гражданской войной 69 г. «Нужно, я полагаю, оглянуться назад и представить себе положение в Риме, настроение войск, состояние провинций, представить себе, что было в мире здорово и что гнило. Это необходимо, если мы хотим познать не только внешнее течение событий, которое по большей части зависит от случая, но также их смысл и причины» (История I, 4). Потенцию гражданской войны он усматривает в самом существе империи, опирающейся на военные силы. Тацит рисует состояние умов в Риме: настроение сенаторов, всадников, народа в его «лучшей» и более «низменной» части, даже рабов и, что самое важное, войска. Затем изображается состояние провинций и находящихся в них армий, как в западной, так и в восточной части империи. Историк не формулирует теоретических обобщений, но постоянно обращается к состоянию умов (*mens*) и нравов (*mores*) как к причине, лежащим в основе значительных исторических процессов. Политический опыт сенатора и магистрата позволяет Тациту разглядеть за императорскими капризами, за внешним ходом военных и сенатских дел также и внутренние пружины управления. В четвертой книге «Анналов» дается обзор состояния империи к 23 г. Описываются вооруженные силы, характер верховного управления, порядок заведования финансами и личным хозяйством императора, законность в судах (5—6).

Тем не менее «причины» являются в трудах Тацита лишь фоном, на котором разворачивается военно-политическое повествование и та картина взаимоотношения императора и сената, которая привлекает основное внимание автора как государственного деятеля, моралиста и художника.

* * *

Историко-политические интересы Тацита сосредоточены вокруг проблематики империи. Он сравнительно редко заглядывает в более далекое прошлое Рима, ограничиваясь в этих случаях краткими суммарными обзорами.

Согласно концепции Тацита, императорское единовластие возникло в интересах мира ради прекращения междоусобных войн. Тацит не обманывается видимостью республиканских форм, сохранявшихся при принцепате: римское государство таково, как если бы оно управлялось одним лицом (Анналы, IV, 33). Он примирился с монархическим устройством Рима, но ищет для этого строя смягченных форм.

Античная государственведческая теория различала в каждом виде государственного устройства «правильную» и «искаженную» форму. Для единовластия искаженной формой была тирания. Ненависть к тирании провозглашает все труды Тацита, начиная с «Агриколы». При всей своей не любви к философам он даже цитирует платоновского Сократа (не называя его, впрочем, по имени) для того, чтобы заклеить тиранов (Анналы, VI, 6). Тиберий, Нерон — самые мрачные портреты, созданные Тацитом. В таких же красках несомненно был изображен Домициан в несохранившихся частях «Истории». Рядом с тиранами — их приспешники, например Сеян при Тиберии и многочисленные, большей частью безымянные, «обвинители», «доносчики» (*delatores*), этот «разряд людей, придуманный на общественную погибель» (Анналы, IV, 30).

Средств предупредить возникновение тирании императорский строй не давал. Особенно опасным представлялся, с этой точки зрения, династический принцип наследования, при котором власть легко могла оказаться в дурных руках. По-видимому, одно время Тацит рассчитывал на адаптацию, усыновление достойного лица, как на желательный для Рима способ перехода императорской власти. Незадолго до того, как Тацит начал работать над «Историей», адаптация была использована Нервой, усыновившим Траяна (см. выше, стр. 210). В первой книге «Истории» император Гальба произносит большую речь о достоинствах усыновления как способе выбора преемника (16), многие мысли которой близко соприкасаются со взглядами Тацита. Можно думать, что историк избрал здесь Гальбу в качестве рупора своих собственных идей. Однако в дальнейшем Тацит ни разу не возвращался к этому вопросу. Надежды, возлагавшиеся на адаптацию, вероятно, не оправдались. Еще в «Истории» Тацит замечал, что Веспасиан был единственным императором, который, в противоположность своим предшественникам, с приходом к власти переменился к лучшему (I, 50); при Траяне он мог еще раз убедиться в справедливости своего обобщения. Отношение Тацита к единовластному правлению (*dominatio*) становится в «Анналах» гораздо более суровым, чем в «Истории».

Есть ли силы, способные противостоять императорскому деспотизму? Идеолог господствующей верхушки не считает народ такой силой. Под

«народом» Тацит понимает по-старинке население г. Рима, т. е. ту в значительной мере деклассированную люмпен-пролетарскую массу, которую императоры считали своим долгом кормить хлебными раздачами и забавлять развлечениями. Этот «народ» не занимается делами государства, не чувствует за них ответственности (История, I, 89). Общественной силы «народ» не представляет, тем более что «свободнорожденных плебеев с каждым днем становилось все меньше», а численность рабов «неимоверно росла» (Анналы, IV, 27).

На отношение Тацита к рабам проливает свет эпизод из книги XIV «Анналов» (42—45). В 61 г. префект Рима Педаний Секунд был убит своим рабом. Столкновение произошло на личной почве, но старинный обычай требовал казни всех рабов, находившихся в это время в доме. Население Рима протестовало против массовой казни невинных людей, и даже в сенате раздавались голоса в пользу отмены старого порядка. Тацит не высказывает своего собственного мнения, но, рассказывая о прениях, не дает слова защитникам рабов, а только приводит обширную речь сторонника казни. Вывод оратора: такой сброд людей нельзя обуздать иначе, как страхом.

Плебеи, вольноотпущенники — это слои, обычно поддерживающие императора, а не сенат, и этим вызвано враждебное отношение к ним историко-графа-сенатора. С еще большим недоверием и страхом смотрит Тацит на армию, на ту силу, которая являлась непосредственной опорой императорского режима. Роль армии в гражданской войне 69 г. дает возможность развернуть серию картин солдатского произвола. Тацит отлично знает тяготы солдатской жизни, но с особенной симпатией рисует тех военачальников, например Корбулона, которые умеют — и собственным примером, и строгостью — поддерживать воинскую дисциплину в самых трудных обстоятельствах.

Только верхушечные слои — сенаторы и всадники — способны, по мнению историка, заботиться о делах государства (История, I, 50). С особым вниманием он останавливается, конечно, на поведении сенаторов. При этом он предъявляет к представителям старинных родов более высокие требования, чем к другим членам сената, и приветствует их похвальные поступки как достойные предков и старинного имени (например: Анналы, VI, 29; XII, 12). Гораздо чаще, однако, писателю приходится сокрушаться об их поведении. Основной упрек Тацита по адресу сенаторов — это их «отвратительная» лесть, беспрестанное раболепство перед императорами. Лишь немногие деятели составляют исключение, как например известный лидер сенатской оппозиции Тразей Пэт, — Тацит характеризует его как «саму добродетель» (Анналы, XVI, 21), — или зять его Гельвидий Приск (История, IV, 5).

Интересно, что Тацит относится положительно к изменению состава сената, пополнению его бережливыми и трудолюбивыми выходцами из италийских муниципиев и даже из провинций (Анналы, III, 55). Эта не-

сколько неожиданная для Тацита позиция является, быть может, косвенным подтверждением предположения о провинциальном происхождении его рода (см. выше, стр. 204). В этом отношении показательна речь императора Клавдия (Анналы, XI, 24) в пользу присвоения знатым галлам из племени эдучев права быть сенаторами в Риме. Оригинал речи частично сохранился на большой надписи, найденной в 1528 г. в Лионе. Перед нами исключительный случай, показывающий, как Тацит перерабатывал подлинные документы. Он сохранил общий смысл не очень складной императорской речи, но сократил ее, упорядочил и усилил аргументацию. «Основатель нашего государства Ромул, — говорит у Тацита Клавдий, — отличался столь выдающейся мудростью, что видел во многих народностях на протяжении одного и того же дня сначала врагов, потом — граждан» (Анналы, XI, 24). Историк, таким образом, всецело поддерживает политику романизации покоренных народов, предоставления их знатым слоям определенных прав и привилегий.

Тацит отлично знает, что римское завоевание несет с собой поработешение побежденных. Мы видели это еще в «Агриколе» (см. выше, стр. 212—213). Местное население является жертвой корыстолюбивых римлян, их надменности, насильственного поведения и разврата. Обличитель императорского деспотизма готов на минуту посочувствовать стремлению «варваров» к свободе, и Арминий как «освободитель» Германии получает у историка весьма положительную характеристику (Анналы, II, 88). Однако Тацит остается апологетом римской экспансии. Он относится неодобрительно к государю, «не помышлявшему о расширении пределов империи» (Анналы, IV, 32; речь идет о Тиберии). Оправдание римской завоевательной политики имело свою традицию еще с самого начала II в. до н. э. Римские историки и ораторы всегда доказывали, что Рим не ведет завоевательных войн и продвигается на чужие территории только «по просьбе» местного населения или обороняя своих друзей. «Наш народ, — утверждал Цицерон в трактате «О государстве» (III, 35), — овладел всеми землями, защищая своих союзников». Законность господства над провинциями основана на том, что «для таких людей рабство полезно» (там же, § 36, реферат Августина). Всю эту систему доводов Тацит излагает от лица римского полководца Цериала, произносящего речь перед галлами (История, IV, 73—74). «Римский мир» (*pax Romana*), замирение, которое Рим с собой приносит, является лейтмотивом этой апологии. Мы можем рассматривать здесь Цериала как рупор убеждений самого Тацита на таких же основаниях, как рупором Тацита был Гальба в вопросе о преемственности императорской власти (см. выше, стр. 229).

Историк относится более или менее дружелюбно лишь к тем покоренным народам, верхушка которых охотно романизируется. Население восточной половины империи, где господствовала греческая или иные культуры, не пользуется симпатиями Тацита. Даже о греках, цивилизаторское значение которых он не может отрицать, он высказывается неохотно и пре-

имущественно в отрицательном плане. «Греков восхищает только свое» (Анналы, II, 88); они «ленивы, распущенны» (История, III, 47). Арабы недисциплинированны (Анналы, XII, 14), египтяне суеверны (История, IV, 81). Наиболее ненавистный для Тацита народ — это иудеи. Иудейские общины были рассеяны по всему греко-римскому миру, но религия иудеев заставляла их держаться особняком и не смешиваться с окружающей средой, — и это воспринималось как вражеская ненависть ко всем другим людям (История, V, 4). Раздел об иудеях в пятой книге «Истории» — единственный случай, когда этнографический экскурс Тацита касается народа, известного по другим материалам. Сопоставление с ними приводит к результатам, неблагоприятным для римского историка. Тацит доверился лживым сообщениям какого-то неизвестного источника и повторяет вслед за ним всякие небылицы.

Римского сенатора особенно раздражает то обстоятельство, что необычная религия этого изолированного народа находила сторонников в греко-римском обществе. Еще большее негодование возбуждает у Тацита новое религиозное движение — христианство, недавно возникшее как ответвление от иудейства, но очень скоро отказавшееся от всякой национальной исключительности. С христианством, которое ожидало наступающего «суда божьего» над язычниками, Тацит, вероятно, имел возможность ближе познакомиться, когда был проконсулом Азии. Упомянуть о христианах ему пришлось в связи с пожаром Рима в 64 г. н. э. Нерон винил в этом пожаре христиан и подвергал их — на потеху «черни» — страшным пыткам и казням. В пожаре христиане не были виноваты, но, согласно Тациту, — это те люди, которые «своими мерзостями навлекли на себя всеобщую ненависть», носители «зловредного суеверия», уличенные «в ненависти к роду людскому» (Анналы, XV, 44) и заслуживавшие самого сурового наказания независимо от пожара.

* * *

Вопрос об источниках Тацита очень труден. Он редко называет имена писателей, которыми он пользуется. Его ссылки, как правило, безымянны: «некоторые авторы», «многие», «очень многие», «историки тех времен», «некоторые утверждают», «некоторые отрицают». У древних историков часто бывает, что они целиком строят свое изложение на некотором источнике, но называют его поименно только в тех редких случаях, когда от него отклоняются. Тацит в одном месте обещает указывать имена своих предшественников в тех случаях, когда они между собой расходятся (Анналы, XIII, 20), но не выдерживает этого обещания. В некоторых случаях он ссылается на устные сообщения, опять-таки безымянные (Анналы, III, 16; XV, 73), на протоколы сената (там же, XV, 74), даже на ежедневную газету (там же, III, 3), но это лишь единичные ссылки, они не позволяют разрешить вопрос о характере тех источников, которыми Тацит пользовался.

В «Истории», при изображении домициановских времен, Тацит должен был использовать протоколы сената. У него не было другого источника для того, чтобы следить за событиями из года в год. Не мог он не знакомиться также с обширной литературой о жертвах домициановского террора (см. стр. 211). Собирал он и устные сведения. Мы имеем 2 письма Плиния Младшего к Тациту (VI, 16; VI, 20) с подробным рассказом об известном извержении Везувия в 79 г., когда были засыпаны Геркуланей и Помпеи и погиб дядя Плиния Младшего — Плиний Старший.

В другом положении находился Тацит по отношению к более отдаленным временам. События, о которых он рассказывает в «Анналах» или первых книгах «Истории», неоднократно описывались до него. Но для нас исторические труды, которыми он мог пользоваться, утрачены. Исследователи пытались определить отношение Тацита к источникам косвенным путем, сравнивая его повествование с изложением других писателей, которые должны были исходить примерно из тех же материалов. Младший современник Тацита Светоний Транквилл составил биографии императоров от Юлия Цезаря до Домициана. Сочинениями самого Тацита Светоний, по-видимому, не пользовался, но работал по тем же источникам. То же можно сказать о подробной истории Рима, написанной на греческом языке сенатором Дионом Кассием (начало III в. н. э.). Особенно интересно сопоставление первых двух книг «Истории» с биографиями императоров Гальбы и Оттона, принадлежащими другому современнику Тацита Плутарху. Рассказ Плутарха во многом совпадает с Тацитом, вплоть до словесной формы, но исследование показывает, что оба автора друг от друга независимы и что совпадение возникло благодаря пользованию неким общим источником (неизвестно каким). Древние историки уважали традицию и не стеснялись порою близко примыкать к своим предшественникам, даже повторяя их слова.

Эта особенность античной историографии легла в основу своеобразной теории, которой придерживались многие филологи второй половины XIX в. Согласно этому взгляду, древний историк, как правило, пользовался в определенных разделах своего труда только одним источником и лишь в исключительных случаях прибегал к другому. Французский ученый Фабиа применил теорию «единого источника» к историческим трудам Тацита.¹² Ссылки римского историка на «некоторых» или «многих» авторов являются, по мнению Фабиа, только литературным приемом. Когда мы находим у Тацита материалы, несомненно восходящие к первоисточникам, например к протоколам сената, французский ученый думает, что к этим материалам обращался не сам Тацит, а его предшественники и Тацит получил материал уже в готовом виде.

Позднейшие изыскания не подтвердили теории «единого источника» ни в целом, ни по отношению к Тациту. Подробный разбор «Анналов» и сопоставление их с Дионом Кассием и Светонием приводит современных ученых к выводу о множественности источников Тацита. Нет оснований

не доверять ему, когда он говорит об «авторах», мнения которых ему известны. И было бы очень странно, если бы материалы протоколов сената, полностью гармонирующие с его рассказом, он не отобрал себе сам, а нашел в готовом виде у более ранних историков.

Таким образом, современные исследователи считают работу Тацита над первоисточниками гораздо более значительной и серьезной, чем это представлялось в свое время Фабиа. Начав с «Истории», где обращение к документальному материалу было необходимо, Тацит не изменил этому методу в «Анналах». Свое обещание пересмотреть тенденциозное изложение истории Тиберия, Гая, Клавдия и Нерона он выполнил вполне самостоятельно, и это наряду с отчетливостью его политической мысли заставляет признать Тацита не только блестящим литератором, но и действительным историком.

* * *

Историк и публицист, Тацит является несравненным мастером повествования, напряженного, драматического.

Как истый традиционалист, он сохраняет исконную форму изложения по годам, восходящую к записям римских жрецов. Такая схема могла бы нарушить связность повествования, но автор умеет так группировать события одного года, что читатель почти никогда не чувствует искусственного характера схемы. Тацит отказывается от нее очень редко, главным образом в последних книгах «Анналов», и почти только для рассказа о внешнеполитических делах и военных действиях.

Каждая отдельная книга, как правило, представляет собой художественное единство, занимающее определенное место в композиции целого. Анналистический принцип заставлял дробить изложение на мелкие эпизоды: Тацит показывает на этом свое искусство риторической вариации, проводя читателя через ряд событий различного эмоционального колорита, но всегда богатых патетическими моментами. Книги часто снабжены орнаментальной концовкой — эффектной сценой, или сентенцией, или даже просто многозначительным словом.

Одна из наиболее интересных черт повествовательного искусства Тацита — драматизм рассказа, проявляющийся и в общем построении его исторических трудов, и в разработке отдельных эпизодов. Первые 3 книги «Истории» образуют обширное драматическое полотно гражданской войны 69 г. В «Анналах» история Рима при Тиберии и сохранившиеся части о правлении Клавдия и Нерона разворачиваются как драма в ряде актов, где выдвинуты на первый план основные носители действия, с кульминационными пунктами и ретардациями. В эти пространные «драмы», охватывающие по несколько книг, вплетен ряд малых «драм», драматически разворачивающихся эпизодов. Для примера укажем из «Анналов» на конец Мессалины (книга XII), матереубийство, совершенное Нероном (книга XIV), заговор Пизона (книга XV). Сила Тацита не столько в пластичности

изображения внешнего мира, сколько в патетических картинах человеческого поведения. Повествования о военных действиях менее всего удаются Тациту и часто принимают характер несколько однообразной схемы.

Мастерство описания («экфрасы») очень ценилось в риторической школе. Тацит изощряется по-преимуществу в описаниях страшного. Такова картина бури на море, застигшей флот Германика (Анналы, I, 70). Охотно описываются пожары: пожар и разграбление Кремоны (История, III, 33), взятие и пожар Капитолия (там же, III, 71—73), пожар Рима при Нероне (Анналы, XV, 38). Политические процессы, происходившие в сенате по обвинениям в оскорблении величества, превращаются у Тацита в целые ансамбли с коллективом сената как фоном и противопоставлениями ряда действующих лиц. В картинах Тацита, как указывает русская исследовательница М. Н. Дювернуа,¹³ «много ансамбля и мало деталей, счастливая группировка частей и смелые краски, сопоставление рядом самых резких противоположностей в мгновенно застывшем движении, — словом, вся картина Тацита — сплошное торжество сценического искусства. Его цель всегда — сильный эффект».

Традиции риторической историографии выработали изощренное искусство отступлений, экскурсов с целью дать отдых читателю, развлечь его разнообразным и непривычным материалом. Тацит помещает отступления почти в каждой книге, но редко уходит далеко в сторону от основной канвы своего повествования. В дошедших до нас частях исторических трудов Тацита есть только один значительный экскурс — историко-этнографического характера — об иудеях, в пятой книге «Истории». В прочих случаях автор ограничивается небольшими отступлениями. Он интересуется диковинными явлениями природы (Анналы, VI, 28), экзотическими культами (История, II, 3; IV, 83—84); однако гораздо охотнее Тацит обращается в своих экскурсах к римской старине, излагает свою концепцию римской истории, свои взгляды на задачи историка.

Речи персонажей исторического рассказа (ср. выше, стр. 213) принадлежали со времени Фукидида к арсеналу античной историографии. Блестящий оратор, Тацит, разумеется, широко пользуется этим приемом.

Речи входят в стилистическую ткань античного историографического произведения как органический составной элемент. Они должны составляться поэтому самим автором произведения. Античный историк менее всего стремится цитировать подлинные речи других лиц со свойственной авторам этих речей стилистической установкой. Поэтому Тацит не включает в свои произведения опубликованные речи других авторов, например Сенеки (Анналы, XV, 63). Только по отношению к неопубликованным речам, известным лишь по пересказам и архивным документам, Тацит считает возможным до известной степени использовать их текст в своей переработке. Примером этого может служить уже упоминавшаяся (стр. 231) речь императора Клавдия (Анналы, XI, 24). Речи иногда вводятся с целью охарактеризовать говорящего, но часто имеют иную функцию: они служат

для выражения авторских мыслей. В качестве примера таких речей мы уже приводили речь Гальбы при усыновлении преемника (История, I, 15—16) и речь Цериала перед галлами о пользе римского владычества (История, IV, 73).

Художественная сила повествования Тацита в очень значительной мере основана на том морально-психологическом комментарии, которым все время сопровождается рассказ о действиях лиц или коллективов. Тацит стремится проникнуть в сокровенные мотивы человеческих поступков. Ему все время приходится прибегать к догадкам о том, в чем люди сами не признаются, глухо намекать на возможные причины их действий, высказывать о них предположения. Погружая изображаемое лицо в сферу таких догадок, Тацит создает сложные многоплановые образы.

Характер повествования порождает ряд типических ситуаций: проявления деспотизма, доносы, политические процессы, интриги, заговоры, военные возмущения. Люди живут в постоянной атмосфере страха. Другие душевные движения, о которых говорится у Тацита, чаще всего бывают продиктованы надеждой, ненавистью, завистью, гневом, стыдом. Положительные фигуры историка гораздо схематичнее отрицательных, и их достоинства выявляются часто лишь в момент готовности мужественно принять смерть (например, Сенека).

Персонаж характеризуется своим морально-психологическим обликом, в первую очередь добродетелями и пороками. Этот отвлеченный анализ человеческих качеств был одним из достижений декламационного стиля римской литературы I в. н. э. (ср. трагедии Сенеки), и Тацит является одним из искуснейших мастеров этой декламационной характеристики. Историк не избегает даже прямых характеристик, особенно по отношению к второстепенным персонажам. Таков, например, портрет Антония Прима, одного из агентов Веспасиана (История, II, 86). Для основных действующих лиц он предпочитает метод косвенной характеристики, раскрытие морально-психологического облика людей в показе их поступков. Одним из любимых приемов служит здесь сопоставление характеров. Таковы пары — Отон и Вителлий, Веспасиан и Муциан, Тиберий и Германик.

Особенную сложность представляло для античного историка изображение тех деятелей, моральное лицо которых с течением времени менялось, и притом обычно в худшую сторону. Этот вопрос вставал с особенной силой по отношению к 2-м императорам — Тиберию и Нерону. Сложность изображения была связана с тем, что античность понимала человеческий характер статически. По выходе из детских лет человек обычно рассматривался как носитель неких постоянных качеств в их неизменном соотношении. Так строятся античные биографии, так подаются герои в художественной литературе. Однако статичность античного образа иногда вступала в конфликт с действительностью.

Рассмотрим, как разрешает Тацит стоявшую перед ним проблему изменения характера Тиберия. Здесь применены 2 приема. Один путь

состоял в том, чтобы допустить возможность развития личности, хотя бы под влиянием окружающей среды. Раболепство перед властелином порождает у него развитие деспотических черт характера. Эту мысль Тацит вкладывает в уста престарелому сенатору Аррунцию, обвиненному в «нечестии» по отношению к императору (Анналы, VI, 48). Для себя Тацит предпочел другое решение проблемы, очень характерное для античной историографии. «Природа» Тиберия оставалась всю его жизнь неизменной. Те черты низости, жестокости, развращенности, которые характеризовали последние годы жизни этого императора, и составляют его истинную природу. Если они прежде не проявлялись, то это было только притворство, вызванное страхом. Перемены в поведении Тиберия представляют собой этапы выявления подлинных черт личности.

Ни одна часть исторического труда Тацита не вызывала в новое время столько недоумений и упреков по адресу автора, как книги, посвященные Тиберию. Тацита обвиняли в том, что он, посулив читателю беспристрастное изложение, грубо нарушил свое обещание. Самые факты, о которых Тацит сообщает, могли бы создать гораздо более положительное представление о Тиберии как правителе, если бы автор не сопровождал их своим комментарием, разъясняя это как притворство и обман.

Однако изображение Тиберия у Тацита не продиктовано одной лишь злобной ненавистью. Историк ненавидит деспотизм. Это так. «Сенатская» позиция Тацита заставляла его акцентировать потрясающую картину террористической политики Тиберия по отношению к сенату. Искаженная оценка положительных моментов правления Тиберия явилась результатом неспособности античного историка преодолеть статическое понимание характера. Однажды став на ту точку зрения, что истинная «природа» Тиберия открыто проявилась лишь в последние годы его жизни, Тацит не мог не отнести все эти «положительные» моменты за счет искусного притворства и стал вскрывать его с беспощадной последовательностью. Все повествование о Тиберии, первые 6 книг «Анналов» с первой строчки до последней, пронизаны этой концепцией. В ней художественная сила Тацита. Объективно это было искажением действительности. Но «пристрастия» в этом не было. К тому же есть все основания думать, что портрет Тиберия в сенатской историографии, с концепцией «притворства», был установлен уже предшественниками Тацита. Понимание характера Тиберия у Диона Кассия и Светония мало чем отличается от тацитовского. Некоторые черты этого портрета автор «Анналов» даже смягчает (например, I, 76; IV, 10—11).

Искажение действительности у Тацита часто бывает основано на попытках психологического проникновения в мотивы человеческих действий. Добросовестность историка не подлежит сомнению. Сопоставление его рассказа с повествованием других авторов нередко заставляет современного исследователя отдать предпочтение изложению Тацита как наиболее

правдивому. Однако именно те качества, которые составляют силу Тацита — моралиста, психолога и художника, — иногда оказываются связанными с ущербом для его точности как историка.

* * *

В полном соответствии с трагически возвышенным колоритом историографических трудов Тацита находится их исключительно своеобразный стиль. Начатки его мы находили уже в «Агриколе», отмечая там «стремление к необычному, асимметрическому, к семантической полновесности и сжатой выразительности» (см. выше, стр. 213). В больших произведениях все эти моменты значительно усилились и образуют в своем сочетании совершенно новое качество. Историческое истолкование этих стилизованных особенностей Тацита представляет немалые трудности, главным образом потому, что мы не знаем его непосредственных предшественников. К традициям Саллюстия присоединились определенные тенденции декламационно-риторического стиля. Как мы знаем (см. выше, стр. 208), Плиний находил у Тацита «почтенность», торжественное достоинство. По-видимому, Тацит был связан с тем течением в литературе I в. н. э., которое стремилось к стиливой «возвышенности» (ср. трактат «О возвышенном», на стр. 220). Свойственная этому направлению установка на монументальность, на соединение патетики с суровой абруптностью действительно характерна для исторических трудов Тацита. «Германия» и «Диалог» стилизованы, как мы уже видели, несколько иначе.

Однако стиль Тацита в различных произведениях зависит не только от жанровой принадлежности. Даже внутри исторических работ мы наблюдаем постоянную стилизовую эволюцию. От «Агриколы» к «Истории», от «Истории» к «Анналам» все увеличивается количество необычных слов, архаических форм, непривычных оборотов. От произведения к произведению возрастает семантическая нагрузка лексики. Тацит рассчитывает на вдумчивого читателя; многое остается недосказанным, выраженным только с помощью намека.

Это стремление к субъективному стилю, резко отличающемуся от манеры других писателей, достигает своего кульминационного пункта в первой части «Анналов», в книгах о правлении Тиберия (I—VI). Во второй сохранившейся от «Анналов» группе книг (XI—XVI), особенно в книгах XIII—XVI (время Нерона), тенденция к необычному несколько идет на убыль.

Чем объясняется новый стилистический уклон в последние годы жизни Тацита, неизвестно. Нашел ли автор свои прежние тенденции чрезмерными и захотел приблизиться к обычному языку? Не было ли это, напротив, связано с начавшим распространяться во время Адриана архаистическим течением и не пожелал ли Тацит отдифференцировать себя от казавшихся ему уже тривиальными архаизмов?

Этот уклон в сторону смягчения необычного не следует, однако, преувеличивать. В последних книгах «Анналов» Тацит остается тем же мастером глубоко субъективного патетического стиля, оттеняющего безнадежно мрачный тон его исторического повествования.

IV

Плиний Младший сулил историческому труду своего друга бессмертие. «Ты просишь меня описать гибель моего дяди, чтобы ты мог вернее рассказать об этом потомству. Благодарю: его смерть будет прославлена навеки, если люди узнают о ней от тебя» (Письма, VI, 16). «Предсказываю — и мое предсказание не обманывает меня, — что твоя „История“ будет бессмертна; тем сильнее я желаю (откровенно сознаюсь) быть включенным в нее» (там же, VII, 33). Письма эти относятся к тому времени, когда «История» только начинала выходить. Это единственные известные нам отклики современников Тацита на его деятельность как историка. После Плиния никто не упоминает о Таците в течение почти целого столетия. От римской литературы II в. сохранилось, правда, не очень много, но вряд ли одним этим обстоятельством можно объяснить отсутствие ссылок на автора «Истории» и «Анналов». Важнее другое: для этого времени Тацит был старомодным писателем.

Историк заканчивал «Анналы» в правление Адриана (117—138 гг.). По сравнению с началом II в., когда Тацит отказался от ораторской деятельности в пользу историографии, политическая и культурная обстановка в Риме успела претерпеть значительные изменения. Старая римская аристократия уже почти вымерла. Борьба императоров и сената, историком которой был Тацит, отошла в прошлое. Со времени Адриана империя прекращает завоевательную политику, и греко-восточная часть Римского государства начинает играть все большую роль. В культурной жизни резко усиливаются религиозные моменты, а в литературе начинает преобладать архаистическое течение, для которого классическая литература Рима заканчивается Цицероном и Вергилием; писатели I в. н. э., как например представители «нового стиля» Сенека и Лукан, вызывают к себе резко отрицательное отношение. Со всех этих точек зрения Тацит должен был представляться автором «не ко времени». Он завершает традиции сенатской историографии I в., акцентирующей деспотизм императоров, поддерживает завоевательную политику, с пренебрежением относится к провинциалам, в особенности к греко-восточным, мало затронут религиозными интересами, а как писатель примыкает к одной из разновидностей «нового стиля». Политическая установка, идеология, стиль — все это у Тацита расходится с тенденциями, получившими преобладание во время Адриана и особенно его преемников — Антонинов.

Исторический труд Тацита не нашел в ближайшие два века продолжателей. Историография высокого стиля в Риме надолго замерла. Продуктив-

ным оказался только жанр биографий цезарей, начатый младшим современником Тацита Светонием, и жанр кратких исторических обзоров («бrevиариев»), начало которому положил другой современник Тацита — Флор. Линия старой сенатской историографии на Таците обрывается. Когда, спустя 100 лет после смерти Тацита, сенатор малоазийского происхождения Дион Кассий составляет подробную историю Рима от основания города до своего времени, то он это делает как апологет империи в ее роли оборонительного оплота против варваров. Тацитом он, по-видимому, даже не пользовался, хотя его сведения часто восходят к тем же авторам, которыми пользовался для своих трудов Тацит.

Отрицательно относились к Тациту также представители новой религии — христианства. Причиной являлись уже упоминавшиеся нами враждебные отзывы историка как о самих христианах, так и об иудейской религии. Небылицы, которые Тацит рассказывал об иудеях, будто бы почитающих в своем культе ослиную голову, переносились также и на христиан. Это побудило Тертуллиана (около 150—230 гг.), зачинателя христианской литературы на латинском языке, охарактеризовать нашего историка, — с явным намеком на этимологию его имени Tacitus — «Молчаливый», — как «весьма болтливого лжеца».¹⁴

Трудный автор, не считавшийся классическим и не изучавшийся в римской школе, Тацит был известен только ученым. Император Клавдий Тацит (275—276 гг.), считавший себя потомком историка, принимал будто бы меры к распространению его произведений,¹⁵ но правление Тацита было слишком кратковременным (6 месяцев), для того чтобы его распоряжения привели к какому-нибудь результату.

В период поздней империи (IV—V вв.) консервативные круги, стоявшие на позиции старой религии, стремились во многом примкнуть к традиции литературы I в. н. э. Движение это не миновало и Тацита. Последний выдающийся историк Рима Аммиан Марцеллин (около 330—400 гг.) возобновляет прерванную историографическую традицию и начинает свою «Историю» («Деяния» — *Res gestae*) с правления Нервы, примкнув, таким образом, к повествованию Тацита. Знают Тацита также и другие историки IV в. Как можно заключить из приведенного на стр. 223 свидетельства Иеронима, исторические труды Тацита издавались как единое целое в 30 книгах. Христианские писатели начинают чаще ссылаться на Тацита — историк Орозий (начало V в.), поэт и эпистолограф Сидоний Аполлинарий (V в.), хронист Иордан (VI в.). Но даже для такого крупного деятеля, как Кассиодор (VI в.), наш историк — только «некий Корнелий», о котором автор, по-видимому, дальнейших сведений не имеет.

С распадом западной части Римской империи наступает культурное оскудение, и после Иордана следы знакомства с Тацитом теряются вплоть до каролингских времен. В IX в. положение меняется. В Фульдском монастыре Эйнгарт, а впоследствии Руодольф знают первые книги «Анналов» и «Германию». К этому времени относится единственная рукопись, сохра-

нившая первые 6 книг «Анналов» (Медицейская I), а также та единственная рукопись малых трудов Тацита, к которой восходит все позднейшее поедание. Возможно, что некоторые другие авторы IX—X вв. (Видукинд, Адам Бременский) читали Тацита. Около 1050 г. в аббатстве Монтекассино близ Неаполя была переписана (может быть, из источника, восходящего к той же Фульде) рукопись (Медицейская II), содержащая XI—XVI книги «Анналов» и как продолжение их I—V книги «Истории», занумерованные как книги XVII—XXI. У средневековых писателей XI—XIII вв. непосредственного знакомства с Тацитом обычно нет, его знают только на основании Орозия; однако Петр Диакон из Монтекассино (около 1135 г.) использует начало «Агриколы».

В XIV в. Тацит становится более известным. Рукописью из Монтекассино пользовался (между 1331—1334 гг.) Паулин Венетский в «Карте мира» (Mappa Mundi), а затем во многих своих трудах — Боккаччо, в руках которого оказалась самая рукопись. Потом она стала распространяться в ряде копий, попала к известному флорентийскому гуманисту Никколо Никколи, а ныне находится в той же Флоренции в Медицейской библиотеке (Медицейская II). Наша традиция последних книг «Анналов» и «Истории» восходит в основном к этой рукописи. Только одна итальянская рукопись 1475 г., находящаяся ныне в Лейдене, имела, по-видимому, еще какой-то другой источник.

С 20-х годов XV в. итальянские гуманисты начинают разыскивать рукописи Тацита в Германии. История этих поисков во многом остается неясной из-за того, что обладатели новонайденных текстов нередко утаивали свои приобретения, особенно если они сделаны были нечестным путем. В 1425 г. известный гуманист, папский секретарь Поджо Браччолини получил от монаха из Герсфельдского аббатства инвентарную опись ряда рукописей, в числе которых находилась рукопись малых трудов Тацита (см. выше, стр. 217). Откуда была эта рукопись — из Герсфельда или из Фульды, — получил ли ее Поджо и когда именно, до конца не выяснено. В 1455 г. она, или копия ее, уже находилась в Риме и легла в основу дошедших до нас рукописей.

Однако гуманисты XV в. интересовались Тацитом лишь постольку, поскольку дорожили каждым античным автором. При характерной для них ориентации на Цицерона и классическую латынь его времени Тацит и его стиль не могли вызывать особенного внимания. Поэтому Тацит и не попал в число первых напечатанных авторов. Первое печатное издание Тацита вышло в Венеции около 1470 г. Оно содержало «Анналы» (XI—XVI) с книгами «Истории» как их продолжением, «Германию» и «Диалог». «Агрикола» был присоединен лишь во втором печатном издании (около 1476 г.). Первая часть «Анналов» еще не была известна.

В начале XVI в. рукопись, содержавшая первые 6 книг «Анналов» (Медицейская I), какими-то, точно еще не раскрытыми путями попала в Рим. В 1515 г. библиотекарь Ватикана Бироальд впервые издал Тацита

в том объеме, в каком его произведения остаются известными и поныне. С этого времени и начинается культурная рецепция Тацита в Новой Европе — издания, переводы, комментарии, монографии о Таците.

Как это имело место с каждым античным автором, текст Тацита нуждался в филологической обработке. В этом отношении многое было сделано еще в XVI в. Для изучения Тацита сыграло большую роль критическое издание известного нидерландского филолога Юста Липсия (Антверпен, 1574), снабженное обширным комментарием. Липсий впервые отделил «Историю» от «Анналов», с которыми она издавалась как единое произведение, установил границу V и VI книги «Анналов», равно как и лауну между ними. «Диалог об ораторах» Липсий признал не принадлежащим Тациту из-за стилистической разницы между «Диалогом» и другими произведениями историка (ср. выше, стр. 217). Авторитет, которым пользовался Липсий как толкователь Тацита вплоть до XIX в., надолго определил отношение исследователей к «Диалогу».

Филологический интерес к Тациту диктовался также и переменной литературных вкусов, наступившей в XVI—XVII вв. «Классицизм» эпохи Возрождения сменился художественными тенденциями «барокко». Отразилось это и на новолатинской литературе. Образцы латинского стиля переменились. Представители риторически-декламационной литературы I в. н. э. оказались более созвучными новым художественным веяниям, чем «классическая» латынь. Основным теоретиком стиля оказался уже не Цицерон, а Квинтилиан. Тацит с его возвышенной патетикой, гиперболизмом и асимметрией сделался одним из любимейших писателей. Упомянутый уже Липсий выступал как последователь Тацита в отношении латинского стиля.

Однако основное значение Тацита для XVI—XVII вв. заключалось в тех политических уроках, которые можно было вывести из его произведений. Это было время роста европейского абсолютизма, создававшего для себя идеологическое обоснование, морально-политическую и юридическую теорию. В основе этой теории лежал принцип государственного интереса, противостоявший сепаратистским тенденциям феодализма и авторитарности церкви. В произведениях Тацита, историка Римской империи, идеологи и практические деятели абсолютных монархий могли найти целую сокровищницу исторического опыта и политической мудрости. Особенно много материала давали им «Анналы», и в частности первые книги «Анналов» — рассказ о правлении Тиберия. Из всех императоров, изображенных Тацитом, Тиберий являл наиболее законченный тип абсолютного монарха — проныцательного, целеустремленного в отличие от придурковатого Клавдия или легкомысленного Нерона. Уже Бироальд, издание которого ознакомило читателей с первыми книгами «Анналов», подчеркивал интерес этого писателя для государей. «Я всегда считал Корнелия Тацита великим писателем, весьма полезным не только для частных лиц и высокопоставленных особ, но и для самих государей и даже императоров».¹⁶

Тацит действительно рассматривался в XVI—XVII вв. как наставник государей, равно как и всех тех, кому приходится иметь дело с государями. Это породило в большинстве стран Европы, особенно в Италии, Испании и Франции, но также в Германии, Голландии и Англии, целую отрасль политической литературы, так называемый «тацитизм». В форме ли систематических трактатов или отдельных наблюдений, афоризмов, заметок к Тациту, и с самой разнообразной политической интерпретацией,— одни за монархию, другие за аристократическую республику,— эти писатели обосновывали свои взгляды материалами, заимствованными у Тацита. Ориентация на Тацита была вызвана еще одним добавочным обстоятельством. Самым выдающимся и влиятельным теоретиком абсолютизма был, как известно, в начале XVI в. Макиавелли. Основные его теоретические произведения «Государь» (1513 г.) и «Рассуждение о первой декаде Тита Ливия» (1516 г.) были написаны еще до знакомства с первой частью «Анналов». В своих трудах он редко ссылается на Тацита и предпочитает ему Ливия. Между тем книги Макиавелли были осуждены католической церковью на Тридентском соборе, и сам автор был посмертно сожжен *in effigie* (в виде чучела). В католических странах на него нельзя было ссылаться. В этих условиях «тацитизм» зачастую становился маской для запрещенного макиавеллизма. Выдающихся политических мыслителей, однако, среди «тацитистов» не было. Это — реакционные писатели, с полным основанием забытые потомками. Политические тенденции самого Тацита при этом совершенно искажались. Даже персонажи вроде Сеяна, которых Тацит изображает с ненавистью и презрением, иногда выступают у раболепных «тацитистов» как положительные образцы поведения царедворцев.

Несколько особый характер имела рецепция Тацита у немецких гуманистов. XVI век, период Реформации, борьбы с феодализмом и римско-католической церковью, являлся для Германии временем роста национального самосознания. Сочинения Тацита, в первую очередь, конечно, «Германий», но также и «Анналы», внушали немцам убеждение в том, что их предки являлись исконными поселенцами германской территории, всегда были свободны, храбры и отличались высокими нравственными качествами. Национальным героем Германии становится Арминий, вождь херусков, уничтоживший 3 римских легиона в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.). Культ Арминия, провозглашенный известным немецким гуманистом и политическим деятелем начала XVI в. Ульрихом фон Гуттенем, основан был на соображениях Тацита и недавно открытого Беатом Ренаном (Бильдом из Рейнау) Веллея Патеркула. Тот же Беат Ренан положил начало филологическому изучению «Германий» комментированным изданием этого трактата (Базель, 1519).

Интерес в XVII в. к Тациту оставил значительные следы также и в художественной литературе, особенно во французской. Столкновение государственных интересов и личных чувств было одной из основных тем трагедии

французского классицизма, и свыше 10 трагедий (или трагикомедий) XVII в. были почерпнуты из Тацита. Наиболее значительные из них — «Смерть Агриппины» Сирано де Бержерака (1654), «Отон» Корнеля (1664 г.) и «Британик» Расина (1669 г.). Во втором предисловии к «Британику» Расин называл Тацита «величайшим живописцем древности».

Абсолютистское толкование Тацита, характерное для XVI—XVII вв., сменилось в XVIII в. диаметрально противоположной интерпретацией. «Тацитисты» могли опираться на отдельные высказывания историка о неизбежности монархического режима, но самое изображение императоров и общественной жизни Рима указывало на совершенно иное направление политических симпатий автора. Первым провозвестником нового, антиабсолютистского толкования Тацита был ирландец Томас Гордон (1684—1750 гг.), опубликовавший английский перевод Тацита и трактат «Историко-политические рассуждения о книгах Тацита». Оно нашло живой отклик во Франции в предреволюционную эпоху, и авторитет французских просветителей (Руссо, Дидро, Даламбер, Мабли и др.) широко распространял его по Европе. Тацит теперь понимается как разоблачитель монархов, враг деспотизма и друг республиканской свободы. Это последнее тоже было преувеличением. Сторонники революционного толкования Тацита либо не обращали внимания на враждебное отношение римского историка к народным массам, либо, — если они выступали за революцию сверху, — соглашались с его взглядами. Так же относились к Тациту писатели и критики. Альфиери, ненавидевший тиранию, усердно изучал Тацита и сурово осудил Нерона в трагедии «Октавия» (1780 г.). Для такого критика, как Лагарп, кодифицировавшего в трактате «Лицей» литературные оценки, свойственные классицизму XVIII в., труды Тацита, правдиво изображающие деспотизм и раболепие, являются возмездием тиранам. Мари Жозеф Шенье называет Тацита олицетворением «совести рода человеческого», а его труды — «трибуналом для угнетенных и угнетателей». «Имя Тацита заставляет тиранов бледнеть».

Наряду с высоко положительной оценкой Тацита как историка и политического мыслителя раздавались как в XVI—XVII вв., так и в XVIII в. другие голоса. Восходящая еще к гуманистам XV в. формально-стилистическая критика его литературной манеры с позиций цicerонианизма находила приверженцев и впоследствии. Тацита упрекали в аффектации, неестественности как со стороны стиля, так и в отношении содержания. Историк, всегда толкующий слова и поступки в худшую сторону, казался даже опасным автором. С большим сомнением относился к сообщениям Тацита Вольтер, считая его образы Тиберия и Нерона преувеличенными. Когда созданная революцией французская республика сменилась империей Наполеона, сам император открыл литературную кампанию против Тацита, поручив напечатать в «Journal des Débats» (11 и 21 февраля 1806 г.) 2 официозные статьи по этому поводу. Наполеону Тацит представлялся недозволенным сенатором, «аристократом» и «философом», который в своем

отсталом консерватизме не понял значения империи и клеветал на императоров. Свое мнение он неоднократно высказывал в разговорах с учеными, литераторами, требовал исключения Тацита из школьного курса, даже обрушивался репрессиями на писателей, восхвалявших автора «Анналов», — Шатобриана, М. Шенье.

В России революционное толкование Тацита воодушевляло декабристов. Им восхищались А. Бестужев, Н. Муравьев, Н. Тургенев, М. Лунин, М. Фонвизин и др.¹⁷ А. Бригген на следствии приписывал свой свободный образ мыслей чтению Тацита.¹⁸ Для Ф. Глинки это был «великий Тацит». Корнилович называл его «красноречивейшим историком своего и едва ли не всех последующих веков, глубокомысленным философом, политиком».¹⁹ А. Корнилович и Д. Завалишин переводили его сочинения.

Пушкин в 1825 г., задумав «Бориса Годунова», стал изучать «Анналы». В своих «Замечаниях на „Анналы“ Тацита» он вполне поддерживает декабристское толкование трудов римского историка. Но в то же время Пушкин в ряде метких суждений раскрывает преувеличенный характер обвинений Тацита по адресу Тиберия.

Увлекался Тацитом Герцен. Он рассказывает, как во время своей владимирской ссылки, в сентябре 1838 г., он искал книгу для чтения. «Мне попалась наконец такая, которая поглотила меня до глубокой ночи — то был Тацит. Задыхаясь, с холодным потом на челе, читал я страшную повесть». Пользуясь рассказом Тацита о заговоре Пизона, он создал диалогический набросок, условно озаглавливаемый в изданиях «Из римских сцен».²⁰ «Мне кажется, что из всех римлян писавших один Тацит необъятно велик», — сообщает он Н. И. Астрахову 14 января 1839 г.²¹ Также и в более зрелые годы Герцен вспоминает о «мрачной горести Тацита»,²² о «мужественной, укоряющей, тацитовской» печали.²³

Маркс и Энгельс были отлично знакомы с произведениями Тацита и неоднократно ссылались на «Германию». Маркс ценил «Германию» как важнейшее историческое свидетельство о германской земледельческой общине.²⁴ Постоянные ссылки на Тацита мы находим в трудах Энгельса о древних германцах («Марка», «К истории древних германцев», «Франкский диалект») и о первоначальном христианстве («Бруно Бауэр и первоначальное христианство», «К истории первобытного христианства»). Широко пользуется Энгельс «Германией» в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», где он ставит сообщения Тацита о семье, общине и военном строе германцев в широкую рамку этнографических материалов для истории первобытного общества. Место Тацита в истории римской общественной мысли Энгельс определяет в одной сжатой фразе, — и тем не менее с исчерпывающей полнотой, — характеризуя эпоху империи.

«Немногие остававшиеся еще в живых староримляне патрицианского склада и образа мыслей были устранены или вымирали; последним из них является Тацит».²⁵

Для того чтобы правильно оценить это высказывание, надо учесть ту симпатию, с какой Маркс и Энгельс относились к ранним периодам античного общества, экономической основой которых было мелкое крестьянское хозяйство и независимое ремесленное производство — до широкого развития рабства. Это время Маркс считал «наиболее цветущей порой» существования классического общества.²⁶ Поэтому Маркс и мог писать о «классически строгих традициях римской республики».²⁷ Отблески этих традиций Энгельс, таким образом, находит у Тацита, хотя и подчеркивает его аристократическую («патрицианскую») ограниченность.

Между тем с начала XIX в. отношение буржуазии к античному миру изменилось. Переставшая быть революционным классом буржуазия начала ценить в античной культуре не те стороны, которые казались привлекательными в XVIII в. На общественную арену выступил новый революционный класс — пролетариат, ставивший перед собой такие задачи, которых не знала древность. Буржуазная революция могла сначала рядиться в античную маску; в 1848 г. это было уже невозможно. Классицизм не мог больше служить опорой для прогрессивных движений. Историческое понимание античного мира очень часто выигрывало оттого, что XIX век отказывался от многих модернизаций, искажавших действительные взаимоотношения рабовладельческих обществ. Но Тацит при этом потерял. Обличитель деспотизма уже редко вызывал симпатии западноевропейской буржуазии, особенно после 1848 г. Цезаризм Наполеона III, а затем создание германской империи сыграли здесь значительную роль. Наполеон III продолжал враждебную Тациту традицию Наполеона I. Бонапартист Дюбуа-Гюшан, прокурор по занимаемой должности, в двухтомной монографии опровергал «клевету» Тацита на римских императоров. Но и более серьезные историки, как Амедей Тьерри во Франции, Меривель в Англии, стремились доказать, что Римская империя была прогрессивным явлением по сравнению с республикой. Немецкие историки наперебой стали заниматься апологией Тиберия и даже Нерона, т. е. тех императоров, которых Тацит заклеил в своем повествовании. Суждения римского историка казались тенденциозными, продиктованными узко аристократической точкой зрения. К тому же внимательное сличение Тацита с прочими историками империи показало, что он далеко не всегда оригинален и следует определенной традиции сенатской историографии. Отношение к Тациту как к историку и моралисту стало у многих исследователей резко отрицательным. Оставался только Тацит — художник, мастер повествования. Ф. Лео, крупнейший историк римской литературы на рубеже XIX и XX вв., подвел итог этому направлению в изучении Тацита. Тацит не самостоятелен, он не исследователь, его целью не является истина, но он был поэтом, «одним из немногих великих поэтов римского народа».²⁸

Более «умеренную» позицию по отношению к Тациту занимал в это время известный французский историк римской культуры Буассье, тоже один из апологетов Римской империи. Он рассматривает Тацита как де-

ятеля, примирившегося с империей, но не сумевшего преодолеть предрассудки своего аристократического окружения, как правдивого писателя, но склонного к аффектированному изложению в духе современной ему ретирики.

В царской России, с ее деспотическим самодержавием, эти оценки Тацита, ставшие модными на Западе, очень редко находили отклик. В роли апологета Римской империи и критика Тацита выступил украинский буржуазный историк М. П. Драгоманов. Гораздо более прогрессивные взгляды высказывал В. И. Модестов (1839—1907 гг.), близкий в свое время к «Земле и воле» Чернышевского. Его монография «Тацит и его сочинения» (СПб., 1864), отделенная от нас уже целым столетием, содержит много верных и отнюдь не устаревших суждений о морально-политическом облике Тацита и его историческом беспристрастии. Большой заслугой автора является также его перевод произведений Тацита: «Сочинения Корнелия Тацита. Русский перевод с примечаниями и со статьей о Таците и его сочинениях В. И. Модестова. Т. I. Агрикола. Германия. Истории». СПб., 1886; «Т. II. Летопись. Разговор об ораторах». СПб.; 1887. Перевод этот в течение 80 лет оставался единственным полным собранием трудов Тацита на русском языке и впервые заменяется новым переводом в нашем издании. Традиции В. И. Модестова продолжал в своих работах о Таците либеральный историк И. М. Гревс (1860—1941 гг.).

В XX в., со времени первой мировой войны и Октябрьской революции, интерес к Тациту за рубежом повысился. Тревога за будущие судьбы капиталистического общества, охватившая многих представителей буржуазного мира, сделала их более восприимчивыми к проблематике последнего из великих римских историков. Современные исследователи уже не рассматривают его только как художника и стараются глубже проникнуть в его мировоззрение как моралиста и политического мыслителя. Много спорят о том, исходя из какого «центра» лучше всего постигнуть мысли Тацита.²⁹ Однако воинствующий идеализм, характерный для многих этих исследователей (Клингнер, Бюхнер и др.), побуждает их искать этот «центр» в отвлеченных идеях (например, в идее «добродетели»), менее всего характерных для отнюдь не склонного к философствованию римского историка. Советские историки-марксисты еще не делали Тацита предметом развернутого монографического исследования.

В сокровищнице мировой литературы произведения Тацита занимают выдающееся место и полностью сохраняют свое познавательное и художественное значение для советского читателя.

И. Тронский.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В отношении личного имени (praenomen) источники расходятся. В рукописи первых книг «Анналов», относящейся к IX в., автор назван Публием Сидоний Аполлинарий, галльский христианский писатель V в., именует его Гаем. При таких расхождениях рукописное предание, как правило, заслуживает большего доверия, чем упоминание у позднего автора, который легко мог ошибиться.

² R. Syme. Tacitus, vol. I—II. Oxford, 1958.

³ Там же, стр. 64.

⁴ Датировка этого наиболее раннего (Агрикола, 3) сочинения определяется тем, что оно было закончено уже тогда, когда после смерти Нервы (27 января 98 г.) Траян остался единоличным императором (Агрикола, 44), но написано до «Германии», датирующейся (Германия, 37) вторым консульством Траяна, т. е. тем же 98 г.

⁵ Деление книг на главы, как в «Германии», так и во всех остальных произведениях Тацита, принадлежит уже издателям нового времени (впервые в издании Пикены, — Франкфурт, 1607).

⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 21, Москва, 1961, стр. 32—33.

⁷ Там же, стр. 138.

⁸ Там же, стр. 71—72.

⁹ В основной рукописи «Истории» (Медицейская, II) она следует за книгой 16 «Анналов», как книга 17 и дальнейшие книги этого труда.

¹⁰ Комментарий к пророку Захарии (3, 14).

¹¹ R. von Pöhlmann. Die Weltanschauung des Tacitus. München, 1910, S. 63.

¹² Ph. Fabia. Les sources de Tacite dans les Histoires et les Annales. Paris, 1893.

¹³ М. Дювернуа. Историческая объективность Тацита. Гермес, 1908, № 20, стр. 526.

¹⁴ Tertulliani. Apologeticus, 16; Ad nationes, I, 11.

¹⁵ Scriptores historiae Augustae. Tacitus, 10.

¹⁶ Ph. Beroald. Epist. ad Leonem X (напечатано перед его изданием Тацита).

¹⁷ С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов. М.—Л., 1958, стр. 178—179.

¹⁸ Там же, стр. 191.

¹⁹ В. О. Корнилович. Сочинения и письма. М.—Л., 1957, стр. 293.

²⁰ А. И. Герцен, Собр. соч., т. I, М., 1954, стр. 183—195 (приведенная цитата на стр. 183).

²¹ Там же, т. XXII, 1961, стр. 10.

²² Там же, т. VI, 1955, стр. 338, — одна из редакций «Перед грозой».

²³ Там же, т. XI, 1957, стр. 68, — «Былое и думы».

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXXII, М., 1964, стр. 44, — письмо к Энгельсу от 25 марта 1868 г.; т. XIX, М., 1961, стр. 417, — третий набросок ответа на письмо В. И. Засулич.

²⁵ Там же, т. XIX, 1961, стр. 311. — «Бруно Бауэр и первоначальное христианство».

²⁶ Там же, т. XXIII, 1960, стр. 346, прим. 24, — «Капитал», т. I.

²⁷ Там же, т. VIII, 1957, стр. 120. — «18 Брюмера Луи Бонапарта».

²⁸ F. Leo. Tacitus. Göttingen, 1896, S. 13.

²⁹ Обзор новейших работ о Таците см. в статье: М. Л. Гаспаров. Новая зарубежная литература о Таците и Светонии. ВДИ, 1964, № 1, стр. 176—191.

КОММЕНТАРИИ

Настоящий перевод «Истории» сделан с изданий Хэреуса (Cornelii Taciti *Historiarum libri qui supersunt*. Hrsgb. von Dr. Carl Heraeus. 4. Ausgabe. B. G. Teubner, Leipzig, 1885) и Кестермана (P. Cornelii Taciti libri qui supersunt. Edidit Eric Koestermann. T. II, fasc. 1. *Historiarum libri*, B. G. Teubner, Leipzig, 1961). Те немногие случаи, в которых переводчик считал необходимым отступить от текстов Хэреуса и Кестермана и предпочесть им либо вариант фразы, представленный рукописями, либо конъектуры других издателей, оговорены в комментариях.

В начале комментариев к каждой книге указываются хронологические рамки описываемых событий. Поскольку, однако, Тацит часто отступает от строго хронологического изложения фактов и группирует их вокруг тех или иных тем, в данную книгу может оказаться включенным материал, выходящий за указанные хронологические рамки; последние, таким образом, касаются лишь основной линии повествования и не относятся к многочисленным отступлениям.

Книга первая

Январь—март 69 г. до н. э.

1. В древнем Риме годы обозначались по имени консулов. Во времена империи, когда ежегодно сменялось несколько пар консулов, год называли по имени так называемых ординарных консулов, приступавших к исполнению своих обязанностей 1 января. Сервий Гальба (уже с весны 68 г. н. э. провозглашенный императором) и Тит Виний были ординарными консулами с 1 января 69 г. Первый консулат Гальбы (тоже ординарный) — 32 г. (Светоний. Гальба, 6).

2. Летосчисление в Риме велось «от основания города», заложенного, согласно легенде, в 753 г. до н. э. До 69 г. н. э. прошел, таким образом, 821 год. Манера округлять числа обычна для римских писателей.

3. Логическое ударение здесь падает на слово «народ», т. е. пока историки описывали республиканский Рим в отличие от Рима императорского.

4. Акций (ныне Акти) — мыс на крайнем северо-западе Греции. Здесь 2 сентября 31 г. до н. э. произошло морское сражение, в котором Октавиан Август одержал решительную победу над Марком Антонием и фактически положил конец длившимся 20 лет гражданским войнам. Историю Римской империи принято вести со дня битвы при Акции, хотя оформление нового политического строя относится к январю 27 г. до н. э.

5. С государственно-правовой точки зрения Римское государство и в императорскую эпоху не было монархией. Юридически власть императоров основывалась на

объединении в руках одного человека тех прав, которые в республиканское время были рассредоточены по разным магистратам. Мысль о том, что императорский строй — это цена, которую римский народ должен платить за относительное спокойствие и безопасность каждого гражданина, — одна из основных в политическом мировоззрении Тацита.

6. Отон — римский император, сменивший Гальбу (15 января—17 апреля 69 г. н. э.).

7. Вителлий — римский император, сменивший Отона (убит 20 декабря 69 г.).

8. Государственная служба Тацита проходила, таким образом, в основном при императорах династии Флавиев — Веспасиане (основатель династии, правил с 69 по 79 г. н. э.), его старшем сыне Тите (79—81 гг.) и младшем — Домициане (81—96 гг.).

9. Одно из немногих автобиографических свидетельств, содержащихся в сочинениях Тацита. Толкованию этой фразы посвящена обширная литература. Большинство исследователей в настоящее время понимает ее так, что при Веспасиане Тацит вошел в сенаторское сословие и был военным трибуном, Тит сделал его квестором, при Домициане Тацит был претором (в 88 г. н. э.; ср.: *Анналы*, книга XI, гл. 11) и наместником провинции. В подлиннике имена всех трех принцепсов стоят в форме творительного падежа с предложением «а». На этом основано весьма вероятное предположение, согласно которому Тацит получал магистратуры по личной рекомендации императоров.

10. Нерва — основатель династии Антонинов (принцепс в 96—98 гг. н. э.), Траян — преемник Нервы (98—117 гг.). Намерение дополнить рассказ об эпохе Флавиев повествованием о временах Антонинов Тацит высказывал и ранее, ср.: *Жизнеописание Агриколы*, гл. 3; осуществлено оно не было.

11. Гальба, Отон, Вителлий, Домициан.

12. Отона с Вителлием, Вителлия с Веспасианом, Домициана с Луцием Антонием — мятежным наместником провинции Верхняя Германия.

13. В период ранней империи противоречия между рабовладельцами и рабами, между различными группами рабовладельцев, между Римом и провинциями, между империей и варварами переплетаются в один сложный клубок. Соответственно, войны, в которых эти противоречия находили выражение, были «одновременно и гражданскими, и внешними». Ярким примером такой войны служит восстание Цивилиса, описанное в книгах IV и V «Истории». Кроме него, Тацит имеет в виду войну, которую Тит вел против мятежной Иудеи, в то время как полководцы Веспасиана сражались с войсками Вителлия за Италию и Рим. Слово «много» связано с нередким у римских писателей стремлением к гиперболизации.

14. В Иллирии были расположены легионы, летом 69 г. отпавшие от Вителлия и перешедшие на сторону Веспасиана (см. книгу III). Осенью 68 г. иллирийские легионы предлагали императорскую власть Вергинию Руфу (I, 9).

15. Ряд галльских племен поддержал весной 68 г. восстание Виндекса против Нерона, ряд других примкнул в 69—70 гг. к движению Цивилиса.

16. Покорение Британии, начатое еще в 40-х годах Веспасианом (тогда легатом легиона) и завершенное тестем Тацита Юлием Агриколой в 83 г., стоило Риму больших усилий и жертв. Домициан в 86 г. вывел из Британии стоявший там легион (II Вспомогательный), что позволило местным племенам перейти в контрнаступление.

17. Племенные объединения ираноязычных сарматов в I в. до н. э. проникают на Дунай. В правление Домициана сарматы уничтожили один римский легион (Светоний. Домициан, 6). При том же императоре сарматское племя язигов выступило против римлян в союзе с германским племенем свефов, поселенным по соседству от них еще в 19 г. н. э. Другом Цезарем (Дион Кассий, Римская история, 67, 5). В апреле 92 г. Домициан выступил против сарматов, нанес им сокрушительное поражение и в январе 93 г. вернулся в Рим.

18. Даки — союз племен, живших на территории нынешней Румынии. В правление Домициана в 86 г. они разбили войска консулара Оппия Сабина и нанесли тяжелое

поражение выступившим против них легионам под командованием префекта претория Корнелия Фуска (Светоний. Домициан, 6).

19. Нерон ставил своей целью уничтожить традиции и юридические формы, которые хотя бы номинально ограничивали власть императоров, и превратить Рим в деспотию восточного типа. В соответствии с восточными представлениями и верованиями он воспринимался в провинциях Передней и Малой Азии как неограниченный монарх, царь вселенной, бессмертное божество. Христиане и иудеи ассоциировали его с сатаной, что отразилось в Апокалипсисе. Все это создавало благоприятную атмосферу для самозванцев, использовавших народное недовольство и распространенные в восточных провинциях мессианские настроения и выдававших себя за Нерона, идущего мстить римским императорам. Лженероны появлялись на востоке вплоть до 20-х годов II в. Об одном из них Тацит рассказывает подробно (II, 8). Здесь, скорее всего, имеется в виду Лженерон, появившийся среди парфян около 88 г. Ср.: Светоний. Нерон, 57.

20. Извержение Везувия 24 августа 79 г. разрушило города Помпеи и Геркуланум. Кроме того, многие поселения на побережье Кампании были уничтожены лавой и горячими ливнями, а также затоплены морем, вышедшим из берегов в результате землетрясения, которым сопровождалось извержение.

21. Рим горел часто. При Флавиях самым крупным был пожар 80 г. (Дион Кассий, 66, 24).

22. Во время сражения между легионерами Вителлия и солдатами городских когорт, которыми командовал брат Веспасиана Флавий Сабин зимой 69/70 г. (ср.: III, 71).

23. В правление Домициана за нарушение обета безбрачия были казнены несколько жриц богини Весты (Плиний Мл. Письма, IV, 11; Светоний. Домициан, 8; Дион Кассий, 67, 3).

24. Скорее всего, намек на скандальную связь Домициана со своей племянницей Юлией, дочерью императора Тита и женой двоюродного брата Домициана Флавия Сабина. Ср.: Плиний Мл. Письма, IV, 11; Светоний. Домициан, 22; Ювенал. Сатиры, II, 32—33.

25. *Scorpi* — маленькие скалистые острова Средиземного моря, которые римляне часто использовали как место ссылки: Сериф, Гиар, Аморг, Церцина и самые страшные из них — Планазия (между Корсикой и побережьем Этрурии) и Пандатерия (к западу от Кум). Сосланных на острова нередко умерщвляли там по тайному приказу императоров; здесь погибли Агриппина Старшая, внук Августа Агриппа Постум и многие другие.

26. Юлий Агрикола, тесть Тацита, попал в 86 г. в опалу, ибо возбудил зависть Домициана тем, что с большим успехом выполнял обязанности наместника в Британии (Агрикола, 39 и сл.).

27. Среди обвинений, предъявленных Домицианом Гереннию Сенециону, фигурировало и то, что после квестуры он не стремился к занятию дальнейших магистратур. Сенецион был казнен в конце 93 г. (Дион Кассий, 67, 13).

28. Учение о добродетели как высшем и единственном подлинном благе, требовавшее безразличия к богатствам и почестям, таило в себе оппозиционность по отношению к императорам, ибо утверждало внутреннюю свободу и независимость человека от властей вообще, от власти принцепса в частности. Учение это было распространено среди части сенаторов (Гельвидий Приск, Геренний Сенецион, Арулен Рустик и др.), которых Тацит и имеет здесь в виду. Многие из них были казнены: Гельвидий при Веспасиане, Сенецион и Рустик — Домицианом.

29. Римское право не знало института государственных обвинителей, и роль эту брали на себя частные лица. Такая система давала возможность каждому, кто желал выделиться, возбуждать судебное дело против какого-либо известного лица, допустившего нарушение закона (или подозреваемого в таком нарушении). Если обвиняемый бывал осужден, сенат мог присудить обвинителю четвертую часть имущества осужденного. Императоры, особенно начиная с Тиберия, широко использовали эту особенность римского права для уничтожения своих политических противников, наиболее видных

представителей сенатской аристократии. Спрос вызвал предложение: толпы молодых провинциалов, скупаемых честолюбием, стремлением пробиться, жаждой власти и денег избирали этот путь к карьере, не останавливаясь перед клеветой и лжесвидетельством. Многие из них добивались своего и проникали в сенат; люди этого типа составляли там одну из главных опор императорской власти. Трижды консулы (Вибий Крисп), префекты претория (Тигеллин), известные писатели (Силий Италик) нередко выступали в роли доносчиков. Тацит с отвращением и ненавистью говорит об этих людях во многих местах своих сочинений.

30. Дважды консулами были, например, знаменитые доносчики нероновского и флавиянского времени Эприй Марцелл (в 62 и 74 гг.) и Катулл Мессалин (в 73 и 85 гг.). Членом жреческой коллегии квиндецимвиров (и трижды консулом) был не менее знаменитый Фабриций Вейентон (R. Syme. Tacitus, vol. II. Oxford, 1958. appendices 12, 26).

31. Так, известный при Домициане доносчик Бебий Масса, погубивший, в частности, Геренния Сенециона и особенно ненавистный Тациту (IV, 50), был прокуратором Африки и наместником в Испании. Проконсулом Азии (и очень дельным, — см.: Планций Мл Письма, III, 7) был упоминавшийся выше Силий Италик.

32. Долабеллу, например, оговорил его близкий друг Планций Вар (II, 63); Сорана — его учитель и друг Целер (IV, 10).

33. Так, Фанния Младшая, дочь Тразея Пэта, дважды следовала в изгнание за своим мужем Гельвидием Приском, народным трибуном 56 г. (Анналы, XIII, 28), претором 70 г. (IV, 53) при Нероне в 66 г. и при Веспасиане.

34. Хотя Тацит предупредил о своем намерении дать в главах 2 и 3 общую картину римской жизни с 69 по 96 г., на самом деле он говорит здесь почти исключительно о правлении Домициана, принципат которого вырисовывается, таким образом, как время сплошных поражений, бедствий и свирепых репрессий.

35. Гальбу провозгласили императором войска Тарраконской Испании, наместником которой он был с 61 г.

36. Преторианские когорты, — собственно, личная охрана полководца, — были превращены Августом в привилегированный корпус, являвшийся той реальной силой, опираясь на которую императоры могли осуществлять военную диктатуру в Риме. Он насчитывал 10 тысяч (позднее 16, еще позже 14) отборных солдат, которые жили в Риме, служили 16 лет, а не 25, как в легионах, получали повышенное жалованье, в неслужебное время носили тогу. Пользуясь этими и рядом других льгот, часто получая денежные подарки, преторианцы были полностью преданы принцепсу, от которого зависели все эти блага.

37. Прежде всего — префекта претория Нимфидия Сабина.

38. Расположенные в Испании VI Победоносный, X Сдвоенный и набранный самим Гальбой в 68 г. VII Гальбанский.

39. Летом 68 г. Гальба, находясь еще на пути к Риму, назначил префектом претория Корнелия Лакона. Не желая мириться со своей отставкой, Сабин убедил преторианцев провозгласить его императором. Часть солдат, однако, не последовала за ним, заговор был сорван, и Нимфидий убит (Плутарх, Гальба, 13—14).

40. Тит Виний Руфин — легат Гальбы во время наместничества его в Испании, после провозглашения Гальбы императором — его фаворит и ближайший советник (см. прим. 133).

41. Цингоний Варрон, кандидат в консулы, написал текст речи, с которой Нимфидий собирался обратиться к преторианцам перед захватом власти (Плутарх, Гальба, 15).

42. Публий Петроний Турпилиан, ординарный консул 61 г., в 61—63 гг. легат в Британии. Успешное подавление восстания в этой провинции принесло ему знаки отличия триумфатора и славу полководца, сочетающего военные таланты с дипломатическими. Скорее всего поэтому Нерон назначил его весной 68 г. (вместе с Рубрием Галлом) командовать войсками, высланными против Виндекса

43. Весной 68 г. Нерон, готовясь к войне с Виндексом, сформировал из солдат морской пехоты новый легион (I Флотский, или I Вспомогательный, ср.: II, 43, III, 44). Служба легионеров была более выгодной и почетной, чем служба моряков, и поэтому они обратились к Гальбе при вступлении его в столицу с просьбой подтвердить их новое положение. Тот, усмотрев в этом бунт, бросил на них отряд конницы, а после велел казнить каждого десятого; уцелевшие были заключены в тюрьму (ср.: I, 87; Светоний. Гальба, 12; Плутарх. Гальба, 15).

44. VII Гальбанский.

45. Альбаны — кавказский народ, живший по юго-западному побережью Каспийского моря.

46. Луций Клодий Макр — в 68 г. легат провинции Африка, пытавшийся поднять восстание против Нерона и отказавшийся подчиниться Гальбе.

47. Гай Фонтей Капитон — консул 67 г., в 68 г. — наместник Нижней Германии.

48. Прокураторами при империи назывались чиновники, ответственные за сбор налогов в императорскую казну с населения данной провинции. Прокураторы, в некоторых провинциях имевшие в своем распоряжении войска, назначались исключительно из всадников и играли роль доверенных лиц императора, противопоставленных наместнику, обычно (особенно при Юлиях—Клавдиях) представителю сенатской аристократии.

49. Слово «легат» употреблялось в Риме в I в. н. э. в нескольких значениях, которые следует тщательно различать: 1) легатом (*legatus Augusti pro praetore consulari potestate*) назывался наместник императорской провинции; 2) легаты назначались сенатом для помощи наместнику данной провинции, такие легаты обычно командовали легионом (в данном случае слово «легат» употреблено именно в этом значении), но иногда выполняли при наместнике также юридические и фискальные функции; 3) легатами назывались также послы.

50. Марк Клувий Руф — консул-суффект 45 г., наместник Тарраконской Испании, сменивший на этом посту Гальбу в 68 г. Известен главным образом как оратор (IV, 43) и историк, написавший историю Рима от Калигулы до 69 г. н. э. (Плиний М. л. Письма, IX, 19). Тацит, очевидно, пользовался этим сочинением как одним из главных источников при описании событий 69 г.

51. В 48 г. н. э. члены наиболее знатных галльских семей получили право полного римского гражданства (*civitas cum suffragio*), открывавшее им дорогу в сенат (Анналы, XI, 23—25). Гальба распространил это право на все племена, активно поддерживавшие его самого и Виндекса во время восстания 68 г. Он же даровал этим племенам освобождение от 1/4 части податей.

52. Восточные галлы, выступившие во время восстания Виндекса на стороне подавлявших этот мятеж верхнегерманских легионов (в частности, племена тревиров и лингонов), не только не получили от Гальбы никаких льгот (см. прим. 51), но и были лишены им части своих земель.

53. Над Виндексом.

54. Луций Вергиний Руф (14—97 гг. н. э.), трижды консул (в 63, 69 и 97 гг.), в 69 г. отклонил императорскую власть, которую предлагали ему солдаты. После прихода Гальбы к власти Вергиний отдал легионы, которыми он командовал как наместник Верхней Германии, «в распоряжение сената и римского народа», тем самым перейдя в оппозицию к новому принцепсу. Представитель новой, созданной императорами, провинциальной знати, талантливый полководец, Вергиний Руф пользуется симпатиями Тацита. Тацит же произнес над ним в 97 г. посмертную похвальную речь (Плиний М. л. Письма, II, 1).

55. Т. е. рядовых солдат; Капитона убили легаты — командиры легионов.

56. IV Македонский, XXI Стремительный и XXII Изначальный.

57. Легат Верхней Германии, назначенный Гальбой и сменивший на этом посту Вергиния Руфа (Плутарх. Гальба, 10).

58. I Германский, V Алауда, XV Изначальный, XVI Галльский.
59. Для переброски в Галлию на подавление восстания Виндекса.
60. III Галльский, IV Скифский, VI Железный, XII Молиненосный.
61. V Македонский, X Сокрушительный, XV Аполлонов.
62. Т. е. от Клодия Макра, отличавшегося жестокостью и алчностью. См.: Плу-та р х. Гальба, 6.
63. Римские провинции в Северной Африке: западная — Мавритания Тингитан-ская, с центром в Тинги (ныне Танжер), и восточная — Мавритания Цезарейская, с центром в Йоле (ныне Алжир).
64. Собственно Реция — римская провинция, охватывавшая современный Тироль до Граубюндена. Нередко (как в данном случае) это название распространялось и на провинцию Винделицию, т. е. на более северные земли, вплоть до Дуная (нынешняя южная Бавария).
65. Норрик — провинция, лежавшая между Паннонией (современная центральная и западная Венгрия) и Рецией, ограниченная на севере Дунаем, на юге — восточными отрогами Альп.
66. Римская провинция, территория которой примерно соответствует современной Болгарии.
67. Виний покровительствовал Отону и добивался, чтобы Гальба усыновил его (см. следующую главу). Мысль Тацита состоит здесь в том, что люди, предназначенные молвой в приемники Гальбе, радовались не только за себя, но и тому поражению, которое нанесло бы усыновление их Гальбой Винию и Отону.
68. В пору ранней империи Рим в государственно-правовом отношении продолжал оставаться республикой, и своего аппарата управления у императоров по сути дела не было; его роль играла «фамилия» принцепса — члены его семьи, слуги и вольноотпущенники. Последние нередко приобретали значительное влияние на императоров, а вместе с ним и огромную власть. При Калигуле отпущенник Каллист «пользовался неограниченной властью» (Иосиф Флавий. Иудейские древности, XIX, 1, 10), один отпущенник Клавдия, Нарцисс, добился казни жены императора Мессалины, другой, Паллант, женил его на Агриппине (Анналы, XI, 29—38, XII, 1—3); и тот, и другой были богаче самого принцепса (Светоний. Клавдий, 28). Уезжая на год в Грецию (в 66 г.), Нерон оставил управлять Римом своего отпущенника Гелия, т. е. фактически сделал его соправителем (Дион Кассий, 63, 12). Не меньшей властью пользовались Икел при Гальбе, Азиатик при Вителлии. Конец господству отпущенников положил только Адриан (Scriptores Historiae Augustae. Hadr. 21). Возвышение Икела связано, в частности, с тем, что он первый привез Гальбе в Испанию весть о падении и смерти Нерона (Плута р х. Гальба, 7).
69. По закону Юния от 17 г. до н. э., отпущенные на волю рабы получали не римское гражданство, а гражданство латинских колонистов, что лишало их возможности занимать государственные должности. Чтобы обойти это препятствие, императоры иногда жаловали своим отпущенникам всадническое достоинство и его символ — золотое кольцо.
70. Октавия Клавдия (42—62 гг.), дочь императора Клавдия и первая жена Нерона.
71. Римская провинция в юго-западной части Пиренейского полуострова.
72. Марий Цельз, происходивший, вероятно, из Нарбоннской Галлии (Inscriptiones Latinae Selectae, 6977) и родившийся, судя по выдвижению его в консулы в 69 г., около 28 г. н. э. (R. Syme. Tacitus, p. 654), был связан с окружением Корбулона, на помощь которому он в 63 г. привел из Паннонии XV Аполлонов легион (Анналы, XV, 25). В 69 г. он до конца оставался верен Гальбе, затем так же до конца Отону. Авторитет его в армии был столь велик, что после Бедриацкой битвы солдаты Вител-лия под его влиянием сохранили жизнь и имущество разгромленным отонинцам. В речи, произнесенной в связи с этими событиями, Цельз говорит о Катоне как о «борце за свободу римлян» (Плута р х. Отон, 13). Не исключено, что он — тот

самый Марий Целз, который упоминается в одной из надписей (*Inscriptiones Latinae Selectae*, 8903) как легат Сирии в 72/73 гг. н. э.

73. Префект города (Рима) — одна из магистратур, введенных императорами и шедших вразрез со старыми республиканскими формами управления: он назначался принцепсом на неопределенный срок, был ответствен только перед ним, имел в своем распоряжении войска (городские когорты), мог единолично выносить приговоры по уголовным преступлениям. Главная его обязанность — охрана порядка в Риме.

74. Луций Кальпурний Пизон Фруги Лициниан происходил по отцу, Марку Лицинию Крассу Фруги, от Лициния Красса триумвира, коллеги Юлия Цезаря и Гнея Помпея. Мать его, Скрибония, была внучкой Секста Помпея, сына Гнея Помпея Великого.

75. Рубеллий Плавт — сын Рубеллия Бланда и внучки Тиберия Юлии. См. о нем: *Анналы*, XIV, 22, 57 сл.

76. Один из древнейших патрицианских родов Рима, из которого по отцу происходил Гальба. Ср.: Светоний. Гальба, 2.

77. Один из древнейших плебейских родов Рима. Мать Гальбы была по женской линии внучкой Квинта Лутация Катулла, знаменитого вождя партии оптиматов в 70-е годы I в. до н. э.

78. Имеются в виду Гай Цезарь и Луций Цезарь, сыновья Марка Агриппы и дочери Августа Юлии, усыновленные Августом в 17 г. до н. э.

79. Красс Скрибоний. См. о нем: IV, 39.

80. Пизону в 69 г. было 30 лет. Ср. гл. 48.

81. См. гл. 48.

82. Расквартированный в Тарраконской Испании VI Победоносный легион.

83. IV Скифский и XXII Изначальный в Верхней Германии. См. гл. 12.

84. См. прим. 5.

85. Трибуны для ораторских выступлений на форуме.

86. Холм в центре Рима, с которого началось историческое развитие города. В императорскую эпоху он был сплошь застроен дворцами принцепсов, и само название его стало обозначать «дворец», «резиденция императора».

87. 10 января 69 г. н. э. Идами называлось полнолуние, середина месяца. В январе они приходились на 13-е число.

88. По старинному обычаю полагалось, чтобы при наборе войск первый новобранец сам выкликал следующего, тот — следующего и т. д., пока не будет набран весь контингент.

89. Верхнегерманских легионов. См. гл. 12.

90. Офицеры, которых было по 6 в каждом легионе.

91. Фамильное имя Гая Цезаря уже со времен Августа превратилось в титул, который носил каждый мужчина — член императорской семьи по крови или по усыновлению.

92. Всадники — первоначально граждане, являвшиеся в армию со своим боевым конем, уже со II в. до н. э. превратились в финансовую аристократию, яростно борющуюся с аристократией родовой и пользовавшуюся поэтому в эпоху принципата поддержкой и покровительством императоров.

93. Имеются в виду *cohortes urbanae* — когорты, подчиненные префекту Рима (см. прим. 73).

94. Городскую стражу (*cohortes vigilum* в отличие от *cohortes urbanae*) во времена Тацита составляли 7 когорт, отвечавших за борьбу с пожарами и спокойствие города ночью. Городской стражник обладал рядом льгот и преимуществ сравнительно с легионером. Трибуны когорт городской стражи назначались из числа заслуженных центурионов армии.

95. В Риме, где различные формы гаданий и толкований будущего были издавна крайне распространены, звездочеты появились уже в конце республики, преимущественно из восточных провинций. Императоры, подозрительные, вечно неуверенные.

в своем будущем, часто обращались к их услугам. Опасаясь, что они могут быть использованы противниками, и учитывая, что восточные суеверия с точки зрения официальной идеологии безусловно осуждались, императоры неоднократно изгоняли звездочетов: Август — в 33 г. до н. э., Тиберий — в 16 г. н. э., Клавдий — в 52-м, Вителлий — в 69-м. Тацит, всегда брезгливо относившийся к восточным верованиям, несовместимым для него с заветами римской старины, особенно презирал звездочетов за то, что они сплошь да рядом выступали как свидетели обвинения в процессах, возбуждавшихся доносчиками против неугодных императорам лиц. Ср.: *Анналы*, II, 27; XII, 22, 52, 59; XVI, 14.

96. Скорее всего, это тот же астролог, которого Светоний (Отон, 6) называет Селевком.

97. Из Испании в Рим.

98. Во время поездки Нерона по Греции (как провинция империи она именовалась Ахайей) в 66—67 гг. его сопровождали преторианцы, игравшие во время выступлений императора на сцене роль клакеров (Дион Кассий, 63, 8).

99. Софоний Тигеллин — фаворит Нерона, с 62 г. н. э. префект претория, приобретший почти неограниченную власть после разгрома заговора Пизона в 65 г. Его интриги и доносы погубили многих значительных людей (*Анналы*, XIV, 57 сл.), он сыграл решающую роль в устранении Октавии (дочери Клавдия и первой жены Нерона. Ср.: *Анналы*, XIV, 60). См. характеристику его в гл. 72.

100. Сестерций — серебряная монета достоинством в 4 асса.

101. Префект претория, т. е. Корнелий Лакон. Место это характерно для художественной манеры Тацита. Никаких сведений о том, что навстречу Гальбе во время похода его из Испании в Рим были высланы преторианцы, нет. Следовательно, в начале этой главы под «преторианцами дежурной когорты» понимаются солдаты, составлявшие личную охрану полководца (см. прим. 36), в конце же главы явно имеются в виду преторианцы в Риме. Тацит не разграничивает тех и других, события в Испании и события в Риме, так как ему важно не характеризовать различные виды войск и разные части империи, а показать всеобщую продажность, царившую среди солдат, окружавших Гальбу; он стремится, другими словами, не к точности отдельных деталей, а к точной передаче общей атмосферы событий.

102. Старший солдат, передававший войсковым подразделениям от командующего «тессеру» — четырехугольную табличку с написанным на ней паролем.

103. Опцион — заместитель центуриона или декуриона, примерно соответствует современному командиру отделения.

104. Во времена Тацита каждый легион состоял из 5000 легионеров, образовывавших «легионные когорты» (или просто когорты), и 5000 солдат, составлявших «вспомогательные когорты». Последние поставлялись союзными Риму народами и провинциями, но жалование им выплачивали римские командующие.

105. Календами назывались первые дни лунного месяца. События, описываемые в этой и последующих главах, происходили 15 января 69 г.

106. Гаруспиками назывались гадалы по жертвам и истолкователи знамений. Со времен императора Клавдия они были приравнены к жрецам.

107. Дом Тиберия занимал западную часть Палатинского дворцового комплекса. Выйдя из храма, Отон, таким образом, чтобы усыпить подозрения, пошел на запад, т. е. в сторону, противоположную преторианскому лагерю, находившемуся на северо-восточной окраине города. Продолжая этот маневр, он спустился еще дальше к западу, в Велабр, торговый район, занимавший пространство между Палатином, Тибром и Капитолием, и лишь здесь круто повернул на северо-восток, к храму Сатурна. По дороге к этому храму, в северо-западном углу Старого форума, и находился покрытый золоченой бронзой верстовой столб, считавшийся началом всех дорог Италии.

108. Следуя римской манере при определении срока включать в него и день, когда произошло событие, и день, до которого ведется счет.

109. Важная мысль, проливающая свет на мировоззрение Пизона (и людей его круга) и на позицию, с которой он ведет разговор с преторианцами. Весной 68 г. в разгар восстания Виндекса — Гальбы префект претория Нимфидий Сабин объявил своих солдат находящимися в распоряжении сената. В реальных условиях императорского Рима это, конечно, означало измену принципсу, для поддержки которого в его борьбе с сенатом преторианский корпус и был создан. С точки зрения же римского аристократа, не желающего считаться с подлинным характером современного государства и принимающего его консервативную правовую форму (см. прим. 5, 68) за истинное положение дел, принципат — лишь одна из магистратур, даруемых сенатом, который остается носителем верховной власти. Преторианцы в таком случае — охранители сената и магистратов, им назначенных, и в конфликте их с Нероном виноват лишь Нерон, противопоставивший себя сенату, а тем самым и преторианцам. Несоответствие консервативной фикции республиканского строя и реально существующей империи играет важную роль в политическом мышлении самого Тацита и многих действующих лиц его «Истории»; ср. речь Гальбы при усыновлении Пизона (I, 15—16), обращение Отона к преторианцам (I, 83, 84), столкновение Эприя Марцелла с Гельвидием Приском (IV, 8) и т. д.

110. См. гл. 6.

111. Портик — т. е. обведенный крытой колоннадой сад, сооруженный в 26 г. до н. э. Марком Випсанием Агриппой, другом и полководцем императора Августа, на Фламиниевой дороге, между Форумами и восточной оконечностью Марсова поля.

112. Примипилярем назывался старший по должности из 60 центурионов легиона, назначавшийся за особые заслуги, опытность и храбрость; примипилярий входил в число членов военного совета легиона и получал при назначении всадническое достоинство.

113. См. гл. 6.

114. См. гл. 6.

115. Тацит в ряде случаев, говоря о населении Рима, различает «чернь и рабов» (I, 32), «народ и чернь» (I, 35), «граждан и чернь». Слово *plebs* — «чернь» может иметь здесь известный правовой смысл, поскольку в Риме I в. жило множество деклассированных провинциалов, не бывших рабами, но в то же время не относившихся к римскому народу как носителю государственного суверенитета. Вполне очевидно, однако, что Тацит имеет в виду не эту формально-юридическую сторону дела. История империи для Тацита есть процесс углубляющегося разложения былой целостности народного бытия и выделения на одном полюсе абстрактного, постороннего живой действительности, а потому бессмысленно жестокого императорского государства, и с другой — посторонней государственным интересам, а потому погруженной в своекорыстие обывательской массы. Понятие римского народа у Тацита двойится: рядом с «народом» как идеальным носителем величия и мощи Рима появляется «чернь», — беспринципная, продажная, подверженная случайным настроениям и разрушительная в своей слепой ярости масса — *plebs*. Бушующая толпа солдат или горожан — неизменное действующее лицо почти всех книг «Истории».

116. Обультроний Сабин упоминается в «Анналах» (XIII, 28) как квестор эрария (государственной казны); Корнелий Марцелл, квестор и позже проконсул Сицилии, обвинялся при Нероне в государственной измене, но сумел избежать смерти (Анналы, XVI, 8); Бетуй Цилон в других источниках не упоминается.

117. Поликинт — вольноотпущеник Нерона (см. прим. 68).

118. Ватиний — сапожник, потом шут, наконец — приближенный Нерона, один из самых богатых и влиятельных людей при его дворе (Анналы, XV, 34).

119. Находившийся в центре Рима Капитолийский холм имел 2 вершины, на одной из которых находилась главная святыня древнего Рима — храм Юпитера Сильнейшего и Величайшего, а на другой — крепость. Поэтому, овладев Капитолием, Гальба располагал бы важным преимуществом, — и моральным, и военно-стратегическим.

120. См. прим. 85.

121. Базилика — помещение для судебных заседаний или торговых сделок, состоявшее из центрального зала и 2 или 4 боковых, отделенных колоннами.

122. Аршакиды — династия парфянских царей (III в. до н. э. — III в. н. э.). Из нее происходили царь Вологез, управлявший Парфией при Клавдии и Нероне (Анналы, XII, 14), и его брат Пакор, правитель Мидии, воевавший с римлянами (там же, XV, 2, 14, 31).

123. В состав преторианской гвардии входили и конники.

124. В легионах свой вымпел (или значок) полагался каждой манипуле (т. е. воинскому подразделению, включавшему 2 когорты), в претории, однако, свой особый значок имела каждая когорта. На древке такого вымпела, или значка, укреплялся медальон с рельефным поясным изображением императора.

125. Бассейн Курция находился в центре форума (Ливий, I, 12; VII, 6) и был одним из 700 бассейнов, в которые по акведукам и из источников поступала вода для населения Рима. Название его происходит от имени Марка Курция, некогда бросившегося здесь с кручи, чтобы своей смертью прославить Рим; в память о нем над бассейном стоял алтарь.

126. XV Изначальный легион находился в это время в Нижней Германии (см. IV, 35). Как явствует из этого места, среди отрядов, выведенных Нероном из различных провинций и задержанных в Риме (см. гл. 6), были также отдельные подразделения XV легиона, в которых и служил Камурий.

127. Храм божественного Юлия был сооружен императором Августом в юго-восточной части Форума, на месте погребального костра Юлия Цезаря.

128. В юго-западной части Форума, между домом Помпея и сгоревшей при пожаре 64 г. Юлиевой курiei.

129. Старший среди преторов, которых в I в. н. э. бывало от 12 до 18. Изначально претор был магистратом, представлявшим одну из функций консула — судопроизводство. Представление о близости обеих магистратур сохранилось, как видно из данного места, и во времена империи: созыв сената входил в обязанности консулов, но поскольку и Гальба, и Виний убиты, сенаторов собирает городской претор.

130. Слово «Август» (Augustus) связывалось для римлян со словами augur — «прорицатель», «жрец», «толкователь божественной воли» и augere — «растить», «возвеличивать» (Овидий, Фасты, I, 608) и указывало на связь человека, этим именем обозначенного, с божественным началом, с миром богов. Оно было присвоено Октавиану сенатским постановлением 16 января 27 г. как часть его собственного имени. Однако уже начиная с Тиберия «Август» становится частью титулатуры императоров, призванной указывать на божественный характер их власти, и присваивается сенатом каждому принцепсу.

131. По доносу Аквилы Регула (IV, 42); относительно обстоятельств смерти Магна ничего не известно.

132. Гай Кальвизий Сабин, консул 26 г. н. э. (Анналы, IV, 46), был наместником Паннонии при Калигуле. После описанного ниже скандала против него и его жены было возбуждено судебное дело; не дождавшись приговора, оба обвиняемых покончили с собой (Дион Кассий, 59, 18).

133. Это место и все, сказанное выше, дают нам возможность установить основные этапы карьеры Виния — человека, о котором мы знаем довольно мало. Комментаторы (например, К. Хэреус в его издании: «Истории», Лейпциг, 1877, стр. 74) ошибаются, полагая, что Виний служил в Паннонии при Кальвизии Сабине военным трибуном: как явствует из слов «вскоре времена изменились», служба его в этой провинции относится к концу правления Калигулы, т. е. когда Винию, родившемуся в 11 г. н. э., было не меньше 28 лет, — военных трибунов такого возраста в Риме I в. н. э., кажется, не бывало. В то же время известен ряд случаев, когда люди, особенно успешно делавшие карьеру, именно в этом возрасте занимали в провинции должность легата. Так, легатами в провинции еще до претуры были коллега Тацита по консульству Глитий Агрикола (Corpus Inscriptionum Latinarum, V, 6975), Лициний Сура (там же, VI,

1444) и Цецилий Симплекс (там же, IX, 4965). К их числу, по-видимому, следует отнести и Тита Виния. О том же исключительно быстром и успешном прохождении службы говорит и назначение Виния командиром легиона: стать после преторы командиром легиона было несравненно почетнее, чем получить должность пропреторского легата. Не менее импозантно и завершение карьеры — проконсульство в богатейшей сенатской провинции.

134. Диспенсатором назывался раб, ведавший хозяйственными расходами и денежной отчетностью.

135. Патробий был волноотпущенник Нерона, стяжавший своими преступлениями всеобщую ненависть. Гальба казнил его. Когда один рядовой солдат принес голову Гальбы Отону, тот велел отдать ее обозным слугам. У них-то и выкупил ее отпущенник Патробия, чтобы бросить в Сессории, месте, где казнили преступников по приказу Цезарей и где, в частности, был казнен его патрон (Светоний. Гальба, 20; Плутарх. Гальба, 28).

136. Гальба находился в Германии в 39—41 гг., управлял Африкой в 45—47 гг., Тарраконской Испанией — в 61—68 гг.

137. Одно из худших следствий императорского режима Тацит видел в том, что люди все больше замыкаются в кругу частных повседневных интересов и становятся безразличными к судьбам государства (I, 1; I, 89; III, 83, и др.). В противовес этому способность «принимать к сердцу дела государства» он считал одним из высших достоинств подлинного римлянина. На этом у Тацита основана высокая оценка таких людей, как Юлий Агрикола, Корбулон, Гельвидий Приск и др.

138. Фарсалия — город в северной Греции, где 9 августа 48 г. до н. э. Цезарь одержал решительную победу над Гнеем Помпеем. В г. Мутине (на севере Италии) в 44—43 гг. Деций Брут в течение четырех месяцев выдерживал осаду Марка Антония. При Филиппах (в северной Греции) в 42 г. Октавиан Август и Марк Антоний уничтожили основные силы антицезарианцев во главе с Брутом и Кассием. Город Перузия в средней Италии был во время гражданских войн сожжен войсками Октавиана.

139. Центурия — подразделение пехотных войск, эскадрон (ala) — подразделение кавалерии. Кавалерийские отряды в римской армии набирались только из провинциалов и союзных племен. Одни из них входили в число вспомогательных войск и управлялись римскими префектами, другие не включались в состав легионов и представляли собой самостоятельно действующие отряды. Последние именовались по народностям, из которых набирались (батавская конница, тунгская конница и т. д.), и командовали ими их туземные вожди. Число всадников в таком отряде обычно составляло 500 человек.

140. Прежде всего белги и тревиров.

141. Племена центральной Галлии, издавна связанные с Римом союзными отношениями и занимавшие привилегированное положение среди других галльских племен.

142. См. прим. 51.

143. Теперешний Лион; центр провинции — Лугдунская Галлия; римская колония с 43 г. до н. э. Нерон пожертвовал этой колонии 4 млн сестерциев на восстановление города после постигшего ее на редкость большого бедствия, характер которого нам точно неизвестен (Анналы, XVI, 13).

144. Перевод этого предложения сделан в соответствии с той его редакцией, которая представлена в рукописи: *simul aviditate imperandi*. В большинстве современных изданий принято исправлять: *simul aviditate imperi dandi*.

145. Авл Алиен Цецина командовал легионом в Верхней Германии, Гай Фабий Валент — в Нижней. О роли, сыгранной ими в гражданской войне, и последующей судьбе обоих много говорится далее.

146. См. гл. 8.

147. Т. е. *quaestor provincialis* — помощник наместника провинции, ведавший главным образом финансами. Бетика — сенатская провинция в южной части Пиренейского полуострова.

148. Имеются в виду кельтские племена северо-восточной Галлии. Лингоны жили в верховьях Марны, Мааса и по обоим берегам Сены, тревирсы — по течению р. Мозель.

149. В римском военном лагере во второй половине I в. н. э. вспомогательные войска и отряды союзнической конницы, как и в сражении, располагались по флангам, охватывая с двух сторон легионные когорты.

150. Со времен Тиберия 1 января каждого года все войска империи приносили присягу на верность императору. За несколько месяцев до этого легионы уже присягали Гальбе (см. гл. 53).

151. I легион стоял в Бонне, V и XV — в Старых лагерях, в 150 км от Бонны к северу, по Рейну, XVI — в Новезии, на Рейне, на полпути между Бонной и Старыми лагерями, IV и XXII — в Могонциаке, теперешнем Майнце.

152. См. прим. 5, 68, 108.

153. В Нижней Германии, в земле племени убиев. Ныне — Кёльн.

154. 7 января 69 г. Нонами назывался девятый день перед идами (считая и день ид, и день нон).

155. Императоры I в. н. э. не имели аппарата для управления империей, и такие важнейшие функции, как государственная переписка, прием прошений и ответы на них, финансы и отчетность, поручались вольноотпущенникам Цезарей. Вителлий первый придал этим обязанностям государственный характер, назначив для их исполнения всадников, людей, не имевших отношения к его семье. Окончательно эта практика закрепились лишь при Адриане (117—138 гг.).

156. Рейнская флотилия.

157. Юлий Цивилис, служивший в римской армии батав, был братом казненного Юлия Павла, неоднократно арестовывался и вообще подозревался римлянами в измене. В 69 г. под его руководством вспыхнуло большое восстание галлов, батавов и германцев против Рима (см. IV, 13 и сл.).

158. По всей вероятности, сын дважды консула Валерия Азиатика, чья гибель описана Тацитом в «Анналах» (XI, 1—3), поддерживал восстание Виндекса.

159. Созданный Нероном (Дион Кассий, 55, 24) I Итальянский легион. Его следует отличать от I Флотского (впоследствии I Вспомогательного), созданного тем же Нероном в 68 г., и от I Германского, сформированного Августом.

160. Название происходит не от имени племени, поставлявшего всадников в этот отряд, как обычно (см. прим. 139), а от имени основателя этой воинской части Статилия Тавра, проконсула Африки (Анналы, XII, 59).

161. Требеллий Максим — консул-суффект 56 г., в 61 г. проводил ценз во всех 3 галльских провинциях, в 63—69 гг. наместник Британии, в 72 г. — глава жреческой коллегии Арвальских братьев. Характеристика его в «Агриколе» (гл. 16) отличается от той, которая дана ему здесь.

162. По-видимому, Требеллий не дал солдатам присвоить часть воинской добычи, обычно им полагававшуюся.

163. К Вителлию бежал изгнанный британскими войсками Требеллий Максим (гл. 60). Остается непонятным, как при этом к нему же Вителлию перешли и сами британские войска.

164. Коттианскими Альпами называлась горная цепь, отделяющая Дофине во Франции от Пьемонта в Италии. Здесь имеется в виду горный проход в районе Мон-Женэвр.

165. Перевал через Большой Сен-Бернар.

166. Об обычае вводить в титулатуру римских императоров собственные имена основателей династии Юлиев—Клавдиев см. прим. 130. Нерон Клавдий Германик (15 г. до н. э.—17 г. н. э.), внук Августа и племянник Тиберия, пользовался исключительной славой и любовью всего народа.

167. Ныне Мец.

168. Крупное кельтское племя, жившее в Бельгийской Галлии по среднему течению р. Мозель, южнее племени тревиров.

169. Кельтское племя левков занимало в Бельгийской Галлии земли между Марной и Мозелью.

170. Гл. 59.

171. Жители Лугдунума (Лиона) были преданы Нерону (см. прим. 143) и видели в Вителлии мстителя за него.

172. Имеются в виду так называемые «когорты римских граждан», образовывавшие отдельные подразделения и не входившие ни в состав легионов, ни в число городских или преторианских когорт.

173. Виенна (ныне город того же названия на юге Франции), бывшая главным поселением племени аллоброгов, а затем — центром римской Нарбоннской провинции, получила при Калигуле статус «колонии римских граждан», а жители ее тем самым — все права римского гражданства.

174. С Виндексом.

175. Рона.

176. Лугдунум был основан с самого начала как «колония римских граждан» (в 44 г. до н. э.).

177. Изначально у римлян не было обыкновения изображать богов в виде статуй (Варрон в «Вертограде Божьем» бл. Августина, IV, 31) и их чтили с помощью примитивных, связанных с природой обрядов, в частности украшая шерстяными лентами древесные стволы (Тибулл, I, 10). Перевязанная шерстью ветвь (особенно оливковая, лавровая или миртовая) сохранила свое значение священного символа и в позднейшую эпоху: островерхую шапочку, в которую была воткнута оливковая ветвь, перевязанная шерстинкой, носили, в частности, жрецы-фламины. Перевязанные шерстяными лентами ветви как знак смирения и просьбы о милосердии упоминаются Тацитом неоднократно (ср., например: III, 31).

178. Кельтские племена. Аллоброги жили между Изерой, Роной, Женевским озером и Альпами, воконтии — в Провансе, в районе теперешнего г. Везона.

179. Ныне г. Люк в провинции Дофинэ.

180. Территория гальветов была ограничена Юрой, Роной, Женевским озером и верхним Рейном.

181. Во времена Юлия Цезаря.

182. Т. е. римские легионы, стоявшие в провинции Реция.

183. В восточной Юре.

184. Ныне Аванш в Швейцарии.

185. По всей вероятности, названная так по имени создателя ее — Гая Силия, пропреторского легата Верхней Германии во времена Тиберия (Анналы, I, 31).

186. Ныне Милан, Новара, Ивреа и Верчелли в северной Италии.

187. Нередкое у Тацита риторическое преувеличение: армия Цецины состояла только из одного легиона (XXI) и нескольких подразделений двух других (IV и XXII).

188. Гл. 45. См. также гл. 14, 31, 39 и прим. 72.

189. Синуесские воды — горячие источники в Кампании, очень модные в ту эпоху.

190. См. прим. 46. План Макра заключался в том, чтобы лишить Рим зерна, поступавшего в столицу главным образом из африканских провинций, и вызвать волнения, которые опрокинули бы Гальбу.

191. Посланных им в Германию. См. гл. 19.

192. Вителлий был провозглашен императором на две недели раньше Отона.

193. Луций Сальвий Отон Тициан, старший брат Отона, консул 52 г., проконсул Африки в 65 г. (квестором его в этой провинции был, между прочим, Юлий Агрикола, тесть Тацита), во второй раз консул в 69 г. (см. гл. 77 и прим. 195).

194. Поскольку новорожденный сын Вителлия Германик находился в это время

при нем (II, 59), из данной фразы следует, что, кроме этого сына и упоминаемой Светонием (Веспасиан, 14) дочери, у Вителлия были и еще дети.

195. Далмация — другое название Иллирии; Мезией назывались 2 римские провинции (Верхняя Мезия и Нижняя Мезия), тянувшиеся узкой полосой по южному берегу Дуная примерно от впадения р. Савы до Черного моря. Паннония — римская провинция, находившаяся на территории современной Венгрии.

196. Аквитания занимала крайний юго-запад современной Франции. Юлий Корд — наместник этой провинции.

197. Помпей Вописк либо был родом из Вeenны, либо владел в ее окрестностях большими именьями.

198. Обычно срок полномочий каждой пары консулов (так называемый нундиниум) составлял 4 месяца. Отон сократил нундиниум первых 2 пар до 2 месяцев, но сохранил на 2 остальных четырехмесячных нундиниума кандидатов, выдвинутых Нероном и Гальбой. Вителлию, когда он стал принцепсом, нужно было найти время для консульства Цецины и Валента (II, 71), фактически приведших его к власти. Однако и он не стал менять назначений, произведенных его предшественниками, лишь сократил вдвое оба нундиниума. Таким образом, конец года оказался свободным, и на сентябрь—октябрь консулами стали Цецина и Валент (II, 71; III, 37). Консульские фасты этого необычного года выглядели в итоге следующим образом: январь—февраль — сначала Сервий Гальба и Тит Виний, затем Марк Сальвий Отон и Луций Сальвий. Отон Тициан (ординарные консулы); консулы-суффекты: март—апрель — Луций Вергиний Руф (см. прим. 54) и Луций Помпей Вописк; май—июнь — Гней Арулен Целий Сабин (выдающийся юрист, родственник императора Веспасиана) и Тит Флавий Сабин (родственник предыдущего, которого следует отличать от Тита Флавия Сабина, префекта Рима, старшего брата Веспасиана); июль—август — Тит Аррий Антонин (дед по матери императора Антонина Пия) и Марий Целз (см. прим. 72); сентябрь—октябрь — Авл Цецина Алиен и Гай Фабий Валент; ноябрь—декабрь — Гай Квинкий Аттик и Гней Цецилий Симплекс (II, 60; III, 68, 73).

199. Гальбой.

200. Кадий Руф был при Клавдии наместником провинции Вифиния и был осужден в 49 г. за вымогательство (Анналы, XII, 22). Педий Блез, наместник на Крите, осужден за вымогательство при Нероне (Анналы, XIV, 18).

201. Колония в Бетике, ныне Севилья.

202. Колония в Лузитании, ныне г. Мерида в Эстремадуре (Испания).

203. Скорее всего, ошибка в рукописи: лингоны выступали на стороне Вителлия (гл. 53, 54, 57), и награждение их Отоном понять невозможно.

204. Римская провинция в Малой Азии.

205. Вторая жена Нерона, обожествленная по его приказу после смерти; статуй Помпеев были уничтожены во время народных волнений 62 г. (Анналы, XIV, 61).

206. Это был тот самый III Галльский легион, который упоминается в гл. 10 (см. прим. 60). Весной 68 г. он был вызван в Италию (Светоний. Веспасиан, 6) и, проходя через Мезию, принял сражение с сарматами.

207. В императорскую эпоху было принято присуждать полководцам, одержавшим важную победу, не триумф как таковой, а лишь «триумфальные знаки отличия». В их число входила и статуя полководца, которую увенчивали лавровым венком и одевали в одежду триумфатора — пурпурную, расшитую золотом тогу и тунику, украшенную золотыми пальмовыми ветвями. Сам триумф присуждался, как правило, лишь императорам.

208. Кроме III Галльского, оказавшегося в Мезии случайно (см. прим. 206), здесь стояли VII Клавдиев и VIII Августов. Фульв Аврелий (дед императора Антонина Пия) был легатом III легиона, Теттий Юлиан (о его дальнейшей судьбе см. II, 86; IV, 39—40) командовал VII, Нумизий Луп — VIII. Консульские знаки отличия состояли из тоги с широкой пурпурной полосой по краю и курульного кресла.

209. Когорта римских граждан (см. прим. 172). Остия — город при впадении Тибра в море, игравший роль порта Рима.

210. Префект легиона (обычно назначавшийся из числа примипляриев) был заместителем легата и ведал в основном порядком в лагере. Вителлий Сатурнин был префектом I Флотского — единственного легиона, находившегося в это время в Риме.

211. Речь идет о примыкавшем к самой реке застроенном многоэтажными доходными домами Бычьим рынке, о Велабре, густо заселенной глубокой долине между Палатином и Капитолием, и о выходившей из Велабра Этрусской улице, где была сосредоточена торговля предметами роскоши. Задетыми оказались и другие кварталы, примыкавшие к Форуму с запада и северо-запада.

212. Фламиниева дорога шла от Форума на северо-запад, выйдя из Рима, сворачивала к северу и, пересекая весь полуостров, выходила к Адриатическому морю возле г. Фанум Фортуэ (между теперешними Анконой и Римини).

213. Матросам.

214. Мосх заведовал ремонтом и снабжением кораблей при Нероне и Гальбе.

215. Гай Светоний Паулин — один из крупнейших римских полководцев I в. н. э., одержал крупные победы в Африке в 42 г. и в Британии в 59—61 гг. Анний Галл, при Нероне консул-суффект, впоследствии принимал участие в подавлении восстания Цивилиса (IV, 68; V, 19). О Марии Цельзе см. прим. 72.

216. Город в Лациуме, ныне Аквино.

217. Выходец из очень древней и знатной семьи. Жизнь и смерть этого человека, не отличавшегося в сущности ничем, кроме родовитости, характерна для судьбы старой аристократии в эпоху Юлиев—Клавдиев и Флавиев. Его гибель описана в II, 64. См. о нем у Плутарха (Гальба, 23; Отон, 5) и Светония (Гальба, 12).

218. Брат Авла Вителлия.

219. Фурий Камилл Скрибониан, наместник Далмации, поднял в 42 г. против императора Клавдия восстание, подавленное в течение 5 дней (Светоний. Клавдий, 13).

220. Речь идет о 12 священных щитах, с которыми жрецы-салии ежегодно в марте месяце совершали свои священные пляски; в конце месяца щиты снова водворялись на место в курии салиев на Палатине. Эта и следующая фразы содержат глухой, вполне в духе Тацита, намек на грядущую катастрофу.

221. Подразумевается: ... а деньги от продажи имуществ поступали в императорскую казну и были израсходованы.

222. Консул 68 г., известный оратор. Вителлий простил ему близость к Отону по настоянию своей жены Галерии, родственницы Трахала (II, 60).

223. Согласно Светонию (Отон, 8) — 24 марта 69 г. Тщательный расчет дней, прошедших между выступлением из Рима и гибелью Отона, заставляет, однако, полагать, что армия выступила из Рима 14 марта. Отон в один день произнес речь в сенате, обратился к народу и двинулся в поход.

Книга вторая

Март—сентябрь 69 г.

1. Веспасиан и Тит.

2. Домициан.

3. Дочь иудейского царя Агриппы Ирода, жена понтийского царя Палемона; расставшись с последним, жила при дворе своего брата Агриппы II. Тит влюбился в нее во время своего пребывания в Иудее, позже призвал ее в Рим и собирался на ней жениться, но отказался от этого намерения под влиянием общественного мнения

(Дион Кассий, 66, 15, 18). Титу и Беренике посвящена одна из лучших трагедий Расина.

4. Обычным видом морского плавания древние считали каботаж — вдоль берега или от острова к острову.

5. Т. е. находившийся в Пафосе — городе на западной оконечности Кипра.

6. Сын Аполлона, по некоторым мифам — отец Адониса.

7. См. прим. 106 к книге I. Римляне считали, что искусство гаруспиков было открыто богами только народу этрусков (О в и д и й. Метаморфозы, XV, 553). Приводимая здесь Тацитом легенда косвенно подтверждает распространенное в древности мнение, хорошо согласующееся со взглядами современных исследователей, о том, что этруски — выходцы из Малой Азии.

8. Киликия — область на юге Малой Азии.

9. Т. е. потомки Кинира.

10. Скорее всего, метеорит.

11. Жертвенного животного.

12. Т. е. принципат.

13. Книга I, гл. 10.

14. Кроме Понтийского (Черноморского) флота, упоминаемого в II, 83 и III, 47, — эскадрами морских судов, стоявшими в Селевкии (в Сирии) и в Египте.

15. Антиоха в Коммагене (на верхнем Евфрате), Агриппы и Иордании, Сохема в Софене (юго-западная Армения).

16. См. прим. 138 в книге I.

17. См. книгу I, гл. 10, 11 и примечания к ним.

18. К главам 8—9 см. прим. 19 к книге I.

19. На северном побережье Малой Азии.

20. Нерон считал себя выдающимся музыкантом и много раз выступал в театрах и на музыкальных состязаниях.

21. Ныне Термия — один из западных островов Кикладской группы, к югу от о. Кеоса.

22. Памфилия — с 25 г. до н. э. римская провинция на южном побережье Малой Азии, в состав которой с 43 г. н. э. вошла и соседняя Ликия. Галатия — в центре Малой Азии.

23. Созданный Августом римский флот на Тирренском море.

24. Триерарх — командир триремы, судна с 3 рядами гребцов.

25. Одна из самых колоритных фигур времени Нерона и Веспасиана. Выдающийся оратор, отличавшийся «веселым красноречием» (Квинтилиан. О воспитании оратора, XII, 10, 11), доносчик, составивший за счет своих жертв огромное состояние (Диалог об ораторах, 8). Происходил из древнего сабелльского рода, был трижды консулом, в 62, 77 и 83 (?) гг., и умер глубоким стариком, окруженный почетом, в 92 г.

26. Намек на эпоху Домициана, когда это сенатское постановление фактически перестало применяться.

27. Вибий Секунд, прокуратор одной из мавританских провинций. В 60 г. мавританцы возбудили против него судебное дело по обвинению в вымогательстве, но благодаря заступничеству брата он отделался ссылкой. Погиб в конце правления Нерона из-за доноса Анния Фавста. Ср.: *Анналы*, XIV, 28.

28. О VII Гальбанском легионе см. прим. 38 к книге I. XI Клавдиев стоял в Далмации, XIII Сдвоенный — в Паннонии. XIV легион (Марсов Сдвоенный Победоносный) при Августе и Тиберии стоял в Верхней Германии, Клавдий перевел его в Британию, где он в 61 г. н. э. под командованием Светония Паулина отличился при подавлении крупного восстания местных племен. В конце 68 г. мы обнаруживаем основные силы этого легиона в Далмации, а отдельные его подразделения в Риме, где они принимали участие в событиях января 69 г. на стороне Отона: по-видимому, Нерон вызвал легион из Британии, отправил его на Кавказ (см.: I, 6), но по дороге, в Далмации, его застало известие о смене императоров.

29. Например, Деций Брут под Мутиной в 44—43 гг. до н. э. (см. прим. 138 к книге I).

30. Вестриций Спуринна (род. ок. 25 г. н. э.) во время отонианской войны оборонял Плаценцию от вителлианцев. Став в первый раз консулом при Веспасиане, он в годы правления Домициана отошел от дел, но Нерва, стремившийся опираться на людей старшего поколения дофлавианской формации, вновь призвал его к активной военно-политической деятельности. В 97 г. Спуринна, несмотря на возраст, командует войсками в Германии, где наносит крупное поражение бруктерам, получает за это триумфальные отличия (П л и н и й. Письма, II, 7), в 98 г. становится во второй раз консулом. См.: R. Syme. Tacitus, vol. II. Oxford, 1958, appendix 6.

31. Преторианцы, пробывшие в армии 16-летний срок и оставшиеся на службе, образовывали в составе когорт особые подразделения.

32. См. I, 87.

33. Сведий Клемент командовал обоими стоявшими в Египте легионами, позже был трибуном когорты (городской или преторианской) в Риме.

34. Небольшая сенатская провинция на крайнем северо-западе Италии (создана Августом в 14 г. до н. э.). Прокураторы имелись также и в сенатских провинциях, где они ведали суммами, поступающими в императорскую казну.

35. Просторечное название города *Albium Intemelium*. Ныне — Вентимилия в Лигурии.

36. Лигуры — народ, живший в описываемую эпоху на северо-западе Италии в пределах современной Генуэзской области.

37. Не исключено, что в этой главе Тацит описал гибель своей внучатной тещи, матери Юлия Агриколы. Ср.: Агрикола, 7.

38. Поселения римских колонистов на территории Нарбоннской провинции — Аквы Секстиевы (ныне Экс), Нарбон Марсов (Нарбонна), Форум Юлия (Фрэжюс), Беттерре (Безье), Арансион (Оранж), Виенна (Вьенн) и некоторые другие.

39. Вспомогательные когорты, набранные в племенах тунгров — германцев, живших по левому берегу нижнего Рейна.

40. См. прим. 52 и 139 к книге I.

41. См. IV, 55 и примечания к этой главе.

42. Поскольку 5 преторианских когорт ушли со Спуринной к р. Пад, а остальные сопровождали Отона, здесь речь может идти лишь об отряде ветеранов, выведенных из состава претория и действовавших самостоятельно (см. ниже, в этой же главе).

43. Антиполис — колония г. Массилии, ныне Антиб в Южной Франции. Альби-гуан — ныне Альбенга в северо-западной Италии.

44. Императорская провинция Сардиния и Корсика была переведена Нероном в число сенатских. О роли прокураторов в сенатских провинциях см. прим. 35 и прим. 48 к книге I.

45. Скоростные парусники, введенные в состав римского флота после битвы при Акцие и игравшие в нём роль привилегированных судов особого назначения. Они были длиннее и уже обычных римских судов и заострены с обоих концов.

46. См. прим. 185 к книге I.

47. Плаценция — ныне Пьяченца на правом берегу р. По, Тицин — ныне Павия на левом берегу той же реки.

48. Т. е. в землях к югу от р. Пад (ныне По).

49. Когорт и манипул.

50. Конных отрядов.

51. Традиционная одежда римлян состояла из туники и тоги. Тога была в их глазах не только одеянием, спасавшим от холода, но и символом принадлежности к «хозяевам Вселенной», воплощением величавого достоинства римского гражданина (В е р г и л и й. Энеида, I, 282). Цецина был одет как галл. Разговаривая в таком виде с облаченными в тоги магистратами, он как бы ставил варварские обычаи и нравы выше римских. Несмотря на внешний консерватизм официальной идеологии

ранней империи, такая непочтительность по отношению к римской старине — характерная черта многих временщиков и «новых людей» императорской эпохи, видевших в верности «нравам предков» лозунг ненавистной им аристократии.

52. См. прим. 187 к книге I.

53. Речь идет о боевом пении, называвшемся у германцев «бардит». Ср.: О происхождении германцев... (далее: Германия), 3: «Есть у них и такие заклятия, возглагошением которых, называемое ими „бардит“, они распаляют боевой пыл, и по их звучанию судят о том, каков будет исход предстоящей битвы... Стремятся же они больше всего к резкости звука и к попеременному нарастанию и затуханию гула и при этом ко ртам приближают щиты, дабы голоса, отразившись от них, набирались силы и обретали полноту и мощь».

54. Кремона находится на левом, северном, берегу Пады.

55. Сражения отонийцев с вителлианцами (см.: II, 41—44) и вителлианцев с флавианцами (III, 15—25).

56. Эта глава — хороший пример метода Тацита, направленного на то, чтобы «познать не только внешнее течение событий, которое по большей части зависит от случая, но также их внутренний смысл и причины, их породившие» (I, 4). Из бесчисленных стычек (см. следующую главу) он выделяет и детально описывает один, ничем, казалось бы, не примечательный эпизод, ибо именно этот «случай» раскрывает «внутренний смысл и причины» больших событий: в нем проявились упадок дисциплины и брожение, царившее в армии Отона; он послужил поводом для замены 3 опытных полководцев не сведущим в военном деле Тицианом; и упадок дисциплины, и смена командующих связаны в конечном счете с внутренней неуверенностью и духовным смятением, преследующим убийц Гальбы и их императора-преступника. В этом внешне незначительном эпизоде, таким образом, обнаружилось все обстоятельства, приведшие, по мнению Тацита, к разгрому отонийцев под Бедриаком. О Сальвии Тициане см. прим. 193 к книге I.

57. Анний Галл, за несколько дней перед тем разбившийся при падении с лошади (см. гл. 33), в этом бою, как и в последующих, уже не участвовал.

58. Сын царя Коммагены Антиоха (Анналы, XII, 55), оказавшийся в начале гражданских войн в Риме и принявший в них участие на стороне Отона.

59. I, 6, 59, 64.

60. Трибуналом в римском военном лагере называлось возвышение, с которого командующий обращался к солдатам. Оно находилось перед шатром полководца на одной площадке с алтарем и составленными вместе значками когорт и манипул, вымпелами кавалерийских отрядов, орлами легионов (если их было в лагере больше одного), т. е. было центром жизни лагеря.

61. Вителлий был сыном Луция Вителлия, одного из самых ловких и влиятельных царедворцев императора Клавдия. Славе отца целиком обязан он и своей блестящей карьерой — консульством и проконсулатом Африки, не потребовавшей от него ни заслуг, ни энергии. Императоры относились к нему благосклонно, так как он разделял пороки каждого из них и играл при дворе роль отчасти фаворита, отчасти шута (Светоний. Вителлий, 3—4).

62. Своей жестокостью, распутством и наглостью Отон прославился при дворе Нерона, ближайшим другом и доверенным лицом которого он был. Он брал огромные взятки с осужденных, которых спасал от наказания, пользуясь своим влиянием на Нерона, играл активную роль в умерщвлении матери Нерона Агриппины, сделал своей любовницей будущую жену Нерона Пoppею Сабину, которую тот ему доверил перед браком, а потом не впустил в свой дом явившегося за ней императора, и т. д. При всем этом он проявил себя как деятельный магистрат и в течение многих лет прекрасно управлял доверенной ему провинцией Лузитанией.

63. Неясно. Слова эти могут относиться только к восстанию Цивилиса, которое, однако, в действительности началось несколькими месяцами позже. Либо подготовка к восстанию шла уже в это время и Паулин располагал на этот счет какими-то сведе-

ниями, до нас не дошедшими, либо, скорее всего — Тацит, набрасывая общую картину, сознательно пренебрегает хронологическими деталями.

64. См. гл. 14—15.

65. Территория, ограниченная с юга Падом, с остальных сторон — Альпами.

66. На помощь отонианцам шел III Галльский легион, много лет уже стоявший в Сирии.

67. В то время, когда Паулин развивал эти соображения, отонианская армия была сосредоточена под Бедриаком, на левом, северном, берегу Пада, где (под Кремоной) стояли и вителлианцы. Говоря об использовании Пада как прикрытия, Паулин исходит из того, что план его уже принят и отонианская армия отведена обратно, на южный берег реки.

68. См. I, 46.

69. Ныне Брезелло, на правом берегу По, в 35 км от Бедриака.

70. Тех самых гладиаторов, которыми командовал Марций Макр и о которых шла речь в гл. 23.

71. Ср.: Плутарх. Отон, 10.

72. Ср. I, 77 и прим. 198 к книге I.

73. Содержание этой и следующей глав в общем совпадает с гл. 9 в Плутарховой биографии Отона. На этом основании еще Моммзен (Hermes, IV, 1870) было высказано мнение о том, что оба писателя пользовались одним общим источником. Попытки определить его предпринимались неоднократно. Наиболее авторитетным считается мнение, согласно которому этим источником было историческое сочинение Плиния Старшего, охватывавшее конец эпохи Юлиев—Клавдиев и начало правления Флавиев (Ph. Fabia. Les sources de Tacite dans les «Histoires» et les «Annales». Part I. 1893, Ch. 3). Оно до нас не дошло, и мы знаем о нем лишь по упоминаниям самого автора (Естественная история. Посвящение, 20) и Плиния Младшего (Письма, III, 5). В последнее время против этой точки зрения были выдвинуты убедительные возражения (R. Syme. Tacit., appendix, 29). Если принять во внимание, что описываемой Тацитом эпохе было посвящено огромное число исторических сочинений, из которых до нас дошло лишь несколько, вопрос об общем источнике Тацита и Плутарха лучше оставить открытым.

74. Судя по «Анналам» (III, 27), Тацит понимает под «буйными трибунами» не только марианца Луция Апулея Сатурнина, но и братьев Гракхов, повторяя в этом отношении Юлия Цезаря (Записки о гражданской войне, I, 7).

75. Войны марианцев и сулланцев, диктатуры Мария и Суллы относятся к 88—79 гг. до н. э.

76. Взгляд на римскую историю, изложенный в этой главе, существенно отличается от общераспространенного в Риме I в. н. э. представления о ходе римского исторического процесса. Согласно этому представлению, древняя республика, бывшая временем доблестных, хотя простых и грубых людей, безраздельно преданных интересам государства, распалась в результате алчности и властолюбия, распространившихся в Риме под влиянием роста его владений и богатств. Эта порча нравов нашла себе самое полное выражение в гражданских войнах I в. до н. э. Август положил конец гражданским войнам, вернул Риму мир и восстановил древние республиканские институты, поруганные во время междоусобных распри, объединив в своих руках в интересах мира и укрепления власти все основные магистратуры. Так установился принципат, который, при всех недостатках и даже пороках тех или иных государей, обеспечивает империю в целом мир и спокойствие. Отдельные части этой концепции были намечены уже Саллюстием; она окончательно сложилась в эпоху Августа, легла в основу Res Gestae Divi Augusti и приобрела, таким образом, официальный характер. Из нее исходят Веллей Патеркул, Лукан (в первых книгах «Фарсалии») и др. В пору написания «Диалога об ораторах» ее принимал и Тацит, но уже в предельно сжатом очерке римской истории, открывающем «Анналы», она видоизменяется. Комментируемая глава занимает важное место в этой эволюции, так как здесь, судя по всему

первые, о принцепате говорится как об эпохе междоусобных распрей, непосредственно продолжающих гражданские войны I в. н. э.

77. По направлению к Кремоне.

78. Т. е. гладиаторов Флавия Сабина и войска, ушедшие в Брикселл с Отоном.

79. Ныне р. Адда.

80. Это многократно комментировавшееся место тем не менее остается не до конца ясным. Расстояние между Бедриаком, где стояли отонианцы, и Кремоной, под стенами которой находился лагерь вителлианцев, составляло во времена Тацита 20 римских миль (29,6 км). Перенеся лагерь на 4 мили от Бедриака (гл. 39), солдаты Отона оказались в 16 милях от Кремоны, а не от устья Адды, находящегося от города еще в 7 милях к западу. Очевидно (как предложил еще Моммзен), первую фразу гл. 40 надо понимать так, что устье Адды было конечной целью всего похода отонианской армии, имевшего задачей перерезать северные коммуникации Цецины и зайти ему в тыл; поход был рассчитан на несколько дней, и 16 миль предстояло пройти лишь за первый день. Как могли Целзь и Паулин предвидеть, что противник, двинувшись им наперерез, встретится с ними именно в 4 милях от своего лагеря, остается непонятным.

81. Использовать нумидийцев в качестве гонцов было в обычае у римской знати того времени (Сенек. Письма, 87, 8; Марциал. X, 13, 1).

82. Утвердиться в положении принцепса.

83. 14 апреля 69 г.

84. Собственного лагеря.

85. I Италийский, расквартированный в Лугдунуме и присоединившийся к армии Валента, когда тот проходил этот город. См. I, 59, 64, 74.

86. Постумиева дорога, шедшая от Кремоны до Бедриака и здесь разделявшаяся на две — к Мантуе и к Вероне.

87. О XXI Стремительном см. I, 61 и 67. I Вспомогательный — переименованный Отоном в I Флотский (см. I, 6, 31, 36; II, 11, 23 и прим. 43 к книге I).

88. Та его часть, которая находилась в армии Отона. См. гл. 66 и прим. 28.

89. Префект лагеря (см. гл. 29).

90. Около 12 римских миль, или 17,5 км (ср. прим. 80).

91. По-видимому, в Бедриаке под командованием Анния Галла (Плутарх. Отон, 13) оставалась какая-то часть отонианской армии.

92. Камни, которые ставились на римских дорогах через каждую милю. Вителлианцы, таким образом, остановились в одной миле от отонианского лагеря. См. гл. 39 и прим. 80.

93. Т. е. не сооружая лагеря. Битва началась для вителлианцев неожиданно, и у них не было с собой ни лопат, ни палаток.

94. Мария Целзь и Анния Галла (Плутарх. Отон, 13).

95. Ныне Аквилея, или, по-местному, Аглар, на северном побережье Адриатического моря, в 180 римских милях (266 км) от Бедриака.

96. Ср. I, 75, 88.

97. Кратчайший путь из Брикселла в Кремону, где находилась штаб-квартира вителлианцев, шел вверх по Паду, и его, естественно, легче было проделать на судах.

98. Имя Сервий было традиционным в роду Сульпициев, из которого происходил Гальба.

99. В конце концов Кокцейана все-таки погубило родство с Отоном: Домициан казнил его, придравшись к тому, что Кокцейан праздновал день рождения своего дяди (Светоний. Домициан, 10).

100. Как бывший командующий германскими легионами, ныне составлявшими ядро армии Вителлия. См. о нем I, 8 и прим. 54 к книге I.

101. 16 апреля 69 г.

102. В Этрурии. Его следует отличать от Ферентина в Лацие.

103. Консуляром назывался сенатор, который однажды уже исполнял обязанности консула.

104. В I, 13.

105. Позорный поступок — убийство Гальбы, благородный — добровольная смерть. Самоубийство Отона произвело глубокое впечатление на современников; Марцелл (VI, 32) сравнивал его с концом Катона.

106. На Эмилиевой дороге, между Пармой и Мутиной, к югу от Брикселла. Ныне Реджио.

107. Рубрий Галл командовал (вместе с Петронием Турпиллианом) армией, посланной весной 68 г. Нероном против Гальбы, но, прибыв в Испанию, сразу же перешел на сторону нового императора (Дион Кассий, 63, 27). Позже он служил посредником во время переговоров Цецины с братом Веспасиана Флавием Сабинем (см. гл. 99).

108. О капитуляции Вестриция Спуринны Тацит не упоминает.

109. Ныне Модена.

110. Декурионами назывались члены местного сената. Под контролем римского наместника они управляли делами своего города. Число их могло быть различно, но чаще всего равнялось 100.

111. Официальное и торжественное наименование римских сенаторов. Обращаясь к ним таким образом, декурионы рассматривали их как находящийся при исполнении своих обязанностей высший орган государственной власти, тогда как именно этого сенаторы, выжидавшие, пока установится власть нового императора, изо всех сил старались избежать.

112. Тит Клодий Эприй Марцелл — оратор и государственный деятель, доносчик. Выходя из низших социальных слоев, он рано сумел добиться сенаторских должностей. Когда в конце декабря 48 г. Клавдий по проискам Агриппины заставил отказаться от претуры жениха своей дочери Октавии Луция Силана, Марцелл выпросил себе эту должность на оставшиеся считанные дни (Анналы, XII, 4) и, ставши таким образом преторием, получил возможность добиваться управления провинциями и консульства. Наместником он был трижды, в частности, в 57 г. в Памфилии, жители которой обвинили его в вымогательстве. Хотя наместники других провинций, против которых одновременно были возбуждены аналогичные процессы, были осуждены, хотя доказательства вины Эприя Марцелла были не менее убедительны, он сумел не только остаться безнаказанным, но и добиться ссылки своих обвинителей (Анналы, XIII, 33). После первого консульства в 62 г. он выступает как доносчик в ряде процессов об оскорблении величия, в частности против Тразев Пэта. Несмотря на ненависть, которую он возбудил к себе этим среди сенаторов, и на публичные обвинения, выдвинутые против него Гельвидием Приском (см. IV, 6), он и при смене династий сумел удержаться, добился расположения Веспасиана и в 74 г. стал во второй раз консулом. Лишь в 79 г., когда было обнаружено участие его в заговоре против Веспасиана, его карьере пришел конец, и он должен был покончить с собой. Эприй Марцелл был одним из самых выдающихся ораторов своего времени, отличавшимся темпераментом, находчивостью и остроумием (Диалог об ораторах, 5 и 8).

113. В 40 км к юго-востоку от Мутины, ныне Болонья.

114. Цериалии праздновались с 12 по 19 апреля; цирковые игры устраивались в последний день.

115. Прежде всего — титулы Цезаря и Августа, власть народного трибуна, дававшую право приостанавливать действие любых магистратских постановлений, и империй — высшее командование вооруженными силами. См. прим. 5, 130 и 166 к книге I.

116. См. I, 9. Речь идет о левом берегу, правый берег принадлежал германцам.

117. Как явствует из гл. 100 и из III, 22, речь идет о 8000 солдат вспомогательных войск, входивших в состав II Августова, IX Испанского и XX Валериева легионов.

118. См. прим. 68 к книге I.

119. Внешними знаками отличия всадников были узкая пурпурная полоса на тунике и с конца II в. до н. э. золотое кольцо. «Введение вольноотпущенников в число всадников с одновременным признанием их якобы благородного происхождения, в республиканскую эпоху вообще неизвестное, а в лучшие периоды императорского правления встречающееся лишь в виде редкого исключения, происходит в форме пожалования золотых колец; в более поздние времена пожалование колец вольноотпущеннику могло и не сопровождаться переходом его в другое сословие и признанием его благородного происхождения» (Th. Mommsen. Abriss des römischen Staatsrechts. Leipzig, 1893, S. 47).

120. Т. е. Цезарейской Мавритании и Тингитанской. С 42 г. эти провинции были включены в число императорских и управлялись прокураторами.

121. Клувий Руф был пропреторским легатом Тарраконской Испании, но в его обязанности входила также защита границ Бетики, ибо эта провинция, занимавшая юг Пиренейского полуострова, относилась к числу сенатских и войск в ней не было.

122. Юба — было традиционное имя нумидийских царей, оказывавших во II—I вв. до н. э. упорное сопротивление римлянам. Цезарь разгромил их в 44 г. до н. э., и со времен Августа они управляли лишь частью своих бывших владений, превращенных в зависимое от Рима государство. Принятие Альбином имени Юбы означало, что он выступает как наследник царей, борющихся против Рима, и рассматривает римские провинции как часть Нумидийского царства.

123. Современное название этой реки Сона происходит от позднее распространившегося ее наименования Сауконна, засвидетельствованного уже в IV в. н. э. в «Деяниях» Аммиана Марцеллина (XV, 11).

124. Сын Юния Блеза, бывшего наместником Паннонии при Тиберии и последним из частных лиц, получившим звание императора (Анналы, III, 74). Юний Блез, наместник Лугдунской Галлии, проходил службу при Тиберии под командованием отца в Паннонии и позже в Африке. О гибели его см. III, 38.

125. Сидение без спинки и подлокотников, с 4 гнутыми, попарно перекрещивающимися ножками, делавшееся в древности из слоновой кости, позже из мрамора. Куртульное кресло было одним из знаков достоинства высших магистратов, восседавших на нем во время исполнения служебных обязанностей.

126. См. прим. 166 к книге I. Называя сына таким образом, Вителлий, во-первых, добивался популярности, так как память о Германике еще и в это время вызывала большую любовь и уважение; во-вторых, демонстрировал свою скромность, так как не присвоил ребенку имени Цезаря, полагавшегося ему; в-третьих, льстил провозгласившим его императором германским легионам, так как Германик ими дольше всего командовал и считался как бы «их» героем.

127. Который совершили отонианские войска непосредственно перед Бедриакской битвой и который явился одной из причин их поражения. См. гл. 40 и 41.

128. На ноябрь—декабрь 69 г. См. прим. 198 к книге I.

129. См. I, 90 и прим. 222 к книге I.

130. Кельтское племя, переселившееся на территорию Галлии лишь в I в. до н. э. После разгрома их Цезарем они были поселены в землях племени эдуев, между Лигером (Луарой) и Элавером (Алле).

131. См. I, 88.

132. О должности префекта города см. прим. 73 к книге I. О Флавии Сабине, старшем брате Веспасиана, см. I, 46 и III, 74, 75.

133. Отонианцев.

134. XVII когорта римских граждан, как явствует из I, 80.

135. Петрония, первая жена Вителлия, была дочерью Публия Петрония Турпилиана, консула-суффекта 19 г. н. э., при Калигуле управлявшего провинцией Азия, а в 39—41 гг. — Сирией. Происходя из патрицианского рода Корнелиев и породнившись через жену с древним родом Петрониев, Долабелла стал одним из самых знат-

ных людей государства, что и было причиной подозрительности, с которой к нему относились и Отон и Вителлий.

136. О Фламиниевой дороге см. прим. 212 к книге I. В Нарнии она разветвлялась, и на Интерамну отсюда шла редко посещавшаяся горная дорога. Интерамна (ныне Терни) — город в Умбрии. Отсюда происходил император III века н. э. Марк Клавдий Тацит, считавший историка своим предком. На этом основании многие исследователи полагали, что Интерамна — место рождения и Корнелия Тацита.

137. Первое, после того как он был провозглашен императором.

138. Вителлий отклонил титул Цезаря (гл. 62). Гиларий, по-видимому, был отпущенником одного из предыдущих императоров, скорее всего Нерона.

139. Подорожные представляли собой документ, предписывавший от имени императора местным властям оказывать всю возможную помощь и в первую очередь предоставлять лошадей курьеру, имевшему такую подорожную. Обычно они подписывались принцепсами (см. гл. 54), но наместники провинций также имели некоторое количество бланков и могли выдавать их за своей подписью.

140. Отпущенный на волю раб получал далеко не все права свободного человека. В частности, римского гражданина нельзя было подвергнуть телесному наказанию, допускавшемуся для отпущенников. Право Вителлия наказывать бывшего раба, отпущенного на волю не им (см. прим. 138), основывалось на правиле, согласно которому император считался патроном вольноотпущенников предшествующих принцепсов.

141. Луций Аррунций, пропреторский легат в Тарраконской Испании, которого Тиберий в течение 10 лет задерживал в Риме, чтобы не дать ему встать во главе войск, находившихся в этой провинции (Анналы, VI, 27).

142. Марк Веттий Болап в 62 г. командовал легионом в Армении, в 66 г. был консулом-суффектом, с 69 по 71 г. — наместником Британии, где проявил себя как мягкий и слабовольный, но неподкупно честный человек (Агрикола, 16). Здесь под его началом служил тесть Тацита Юлий Агрикола, в ту пору командир XX легиона, вместе с которым Болап был при Веспасиане введен в число патрициев. В 76 г. — наместник провинции Азия.

143. Т. е. в легионах отонианской армии, потерпевших поражение под Бедриаком.

144. О XIV легионе см. прим. 28. О вражде солдат этого легиона с батавами см. I, 59 и 64. Об участии подразделений XIV легиона в Бедриацкой битве см. гл. 32, 43 и прим. 88.

145. Основанная Августом римская колония в Лигурии. Ныне Турин.

146. Грайскими Альпами называлась западная часть Альпийской горной системы, расположенная между $45^{\circ}20'$ и $45^{\circ}45'$ северной широты. Здесь проходила древняя горная дорога, по которой вел свои войска в Италию еще Ганнибал. При спуске с западных склонов Альп, в районе нынешнего г. Монмэлана, дорога эта разветвлялась. Основная магистраль, которой все обычно пользовались, шла отсюда на юго-запад к Виенне, боковая, менее известная дорога, — на северо-запад к Лугдунуму. Вителлий отправил легион по этой последней. Относительно вражды жителей Виенны и солдат XIV легиона см. I, 65, 66.

147. Условия эти заключались в том, что каждый увольнявшийся ветеран получал 20 000 сестерциев (Дион Кассий, 55, 23), т. е. 1660 руб.

148. Одиннадцатый легион постоянно стоял в Далмации, VII Гальбанский был отправлен на зимние квартиры в Паннонию (II, 86).

149. Луций Вергиний Руф. См. о нем прим. 54 к книге I.

150. На том основании, что Вергиний отклонил императорскую власть, которую предлагали ему солдаты (см. I, 8 и 52; II, 51). Вергиний действительно гордился этим отказом и упомянул о нем в эпитафии, которую сам сочинил для своей могилы:

Здесь покоится Руф; когда прогнали Виндика;

Власть он не взял себе: родине отдал ее.

(П л и н и й. Письма, VI, 10.
Перевод М. Е. Сергеевко).

151. О батавских когортах см. гл. 66 и прим. 144. Роль, сыгранная ими в Германии, описана в IV, 15 и сл.

152. Имеется в виду восстание Цивилиса, описанное в книге IV (гл. 13 и сл.). Ср. прим. 13 к книге I.

153. Вителлия Гальбе.

154. См. прим. 76.

155. Прямой путь из Тицина в Рим шел по Эмилиевой дороге, через Парму и Бононию до Фанум Фортуна на Адриатическом побережье, а оттуда — по Фламиниевой дороге (см. прим. 212 к книге I). В Кремону из Тицина вела ответвлявшаяся от этого прямого пути Постумиева дорога.

156. См. гл. 41 и 42.

157. В честь Вителлия. О восточном происхождении этой церемонии см.: Юстин, 24, 3, 4.

158. Через несколько месяцев Кремона была разгромлена войсками флавианцев. См. III, 32 и 33.

159. Ср.: Светоний. Вителлий, 10.

160. Скорее всего — консул 46 г., затем проконсул Африки, обвиненный провинциалами в вымогательстве, но оправданный, казнен в 67 г. вместе с сыном по доносу Аквилія Регула и по приказу Гелия, вольноотпущенника Нерона (Плиний. Письма, I, 5; Дион Кассий, 63, 18).

161. Если это действительно тот Камерин, о котором упоминают Плиний Младший и Дион Кассий (см. предыдущее примечание), то он происходил из рода Суллициев и Скрибонианом должен был называться по матери. Из знатных женщин этой эпохи известна одна Скрибония, внучка Гнея Помпея Великого и мать усыновленного Гальбой Пизона Лициниана, которая была замужем за Марком Лицинием Крассом Фруги, консулом 64 г., и через него связана с родом Крассов.

162. Распятием на кресте.

163. См. гл. 7.

164. Префект Египта назначался из числа римских всадников. Он ведал администрацией и финансами этой важнейшей провинции, от которой зависело снабжение Рима хлебом, командовал размещенными в ней 2 легионами, а на некоторых религиозных церемониях выступал как фараон Египта, наследник древних царей этой страны. Он, таким образом, являлся одновременно местным правителем и римским магистратом, объединявшим в одном лице проконсула, пропреторского легата и прокуратора. Неудивительно, что должность префекта Египта рассматривалась как вершина карьеры всадника. Тиберий Александр происходил из известной в Египте еврейской семьи: дядя его был видный философ Филон Иудейский, отец пользовался влиянием при дворе императора Клавдия. Последний пожаловал Тиберию всадническое достоинство и назначил его в 46 г. прокуратором Иудеи. В 63 г. он уже — «один из самых видных всадников» (Анналы, XV, 28) и советник Корбулона во время его походов в Азии, в конце правления Нерона становится наместником Египта, с 70 г. состоит при Тите в Иудее.

165. См. прим. 206 к книге I. Расчеты Веспасиана полностью оправдались, ср. гл. 85.

166. Веспасиан при императоре Клавдии командовал легионом, сначала в Германии, затем (с 43 г.) в Британии, «где участвовал в тридцати боях с неприятелем и покорил два сильных племени, более двадцати городов и смежный с Британией остров Вектис» (ныне — о. Уайт) (Светоний. Веспасиан, 4). В 67—69 гг. командовал войсками в Иудее и покорил всю страну, за исключением Иерусалима и нескольких крепостей.

167. См. прим. 219 к книге I. О «высших военных должностях», которые занимал Волагиний, ничего неизвестно.

168. Муциан имеет в виду сенатское сословие, покорно сносившее власть Юлиев—Клавдиев, но которое теперь, по его мнению, должно выдвинуть своих претендентов на

престол. Объединяя словом «мы» Флавия Веспасиана, внука центуриона и сына ростовщика, и аристократа Муциана, потомка Муциев, Лициниев и Крассов, Тацит совершенно точно характеризует состав новой сенатской знати, в среде которой стерлись былые различия между республиканской аристократией и «новыми людьми» и которая составила опору флавиянского режима. Это противопоставление Тацитом эпохи Юлиев—Клавдиев, когда сенатская знать «не пыталась бороться» с императорами, и нового периода, когда она сама стала их создавать из своей среды, важно отметить.

169. Гней Домиций Корбулон происходил из древнего плебейского рода Домициев и был братом Цезонии, жены императора Гая Калигулы. Один из крупнейших полководцев I в. н. э., одержал победы над хавками в Германии в 47 г. и над парфянами в Армении (в 58 и 61 гг.), покончил с собой, чтобы предупредить смертный приговор, вынесенный ему Нероном.

170. Веспасиан получил триумфальные отличия за победы, одержанные в Британии в 43 г. См. прим. 166; Светоний. Веспасиан, 4.

171. Тит служил в Германии в качестве военного трибуна под начальством отца. Второй, младший, сын Веспасиана — Домициан.

172. Намек на общеизвестную скупость Веспасиана?

173. По-видимому, тот самый Селевк, который служил еще Отону (см. I, 22 и прим. 96 к книге I). О суеверности римских императоров и роли звездочетов см. прим. 95 к книге I.

174. Гора Кармел — вершина в отрогах Антиливана, изрезанная глубокими мрачными ущельями и в описываемые времена покрытая густым лесом, в глубокой дремотности — место обитания доисторических людей. Филистимляне чтили Кармела как бога войны.

175. Столицей Иудеи, собственно, был Иерусалим. Цезарея же, римское поселение, изначально носившее имя Туррис Стратонис (П л и н и й С т а р ш и й. Естественная история, V, 12, 69) и переименованное Иродом Великим в честь Цезаря Августа, была резиденцией римского прокуратора. Римляне обычно объявляли столицей провинции не исторический центр данной страны, а специально созданное ими новое поселение.

176. 1 июля 69 г.

177. 11 июля 69 г.

178. По греческому, а не римскому обыкновению. Антиохия, основанная Селевком Никатором, была греческим городом.

179. См. прим. 15.

180. Ирод Агриппа, сын последнего иудейского царя (носившего то же имя), после смерти которого в 44 г. н. э. Иудея стала римской провинцией, управлявшейся прокуратором под наблюдением наместника Сирии. В 48 г. получил от императора Клавдия в управление Халкиду в Сирии, а позже — Восточную Иорданию. Веспасиан послал его в Рим тогда же, когда и Тита (ср. гл. 1), чтобы приветствовать Гальбу как нового принцепса.

181. Каппадокия была с 17 г. н. э. римской провинцией под управлением прокуратора, не имевшего своих войск. Лишь Веспасиан поставил во главе ее наместника в ранге пропреторского легата, командовавшего размещенными здесь военными силами.

182. Ныне Бейрут. Приморский город, лежащий на полпути между Антиохией, резиденцией Муциана, и Цезареей, где стоял штаб Веспасиана. Этот древний финикийский город был преобразован Августом в римскую колонию и носил официальное название Юлия Августа Феликс Берита.

183. Т. е. Александрию, запиравшую вход в страну с моря, и Пелузиум, закрывавший подступы к ней с востока.

184. Ныне Стамбул.

185. Ныне Дуррес.

186. Т. е. из Адриатического моря.

187. Брундизий — ныне Бриндизи. Тарент — ныне Таранто. Калабрия — область Италии на побережье Адриатического моря, Лукания — на побережье Тирренского. Другими словами, базируясь на Диррахий, крупный порт на греческом побережье как раз напротив Брундизия, Муциан получил возможность держать под ударом весь юг Аппенинского полуострова.

188. Об алчности и скупости Веспасиана см.: Светоний. Веспасиан, 16 и 23; Дион Кассий, 66, 14.

189. См. прим. 165 к книге II и прим. 206 к книге I.

190. Идя на помощь Отону. Ср. гл. 46 и прим. 95.

191. См. I, 79 и прим. 208 к книге I.

192. Горный хребет, идущий параллельно нижнему течению Дуная, примерно в 100 км южнее его, вплоть до Черного моря. В древности по нему проходила граница между провинциями Фракией и Нижней Мезией.

193. После сооружения амфитеатров в Кремоне и Бононии (см. гл. 67) XIII легион был отправлен на свои зимние квартиры в Петовион (III, 1). Об отправке в Паннонию VII Гальбанского легиона см. гл. 67.

194. О Тампии Флавиане см. прим. 11 к кн. III. Помпей Сильван был в 45 г. консулом-суффектом (т. е. родился, скорее всего, в первые годы н. э.), позже проконсулом Африки. В 58 г. был замешан в дело о вымогательстве, но оправдан по настоянию Нерона, в 70 г. выполнял ответственные поручения сената (см. IV, 47).

195. «Стремиться к обогащению считается недостойным сенатора» (Тит Ливий, XXI, 63), и хотя в описываемую эпоху никто уже этой заповеди не следовал, она сохраняла значение определенной моральной нормы. Некоторые ограничения существовали и в практической жизни: сенаторам было запрещено вести крупную морскую торговлю и владеть судами, способными вместить более 300 амфор.

196. Хотя прокураторы назначались принцепсом и несли строгую ответственность перед ним, немалая доля собранных ими для императора сумм оставалась, по-видимому, в их руках. Тацит говорит об этом ясно (Анналы, XVI, 17), Светоний — не называя прокураторов прямо, но явно имея их в виду (Веспасиан, 16).

197. См. гл. 66 и 67.

198. Когда Вителлий входил в ближайшее окружение Нерона. Ср. гл. 71.

199. См. гл. 68.

200. Т. е. в 7 римских милях (около 10 км) от города.

201. Мост через Тибр, по которому въезжали в столицу с севера.

202. Полководец, получив назначение, облачался на Капитолии в боевой плащ, носил его в походе, но по возвращении обязан был снять его за пределами города и вступить в Рим в тоге.

203. I Италийский, V Алауда, XXI Стремительный, XXII Изначальный.

204. Т. е. отдельных отрядов, выделенных из состава легионов: I Германского, IV Македонского, XV Изначального, XVI Галльского.

205. Фалерами назывались круглые пластинки из золота или серебра, украшенные резьбой. Их соединяли между собой по несколько штук и носили как почетный знак отличия на груди или на поясе. Нагрудное украшение, *torquis*, — почетный знак, представлявший собой витое золотое или серебряное кольцо, свисавшее с шеи на грудь.

206. Все римские императоры, начиная с Августа, занимали в то же время положение верховного жреца, понтифика. Назначение на эту должность производилось сенатом.

207. Кремера — правый приток Тибра; на берегу этой речки в 477 г. до н. э. произошло сражение римского отряда, состоявшего из 300 членов рода Фабиев, с вейентами, в котором все Фабии после героического сопротивления погибли. Аллия — небольшой приток Тибра; здесь, в 11 милях к северу от Рима, в 390 г. до н. э. римляне были наголову разбиты галлами.

208. Комиции, т. е. собрания римских граждан для решения государственных вопросов и избрания магистратов, представляли собой во времена империи чистейший

анахронизм. Тем не менее императоры, старавшиеся делать вид, будто они ничего не меняют в существе древних республиканских учреждений, сохраняли комиции до III в. н. э. Август заходил в этом старании так далеко, что, «присутствуя на выборах должностных лиц, он всякий раз обходил трибы со своими кандидатами и просил за них по старинному обычаю» (Светоний. Август, 56). Вителлий в поисках популярности явно подражает Августу.

209. Приск Гельвидий (см. прим. 16 к книге IV) вернулся из ссылки во второй половине 68 г. Упоминание о нем как о кандидате в преторы в июле 69 г. показывает, что кандидаты в преторы назначались в начале года на следующий год (консулы — в начале года на текущий год). Такой же вывод можно сделать на основании «Анналов» (XII, 8).

210. Публий Клодий Тразея Пэт, консул-суффект 56 г., последователь стоической философии, духовный вождь оппозиции Нерону. Покончил с собой по приказу императора в 66 г. Представление о нем как об идеальном римлянине старого склада, непреклонном противнике тирании долго жило среди современников и отразилось на отношении к нему Тацита.

211. В древнейший период римской истории полноправным гражданином считался только член рода, в частности рода патрицианского. Каждый, кто по тем или иным причинам выпал из подобной родовой организации (внебрачные дети, пришельцы, потомки отпущенников), становился «клиентом», т. е. полусвободным, зависимым от «патрона» — главы рода. Патрон помогал клиенту советом, влиянием, деньгами; клиент поддерживал патрона чем только мог. К I в. н. э. клиентелла во многом утратила свой изначальный смысл. Древние знатные семьи были почти полностью истреблены, а клиенты, окружавшие временщиков и нуворишей, превратились просто в прихлебателей. Одна из первых обязанностей клиента в эту пору состояла в том, чтобы приветствовать патрона при утреннем выходе, явившись для этого к нему в дом возможно раньше, нередко до рассвета. Богатый выскочка, окружающий себя толпами клиентов, и нищий клиент, изошряющийся в лести ради обеда или подарка, — постоянные образы в сочинениях Марциала, Петрония, Сенеки.

212. См. I, 77.

213. Закон обязывал отпущенника оказывать материальную помощь своему бывшему господину и его семье, если они впали в бедность. Дигесты, XXV, 3, 6; 3, 9.

214. Речь идет о преторианском лагере.

215. Рим был расположен на холмах, возвышающихся среди заболоченной низины. На овеваемых ветрами, покрытых зеленью холмах, где жила аристократия и богачи, воздух был чище и здоровее, чем в узких долинах, где ютилась беднота, где было душно, сыро и свирепствовала малярия. Одной из самых гиблых среди них был узкий овраг на правом берегу Тибра, между северным склоном Яникула и южным склоном Ватикана.

216. Вителлий распустил преданные Отону преторианские когорты (гл. 67) и теперь набирал вместо 9 прежних 16 новых. Мера эта оказалась недолговечной: Веспасиан снова сократил число когорт до 9. Число когорт городской стражи до Вителлия равнялось 3.

217. 7 или 15 сентября.

218. Август разделил Рим на 14 округов и восстановил древнее деление города на «кварталы». Последних при империи было около 300. В них входило несколько улиц, население которых составляло что-то вроде общины со своим старостой, своими сходками и т. д.

219. Коллегия жрецов-августалов была учреждена Тиберием в 14 г. н. э. для проведения церемоний, связанных с культом Августа и рода Юлиев.

220. Татий — древний сабинский царь, одно время соправитель Ромула. Место это, впрочем, допускает другие толкования. См. издание «Истории» Хэреуса (вып. I, Лейпциг, 1877, стр. 233).

221. Вольноотпущенники Нерона. См. прим. 68 к книге I. Об Азии см. гл. 57.
 222. 16 600 000 руб.
 223. По-видимому, Эприй Марцелл. Если это так, то данное замечание существенно для характеристики взглядов Тацита: связать установление власти Флавиев с именем Эприя Марцелла — значило дать новой династии вполне определенную, и желанную, характеристику.
 224. См. гл. 85.
 225. Британией. См. гл. 65.
 226. Из-за отсутствия Клувия Руфа. См. гл. 65.
 227. Расположенных в Испании — VI Победоносного, X Сдвоенного и I Вспомогательного.
 228. III Августов.
 229. Другие источники не подтверждают такой оценки Веспасианова правления в Африке. Ср.: Светоний. Веспасиан, 4.
 230. Легат, командовавший III легионом; родственник Вителлия.
 231. Паннонские, или Юлиевы, Альпы — идущий в долготном направлении горный хребет, начинающийся у истоков Савы, переходящий на юге в прибрежные горные цепи Югославии и служащий водоразделом между бассейном Адриатики и бассейном Дуная. Эти заросшие густыми лесами труднопроходимые горы перерезали важнейшую военную дорогу, соединявшую Аквилею и Петовию, где находились постоянные квартиры XIII легиона.
 232. Северо-западный пассат, дующий в течение 30 дней, начиная с 20 июля.
 233. См. гл. 51.
 234. Ныне Остилья, на левом берегу По, недалеко от Мантуи.
 235. Ныне Падуя.
 236. Равеннский флот был создан Августом для защиты северной части Адриатического побережья. О Мизенском флоте см. прим. 23.
 237. Плиний Старший. Випстан Мессала, Клувий Руф. Ср. III, 25, 28. См. также прим. 73.
 238. Из Патавия (см. предыдущую главу).

Книга третья

Август—декабрь 69 г.

1. 8000 солдат, набранных из 3 стоявших в Британии легионов. См. прим. 117 к книге II.
2. Кроме понтийского флота, выведенного по приказу Муциана в Византию (II, 83), должны были существовать эскадры, базировавшиеся на порты Сирии и Египта; сирийский флот часто упоминается в надписях.
3. Мизенский и Равеннский.
4. Следовательно, переправившись через Иллирийское (Адриатическое) море в Далмацию, вителианцы могли зайти в тыл окопавшимся в Паннонских Альпах флавианцам.
5. См. II, 67 и II, 86.
6. См. II, 41.
7. По-видимому, намек на наместника Паннонии Тампия Флавиана: видя, что речь его имеет успех (см. следующую главу), Антоний наносит еще один удар по и без того подорванному авторитету (см. гл. 4) своего возможного соперника.
8. В состав военного совета входили наместник провинции, легаты (командиры) легионов, военные трибуны и примиплярии.
9. По-видимому, речь идет о тех письмах Веспасиана к армиям и легатам, которые упоминаются в II, 82.

10. Написание имени колеблется по рукописям: Тампий Флавиан, Тит Амний Флавиан, Тит Амплий Фабан. Дважды консул — в 46 (?) и 74 (?) гг., проконсул Африки при Нероне, 26 февраля 69 г. кооптирован в число Арвальских братьев на место Гальбы. Будучи наместником в Паннии, одержал ряд побед, за которые получил триумфальные отличия.

11. Наместник Мезии. См. II, 85.

12. См. прим. 17 к книге I.

13. Об этом германском племени см. то же прим. 17 к книге I. Разместив свевов на придунайских землях, Друз Цезарь посадил на их престол Ванния, который за 30 лет правления собрал огромные богатства. Сидон, его племянник, в 49 г. изгнал его и поделил царство со своим братом Вангионом. См.: Анналы, XII, 29—30. Италик — скорее всего, сын Вангиона.

14. Реция, подобно Норике, Корсике и Сардинии, Мавритании, Иудее, входила в число малых императорских провинций, управлявшихся прокураторами.

15. Ныне Инн.

16. Аррий Вар после гибели Вителлия недолгое время был префектом претория (IV, 2), но Муциан сместил его и поручил ведасть снабжением Рима хлебом (IV, 68). Тот факт, что в связи с гибелью Корбулона, т. е. в 67 г., он был только назначен примиплярием, заставляет отказаться от обычно принятого отождествления его с упоминаемым в «Анналах» (XIII, 9) префектом когорты Аррием Варом.

17. Ныне Одерцо и Альтино.

18. См. II, 100.

19. Ныне Падуя и Эсте.

20. Ныне Леньяно в северо-восточной Италии, по другим предположениям — Феррара.

21. Ныне Виченцо между Падуей и Вероной.

22. Александрия.

23. Эта речка, ныне называемая Тартаро, была соединена каналом с р. По.

24. VII Гальбанский и XIII Сдвоенный.

25. Легат легиона Теттий Юлиан отсутствовал (см. II, 85).

26. Випстан Мессала родился в конце 40-х годов, сын консула 48 г. Луция Випстана Публиколы (?); тот факт, что во время гражданской войны 69 г. он, будучи трибуном, командовал легионом, указывает на выдающиеся таланты: военный трибун — это молодой человек 20—25 лет, только начинающий службу, легат легиона — обычно преторий, т. е. сенатор в возрасте около 40 лет, которому вскоре предстоит консулат. Впоследствии Мессала описал эту войну, и Тацит пользовался его сочинением как источником для «Истории» (III, 25 и 28).

27. VII Гальбанский, VII Клавдиев. XIII Сдвоенный.

28. См. I, 79.

29. Во время солдатских волнений полководец нередко спасал от ярости легионеров того или иного ненавистного им командира, приказывая заковать его в цепи и отвести в тюрьму, дабы скрыть его от глаз солдат и дать страстям улечься. Ср. I, 45 и 58.

30. См. прим. 60 к книге II.

31. На древке боевого значка укреплялся медальон с рельефным изображением Марса, Минервы или Беллоны.

32. Как легионеры VII Гальбанского, см. предыдущую главу.

33. Ликторами назывались служители высших магистратов, несшие перед ними символический знак их власти — фасции, т. е. перевязанный красным ремнем пучок березовых или вязовых прутьев, из которого выступал топор. Легаты, управлявшие императорскими провинциями, рассматривались как носители консульской власти, и поэтому им полагались ликторы.

34. Т. е. Тампия Флавиана и Апония Сатурнина.

35. О Луцилии Бассе см. II, 100.

36. Слово «триерарх» имело в описываемую эпоху не только прямой смысл (см. прим. 24 к кн. II), но и обозначало командира всякого большого корабля в отличие от командира малого корабля, называвшегося «навархом».

37. Ныне Атри, между устьями рр. По и Адидже.

38. На древках боевых значков и выпелов.

39. Ср. II, 86.

40. Через р. Тартар, в пойме которой находился лагерь Цецины (гл. 9). Армия его, таким образом, отходила на запад и, уничтожив мосты через Тартар, оставляла между собой и наступавшими с северо-востока флавианцами еще одну водную преграду.

41. Т. е. набранные в германских провинциях вспомогательные когорты.

42. Т. е. двенадцатый — по современному счету.

43. Конники Антония проехали в этот день 8 римских миль, т. е. около 13 км (ср. гл. 15).

44. Вскоре после выступления вителлианской армии из Рима Цецина разделил ее и отправил часть легионов в Гостилию (II, 100). Как явствует из гл. 22, то были I Германский, IV Македонский, XV Аполлонов, XVI Галльский, XXII Изначальный. После прибытия в Гостилию взбунтовавшегося против Цецины V Алауда (III, 14) здесь скопилось 6 вителлианских легионов. Под «остальными войсками» имеются в виду отдельные отряды, составленные из солдат, расквартированных в Британии II, IX и XX легионов, также стоявшие в Гостилии.

45. Этот отряд состоял из солдат преторианского корпуса, сражавшегося под Бедриаком на стороне Отона и распущенного Вителлием (II, 67). Ср. также II, 82; IV, 46; Светоний. Вителлий. 10.

46. Цецина был в тюрьме (гл. 14), Валент — еще в дороге (гл. 15).

47. Около 9 часов вечера — по современному счету времени.

48. Солдаты этих 2 легионов только что вернулись в Кремону после дневного сражения (гл. 18) и не успели подготовиться к новому бою.

49. «Центурион первой пилы» — название, в описываемую эпоху устарелое и неупотребительное. Такой центурион назывался в I в. н. э. примиплярием; он отвечал за целостность и сохранность легионного орла.

50. Метательные орудия применялись обычно при осаде городов и крепостей. Упоминание их здесь важно для характеристики описываемого сражения как особенно жестокого и кровавого. Орудия эти делились на прямометательные, посылавшие большие стрелы параллельно земле в произвольно выбранную цель (о них идет речь в начале главы), и дугометательные, или баллисты, бросавшие «навесом», т. е. под углом к земле, огромные камни и заостренные бревна, сверху поражавшие противника; точный выбор цели в последнем случае был невозможен. Камни в баллисте выбрасывались особыми канатами, приводившимися в движение силой предварительно туго скрученных и стремившихся раскрутиться тяжей.

51. В состав Паннонской армии входили VII Гальбанский легион и XIII Сдвоенный. Подразделения последнего потерпели поражение под Бедриаком в апреле 69 г.

52. См. II, 85.

53. Марк Антоний (83—31 гг. до н. э.), консул 45 г., триумvir; был одним из доверенных лиц Цезаря и, несмотря на множество проигранных им сражений, считался крупным полководцем, — в 49 г. Цезарь доверил ему командование обороной Италии.

54. В 36 г. до н. э.

55. См. прим. 169 к книге II.

56. См. прим. 45.

57. III легион сражался в Сирии под началом Корбулона (Анналы, XV, 6) и оставался там до начала гражданской войны (I, 10 и прим. 60 к книге I). О дальнейшей его судьбе см. II, 74, 85, 96 и прим. 208 к книге I. Существовавший у парфян обычай в бою приветствовать восходящее солнце свидетельствуется и другими источниками (Геродиан. История царствования после Марка, IV, 15).

58. Войны Отона с полководцами Вителлия в марте—апреле 69 г.

59. Т. е. воротам, обращенным к г. Бриксия, ныне Брешиа.
60. Черепахой называлось боевое построение, при котором солдаты, наклонившись и встав в одну шеренгу вплотную друг к другу под стеной или валом крепости, прикрывали щитами спину и голову; по образованной щитами наклонной крыше (так называемому «панцирю» черепахи) другие солдаты избегали на оборонительные сооружения противника.
61. Вольноотпущенник Веспасиана. См. гл. 12.
62. См. прим. 73 к книге II.
63. Тога с широкой пурпурной полосой по краю. Ее носили высшие магистраты при исполнении служебных обязанностей.
64. См. II, 67.
65. См. II, 67, 70.
66. Чужеземцы — свевы и сарматы, ср. гл. 5.
67. Мефитис — богиня, защитница от нездоровых испарений земли. Ср. сервиев комментарий к «Энеиде» Вергилия (VII, 84): «Мефитис, собственно, называется злое, испускаемое землей под действием воды, содержащей серу... Но всякое злое происходит от порчи воздуха, подобно тому как хороший запах от чистого воздуха. Поэтому Мефитис — богиня, охраняющая от вреда, приносимого тяжелым воздухом».
68. Кремона была основана одновременно с Плаценцией в начале 218 г. до н. э.
69. В 40-х годах I в. до н. э. Кремона выступала на стороне Брута и Кассия и была жестоко наказана триумвирами.
70. Эта фраза означает, что упоминание о храме Мефитис в конце гл. 33 носит иронический характер (?).
71. Ариция (ныне Риччия) лежала у подножия Альбанских гор в 16 римских милях от Рима по Аппиевой дороге. Здесь находился окруженный священной рощей храм Диане.
72. См. гл. 13 и 14.
73. См. II, 92.
74. См. II, 29.
75. Брат императора
76. По закону республиканской эпохи, продолжавшему действовать и при империи, в последний день исполнения своих обязанностей магистрат торжественно слагал с себя должность: приносил присягу в том, что за время пребывания у власти «не совершил ничего против законов» (П л и н и й М л а д ш и й. Панегирик Траяну, 64).
77. Каниний Ребил был назначен консулом 31 декабря 45 г. до н. э. вместо умершего утром того же дня Квинта Фабия. Это дало повод Цицерону говорить о редкой бдительности Ребила, ибо «он ни разу не заснул за все время своего консульства» (Письма к близким, VII, 30).
78. См. II, 59.
79. По всей вероятности находившихся к югу от города, на берегу Тибра, у дороги, ведущей в Остию (ср.: С в е т о н и й. Нерон, 47).
80. Цецина Туск — сын кормилицы Нерона и один из доверенных людей императора. В 55 г. последний назначил было Туска префектом претория, и только из-за вмешательства Сенеки он не смог занять эту важнейшую должность. Позже — префект Египта, посланный в 67 г. за то, что вымылся в бане, отстроенной к приезду Нерона.
81. Блез, происходивший по отцу из древнего патрицианского рода Юниев, считал в числе своих предков также Октавию Старшую, родную сестру Октавиана Августа, бывшую вторым браком замужем за Марком Антонием, триумвиром.
82. См. прим. 124 к книге II.
83. См. II, 59.
84. См. гл. 12.
85. Валент выступил из Рима несколькими днями позже Цецины (гл. 36). К этому времени Прим Антоний, заняв Верону, Атесте, Патавиум, Альтин, Опитергий и Аквилею (гл. 6—8), закрыл вителлианцам дорогу в Иллирию и Паннонию и обеспечил себе

надежную связь с восточными провинциями, откуда ждал подкреплений. Маневр, который предлагали приближенные Валента, и имел своей целью прорваться к северному побережью Адриатики, чтобы отрезать Антония от армий Муциана и Веспасиана.

86. Преторианцев.

87. Ныне Римини.

88. Пицен — область на побережье Адриатики, расположенная южнее Аримина. Фуск, таким образом, обошел запертых в Аримине вителлианцев и продвинулся далеко на юг.

89. Ныне Монако.

90. См. II, 12.

91. Нарбоннской Галлии.

92. Нарбоннская Галлия была сенатской провинцией, и наместник ее не имел своих войск.

93. Основана Юлием Цезарем в 54 г. до н. э. на берегу моря, неподалеку от Масилии (теперешний Марсель). Родина Юлия Агриколы, консула 77 г., покорителя Британии, тестя Тацита. Ныне Фрэнсис.

94. Стойхады — ныне Йерские острова.

95. Это касается в первую очередь XX легиона, см.: Агрикола, 7.

96. Из племени бригантов. Ср.: Анналы, XII, 40.

97. Неясно. Каратак, мятежный вождь британцев, был захвачен в плен в 51 г. (Анналы, XII, 36) и прим. Ниппердеа в его издании «Анналов», — Берлин, 1904), Клавдий же праздновал свой британский триумф в 44 г., т. е. семью годами раньше.

98. На территории нынешней Румынии.

99. VI Железный, который нельзя путать с находившимся в это время в Испании (гл. 44) VI Галльским Победоносным.

100. Как явствует из этой и следующей глав, Муциан двигался в Италию через Бизантию, Фракию, Мезию и Паннонию.

101. Гай Фонтей Агриппа — консул-суффект 58 г., смотритель вод Тибра с 66 по 68 г., в 68 г. — проконсул Азии. Назначенный в 69 г. наместником Мезии, погиб в битве с сарматами (Иосиф Флавий. Иудейская война, IV, 7, 3).

102. Понтом, в широком смысле слова, называлась восточная часть южного побережья Понта Эвксинского, т. е. нынешнего Черного моря, составлявшая еще в I в. до н. э. сильное самостоятельное государство. Последний царь его, знаменитый Митридат, умер в 63 г. до н. э., после чего Понт был превращен в римскую провинцию Вифинию. Часть понтийских земель, однако, была выделена Марком Антонием и позже Випсанием Агриппой в самостоятельное царство, переданное в 37 г. до н. э. под власть Полемона I в благодарность за услуги, оказанные им Риму, и известное под именем Полемонова Понта. Наследовавший Полемону сын его Полемон II не сумел удержать владения отца, и после его смерти, в 63 г. н. э., его царство было также обращено в римскую провинцию.

103. Основан в 756 г. до н. э.

104. Когорта римских граждан, см. прим. 172 к книге I.

105. См. II, 83.

106. От греч. *καμάρα* — «крытая повозка», «сводчатая комната».

107. Ныне Хоби, или Хопи. Река в Грузии, стекающая со склонов Мегрельского хребта и впадающая в Черное море севернее устья р. Рион.

108. Западногрузинские цари с этим именем упоминаются около того же времени Помпонию Мелой (О положении мира, I, 19).

109. Об XI легионе см. II, 11 и 67, а также прим. 28 и 148 к книге II.

110. Далматы жили по Адриатическому побережью нынешней Югославии, в его южной части.

111. См. II, 86.

112. См. прим. 43 к книге I.

113. Ныне Фано на Адриатическом побережье Италии, между Римини и Анконой.

Здесь начиналась Фламиниева дорога, ведущая через Аппенинский хребет прямо к Риму.

114. В рукописи содержится разъяснение термина, по-видимому являющееся поздней глоссой: «клаварий — название денежного подарка». Само слово «клаварий» означает «деньги на гвозди», т. е. на починку солдатской обуви.

115. Речь идет о сражении между войсками так называемой «народной партии» — сторонников Гая Мария — и солдатами, поддерживавшими аристократическую партию Луция Корнелия Суллы. Битва произошла в 87 г. до н. э. возле Яникульского холма, при входе в Рим. Марианцами командовал консул 87 г. Луций Корнелий Цинна, сулланцами — Гней Помпей Страбон, отец Гнея Помпея Великого.

116. Луций Корнелий Сисенна (119—67 гг. до н. э.), претор 78 г., легат Помпея Великого во время войны с морскими разбойниками. Известен как автор «Истории» в 12 книгах, посвященной главным образом гражданской войне между Марием и Суллой.

117. Паннонские.

118. Намек на Муциана. См. гл. 46.

119. Т. е. префектам преторианцев, ср. II, 92 и III, 36.

120. В данном случае речь не может идти о созданном Нероном I Флотском легионе, так как он находился в Испании (II, 67 и 86); по-видимому, Вителлий набрал еще один легион из солдат морской пехоты, который и имеется в виду здесь и в гл. 67.

121. В их число входили 2 когорты преторианцев, 4 когорты гарнизона и 7 — городской стражи, ср. II, 93.

122. Под комициями здесь следует понимать процедуру утверждения сенатом рекомендованных принцепсом кандидатов в консулы. Комиции как таковые перестали созываться со времен Тиберия.

123. Союзники — иностранные правители, находившиеся к Риму юридически в союзных, фактически в зависимых отношениях. Под «правами федератов» здесь понимаются определенные льготы, которыми по традиции пользовались некоторые города Италии и которые могли быть распространены также на иностранные союзные государства.

124. После Латинской войны 340—338 гг. до н. э. жители городов Лация, не получившие полного римского гражданства, постепенно добились ряда льгот и заняли положение, промежуточное между иностранцами и гражданами Рима, что и образовывало содержание термина *jus Latii*. В результате Союзнической войны 90 г. до н. э. все латинские города получили полное право римского гражданства, *jus Latii* утратил всякую связь с Лацием и Италией и превратился в особое правовое состояние, в которое могли возводиться жители отдельных иностранных городов и целых провинций. *Jus Latii* в эпоху ранней империи давало право покупать и продавать землю, скот, рабов, но исключало возможность передачи имущества по завещанию.

125. В Умбрии, в южных отрогах Аппенин, на Фламиниевой дооге. Ныне Беванья.

126. Саранча?

127. См. гл. 57.

128. Город на юге Лация при впадении р. Лирис в море. Ныне не существует.

129. Порт в Кампании, между Кумами и Неаполем. Ныне Пущуола.

130. По всей вероятности, тот самый Клавдий Юлиан, которого упоминает Плиний Старший как руководителя гладиаторских игр при Нероне (Естественная история, 37, 11, 2); должность эту, как правило, занимали всадники.

131. Приморский город на юге Лация; здесь оканчивалась Аппиева дорога. Ныне Террачина.

132. Город в Умбрии на р. Нар, к югу от Мевании, где армия стояла в момент приезда Вителлия (гл. 55). Ныне Нарни.

133. Трибы, в древности бывшие основными территориальными и военно-административными подразделениями римского народа, в императорскую эпоху сохранились

только в самом городе Рима, где их было 35. Они собирались лишь для проведения солдатского набора (особенно в городские когорты) и для получения денежных подарков от императоров.

134. Древние народности Средней Италии.

135. ПUTEОЛЫ, жители которых перешли на сторону Веспасиана, находились в Кампании. См. гл. 57 и прим. 129.

136. Был уже декабрь 69 г.

137. Квинт Петилий Цериал Цезий Руф — дважды консул (70 и 74 гг. н. э.), родился в правление Тиберия, в 61 г. был легатом IX легиона в Британии, в 70 г. командовал войсками, подавившими восстание Цивилиса, в 71—74 гг. был наместником Британии. Несмотря на то что он действовал как военачальник исключительно неудачно: командуя легионом в Британии, потерпел поражение (Аннэлы, XIV, 32), проиграл сражение на подступах к Риму в декабре 69 г. III, 78, 79; (Дион Кассий. 65, 18, 3), далеко не всегда удачно воевал с Цивилисом (IV, 77—78), — за ним закрепилась репутация крупного полководца. В его уста Тацит вложил одно из самых важных своих рассуждений об отношениях между Римом и союзными народами (IV, 73—74).

138. Старший брат и младший сын Веспасиана.

139. Город в Умбрии на западном склоне Апеннин, в 10 римских милях к северу от Нарнии. Ныне Касильяно.

140. См. прим. 136 к книге II.

141. Расположенный под Нарнией.

142. В Умбрии, неподалеку от Фанум Фортунэ, ныне Урбино.

143. См. гл. 41.

144. В Лации, ныне Ананьи.

145. Театральные представления для избранной публики, устраивавшиеся Нероном в его загородных садах (Анналы, XIV, 15).

146. Ему было в это время не меньше 61 года.

147. «Храм Аполлона на Палатине — самое великолепное из воздвигнутых Августом зданий — находился на площади, которая называлась площадью Аполлона... Храм был выстроен из больших плит белого каррарского мрамора; на крыше стояла колесница Солнца; двери были украшены рельефами из слоновой кости. Храм окружал портик с колоннами из желто-красного нумидийского мрамора, между которыми стояли статуи пятидесяти Данаид, а перед ними — конные статуи их несчастных мужей» (М. Е. Сергеев. Жизнь древнего Рима. М.—Л., 1964, стр. 15).

148. Тит Катий Силий Италик (около 26—около 101 гг. н. э.), консул 68 г. При Нероне занимался ремеслом донощика, состоял в числе близких друзей Вителлия, при Веспасиане был проконсулом Азии. При Домициане (очевидно, в первые годы его правления) Силий Италик, уже отойдя от дел, написал эпическую поэму о Второй Пунической войне («Пуническая война»), прославляющую древнюю доблесть Рима. В последние годы жизни был последователем стоической философии и умер, заморив себя голодом. См.: П л и н и й М л а д ш и й. Письма, III, 7.

149. Отец императора Вителлия Луций Вителлий был во второй раз консулом вместе с Клавдием в 43 г., в третий раз, с ним же — в 47 г. О том, что Веспасиан состоял клиентом Луция Вителлия или вообще чем-либо был ему обязан, сведений нет.

150. Мать Вителлия звали Секстилия Августа. О ее нравственных достоинствах см.: II, 64 и 89. Обстоятельства ее смерти не вполне ясны; см.: С в е т о н и й. Вителлий, 14.

151. 18 декабря 69 г.

152. См. гл. 63.

153. На Форум.

154. Калигулу.

155. 7 июня 68 г. Нерон бежал на загородную виллу своего отпущенника Фаона, находившуюся в 4 милях от Рима, где и покончил с собой.

156. Т. е. на Форуме.
157. Консул-суффект на последний нундинум (ноябрь—декабрь) 69 г. См. прим. 198 к книге I.
158. Имеется в виду храм Согласия, построенный в 368 г. до н. э. диктатором Камиллом, находившийся на склоне Капитолия. Здесь обычно заседал сенат.
159. Расположенном около Форума, ср. гл. 70.
160. Соединявшая Капитолий через Форум с Палатином.
161. Претория, гарнизона и городской стражи.
162. Т. е. когорты претория и гарнизона, сформированные из легионеров и конников германской армии.
163. Для понимания дальнейших глав необходимо знать рельеф Капитолийского холма и расположение на нем важнейших зданий. Возвышавшийся в центре Рима, неподалеку от Тибра, в том месте, где река дальше всего изгибается на восток, Капитолий представлял собой крутой, вытянутый с юга на север двухвершинный холм. Северная вершина (высота 50 м), на которой находилась цитадель, была отделена от южной (высота 47 м), где стоял храм Юпитера, глубокой впадиной (глубина 30 м). На нее поднимался с Форума, т. е. с юго-востока, Капитолийский взвоз, которым заканчивалась Священная дорога (см. прим. 160); с двух сторон его шли лестницы для пешеходов. От взвоза отходили 2 пути, один вел на север к цитадели, другой на юг — к храму Юпитера. Глубже этой развилки, дальше на запад, находился храм бога Мщения, 2 священные рощи, а между ними, в самой седловине, место, называвшееся Убежищем. Южная вершина, на которой заперся Сабин (Тацит называет ее то просто Капитолием, то крепостью, хотя собственно крепость находилась на северной вершине), представляла собой обширную (около 1,5 га) площадь, окруженную стеной с запиравшимися воротами и портиком; на площади стояло несколько храмов и среди них главная святыня Рима — храм Юпитеру Сильнейшему и Величайшему. Южный и западный склоны Капитолия были особенно неприступны и носили название Тарпейской скалы. С юго-запада к Капитолийскому храму вела лестница в 100 ступеней.
164. Позже, при Домициане, была выслана из Рима, по всей вероятности, за дружбу с Аруленом Рустиком. См. прим. 199; Плиний Младший. Письма, III, 11; V, 1.
165. Младшего сына Веспасиана и будущего императора.
166. См. гл. 65.
167. Авентин — самый южный из римских холмов, расположенный поодаль от центра, ближе к большим торговым пристаням на Тибре.
168. Домициан родился 24 октября 51 г., и во время описываемых событий ему едва минуло 18 лет.
169. Храм Сатурну и храм Согласия, стоявшие в начале подъема на Капитолий со стороны Форума, справа от Капитолийского взвоза.
170. Следует помнить, что Тацит называет капитолийской крепостью, или просто Капитолием, не северную вершину, где находилась собственно крепость, а южную.
171. Юпитер Сильнейший и Величайший был олицетворением государственной и военной мощи Рима. В его храме совершалось торжественное жертвоприношение в день вступления магистратов в должность, отсюда магистраты отправлялись в провинции и к войску, военный триумф был как бы частью культа Юпитера Сильнейшего и Величайшего. В народе было распространено представление о том, что римское могущество будет неколебимо, пока стоит Капитолийский храм (ср. IV, 54, а также: Гораций Оды, III, 30, 8; III, 5, 12; Овидий. Метаморфозы, II, 38).
172. Согласно легенде Порсенна, один из этруских царей конца VI в. до н. э. осаждал Рим, но пораженный мужеством его защитников отступил от города. Сообщение Тацита о том, что римляне сдались Порсенне, основывается на какой-то другой традиции, до нас не дошедшей. Из нее же, впрочем, исходил Плиний Старший (Естественная история, 34, 14, 39).

173. В 390 или 387 г. до н. э.
174. Ср. прим. 76 к книге II.
175. Правил, согласно традиции, с 615 по 578 г. до н. э.
176. Традиция относит правление Сервия Туллия к 577—534 гг. до н. э., правление последнего римского царя Тарквиния Гордого — к 534—509 гг. Свесса Помеция — город народа вольсков в Лации.
177. В 507 г. до н. э. Тацит здесь снова отступает от традиции: Полибий, Ливий, Плутарх относят освящение храма к первому консулату Марка Горация Пульвилла, т. е. к 509 г.
178. В 83 г. Цифра 450 вместо 425 — по всей вероятности, ошибка переписчика рукописи.
179. Подлинные слова Суллы (Плиний Старший. Естественная история. VII, 43).
180. Сын Квинта Лутация Катулла, победителя кимвров. Один из вождей партии оптиматов в 70-е и 60-е годы I в. до н. э. После освящения храма получил прозвище Капитолин.
181. О Корнелии Марциале см. гл. 70, об Эмилии Пацензе — I, 87, и II, 12.
182. Полотняные плащи носили жрецы египетской богини Изиды и поклонники ее культа, который наряду с культами других восточных богов широко распространился в эту эпоху в Риме.
183. См. прим. 107 к книге I.
184. Впоследствии, сделавшись императором, Домициан чеканил монету с легендой «Юпитеру Хранителю».
185. Храм этот стоял на южной вершине Капитолия поблизости от Ста ступеней
186. Гемониями называлась лестница, проходившая по восточному склону Капитолия поблизости от государственной тюрьмы Карцер Туллианум. На ступени этой лестницы выбрасывали для всеобщего обозрения трупы казненных.
187. Древнеримская богиня личной свободы (Тит Ливий, 22, 1, 18). Находившийся в 3 римских милях от Таррацины храм, посвященный ей, стоял среди рощи, возле источника (Вергилий. Энеида, VII, 800). О Таррацине см. гл. 57.
188. См. гл. 57.
189. См. гл. 57.
190. Гней Вергилий Капитон был в 47—49 гг. префектом Египта. Как его раб (не отпущенник!) оказался 20 годами позже в Таррацине, неизвестно.
191. См. гл. 58.
192. Городок, расположенный к югу от Нарнии при впадении Нара в Тибр. Ныне Отриколи.
193. Многодневный праздник, начинавшийся 17 декабря.
194. Неясно, о каких «трех» когортах идет речь: преторианская гвардия Вителлия состояла из 16 когорт (II, 93) и 14 из них стояли в Апеннинах (III, 55).
195. См. прим. 170.
196. Соляная, или Салыриева, дорога, ведущая в Рим с северо-востока, была частью древнего пути, по которому сабиняне, жившие в горах Самния, приходили к солончакам в устье Тибра за солью. Соответственно равнина, по которой эта дорога шла к горам сабинян, называлась Сабинским плеем. Вителлианцы не рассчитывали на появление флавианцев отсюда, ибо, во-первых, ждали их со стороны Нарнии, т. е. только по Фламиниевой дороге, и, во-вторых, потому, что рядом с Соляной дорогой находился преторианский лагерь, главный узел обороны Рима.
197. Место в Этрурии на правом берегу Тибра, в 6 римских милях от столицы.
198. Городок на Соляной дороге на левом берегу Тибра, в неполной римской миле от въезда в столицу.
199. Юний Арулен Рустик, народный трибун 66 г., претор 69 г., консул-суффект 92 г. (?), философ-стоик. Поддерживал осужденного Нероном вождя стоической оппозиции.

зиции Тразею Пэта, при Домициане написал сочинение, прославлявшее Пэта, за что и был казнен в 93 г. Тацит, по-видимому, был связан с ним через своего друга Плиния Младшего, близкого к Рустику и его окружению. Казнь Рустика Тацит считал одним из главных преступлений Домициана (Агрикола, 2).

200. Proximus lictor, бывший старшим по положению среди ликторов, шел ближе всего около магистрата.

201. Гай Музоний Руф, уроженец г. Волсиниев в Этрурии, при Нероне приобрел значительную известность как философ и наставник юношества; у него учился, в частности, Дион Хрисостом. В 65 г. был сослан на о. Гиар (см. прим. 25 к книге I). В 66—67 гг. отбывал каторжные работы на Истме. В 69 г. он снова в Риме, но при Веспасиане был вторично выслан и возвращен только Титом. Показательно, что Тацит, неизменно говорящий о философии стоицизма и таких ее представителях, как Тразея Пэт, Гельвидий Приск, Арулен Рустик, Герений Сенецион с глубоким уважением, презрительно отзываясь о Музонии именно как о философе-стоике. По-видимому, — и это для Тацита весьма характерно, — он различал стоицизм как умонастроение сенатской оппозиции, особенно во времена Нерона и Домициана, и стоицизм как одно из навевших Рим в эту эпоху греческо-восточных философских и религиозных учений, чуждых римским традициям и встречавших осуждение со стороны консервативного общественного мнения.

202. См. гл. 58 и 79.

203. Коллинские ворота находились в восточной части города, неподалеку от преторианского лагеря и Саллюстиевых садов. Из них выходили Соляная и Номентанская дороги, в дальнейшем соединявшиеся в одну.

204. Имеются в виду легионеры, вступившие в Рим по Фламиниевой дороге.

205. Саллюстиевы сады, расположенные в северной части Рима, занимали долину между Холмом Садов и Виминалом, захватывая склоны обеих этих возвышенностей. Парк был создан знаменитым историком Саллюстием в конце 40-х и начале 30-х годов I в. до н. э. В парке находились роскошные бани и дворец, во всю длину его прорезал ручей. С 22 г. н. э. Саллюстиевы сады становятся владением императоров и излюбленным местогребыванием Тиберия, Нерона, Адриана.

206. Марсовым полем называлась низина в излучине Тибра, где при республике происходили выборы магистратов и переписи населения. При империи здесь выросло множество роскошных зданий, оставшееся между ними свободное пространство использовалось для спортивных игр. Из 3 колонн флавианской армии, о которых говорится в данной главе, к Марсову полю вышла та, что наступала берегом Тибра.

207. Лавки находились в нижних этажах «инсул» — многоэтажных доходных домов; «домами» назывались особняки.

208. Т. е. богачи, изнеженные, надушенные и разряженные, как уличные женщины.

209. В 88 и 82 гг. до н. э.

210. В 87 г. до н. э.

211. Преторианцев.

212. Т. е. когорт претория, распущенных Вителлием (II, 67) и позже влившихся в состав флавианской армии (II, 82).

213. По Светонию (Вителлий, 16) — в каморку раба-привратника, по Диону Кассию. (65, 20) — в собачью конуру.

214. См. гл. 74 и прим. 186.

215. В Апулии. Ср.: Светоний. Вителлий, 1.

216. См. прим. 61 к книге II.

217. Обычное звание сына или внука правящего императора.

Книга четвертая

Январь—июль 70 г.

1. Высокий рост считался отличительной особенностью германцев, из которых в основном состояли вспомогательные когорты армии Вителлия.

2. Город в Лацие, лежавший в 10 римских милях на юго-восток от столицы по Аппиевой дороге.

3. См. III, 12.

4. Капуя сохраняла верность Вителлию (III, 57).

5. Таррацина встала на сторону Веспасиана и была за это жестоко наказана Луцием Вителлием (III, 76, 77).

6. См. III, 77.

7. Как явствует из этого места, Вителлий не только отпустил на волю раба, выдавшего Таррацину вителлианцам, но и даровал ему всадническое достоинство. См. прим. 69 к книге I и прим. 119 к книге II.

8. Восстание Виндекса в Галлии и Гальбы в Тарраконской Испании весной 68 г.

9. Восстание верхнегерманских легионов, провозгласивших Вителлия императором в январе 69 г.

10. Отпадение от Вителлия Тиберия Александра в Египте, Веспасиана в Иудее, Муциана в Сирии (июль 69 г.).

11. Как следует из Светония (Домициан, 3), Домициан занял должность городского претора. Присвоение ему консульских полномочий связано с отсутствием обоих консулов (Веспасиана и Тита) в Риме.

12. Выдвинуть победу в гражданской войне как причину присвоения триумфальных отличий было невозможно: это значило бы, что полководец награждается за уничтожение своих же сограждан. О какой победе над сарматами идет речь, неясно: как явствует из III, 46, Муциан одержал победу над даками.

13. И консульские, и преторские знаки отличия состояли из тоги с широкой пурпурной полосой по краю, так называемой «тоги претексты» и курульного кресла (прим. 127 к кн. II). Внешняя разница между консулом и претором касалась лишь числа ликторов.

14. Сын дважды консула Валерия Азиатика, погибшего в 47 г. по проискам жены императора Клавдия Мессалины (Анналы, XI, 1—3). В 69 г. он был пропреторским легатом провинции Бельгика, одним из первых перешел на сторону Вителлия и вскоре, помолвившись с его дочерью, стал зятем императора. Он был назначен кандидатом в консулы на 70-й год еще при Вителлии, но, по-видимому, умер, не успев вступить в должность (Corpus Inscriptionum Latinarum, VI, 1528).

15. В римском сенате при опросе мнений первыми выступали кандидаты в консулы (поэтому все перечисленные выше предложения и были внесены Валерием Азиатиком), затем — консуляры, т. е. сенаторы, однажды уже занимавшие должность консула, за ними — кандидаты в преторы.

16. Ср. II, 91. В дополнение к биографическим сведениям о Гельвидии, содержащимся в этих 2 главах, необходимо сказать следующее. Гельвидий проходил квестуру в Ахайе (схолии к Ювеналу, — V, 36). Вопреки указаниям этого источника, квестура его приходится, по-видимому, на годы правления Клавдия (а не Нерона), так как в 51 г. он уже исполняет обязанности легата при наместнике Сирии и успешно командует легионом (Анналы, XII, 49). Трибунат его относится к 56 г. (Анналы, XIII, 28). Изгнанный из Италии в 66 г. после смерти Тразея, он живет в Аполлонии (на Крите?), откуда Гальба возвращает его в Рим в 69 г. и назначает претором на следующий, 70-й, год. В январе 69 г. Гельвидий, несмотря на запрещение Отона, устраивает похороны Гальбы (Плутарх, Гальба, 28). Его нападки на Веспасиана привели

к новой ссылке, где он и был убит, кажется, против воли императора (Светоний. Веспасиан, 15).

17. В северной части Самния.

18. Т. е. философией; как явствует из следующей фразы, философией стоиков.

19. Квесторами назывались младшие магистраты, ведавшие финансами в провинциях или общественными постройками в Риме. Квесторами становились в 27 (по другим источникам в 30) лет сроком на один год. Квестура была первой в ряду магистратур, которые надлежало пройти сенатору.

20. В 66 г. см.: *Анналы*, XVI, 33 и сл.

21. Барей Соран, консул-суффект 52 г., проконсул Азии в 61—62 гг. (?). Примыкал к «стоической оппозиции» и погиб одновременно с Тразеей Пэтом в 66 г. Кто такой Сентий — неизвестно.

22. За донос на Тразею Эприй Марцелл получил 5 млн. сестерциев. См. прим. 29 к книге I.

23. Намек на Гельвидия, который был при Нероне изгнан из Рима.

24. Несмотря на то что в Риме при империи сохранялись внешние формы республики, всякое сочувственное упоминание о вождях республиканской партии, боровшихся в 40—30-х годах I в. до н. э. против преемников Юлия Цезаря, а тем более выражение солидарности с ними вызывали со стороны принцепсов осуждение и нередко суровые репрессии. При Тиберии историк Кремуций Корд должен был лишиться себя жизни из-за того, что похвалил в одном из сочинений Брута и Кассия; Лукан, создавший в последних песнях «Фарсалии» панегирик Катону, был обвинен в причастности к заговору против Нерона и погиб; при Веспасиане драматическому поэту Куриацию Матерну грозило серьезное наказание за написанную им трагедию о Катоне. В этих условиях сравнение Гельвидия с Катонем и Брутом, на первый взгляд лестное, представляло собой, по сути дела, обвинение в политической неблагонадежности.

25. Марцелл продолжает действовать как доносчик: его «совет» представляет собой в сущности обвинение Гельвидия в оскорблении величия.

26. «Казна», в которой были сосредоточены государственные денежные запасы, была отделена от «фиска», т. е. от денежных запасов, принадлежавших императорской фамилии. Принцепсам тем не менее было жизненно необходимо держать под своим контролем также и казну, дабы исключить всякую возможность использования ее оппозиционными силами. Этим объясняется множество проведенных ими реформ, касавшихся управления казной. В частности, при Нероне ею ведали особые префекты, назначавшиеся императором из числа преториев, после смерти Нерона, как явствует из комментируемого места, эта обязанность перешла к преторам; во времена, когда Тацит писал свою «Историю», вновь была восстановлена должность префектов казны.

27. Публий Эгнаций Целер, родом из Бериты в Финикии, философ-стоик, выступивший при Нероне с обвинениями своего друга Барей Сорана. Ср. прим. 32 к книге I.

28. Т. е. Гая Кальпурния Пизона, руководившего заговором против Нерона в 65 г.

29. Аппиева дорога, построенная в 318 г. до н. э., соединяла Рим с Капуей.

30. Распятие на кресте.

31. Восстание Цивилиса.

32. См. прим. 137 к книге I.

33. Союз германских племен, занимавший земли на восток от среднего течения Рейна.

34. Перевод этой фразы сделан в соответствии с Лейденской рукописью «Истории».

35. При Друзе, Тиберии и Германике (т. е. 13 г. до н. э.—16 г. н. э.), в чьих походах батавы участвовали в составе вспомогательных войск.

36. В 61 г. в британском походе Светония Паулина участвовало 8 батавских когорт (Анналы, XIV, 38).

37. Римский легат в Нижней Германии. См. I, 7—8.

38. Карфагенский полководец Ганнибал, знаменитый противник Рима (в 221—202 гг. до н. э.), и Квинт Серторий, руководивший в 82—72 гг. до н. э. восстанием народов Испании против Рима, были оба одноглазы.

39. Префектами в императорских провинциях назывались начальники мелких административных округов.

40. Германское племя каннинефатов (обычная форма эгнонима в надписях — канну-нефаты) обитало в дельте Рейна и по левому берегу реки, западнее батавов.

41. Вспомогательные когорты XIV легиона. См. II, 66 и 69, прим. 149 и 151 к книге П. Могунциак — ныне Майнц.

42. Гай Калигула, дабы возвеличить себя как полководца, инсценировал победоносный поход против германцев и сам себе присудил за него триумф. См.: Светоний. Калигула, 43—47.

43. Германские племена фризов в I в. н. э. занимали побережье Северного моря от устья Рейна до устья Эмса. Сейчас фризы живут в основном на территории Голландии.

44. Как явствует из гл. 17, имеются в виду вспомогательные когорты, состоявшие из галлов.

45. См. прим. 112 к книге I.

46. Племя белгов, занимавшее земли по р. Самбре, между Шельдой и Маасом.

47. Арверны — крупное галльское племя, жившее к северо-западу от Севенн, в пределах современной Оверни, выступавшее в 68 г. на стороне Виндекса.

48. Чтобы легче добиться поддержки галлов, Цивилис говорит о батавах так, словно бы они тоже были галльским племенем.

49. В битве под Бедриаком в апреле 69 г.

50. Сильное риторическое преувеличение: со времени введения Августом податей в галльских провинциях (27 г. до н. э.) прошло 95 лет.

51. Странное употребление слова *пирет* — «недавно»: разгром римских легионов под командованием Вара германцами относится к 9 г. н. э.

52. V и XV. После ухода в Италию Фабия Валента, командовавшего V легионом, легат XV легиона Муний Луперк остался во главе обоих (ср., впрочем, гл. 22).

53. См. II, 97.

54. В конных отрядах жалование было выше.

55. См. гл. 14.

56. Т. е. IV и XXII легионы — в Могунциаке, I — в Бонне, XVI — в Новезие, V и XV — в Старых лагерях.

57. Т. е. вспомогательных когорт, состоявших из нервий и тунгров (см. гл. 15 и 16).

58. Германские племена. Бруктеры жили между Эмсом и Липпе, доходя на севере до Северного моря. Тенктеры жили к югу от бруктеров, на территории, ограниченной Рейном, р. Руром и Сигом.

59. Часть V легиона ушла в Италию с Фабием Валентом.

60. Т. е. фризы, бруктеры и тенктеры.

61. К Старым лагерям, на помощь осажденным.

62. Подагрой (ср. I, 9).

63. См. гл. 24.

64. Ныне Нейс, возле Дюссельдорфа.

65. I легиона (ср. гл. 19).

66. Германское племя, занимавшее земли по левому берегу Рейна, к югу от территории батавов.

67. В Гельдубе.

68. В наказание за поддержку, которую они оказали легату Мунию Луперку.

69. Племена Бельгийской Галлии, жившие на юг от батавов, менапии — в низовьях Шельды и Мааса, моринны — по берегу Па-де-Кале, между Шельдой и Соммой.

70. И поэтому могут не бояться живших у моря батавов.

71. Т. е. за Рейн.

72. В Старых лагерях.

73. Центральная площадь римского военного лагеря носила название претория. Соответственно отходившая от него улица называлась преториевой, а ворота, в которые эта улица упиралась, преториевыми.

74. Это орудие, устроенное по тому же принципу, что наш колодезный журавль, называлось толленоном (от *tollere* — «поднимать»). Тацит как обычно избегает специальных технических терминов. Толленон был использован Архимедом во время знаменитой обороны Сиракуз в 212 г. до н. э. (Полибий. Всемирная история, VIII, 8).

75. В содержании этого эдикта не приходится сомневаться: он был подписан Цецинией после измены его Вителлию и призывал солдат присоединиться к Веспасиану.

76. Треви́р по происхождению (III, 35). Впоследствии он открыто присоединился к Цивилису (V, 19).

77. В Новезисе.

78. Ср. гл. 13.

79. Ср. прим. 55. Тацит явно характеризует Цивилиса как ловкого дипломата (ср. также гл. 13 и 17).

80. Асцибургий находился между Старыми лагерями и Гельдубой. Сейчас это предположительно Асберг возле Мёрса (на р. Мёрс).

81. Васконы, нынешние баски, жили на северо-востоке Тарраконской Испании и были призваны во вспомогательные римские войска Гальбой как наместником этой провинции.

82. Тацит имеет в виду Цивилиса как главнокомандующего повстанческой армией, — в описываемом сражении он участия не принимал.

83. Т. е. запертые в Старых лагерях V и XV легионы. Как видно из дальнейшего, Вокула выступил им на помощь, но сделал это, по мнению Тацита, слишком поздно.

84. Т. е. что значки и пленные были захвачены полководцами Цивилиса в начале сражения под Гельдубой, в конечном счете окончившегося их поражением (ср. гл. 33).

85. Битва, таким образом, кончилась победой римлян, Цивилис вынужден был снять осаду и отойти, а Вокула со своими солдатами присоединился к стоявшим в Старых лагерях V и XV легионам.

86. Вокула был легатом легиона, в ходе же военных действий против Цивилиса он фактически стал играть роль наместника всей Нижней Германии и был заинтересован в сохранении этого почетного для него положения.

87. Где находилась ставка наместника провинции Гордеония Флакка.

88. Взятые в скобки слова, противоречащие дальнейшему рассказу, принято считать заметкой, сделанной переписчиком на полях рукописи и не входящей в тацитовский текст.

89. Стоявшая в Новезисе.

90. Т. е. из IV и XXII легионов.

91. Узипы, или узипеты, жили западнее хаттов, на правом берегу Рейна; маттиаки, составлявшие часть племенного союза хаттов, занимали территорию, ограниченную Рейном, Майном и Ланом, в районе современного г. Висбадена.

92. См. гл. 55, 69 и сл.

93. Впервые он был консулом (суффектом) в 51 г.

94. Луций Кальпурний Пизон, консул 57 г.

95. Секст Юлий Фронтин (40—103 гг. н. э.). После претуры командовал легионом в Нижней Германии, консул-суффект 74 г., в 76—78 гг. — наместник Британии. При Домициане старался держаться в тени, официальных должностей не занимал

(если не считать проконсульства в Азии), покровительствовал искусству (в частности, поэту Марциалу) и сам занимался литературным трудом, был близок к кружку Плиния Младшего. В меру родовитый, культурный, талантливый полководец и опытный администратор, не скомпрометированный при Домициане, Фронтин был идеальным представителем тех кругов, на которые стремились опереться первые Антонины. С 97 г. он — смотритель римских водопроводов, член сенатской комиссии по проверке государственных расходов, в 98 г. — консул во второй раз и в 100 г. — в третий (оба раза как коллега Траяна). Из многочисленных сочинений Фронтин до нас дошли «Стратегемы» и «О римских водопроводах».

96. См. II, 4 и прим. 15 к книге II.

97. См. II, 85.

98. Вольноотпущенник Веспасиана. См. о нем III, 12. Ср. также прим. 68 и 69 к книге I, прим. 119 к книге II.

99. См. I, 14—15 и прим. 74 к книге I.

100. Имеются в виду офицерские должности военного трибуна и префекта конницы.

101. По-видимому, тот самый сенатор Курций Монтан, который упоминается в «Анналах» (XVI, 28, 29, 33) и у Ювенала (IV, 107). Ср. прим. 113.

102. См. гл. 10.

103. Деметрий входил в ближайшее окружение стоиков — философа Сенеки и Тразея Пэта. Известен своим независимым поведением по отношению к Калигуле, от которого он отказался принять подарок в 200 000 сестерциев, и Веспасиану. Неоднократно ссылался и изгонялся из Рима. Все, что нам известно о Деметрии, заставляет критически отнестись к утверждению Тацита о том, что он, «руководствуясь одним лишь тщеславием, взялся защищать заведомого преступника». Ср. прим. 201 к книге III.

104. Брат Арулена Рустика (см. прим. 199 к книге III), сосланный Домицианом и возвращенный Нервой.

105. В других источниках этот сенатор не упоминается.

106. В других источниках этот сенатор не упоминается.

107. Братья Руф и Прокул Скрибонии, занимавшие должности наместников, соответственно Верхней и Нижней Германии, были вызваны в 66 г. в Ахайю, где получили от Нерона, стремившегося захватить их богатства, приказ о самоубийстве (Дион Кассий. 63, 17).

108. Т. е. 25 лет.

109. Марк Аквилей Регул (около 43 г.—около 102 г. н. э.) — судебный оратор и доносчик. В 67 г., еще даже не достигнув сенаторского возраста, он погубил своими доносами нескольких выдающихся сенаторов из старой аристократии, за что получил от Нерона жреческую должность и крупные денежные вознаграждения. В 70 г. он уже был членом сената и квесторием. При Флавиях продолжал свою деятельность доносчика, хоть и не столь явно, и много выступал в качестве судебного оратора, прославившись своими сжатými, энергичными речами. В последние, самые мрачные, годы правления Домициана Регул снова выдвинулся: он сыграл определенную роль в гибели Арулена Рустика, а после его казни опубликовал памфлет против Рустика и другого члена «стоической оппозиции» — Геренния Сенециона. Он сумел уцелеть при смене династий и еще при Траяне занимался вымогательством завещаний в свою пользу.

110. Марка Лициния Красса Фруги.

111. Корнелий (Сципион) Сальвидиен Орфит — консул 51 г.

112. См. прим. 29 к книге I.

113. У Курция Монтана были свои счеты с доносчиками: в 66 г. Эприй Марцелл обвинил его в сочинении эпиграмм против Нерона, которых он, скорее всего, не писал (Анналы, XVI, 29). Только благоволение Нерона к его отцу спасло Монтана от казни, но ему было запрещено занимать государственные должности, что для римского сенатора было равносильно гражданской смерти.

114. У Регула, погубившего Марка Лициния Красса Фруги, были все основания опасаться мести со стороны Пизона Лициниана — брата Красса.

115. Намек на Эприя Марцелла? Ср. гл. 8.

116. Красс и Орфит были консулярами.

117. Т. е. пример, который мы оставим потомству, наказав Регула, будет оказывать свое действие и после смерти Веспасиана.

118. Хорошо согласуется с характеристикой Криспа у Ювенала (IV, 82) и Квинтилиана (V, 13, 48; X, 1, 119; XII, 10, 11).

119. Октавий Сагитта — народный трибун 58 г.; Антистий Созиан — народный трибун 56 г., претор 62 г., в этом же году сослан по обвинению в оскорблении величия; в 66 г. сумел из ссылки донести на Публия Антея и Остория Скапулу, за что Нерон вернул его.

120. Ныне Сиена.

121. См. II, 67.

122. См. II, 67 и 82.

123. См. гл. 2.

124. Марк Помпей Сильван — дважды консул (в 45 и 74 гг.), проконсул Африки. Дело о вымогательстве, возбужденное против него провинциалами после окончания его проконсульства в 58 г., завершилось его оправданием. В 69—70 гг. — наместник Далмации. Член коллегии квиндецимвиров.

125. Провинции Африка.

126. Марк Юний Силан, консул 19 г. н. э., был проконсулом Африки, вероятно всего между 32—38 гг.

127. Африка была сенатской провинцией, и проконсулы в ней сменялись каждый год, легаты же назначались императором и могли оставаться в должности неопределенно долго.

128. Императоры пользовались любой возможностью для физического уничтожения представителей старой сенатской аристократии. Ср., например, судьбу Долабеллы (II, 63, 64 и прим. 217 к книге I) или Юния Блеза (III, 38 и сл.).

129. См. гл. 11.

130. См. I, 7 и прим. 46 к книге I.

131. См. прим. 31 к книге I.

132. Приморский город в 80 римских милях к югу от Карфагена, его имя сохранилось в современном названии залива Хаммамет.

133. Эя — ныне Триполи, Лепта — город, находившийся неподалеку от современного г. Сус в Тунисе.

134. Гараманты — народность в Северной Африке, занимались земледелием, жили в пределах нынешнего Феццана.

135. Парфия — рабовладельческое государство, представлявшее собой непрочное объединение разнородных земледельческих и скотоводческих племен и занимавшее в описываемую Тацитом эпоху территорию от Каспийского моря до Персидского залива и от Евфрата до гор по правому берегу Инда, было в I в. н. э. главным противником римлян на востоке. Царь парфян Вологез вел с Нероном длительные войны из-за Армении.

136. Отвечая парфянскому царю, Веспасиан говорит о Риме как о республике, управляемой сенатом и лишь на время войны предоставляющей особые полномочия императору — главнокомандующему. Положение было действительно таким в республиканские времена, но для I в. н. э. оно являлось не более как консервативной юридической фикцией. Читая Тацита, важно все время помнить об этом несоответствии реального характера Римского государства и его юридической формы. Ср. прим. 109 к книге I.

137. Крупное восстание иудеев против римлян, на подавление которого Нероном был послан Веспасиан, началось в 66 г.

138. Луций Юлий Вестин — галльского происхождения, при Клавдии — прокуратор и позже — префект Египта.

139. Слово «созванные» — *contracti* — показывает, по-видимому, что Вестин не стал обращаться к коллегии гаруспиков в Риме, а собрал тех, что жили по городам Этрурии. Так поступали римляне в древнейшие времена своей истории (Анналы, XI, 15), и это должно было придать церемонии еще более торжественный характер.

140. Под Остией, в низовьях Тибра.

141. 11 июля 70 г.

142. Т. е. *Victor* — «победитель», *Valerius* — «здоровый», и т. д. Этот обычай играл у римлян большую роль: при переписи населения, при наборе в армию первым всегда вызывали носителя «счастливого имени». Ср.: Цицерон. О ведовстве, I, 102 и Плиний Старший. Естественная история, 28, 2, 22.

143. Дуба, лавра и мирта.

144. Тит Плавтий Сильван Элиан — один из крупнейших государственных деятелей середины I в. н. э., дважды консул (в 45 и 74 гг.). Вступил на служебное поприще еще при Тиберии, у которого был квестором, после чего командовал легионом в Германии; в 42 г. — претор, в 43—44 гг. — участник похода Клавдия в Британию и первый римский наместник этой провинции. В начале правления Нерона был проконсулом Азии. Славу свою Элиан завоевал главным образом как наместник Мезии удачными походами против сарматов и разумными мерами по устройству местных племен, за что и получил несколькими годами позже триумфальные отличия. В 70 г. — понтифик. В 70—73 гг. — наместник в Испании, с 73 г. — префект города Рима. Умер до 79 г.

145. Так называемая «своветаврилия» — искупительная и очистительная жертва богу Марсу; перед закланием свинью, овцу и быка трижды обводили вокруг участка, на котором предстояло возвести здание.

146. На сооруженном из дерна алтаре.

147. Камень, который предстояло положить в основание храма.

148. Продолжение прерванного на гл. 37 рассказа о восстании Цивилиса.

149. См. III, 46. Слухи о вторжении в Паннонию не имели оснований.

150. Кельтские жрецы. Единство культа, поддерживавшееся друидами на всей территории кельтских племен, тесные связи, их объединявшие, и духовное влияние, которое они оказывали на массы, играли важную роль в сплочении кельтов в единый народ и способствовали их сопротивлению римлянам. Поэтому Клавдий, воспользовавшись тем, что друидическая религия допускала человеческие жертвоприношения, запретил деятельность друидов и подверг их жестоким преследованиям. Отношение Тацита к друидизму характерно и напоминает его отношение к иудейской религии (ср. V, 2 и сл.), во многом игравшей ту же политическую роль.

151. В 390 г. до н. э.

152. Юлий Классик командовал вспомогательными отрядами тревирской конницы в составе римской армии и проделал под началом Валента поход против Отона (II, 14).

153. Т. е. поручил ему оборонять от германцев берег Рейна между Навой и Мо-зеллой.

154. См. гл. 18.

155. Бетазии жили между тунграми и нервиями в пределах современного Брабанта, марсаки — одно из племен, живших в устье Шельды и Мааса, соседи каннифатов.

156. Восстание галлов против римлян под руководством Сакровира было подавлено в 21 г. н. э.

157. См. I, 8; I, 59 и примечания.

158. Где находились постоянные лагеря XVI легиона.

159. См. гл. 33 и 34.

160. Точнее — 823 года. См. прим. 2 к книге I.

161. В образе Квирина римляне обожествляли легендарного основателя своего города Ромула.

162. Т. е. к запертым в Старых лагерях солдатам V и XV легионов.
163. Холм, на котором стояли Старые лагерь, — песчаный; ни камней, ни скал там нет. Замечание о «траве, пробивающейся между камней», заставляет, по-видимому, предположить, что Тацит сам Старых лагерей не видел. Если так, то приходится отбросить высказывавшееся в литературе мнение о том, что Тацит после претуры в 88 г. командовал легионом в Нижней Германии.
164. Существовавший у батавов обычай красить волосы в рыжий цвет отмечается также Марциалом (VIII, 33, 20). О сходном обычае у галлов говорит Плиний Старший (Естественная история, XII, 28, 191).
165. Скорее всего, XV.
166. Несколько позже, при Веспасиане, Веледа была захвачена римлянами и доставлена в Рим (С т а ц и й. Сады, I, 4, 90; Германия, 8).
167. Виндонисса (ныне Баден в Северной Швейцарии) находилась не в Нижней, а в Верхней Германии. Здесь были расположены зимние лагеря XXI легиона.
168. Другое название — Augusta Treverorum, ныне Трир. Эта колония, основанная в начале 50-х годов I в., приобрела в эпоху поздней античности выдающееся значение и в IV в. была столицей римских императоров (Аммиан Марцеллин. Деяния, XV, 2, 9).
169. I Германский.
170. Т. е. содержался в доме декуриона.
171. Убни, издавна романизованные, были богаче и культурнее остальных германских племен, что вызывало ненависть последних. Ср. гл. 28.
172. Тацит называет латинским именем Марса германского бога Тиу.
173. Вход германцам в римские колонии на Рейне разрешался лишь после уплаты подушной подати и без оружия; в городе они находились под наблюдением стражников.
174. У германцев в отличие от римлян этой поры сохранилась общинная собственность на землю.
175. Сунуки жили к западу от убиев, по р. Маас.
176. См. гл. 18 и 56.
177. Там, где сейчас стоит г. Маастрихт, в Голландии.
178. См. гл. 55.
179. Галльское племя, жившее между рр. Соной и Юрой.
180. Рассказ об этих событиях содержался, по-видимому, в несохранившихся книгах «Истории». Юлий Сабин был схвачен лишь в последний год правления Веспасиана и казнен в Риме в 79 г.
181. Ремии жили между рр. Марной и Эной, в области нынешнего г. Реймса.
182. См. гл. 2.
183. Мысль Тацита состоит в следующем: Домициан, находившийся в дружбе с Варом, мог быть оскорблен смещением последнего с поста префекта претория; чтобы избежать этого и, наоборот, представить смену префектов как услугу Домициану, Муциан назначил на место Вара Марка Аррецина Клемента, также друга Домициана и к тому же родственника Флавиев через его сестру Аррецину Тертуллию, бывшую первой женой Тита. Должность префекта претория всегда занимали всадники, и назначение на этот пост сенатора было редчайшим исключением (единственный прецедент — назначение Тиберием Сеяна).
184. Перевод в соответствии с конъектурой Моммзена (Hermes, XIX, 1884, S. 440). Тацит называет эти легионы победоносными, так как они во время войны с Вителлием входили в состав флавианской армии.
185. II Вспомогательный легион был сформирован из выступивших против Вителлия моряков Равеннского флота. (См. II, 100 и III, 6).
186. Ср. III, 5.
187. Конные отряды в римской армии формировались по племенам и народностям, поставлявшим в них бойцов. Из этих отрядов индивидуально, за личные заслуги.

отбирались особо отличившиеся солдаты, которые и составляли своего рода «конную гвардию» — многонациональный отряд сингуляриев (т. е. набранных по одному).

188. Ср. II, 22.

189. Вангионы жили в округе теперешнего г. Вормса, трибоки — в Эльзасе; племя церакатов в других источниках не упоминается; если принять мнение, согласно которому в этом этнониме надо видеть искаженное наименование племени сараватов, то местом их обитания должна была быть долина р. Саар.

190. Эти солдаты входили прежде в состав гарнизона Могунциака. Ср. гл. 59.

191. Ныне г. Бинген на Рейне, неподалеку от Майнца.

192. I и XVI. Ср. гл. 62.

193. Медиоматрики жили по верхнему течению Мозели, в районе нынешнего г. Меца.

194. См. гл. 59.

195. I и XVI.

196. Остатки IV и XXII легионов.

197. Ныне Риоль, неподалеку от Трира.

198. Т. е. лингонов и тревиров.

199. См. прим. 168.

200. Речь идет о событиях 50-х годов I в. до н. э., изложенных в «Записках о галльской войне» Цезаря.

201. Войны с германцами, которые вели Друз, Тиберий и Германик в 14 г. до н. э. — 16 г. н. э.

202. Ариовист — вождь германцев, призванный в 72 г. до н. э. галльским племенем арвернов, чтобы помочь им против эдуев, утвердился в Галлии, перевел из-за Рейна огромную армию и стал взимать дань с галльских племен. Он был разбит и изгнан из Галлии лишь Цезарем в 58 г. до н. э.

203. Согласно римским литературным традициям, входящие в историческое сочинение речи могли иметь мало, а подчас и ничего общего с реальными выступлениями государственных деятелей, о которых в данном случае идет рассказ. «Вставленные в повествование речи, — писал о Таците академик Жебелев, — свободная композиция самого историка: ими он пользуется для того, чтобы высказать в них свои личные мнения и соображения» (Римская империя. Пгр., 1923, стр. 24). Речь Цериала и является наиболее концентрированным и прямым выражением взглядов Тацита на характер и историческую роль Римского государства. Исходным положением является противопоставление галлов, издавна покоренных Римом, германцам, сохранившим свою независимость. Свобода от римского владычества, которую Цивилис и германцы выдвигали как основную цель войны, неотделима для Цериала (т. е. для Тацита) от «страсти к грабежам, алчности и любви к скитаниям»; свобода, другими словами, есть форма дикости, форма доцивилизованного и догосударственного состояния, «война всех со всеми». Связав свою судьбу с Римом, галлы становятся на противоположный путь — на путь цивилизации и мира, достижение которых, однако, возможно лишь в рамках государства, в частности наиболее развитого государства древности, Римского, и тем самым неизбежно связано с утратой «дикой воли». Воплощением Римского государства являются императоры: они могут быть хороши или дурны, но только благодаря находящейся в их руках военной силе в бескрайней империи царят хотя бы относительный мир и порядок. Альтернативой цивилизации, основанной на подчинении целому и ограничении частных интересов, является лишь «дикая свобода» и хаос постоянных междоусобных войн. Отсюда — сочетание у Тацита трезвой оценки принципов, в которых он в большинстве видит кровожадных тиранов, ясного представления о завоевательных войнах Рима как войнах грабительских и отрицательного отношения к антиправительственной деятельности в Риме и сепаратизму в провинциях. Этот взгляд характерен для Тацита не только в «Истории», но и в других сочинениях и образует одну из основ его мировоззрения.

204. Т. е. Валентина (ср. гл. 69).

205. Колония находилась на правом берегу р. Мозели, лагерь — на левом, дабы прикрывать город с севера, откуда шли войска Цивилиса. Горы здесь вплотную подходили к лагерю, и, двигаясь отчасти по ним, отчасти вверх по течению реки, белги вторглись в лагерь, разгромили его и, продолжая наступление, заняли мост, ведущий в город. В таком положении и застал сражающихся Цериал.

206. Солдаты XVI легиона, о которых здесь идет речь, считали изменниками и Гордесония Флакка (гл. 36), и Диллия Вокулу (гл. 59).

207. См. гл. 59 и 70.

208. Германское племя хавков занимало земли к западу от фризов (см. прим. 43), между нижним течением Эмса и низовьями Везера.

209. Тольбиак (ныне Тюльпих) — поселение в земле убиев, в 12 римских милях (около 17 км) к юго-западу от Агриппиновой колонии.

210. См. гл. 68.

211. По-видимому, Германика (II, 59).

212. См. II, 86.

213. См. III, 13 и сл.

214. Ровные и постоянные ветры, благоприятствующие плаванию из Египта в Рим, устанавливаются 27 мая. Веспасиан, таким образом, провел в Египте конец зимы и весну 70 г.

215. Т. е. Сераписа. Культ этого синкретического божества, соединявшего в себе черты египетского бога плодородия Озириса и греческого бога подземного царства Аида (отчасти и Зевса), был создан в IV в. до н. э. и благодаря своему интернациональному характеру получил весьма широкое распространение. Императоры из династий Флавиев и Антонинов официально покровительствовали ему. Некоторые элементы культа Сераписа, прежде всего аскетизм, были восприняты христианством.

216. Имя Басиайд происходит от греч. «басилевс» — царь. Ср. II, 78, где императорскую власть предсказывает Веспасиану жрец также по имени Басиайд. Такое совпадение могло бы указывать на фольклорный характер этого мотива.

217. Сераписа.

218. Птолемей I Сотер (366—283 гг. до н. э.) — полководец Александра Македонского, получивший после смерти последнего в правление Египет и стремившийся создать здесь синкретическую греко-египетскую культуру и цивилизацию. С этой точки зрения весьма показательна приводимая Тацитом легенда, в которой Птолемей выступает как создатель синкретического культа Сераписа.

219. Александрия была основана в 331 г. до н. э.

220. См. прим. 102 к книге III.

221. Аттический жреческий род, из которого, в частности, выходили жрецы Элевсинской Деметры.

222. Синопа — город на черноморском побережье Турции, старейшая греческая колония, основанная жителями г. Милета в 751 г. до н. э., впоследствии столица Понта.

223. Под именем Дита Юпитер почитался как бог подземного царства.

224. Прозерпина — римское имя Персефоны, богини плодородия и одновременно подземного царства. В качестве последней она была женой Аида, ассоциировавшегося у римлян с Дитом.

225. Греко-римский религиозный синкретизм привел к слиянию и переосмыслению многих мифов, в результате которого понятие отношения в пределах греко-римского пантеона не всегда легко. Персефона-Прозерпина, о которой идет речь в данной главе, — жена Аида и тем самым Юпитера (Дита), но в то же время она дочь Зевса (т. е. Юпитера) от Деметры и потому сестра Аполлона, сына Зевса от Леты.

226. Примыкающий к верфям район Александрии.

227. Селевкия Пизирская — приморский город и крепость в Сирии в 3 милях от Антиохии.

228. Птолемей III Эвергет — царь Египта, правивший с 247 по 221 г.

229. О захвате его в плен см. гл. 71.

230. Характерно для отношения Тацита к Домициану, что он не повторяет содержания у Иосифа Флавия (Иудейская война, VII, 4, 2) и Силия Италика (Пунические войны, III, 607) сообщения, согласно которому якобы батавы сдались на милость победителя, едва только Домициан вступил в Нарбоннскую провинцию.

Книга пятая

Январь—сентябрь 70 г.

1. 70 г. н. э.

2. Тит служил военным трибуном в Германии и Британии, а после квестуры командовал легионом в Иудее.

3. XV Аполлонов, X Сокрушительный и V Македонский, который не следует смешивать с V Алауда, стоявшим в Нижней Германии и игравшим важную роль в восстании Цивилиса.

4. См. прим. 15 к книге II.

5. Следующий дальше рассказ о происхождении евреев и г. Иерусалима основан на сочинениях Хэрмона и Лисимаха (ср.: Иосиф Флавий. О древностях иудейского народа, I, 32 и 34) и научной ценности не имеет.

6. Сатурн римлян отождествлялся с Кроном греков, пожиравшим своих детей и свергнутым единственным спасшимся из них — Зевсом (Юпитером). Распространенное в древности представление о том, что евреи — народ Сатурна, могло иметь несколько оснований: евреи поражали всех своим обыкновением не работать по субботам, суббота же у греков считалась днем, посвященным Крону (Сатурну); евреи были известны своим чадолобием и заботами об увеличении потомства, а от планеты Сатурн, по взглядам астрологов, зависела способность к деторождению. (С этим, между прочим, связано представление о Сатурне как о «самой высокой и самой могучей» из планет, — см. ниже, гл. 4); на Крите Крон ассоциировался с Передней Азией и отождествлялся с Молохом финикийцев, непосредственных соседей евреев.

7. Илиада, VI, 184; Одиссея, V, 282.

8. Явные противоречия, содержащиеся в излагаемых Тацитом наставлениях Монсея, неоднократно отмечались комментаторами.

9. Поклонение изображениям осла приписывалось также ранним христианам. Ср.: Тертуллиан. Апология, 16.

10. Баран был священным животным древнеегипетского бога Аммона.

11. «В Египте вместо божества почитают быка, которого называют Аписом» (Планий Старший. Естественная история, VIII, 46, 184).

12. Скорее всего, имеется в виду закон, принятый в 622 г. до н. э. царем Иосией, согласно которому срок долгового рабства у евреев ограничивался 6 годами и каждый седьмой год рабы этой категории отпускались на волю.

13. См. прим. 6.

14. У римлян убивать и выбрасывать младенцев, родившихся после смерти отца, уродов, вообще почему-либо неугодных родителям, не считалось преступлением. Ср.: Светоний. Калигула, 5; Сенека. О гневе, I, 15, 2.

15. Тацит указывает здесь границы не Иудеи, а всей Палестины. Дальнейшее описание, в частности, гораздо больше относится к Северной Палестине (Галилее), чем к Южной (собственно Иудее).

16. То же самое у Плиния Старшего (Естественная история, XII, 25, 115).

17. Тацит смешивает Ливан с южной частью Антиливана — Гермоном, вершина которого поднимается на 2853 м над ур. м. и со склонов которого берет начало р. Иордан.

18. Первое — заболоченное озеро Бар-эль-Гуле, второе — Генисаретское, или Ти-вериадское, третье — Мертвое море.

19. Имеется в виду минеральная смола, центром добычи которой Мертвое море было и в древности, и в новое время. Сбегающие с гор реки вымывают ее из породы и приносят в озеро, где она всплывает на поверхность, будучи легче здешней соленой маслянистой воды; используется как лак и как краситель.

20. На территории Палестины по крайней мере с начала V тысячелетия до н. э. сосуществовали и сменяли друг друга многочисленные, относительно высоко развитые цивилизации. Остатки поселений, исчезнувших задолго до появления здесь евреев, а тем более римлян, поражали воображение жителей и вызвали к жизни множество легенд. Ср. II, 78 и прим. 174 к книге II, также Библия, Книга бытия, XIX, 24, и мн. др.

21. Одна из многочисленных речек, текущих в Средиземное море с западных отрогов Ливана; впадает в море возле г. Акка (древняя Птолемаида).

22. С перерывами — с IX по IV в. до н. э.

23. Неясно. Попытками провести реформы в Иудее известен Антиох IV Эпифан (правил в 175—164 гг.), но он не имел никакого отношения к восстанию Аршакидов. С движением парфян за независимость, возглавляемым Аршаком (250 г. до н. э.), боролся Антиох II Теос, который, однако, никогда не занимался эллинизацией евреев. Либо Тацит смешивает два разных события, либо, как предполагали многие комментаторы, слова, касающиеся мятежа Аршакидов, прибавлены переписчиком.

24. Начиная с Аристобула, который короновался в 107 г. до н. э.

25. В 63 г. до н. э.

26. Вторжение Пакора в Палестину в 40 г. до н. э. было инспирировано Брутом и Кассием и являлось одной из мер, предпринятых сенатской партией в борьбе против Марка Антония.

27. В 38 г. до н. э. Вентидий и Созий были легатами Марка Антония.

28. Ирод Великий. Сын князька одной из областей Палестины, еще в молодости назначенный римлянами правителем Галилеи, он в 41 г. получил от Марка Антония звание тетрарха Иудеи, а в 40 г., по представлению Марка Антония и Октавиана Августа, римский сенат провозгласил его союзным Риму царем Иудеи. В 31 г. Август еще больше расширил его владения и фактически сделал его правителем и Сирии. Его преданность Риму, упорное стремление эллинизировать евреев, проводившееся им огромное строительство, вызывавшее безудержный рост налогов, наконец его не иудейское происхождение обусловили резко отрицательное отношение к нему всех слоев еврейского общества. Стремясь подавить оппозицию, стал на путь жесточайших репрессий, почему имя его и стало нарицательным для обозначения безжалостного тирана. Умер в 4 г. до н. э.

29. Публий Квинтилий Вар, ординарный консул 13 г. до н. э. (как коллега Тиберия), в 7—6 гг. — проконсул Африки, в 6—4 гг. — пропреторский легат Иудеи. В 9 г. н. э. предпринял поход в глубь Германии, закончившийся разгромом римской армии в Тевтобургском лесу, уничтожением 3 легионов (XVII, XVIII, XIX) и гибелью самого Вара.

30. Архелай, Ирод Антипа и Филипп.

31. Иудея, Самария и Идумея были объединены в римскую провинцию, получившую название Иудеи, в 7 г. н. э. Клавдий в 44 г. лишь увеличил ее территорию.

32. Антоний Феликс был вольноотпущенником императора Клавдия и братом его всесильного фаворита Палланта (Анналы, XII, 54). Назначенный в 52 г. (или несколько раньше) управлять центральной частью Иудеи, вскоре добился власти над всей провинцией; ему же было поручено командовать расположенными здесь военными силами. Правление его отличалось крайней жестокостью.

33. Мать императора Клавдия Антония была дочерью Марка Антония и сестры Октавиана Августа Октавии.

34. Гессий Флор, грек по происхождению, человек из окружения Нерона, с которым был связан через свою жену Клеопатру, ближайшую подругу Пoppей Сабины

(см. прим. 202 к книге I). Прокуратор Иудеи с 64 по 66 г., вымогатель и жесточайший тиран, своими репрессиями доведший евреев до восстания против римской власти.

35. Цестий Галл, консул-суффект 42 г., был пропреторским легатом провинции Сирии в 66—67 гг.

36. Риторическое преувеличение. Ряд городов-крепостей (Геродий, Масада и др.) были взяты лишь после падения Иерусалима.

37. Ср. гл. I. Примерно в апреле 70 г.

38. Иерусалим лежал на высоких холмах, образующих как бы мыс, — южную оконечность уходящей далеко на север горной системы. С востока, юга и запада он был ограничен глубокими долинами. Такая же долина прорезала город в долготном направлении и отделяла обширный западный холм (высотой 777 м), с лежащим на нем Верхним городом и царским дворцом, от узкого восточного (высота 744 м), на котором стоял Иерусалимский храм. С севера к городу примыкали еще 2 холма, на которых располагались предместья, и которые вошли в черту Иерусалима незадолго до описываемых событий: восточный, называвшийся Безета, и западный, по имени Голгофа; они как бы связывали город с тянувшимся на север горным массивом. При таком рельефе местности Иерусалим был уязвим лишь с севера, и именно здесь была создана особенно мощная система укреплений. Первая, внешняя, стена охватывала Безету и Голгофу с севера и примыкала одним концом к северо-восточному углу храма, другим — к северо-западному углу Верхнего города. Вторая стена проходила к югу от этих обеих возвышенностей; в ней было 14 башен, и в месте ее соединения с храмом на отвесной 20-метровой скале возвышалась квадратная Антониева башня. Наконец, особая стена, с 60 башнями, опоясывала Верхний город. Главным узлом обороны, однако, являлся храм, периметр которого был равен 1110 м. Его территория представляла собой искусственно насыпанное плато, охваченное со всех сторон стенами, сложенными из параллельных рядов огромных каменных глыб. По краям плато шли дворы и портики, окружавшие так называемый внутренний храм, с его особой оградой, за которой располагался сначала женский двор, и лишь за ним шла стена, отделявшая самое святилище.

Подойдя к столице Иудеи, Тит разбил лагерь к северо-западу от города, напротив Голгофы, т. е. там, где горы, на которых лежит Иерусалим, наименее круты.

39. Слова «известный также под именем Баргиора» — скорее всего, позднейшая вставка.

40. Названные Тацитом полководцы представляли различные партии, и вражда между ними носила политический и классовый характер. Симон и Иоанн возглавляли отряды крестьян из Галилеи и Идумеи; крестьяне эти особенно страдали от двойного гнета местной знати и римлян, ненавидели богатых иерусалимских купцов и чиновников и нередко переходили к открытому террору против них. Елеазар бен Шимон был выдвинут иерусалимской партией умеренных.

41. На пасху 70 г.

42. См. IV, 79.

43. Т. е. в Старые лагеря.

44. См. прим. 66 к книге IV.

45. См. прим. 28 к книге II.

46. VI Победоносный стоял в 68 г. в Тарраконской Испании и первым провозгласил Гальбу императором.

47. См. IV, 68.

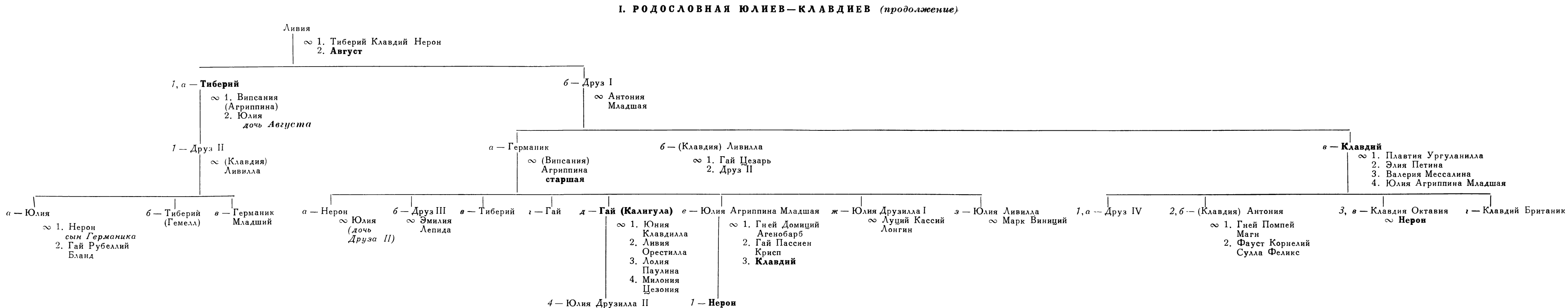
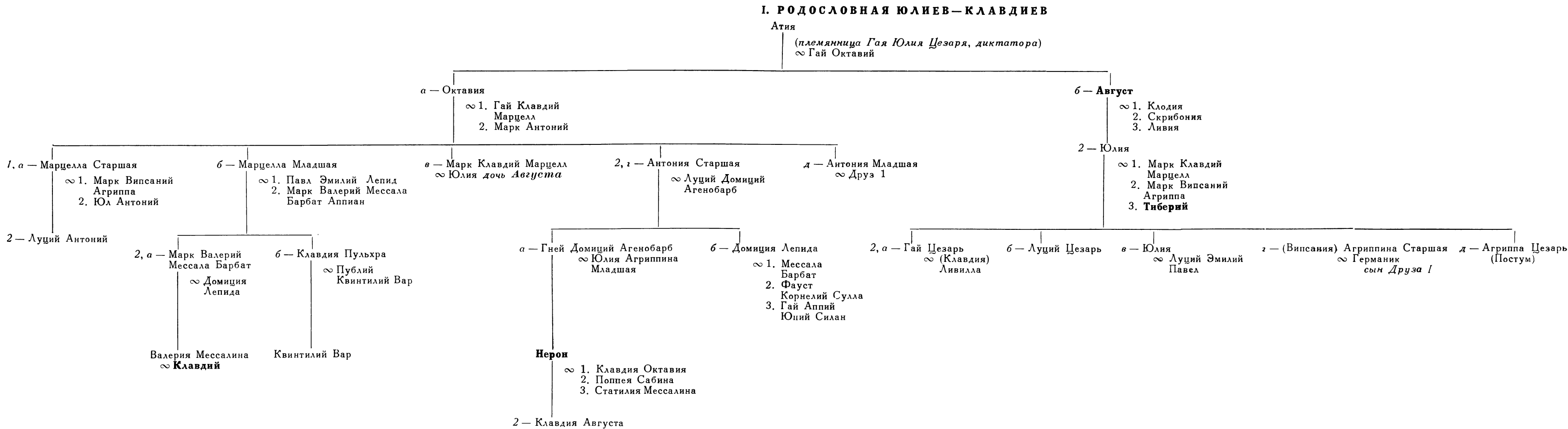
48. См. IV, 60.

49. См. IV, 77 и сл.

50. Наместнику Верхней Германии. См. IV, 68.

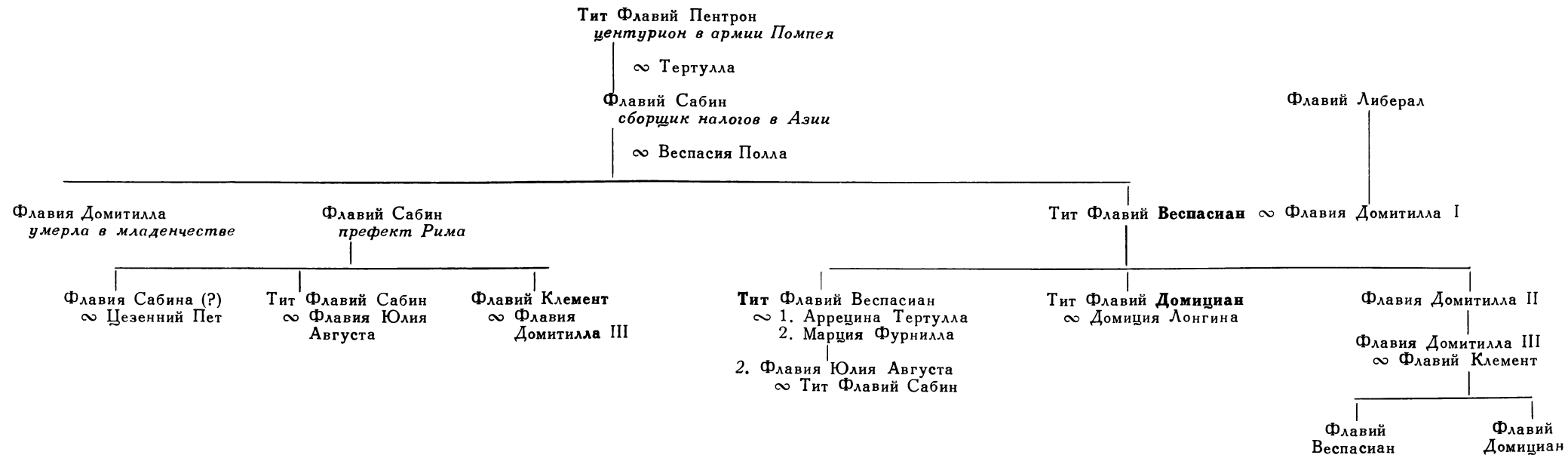
51. Остров в устье Рейна, на котором находились поселения батавов.

52. Друг, брат Тиберия и пасынок Августа, начал сооружение этой дамбы в 9 г. до н. э., окончена она была Помпеем Паулином в 55 г. н. э. Она удерживала воду в основном русле Рейна и не давала ей переполнять южный рукав рейнского устья.

Примечания (к обеим таблицам). 1. Арабскими цифрами обозначены последовательные браки одного лица и дети от каждого данного брака. 2. Буквами а, б и т. д. в генеалогии Юлиев—Клавдиев обозначены в порядке рождения дети одного лица. 3. Имена принцев даны полужирным. 4. Каждая горизонтальная строка — лица одного поколения.

II. РОДОСЛОВНАЯ ФЛАВИЕВ

53. См. III, 35 и IV, 31 сл.
54. По всей вероятности, ныне г. Арнем в Голландии.
55. Батаводур — возле современного голландского города Неймеген. Гринны и Вада — к западу от Батаводура. Точное их местоположение неизвестно.
56. См. IV, 70.
57. Р. Ваал, которая здесь имеется в виду, представляет собой южный рукав рейнского устья; поэтому в следующей фразе Тацит ее же называет Рейном.
58. Описываемые события, таким образом, происходят уже осенью 70 г.
59. Лупия — ныне р. Липпе, правый приток нижнего Рейна, о Веледе см. IV, 61.
60. Суда с 2 рядами гребцов.
61. Рукопись в этом месте явно испорчена. О быстроходных либурнских кораблях см. прим. 45 к книге II.
62. Делать сагум, короткий солдатский или дорожный плащ, пестрым — галльский обычай. Ср. II, 20, а также: Вергилий. Энеида, VIII, 660. Очевидно, подобные галльские черты в быту батавов Цивилис и имел в виду, когда из политических соображений называл своих соотечественников галльским племенем. Ср. IV, 17.
63. Моза (ныне р. Маас в Голландии) не впадает в Рейн. Имеется в виду одно из ее ответвлений, сливающееся с р. Лек, продолжающей на запад основное течение Рейна.
64. На этот раз, по-видимому, за основное течение Рейна, т. е. в земли фризов или бруктеров. Это и дало основание Церялу называть Цивилиса «бездомным бродягой», а батавов — «скитающимися вдали от родных мест» (ср. следующую главу).
65. См. IV, 60.
66. Намек на Веледу.
67. В других источниках эта река не упоминается, отождествить ее с какой-либо из рек современной Голландии не удастся.
68. См. IV, 13 и 32.
69. Здесь обрывается основная рукопись «Истории», так называемая Медицейская. Вторая дошедшая до нас рукопись этого произведения, так называемая Лейденская, обрывается на середине гл. 23 книги V (после слов: «... размерами кораблей»).

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

В указателе приводятся римские собственные имена, состоящие из личного имени (praenomen), родового имени (nomen) и прозвища ветви рода (cognomen), за исключением имен императоров, под родовым именем, за которым сначала следует прозвище (или прозвища) ветви рода и затем личное имя. Упомянув тех или иных лиц, Тацит часто не называет их полного имени; в таких случаях, при отсутствии дополнительных данных, указатель воспроизводит их имена в том виде, в каком они даны Тацитом. Названия сочинений Тацита обозначены в указателе сокращенно: **Ан.** — «Анналы», **И.** — «История», **Г.** — «О происхождении германцев и местоположении Германии», **А.** — «Жизнеописание Агриколы» и **О.** — «Диалог об ораторах»; римские цифры отсылают к книге, арабские — к главе соответствующих сочинений.

Абд — влиятельный сановник при парфянском дворе. **Ан.**, VI, 31, 32.

Абдагез — парфянский сановник. **Ан.**, VI, 36, 37, 43, 44.

Абноба — горная цепь в Германии (часть нынешнего Шварцвальда). **Г.**, 1.

Аборигены — согласно римской исторической традиции, древнее племя, населявшее Италию до прибытия троянцев. **Ан.**, XI, 14.

Абудий Рузон — бывший эдил, обвинитель Лентула Гетулика. **Ан.**, VI, 30.

Август — (букв. божественный, счастливый) — титул принцевсов после Октавиана Августа. **И.**, I, 47; II, 62, 80, 90.

Август Октавиан — римский император (годы правления: 43 г. до н. э. — 14 г. н. э.). **Ан.**, I, 1, 3—16, 19, 26, 31, 33—35, 40—43, 46, 50, 53, 54, 58, 59, 72—74, 76—78; II, 1, 4, 22, 26, 27, 37—39, 41—43, 49, 50, 53, 55, 59, 64, 71; III, 4—6, 16, 18, 23—25, 28, 29, 34, 48, 54, 56, 62—64, 66, 68, 71, 72, 74, 75; IV, 1, 3, 5, 8, 15, 16, 20, 34, 36—40, 42, 44, 52, 55, 57, 64, 67, 71, 75; V, 1;

VI, 3, 11—13, 45, 46, 51; XI, 7, 11, 25; XII, 11, 23, 25, 56, 60, 64, 69; XIII, 1, 3, 6, 19, 29, 34; XIV, 15, 53, 55; XV, 35; XVI, 22. **И.**, I, 11, 15, 18, 50, 89, 90; II, 76; III, 66; IV, 17, 23, 48, 57; V, 9. **Ан.**, 13. **О.**, 13, 17, 38.

Августа — титул матерей, жен и дочерей римских императоров после Октавиана Августа. **И.**, II, 89.

Августа — см. Ливия Друзилла или Клавдия Августа.

Августа Тавринов — город лигурийского племени тавринов, ныне Турин. **И.**, II, 66.

Августодун — главный город племени треверов, ныне Отен (Франция). **Ан.**, III, 43—46.

Авентик — главный город племени гелветов, ныне Аванш. **И.**, I, 68.

Авентин, или Авентинский холм — один из 7 холмов, на которых был расположен древний Рим. **Ан.**, VI, 45. **И.**, III, 70, 84.

Авернское озеро — озеро близ г. Кум в Кампании, ныне Аверно. **Ан.**, XV, 42.

- Авзеза — укрепление в Нумидии (местоположение не установлено). **Ан.**, IV, 25.
- Авионы — небольшое германское племя, заселявшее острова вдоль западного побережья Ютландского полуострова. **Г.**, 40.
- Авл Атилий см. Атилий Калатин, Авл.
- Авл Вителлий см. Вителлий, Авл.
- Авл Плавтий см. Плавтий, Авл.
- Авл Постумий см. Постумий, Авл, или Постумий Туберт, Авл.
- Авл Цецина см. Цецина Север, Авл.
- Авона — река в Британии, ныне Эвон. **Ан.**, XII, 31.
- Аврелий Котта (Мессалин), Марк — друг Овидия, консул 20 г. н. э. **Ан.**, II, 32; III, 2, 17; IV, 20; V, 3; VI, 5, 7; XII, 22.
- Аврелий Котта — предположительно сын Марка Аврелия Котты, консула 20 г. н. э. **Ан.**, XIII, 34.
- Аврелий Пий — сенатор. **Ан.**, I, 75.
- Аврелий Скавр, Марк — римский военачальник, разбитый кимврами в 105 г. до н. э., попавший к ним в плен и убитый кимврским царем Бойоригом. **Г.**, 37.
- Аврелий Фульв — командир легиона. **И.**, I, 79.
- Аврелия — мать Юлия Цезаря. **О.**, 28.
- Аврелия — весталка. **Ан.**, XV, 22.
- Авфидиен Руф — префект лагеря паннонских легионов в 14 г. н. э. **Ан.**, I, 20.
- Авфидий Басс — крупный римский историк I в. н. э. **О.**, 23.
- Агамемнон — сын Атрея, царь Микен и Аргоса; возглавлял греков во время осады Трои; по возвращении из Трои был убит своей женой Клитемнестрой и ее любовником Эгисфом (греч. мифология). **О.**, 9.
- Агерин — вольноотпущенник Агриппины. **Ан.**, XIV, 6—8, 10.
- Агрикола см. Юлий Агрикола.
- Агриппа см. Випсаний Агриппа, Марк, или Гатерий Агриппа, или Ирод Агриппа.
- Агриппа Постум — сын Випсания Агриппы и Юлии Старшей, родившийся после смерти отца (отсюда прозвание Постум, что означает «посмертный»), внук Августа, отправленный им в изгнание на о. Планазию в 7 г. н. э. и умерщвленный по приказу Тиберия в 14 г. **Ан.**, I, 3—6, 53; II, 39, 40; III, 30.
- Агриппин см. Паконий Агриппин.
- Агриппина (Старшая) — внучка Августа, дочь Марка Випсания Агриппы и Юлии, жена Германика, мать Калигулы, сосланная Тиберием на о. Пандатерию (у берегов Кампании) и умершая там в 33 г. н. э. **Ан.**, I, 33, 41, 44, 69; II, 43, 54, 55, 57, 75, 77, 79; III, 1, 3, 4, 17, 18; IV, 12, 17, 19, 39, 40, 52—54, 60, 67, 68, 70, 71, V, 1, 3, 4; VI, 25, 26; XIV, 63.
- Агриппина (Младшая) — дочь Германика, мать Нерона, жена Клавдия (15—59 гг. н. э.). **Ан.**, IV, 53, 75; XI, 12; XII, 1—8, 22, 25—27, 37, 41, 42, 56, 57, 59, 64—69; XIII, 1, 2, 5, 13—16, 19—21; XIV, 1—5, 7—10, 12, 13, 57, 64; XV, 50; XVI, 14, 21.
- Агриппинова колония — город племени убиев, в 50 г. н. э. получивший это название по имени Агриппины, жены Клавдия, матери Нерона, дочери Германика, родившейся там (ныне Кёльн). **И.**, I, 56, 57; IV, 20, 25, 55, 56, 59, 63—66, 79.
- Агриппинцы — убии, обитавшие в Агриппиновой колонии и в ближайших поселениях. **И.**, IV, 28. **Г.**, 28.
- Адгандестрий — вождь хаттов. **Ан.**, II, 88.
- Адиабена — область на севере Ассирии. **Ан.**, XII, 14.
- Адиабенцы — жители Адиабены. **Ан.**, XII, 13; XV, 1, 2, 4, 14.
- Адрана — река в северо-западной Германии (ныне Эдер). **Ан.**, I, 56.
- Адриатическое море. **Ан.**, II, 53; XV, 34. **И.**, III, 2, 42.
- Адрумет — город в Северной Африке. **Ан.**, XI, 21. **И.**, IV, 50.
- Адуа — приток р. Пад, ныне Адда. **И.**, II, 40.
- Азиатик — вождь галлов. **И.**, II, 94.
- Азиатик — вольноотпущенник имп. Вителлия. **И.**, II, 57, 95; IV, 11.
- Азиний см. Азиний Поллион.
- Азиний Агриппа, Марк — сын Азиния Галла, консул 25 г. н. э. **Ан.**, IV, 34, 61.
- Азиний Галл, Гай — сын известного исто-

- рика, оратора и поэта Азиния Поллона, оратор, консул 8 г. до н. э.; умер в заключении в 33 г. **Ан.**, I, 8, 12, 13, 76, 77; II, 32, 33, 35, 36; III, 11; IV, 20, 30, 71; VI, 23, 25.
- Азиний Марцелл — соучастник в деле Валерия Фабиана, правнук Азиния Поллона. **Ан.**, XIV, 40.
- Азиний Марцелл, Марк — консул 54 г. н. э. **Ан.**, XII, 64.
- Азиний Поллион — начальник конницы в Мавритании в 69 г. н. э. **И.**, II, 59.
- Азиний Поллион, Гай — политический деятель, историк, оратор, поэт (76 г. до н. э.—5 г. н. э.). **Ан.**, I, 12; III, 75; IV, 34; XI, 6, 7; XIV, 40. **О.**, 12, 15, 17, 21, 25, 26, 34, 38.
- Азиний Поллион, Гай — сын Азиния Галла, консул 23 г. н. э. **Ан.**, IV, 1.
- Азиний Салоний — сын Азиния Галла. **Ан.**, III, 75.
- Азийский — о нем ничего неизвестно; речь Кальва в его защиту не сохранилась. **О.**, 21.
- Азия — часть света. **Ан.**, XII, 63.
- Азия — римская провинция. В ее состав входили Мисия (Мизия), Лидия, Кария, Фригия (западная часть М. Азии). **Ан.**, II, 47, 54; III, 7, 32, 58, 66—68, 71; IV, 13—15, 36, 37, 55, 56; V, 10; XIII, 1, 33, 43; XIV, 21, 22, 27, 57, 58; XV, 45; XVI, 10, 13, 23, 30. **И.**, I, 10; II, 2, 6, 8, 9, 81, 83; III, 46; IV, 17. **Г.**, 2. **А.**, 6, 42. **О.**, 10, 30.
- Акбар — царь арабов. **Ан.**, XII, 12, 14.
- Аквила см. Юлий Аквила.
- Аквилея — город на северном побережье Адриатического моря. **И.**, II, 46, 85; III, 6, 8.
- Аквилий — центурион. **И.**, IV, 15.
- Аквилий Регул — предположительно сводный брат Випстана Мессалы, защищавший его в сенате в правление имп. Веспасиана. **И.**, IV, 42.
- Аквилія — любовница Вария Лигура. **Ан.**, IV, 42.
- Аквин — город в юго-восточном Лацин, ныне Аквино. **И.**, I, 88; II, 63.
- Аквинская колония см. Аквин.
- Аквитания — римская провинция на юго-западе Галлии, от Пиренеев до р. Луары. **И.**, I, 76; **А.**, 9.
- Акрат — вольноотпущенник Нерона, назначенный им в провинции для изъятия храмовых ценностей. **Ан.**, XV, 45; XVI, 23.
- Акте — вольноотпущенница, наложница Нерона. **Ан.**, XIII, 12, 46; XIV, 2.
- Актийский залив — залив близ города Актія в Акарнании (Греция). **Ан.**, II, 53.
- Актумер — вождь хаттов, дед Италика. **Ан.**, XI, 16, 17.
- Акуция — бывшая жена Публия Вителлия, легата Германика. **Ан.**, VI, 47.
- Акий — город и мыс в Акарнании (северная Греция), возле которого в 31 г. до н. э. Октавиан нанес решительное поражение Антонию и Клеопатре. **Ан.**, I, 3, 42; III, 55; IV, 5. **И.**, I, 1.
- Алезия — укрепленный город галльского племени мандубиев в Лугдунской Галлии, осажденный в 52 г. до н. э. Юлием Цезарем. **Ан.**, XI, 23.
- Александр Македонский, или Великий — сын Филиппа II, основатель Македонской империи (годы правления: 336—323 до н. э.). **Ан.**, II, 73; III, 63; VI, 31; XII, 13. **О.**, 16.
- Александрия — город в Египте близ западного рукава Нила. **Ан.**, II, 59, 67. **И.**, I, 31; II, 79; III, 48; IV, 81—84; V, 1.
- Алиен Цецина — консул-суффект, 69 г. н. э., военачальник имп. Вителлия. **И.**, I, 52, 53, 61, 67, 68, 70, 89; II, 11, 17—27, 30, 31, 34, 41, 43, 51, 55, 56, 59, 67, 70, 71, 77, 92, 93, 95, 99—101; III, 8, 9, 13—15, 31, 32, 36, 37, 39, 40; IV, 31, 80.
- Ализон — римский укрепленный пункт на западе Германии, как предполагают, у места слияния рр. Липпе и Агзе или у места впадения р. Штевер в Липпе. **Ан.**, II, 7.
- Алки — братья-близнецы, помогающие людям в любой нужде (герм. мифология). **Г.**, 43.
- Алледий Севео — римский всадник, по примеру Клавдия женившийся на племяннице. **Ан.**, XII, 7.
- Аллиария — жена Тиберия Семпрония Гракха. **Ан.**, I, 53.
- Аллоброги — кельтское племя, обитавшее в Нарбоннской Галлии. **И.**, I, 66.
- Алфен Вар — начальник преторианцев, назначенный на эту должность имп. Вителлием в 69 г. **И.**, II, 29, 43; III, 36, 55, 61; IV, 11.

- Альба Лонга — древнейший город в области Лаций, «колыбель» латинов. **Ан.**, IV, 9; XI, 24.
- Альбанские горы — отроги Кавказского хребта, подступающие к Каспийскому морю. **Ан.**, VI, 33.
- Альбаны — обитатели Альбании, страны на юго-западном берегу Каспийского моря, на рр. Кура и Аракс. **Ан.**, II, 68; IV, 5; VI, 33—35; XII, 45; XIII, 41. **И.**, 1, 6.
- Альбигаун — главный город лигурийского племени ингаунов, ныне Альбенго. **И.**, II, 15.
- Альбинтимилий — город на северо-западе Италии, в Лигурии. **И.**, II, 13.
- Альбис — река в Германии (ныне Эльба, или Лаба). **Ан.**, I, 59; II, 14, 19, 22, 41; IV, 44. **Г.**, 41.
- Альбуна — провидица, пользовавшаяся большим почетом среди германцев. **Г.**, 8.
- Альбуцилла — вдова Сатрия Секунда, разоблачившего Сеяна. **Ан.**, VI, 47, 48.
- Альпиний, Децим — брат Альпиния Монтана. **И.**, V, 19.
- Альпиний Монтан — командир когорты, родом тревр. **И.**, III, 35; IV, 31, 32; V, 19.
- Альпы — горная цепь в южной половине центральной Европы. **Ан.**, XI, 24; XV, 32. **И.**, I, 23, 66, 70, 89; II, 11, 17, 20, 32, 66; III, 1, 34, 35, 53; IV, 55, 85; V, 26.
- Альпы см. также Альпы Грайские, Коттийские, Паннонские, Пеннинские, Приморские, Ретийские и Юлиевы.
- Альпы Грайские — часть Западных Альп к югу от Монблана. **И.**, II, 66; IV, 68.
- Альпы Коттийские — часть горной системы Альп в южной Галлии. **И.**, I, 61, 87; IV, 68.
- Альпы Паннонские — часть Восточных Альп. **И.**, II, 98; III, 1.
- Альпы Пеннинские — часть Западных Альп в нынешней Швейцарии и Италии, между перевалами Симплонским и Большим Сен-Бернаром. **И.**, I, 70, 87; IV, 68.
- Альпы Приморские — западные отроги Альп от верховьев р. Танар (ныне Танаро) до побережья Средиземного моря. **Ан.**, XV, 32. **И.**, II, 12; III, 42.
- Альпы Ретийские — часть Центральных, или Швейцарских, Альп к востоку от оз. Комо. **Г.**, 1.
- Альпы Юлиевы — отроги Альп между Италией и нынешним Тиролем. **И.**, III, 8.
- Альтин — город в северной Италии на Адриатическом море, ныне Альтино. **И.**, III, 6.
- Амазонки — легендарное племя воинственных женщин, живших обособленно от мужчин на Кавказе и на берегах р. Фермодонт в Понтийском царстве (греч. мифология). **Ан.**, III, 61; IV, 56.
- Аман — Аманский горный хребет в Сирии. **Ан.**, II, 83.
- Амасис (Яхмос II) — египетский царь (569—525 гг. до н. э.). **Ан.**, VI, 28.
- Амафунт — основатель г. Амафунта на о. Кипре, сын царя Аэрии. **Ан.**, III, 62.
- Амбивий Турпион — известный римский актер времен Теренция (II в. до н. э.). **О.**, 20.
- Амизия — река в Германии в области бруктеров (ныне Эмс). **Ан.**, I, 60, 63; II, 8, 23.
- Аммон — верховный бог древних египтян, отождествленный греками с Зевсом, римлянами — с Юпитером. **И.**, V, 3, 4.
- Аморг — остров в группе Кикладских островов, ныне Амурго. **Ан.**, IV, 13, 30.
- Ампсиварии — германское племя, первоначально обитавшее к западу от р. Амизии. **Ан.**, XIII, 55, 56.
- Амуллий Серен — центурион. **И.**, I, 31.
- Амункланское море — залив к югу от Таррацины, названный так по г. Амунклы. **Ан.**, IV, 59.
- Анагния — город в Лации, ныне Ананьи. **И.**, III, 62.
- Англии — германское племя, обитавшее к северу от нижнего течения р. Эльбы. **Г.**, 40.
- Ангриварии — германское племя, обитавшее между рр. Эмсом и Везером. **Ан.**, II, 8, 19, 22, 24, 41. **Г.**, 33, 34.
- Андекавы — галльское племя, обитавшее на правом берегу Нижнего Лигера (ныне р. Луара), в области, ныне называемой Анжу. **Ан.**, III, 41.
- Анемурий — город в Киликии на Средиземном море, ныне Анемур. **Ан.**, XII, 55.

- Аникет — вольноотпущенник царя понтийского Полемона. **И.**, III, 47, 48.
- Аникет — вольноотпущенник имп. Нерона, начальник Мизенского флота. **Ан.**, XIV, 3, 7, 8, 62.
- Аниций Цериал — сенатор, избранный консулом на 66 г. н. э. и вынужденный лишиться себя жизни до вступления в должность. **Ан.**, XV, 74; XVI, 17.
- Анк Марций — согласно римской исторической традиции, четвертый царь римлян, преемник Тулла Гостилия. **Ан.**, III, 26.
- Анкаона — город в северном Пицене, ныне Анкона. **Ан.**, II, 9.
- Анней Лукан, Марк — племянник Луция Аннея Сенеки, поэт, автор поэмы «Фарсалия», участник заговора Пизона. **Ан.**, XV, 49, 56, 57, 70, 71; XVI, 17 **О.**, 20.
- Анней Мела — римский всадник, сенатор, брат Аннея Сенеки и Юния Галлиона, отец Аннея Лукана. **Ан.**, XVI, 17.
- Анней Сенека (Младший), Луций — сын Сенеки Старшего, писатель, философ, политический деятель, воспитатель Нерона. **Ан.**, XII 8; XIII, 2, 3—6, 11, 13, 14, 20, 21, 42, 43; XIV, 2, 7, 11, 14, 52, 53, 56, 57, 65; XV, 23, 45, 56, 60, 61—65, 67, 71, 73; XVI, 17.
- Анней Серен — друг Сенеки Младшего. **Ан.**, XIII, 13.
- Анней Юний Галлион, Луций — брат Сенеки Младшего, оратор, консул-суффект в неустановленном году, покончил самоубийством при Нероне. **Ан.**, XV, 73; XVI, 17.
- Анний Басс — командир XI легиона в 69 г. н. э. **И.**, III, 50.
- Анний Винициан — зять Домиция Корбулона. **Ан.**, XV, 28.
- Анний Галл — военачальник имп. Отона. **И.**, I 87; II, 11, 23, 33, 44; IV, 68; V, 19.
- Анний Милон, Тит — народный трибун в 57 г. до н. э.; за убийство своего политического противника Публия Клодия в 52 г. был привлечен к суду и, несмотря на защиту Цицерона, приговорен к изгнанию. **О.**, 37, 39.
- Анний Поллион — консул-суффект в неустановленном году. **Ан.**, VI, 9.
- Анний Поллион — друг Клавдия Сенециона. **Ан.**, XV, 56, 71; XVI, 30.
- Анний Поллион Винициан — сын Анния Поллиона, консула-суффекта в неустановленном году. **Ан.**, VI, 9.
- Анний Фавст — римский всадник, известный доносчик при Нероне, в 69 г. н. э. обвиненный в сенате Вибием Криспом. **И.**, II, 10.
- Анния Руфилла — некая римлянка, поносившая на суде сенатора Гая Цестия, угрожавшая ему клеветническим обвинением и за это заключенная Друзом Младшим в темницу **Ан.**, III, 36.
- Антей — военачальник Германика, занимавшийся, по его приказанию, постройкой судов. **Ан.**, II, 6.
- Антей. Публий — консул-суффект в неустановленном году. **Ан.**, XIII, 22; XVI, 14.
- Аntenор — троянец, легендарный основатель г. Патавий. **Ан.**, XVI, 21.
- Антигон Дозон — царь македонский, овладевший Спартой после победы при Селасии в 222 г. до н. э. **Ан.**, IV, 43.
- Антиох III (Великий) — царь Сирии, в 195 г. до н. э. предоставивший убежище Ганнибалу, в 192 г. переправившийся в Грецию, упорно воевавший с Римом и только в 188 г., после поражения, заключивший мир с римлянами. **Ан.**, II, 63; III, 62; XII, 62.
- Антиох IV (Эпифан) — царь Сирии, при котором произошло восстание иудеев под предводительством Иуды Маккавея (167 г. до н. э.). **И.**, V, 8.
- Антиох — царь коммагенский (Коммагена — северная часть Сирии). **Ан.**, II, 42.
- Антиох — сын Антиоха, царя Коммагены, получивший Коммагену и часть Киликии от имп. Калигулы, смещенный им же, восстановленный на престоле имп. Клавдием и лишенный царской власти в 72 г. н. э. Веспасианом. **Ан.**, XII, 55; XIII, 7, 37; XIV, 26, **И.**, II, 81; V, 1.
- Антиохийцы — жители г. Антиохии, столицы Сирии. **Ан.**, II, 69, 73, 83. **И.**, 80.
- Антиохия — столица Сирии. **Ан.**, II, 83. **И.**, 78, 82.
- Антиполь (Антиполис) — город в Нарбоннской Галлии, ныне Антиб. **И.**, II, 15.

- Антистий Ветер — знатный македонянин, по происхождению, видимо, римлянин. **Ан.**, III, 38.
- Антистий Ветер (Старший), Гай — консул 23 г. н. э. **Ан.**, IV, 1.
- Антистий Ветер (Младший), Гай — консул 50 г. н. э., сын Гая Антистия Ветера, консула 23 г. **Ан.**, XII, 25.
- Антистий Ветер, Луций — консул 55 г. н. э., наместник Верхней Германии в 58 г., позднее провинции Азия. **Ан.**, XIII, 11, 53; XIV, 58; XVI, 10—12, 22.
- Антистий Лабеон, Марк — знаменитый законовед в эпоху имп. Августа, убежденный республиканец. **Ан.**, III, 75.
- Антистий Созиан — народный трибун в 56 г. н. э., претор в 62 г. **Ан.**, XIII, 28; XIV, 48; XVI, 14, 21. **И.**, IV, 44.
- Антистия Политта — жена Рубеллия Плавта, дочь Луция Антистия Ветера. **Ан.**, XIV, 22; XVI, 10.
- Антиева башня — крепостная башня в Иерусалиме, названная так Иродом Великим в честь Марка Антония. **И.**, V, 11.
- Антоний — знатный римский род. **И.**, III, 38.
- Антоний см. Антоний, Марк, или Антоний Прим.
- Антоний Кретик, Марк — отец триумвира, претор 75 г. до н. э. **Ан.**, XII, 62.
- Антоний, Луций — сын Антония Юла Младшего. **Ан.**, IV, 44.
- Антоний, Марк — консул 44 г. до н. э., сторонник Юлия Цезаря, после его убийства участник второго триумvirата (43 г.), покончил самоубийством в 30 г. **Ан.**, I, 1, 2, 9, 10; II, 2, 3, 43, 53, 55; III, 18; IV, 34, 43, 44; XI, 7. **И.**, II, 6; III, 24, 66; V, 9, 11. **О.**, 37.
- Антоний Назон — трибун преторианской когорты. **И.**, I, 20.
- Антоний Натал — римский всадник, участник заговора Пизона. **Ан.**, XV, 50, 54—56, 60, 61, 71.
- Антоний Новелл — центурион. **И.**, I, 87; II, 12.
- Антоний Прим — римский военачальник, сражавшийся на стороне Веспасиана во время гражданской войны 69 г. н. э. **Ан.**, XIV, 40. **И.**, II, 86; III, 2—4, 6—11, 13, 15—17, 18—21, 23—32, 34, 49, 52—54, 59, 60, 63, 64, 66, 78—82; IV, 2, 4, 11, 13, 24, 31, 32, 39, 68, 80; V, 19, 26.
- Антоний Тавр — трибун преторианской когорты. **И.**, I, 20.
- Антоний Феликс, Марк — брат Палланта, правитель Иудеи при имп. Клавдии. **Ан.**, XII, 54. **И.**, V, 9.
- Антоний Фламма — наместник провинции Крит и Киренаика. **И.**, IV, 45.
- Антоний Юл (Младший) — сын Антония, триумвира; за прелюбодеяние с Юлией, дочерью Августа и женой Тиберия, ему было предложено лишить себя жизни, что он и исполнил во 2 г. до н. э. **Ан.**, I, 10; III, 18; IV, 44.
- Антония (Старшая) — дочь Антония и Октавии, жена Луция Домиция Агенобарба, бабка имп. Нерона. **Ан.**, IV, 44; XII, 64.
- Антония (Младшая) — дочь Антония и Октавии, жена Друза Старшего, мать Германика и имп. Клавдия, бабка имп. Калигулы. **Ан.**, III, 3, 18; XI, 3; XIII, 18.
- Антония — дочь Клавдия и Элии Петины, казненная Нероном. **Ан.**, XII, 2, 68; XIII, 23; XV, 53.
- Анфемусия — город в Месопотамии. **Ан.**, VI, 41.
- Анхарий Приск — обвинитель наместника Крита Цезия Корда. **Ан.**, III, 38, 70.
- Анций — город в Лации, ныне Порто д'Анцо. **Ан.**, III, 71; XIV, 3, 4, 27; XV, 23.
- Анций, Гай — легат Германика. **Ан.**, II, 6.
- Аорсы — племя иранского происхождения, обитавшее на Северном Кавказе. **Ан.**, XII, 15, 16, 19.
- Апамея — город во Фригии. **Ан.**, XII, 58.
- Апеннинский хребет, или Апеннины — горная цепь в Италии. **И.**, III, 42, 50, 52, 55, 56, 59.
- Апидий Мерула — сенатор. **Ан.**, IV, 42.
- Апиката — жена Элия Сеяна. **Ан.**, IV, 3, 11.
- Апиний Тирон — бывший претор, сторонник Веспасиана во время гражданской войны. **И.**, III, 57, 76.
- Апион Птолемей — царь Кирены (в Северной Африке), передавший свое царство римлянам в 96 г. до н. э. **Ан.**, XIV, 18.
- Апис — священный бык в древнем Египте. **И.**, V, 4.

- Апиций см. Гавий, Марк.
 Аполлинарий см. Клавдий Аполлинарий.
 Аполлодор Пергамский — ритор, учитель имп. Августа, автор сочинения об ораторском искусстве, которое перевел на латинский язык поэт Валгий Руф. **О.**, 19.
 Аполлон — бог света, прорицания, поэзии, медицины, сын Юпитера и Латоны (греко-римск. мифология). **Ан.**, III, 61, 63; IV, 55; XIV, 14. **И.**, I, 27; III, 65. **О.**, 12.
 Аполлон Дельфийский — знаменитый храм Аполлону в Дельфах, со жрицей-прорицательницей, называемой Пифией. **Ан.**, XII, 63. **И.**, IV, 83.
 Аполлон Кларосский — храм Аполлону и оракул в г. Кларос (близ Колофона в М. Азии). **Ан.**, II, 54; XII, 22.
 Аполлон Пифийский см. Аполлон Дельфийский.
 Аполлониды — город в Лидии (М. Азия). **Ан.**, 47.
 Апониян см. Дилий Апониян.
 Апоний см. Апоний Сатурнин.
 Апоний, Луций — римский всадник, приближенный Друза Младшего. **Ан.**, I, 29.
 Апоний Сатурнин, Марк — наместник римской провинции Мезия в 69 г. н. э., бывший консул. **И.**, I, 79; II, 85, 96; III, 5, 9—11; V, 26.
 Аппиева дорога — дорога из Рима до Капуи, проложенная Аппием Клавдием Слепым в 312 г. до н. э., а при Траяне доведенная до Брундизия. **Ан.**, II, 30. **И.**, IV, 11.
 Аппий Аппиан — сенатор, исключенный Тиберием из senatorского сословия. **Ан.**, II, 48.
 Аппий Силан см. Юний Силан, Аппий.
 Аппий Слепой см. Клавдий Слепой, Аппий.
 Аппулей, Секст — консул 14 г. н. э. **Ан.**, I, 7.
 Аппулей Сатурнин, Луций — народный трибун в 103 и 100 гг. до н. э., вождь партии популяров, автор аграрного закона в интересах ветеранов, убит в 100 г. сторонниками партии оптиматов. **Ан.**, III, 27.
 Аппулея Варилла — внучка, как предполагают, сводной сестры Августа Октавии Старшей. **Ан.**, II, 50.
 Апр, Марк — судебный оратор, ритор (I в. н. э.), персонаж «Диалога об ораторах». **О.**, 2, 3, 5, 11, 12, 14—16, 24, 25—28, 33, 42.
 Апроний, Луций — легат Германика в 15 г. н. э., сенатор. **Ан.**, I, 56, 72; II, 32; III, 21, 64; IV, 13, 22, 73; VI, 30; XI, 19.
 Апроний Цезиан, Луций — сын Луция Апрония, проконсула Африки. **Ан.**, III, 21.
 Апрония — жена Плавтия Сильвана. **Ан.**, IV, 22.
 Апулия — область на юго-востоке Италии. **Ан.**, III, 2; IV, 71.
 Арабы — обитатели области Осроены в Месопотамии. **Ан.**, VI, 44; XII, 12, 14. **И.**, V, 1.
 Арависки — племя иллирийского происхождения, во времена Тацита обитавшее в Паннонии. **Г.**, 28.
 Аравия — полуостров в юго-западной Азии. **И.**, V, 6.
 Аракс — река в Армении. **Ан.**, XII, 51; XIII, 39.
 Арар — правый приток Роны, ныне Сона. **Ан.**, XIII, 53. **И.**, II, 59.
 Арверны — галльское племя в Аквитании. **И.**, IV, 17.
 Аргивяне — обитатели Арголиды, города и области в Греции. **Ан.**, XI, 14.
 Аргий — приближенный раб имп. Гальбы. **И.**, I, 49.
 Арголик — знатный ахеец, муж Помпей Макрины. **Ан.**, VI, 18.
 Ардуенна — горный хребет в Галлии в области тревров (ныне Арденнский лес или Арденны). **Ан.**, III, 42.
 Аренак — населенный пункт в Нижней Германии. **И.**, V, 20.
 Арии — племена Ирана и Средней Азии к востоку и югу от Каспийского моря. **Ан.**, XI, 10.
 Аримин — город на Адриатическом море, ныне Римини. **И.**, III, 41, 42.
 Ариобарзан — царь Армении, возведенный на престол Гаем Цезарем в I г. н. э. **Ан.**, II, 4.
 Ариовист — царь германского племени свебов, в 72 г. до н. э. переправившийся на левый берег Рейна и в 58 г. разбитый Юлием Цезарем. **И.**, IV, 73.
 Аристобул — сын Ирода Халкидского. **Ан.**, XIII, 7; XIV, 26.

- Аристони́к — побочный сын пергамского царя Эвмена, в 131 г. до н. э. разбивший римского полководца Лициния Красса, в 130 г. потерпевший поражение от Перперны и в 129 г. умерщвленный в Риме. **Ан.**, IV, 55; XII, 62.
- Арици́йская ро́ща — ро́ща у г. Ариции на Аппиевой дороге близ Рима. **И.**, III, 36.
- Ари́ция — город на Аппиевой дороге близ Рима. **И.**, IV, 2.
- Арка́дия — горная область в центре Пелопоннеса. **Ан.**, XII, 53.
- Арка́дяне — обитатели Аркадии. **Ан.**, XI, 14; XV, 41.
- Арме́ния — древнее государство в верхнем течении Тигра, Евфрата и Аракса. **Ан.**, I, 3; II, 3, 4, 43, 57, 68; III, 48; VI, 31—33, 36, 40; XI, 8—10; XII, 12, 44, 45, 48—50; XIII, 5, 7, 8, 34, 37, 39; XIV, 26, 29; XV, 1—3, 5—7, 9, 14, 16, 17, 24—26. **И.**, II, 6, 81, 82; III, 6.
- Арме́ния Ма́лая — западная часть Армении. **Ан.**, XI, 9; XII, 7.
- Арми́ний — вождь германского племени херусков, разгромивший в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.) римского полководца Квинтилия Вара. **Ан.**, I, 55, 57—61, 63—65, 68; II, 9, 10, 12, 13, 15, 17, 21, 44—46, 88; XI, 16, 17; XIII, 55.
- Армя́не. **Ан.**, II, 4, 55, 56, 60, 64; VI, 33, 44; XI, 9; XII, 44, 46; XIII, 34, 37, 39; XIV, 24; XV, 12—15, 17. **И.**, III, 24.
- А́рн — река в Этрурии, ныне Арно. **Ан.**, I, 79.
- А́рп — вождь германского племени хаттов. **Ан.**, II, 7.
- А́рредин Кле́мент — начальник преторианцев в начале правления Веспасиана. **И.**, IV, 68.
- А́ррий Анто́ний — консул-суффект в 69 г. н. э. **И.**, I, 77.
- А́ррий Ва́р — военачальник в войске Домиция Корбулона, префект преторианцев в начале правления Веспасиана. **Ан.**, XIII, 9. **И.**, III, 6, 16, 52, 61, 63, 64; IV, 2, 4, 11, 39, 68.
- А́ррия — жена Тразея Пэта. **Ан.**, XVI, 34.
- А́ррия — мать Аррии, жены Тразея Пэта, жена Цецины Пэта, осужденного на смерть при Клавдии за участие в восстании Камилла Скрибониана. **Ан.**, XVI, 34.
- А́ррунций см. Аррунций, Луций.
- А́ррунций, Лу́ций — консул 6 г. н. э., государственный деятель и историк, покончил самоубийством в 37 г. **Ан.**, I, 8, 13, 76, 79; III, 11, 31; VI, 5, 7, 27, 47, 48; XI, 6, 7. **И.**, II, 65.
- А́ррунций Сте́лла — устроитель императорских зрелищ в правление Нерона. **Ан.**, XIII, 22.
- А́рсак (А́ршак) — основатель парфянского царства (около 250 г. до н. э.). **Г.**, 37.
- А́рсак (А́ршак) — сын парфянского царя Артабана III, царь Армении. **Ан.**, VI, 31, 33.
- А́рсакиды (А́ршакиды) — царская династия у парфян, происходящая от царя Арсака (III в. до н. э.). **Ан.**, II, 1—3; VI, 31, 34, 42, 43; XI, 10; XII, 10, 14; XIII, 9, 37; XIV, 26; XV, 1, 14, 29. **И.**, I, 40; V, 8.
- А́рсамаса́та — крепость в Таврских горах. **Ан.**, XV, 10.
- А́рсаний (ныне Мура́т) — река, берущая начало на Армянском нагорье и вместе с р. Карасу образующая Евфрат. **Ан.**, XV, 15.
- А́ртаба́н — сын Артабана III, убитый своим братом Готарзом. **Ан.**, XI, 8.
- А́ртаба́н III — парфянский царь из рода Арсакидов (годы правления: около 12—38 н. э.). **Ан.**, II, 3, 4, 58; VI, 31—33, 36, 37, 41—44.
- А́ртава́зд II — царь Армении, сын Тиграна II, предательски завлеченный и умерщвленный в 30 г. до н. э. царицей Клеопатрой по наущению Марка Антония. **Ан.**, II, 3.
- А́ртава́зд III — царь Армении. **Ан.**, II, 4.
- А́ртакса́та (А́рташат) — столица Большой Армении (на северном берегу р. Аракса). **Ан.**, II, 56; VI, 33; XII, 50, 51; XIII, 39—41; XIV, 23.
- А́ртаксий (А́рташес) — сын Артавазда, внук Тиграна II. **Ан.**, II, 3.
- А́ртаксий — имя, данное Зенону по занятии им престола Армении. **Ан.**, II, 56, 64; VI, 31.
- А́ртеми́та — город в Ассирии. **Ан.**, VI, 41.
- А́ртория Фла́кцилла — жена Новия Приска, последовавшая за ним в ссылку. **Ан.**, XV, 71.

- Арузей — обвинитель Луция Аррунция. **Ан.**, VI, 7, 40.
- Арулен Рустик см. Юний Арулен Рустик, Квинт.
- Архелай — царь Каппадокии с 34 г. до н. э., вызванный Тиберием в Рим и умерший там в 17 г. н. э. **Ан.**, II, 42; XIV, 26.
- Архелай — царь Каппадокии, предположительно сын царя Архелая, умершего в Риме в 17 г. н. э. **Ан.**, VI, 41.
- Архий см. Лициний Архий, Авл.
- Асконий Лабеон — опекун Нерона до его совершеннолетия. **Ан.**, XIII, 10.
- Ассирийцы — обитатели Ассирии, области к северо-востоку от Месопотамии. **И.**, IV, 2, 8.
- Асцибургий — ныне предположительно Асберг (Рурская область). **И.**, IV, 33. Г., 3.
- Атей см. Атей Капитон, Гней.
- Атей, Марк — сенатор, бывший претор. **Ан.**, II, 47.
- Атей Капитон, Гней — крупный римский законовед, с 13 по 22 г. н. э. ведал водоснабжением Рима. **Ан.**, I, 76. 79; III, 70, 75.
- Атесте — город в северной Италии, ныне Эсте. **И.**, III, 6.
- Атидий Гемин — наместник римской провинции Ахайя (годы его наместничества не установлены, предположительно в конце I в. до н. э. или в начале I в. н. э.). **Ан.**, IV, 43.
- Атии — римский род; к нему принадлежала и мать Августа Атия. **Ан.**, III, 68.
- Атилий — вольноотпущенник, построивший амфитеатр в Фидене. **Ан.**, IV, 62, 63.
- Атилиус Вер — центурион. **И.**, III, 22.
- Атилиус Вергилион — знаменосец отряда телохранителей имп. Гальбы. **И.**, I, 41.
- Атилиус Калатин, Авл — консул в 258 и 254 гг. до н. э., диктатор в 249 г. **Ан.**, II, 49.
- Атилиус Руф, Тит — бывший консул, наместник Сирии. **Ан.**, 40.
- Атимет — вольноотпущенник Домиции Лепиды, тетки Нерона. **Ан.**, XIII, 19, 21, 22.
- Атис — сын Геркулеса и Омфалы, родоначальник лидийских и тирренских царей (греч. мифология). **Ан.**, IV, 55.
- Атия — мать Августа. **О.**, 28.
- Атрия — город в северной Италии на берегу Адриатического моря, ныне Адрия. **И.**, III, 12.
- Атт Клавс — легендарный родоначальник переселившегося в Рим (в 504 г. до н. э.) сабинского рода Клавдиев. **Ан.**, IV, 9; XI, 24; XII, 25.
- Аттий — о нем ничего неизвестно; упоминается лишь в «Диалоге об ораторах». **О.**, 21.
- Аттий — центурион, приставленный к находившемуся в заточении Друзу, сыну Германика. **Ан.**, VI, 24.
- Аттик см. Квинций Аттик.
- Аттик, Авл — командир когорты. **Ан.**, 37.
- Аттик Вестин см. Вестин Аттик, Марк.
- Аттика — область Эллады с главным городом Афины. **О.**, 25.
- Афиний, Луций — консул 62 г. н. э. **Ан.**, XIV, 48.
- Афины — главный город Аттики. **Ан.**, II, 53.
- Афиняне — обитатели Афин. **Ан.**, II, 55, 63; III, 26; XI, 14, 24; XV, 64. **И.**, IV, 83. **О.**, 40.
- Афр см. Домиций Афр.
- Афраний, Луций — консул 60 г. до н. э. **Ан.**, IV, 34.
- Афраний Бурр, Секст — начальник преторианцев в правление Клавдия и Нерона. **Ан.**, XII, 42, 69; XIII, 2, 6, 14, 20, 21, 23; XIV, 7, 10, 14, 15, 51, 52, 57, 60.
- Афраний Квинциан — сенатор, участник заговора Пизона. **Ан.**, XV, 49, 56, 57, 70.
- Африк — бурный и порывистый юго-западный ветер, дующий от берегов Африки. **Ан.**, XV, 46.
- Африка — часть света. **Ан.**, II, 43; III, 73. Г., 2.
- Африка — римская провинция, в состав которой входили Нумидия и Триполитания. **Ан.**, I, 53; II, 50, 52; III, 9, 20, 32, 35, 58; IV, 23, 24; VI, 12; XI, 21; XII, 43, 59; XIII, 52; XVI, 13. **И.**, I, 7, 11, 37, 49, 70, 73, 76, 78; II, 58, 97; III, 48; IV, 38, 48—50. **Ан.**, 42.
- Африкан см. Юлий Африкан.
- Африканское море — часть Средиземного моря у берегов Африки. **Ан.**, I, 53.
- Афродисида — город на границе Фригии и Кари. **Ан.**, III, 62.
- Ахайя (Ахей) — область северного Пелопоннеса; в поэтическом языке — Гре-

- ция вообще, в частности — Греция как римская провинция (с 146 г. до н. э.). **Ан.**, I, 76, 80; III, 7; IV, 13, 43; V, 10; XIV, 21; XV, 33, 36, 45. **И.**, I, 23; II, 1, 2, 8, 81, 83. **О.**, 30.
- Ахейцы — жители римской провинции Ахайя, в широком смысле слова — греки вообще. **Ан.**, VI, 18.
- Ахемени — родоначальник персидского царского рода Ахеменидов (VII в. до н. э.). **Ан.**, XII, 18.
- Ацерроний Прокул, Гней — консул 37 г. н. э. **Ан.**, VI, 45.
- Ацеррония — приближенная Агриппины Младшей, предположительно дочь консула 37 г. н. э. Гнея Ацеррония. **Ан.**, XIV, 5, 6.
- Ацилий Авиола — наместник Лугдунской Галлии. **Ан.**, III, 41.
- Ацилий Авиола, Маний — консул 54 г. н. э., сын Ацилия Авиолы, наместника Лугдунской Галлии. **Ан.**, XII, 64.
- Ацилий Страбон — бывший претор, направленный Клавдием в Киренаику для разбора спорных дел. **Ан.**, XIV, 18.
- Ацилия — мать Аннея Лукана. **Ан.**, XV, 56, 71.
- Аэрия — кипрский царь, воздвигший храм Афродите в Старом Пафосе. **Ан.**, III, 62. **И.**, II, 3.
- Бавлы — вилла на побережье Кампании, резиденция Агриппины Младшей. **Ан.**, XIII, 4.
- Бадугенна — священная роща фризов; ее местонахождение не установлено. **Ан.**, IV, 73.
- Байи — город в Кампании к западу от Неаполя с теплыми сернистыми источниками, курортное место. **Ан.**, XI, 1; XIII, 21; XIV, 4; XV, 52.
- Байское озеро см. Лукринское озеро.
- Бактрийцы — обитатели Бактрии, или Бактрианы. **Ан.**, II, 60.
- Бактрия, или Бактриана — древнее царство по течению р. Окс, ныне Аму-Дарья. **Ан.**, XI, 8.
- Балбилл, Тиберий — правитель Египта в правление Нерона. **Ан.**, XIII, 22.
- Балеарские острова — острова на Средиземном море близ побережья Испании, крупнейшие: Мальорка и Менорка. **Ан.**, XIII, 43.
- Бальб см. Корнелий Бальб, Луций.
- Бальбы — знатный римский род. **Ан.**, XI, 24.
- Барбий Прокул — воин из личной охраны имп. Гальбы. **И.**, I, 25.
- Барей Соран см. Сервилий Барей Соран.
- Барий — город в Апулии (Италия), ныне Бари. **Ан.**, XVI, 9.
- Басилид — жрец, предсказавший успех Веспасиану. **И.**, II, 78.
- Басилид — знатный египтянин. **И.**, IV, 82.
- Басс см. Луцилий Басс.
- Бастарны — народность, обитавшая по течению р. Прут вплоть до дельты Дуная. **Ан.**, II, 65.
- Батавия см. Батавский остров.
- Батаводур — населенный пункт в Нижней Германии. **И.**, V, 20.
- Батавский остров — земли, лежащие между главным руслом Рейна и р. Ваал и заселенные германским племенем батавов. **Ан.**, II, 6. **И.**, II, 22.
- Батавы — германское племя, обитавшее на левом берегу Рейна в нижнем его течении, на территории между так называемым Старым Рейном и р. Ваал (Батавский остров); подчиненные римлянам с конца I в. до н. э., батавы широко привлекались ими к службе в римских войсках. **Ан.**, II, 8, 11. **И.**, I, 59, 64; II, 17, 27, 28, 43, 66, 69, 97; IV, 12—25, 28, 30, 32, 33, 56, 58, 61, 66, 73, 77—79, 85; V, 15—19, 23—25. **Г.**, 29. **А.**, 36.
- Батилл — вольноотпущенник Мецената, прославленный актер пантомимы, особенно блиставший в комических ролях. **Ан.**, I, 54.
- Бебий Масса — в 69 г. н. э. наместник провинции Африка, позднее провинции Бетика, в 93 г. привлеченный к суду по жалобе жителей этой провинции. **И.**, IV, 50. **А.**, 45.
- Бедриак — селение в Транспаданской Галлии, между Вероной и Кремоной, близ которого войска Вителлия в 69 г. н. э. разбили войска Отона. **И.**, II, 23, 39, 44, 45, 49, 50, 57, 66, 70, 86; III, 15, 20, 25, 27, 31.
- Бел — небольшая река в Палестине. **И.**, V, 7.
- Белги — кельтская народность, обитавшая в северо-восточной Галлии (римской провинции Белгика). **Ан.**, I, 34, 43; III, 40. **И.**, IV, 17, 20, 37, 71, 76.

- Белгика — римская провинция на северо-востоке Галлии. *Ан.*, XIII, 53, *И.*, I, 12, 58, 59.
- Беневент — город племени гиринов в древнем Самнии на Аппиевой дороге, ныне Беневенто. *Ан.*, XV, 34.
- Береника — дочь иудейского царя Ирода Агриппы Кипрского, вышедшая замуж сначала за своего дядю Ирода Халкидского, потом за понтийского царя Полемона, оставив которого, жила в Иудее у своего брата Ирода Агриппы II Младшего. *И.*, II, 2, 81.
- Берит — город в Сирии, ныне Бейрут. *И.*, II, 81.
- Бетазии — кельтское племя в Белгике. *И.*, IV, 56, 66.
- Бетика — римская провинция на юго-западе Испании. *И.*, I, 53, 78.
- Бетуи Цилон — о нем ничего неизвестно. *И.*, I, 37.
- Бобакул см. Фурий Бобакул, Марк.
- Бибул, Гай — эдил в 22 г. н. э. *Ан.*, III, 52.
- Бизантий — город на Боспоре, ныне Константинополь, или Стамбул. *Ан.*, II, 54; XII, 62, 63. *И.*, II, 83, III, 47.
- Бингий — поселение на правом берегу Рейна, ныне Бинген. *И.*, IV, 70.
- Благополучие — римская богиня здоровья и благополучия; в Риме был посвященный ей храм. *Ан.*, XV, 53, 74.
- Блез см. Юний Блез, или Юний Блез Старший, или Юний Блез Младший.
- Блезы см. Юнии Блезы.
- Блитий Катулин — один из отправленных в ссылку в связи с заговором Пизона в 65 г. н. э. *Ан.*, XV, 71.
- Бовиллы — небольшой город в области Лаций у подножия Альбанских гор на Аппиевой дороге. *Ан.*, II, 41; XV, 23. *И.*, IV, 2, 46.
- Бодотрия — залив на восточном побережье Британии, ныне Фёрт-оф-Форт. *А.*, 23, 25.
- Бойгем — область в южной части центральной Европы, некогда заселенная кельтским племенем бойев, ныне Богемия (Чехословакия). *Г.*, 28.
- Бойи — кельтское племя, обитавшее частью в бассейне Дуная, частью по р. Пад (ныне По). *И.*, II, 61. *Г.*, 28, 42.
- Бойокал — германец из племени амписвариев, вступивший в переговоры с римлянами о заселении его племенем пустующих земель. *Ан.*, XIII, 55, 56.
- Бокхорис (Бекенренф) — сын Тefнехта, царь Египта из XXVI династии (VIII в. до н. э.). *И.*, V, 3.
- Бонна — город на левом берегу Рейна, ныне Бонн. *И.*, IV, 19, 20, 25, 62, 70, 77; V, 22.
- Бонония см. Бононская колония.
- Бононская колония (Бонония) — город в Циспаданской Галлии, называвшийся у этрусков Фельсиной; с 189 г. до н. э. — военная колония римлян, ныне Болонья. *Ан.*, XII, 58, *И.*, II, 53, 67, 71.
- Боресты — кельтское племя, упоминаемое лишь Тацитом; обитало, по-видимому, в южной Шотландии, к северу от Фёрт-оф-Форты и Фёрт-оф-Клайда. *А.*, 38.
- Боспорское царство — небольшое самостоятельное государство, в состав которого входили Керченский полуостров в Крыму. Таманский полуостров на Северном Кавказе и области по нижнему течению р. Кубани; главный город Боспорского царства — Пантикапей (ныне Керчь). *Ан.*, XII, 15, 63.
- Боспорцы — жители Боспорского царства. *Ан.*, XII, 16.
- Бовидикка — царица британского племени иценов, жена Прасутага. *Ан.*, XIV, 31, 35, 37. *А.*, 16.
- Бригантик см. Юлий Бригантик.
- Бриганти — кельтское племя, обитавшее в северной Британии и южной Шотландии; их главным городом был Эбурак, ныне Йорк. *Ан.*, XII, 32, 36, 40. *И.*, III, 45. *А.*, 17, 31.
- Бриксел — город в Циспаданской Галлии, ныне Брешелло. *И.*, II, 33, 39, 51, 54.
- Бриксийские ворота — ворота в крепостной ограде Кремоны, через которые шла дорога на Бриксию, ныне Брешию. *И.*, III, 27.
- Бриннон — знатный каннинфат, возглавлявший своих соплеменников против римлян в 69 г. н. э. *И.*, IV, 15, 16.
- Британия (Альбион) — остров на Северном море, ныне Англия и Шотландия, по завоеванию римлянами, начавшем в 43 г. н. э., — римская провинция. *Ан.*, II, 24; XII, 31, 33, 36; XIV, 29, 31, 32, 34, 35, 37—39; XVI, 15. *И.*, I, 2, 6, 9, 52, 59; II,

- 11, 27, 65, 66, 86, 97; III, 2, 15, 35, 44; IV, 12, 25, 54, 68, 76; V, 16; А., 5, 8—14, 16—18, 20—25, 27, 28, 30, 33, 38—40.
- Британник — сын имп. Клавдия и Мес-салины. А., XI, 1, 4, 11, 26, 32, 34; XII, 2, 9, 25, 26, 41, 65, 68, 69; XIII, 10, 14—17, 19, 21; XIV, 3.
- Британцы — обитатели античной Брита-нии. А., XI, 3; XII, 35; XIV, 32, 34, 35, 37, 38; И., I, 70; III, 45; IV, 74. А., 11—13, 15, 16, 19, 20, 25—30, 31, 32, 34, 36—38. О., 17.
- Бруктеры — германское племя, обитав-шее в I в. н. э. между р. Липпе и верхним течением р. Эмс, по обоим ее берегам. А., I, 51, 60; XIII, 56. И., IV, 21, 61, 77; V, 18. Г., 33.
- Брундизий — портовый город в Калабрии (южная Италия). А., I, 10; II, 30; III, 1, 2, 7; IV, 27. И., II, 83.
- Брут см. Юний Брут, Марк.
- Бруттедий Нигер — эдил в 22 г. н. э. А., III, 66.
- Бруты см. Юний Брут, Марк, и Юний Брут Альбин, Децим.
- Бурр см. Афраний Бурр.
- Бурь — германское племя, обитавшее в верховьях р. Одер. Г., 43.
- Бычий рынок (Forum boarium) — пло-щадь в Риме, где торговали скотом. А., XII, 24.
- Вагал — левый рукав Рейнской дельты, ныне р. Ваал. А., II, 6.
- Вада — населенный пункт в Нижней Германии. И., V, 20, 21.
- Вазак — начальник конницы царя Воло-геза. А., XV, 14, 15.
- Валент см. Фабий Валент.
- Валентин см. Юлий Валентин.
- Валерий Азиатик — наместник провин-ции Белгика в 69 г., зять имп. Ви-теллия. И., I, 59; IV, 4.
- Валерий Азиатик, Публий — консул 46 г. н. э., по повелению имп. Клавдия по-кончивший самоубийством в 47 г. А., XI, 1—3; XIII, 43.
- Валерий Капитон — бывший претор, после убийства Агриппины возвращенный Нероном из ссылки. А., XIV, 12.
- Валерий Катулл, Гай — знаменитый рим-ский поэт (87—57 гг. до н. э.). А., IV, 34.
- Валерий Катулл Мессалин, Луций — кон-сул 73 г. н. э., грозный обвинитель по политическим процессам в правле-ние имп. Домициана. А., 45.
- Валерий Корв, Марк — римский военачальник (около 370 — около 270 гг. до н. э.), 6 раз избиравшийся консу-лом. А., I, 9.
- Валерий Марин — сенатор, выдвинутый имп. Гальбой в консулы-суффекты на 69 г. н. э., но отстраненный от кон-сульства имп. Вителлием. И., II, 71.
- Валерий Мессала Волез, Луций — консул 5 г. н. э. А., III, 68.
- Валерий Мессала Корвин, Марк — рим-ский политический деятель, соратник Августа, консул 31 г. до н. э., изве-стный оратор, историк. А., III, 34; IV, 34; VI, 11; XI, 6, 7; XIII, 34. О., 12, 16—18, 20, 21.
- Валерий Мессала (или Мессалин) Кор-вин, Марк — сын оратора Марка Ва-лерия Мессалы, друг Овидия, консул 3 г. до н. э. А., I, 8; III, 18, 34.
- Валерий Мессала Корвин, Марк — внук оратора Валерия Мессалы, консул 20 г. н. э. А., III, 2.
- Валерий Мессала Корвин, Марк — консул 58 г. н. э., правнук оратора Марка Ва-лерия Мессалы. А., XIII, 34.
- Валерий Мессалин см. Валерий Мессала или Валерий Катулл Мессалин.
- Валерий Назон — сенатор, бывший пре-тор. А., IV, 56.
- Валерий Паулин — прокуратор Нарбонн-ской Галлии в 69 г. н. э. И., III, 43.
- Валерий Понтик — обвинитель по делу Валерия Фабиана и его соучастников. А., XIV, 41.
- Валерий Потит — квестор 447 г. до н. э. А., XI, 22.
- Валерий Фабиан — родственник Домиция Бальба, подделавший его завешание. А., XIV, 40, 41.
- Валерий Фест — командир легиона в про-винции Африка в начале правления имп. Веспасиана. И., II, 98; IV, 49, 50.
- Валерия Мессалина — третья жена имп. Клавдия (около 23—48 гг. н. э.). А., XI, 2, 12, 26, 28—32, 34—38; XII, 1, 7, 9, 42, 65; XIII, 11, 19, 32, 43.
- Вангион — племянник царя маркоманов Ванныя. А., XII, 29, 30.
- Вангионы — германское племя, сначала обитавшее на правом берегу Рейна в среднем его течении, во времена Та-

- цита — на левом его берегу, в районе нынешнего Вормса, который в «Истории» Аммиана Марцеллина именуется Вангионами. **Ан.**, XIII, 27. **И.**, IV, 70. **Г.**, 28.
- Вандилии — германский народ (очевидно, то же, что вандалы), первоначально обитавший на побережье Балтийского моря, потом по среднему течению Одера; со II в. н. э. вандалы стали постепенно продвигаться на юг, в V в. вторглись на Пиренейский полуостров и, вытесненные оттуда вестготами, переправились в Северную Африку, где создали свое королевство. **Г.**, 2.
- Ванный — царь германского племени маркоманов. **Ан.**, II, 63; XII, 29, 30.
- Вар см. Аррий Вар, или Квинтилий Вар.
- Вардан — брат Готарза и его соперник в борьбе за парфянский престол. **Ан.**, XI, 8—10.
- Вардан — сын парфянского царя Вологеза. **Ан.**, XIII, 7.
- Варий Криспин — трибун преторианцев **И.**, I, 80.
- Варий Лигур — любовник Аквилы, подкупивший угрожавших ему обвинением Сервилия и Корнелия. **Ан.**, IV, 42; VI, 30.
- Варий Руф, Луций — римский поэт, друг Вергилия и Горация; из сочинений Вария сохранились лишь небольшие отрывки одного стихотворения. **О.**, 12.
- Варины — небольшое германское племя, обитавшее в южной части Ютландского полуострова. **Г.**, 40.
- Варрон см. Теренций Варрон, Марк (Реатинский), или Визеллий Варрон, Луций.
- Васконы — народ, обитавший в северо-восточной части Тарраконской Испании, ныне баски. **И.**, IV, 33.
- Ватикан — Ватиканский холм на правом берегу Тибра. **И.**, II, 93.
- Ватиканская долина — долина у подножия восточного склона Ватиканского холма. **Ан.**, XIV, 14.
- Ватиний — приближенный Нерона, известный доносчик и обвинитель. **Ан.**, XV, 34. **И.**, I, 37. **О.**, 11.
- Ватиний, Публий — народный трибун 59 г. до н. э. консул-суффект в 47 г., трижды привлеченный к суду оратором Кальвом (в 58, 56 и 54 гг.); в 56 г. с речью против него выступил и Цицерон. **О.**, 21, 34, 39.
- Ведий Аквила — командир XIII легиона, действовавшего в 69 г. н. э. на стороне Отона. **И.**, II, 44; III, 7.
- Ведий Поллион — близкий к Августу римский всадник, отличавшийся необыкновенной роскошью образа жизни. **Ан.**, I, 10; XII, 60.
- Везувий — вулкан близ Неаполя. **Ан.**, IV, 67.
- Вейаний Нигер — трибун, совершивший казнь над Субрием Флавом. **Ан.**, XV, 67.
- Велабр — часть Рима между Палатинским и Капитолийским холмами. **И.**, I, 27; III, 74.
- Велела (прозвище со значением провидица) — женщина из германского племени бруктеров, принимавшая участие в антиримском восстании батавов (69—70 гг. н. э.) и умершая в плену у римлян. **И.**, IV, 61, 65; V, 22, 24. **Г.**, 8.
- Велинское озеро (ныне Велино) — озеро между гг. Реатой (ныне Рieti) и Интерамной (ныне Терни) в области сабинян (Италия). **Ан.**, I, 79.
- Веллокат — любовник царицы бригантов Картимандуи. **И.**, III, 45.
- Венеды — иллирийское племя, обитавшее в верхнем и среднем течении Вислы; впоследствии, после ухода венедов, это наименование закрепилось за их восточными соседями — славянами. **Г.**, 46.
- Венера — римская богиня красоты, любви и брака, по официальной римской версии — родоначальница рода Юлиев. **Ан.**, III, 62; IV, 43.
- Венера Амафунтская — храм Артемиде (Венере) в г. Амафунте на о. Кипре. **Ан.**, III, 62.
- Венера Пафосская — храм Артемиде (Венере) в г. Пафосе на о. Кипре. **Ан.**, III, 62. **И.**, II, 2.
- Венера Родительница — храм Венере Родительнице находился на форуме Юлия в Риме. **Ан.**, XVI, 27.
- Венера Стратоникиды — храм Афродите (Венере) в г. Стратоникее в Карию. **Ан.**, III, 63.
- Венет Павел — центурион преторианцев, участник заговора Пизона. **Ан.**, XV, 50.

- Венеты — народ, обитавший у северо-западного побережья Адриатического моря, сохранивший свое имя в названии г. Венеции. **Ан.**, XI, 23.
- Вентидий см. Вентидий Басс, Публий.
- Вентидий Басс, Публий — легат в войске Марка Антония, победивший парфянского царевича Пакора в 39 г. до н. э. **И.**, V, 9. **Г.**, 37.
- Вентидий Куман — правитель части Иудеи (Галилея). **Ан.**, XII, 54.
- Венуций — вождь британцев при имп. Клавдии и во время восстания 69 г. н. э. **Ан.**, XII, 40. **И.**, III, 45.
- Веракс — племянник Юлия Цивилиса, вождя батавов. **И.**, V, 20, 21.
- Вераний, Квинт — легат Германика, консул 49 г. н. э., наместник Британии в 57 или 58 г. **Ан.**, II, 56, 74; III, 10, 13, 17, 19; XII, 5; XIV, 29. **А.**, 14.
- Верания — жена Кальпурния Пизона Лициниана. **И.**, I, 47.
- Вергилий Капитон, Гней — наместник Египта при имп. Клавдии. **И.**, III, 77; IV, 3.
- Вергилий Марон, Публий — прославленный римский поэт (70—19 гг. до н. э.). **О.**, 12, 13, 20, 73.
- Вергиний см. Вергиний Руф.
- Вергиний Руф, Луций — консул в 63, 69 и 97 гг. н. э., умер в 98 г. **Ан.**, XV, 23. **И.**, I, 8, 9, 52, 53, 77; II, 49, 51, 68, 71; III, 62; IV, 17, 69.
- Вергиний Флав — оратор, автор сочинений по риторике, учитель поэта Персия, отправленный Нероном в изгнание в связи с заговором Пизона в 65 г. н. э. **Ан.**, XV, 71.
- Верона — город в Транспаданской Галлии. **И.**, II, 23; III, 8—10, 15, 50, 52.
- Веррес см. Корнелий Веррес, Гай.
- Веррит — вождь германского племени фризов. **Ан.**, XIII, 54.
- Веруламий — город в Британии близ нынешнего Сент-Олбанса. **Ан.**, XIV, 33.
- Верулан Север — консул-суффект при имп. Нероне в неустановленном году. **Ан.**, XIV, 26; XV, 3.
- Верулана Гратилла — римская матрона, сторонница Веспасиана. **И.**, III, 69.
- Верцеллы — город в Транспаданской Галлии — ныне Верчелли. **И.**, I, 70. **О.**, 8.
- Вескуларий Флакк — римский всадник, приближенный имп. Тиберия. **Ан.**, II, 28; VI, 10.
- Веспасиан (Флавий Веспасиан, Тит) — римский император (69—79 гг. н. э.). **Ан.**, III, 55; XVI. 5. **И.**, I, 10, 46, 50, 76; II, 1, 4, 5, 7, 67, 73, 74—76, 78—87, 96—99; III, 1, 3, 7—13, 31, 37, 38, 40, 42—44, 48, 49, 52, 53, 57, 59, 60, 63—66, 69, 70, 73—75, 77, 78, 86; IV, 3—9, 13, 14, 17, 21, 24, 27, 31, 32, 36—40, 42, 46, 49, 51, 52, 54, 58, 68, 70, 75, 77, 80—82; V, 1, 10, 13, 25, 26. **Г.**, 8. **А.**, 7, 9, 13, 17. **О.**, 8, 9, 17.
- Веста — богиня домашнего очага и чистоты семейной жизни (римск. мифология). **Ан.**, I, 8; XV, 36, 41; **И.**, I, 43.
- Вестин, Луций — римский всадник, которому Веспасиан поручил восстановить храм Юпитеру Капитолийскому. **И.**, IV, 53.
- Вестин Аттик, Марк — консул 65 г. н. э. **Ан.**, XV, 48, 52, 68, 69.
- Вестриций Спурина — военачальник в войске имп. Оттона. **И.**, II, 11, 18, 19, 23, 36.
- Веттий Болан, Марк — консул-суффект при Нероне в неустановленном году, наместник Британии в 69—71 гг. н. э. **Ан.**, XV, 3. **И.**, II, 65, 97. **А.**, 8, 16.
- Веттий Валент — знаменитый врач, один из любовников Мессалины. **Ан.**, XI, 30, 31, 35.
- Ветурий — воин из личной охраны имп. Гальбы. **И.**, I, 25.
- Вибенний Руфин — префект конницы, начальник гарнизона г. Атрии в 69 г. н. э. **И.**, III, 12.
- Вибиний Варрон, или Виррон — сенатор, исключенный имп. Тиберием из сената. **Ан.**, II, 48.
- Вибидия — весталка. **Ан.**, XI, 32, 34.
- Вибий Крисп, Квинт — известный оратор, консул-суффект в 57 г. н. э., наместник провинции Африка при имп. Веспасиане. **Ан.**, XIV, 28. **И.**, II, 10; IV, 41—43. **О.**, 8, 13.
- Вибий Марс, Гай — консул-суффект 17 г. н. э., наместник Сирии в 47 г. **Ан.**, II, 74, 79; IV, 56; VI, 47, 48; XI, 10.
- Вибий Панса, Гай — консул 43 г. до н. э., погибший в том же году в битве при Бононии. **Ан.**, I, 10. **О.**, 17.
- Вибий Секунд — прокуратор Мавритании, осужденный в 60 г. н. э. по жалобе местных жителей. **Ан.**, XIV, 28.

- Вибий Серен, Гай (отец) — один из обвинителей Марка Либона Скрибония Друза. **Ан.**, II, 30; IV, 13, 28—30.
- Вибий Серен (сын) — обвинитель своего отца Гая Вибия Серена в 24 г. н. э. **Ан.**, IV, 28, 29, 36.
- Вибий Фронтон — префект конницы, захвативший бежавшего из Киликии Вонона. **Ан.**, II, 68.
- Вибиллий — царь германского племени гермундуров. **Ан.**, II, 63; XII, 29.
- Вибия — мать Марка Фурия Скрибониана. **Ан.**, XII, 52.
- Вибулен — рядовой воин, обратившийся с речью к паннонским легионам во время восстания в 14 г. н. э. **Ан.**, I, 22, 28, 29.
- Вибулен Агриппа — римский всадник. **Ан.**, VI, 40.
- Вибуллий — претор в правление Нерона. **Ан.**, XIII, 28.
- Виенна — главный город галльского племени аллоброгов, ныне Вьенн (на юге Франции). **Ан.**, XI, 1. **И.**, I, 65, 66, 77; II, 29, 66.
- Виенцы — жители г. Виенны. **И.**, I, 65.
- Визеллий Варрон, Гай — наместник провинции Нижняя Германия в 21 г. н. э. **Ан.**, III, 41—43.
- Визеллий Варрон, Луций — консул 24 г. н. э., сын Гая Визеллия Варрона. **Ан.**, IV, 17, 19.
- Визургий — река в западной Германии (ныне Везер). **Ан.**, I, 70; II, 9, 11, 12, 16, 17.
- Виктория — богиня победы (римск. мифология). **Ан.**, XIV, 32.
- Виндекс см. Юлий Виндекс, Гай.
- Винделики — кельтское племя, обитавшее между Гельвецией, Нориком, Альпами и Дунаем, с главным городом Августа винделиков (ныне Аугсбург). **Ан.**, II, 17.
- Виндонисса — город гелльветов, ныне Виндш (в Швейцарии). **И.**, IV, 61, 70.
- Виний, Тит — консул 69 г. н. э., легат Гальбы, убитый вместе с ним. **И.**, I, 1, 6, 11—14, 32—34, 37, 39, 42, 44, 47, 48, 72; II, 95.
- Виниций, Марк — консул 30 и 45 гг. н. э., муж дочери Германика Юлии. **Ан.**, VI, 15, 45.
- Виниций, Публий — консул 2 г. н. э., оратор. **Ан.**, III, 11.
- Виниций Руфин — римский всадник, со-
участник в деле Валерия Фабиана. **Ан.**, XIV, 40.
- Випсаниев портик — портик Марка Випсания Агриппы, недалеко от Палатинского дворца. **И.**, I, 31.
- Випсаний Агриппа, Марк — приближенный и зять Августа (был женат на вдове Клавдия Марцелла Юлии), консул в 37, 28 и 27 гг. до н. э. Умер в 12 г. **Ан.**, I, 3, 12, 41, 53; III, 19, 56, 75; IV, 40; VI, 51; XII, 27; XIV, 53, 55; XV, 37, 39.
- Випсаний Ленат — наместник провинции Сардиния в правление Нерона. **Ан.**, XIII, 30.
- Випсания Агриппина — дочь Марка Агриппы, мать Друза Младшего, первая жена имп. Тиберия, с которой он развелся в 11 г. до н. э., чтобы, выполняя пожелания Августа, жениться на его дочери Юлии. **Ан.**, I, 12; III, 19.
- Випстан, Луций — консул 48 г. н. э. **Ан.**, XI, 23, 25.
- Випстан Апропиан, Гай — консул 59 г. н. э., наместник провинции Африка в 69 г. **Ан.**, XIV, 1. **И.**, I, 76.
- Випстан Галл — претор; умер в 17 г. н. э. **Ан.**, II, 51.
- Випстан Мессала — военный трибун в войске Веспасиана в 69 г. н. э., сенатор, друг юности Тацита, автор описания военных действий, в которых принимал участие; сочинение Мессалы — один из источников Тацита при написании им книги III «История». **И.**, III, 9, 11, 18, 25, 28; IV, 42. **О.**, 14—16, 23—25, 27, 28, 40.
- Вирдий Гемин — римский военачальник, посланный имп. Веспасианом в провинцию Понт для подавления мятежа Аникета. **И.**, III, 48.
- Вистилий, Секст — бывший претор. **Ан.**, VI, 9.
- Вистилия — предположительно дочь претора Секста Вистилия. **Ан.**, II, 85.
- Вителлии (братья) — имп. Вителлий и Луций Вителлий. **И.**, II, 64.
- Вителлий, Авл — наместник Нижней Германии в 69 г. н. э., провозглашенный после убийства Гальбы римским императором и свергнутый Веспасианом в том же году. **Ан.**, XI, 23; XIV, 49. **И.**, I, 1, 9, 14, 44, 50—52, 56—62, 64, 65, 67—70, 73—77, 84, 85, 90; II, 1, 6, 7, 14—17, 21, 27, 30—32, 38.

- 42, 43, 45, 47—49, 52—77, 80—101; III, 1—6, 8—15, 30, 31, 35—44, 47, 48, 53—75, 78—81, 84—86; IV, 1, 3, 4, 11, 13—15, 17, 19, 21, 24, 27, 31, 36, 37, 41, 46, 47, 49, 51, 54, 55, 58, 70, 80; V, 26. О., 17.
- Вителлий, Квинт — дядя имп. Вителлия. **Ан.**, II, 48.
- Вителлий, Луций — консул 34, 43 и 47 гг. н. э., отец имп. Вителлия. **Ан.**, VI, 28, 32, 36, 37, 41; XI, 2, 3, 4, 33—35; XII, 4—6, 9, 42; XIV, 56. **И.**, 1, 9; III, 66.
- Вителлий, Луций — брат имп. Вителлия. **И.**, I, 88; II, 54, 63; III, 37, 38, 55, 58, 76, 77; IV, 2.
- Вителлий, Публий — легат в войске Германика, дядя имп. Вителлия. **Ан.**, I, 70; II, 6, 74; III, 10, 13, 17, 19; V, 8; VI, 47.
- Вителлий Сатурнин — префект легиона. **И.**, I, 82.
- Вителлия — теща Публия Петрония Турпиллана. **Ан.**, III, 49.
- Вифиния — римская провинция в М. Азии; после победы над Митридатом VI часть Понтийского царства была присоединена к Вифинии, образовав вместе с ней провинцию Понт и Вифиния. **Ан.**, I, 74; XVI, 18.
- Вифинское море — Черное море у побережья Вифинии. **Ан.**, II, 60.
- Вифинцы — жители Вифинии (область южного побережья Черного моря, к востоку от Босфорского пролива). **Ан.**, XII, 22; XIV, 46; XVI, 33.
- Вицения — город в северной Италии, ныне Виченца. **И.**, III, 8.
- Виция — мать Фуфия Гемина, консула 29 г. н. э. **Ан.**, VI, 10.
- Воконтии — галльское племя, обитавшее в Нарбоннской Галлии. **И.**, I, 66.
- Вόкула см. Дилий Вόкула или Сарнолен Вόкула.
- Волегиний — убийца Фурия Камилла Скрибониана. **И.**, II, 75.
- Воланд — крепость к западу от Артаксаты (Армения). **Ан.**, XIII, 39.
- Волез Мессала см. Валерий Мессала Волез, Луций.
- Вологез — сын Вонона, властителя парфянского царства. **Ан.**, XII, 14, 44, 50; XIII, 7, 9, 34, 37; XIV, 25; XV, 1—3, 5—7, 9—15, 17, 24, 25, 27, 28, 31. **И.**, I, 40; IV, 51.
- Волузий, Гай — воин III легиона. **И.**, III, 29.
- Волузий Прокул — наварх (капитан) одного из кораблей Мизенского флота. **Ан.**, XV, 51, 57.
- Волузий Сатурнин, Квинт — консул 56 г. н. э., сын предыдущего. **Ан.**, XIII, 25; XIV, 46.
- Волузий Сатурнин, Луций — консул 12 г. до н. э., умер в 20 г. н. э. **Ан.**, III, 30.
- Волузий Сатурнин, Луций — сын Луция Волузия Сатурнина, консула 12 г. до н. э., консул-суффект 3 г. н. э., умер в 56 г. **Ан.**, XII, 22; XIII, 30; XIV, 56.
- Вольски — италийское племя, обитавшее по соседству с Лацием. **Ан.**, XI, 24.
- Вонон — сын царя Фраата IV, отданный им в заложники Августу. **Ан.**, II, 1—4, 56, 58, 68; VI, 31; XII, 10.
- Вонон — властитель атропатенских мидян (в нынешнем Азербайджане), занявший армянский престол. **Ан.**, XII, 14.
- Вотиен Монтан — известный римский оратор. **Ан.**, IV, 42.
- Воцетийская гора — восточная часть горной цепи Юры. **И.**, I, 68.
- Вулкан — римский бог огня и искусной обработки металлов (римск. мифология). **Ан.**, XV, 44.
- Вулкаций Арарик — римский всадник, участник заговора Пизона. **Ан.**, XV, 50.
- Вулкаций Мосх — ритор. **Ан.**, IV, 43.
- Вулкаций Тертуллин — народный трибун в 69 г. н. э. **И.**, IV, 9.
- Вулкаций Туллин — сенатор, привлеченный в 65 г. н. э. к суду по обвинению в злокозненных, направленных против Нерона священнодействиях. **Ан.**, XVI, 8.
- Вульсинии, или Вольсинии, — город в Этрурии (Италия), ныне Больсена. **Ан.**, IV, 1; VI, 8.
- Габиниан см. Юлий Габиниан, Секст.
- Гавань Геркулеса Монецкого см. Геркулеса Монецкого гавань.
- Гавий, Марк (по прозвищу Апиций) — известный богач и распутник, прозванный так по имени некоего прославленного своим распутством Апиция. **Ан.**, IV, 1.
- Гавий Сильван — трибун преторианцев, участник заговора Пизона. **Ан.**, XV, 50, 60, 61, 71.

Гай см. Калигула.
 Гай Азинний см. Азинний Поллион, Гай (консул 23 г. н. э.).
 Гай Антистий см. Антистий Ветер Старший, Гай, или Антистий Ветер Младший, Гай.
 Гай Анций см. Анций, Гай.
 Гай Бибул см. Бибул, Гай.
 Гай Вибий см. Вибий Серен, Гай (отец).
 Гай Волузий см. Волузий, Гай.
 Гай Гракх см. Семпроний Гракх, Гай, или Семпроний Гракх, Гай, сын сосланного на о. Керкину Тиберия Семпрония Гракха.
 Гай Дуиллий см. Дуиллий, Гай.
 Гай Кальвизий см. Кальвизий Сабин, Гай.
 Гай Катон см. Порций Катон, Гай.
 Гай Коминий см. Коминий, Гай.
 Гай Корнелий см. Корнелий, Гай.
 Гай Курион см. Курион (Младший), Гай.
 Гай Леканий см. Леканий Басс, Гай.
 Гай Марий см. Марий, Гай.
 Гай Норбан см. Норбан, Гай, или Норбан Флакк, Гай.
 Гай Оппий см. Оппий, Гай.
 Гай (Тит?) Петроний см. Петроний, Гай.
 Гай Пизон см. Кальпурний Пизон, Гай.
 Гай Плиний см. Плиний Секунд (Старший), Гай.
 Гай Помпей см. Помпей Галл, Гай.
 Гай Понтий см. Петроний Понтий Нигрин, Гай.
 Гай Силий, см. Силий, Гай — консул-суффект или Силий, Гай — возлюбленный Мессалины.
 Гай Сульпиций см. Сульпиций Гальба, Гай.
 Гай Турраний см. Турраний, Гай.
 Гай Цезарь см. Калигула, или Юлий Цезарь, или Цезарь, Гай.
 Гай Целий см. Целий, Гай.
 Гай Цестий см. Цестий Галл, Гай.
 Гай Цетроний см. Цетроний, Гай.
 Гал — город в Ассирии. **Ан.**, VI, 41.
 Галатия — область в М. Азии, в 25 г. до н. э. ставшая римской провинцией. **Ан.**, XIII, 35; XV, 6. **И.**, II, 9.
 Галерий Трахал — консул 68 г. н. э., советник Отона, выдающийся оратор. **И.**, I, 90; II, 60.
 Галерия Фундана — вторая жена имп. Вителлия. **И.**, II, 60, 64.
 Галикарнас — город в Карии. **Ан.**, IV, 55.
 Галилеяне — жители Галилеи (северная

часть западной Палестины). **Ан.**, XII, 54.
 Галл см. Геренний Галл или Анний Галл.
 Галл, Публий — римский всадник, в 65 г. н. э. объявленный вне закона за близость к Фению Руфу и Антистию Ветеру. **Ан.**, XVI, 12.
 Галл Азинний см. Азинний Галл, Гай.
 Галл Анний см. Анний Галл.
 Галлион см. Юний Галлион, Луций.
 Галлия — западная часть Европы от Пиренеев и Атлантического океана до р. Рейн, заселенная кельтскими племенами. **Ан.**, I, 31—34, 36, 47, 69, 71; II, 56; III, 47; IV, 5, 28; VI, 7; XI, 18, 24, 25; XII, 39; XIII, 53; XIV, 32, 39, 46, 57. **И.**, I, 2, 8, 37, 65; II, 6; III, 2, 15, 35, 41; IV, 3, 17, 25, 31, 37, 54, 61, 68, 70, 71, 74, 75; V, 19, 23. **Г.**, 5, 27, 37. **А.**, 10.
 Галлия Косматая — вся Трансальпийская Галлия, за исключением Нарбоннской провинции (галлы в отличие от римлян отращивали длинные волосы, откуда и возникло это название). **Ан.**, XI, 23.
 Галлия Лугдунская — римская провинция в центральной части Галлии с главным городом Лугдуном (ныне Лион). **И.**, I, 59; II, 59.
 Галлия Нарбоннская — юго-западная часть Галлии вдоль побережья Средиземного моря, получившая свое название от находившегося там г. Нарбонна; римская провинция с 118 г. до н. э. **Ан.**, II, 63; XI, 24; XII, 23; XIV, 57; XVI, 13. **И.**, I, 48, 76, 87; II, 12, 14, 15, 28, 32; III, 41, 42.
 Галлия Транспаданская — часть Италии к северу от р. Пад (ныне По). **И.**, II, 17, 32.
 Галлия Циспаданская — часть северной Италии к югу от р. Пад, в свое время заселенная галлами. **И.**, II, 17.
 Галлы — коренные жители Галлии. **Ан.**, I, 44; II, 16, 17; III, 40, 45, 46; IV, 5; XI, 23—25. **И.**, I, 8, 51, 70, 89; II, 29, 61, 68, 93; III, 34, 72; IV, 14, 17, 28, 32, 54, 57—61, 67—69, 71, 73, 76—79. **Г.**, 1, 2, 28, 29. **А.**, 11, 21, 32. **О.**, 10.
 Галот — приближенный имп. Клавдия, евнух. **Ан.**, XII, 66.
 Гальба см. Сульпиций Гальба, Сервий, римский император, или Сульпиций

- Гальба, Гай, бывший консул.
- Гамбровии — германское племя, предположительно тождественное сугамбрам. Г., 2.
- Ганнаск — предводитель германского племени хавков. Ан., XI, 18, 19.
- Ганнибал — вождь карфагенян во Второй пунической войне (218—201 гг. до н. э.). И., III, 34; IV, 13.
- Гараманты — африканский народ, обитавший к югу от Нумидии. Ан., III, 74; IV, 23, 26. И., IV, 50.
- Гарии — германское племя, входившее в состав племенного объединения лугиев и обитавшее между рр. Одером и Вислой. Г., 43.
- Гатерий, Квинт — консул-суффект 5 г. до н. э., известный оратор. Ан., I, 13; II, 33; III, 57; IV, 61.
- Гатерий Агриппа, Децим — народный трибун, консул в 22 г. н. э. Ан., I, 77; II, 51; III, 49, 51, 52; VI, 4.
- Гатерий Антонин, Квинт — консул 53 г. н. э., сын Гатерия Агриппы, консула 22 г. н. э. Ан., XII, 58; XIII, 34.
- Геллизии — германское племя, входившее в состав племенного объединения лугиев и обитавшее между рр. Одером и Вислой. Г., 43.
- Гелий — вольноотпущенник Нерона. Ан., XIII, 1.
- Гелиополь — город в нижнем Египте, известный своим храмом солнцу. Ан., VI, 28.
- Геллий Публикола — квестор в провинции Азия в 22 г. н. э. Ан., III, 67.
- Геллузии, или геллизии, — фантастический народ на севере Европы, упоминаемый только Тацитом. Г., 46.
- Гельвеконы — германское племя, входившее в состав племенного объединения лугиев и обитавшее между рр. Одером и Вислой. Г., 43.
- Гельветы — кельтское племя, во времена Юлия Цезаря обитавшее на территории нынешней Швейцарии. И., I, 67, 69, 70. Г., 28.
- Гельвидий Приск (Старший), Гай — зять Тразея Пэта, отправленный Нероном в изгнание (66 г. н. э.), возвращенный имп. Веспасианом и казненный им же в 73 или 74 г. Ан., XIII, 28; XVI, 28, 29, 33, 35. И., II, 91; IV, 4—10, 43, 53. А., 2.
- Гельвидий Приск (Младший) — сын Гельвидия Приска Старшего, консул-суффект 87 г. н. э., казнен Домицианом. А., 45.
- Гельвидий Приск — командир легиона. Ан., XII, 49.
- Гельвий Руф — рядовой воин, отличившийся в битве у римского укрепления Тала. Ан., III, 21.
- Гельдуба — поселение близ г. Новезий в Германии. И., IV, 26, 32, 35, 36, 58.
- Геминий — римский всадник, близкий к Сеяну. Ан., VI, 14.
- Гемонии — выбитая на скалистом склоне Капитолийского холма лестница, по которой трупы казненных стаскивались к берегу Тибра, после чего сбрасывались в него. Ан., III, 14; V, 9; VI, 19, 25. И., III, 74, 85.
- Гемские горы — горная цепь в северной Македонии и Фракии (ныне Балканы). Ан., III, 38; IV, 51. И., II, 85.
- Гениохи — кавказский народ, обитавший в горах к северо-западу от альбанов. Ан., II, 68.
- Гереллан — военный трибун. Ан., XV, 69.
- Геренний Галл — командир I легиона в 69 г. н. э. И., IV, 19, 20, 26, 27, 59, 70, 77.
- Геренний Сенецион — оратор, казненный имп. Домицианом по обвинению в государственной измене в 93 или 94 г. н. э. А., 2, 45.
- Геркулей — триарх (командир триремы). Ан., XIV, 8.
- Геркулес (Геракл) — сын Зевса и смертной женщины, герой, свершивший великие подвиги и посетивший в своих странствиях множество мест известного древним мира (греко-римск. мифология). Ан., II, 12, 60; III, 61; IV, 38, 43; XII, 13, 24; XV, 41. И., I, 84. Г., 3, 9.
- Геркулеса Монецкого (Монойкийского) гавань — порт в северо-западной Лигурии, ныне Монако. И., III, 42.
- Геркулесовы Столбы — древнее название гор по обеим сторонам Гибралтарского пролива (горы Кальпе на европейском берегу, горы Абилы — на африканском); Тацит упоминает, кроме того, Геркулесовы Столбы в Северном море, называя так, видимо, о. Гельголанд, который до ураганного шторма 1721 г. состоял из 2 высоких утесов,

- соединявшихся друг с другом каменной перемычкой протяженностью в 1,5 км. Г., 34.
- Гермагор — ритор, родом грек, преподававший в Риме (I в. до н. э.). О., 19.
- Германик — прозвание, данное войском имп. Вителлию. И., I, 62; II, 64.
- Германик — прозвание, данное имп. Вителлием своему сыну. И., II, 59; III, 66.
- Германик см. Юлий Цезарь Германик.
- Германики — Друз Старший Германик, Гай Юлий Цезарь Германик и Клавдий Германик. Ан., XIV, 64.
- Германия — часть центральной и северной Европы, населенная германскими племенами. Ан., I, 34, 43, 46, 47, 55, 57; II, 5, 6, 23—26, 46, 72, 88; IV, 18, 44; XI, 19; XIII, 35. И., I, 6; II, 16, 22; IV, 17, 21, 28, 54, 72. Г., 1—5, 27—30, 35, 37, 38, 41, 44. А., 10, 13, 15, 28, 41.
- Германия Верхняя — римская провинция в верхнем течении Рейна. Ан., VI, 30; XII, 27. И., I, 8, 50, 52, 53, 55, 56, 61, 75; II, 97; III, 2, 35, 46; IV, 3, 49; V, 19.
- Германия Нижняя — римская провинция в нижнем течении Рейна. Ан., III, 41, 73; XI, 18; XIV, 38. И., I, 7—9, 37, 52, 53, 75; II, 69, 97; III, 2, 35, 46, 62; IV, 3, 12, 15, 19, 30, 33, 49; V, 26.
- Германцы — обитатели Германии. Ан., I, 50, 58, 59, 64, 65, 68, 69; II, 5, 13, 16, 21, 44—46; III, 44, 46; IV, 5, 67, 72, 73; XI, 1, 16, 17; XIII, 54. И., I, 68, 70; II, 17, 22, 32, 35, 93; III, 15, 46, 53; IV, 14, 15, 17, 18, 22, 24—29, 33, 34, 37, 57, 58, 60, 61, 65, 66, 73, 74, 76, 78, 79; V, 4, 14—18, 21, 23, 24. Г., 2, 16, 28, 35, 37, 38, 41, 44—46. А., 32, 39.
- Германцы — телохранители императоров и членов их семей. Ан., XIII, 18; XV, 58.
- Гермионы (гермионы) — общее название германских племен, обитавших на территории между ингевонами и истевонами. Г., 2
- Гермундуры — германское племя, обитавшее в начале нашей эры по правому берегу Эльбы; во время Тацита занимало обширную территорию от бассейна верхнего Дуная до верховьев Майна и Эльбы (нынешние Бавария и Тюрингия). Ан., II, 63; XII, 29, 30; XIII, 57. Г., 41, 42.
- Герцинский лес — весьма неопределенное географическое понятие, содержание которого по мере ознакомления римлян с внутренней Германией все более и более суживается; у Тацита — горные цепи между Дунаем и Рейном. Ан., II, 45. Г., 28, 30.
- Гессий Флор — прокуратор Иудеи с 64 по 66 г. н. э. И., V, 10.
- Гета — раб, выдававший себя за Скрибония Камерина и казненный по приказанию имп. Вителлия. И., II, 72.
- Геты — фракийское племя, обитавшее на берегах Дуная, к югу от области даков. Ан., IV, 44.
- Гиар — остров в группе Кикладских островов, ныне Гиура. Ан., III, 68, 69; IV, 30.
- Гиберния — древнее название о. Ирландии. Ан., XII, 32. А., 24.
- Гиерокесария — город в северной Лидии (М. Азия). Ан., II, 47.
- Гиерокесарийцы — жители г. Гиерокесарии. Ан., III, 62.
- Гиерон — правитель префектуры (провинции) Парфянского царства. Ан., VI, 42, 43.
- Гиларий — вольноотпущенник имп. Вителлия. И., II, 65.
- Гипепа — город в Лидии (М. Азия). Ан., IV, 55.
- Гиперид — афинский политический деятель и оратор, современник и соперник Демосфена (389—322 гг. до н. э.). О., 12, 16, 25.
- Гиркания — страна у южного побережья Каспийского моря. Ан., XI, 9; XIII, 37.
- Гирканы — жители Гиркании. Ан., VI, 36, 43; XI, 8; XIV, 25; XV, 1, 2.
- Гирканы македонские — жители македонской колонии Гиркании в Лидии (М. Азия). Ан., II, 47.
- Гирций, Авл — консул 43 г. до н. э., в том же году убитый в сражении при Мутине (ныне Модена). Ан., I, 10. А., 17.
- Гиспал — город в Бетике, ныне Севилья (Испания). И., I, 78.
- Гиспон Роман — оратор, отличавшийся резкостью и злобностью своих выступлений. Ан., I, 74.

- Глитий Галл — друг Афрания Квинциана. **Ан.**, XV, 56, 71.
- Гней см. Домиций Агенобарб, Гней, отец Нерона.
- Гней Агенобарб см. Домиций Агенобарб, Гней, отец Нерона.
- Гней Ацерроний см. Ацерроний Прокул, Гней.
- Гней Великий см. Помпей Великий, Гней.
- Гней Домиций см. Домиций Агенобарб, Гней.
- Гней Лентул см. Корнелий Лентул, Гней.
- Гней Ноний см. Ноний, Гней.
- Гней Пизон см. Кальпурний Пизон, Гней (отец), или Кальпурний Пизон, Луций — Гней (сын).
- Гней Помпей см. Помпей Великий, Гней.
- Гней Сенций см. Сенций, Гней.
- Гомер — полубогендарный древнегреческий поэт, которому античность приписывала создание «Илиады» и «Одиссеи». **И.**, V, 2, О., 12.
- Гомонады — горское племя, обитавшее в Писидии на границах с Киликией, Памфилией и Ликаонией. **Ан.**, III, 48.
- Гораций Пульвилл — согласно римской исторической традиции, в первый раз консул в 510 г., во второй раз — в 507 г. до н. э. **И.**, III, 72.
- Гораций Флакк, Квинт — прославленный римский поэт (65—8 гг. до н. э.). **О.**, 20, 23.
- Гордеоний Флакк — наместник провинции Верхняя Германия в 69 г. **И.**, I, 9, 52, 54, 56; II, 57, 97; IV, 13, 18, 19, 24, 25, 27, 31, 36, 55, 77; V, 26.
- Горм — вольноотпущенник Веспасиана. **И.**, III, 12, 28; IV, 39.
- Горней — крепость в Армении (ее местонахождение не установлено). **Ан.**, XII, 45, 46.
- Гортал, Марк см. Гортензий Гортал, Марк.
- Гортензии — знатный римский род. **Ан.**, II, 38.
- Гортензий Гортал, Квинт — консул 69 г. до н. э., выдающийся оратор, именем которого Цицерон назвал свое сочинение «Гортензий, или о философии». **Ан.**, II, 37, 38.
- Гортензий Гортал, Марк — сенатор, внук выдающегося оратора Квинта Гортензия Гортала. **Ан.**, II, 37, 38.
- Гостилия — населенный пункт в северной Италии близ Вероны на р. Пад, ныне г. Остилья **И.**, II, 100; III, 9, 14, 21, 40.
- Готарз — сын Артабана III, брат Вардана. **Ан.**, XI, 8—10; XII, 10, 13, 14.
- Готоны (готы) — одно из главнейших восточногерманских племен, обитавшее во времена Тацита на правом берегу Вислы в ее нижнем течении. **Ан.**, II, 61. Г., 44.
- Гравпий — гора на севере Шотландии (ее точное местоположение не установлено). **А.**, 29.
- Гракхи см. Семпроний Гракх, Тиберий, и Семпроний Гракх, Гай.
- Граний, Квинт — о нем ничего неизвестно. **Ан.**, IV, 21.
- Граний Марцелл, Марк — наместник провинции Вифинии в 14—15 гг. н. э. **Ан.**, I, 74.
- Граний Марциан — сенатор. **Ан.**, VI, 38.
- Грапт — вольноотпущенник Нерона. **Ан.**, XIII, 47.
- Греки. **Ан.**, II, 2, 53, 59, 64; IV, 14, 35, 38, 58, 67; V, 10; VI, 28; XII, 44, 63; XIV, 59. **И.**, II, 4; III, 47. **О.**, 3, 29.
- Грецин, Юлий — отец Агриколы, автор несохранившегося сочинения по виноделию. **А.**, 4.
- Греция. **Ан.**, II, 60; IV, 55; XI, 14. **О.**, 10.
- Гринны — населенный пункт в Нижней Германии. **И.**, V, 20, 21.
- Грип см. Плотий Грип.
- Давара — возвышенность в Таврских горах. **Ан.**, VI, 41.
- Даги — скифская народность на Северном Кавказе, Дагестане и Средней Азии. **Ан.**, II, 3; XI, 8, 10.
- Даки — северофракийское племя, обитавшее в нижнем течении Дуная, в стране, именовавшейся в древности Дакией. **И.**, I, 2; III, 46; IV, 54. Г., 1.
- Дакия — область к северу от Дуная в нижнем его течении (приблизительно нынешняя Румыния); завоевана римлянами в 106 г. н. э. **И.**, III, 53. **А.**, 41.
- Далматинское море — Адриатическое море (называлось оно и Иллирийским морем). **Ан.**, III, 9.
- Далматы — иллирийское племя, обитавшее в Далмации. **И.**, III, 50.

- Далмация — область на восточном побережье Адриатического моря. **Ан.**, II, 53; IV, 5; VI, 37. **И.**, I, 76; II, 11, 32, 86; III, 12.
- Дандары (дандариды) — племя иранского происхождения, обитавшее у восточных берегов Меотиды (ныне Азовское море). **Ан.**, XII, 15.
- Дарий (Гистасп) — царь персидский с 521 по 485 г. до н. э. **Ан.**, III, 63.
- Дарий (Кодоман) — царь персидский, правивший в 336—330 гг. до н. э. и побежденный Александром Македонским. **Ан.**, XII, 13.
- Деятар — тетрарх Галатии, царь Малой Армении, сторонник Помпея и противник Юлия Цезаря. **О.**, 21.
- Декарги (?) — британское племя, обитавшее, видимо, северо-западнее иценов. **Ан.**, XII, 32.
- Декрий — начальник римского укрепления в Северной Африке. **Ан.**, III, 20.
- Декрий Кальпурниан — префект пожарной стражи в г. Рима. **Ан.**, XI, 35.
- Декум Пакарий см. Пакарий. Декум.
- Декуматные поля, или Десятинные земли, — нынешняя земля Вюртемберг-Баден в юго-западной Германии. **Г.**, 29.
- Делос — один из Кикладских островов, на котором, по греко-римской мифологии, Латона родила близнецов — Аполлона и Диану. **Ан.**, III, 61.
- Дельфы — город в Фокиде, у подошвы горы Парнас (Греция) со знаменитым оракулом в храме Аполлону. **Ан.**, II, 54.
- Демарат — согласно римской исторической традиции, коринфянин, бежавший от тирана Кипсела в Тарквинию (Этрурия), отец римского царя Тарквиния Древнего. **Ан.**, XI, 14.
- Деметрий — друг Сенеки, учитель кинической философии. **Ан.**, XVI, 34, 35. **И.**, IV, 40.
- Демонакт — парфянский сановник. **Ан.**, XI, 9.
- Демосфен — величайший политический оратор Афин (384—322 гг. до н. э.). **О.**, 12, 15, 16, 25, 32, 37.
- Дентр Ромулий — легендарный заместитель Ромула во время его отлучек из Рима. **Ан.**, VI, 11.
- Денфалийская равнина — равнина между областями Мессения и Лакония в Пелопоннесе. **Ан.**, IV, 43.
- Десятинные земли см. Декуматные поля.
- Децидий Самнит — о нем ничего неизвестно; возможно, что это тот самый Децидий Самнит, о котором упоминает Цицерон в речи «В защиту Клуенция», 161. **О.**, 21.
- Децим Альпиний см. Альпиний, Децим.
- Децим Силан см. Юний Силан, Децим.
- Децим Юний см. Юний Силан Торкват, Децим.
- Диана — дочь Юпитера и Латоны, сестра Аполлона, богиня Луны, позднее и охоты (римск. мифология). **Ан.**, III, 61, 63; IV, 55; XII, 8.
- Диана Левкофрина — храм Артемиде (Диане) Левкофрийской. **Ан.**, III, 62.
- Диана Лимнотида — храм Артемиде (Диане) в небольшом малоазиатском городе Лимны. **Ан.**, IV, 43.
- Диана Персидская — храм Артемиде (Диане) в г. Гиерокесарии. **Ан.**, III, 62.
- Диводур — главный город племени медоматриков в провинции Белгике, ныне Мец. **И.**, I, 63.
- Дидий Галл, Авл — наместник Мезии, возглавлявший военные действия против Митридата VII Боспорского в 46 г. н. э.; в 52—58 гг. — наместник Британии. **Ан.**, XII, 15, 40; XIV, 29. **А.**, 14.
- Дидий Сцева — римский военачальник, сражавшийся на стороне Веспасиана. **И.**, III, 73.
- Дидим — вольноотпущенник имп. Тиберия, наблюдавший за находившимся в заточении Друзом, сыном Германика. **Ан.**, VI, 24.
- Дидона — дочь тирского царя Бела, легендарная основательница Карфагена. **Ан.**, XVI, 1.
- Дии — фракийское племя, обитавшее (по Геродоту, IV, 92) на р. Артиск, одном из притоков Гебра (ныне Марица). **Ан.**, III, 38.
- Дилий Апониян — командир III легиона в 69 г. н. э. **И.**, III, 10, 11.
- Дилий Вокула — военачальник, подавлявший восстание Цивилиса. **И.**, IV, 24—27, 33—37, 56—59, 62, 77.
- Динис — фракиец. **Ан.**, IV, 50.
- Диодот Стоик — учитель Цицерона (умер в 59 г. до н. э.). **О.**, 30.

- Диррахий — город в Иллирии, он же Эпидамн, ныне Дуррес (Дураццо). **И.**, II, 83.
- Дит, или Плутон, — римский бог подземного царства. **И.**, IV, 84.
- Долабелла см. Корнелий Долабелла, Гней, или Корнелий Долабелла, Публий.
- Домициан (Флавий Домициан, Тит) — сын Веспасиана, римский император с 81 по 96 г. н. э. **Ан.**, XI, 11. **И.**, I, 1; III, 59, 69, 74, 86; IV, 2, 3, 39, 40, 43—47, 51, 52, 68, 75, 80, 85, 86. **А.**, 7, 39, 40—45.
- Домиции — знатный римский род. **Ан.**, XV, 23.
- Домиций см. Нерон, Домиций Агенобарб, Гней, или Домиций Агенобарб, Луций, или Домиций Целер.
- Домиций Агенобарб, Гней — консул 96 г. до н. э., цензор 92 г. **О.**, 35.
- Домиций Агенобарб, Гней — муж Агриппины Младшей, отец имп. Нерона, консул 32 г. н. э. **Ан.**, IV, 75; VI, 1, 45, 47, 48; XII, 3, 64; XIII, 10.
- Домиций Агенобарб, Луций — консул 54 г. до н. э., убежденный противник Юлия Цезаря, погиб в гражданской войне на стороне Помпея. **О.**, 3.
- Домиций Агенобарб, Луций — консул 16 г. до н. э., участник похода в Германию Друза Старшего. **Ан.**, I, 63; IV, 44.
- Домиций Афр — консул-суффект 39 г. н. э., выдающийся оратор (умер в 59 г.) **Ан.**, IV, 52, 66; XIV, 19. **О.**, 13, 15.
- Домиций Бальб — бывший претор. **Ан.**, XIV, 40.
- Домиций Корбулон — бывший претор, предположительно отец полководца Домиция Корбулона. **Ан.**, III, 31.
- Домиций Корбулон, Гней — выдающийся римский полководец в правление имп. Клавдия и Нерона, умерщвленный Нероном. **Ан.**, XI, 18—20; XII, 8, 9, 34—39, 41; XIV, 23—26, 29, 58; XV, 1, 3—6, 8—13, 16, 17, 25—28, 30, 31. **И.**, II, 76; III, 6, 24.
- Домиций Поллион — сенатор. **Ан.**, II, 86.
- Домиций Сабин — центурион. **И.**, I, 31.
- Домиций Сил — первый муж Сатрии Галлы. **Ан.**, XV, 59.
- Домиций Целер — друг Гнея Кальпурния Пизона, врага Германика. **Ан.**, II, 77—79.
- Домиций Цецилиан — друг Тразен Пэта. **Ан.**, XVI, 34.
- Домиция Децидиана — жена Агриколы. **А.**, 6.
- Домиция Лепида — тетка Нерона, бывшая жена Гая Пассиена, позднее вступившего в брак с Агриппиной Младшей; осуждена на смерть в 54 г. н. э. **Ан.**, XII, 64, 65.
- Домиция Лепида — сестра Домиции Лепиды, осужденной на смерть в 54 г. н. э. **Ан.**, XIII, 19, 21.
- Домиция Лепида — мать жены имп. Клавдия Мессалины. **Ан.**, XI, 37.
- Донаций Валент — центурион. **И.**, I, 56, 59.
- Донуса — остров из группы Спорадских островов в Эгейском море, ныне Деноса. **Ан.**, IV, 30.
- Дорифор — вольноотпущенник Нерона, умерщвленный им в 62 г. н. э. **Ан.**, XIV, 65.
- Друз — см. Клавдий Нерон Друз (Старший), или Друз Цезарь (Младший), или Ливий Друз, Марк, или Друз.
- Друз — о нем ничего неизвестно; упоминаемая в «Диалоге об ораторах» речь Кальва в его защиту не сохранилась. **О.**, 21.
- Друз — сын Германика (умер в 33 г. н. э.). **Ан.**, IV, 4, 8, 17, 36, 60; V, 10; VI, 23, 24, 27, 40, 46.
- Друз Германик см. Клавдий Нерон Друз (Старший).
- Друз Цезарь, или Друз Младший, — единственный сын имп. Тиберия (13 г. до н. э.—23 г. н. э.). **Ан.**, I, 14, 24—30, 47, 52, 54, 55, 75; II, 26, 43, 44, 46, 51, 62, 64, 84; III, 2, 3, 7, 8, 11, 12, 18, 19, 22, 23, 29, 31, 34, 36, 37, 47, 49, 56, 59, 75; IV, 3, 4, 7—10, 12, 15, 36, 40; VI, 27; XIII, 32, 43, 53; XIV, 57.
- Друзиала — дочь Германика, в 33 г. н. э. выданная замуж за Луция Кассия. **Ан.**, VI, 15.
- Друзиала — внучка царицы Клеопатры и Марка Антония. **И.**, V, 9.
- Друзы см. Ливии Друзы.
- Дубий Авит, Луций — консул-суффект в последние месяцы 56 г., наместник Белгики в правление Нерона. **Ан.**, XIII, 54, 56.

- Дуиллий, Гай — консул 260 г. до н. э., одержавший в том же году морскую победу над карфагенянами в битве при Милах. **Ан.**, II, 49.
- Дульгубины, или дульгубини, — германское племя, обитавшее между рр. Эмсом и Липпе. **Г.**, 34.
- Дунай (Данувий). **Ан.**, II, 63; IV, 5; XII, 29, 30. **И.**, III, 46. **Г.**, I, 29, 41, 42.
- Дуций Гемин — консул-суффект в не-установленном году, префект г. Рима в правление имп. Гальбы. **Ан.**, XV, 18. **И.**, I, 14.
- Евмопиды — древнейший греческий род в Афинах. **И.**, IV, 83.
- Еврипид — великий афинский трагический поэт (около 480—406 гг. до н. э.). **О.**, 12.
- Европа. **Ан.**, XII, 63.
- Евфрат — река в Месопотамии. **Ан.**, II, 58; IV, 5; VI, 31, 37; XII, 11; XIII, 7; XIV, 25; XV, 3, 7, 9, 12, 16, 17, 26. **И.**, V, 9.
- Египет — римская провинция в Северной Африке. **Ан.**, II, 59, 60, 67, 69; IV, 5; V, 10; VI, 28; XII, 43, 60; XIII, 22; XV, 26, 36. **И.**, I, 11, 70, 76; II, 6, 9, 76, 82; III, 8, 48; IV, 3, 83, 84; V, 2, 3, 5, 6.
- Египтяне. **Ан.**, XI, 14. **И.**, IV, 82, 84; V, 5.
- Елеазар — один из иудейских военачальников во время осады римлянами Иерусалима (70 г. н. э.). **И.**, V, 12.
- Зевгма — город на р. Евфрате; через него проходил путь на Эдессу. **Ан.**, XII, 12.
- Зенобия — жена Радамиста. **Ан.**, XII, 51.
- Зенон — сын понтийского царя Полемона I, возведенный на армянский престол Германиком. **Ан.**, II, 56.
- Зорсин — царь сираков. **Ан.**, XII, 15, 17, 19.
- Иберы — народ, населявший в античное время Испанию, часть Аквитании и некоторые острова в западной части Средиземного моря. **А.**, 11.
- Иберы (кавказские) — народ в Закавказье, к которому восходят современные грузины. **Ан.**, IV, 5; VI, 33—36; XI, 8, 9; XII, 43, 46, 50, 51; XIV, 23.
- Ида — гора в центральной части о. Крита. **И.**, V, 2.
- Иден — по рассказу Тацита, первоначальное племенное название иудеев. **И.**, V, 2, 4.
- Идиставизо — долина, в которой Германик нанес поражение Арминию в 16 г. н. э. (предположительно на правом берегу Везера, в районе так называемых Вестфальских ворот). **Ан.**, II, 16.
- Иерусалим (Иеросолима) — главный город Палестины. **И.**, II, 4; V, 1, 8, 10—13.
- Иеросолима — по приводимой Тацитом версии, легендарный вождь иудеев при их уходе из Египта. **И.**, V, 2.
- Изат — царь адиабенцов. **Ан.**, XII, 13, 14.
- Изида — древнеегипетская богиня плодородия. **И.**, IV, 84; V, 2. **Г.**, 9.
- Икел см. Икел Марциан.
- Икел Марциан — вольноотпущенник и советник имп. Гальбы, казненный имп. Отоном. **И.**, I, 13, 33, 37, 46; II, 95.
- Илион — Новый Илион в Мизии (М. Азия) близ древнего Илиона (Трои). **Ан.**, II, 54; IV, 55; VI, 12; XII, 58.
- Иллирия, или Иллирик, — горная страна на восточном побережье Адриатического моря, окончательно завоеванная римлянами в правление имп. Августа. **Ан.**, I, 5, 46; II, 44; III, 11, 34; XV, 26. **И.**, I, 2, 6, 9, 31, 76; III, 35; IV, 3.
- Иллирийское море см. Адриатическое море
- Ингвиомер — дядя вождя херусков Арминия. **Ан.**, I, 60, 68; II, 17, 21, 45, 46.
- Ингевоны — общее название германских племен, обитавших у берегов Северного и Балтийского морей, а также Северного Ледовитого океана. **Г.**, 2.
- Инстей Капитон — центурион. **Ан.**, XIII, 9, 39.
- Инсубры — кельтское племя в Транспаданской Галлии с главным городом Медиоланом (ныне Милан). **Ан.**, XI, 23.
- Интерамна — город (ныне Терни) в Умбрии на р. Нар (ныне Нера); считается

- родиной Тацита. **Ан.**, I, 79. **И.**, II, 64; **III**, 61, 63.
- Интимилий — область в Лигурии с г. Альбинтилией. **А.**, 7.
- Иоанн см. Иоанн, или Баргиор.
- Иоанн, или Баргиор — один из иудейских военачальников во время осады римлянами Иерусалима в 70 г. н. э. **И.**, V, 12.
- Ионическое море. **Ан.**, II, 53.
- Иордан — река в Палестине, впадающая в Мертвое море. **И.**, V, 6.
- Ирод Агриппа I (Старший) — внук Ирода Великого, властителя Иудеи, подчиненной наместнику римской провинции Сирия. **Ан.**, XII, 23.
- Ирод Агриппа II (Младший) — сын Ирода Агриппы I Старшего, властитель г. Халкиды в Сирии и владений в северо-восточной Палестине. **Ан.**, XIII, 7. **И.**, II, 81; **V**, 1.
- Ирод Великий — царь Иудеи с 37 по 3 г. до н. э. **И.**, V, 9, 11.
- Исаврик см. Сервий Исаурик, Публий.
- Испания — весь Пиренейский полуостров. **Ан.**, I, 71; **III**, 13, 44; **VI**, 27; **XI**, 24; **XIV**, 41. **И.**, I, 6, 8, 22, 37, 49; **II**, 32, 58, 65, 67, 86, 97; **III**, 2, 15, 44; **IV**, 3, 68, 76; **V**, 19. **Г.**, 37. **А.**, 10, 11, 24. **О.**, 10.
- Испания Ближняя, или Тарраконская, — римская провинция в восточной части Пиренейского полуострова. **Ан.**, IV, 45. **И.**, I, 49, 76; **II**, 65.
- Испания Дальняя — римская провинция в западной части Пиренейского полуострова (Бетика и Лузитания). **Ан.**, IV, 13, 37.
- Испанцы — обитатели римских провинций на Пиренейском полуострове: Тарраконской Испании, Бетики и Лузитании. **Ан.**, I, 78; **VI**, 19.
- Истевоны — общее название германских племен, не причислявшихся в древности ни к ингевонам, ни к гермионам. **Г.**, 2.
- Истм — перешеек между Пелопоннесом и остальной Грецией (Коринфский перешеек). **Ан.**, V, 10.
- Истрия — полуостров в северной части адриатического побережья. **И.**, II, 72.
- Италик — потомок царей из племени херусков. **Ан.**, XI, 16, 17.
- Италик — царь свебов. **И.**, III, 5, 21.
- Италия — весь Апеннинский полуостров. **Ан.**, I, 34, 47, 71, 79; **II**, 32, 35, 40, 50, 59, 63, 85; **III**, 1, 7, 28, 31, 33, 40, 54, 58, 73; **IV**, 5, 6, 14, 27, 31, 55, 56; **V**, 10; **VI**, 3, 11, 16, 17; **XI**, 14, 15, 22—24; **XII**, 8, 22, 36, 43, 52, 65; **XIII**, 4, 25, 28, 30, 42; **XIV**, 27, 28, 39, 41, 45, 50, 62; **XV**, 45, 71; **XVI**, 5, 33, 35. **И.**, I, 2, 3, 11, 50, 61, 62, 70, 84; **II**, 6, 8, 12, 17, 20, 21, 27, 28, 56, 62, 66, 82, 84, 90; **III**, 1, 2, 4—6, 9, 30, 34, 42, 46, 49, 53, 59; **IV**, 5, 13, 17, 51, 55, 58, 65, 72, 73, 75, 76; **V**, 1, 10. **Г.**, 2, 37. **О.**, 28, 39.
- Итурен — сирийский народ, обитавший в Келисии, в верхнем течении р. Иордан. **Ан.**, XII, 23.
- Итурий — клиент Юнии Силаны. **Ан.**, XIII, 19, 21, 22; **XIV**, 12.
- Иуда — по приводимой Тацитом версии, легендарный вождь иудеев при их уходе из Египта. **И.**, V, 2.
- Иудеи — жители Иудеи. **Ан.**, XII, 23. **И.**, V, 1, 2, 4—13.
- Иудейское море — Средиземное море у берегов Сирии и Палестины. **И.**, V, 7.
- Иудея — территория завоеванного римлянами Иудейского царства; входила в состав провинции Сирия. **Ан.**, II, 42; **XII**, 54; **XV**, 44. **И.**, II, 1, 4—6, 73, 74, 76, 78, 82; **IV**, 3, 51; **V**, 1, 8—10, 13.
- Ицены — британское племя, обитавшее на восточном побережье Британии. **Ан.**, XII, 31, 32; **XIV**, 31.
- Кавдинское ущелье — теснина в Табурнских горах (на границе древнего Самния и Кампании), в которой римское войско во время Второй самнитской войны, в 221 г. до н. э., в полном составе сдалось самнитам. **Ан.**, XV, 13.
- Кадий Руф, Гай — наместник Вифинии и Понта, в 49 г. н. э. осужденный по закону о вымогательстве и в 69 г. возвращенный в сенат. **Ан.**, XII, 22. **И.**, I, 77.
- Кадм — сын финикийского царя Агенора, легендарный создатель греческого алфавита (на финикийской основе). **Ан.**, XI, 14.
- Кадра — возвышенность в Таврских горах. **Ан.**, VI, 41.

- Калабрия — область в юго-восточной части Апеннинского полуострова. *Ан.*, III, 1, 2; XII, 65. *И.*, II, 85.
- Калавий Сабин — командир легиона. *Ан.*, XV, 7.
- Калгак — вождь британцев, известный лишь по «Агриколе» Тацита. *А.*, 29.
- Каледония — древнее название Шотландии. *А.*, 10, 11, 25, 27, 31.
- Калигула (Гай Цезарь) — сын Германика, римский император (37—41 гг. н. э.). *Ан.*, I, 1, 32, 41, 69; IV, 71; V, 1; VI, 3, 5, 9, 20, 32, 45, 46, 48, 50; XI, 1, 3, 8, 29; XII, 22; XIII, 1, 3; XV, 72; XVI, 17. *И.*, I, 16, 48, 89; II, 76; III, 68; IV, 15, 42, 48, 68; V, 9. *Г.*, 37. *А.*, 4, 13, 44. *О.*, 17.
- Калаист — вольноотпущенник Калигулы, участвовавший в заговоре против него, приближенный Клавдия. *Ан.*, XI, 29, 38; XII, 1, 2.
- Калузидий — воин. *Ан.*, I, 35.
- Калы — город в северной части Кампаний, ныне Кальви. *Ан.*, VI, 15.
- Кальв см. Лициний Кальв.
- Кальвизий — клиент Юнии Силаны, обвинитель Агриппины Младшей. *Ан.*, XIII, 19, 21, 22; XIV, 12.
- Кальвизий Сабин, Гай — консул 26 г. н. э. *Ан.*, IV, 46; VI, 9. *И.*, 1, 48.
- Кальвия Криспинилла — устроительница оргий Нерона. *И.*, I, 73.
- Кальпурний — знатный римский род. *Ан.*, III, 24; XV, 48.
- Кальпурний — орлоносец одного из воставших легионов в войске Германика в 14 г. н. э. *Ан.*, I, 39.
- Кальпурний Аспренат — наместник Галатии и Вифинии при имп. Гальбе. *И.*, II, 9.
- Кальпурний Бестия, Луций — подзащитный Цицерона в процессе 56 г. до н. э. *О.*, 39.
- Кальпурний Пизон, Гай — консул-суффект 48 г. н. э., организатор неудачного заговора против имп. Нерона, покончивший самоубийством в 65 г. *Ан.*, XIV, 65; XV, 48—53, 55, 56, 59—61, 65. *И.*, IV, 11.
- Кальпурний Пизон, Гней — консул 7 г. до н. э., наместник Сирии в 17 г. н. э., враг Германика. *Ан.*, I, 13, 74, 79; II, 35, 43, 55, 57, 58, 69—71, 73, 75—82; III, 7—18, 24; VI, 26.
- Кальпурний Пизон, Гней см. Кальпурний Пизон, Луций, консул 27 г. н. э.
- Кальпурний Пизон, Луций — автор так называемого Кальпурниева закона о вымогательстве, принятого в 149 г. до н. э. *Ан.*, XV, 20.
- Кальпурний Пизон, Луций — консул 15 г. до н. э., префект г. Рима, верховный жрец. *Ан.*, VI, 10, 11.
- Кальпурний Пизон, Луций — консул 1 г. до н. э.; брат Гнея Пизона, врага Германика. *Ан.*, II, 32, 34; III, 11, 68; IV, 21.
- Кальпурний Пизон, Луций — наместник Ближней Испании в 25 г. н. э. *Ан.*, IV, 45.
- Кальпурний Пизон, Луций — консул 27 г. н. э., сын Гнея Пизона, врага Германика, после суда над отцом изменивший свое личное имя Гней на Луций. *Ан.*, III, 16, 17; IV, 62.
- Кальпурний Пизон, Луций — консул 57 г. н. э., сын Луция Пизона, консула 27 г. *Ан.*, XIII, 28, 31; XV, 18.
- Кальпурний Пизон, Луций — сын консула 57 г. н. э. Луция Кальпурния Пизона. *И.*, IV, 38, 48—50.
- Кальпурний Пизон, Марк — сын Гнея Кальпурния Пизона, врага Германика. *Ан.*, II, 76, 78; III, 16—18.
- Кальпурний Пизон Галериан — приемный сын Гая Пизона, умерщвленный Лицинием Муцианом в 69 г. н. э. *И.*, IV, 11, 49.
- Кальпурний Пизон Красс Скрибониан — брат Кальпурния Пизона Лициниана, казненный предположительно при имп. Домициане. *И.*, I, 47; IV, 39.
- Кальпурний Пизон Лициниан, Гай — приемный сын имп. Гальбы, назначенный им своим преемником и убитый вместе с ним в 69 г. н. э. *И.*, I, 14—19, 21, 29, 31, 34, 39, 43, 44, 48; II, 68; IV, 40, 42.
- Кальпурний Пизон, Магн — брат Кальпурния Пизона Лициниана, казненный имп. Клавдием. *И.*, I, 48.
- Кальпурний Рейентин — центурион. *И.*, I, 56, 59.
- Кальпурний Сальвиан — доносчик. *Ан.*, IV, 36.
- Кальпурний Фабат — дед жены Плиния Младшего, римский всадник, привлеченный в 65 г. н. э. к суду по обвинению в злокозненных, направленных

- против Нерона священнодействиях. **Ан.**, XVI, 8.
- Кальпурния — наложница имп. Клавдия. **Ан.**, XI, 30.
- Кальпурния — знатная матрона, вызвавшая ревность Агриппины Младшей. **Ан.**, XII, 22; XIV, 12.
- Камерий — древний город в Лации. **Ан.**, XI, 24.
- Камилл см. Фурий Камилл, Луций, или Фурий Камилл, Марк.
- Камилл Скрибониан см. Фурий Камилл Аррунций Скрибониан, Марк.
- Кампан — вождь тунгров во время восстания Цивилиса. **И.**, IV, 66.
- Кампания — область на юго-западе Италии вдоль побережья Тирренского моря. **Ан.**, III, 2, 31, 47, 59; IV, 57, 67, 74; VI, 1; XII, 26; XIV, 10, 13, 60, 61; XV, 22, 46, 51; 60; XVI, 13, 19. **И.**, I, 2, 23; III, 58—60, 63, 66, 77; IV, 3.
- Камулодун — город в Британии, основанный римлянами в 50 г. н. э., ныне Кольчестер. **Ан.**, XII, 32; XIV, 31, 32.
- Камулодунцы — жители г. Камулодуна. **Ан.**, XIV, 32.
- Камурий — воин XV легиона, возможный убийца имп. Гальбы. **И.**, I, 41.
- Каноп — город в западной части нильской дельты, к северо-востоку от Александрии. **Ан.**, II, 60.
- Каноп — легендарный корабельный кормчий спартанцев. **Ан.**, II, 60.
- Каниний Галл — квиндецемвир в 32 г. н. э. **Ан.**, VI, 12.
- Каниний Ребил — консул-суффект в течение одного дня в 45 г. до н. э. **И.**, III, 37.
- Каниний Ребил — консул-суффект 37 г. н. э., законовед, внук Каниния Ребила, консула-суффекта 45 г. до н. э. **Ан.**, XIII, 30.
- Каннинефаты — германское племя, входившее в племенное объединение батавов и обитавшее на территории нынешней Голландии. **Ан.**, IV, 73; XI, 18. **И.**, IV, 15, 16, 19, 32, 56, 79, 85.
- Кануций, Публий — оратор I в. до н. э., современник Цицерона. **О.**, 21.
- Капитолий — один из холмов в Риме, на вершине которого находились храмы Юпитеру Юноне и Минерве; Капитолием именовали и вершину этого холма с крепостью, и упомянутый выше храм Юпитеру Капитолийскому. **Ан.**, III, 36; VI, 12; XI, 23; XII, 24, 42, 64; XIV, 13, 61; XV, 18, 36, 44, 71, 74. **И.**, I, 2, 33, 39, 40, 47, 86; II, 89; III, 69—75, 78, 79, 81; IV, 4, 9, 53, 54.
- Капитон см. Фонтей Капитон.
- Каппадокийцы — обитатели Каппадокии. **Ан.**, II, 60; VI, 41.
- Каппадокия — область в восточной части М. Азии, в 18 г. н. э. превращенная в римскую провинцию. **Ан.**, II, 42, 56; XII, 49; XIII, 8, 35; XV, 6, 12, 17. **И.**, I, 78; II, 6, 81.
- Капреи — небольшой остров в Неаполитанском заливе, ныне Капри. **Ан.**, IV, 67, 74, 75; VI, 1, 2, 10, 20.
- Капуанцы — жители г. Капуа в Кампании. **И.**, III, 57.
- Капуа — главный город Кампании (область в средней Италии, на западном ее побережье). **Ан.**, IV, 57. **И.**, IV, 3. **О.**, 8.
- Капуа — колония в Кампании, ныне Санта Мария ди Капуа. **Ан.**, XIII, 31.
- Кар Меттий см. Меттий Кар.
- Каратак — вождь британцев. **Ан.**, XII, 33—36, 38, 40. **И.**, III, 45.
- Карбон см. Паприй Карбон.
- Карен — парфянский правитель Месопотамии. **Ан.**, XII, 12—14.
- Карецинская область — область в северном Самнии, заселенная италийской народностью карецинов. **И.**, IV, 5.
- Кармании — жители Кармании (страны в южной части М. Азии у Персидского залива). **Ан.**, VI, 36.
- Кармел — горный крах в Нижней Галилее. **И.**, II, 78.
- Карринат Секунд — уполномоченный Нерона по изъятию храмовых ценностей в провинциях Азия и Ахайя. **Ан.**, XV, 45.
- Карринат Целер — сенатор. **Ан.**, XIII, 10.
- Карсидий Сагердот — торговец. **Ан.**, IV, 13; VI, 48.
- Карсулы — город в юго-восточной Умбрии, ныне Монте-Кастрилли. **И.**, III, 60.
- Картимандуа — царица британского племени бригантов. **Ан.**, XII, 36, 40. **И.**, III, 45.
- Карфаген — город в римской провинции Африка, отстроенный на месте древнего Карфагена. **И.**, I, 76; IV, 49.

- Карфаген — могучее государство на северном побережье Африки. **Ан.**, II, 59; XVI, 1.
- Карфагенцы — жители г. Карфагена в римской провинции Африка. **И.**, IV, 49, 50.
- Карфагеняне — жители древнего Карфагена. **Ан.**, II, 49; IV, 56. **Г.**, 37.
- Касперий — римский центурион в крепости Горнеи (в Армении). **Ан.**, XII, 45, 46; XV, 5.
- Касперий Нигер — римский военачальник, сражавшийся на стороне Веспасиана и убитый во время пожара Капитолия. **И.**, III, 73.
- Каспийские ущелья — ущелье по Каспийской дороге (см.: **Ан.**, VI, 33 и прим. 48 к кн. VI «Анналов»), предположительно нынешнее Дарьяльское ущелье. Каспийскими воротами (ущельями) называли также проход на восточной стороне Тавра — единственный путь из северо-западной Азии в северо-восточные провинции Персидского царства. **И.**, I, 6.
- Кассии — древний римский род. **Ан.**, XII, 12.
- Кассии см. Кассий Лонгин, Гай и Кассий Лонгин, Луций — консулы 30 г. н. э.
- Кассий — воин, телохранитель Нерона. **Ан.**, XV, 66.
- Кассий — мим. **Ан.**, I, 73.
- Кассий Асклепиодот — богатый вифинец, выступивший в защиту Сервилия Барей Сорана и за это поплатившийся ссылкой. **Ан.**, XVI, 33.
- Кассий, Гай — претор, автор закона 45 г. до н. э. о причислении некоторых плебейских родов к патрицианским. **Ан.**, XI, 25.
- Кассий Лонг — префект лагеря V легиона в 65 г. н. э. **И.**, III, 14.
- Кассий Лонгин, Гай — консул-суффект 30 г. н. э., наместник Азии в 40—41 гг., наместник Сирии с 45 г. **Ан.**, XII, 11, 12; XIII, 41, 48; XIV, 42, 45; XV, 52; XVI, 7—9, 22.
- Кассий Лонгин, Гай — римский полководец, политический деятель, участник убийства Юлия Цезаря, после поражения при Филиппах в 42 г. до н. э. покончил самоубийством. **Ан.**, I, 2, 10; II, 43; III, 76; IV, 34, 35; XVI, 7. **И.**, II, 6.
- Кассий Лонгин, Луций — римский военачальник, потерпевший поражение в 107 г. до н. э. от тигуринов (части геллветов), союзников кимвров. **Г.**, 37.
- Кассий Лонгин, Луций — муж дочери Германика Друзиллы, консул 30 г. н. э. **Ан.**, VI, 15, 45.
- Кассий Север — оратор и историк, в 8 г. н. э. отправленный Августом в изгнание и умерший в 33 г. (по другой версии — в 37 г.). **Ан.**, I, 72; IV, 21. **О.**, 19, 26.
- Кассий Херея — центурион в 14 г. н. э., впоследствии трибун преторианской когорты, в 41 г. н. э. убивший имп. Калигулу. **Ан.**, I, 32.
- Кастор и Поллукс (в греч. мифологии — Кастор и Полидевкт) — братья-близнецы, Диоскуры (т. е. сыновья Зевса). **Г.**, 43.
- Касторы — населенный пункт близ Кремоны. **И.**, II, 24.
- Кат см. Кат Дециан или Фирмий Кат.
- Кат Дециан — прокуратор Британии в правление Нерона. **Ан.**, XIV, 32, 38.
- Катий Силий Италик, Тит — известный поэт, автор поэмы о Второй пунической войне, консул 68 г. н. э., друг имп. Вителлия. **И.**, III, 65.
- Катилина см. Сергей Катилина, Луций.
- Катон Старший см. Порций Катон (Старший), Марк.
- Катон Младший см. Порций Катон (Младший или Утический), Марк.
- Катоний Юст — центурион. **Ан.**, I, 29.
- Катуальда — вождь германского племени готонов. **Ан.**, II, 62, 63.
- Катулл см. Валерий Катулл, Гай.
- Квады — германское племя, обитавшее в нынешней Богемии (Моравии). **Ан.**, II, 63. **Г.**, 42, 43.
- Квинкватры — празднества в честь богини Минервы; Большие Квинкватры с 19 по 23 марта, Малые — 13 июня. **Ан.**, XIV, 4, 12.
- Квинктии — римский род. **Ан.**, III, 76.
- Квинкий, Публий — первый подзащитный Цицерона (81 г. до н. э.). **О.**, 37.
- Квинт Вераний см. Вераний, Квинт.
- Квинт Вителлий см. Вителлий, Квинт.
- Квинт Волузий см. Волузий Сатурнин, Квинт.
- Квинт Гатерий см. Гатерий, Квинт или Гатерий Антонин, Квинт.
- Квинт Гортензий см. Гортензий Гортал, Квинт.

- Квинт Граний см. Граний, Квинт.
 Квинт Педий см. Педий, Квинт.
 Квинт Плавтий см. Плавтий, Квинт.
 Квинт Сервей см. Сервей, Квинт.
 Квинтилиан — народный трибун в 32 г. н. э. **Ан.**, VI, 12.
 Квинтилий Вар — консул 13 г. до н. э., наместник римской провинции Германия, вместе со всем своим войском погибший в 9 г. н. э. в сражении с германцами в Тевтобургском лесу. **Ан.**, I, 3, 10, 43, 55, 57, 58, 60—62, 65, 71; II, 7, 15, 25, 41, 45; XII, 27. **И.**, IV, 17; V, 9. **Г.**, 37.
 Квинтилий Вар — сын полководца Вара, потерпевшего поражение от германцев в 9 г. н. э. **Ан.**, IV, 66.
 Квиндиан см. Афраний Квинциан.
 Квинций Аттик — консул-суффект 69 г. н. э. **И.**, III, 73—75.
 Квинций Церг — римский всадник на о. Корсике. **И.**, II, 16.
 Квири́н см. Ромул.
 Кей — отец Латоны, матери Аполлона и Артемиды (греч. мифология). **Ан.**, XII, 61.
 Кекроп — первый царь Аттики, основатель Афин (греч. мифология). **Ан.**, XI, 14.
 Келалеты, или келеты, — фракийское племя, обитавшее в бассейне р. Гебр (ныне Марица). **Ан.**, III, 38.
 Келендерий — портовый город в Киликии, ныне Килиндере. **Ан.**, II, 80.
 Кенхрей — река в Лидии близ г. Эфеса. **Ан.**, III, 61.
 Керан — грек, философ-стоик. **Ан.**, XIV, 59.
 Керкина — остров у северного побережья Африки (ныне Керкена). **Ан.**, I, 53; IV, 13.
 Кефей — царь Эфиопии, супруг Кассиопы, отец Андромеды (греч. мифология). **И.**, V, 2.
 Кибира — город в южной Фригии. **Ан.**, IV, 13.
 Кизик — город в Мизии на Пропонтиде (Мраморном море). **Ан.**, IV, 36.
 Киклады — группа островов Эгейского моря, кругообразно расположенных вокруг главного из них — Делоса. **Ан.**, II, 55; V, 10.
 Киклопы — племя полудиких великанов с единственным глазом на лбу (греко-римск. мифология). **Ан.**, III, 61.
 Киликийцы — жители Киликии. **Ан.**, II, 80; XIII, 8, 33; XVI, 21.
 Киликия — область в юго-восточной части М. Азии. **Ан.**, II, 58, 68; III, 48; VI, 31; XII, 55.
 Кима — приморский город в Эолиде (М. Азия). **Ан.**, II, 47.
 Кимвры — германское племя, обитавшее в северной части полуострова Ютландия. **И.**, IV, 73; **Г.**, 37.
 Кинир — легендарный царь г. Пафоса на юго-западе о. Крита. **И.**, II, 3.
 Кинифии — народность, обитавшая в Северной Африке, близ залива Малый Сирт. **Ан.**, II, 52.
 Кипр — остров на Средиземном море. **И.**, II, 2, 3.
 Киприоты — жители о. Кипра. **Ан.**, III, 62.
 Кир (Старший) — царь персидский (559—529 гг. до н. э.), основатель Персидской монархии. **Ан.**, III, 62; VI, 31.
 Киренаика — область в Северной Африке, часть римской провинции Крит и Киренаика. **И.**, IV, 45.
 Киренцы — жители г. Кирены (в Киренаике). **Ан.**, III, 70; XIV, 18.
 Кирр — город в Сирии. **Ан.**, II, 57.
 Кирта — город в Нумидии (Северная Африка), ныне Константина. **Ан.**, III, 74.
 Кифн — один из Кикладских островов, ныне Термия. **Ан.**, III, 69. **И.**, II, 8, 9.
 Клавдии — знатный римский род сабинского происхождения, из которого вышли императоры Тиберий, Калигула, Клавдий, Нерон. **Ан.**, I, 4; II, 43; III, 5; IV, 9, 64; V, 1; VI, 8, 51; XII, 2, 25, 26; XIII, 17; XV, 23. **И.**, I, 16; II, 48.
 Клавдий (Клавдий Друз Нерон Германик, Тиберий) — римский император с 41 по 54 г. н. э. **Ан.**, I, 1, 54; III, 2, 3, 18, 29; IV, 31; VI, 32, 46; XI, 1, 4, 6, 8, 9, 11, 13, 14, 16, 19, 20, 25, 26, 28—38; XII, 1, 3, 4, 5, 7—9, 11, 17, 19, 20—25, 29, 36, 37, 40—43, 48, 49, 52—54, 56, 58—61, 64—67, 69; XIII, 1—3, 5, 6, 12, 14, 23, 29, 32, 42, 43; XIV, 11, 18, 31, 56, 63; XV, 53; XVI, 12. **И.**, I, 10, 16, 48, 77, 89; II, 75, 76; III, 44, 45, 66; V, 9, 12. **Ан.**, 13. **О.**, 17.
 Клавдий Аполлинарий — командир Мизенского флота в 69 г. н. э. **И.**, III, 57, 76, 77.

- Клавдий Виктор — племянник Цивилиса. **И.**, IV, 33.
- Клавдий Демиан — обвинитель Луция Антия Ветера, консула 55 г. н. э. **Ан.** XVI, 10.
- Клавдий Косс — посол гельветов. **И.**, I, 69.
- Клавдий Лабеон — начальник батавской конницы в 69 г. н. э. **И.**, IV, 18, 56, 66, 70.
- Клавдий Марцелл см. Клавдий Марцелл. Марк.
- Клавдий Марцелл. Марк — сын сестры Августа Октавии; был усыновлен Августом и женился на его дочери Юлии; умер в ранней молодости (41—22 гг. до н. э.). **Ан.**, I, 3; II, 41; III, 64; VI, 51. **И.**, I, 15.
- Клавдий Марцелл Эзернин, Марк — внук Азиния Поллиона, известный оратор. **Ан.**, III, 11; XI, 6, 7.
- Клавдий Нерон, Тиберий — римский полководец, первый муж Ливии, отец имп. Тиберия и Друза Старшего. **Ан.** I, 10; VI, 51.
- Клавдий Нерон Друз (Старший) Германник — пасынок имп. Августа, брат имп. Тиберия, отец Германика, римский полководец, успешно воевавший с германцами в 12—11 гг. до н. э.; умер в 9 г. до н. э. **Ан.**, I, 3, 33, 41, 43; II, 7, 8, 41, 82; III, 5; IV, 72; VI, 9, 51; XII, 29; XIII, 53. **И.**, V, 19. **Г.**, 34, 37.
- Клавдий (Юлий?) Павел — брат Юлия Цивилиса, казнен по ложному обвинению в подготовке восстания в конце правления имп. Нерона. **И.**, IV, 13.
- Клавдий Пиррик — командир либурны (легкого быстроходного корабля). **И.**, III, 16.
- Клавдий Сагитта — начальник Петрианской конницы, названной так по имени ее организатора Тита Помпония Петры. **И.**, IV, 49.
- Клавдий Санкт — колонновожатый XVI легиона, назначенный Цивилисом для его вывода в г. Новезий. **И.**, IV, 62.
- Клавдий Север — вождь гельветов в 69 г. н. э. **И.**, I, 68.
- Клавдий Сенедион — сын вольноотпущенника имп. Клавдия, участник заговора Пизона. **Ан.**, XIII, 12; XV, 50, 56, 57, 70.
- Клавдий Слепой, Аппий — консул 307 и 296 гг. до н. э., проложил дорогу из Рима на юг Италии (Аппиева дорога); в 280 г. произнес знаменитую речь в сенате против заключения мира с царем эписирским Пирром. **О.**, 18, 21.
- Клавдий Тимарх — богатый и влиятельный критянин. **Ан.**, XV, 20.
- Клавдий Фавентин — центурион. **И.**, III, 57.
- Клавдий Юлиан — одно время командир Мизенского флота. **И.**, III, 57, 76, 77.
- Клавдия см. Юния Клавдилла.
- Клавдия, Квинта — дочь Аппия Клавдия Слепого, весталка. **Ан.**, IV, 64.
- Клавдия Августа — дочь Нерона от Поппеи Сабины, умершая в 63 г. н. э. на четвертом месяце отроду и тогда же обожествленная. **Ан.**, XV, 23.
- Клавдия Пульхра — двоюродная сестра Агриппины, жены Германика. **Ан.**, IV, 52, 66.
- Клавдия Сакрата — любовница Петилия Цериала. **И.**, V, 22.
- Клавс см. Атг Клавс.
- Кланис — правый приток (ныне Кьяна) р. Тибр. **Ан.**, I, 79.
- Классик см. Юлий Классик.
- Клемент см. Сведий Клемент.
- Клемент — раб Агриппы Постума, выдававший себя за него. **Ан.**, II, 39, 40.
- Клеоник — вольноотпущенник Луция Аннея Сенеки. **Ан.**, XV, 45.
- Клеопатра — египетская царица, дочь Птолемея Авлета, возлюбленная Цезаря и Антония, покончившая самоубийством в 30 г. до н. э. **И.**, V, 9.
- Клеопатра — наложница имп. Клавдия. **Ан.**, XI, 30.
- Клиты (киеты) — племя в западной части Киликии. **Ан.**, VI, 41; XIII, 55.
- Клодий, Публий — известный оратор во времена Цицерона. **Ан.**, XI, 7.
- Клодий Квиринал, Публий — префект гребцов Равеннского флота. **Ан.**, XIII, 30.
- Клодий Макр, Луций — римский военачальник, в 68 г. н. э. поднявший восстание против Нерона, отказавший в повиновении имп. Гальбе и казненный им. **И.**, I, 7, 11, 37, 73; II, 97; IV, 49.
- Клодий Тразея Пэт, Публий — сенатор, консул-суффект в 56 г. н. э., глава так называемой стоической оппозиции при Нероне, осужденный на смерть и покончивший с собой в 66 г. н. э. XIII, 49; XIV, 12, 48, 49; XV, 20, 23;

- XVI, 21—26, 28, 29, 33, 34. И., II, 91; IV, 5—8. А., 2.
- Клота — залив на западном побережье Британии (нынешнее название — Фёрт-оф-Клайд). А., 23.
- Клувиdien Квиет — отправлен в ссылку в связи с разговором Пизона в 65 г. А., XV, 71.
- Клувии, или Клувия, — город италийского племени гиринов в Самнии (близ Беневента). И., IV, 5.
- Клувий Руф, Марк — консул-суффект в 45 г. н. э., наместник Тарраконской Испании в правлении имп. Гальбы, автор не сохранившейся «Истории», на которую неоднократно ссылается Тацит. А., XIII, 20; XIV, 2. И., I, 8, 76; II, 58, 65; III, 65; IV, 39, 43.
- Клуторий Приск — римский всадник, автор стихов на смерть Германика. А., III, 49—51.
- Когидумн, или Когидуби, — царь британского племени тринобантов. А., 14.
- Коба — мыс в Этрурии. А., II, 39.
- Кокцей Нерва — дед императора Нерона, консул-суффект (год его консульства не установлен); покончил самоубийством в 33 г. н. э. А., IV, 58; VI, 26.
- Кокцей Прокул — преторианец, И., I, 24.
- Коллинские ворота — ворота в Риме, от которых начиналась Соляная дорога. И., III, 82.
- Колония Треверов, или Тревиров, — римская колония на земле тревиров, ныне г. Трир. И., IV, 62, 72; V, 14.
- Колофон — город в М. Азии, к северу от Эфеса. А., II, 54.
- Колхи — обитатели Колхиды, страны к югу от Кавказского хребта на восточном побережье Черного моря. А., VI, 34.
- Коминий, Гай — римский всадник, брат сенатора Коминия Прокула. А., IV, 31.
- Коммагена — северная часть Сирии, между р. Евфрат и Аманскими горами, в 18 г. н. э. обращенная в римскую провинцию. А., II, 56; XV, 12.
- Конс — древнейший римский бог, позднее отождествленный с Нептуном. А., XII, 24.
- Консидий Прокул — претор. А., V, 8; VI, 18.
- Консидий Экви — римский всадник. А., III, 37.
- Корбулон см. Домиций Корбулон, Гней.
- Корвин см. Валерий Мессала Корвин.
- Коринф — город в Греции. И., II, 1.
- Коринфское побережье — берега Коринфского залива к западу от Коринфского перешейка. А., V, 10.
- Коринфяне — жители г. Коринфа. А., XI, 14.
- Коркира — остров на Адриатическом море у берегов Эпира (Греция). А., III, 1.
- Корма — река в Ассирии, к востоку от Ниневии (современное название этой реки не установлено). А., XII, 14.
- Корнелиев закон — изданный Суллой закон против изобличенных в подлоге. А., XIV, 40.
- Корнелий — обвинитель на процессе Маммерка Скавра в 34 г. н. э. А., VI, 29, 30.
- Корнелий, Гай — подзащитный Цицерона, выступившего с 2 речами в его защиту в 65 г. до н. э. О., 39.
- Корнелий Аквин — в 68 г. н. э. легат (заместитель) Фонтя Капитона, наместника Нижней Германии. И., I, 7.
- Корнелий Бальб (Старший), Луций — консул-суффект в 40 г. до н. э., дядя Луция Корнелия Бальба. А., XII, 60.
- Корнелий Бальб (Младший), Луций — римский полководец. А., III, 72.
- Корнелий Веррес, Гай — наместник римской провинции Сицилии в 73—71 гг. до н. э., против которого Цицерон в 70 г. выступил с рядом речей. О., 20, 37.
- Корнелий Долабелла, Гней — наместник Киликии в 80 г. до н. э., подвергся изгнанию за злоупотребления. О., 34.
- Корнелий Долабелла, Публий — римский сенатор, консул 10 г. н. э., наместник провинции Африка в 24 г. А., III, 47, 69; IV, 23, 24, 26, 66; XI, 22.
- Корнелий Долабелла — сын Публия Корнелия Долабеллы, консула 10 г. н. э. И., I, 88; II, 63, 64.
- Корнелий Косс Лентул — консул 60 г. н. э., сын Корнелия Лентула Косса, консула 25 г. н. э. А., XIV, 20.
- Корнелий Лакон — начальник преторианцев при имп. Гальбе, сосланный после его гибели и убитый в пути. И., I, 6, 13, 14, 19, 26, 33, 39, 46.
- Корнелий Лентул, Гней — консул 18 г. до н. э., военачальник. А., I, 27; II, 32; III, 68; IV, 29, 44.

- Корнелий Лентул, Гней — консул 14 г. до н. э. **Ан.**, III, 59.
- Корнелий Лентул Гетулик, Гней — консул 26 г. н. э., полководец, поэт, историк. **Ан.**, IV, 42, 46; VI, 30.
- Корнелий Лентул Клаудиан, Гней — консул 72 г. до н. э., военачальник, оратор. **О.**, 37.
- Корнелий Лентул Косс (Старший) — консул 25 г. н. э. **Ан.**, IV, 34.
- Корнелий Лентул Косс (Младший) — консул 60 г. н. э., сын Корнелия Косса Старшего. **Ан.**, XIV, 20.
- Корнелий Лентул Малугинский, Сервий — консул-суффект 19 г. н. э., фламмин Юпитера в 22 г. **Ан.**, III, 58, 59, 71; IV, 16.
- Корнелий Лентул Сура, Публий — брат Гнея Корнелия Лентула Клаудиана, консула 71 г. до н. э., участник заговора Катилины (63 г. до н. э.), казненный Цицероном. **О.**, 37.
- Корнелий Луп — консул-суффект 42 г. н. э. **Ан.**, XIII, 43.
- Корнелий Марцелл — сенатор, привлеченный к суду в 65 г. н. э. по обвинению в злокозненных, направленных против Нерона священнодействиях и казненный в 68 г. в Испании имп. Гальбой. **Ан.**, XVI, 8. **И.**, I, 37.
- Корнелий Марциал — голец от Флавия Сабина к Вителлию. **И.**, III, 70, 71, 73.
- Корнелий Марциал — трибун преторианцев, уволенный в отставку по раскрытии заговора Пизона. **Ан.**, XV, 71.
- Корнелий Мерула — фламмин Юпитера, покончил самоубийством в 87 г. до н. э. **Ан.**, III, 58.
- Корнелий Орфит, Сервий — консул 51 г. н. э. **Ан.**, XII, 41; XVI, 12. **И.**, IV, 42.
- Корнелий Прим — клиент Веспасиана. **И.**, III, 74.
- Корнелий Сизенна, Луций — римский историк (родился около 118 г. до н. э.), претор 78 г. **И.**, III, 51. **О.**, 23.
- Корнелий Сулла — сенатор, исключенный имп. Тиберием из senatorского сословия в 17 г. н. э. **Ан.**, II, 48.
- Корнелий Сулла, Луций — полководец, консул 88 г. до н. э., глава партии оптиматов, диктатор с 82 по 79 г., умер в 78 г. **Ан.**, I, 1; II, 55; III, 27, 62, 75; IV, 56; VI, 46; XI, 22; XII, 23, 60, 62. **И.**, II, 38; III, 72, 83. **О.**, 40.
- Корнелий Сулла Фавст — консул 52 г. н. э.; брат Мессалины; был женат на дочери Клавдия Антонии; казнен Нероном в 62 г. **Ан.**, XII, 52; XIII, 23, 47; XIV, 57, 59.
- Корнелий Сулла Фавст, Луций — сын диктатора. **Ан.**, III, 22.
- Корнелий Сулла Феликс, Луций — консул 33 г. н. э.; предположительно правнук Тиберия Суллы, брата диктатора. **Ан.**, III, 31; VI, 15.
- Корнелий Сципион, Луций — консул 83 г. до н. э. **Ан.**, III, 62. **И.**, III, 72.
- Корнелий Сципион, Публий — легат в провинции Африка в 22 г. н. э., муж Поппена Сабини Старшей. **Ан.**, III, 74; VI, 2; XI, 2, 4; XIII, 53.
- Корнелий Сципион, Публий — консул 56 г. н. э., сын Публия Корнелия Сципиона, мужа Поппены Сабини Старшей. **Ан.**, XIII, 25.
- Корнелий Сципион Африканский (Старший), Публий — полководец и государственный деятель, участник Второй пунической войны (218—201 гг. до н. э.), умер в 183 г. **Ан.**, II, 59; XII, 38. **И.**, III, 34. **О.**, 40.
- Корнелий Сципион Африканский (Младший), Публий — победитель карфагенян в Третьей пунической войне. **Ан.**, III, 66.
- Корнелий Флакк — военачальник в войске Домиция Карбулона. **Ан.**, XIII, 39.
- Корнелий Фуск — прокуратор Паннонии в 69 г. н. э. **И.**, II, 86; III, 4, 12, 42, 66; IV, 4.
- Корнелий Цетег, Сервий — консул 24 г. н. э. **Ан.**, IV, 17.
- Корнелий Цинна, Луций — консул 87 и 86 гг. до н. э., вождь народной партии, сторонник Мария, в 87 г. возглавивший борьбу против Суллы и оптиматов и в 84 г. убитый во время возмущения войска в Анконе (Италия). **Ан.**, I, 1. **И.**, III, 51, 83.
- Корнелия — весталка. **Ан.**, IV, 16.
- Корнелия — мать Тиберия и Гая Гракхов. **О.**, 28.
- Корнелия из рода Коссов — весталка. **Ан.**, XV, 22.
- Корсика — остров на Средиземном море. **И.**, II, 16.
- Корсиканцы — обитатели о. Корсики. **И.**, II, 16.

- Корункани — древний римский род. **Ан.**, XI, 24.
- Кос — один из Спорадских островов у берегов Карики к северо-востоку от Родоса, ныне Ко. **Ан.**, II, 75; IV, 14; XII, 61.
- Косцы — жители о. Коса. **Ан.**, IV, 14.
- Коссуциан Капитон — зять Тигеллина, обвинитель Тразея Пэта. **Ан.**, XI, 6; XIII, 33; XIV, 48; XVI, 17, 21, 22, 26, 28, 33.
- Коссы — известный римский род. **Ан.**, XV, 22.
- Котины — племя, обитавшее на территории нынешней Венгрии; его происхождение не установлено. **Г.**, 43.
- Котис (Старший) — племянник Рескупорида, поставленный царем части Фракии имп. Августом. **Ан.**, II, 64—67; III, 38; IV, 5.
- Котис — брат Митридата VII, после него царь Боспорский. **Ан.**, XII, 15, 18.
- Котис (Младший) — сын фракийского царя Котиса, получивший от Калигулы в 59 г. н. э. Малую Армению вместо отцовского наследства, отошедшего к Реметалку. **Ан.**, XI, 9.
- Котта, Луций — консул 144 г. до н. э. **Ан.**, III, 66.
- Котта Мессалин см. Аврелий Котта (Мессалин), Марк.
- Красное море. **Ан.**, II, 61; XIV, 25. **А.**, 12.
- Красные Камни — скалистая местность и одноименный город в Этрурии на Фламиниевой дороге близ Рима. **И.**, III, 79.
- Красс см. Кальпурний Пизон Красс Скрибониан, или Лициний Красс, Марк, или Лициний Красс, Луций.
- Крассы — семья Марка Лициния Красса Фруги, консула 64 г. н. э., погибшего при Нероне. **И.**, IV, 42.
- Крассы (собственно Лицинии Крассы) — выдающийся римский род. **И.**, IV, 42.
- Кремера — правый приток Тибра. **И.**, II, 91.
- Кремона — город в Италии, на северном берегу р. Пад. **И.**, II, 17, 22—24, 67, 70, 100; III, 14, 15, 18, 19—22, 26, 27, 29, 30—32, 34, 35, 40, 41, 46, 48, 49, 53, 54, 60, 72; IV, 2.
- Кремонцы — жители г. Кремоны. **И.**, II, 70; III, 30.
- Кремуций Корд — историк; его «Анналы» излагали события от гибели Юлия Цезаря до смерти Августа. Покончил с собой в 34 г. н. э. **Ан.**, IV, 34.
- Креперей Галл — приближенный Агриппины. **Ан.**, XIV, 5.
- Кресцент — вольноотпущенник Нерона. **И.**, I, 76.
- Кретик Силан, Квинт — консул 7 г. н. э., наместник провинции Сирия с 11 по 17 г. **Ан.**, II, 4, 43.
- Крисп см. Вибий Крисп, Квинт.
- Криспин — центурион. **И.**, I, 58.
- Криспин см. Руфрий Криспин.
- Криспина — дочь Тита Виния. **И.**, I, 47.
- Крит — остров в восточной части Средиземного моря; захваченный римлянами в 67 г. до н. э., Крит был включен в состав римской провинции Киренаика. **Ан.**, III, 38; IV, 21; XV, 20. **И.**, V, 2.
- Критяне — жители о. Крита. **Ан.**, III, 26, 63; XIII, 30; XV, 20. **О.**, 40.
- Крупториг — фриз. **Ан.**, IV, 73.
- Ксенофонт — врач при дворе имп. Клавдия. **Ан.**, XII, 61, 67.
- Ксенофонт — греческий историк, военачальник, публицист; ученик Сократа (около 440—354 гг. до н. э.). **О.**, 31.
- Ктесифон — город в Ассирии на левом берегу Тигра против Селевкии, резиденция парфянских царей. **Ан.**, VI, 42.
- Кугерны — часть германского племени сугамбров, поселенная имп. Тиберием на левом берегу Рейна к северу от убиев. **И.**, IV, 26; V, 16, 18.
- Куз — левый приток Дуная, ныне предположительно Ваг. **Ан.**, II, 63.
- Кумы — приморский город в Кампании. **Ан.**, XVI, 19.
- Куриаций Матерн — сенатор, автор не дошедших до нас трагедий «Катон», «Фиест», «Домиций» (I в. н. э.). **О.**, 2—5, 9—11, 14—16, 23—25, 27, 28, 33, 42.
- Курион, Гай (Младший) — народный трибун, блестящий оратор, подкупленный Юлием Цезарем в 50 г. до н. э. **Ан.**, XI, 7.
- Курионы см. Скрибоний Курион, Гай, или Скрибоний Курион, Гай (сын предыдущего), или Скрибоний Курион, Гай (внук первого Куриона).
- Куртизий, Тит — бывший воин преторианской когорты, возбуждавший рабов к восстанию. **Ан.**, IV, 27.

- Куртилий Манция — консул-суффект предположительно в декабре 55 г. н. э., наместник Верхней Германии в правление Нерона. **Ан.**, XIII, 56.
- Курций Атик — римский всадник, приближенный Тиберия, один из друзей Овидия. **Ан.**, IV, 58; VI, 10.
- Курций Монтан — поэт, обвиненный Коссуцианом Капитоном на процессе Траези Пэта в 66 г. н. э. **Ан.**, XVI, 28, 29, 33. **И.**, IV, 40, 42, 43.
- Курций Руф — наместник Верхней Германии в 47 г. н. э., консул-суффект в неустановленном году. **Ан.**, XI, 20, 21.
- Курций Север — префект римского войска. **Ан.**, XII, 55.
- Курция бассейн — общественное водохранилище в Риме. **И.**, I, 41; II, 55.
- Кутий Луп — квестор. **Ан.**, IV, 27.
- Лабеон Антистий см. Антистий Лабеон, Марк.
- Лакедемоняне — жители Лакедемона, или, что то же, Спарты. **Ан.**, IV, 43; XI, 24. **О.**, 40.
- Лакон см. Корнелий Лакон.
- Лакон — знатный ахеец (грек). **Ан.**, VI, 18.
- Лангобарды — германское племя, обитавшее по обоим берегам нижнего течения Эльбы, куда оно переселилось в IV в. до н. э. из Скандинавии, в VI в. н. э. двинулось дальше на юг и в 568 г. захватило северную Италию (Ломбардию). **Ан.**, II, 5, 45, 46; XI, 17. **Г.**, 40.
- Ланувий — город к юго-востоку от Рима. **Ан.**, III, 48.
- Лаодикей — город в Сирии. **Ан.**, II, 79.
- Лаодикей — город во Фригии. **Ан.**, IV, 55; XIV, 27.
- Латеран см. Плавтий Латеран.
- Латиний Пандуса — наместник провинции Мезия в 19 г. н. э. **Ан.**, II, 66.
- Латиняне — народы и племена всей Италии (кроме римлян), получившие права гражданства после Союзнической войны (90—88 гг. до н. э.). **Ан.**, XI, 24.
- Латона — жена Юпитера (до Юноны), мать Аполлона и Дианы (римск. мифология). **Ан.**, III, 61; XII, 61.
- Лаций (Старый) — земли, на которых, согласно римской традиции, первоначально обитало племя латинов (прибрежная полоса от Тибра до мыса Цирцеи). **Ан.**, IV, 5; XI, 23.
- Лаэрт — отец Одиссея. **Г.**, 3.
- Левки — галльское племя, обитавшее на востоке центральной части Галлии. **И.**, I, 64.
- Легерда — крепость к западу от Тигранокерты (Армения). **Ан.**, XIV, 25.
- Леканий — воин, возможный убийца имп. Гальбы. **И.**, I, 41.
- Леканий Басс, Гай — консул 64 г. н. э. **Ан.**, XV, 33.
- Лелий, Гай — римский политический деятель, военачальник, оратор, писатель II в. до н. э. **О.**, 25.
- Лелий Бальб — видный оратор, обвинитель Акуция, бывшей жены Публия Вителлия. **Ан.**, VI, 47, 48.
- Лелия — весталка. **Ан.**, XV, 22.
- Лемовии — германское племя, обитавшее в I—II вв. н. э. в нижнем течении Одера. **Г.**, 44.
- Лентул (авгур) см. Корнелий Лентул, Гней, консул 14 г. до н. э.
- Лентулы см. Корнелий Лентул Клодиан, Гней, или Корнелий Лентул Сура. Публий.
- Лентул Гетулик см. Корнелий Лентул Гетулик, Гней.
- Лепид см. Эмилий Лепид, Маний, или Эмилий Лепид, Марк, консул 46 г. до н. э., или Эмилий Лепид, Марк, консул 78 г. до н. э., или Эмилий Лепид, Марк, приближенный Калигулы.
- Лепида см. Домиция Лепида или Эмилия Лепида.
- Лепта (Малая) — город в Северной Африке, в Нумидии, ныне Лемта. **Ан.**, III, 74. **И.**, IV, 50.
- Лептийцы — жители г. Лепты. **И.**, IV, 50.
- Лесбос — остров на Эгейском море с главным городом Митилены. **Ан.**, II, 54; VI, 3.
- Лжефилипп — раб Андриска, выдававший себя за Филиппа, сына Персея Македонского, и возглавивший народное восстание в Македонии в 149—148 гг. до н. э. **Ан.**, XII, 62.
- Либер — древнеиталийский бог оплодотворения, отождествленный позднее с Вакхом. **Ан.**, II, 49; III, 61; IV, 31. **И.**, V, 5.
- Либеры — древнеиталийская богиня подземного царства, в римской мифологии — Прозерпина. **Ан.**, II, 49.

- Либон см. Скрибоний Либон Друз, Марк.
- Ливан — горная цепь в Сирии, отделяющая Финикию от Келесирии. **И.**, V, 6.
- Ливии — старинный римский род. **Ан.**, V, 1; VI, 51.
- Ливии Друзы — ветвь римского рода Ливиев, к которой по женской линии принадлежал имп. Клавдий. **Ан.**, XI, 35.
- Ливий, Тит (59 г. до н. э.—17 г. н. э.) — знаменитый римский историк. **Ан.**, IV, 34. **А.**, 10.
- Ливий Друз, Марк — народный трибун 91 г. до н. э., стремившийся провести ряд земельных и судебных реформ, а также распространить римское гражданство на всех италийских союзников; в том же году убит политическими противниками. **Ан.**, III, 27.
- Ливиней Регул — сенатор, предположительно отец Ливинейя Регула, устроителя гладиаторских игр в Помпеях в 59 г. н. э. **Ан.**, III, 11.
- Ливиней Регул — устроитель гладиаторских игр в Помпеях в 59 г. н. э. **Ан.**, XIV, 17.
- Ливия — страна на северном побережье Африки. **Ан.**, II, 60. **И.**, V, 2.
- Ливия см. Ливия Друзилла или Ливия Ливилла.
- Ливия Друзилла — третья жена имп. Августа, мать имп. Тиберия (55 г. до н. э.—29 г. н. э.), с 14 г. н. э., после смерти Августа, получившая имя Августы. **Ан.**, I, 3, 5, 6, 8, 10, 13, 14, 33; II, 14, 34, 43, 77, 82; III, 3, 15, 17, 18, 34, 64, 71; IV, 8, 11, 16, 21, 22, 57, 71; V, 1—3; VI, 5, 26, 29; XII, 69.
- Ливия Ливилла — дочь Друза Старшего, сестра Германика, жена Друза Младшего. **Ан.**, II, 43, 84; IV, 3, 10, 12, 39, 40, 60; VI, 2, 29.
- Лигд — евнух, снабдивший Сеяна ядом, которым был отравлен Друз Младший. **Ан.**, IV, 8, 10, 11.
- Лигурия — северо-западный угол Апеннинского полуострова. **И.**, II, 15. **А.**, 7.
- Лигуры — обитатели Лигурии. **Ан.**, XVI, 15. **И.**, II, 14.
- Лид — сын царя Атиса, первый царь Лидии (греч. мифология). **Ан.**, IV, 55.
- Лидия — страна в М. Азии со знаменитым храмом Артемиде. **Ан.**, III, 61.
- Лидяне — жители Лидии. **Ан.**, IV, 55.
- Ликийское море — часть Средиземного моря, омывающая с юга М. Азию. **Ан.**, II, 60.
- Ликийцы — жители области Ликии. **Ан.**, XIII, 33.
- Ликия — область в М. Азии между Карией и Памфилией. **Ан.**, II, 79.
- Ликург — полубогочеловек, древнейший законодатель Спарты. **Ан.**, III, 26. **О.**, 25.
- Лин — сын Аполлона и брат Орфея, мудрец, ученый, музыкант, обучавший Геракла музыке и убитый им (греч. мифология). **Ан.**, XI, 14. **О.**, 12.
- Лингоны — кельтское племя, обитавшее по соседству с секванами; их главным городом был Андемагус, ныне Лангр. **И.**, I, 53, 54, 57, 59, 64, 78; II, 27; IV, 55, 57, 67, 69, 70, 73, 76, 77.
- Лирис — река, берущая начало в Апеннинских горах и протекающая близ Фуцинского озера, ныне Гарильяно. **Ан.**, XII, 56.
- Лисий — знаменитый афинский оратор (около 440—380 гг. до н. э.). **О.**, 12, 25.
- Лициний Архий, Авл — подзащитный Цицерона, греческий поэт, проживавший в Риме и привлеченный к суду за незаконное присвоение римского гражданства (в 62 г. до н. э.). **О.**, 37.
- Лициний Габол — бывший претор, после убийства Агриппины возвращенный Нероном из ссылки. **Ан.**, XIV, 12.
- Лициний Кальв, Гай — оратор и поэт (82—48 гг. до н. э.); из сочинений Кальвы сохранились лишь незначительные фрагменты. **О.**, 17, 18, 21, 23, 25, 26, 34, 38.
- Лициний Красс, Луций — знаменитый римский оратор, консул 95 г. до н. э. (140—91 гг. до н. э.). **О.**, 18, 26, 34, 35.
- Лициний Красс, Марк — член первого триумвирата (Юлий Цезарь, Помпей, Красс), погибший вместе со всем своим войском в сражении с парфянами (53 г. до н. э.). **Ан.**, I, 1; II, 2. **И.**, I, 15. **Г.**, 37. **О.**, 37.
- Лициний Красс Фруги, Марк — консул 27 г. н. э., отец Гая Кальпурния Пизона Лициниана, усыновленного императором Гальбой и погибшего вместе с ним. **Ан.**, IV, 62. **И.**, I, 14.
- Лициний Красс Фруги, Марк — консул в 64 г. н. э., сын Марка Лициния

- Красса Фруги, консула 27 г. н. э. **Ан.**, XV, 33. **И.**, I, 48; IV, 42.
- Лициний Лукулл, Луций — консул 74 г. до н. э., выдающийся полководец, оратор; славился своим богатством, покровительствовал писателям и ученым. **Ан.**, IV, 36; VI, 50; XI, 1, 32, 37; XII, 62; XIII, 34; XV, 14, 27. **О.**, 37.
- Лициний Лукулл, Марк — консул 73 г. до н. э., оратор, брат Луция Лициния Лукулла.
- Лициний Муциан, Марк — полководец, друг Веспасиана, консул в 52, 70 и 74 гг. н. э. **И.**, I, 10, 76; II, 4, 5, 7, 74, 76—84, 95; III, 1, 8, 25, 46, 47, 49, 52, 53, 63, 66, 75, 78; IV, 4, 11, 24, 39, 44, 46, 49, 68, 75, 80, 85, 86; V, 26. **А.**, 7. **О.**, 37.
- Лициний Прокул — друг имп. Отона. **И.**, I, 46, 82, 87; II, 33, 39, 40, 44, 60.
- Лициний Силий Нерва, Авл — консул 65 г. н. э. **Ан.**, XV, 48.
- Лициний Цецина — сенатор. **И.**, II, 53.
- Локуста — знаменитая смесительница ядов. **Ан.**, XII, 66; XIII, 15.
- Лоллий Паулин (Старший), Марк — консул 21 г. до н. э., полководец Августа. **Ан.**, I, 10; III, 48.
- Лоллий Паулин (Младший), Марк — консул-суффект в неуставленном году, сын Марка Лоллия Паулина Старшего. **Ан.**, XII, 1.
- Лоллия Паулина — дочь Марка Лоллия Паулина Младшего. **Ан.**, XII, 1, 2, 22; XIV, 12.
- Лонгин см. Эмилий Лонгин.
- Лондиний — город в Британии на земле племени тринобантов, ныне Лондон. **Ан.**, XIV, 33.
- Лугдун (Лугдунум) — главный город провинции Лугдунская Галлия, ныне Лион. **Ан.**, III, 41; XVI, 13. **И.**, I, 51, 59, 54, 65, 74; II, 59, 65; IV, 85, 86.
- Лугдунская Галлия см. Галлия Лугдунская.
- Лугдунская колония см. Лугдун.
- Лугдуны — жители г. Лугдуна. **Ан.**, XVI, 13.
- Лугин — собирательное название ряда германских племен, обитавших к северу от Карпат, между Одером и Вислой (наиболее значительные из этих племен, по Тациту, — гарии, гельвеконы, манны, гелизии, наганарвалы). **Ан.**, XII, 29, 30. **Г.**, 43, 44.
- Лузий Сатурнин — консул-суффект неуставленного года в правление Тиберия. **Ан.**, XIII, 43.
- Лузий Сатурнин Гета — префект преторианцев при имп. Клавдии, командовавший ими совместно с Руфрием Криспином. **Ан.**, XI, 31, 33; XII, 42.
- Лузитания — римская колония на западе Пиренейского полуострова (приблизительно нынешняя Португалия). **Ан.**, XIII, 46. **И.**, I, 13, 21, 22.
- Лузитаны — жители римской провинции Лузитания. **И.**, I, 70.
- Лук — город гальского племени воконтиев, ныне Люк. **И.**, I, 66.
- Лукан см. Анней Лукан.
- Луканий (Латиний) Лацнар — бывший претор, один из обвинителей Тития Сабина. **Ан.**, IV, 68, 69, 71; VI, 4.
- Лукания — область на юге Италии. **Ан.**, XI, 24. **И.**, II, 83.
- Лукреций, Спурий — легендарный заместитель Тарквиния Гордого на время его отлучек из Рима. **Ан.**, VI, 11.
- Лукреций Кар, Тит — знаменитый римский поэт, автор поэмы «О природе» (около 98—55 гг. до н. э.). **О.**, 23.
- Лукринское озеро — соленое озеро близ г. Байи, отделявшееся от моря частью естественной, частью искусственной перемычкой, ныне морской залив (Пущолийский). **Ан.**, XIV, 5.
- Лукулл см. Лициний Лукулл, Луций.
- Лукуллы см. Лициний Лукулл, Луций, и Лициний Лукулл, Марк.
- Лукцей Альбин — прокуратор Мавритании Цезарейской и Тингитанской в 69 г. н. э. **И.**, II, 58, 59.
- Лукций Телезин, Гай — консул 66 г. н. э. **Ан.**, XVI, 14.
- Луна — богиня луны, дочь Латоны, позднее отождествленная с Дианой (греко-римская мифология). **Ан.**, XV, 41.
- Лупия — правый приток Рейна (ныне Липпе). **Ан.**, I, 60; II, 7. **И.**, V, 22.
- Лурий Вар — консул-суффект в неуставленном году. **Ан.**, XIII, 32.
- Лутация — древний римский род плебейского происхождения. **И.**, I, 15.
- Лутаций Катул — известный оратор, сын победителя кимвров Квинта Лутация Катула. **И.**, III, 72.
- Луцерия — город в Апулии, ныне Лучера. **И.**, III, 86.
- Луций Антоний см. Антоний, Луций.

Луций Апоний см. Апоний Луций.
 Луций Апроний см. Апроний, Луций.
 Луций Аррунций см. Аррунций, Луций.
 Луций Аспренат см. Ноний Аспренат, Луций.
 Луций Афиний см. Афиний, Луций.
 Луций Бестия см. Кальпурний Бестия, Луций.
 Луций Брут см. Юний Брут, Луций.
 Луций Вестин см. Вестин, Луций.
 Луций Ветер см. Антистий Ветер, Луций.
 Луций Випстан см. Випстан, Луций.
 Луций Вителлий см. Вителлий, Луций (отец императора), или Вителлий Луций (брат императора).
 Луций Волузий см. Волузий Сатурнин, Луций, консул 12 г. до н. э. или Волузий Сатурнин, Луций, сын предыдущего.
 Луций Домиций см. Домиций Агенобарб, Луций.
 Луций Кассий см. Кассий Лонгин, Луций, — муж Друзиллы, дочери Германика.
 Луций Котта см. Котта, Луций.
 Луций Либон см. Скрибоний Либон, Луций.
 Луций Лукулл см. Лициний Лукулл, Луций.
 Луций Метелл см. Метелл, Луций.
 Луций Муммий см. Муммий, Луций.
 Луций Норбан см. Норбан Флакк, Луций.
 Луций Павел см. Эмилий Павел, Луций.
 Луций Пизон см. Кальпурний Пизон, Луций.
 Луций Питуаний см. Питуаний, Луций.
 Луций Помпоний см. Помпоний Флакк, Луций.
 Луций Публиций см. Публиций Маллеол, Луций.
 Луций Силан см. Юний Силан, Луций.
 Луций Стертиний — см. Стертиний, Луций.
 Луций Сулла см. Корнелий Сулла, Луций.
 Луций Сципион см. Корнелий Сципион, Луций.
 Луций Цезарь см. Цезарь, Луций.
 Луций Энний см. Энний, Луций.
 Луцилий — центурион. **Ан.**, I, 23.
 Луцилий, Гай — поэт, основоположник римской сатиры (II в. до н. э.). **О.**, 23.
 Луциллий Басс — командующий Мизенской и Равеннской эскадрами римского

флота в 69 г. н. э. **И.**, II, 100, 101; III, 12, 13, 36, 40; IV, 3.
 Луцилий Капитон — прокуратор провинции Азия в 23 г. н. э. **Ан.**, IV, 15.
 Луцилий Лонг — консул-суффект 7 г. н. э., приближенный Тиберия. **Ан.**, IV, 15.
 Маврик см. Юний Маврик.
 Мавритания см. Мавритания.
 Мавритания — область в северо-западной Африке, разделенная римлянами на 2 провинции: Мавританию Цезарейскую (на востоке) и Мавританию Тингитанскую (на западе). **Ан.**, IV, 5. **И.**, I, 11; II, 58, 59.
 Мавритания Тингитанская см. Мавритания.
 Мавритания Цезарейская см. Мавритания.
 Мавританцы — жители Мавритании. **Ан.**, II, 52; IV, 23, 24; XIV, 28. **И.**, I, 78; II, 58; IV, 50.
 Магий Цецилиан — претор. **Ан.**, III, 37.
 Магн см. Кальпурний Пизон Магн.
 Магнесийцы — жители г. Магнесии. **Ан.**, III, 62.
 Магнесия — город на р. Меандр, в Карии. **Ан.**, III, 62; IV, 55.
 Магнесия — город у границы Лидии и Фригии близ горы Сипил. **Ан.**, II, 47.
 Мазиппа — вождь мавританцев. **Ан.**, II, 52.
 Македония — область в северной Греции, с 148 г. до н. э. — римская провинция. **Ан.**, I, 76, 80; III, 38; V, 10.
 Македоняне — жители Македонии. **Ан.**, II, 55; III, 38, 61; VI, 28, 31, 41; XII, 62. **И.**, IV, 83; V, 8. **О.**, 40.
 Макр см. Марций Макр.
 Макрон см. Невий Серторий Макрон.
 Максим Скавр — центурион преторианцев, участник заговора Пизона. **Ан.**, XV, 50.
 Маллий Максим, Гней — консул, совместно с Сервилием Цепионом начальствовавший над римским войском в битве при Аравзионе, в которой кимвры нанесли римлянам жестокое поражение (104 г. до н. э.). **Г.**, 37.
 Малловенд — вождь германского племени марсов. **Ан.**, II, 25.
 Малориг — вождь германского племени фризов. **Ан.**, XIII, 54.
 Мамерк Скавр см. Эмилий Скавр, Мамерк.

- Маммий Поллион — консул-суффект 49 г. н. э. **Ан.**, XII, 9.
- Маний Ацилий см. Ацилий Авиола, Маний.
- Маний Лепид см. Эмилий Лепид, Маний.
- Маний Энний см. Энний, Маний.
- Манимы см. Лугии.
- Манлии — знатный римский род. **Ан.**, III, 76.
- Манлий — любовник Аппулея Вариллы. **Ан.**, II, 50.
- Манлий Валент, Тит — командир легиона в Британии и во время гражданской войны 69 г. н. э., в 96 г. — консул. **Ан.**, XII, 40. **И.**, I, 61.
- Манлий Патруит — сенатор в правление имп. Веспасиана. **И.**, IV, 45.
- Манн — мужское божество древних германцев, считавших его своим прародителем. **Г.**, 2.
- Мар — левый приток Дуная (ныне Моравы). **Ан.**, II, 63.
- Марды — племя в Мидии, обитавшее на южном побережье Каспийского моря, в Армении и в Персиде (область у Персидского залива) **Ан.**, XIV, 23.
- Марий, Гай — знаменитый римский полководец, глава демократической партии, упорно боровшийся с Суллой, 7 раз был консулом, умер в 86 г. до н. э. **Ан.**, I, 9; XII, 60. **И.**, II, 38. **Г.**, 37.
- Марий, Публий — консул 62 г. н. э. **Ан.**, XIV, 48.
- Марий, Секст — богач из Испании. **Ан.**, IV, 36; VI, 19.
- Марий Матур — прокуратор области Приморские Альпы. **И.**, II, 12; III, 42, 43.
- Марий Непот — бывший претор. **Ан.**, II, 48.
- Марий Цельс — командир легиона в войске Домиция Корбулона, впоследствии избранный консулом на 70 г. н. э. **Ан.**, XV, 25. **И.**, I, 14, 31, 39, 45, 71, 77, 87, 90; II, 23—25, 33, 39, 40, 44, 60.
- Марикк — галл из племени бойев, в 69 г. н. э. выступивший против римлян. **И.**, II, 61.
- Марк Аврелий см. Аврелий Котта (Месалин), Марк.
- Марк Азиний см. Азиний Марцелл, Марк.
- Марк Атей см. Атей, Марк.
- Марк Валерий см. Валерий Мессала Корвин, Марк.
- Марк Виниций см. Виниций, Марк.
- Марк Гортал см. Гортензий Гортал, Марк.
- Марк Лепид см. Эмилий Лепид, Марк.
- Марк Лициний см. Лициний Красс Фруги, Марк.
- Марк Лоллий см. Лоллий Паулин, Марк, консул-суффект в неустановленном году.
- Марк Опсий см. Опсий, Марк.
- Марк Отон см. Сальвий Отон, Марк.
- Марк Паконий см. Паконий, Марк.
- Марк Пизон см. Кальпурний Пизон, Марк.
- Марк Порций см. Порций Катон, Марк.
- Марк Публиций см. Публиций Маллеол, Марк.
- Марк Сервилий см. Сервилий, Марк, или Сервилий Нониан, Марк.
- Марк Силан см. Юний Силан, Марк.
- Марк Скавр см. Эмилий Скавр, Марк.
- Марк Суиллий см. Суиллий Неруллин, Марк.
- Марк Теренций см. Теренций, Марк.
- Марк Требеллий см. Требеллий, Марк.
- Маркодур — деревня в северной Германии, ныне г. Дюрен. **И.**, IV, 28.
- Маркоманы — германское племя (ветвь свебов), обитавшее к югу от р. Майн и переселившееся затем на территорию нынешней Богемии, которая перед тем была покинута бойями. **Ан.**, II, 46, 62. **Г.**, 42, 43.
- Маробод — царь германского племени маркоманов, в 8 г. до н. э. основавший сильное царство; в 17 г. н. э. разбитый Арминием, в 19 г. — готами, бежал к Тиберию; умер в 37 г. в Равенне. **Ан.**, II, 26, 44—46, 61—63, 88, III, 11. **Г.**, 42.
- Марс — бог войны (римск. мифология). **Ан.**, II, 22, 32, 64; III, 18, 58; XIII, 8, 57. **И.**, IV, 64. **Г.**, 9.
- Марс Вибий см. Вибий Марс, Гай.
- Марс Мститель см. Марс.
- Марсаки — предположительно германское племя, обитавшее по соседству с батавами. **И.**, IV, 56.
- Марсигны — германское племя, обитавшее в северной Богемии, в верховьях Эльбы. **Г.**, 43.
- Марсово поле — незастроенное пространство в древнем Риме на берегу Тибра, место народных собраний. **Ан.**, I, 8; III, 4; XIII, 17, 31; XV, 39. **И.**, I, 86; II, 95; III, 82.

- Марсы — германское племя, обитавшее между Рейном, Липпе и Эмсом. **Ан.**, I, 50, 56; II, 25. **И.**, III, 59. **Г.**, 2.
- Мартина — известная смесительница ядов. **Ан.**, II, 74; III, 7.
- Марцелл см. Эприй Марцелл, Тит, или Клавдий Марцелл, Марк.
- Марциал см. Корнелий Марциал.
- Марциан см. Икел Марциан.
- Марциев источник — источник, поставлявший в Рим лучшую питьевую воду; назван по имени Квинта Марция Рекса, который отвел его воду в Рим в 149 г. до н. э. **Ан.**, XIV, 22.
- Марций, Публий — осужден по обвинению в ведовстве и казнен в 16 г. н. э. **Ан.**, II, 32.
- Марций Макр — военачальник в войске Отона, консул-суффект 69 г. н. э. **И.**, II, 23, 35, 36, 71.
- Марций Фест — римский всадник, участник заговора Пизона. **Ан.**, XV, 50.
- Марций Филипп, Луций — консул-суффект 38 г. до н. э. **Ан.**, III, 72.
- Марция — жена Фабия Максима. **Ан.**, I, 5.
- Массилийцы — жители Массилии. **Ан.**, IV, 43.
- Массилия — греческая колония на юге Галлии, основанная выходцами из Фокеи около 600 г. до н. э. (ныне Марсель); покоренная Юлием Цезарем в 49 г. до н. э., Массилия пользовалась некоторой автономией вплоть до поздней империи; в императорский период многие римские юноши отправлялись в Массилию для получения образования, подобно тому как ранее ездили с той же целью в Афины. **Ан.**, IV, 44; XIII, 47; XIV, 57. **И.**, III, 43. **А.**, 4.
- Матерн см. Куриаций Матерн.
- Матий, Гай — друг Юлия Цезаря, приближенный Августа, римский всадник. **Ан.**, XII, 60.
- Маттиаки — германское племя (ветвь хаттов), обитавшее на правом берегу Рейна между Майном и Ланом; после римских походов 83 и 88 гг. н. э. стало подвластно римлянам. **Ан.**, XI, 20. **И.**, IV, 37. **Г.**, 29.
- Маттий — главный город племени хаттов. **Ан.**, I, 56.
- Матур см. Марий Матур.
- Мевания — город в Умбрии, ныне Беванья. **И.**, III, 55, 59.
- Мевий Пудент — приближенный Тигеллина. **И.**, I, 24.
- Мегердат — внук Фраата IV, сын Вонона. **Ан.**, XI, 10; XII, 10—14.
- Медая — волшебница, супруга Ясона, убившая прижитых ею с Ясоном детей, когда он, покинув ее, женился на другой (греч. мифология). **Ан.**, VI, 34. **О.**, 3, 12.
- Медиолан — город в северной Италии, ныне Милан. **И.**, I, 70.
- Медиоматрики — кельтское племя в Бельгии; их главный город был Диводур (ныне Мец). **И.**, I, 63; IV, 70—72.
- Мезийцы — воины из легионов, размещенных в Мезии. **И.**, III, 11.
- Мезия — римская провинция в нижнем течении Дуная. **Ан.**, I, 80; II, 66; IV, 5, 47; VI, 29; XV, 6. **И.**, I, 76, 79; II, 32, 74, 83, 85; III, 5, 11, 18, 46, 53, 75; IV, 54; V, 26. **А.**, 41.
- Мелитена — город (ныне Малатья) в Каппадокии на р. Евфрат. **Ан.**, XV, 26.
- Меммий Регул, Гай — консул 63 г., сын Публия Меммия Регула, консула 31 г. н. э. **Ан.**, XV, 23.
- Меммий Регул, Публий — консул-суффект 31 г. н. э. **Ан.**, V, 11; VI, 4; XII, 22; XIV, 47.
- Мемнон — мифологический царь Ассирии, создатель ряда гигантских сооружений, которому греки приписывали и 2 огромные статуи фараона из XVIII династии Аменхотепа III (вторая половина XV в. до н. э.), поставленные в его поминальном храме. **Ан.**, II, 61.
- Мемфис — столица древнего Египта (на левом берегу Нила). **И.**, IV, 84.
- Мен — река в Германии (нынешний Майн). **Г.**, 28.
- Менапии — кельтское племя, обитавшее в Бельгии. **И.**, IV, 28.
- Менелай — по «Илиаде» Гомера, спартанский царь, младший брат Агамемнона, муж Елены, из-за которой возгорелась Троянская война. **Ан.**, II, 60.
- Менений Агриппа — консул 503 г. до н. э., согласно рассказу Тита Ливия посланный патрициями к плебеям, удалившимся в 494 г. до н. э. на Священную гору. **О.**, 17, 21.

- Меркурий — бог-покровитель искусств, ремесел и торговли, вестник богов (римск. мифология). **Ан.**, XIII, 57. **Г.**, 9.
- Мессопотамия — местность между реками Тигром и Евфратом. **Ан.**, VI, 36, 37, 44; XII, 12.
- Мессала см. Валерий Мессала Корвин, Марк, или Випстан Мессала.
- Мессалин см. Валерий Мессалин.
- Мессалин Котта см. Аврелий Котта (Мессалин), Марк.
- Мессалина см. Валерия Мессалина.
- Мессенцы — жители города Мессены в Пелопоннесе. **Ан.**, IV, 43.
- Метелл, Луций — глава коллегии верховных жрецов в 242 г. до н. э.
- Метеллы см. Цецилий Метелл Целер, Квинт, и Цецилий Метелл Непот, Квинт.
- Метродор (из Лампсака) — наиболее знаменитый из учеников Эпикура, умер в 277 г. до н. э.; ни одно из его сочинений не сохранилось. **О.**, 31.
- Меттий Кар — известный доносчик при имп. Домициане. **А.**, 45.
- Мефитис — богиня вредных испарений из земли (римск. мифология). **И.**, III, 33.
- Меценат см. Цильний Меценат, Гай.
- Мидяне — жители крупного государства во внутренней Азии, граничившего с Парфией и Гирканией на востоке, с Персидой и Сузианой на юге, с Арменией и Ассирией на западе. **Ан.**, II, 4, 56, 60; VI, 34; XII, 14; XIII, 41; XIV, 26; XV, 2, 31. **И.**, V, 8.
- Мизенский мыс — мыс в Кампании. **Ан.**, VI, 50; XIV, 4; XV, 46.
- Мизенский флот — эскадра римского флота, имевшая стоянку в Мизенах. **Ан.**, XIV, 3, 62; XV, 51. **И.**, II, 9, 100; III, 56, 57, 60.
- Мизены — город в Кампании близ г. Байи. **Ан.**, IV, 5; XV, 51.
- Милет — город на побережье Кари (М. Азия), крупный торговый и промышленный центр. **Ан.**, II, 54; IV, 55.
- Милетцы — жители г. Милета в Кари. **Ан.**, III, 63; IV, 43.
- Мидах — вольноотпущенник Флавия Сцевиана. **Ан.**, XV, 54, 55, 59, 71.
- Милон см. Анний Милон, Тит.
- Минерва — дочь Юпитера, богиня — покровительница наук, искусств и ремесел, а также войны (римск. мифология). **Ан.**, XIII, 24; XIV, 12. **И.**, IV, 53.
- Минос, или Миной, — легендарный царь древнего Крита. **Ан.**, III, 26.
- Минтурны — город в южном Лацин. **И.**, III, 57.
- Минуций Терм — бывший претор. **Ан.**, XVI, 20.
- Минуций Терм — римский всадник. **Ан.**, VI, 7.
- Минуций Юст — префект лагеря VII легиона в 69 г. н. э. **И.**, III, 7.
- Мирина — портовый город в Мизии (М. Азия). **Ан.**, II, 47.
- Митилены — город на о. Лесбосе (ныне Митилини). **Ан.**, VI, 18; XIV, 53. **О.**, 15.
- Митридат — ибер, брат иберского царя Фарасмана. **Ан.**, VI, 32, 33; XI, 8, 9; XII, 44—48.
- Митридат Боспорский VII — боспорский царь, брат Котиса, захватившего царскую власть и опиравшегося на римлян. **Ан.**, XII, 15—21.
- Митридат VI Евпатор — царь Понтийский, непримиримый враг римлян, проводивший 3 войны с ними (88—84, 83—81, 74—64 гг. до н. э.). **Ан.**, II, 55; III, 62, 73; IV, 14, 36, 62.
- Мнестер — вольноотпущенник Агриппины Младшей, заколовшийся после сожжения ее тела. **Ан.**, XIV, 9.
- Могонциак, или Могунциак, — город в области германского племени вангионов, ныне Майнц. **И.**, IV, 15, 24, 25, 33, 37, 61, 62, 70, 71.
- Моза — река (ныне Маас) в римской провинции Белгика. **Ан.**, II, 6; XI, 20. **И.**, IV, 28, 66; V, 23.
- Мозелла — приток Рейна в Белгике, ныне Мозель. **Ан.**, XIII, 53. **И.**, IV, 71, 77.
- Моисей — вождь покинувших Египет иудеев. **И.**, V, 3, 4.
- Мона — остров у западного побережья Британии (ныне Англси). **Ан.**, XIV, 29. **А.**, 14, 18.
- Монез — парфянский военачальник. **Ан.**, XV, 2, 4, 5.
- Монобаз — царь Адиабены. **Ан.**, XV, 1, 14.
- Монтан см. Альпиний Монтан или Курций Монтан.
- Море-Океан — см. Океан.
- Морины — кельтское племя, обитавшее в Белгике. **И.**, IV, 28.

- Мостенцы — жители города Мостены в Лидии (М. Азия). **Ан.**, II, 47.
- Мосх — вольноотпущенник, командир флота имп. Отона в 69 г. н. э. **И.**, I, 87.
- Мосхи — народ, обитавший на северо-западе Армении. **Ан.**, XIII, 37.
- Музоний Руф — известный философ-стоик, родом этруск, учитель Эпиктета, посланный в связи с заговором Пизона в 65 г. н. э. **Ан.**, XIV, 59; XV, 71. **И.**, III, 81; IV, 10, 40.
- Музы — 9 дочерей Зевса и Мнемосины, богини наук и искусств: Клио — истории, Эвтерпа — музыки, Талия — комедии, Мельпомена — трагедии, Терпсихора — танца, Эрато — элегической поэзии, Поллимния — лирической поэзии, Урания — астрономии, Каллиопа — красноречия и героической поэзии. Музы вместе с Аполлоном обитали на горе Парнас и в горах Пинд и Геликон (греч. мифология). **О.**, 13.
- Мульвиен мост — мост через р. Тибр к северу от городской черты Рима (ныне Понте Молле). **Ан.**, XIII, 47. **И.**, I, 87; II, 89; III, 82.
- Муммий, Луций — консул 146 г. до н. э.; в том же году завоевал и разрушил Коринф. **Ан.**, IV, 43; XIV, 21.
- Мунаций Грат — римский всадник, участник заговора Пизона. **Ан.**, XV, 50.
- Мунаций Планк, Луций — консул 13 г. н. э. **Ан.**, I, 39.
- Муний Луперк — командир легиона в 69 г. н. э. **И.**, IV, 18, 22, 61.
- Мусулами — нумидийское племя. **Ан.**, II, 52; IV, 24.
- Мутилия Приска — приближенная матери Тиберия Августы, предположительно жена Гая Фуфия Гемина. **Ан.**, IV, 12.
- Мутина — город в северной Италии, ныне Модена, близ которого в 43 г. до н. э. войска Антония потерпели поражение от правительственных войск, возглавляемых консулами Гирцием и Пансой. **И.**, I, 50; II, 52, 54.
- Муций, Квинт см. Муций Сцевола Авгур, Квинт.
- Муций Сцевола Авгур, Квинт — римский консул 117 г. до н. э., юрист и философ-стоик, учитель Цицерона. **О.**, 30.
- Набалия — река в северо-западной Германии. **И.**, V, 26.
- Нава — приток Рейна, ныне Нас. **И.**, IV, 70.
- Навпорт — город в Верхней Паннонии близ нынешней Любляны в Югославии. **Ан.**, I, 20.
- Наганарвалы см. Лугии.
- Надежда — олицетворение надежды в виде богини; в Риме Надежде было посвящено несколько храмов. **Ан.**, II, 49.
- Наксос — остров из группы Кикладских. **Ан.**, XVI, 9.
- Нар — левый приток Тибра, ныне Нера. **Ан.**, I, 79; III, 9.
- Нарбоннская Галлия и Нарбоннская провинция см. Галлия Нарбоннская.
- Наристы — германское племя, обитавшее к югу от гермундуров на берегу Дуная, где он резко сворачивает на юго-восток. **Г.**, 42.
- Нарния — город на южном берегу р. Нар на Фламиниевой дороге, ныне Нарни. **Ан.**, III, 9. **И.**, III, 58, 60, 63, 67, 78, 79.
- Нарцисс — вольноотпущенник имп. Клавдия, его влиятельный приближенный. **Ан.**, XI, 29—31, 33—35, 37, 38; XII, 1, 2, 57, 65, 66; XIII, 1.
- Неаполитанцы — жители г. Неаполя. **Ан.**, XV, 33.
- Неаполь — приморский город в Кампании, ныне Неаполь. **Ан.**, XIV, 10; XV, 33; XVI, 10.
- Невий Серторий Макрон — префект преторианцев после Сеяна. **Ан.**, VI, 15, 23, 29, 38, 45—48, 50.
- Неметы — германское племя, ранее обитавшее по обоим берегам Рейна в его среднем течении, во время Тацита — на левом берегу, в районе нынешнего города Шпейера. **Ан.**, XII, 27. **Г.**, 28.
- Нептун — сын Сатурна и Реи, брат Юпитера и Плутона, бог морей и всех водоемов (римск. мифология). **Ан.**, III, 63.
- Нерва (Кокций Нерва, Марк) — римский император с 96 по 98 г. н. э. **Ан.**, XV, 72. **И.**, I, 1. **А.**, 3.
- Нервии — кельтизированное германское племя, обитавшее на берегах средней Шельды и Мааса. **И.**, IV, 15, 33, 56, 66, 79. **Г.**, 28.
- Нерон см. Нерон (император), или Нерон, сын Германика, или Тиберий (император), или Клавдий (император).
- Нерон (Клавдий Нерон Тиберий) — римский император с 54 по 68 г. н. э. **Ан.**,

- I, 1; IV, 53; VI, 22; XI, 11; XII, 3, 8, 9, 25, 26, 41, 58, 64, 65, 68, 69; XIII, 1—5, 7, 10—22, 25, 27, 29, 31, 33, 34, 37, 41—43, 45—47, 49, 50, 52, 54; XIV, 1—4, 7, 9—12, 14, 15, 18, 21, 22, 26, 27, 29, 31, 38, 39, 40, 45, 47—53, 55, 57—63, 65; XV, 3, 8, 14, 16, 18, 22, 23, 25, 29, 30, 32, 33—37, 39, 40, 42—53, 55—62, 64, 65, 67—69, 71—74; XVI, 1—4, 6—11, 14, 15, 17—26, 30, 31. **И.**, I, 2, 4—10, 13, 16, 20—22, 25, 30, 31, 37, 46—49, 51, 53, 65, 70, 72, 73, 76—78, 89, 90; II, 5, 8, 11, 14, 27, 54, 58, 66, 71, 76, 86, 95; III, 6, 62, 69; IV, 7, 8, 13, 41, 42—44; V, 10. **А.**, 6, 45. **О.**, 11, 17.
- Нерон — сын Германика (6—30 гг. н. э.). в 29 г. был сослан имп. Тиберием на о. Понтию (у побережья Лация в Италии) и там умерщвлен или, возможно, вынужден к самоубийству. **Ан.**, II, 43; III, 29; IV, 4, 8, 15, 17, 59, 60, 67, 70; V, 3, 4; VI, 27.
- Нерон Отон см. Сальвий Отон. Марк, римский император.
- Нероней — название, присвоенное в честь Нерона апрелю месяцу. **Ан.**, XVI, 12.
- Нероны — ветвь римского рода Клавдиев, к которому принадлежал имп. Клавдий. **Ан.**, XI, 35.
- Нерта — у германцев богиня земли и плодородия, особо почитавшаяся племенами, которые обитали к северу от нижнего течения Эльбы. **Г.**, 40.
- Нестор — царь Пилоса, старейший и мудрейший в стане греков во время Троянской войны («Илиада» и «Одиссея»). **О.**, 16.
- Никет Сacerдот — ритор из Смирны, преподававший в Риме, один из учителей Плиния Младшего. **О.**, 15.
- Никефорий — город в Месопотамии. **Ан.**, VI, 41.
- Никефорий — река, на которой был расположен г. Тигранокерта в Армении. **Ан.**, XV, 4.
- Никополь — город в римской провинции Ахайя (Греция). **Ан.**, II, 53; V, 10.
- Никострат — знаменитый греческий атлет I в. н. э. **О.**, 10.
- Нил — река, протекающая через Египет. **Ан.**, II, 60, 61.
- Нимфидий Сабин — префект преторианцев (вместе с Тигеллином) в последние годы правления имп. Нерона, в 69 г. н. э. поднявший восстание против имп. Гальбы и тогда же убитый. **Ан.**, XV, 72. **И.**, I, 5, 6, 25, 37.
- Ниневия — древняя столица Ассирии, ныне Мосул. **Ан.**, XII, 13.
- Нисибис — город в Месопотамии, ныне Нисибин, или Несабин. **Ан.**, XV, 5.
- Новария — город в северной Италии, ныне Новара. **И.**, I, 70.
- Новезий — город в северной Германии на левом берегу Рейна, ныне Нейсс. **И.**, IV, 26, 33, 35, 36, 57, 62, 70, 77, 79; V, 22.
- Новий Приск — приближенный Луция Аннея Сенеки, отправленный в ссылку в 65 г. н. э. **Ан.**, XV, 71.
- Нола — город в Кампании к северо-востоку от Везувия. **Ан.**, I, 5, 9; IV, 57.
- Ноний, Гней — римский всадник, обвиненный в намерении покуситься на жизнь имп. Клавдия. **Ан.**, XI, 22.
- Ноний Аспренат, Луций — консул-суффект 6 г. н. э. **Ан.**, I, 53; III, 18.
- Ноний Аттиан — сенатор, известный доносчик при имп. Нероне. **И.**, IV, 41.
- Ноний Репет — центурион. **И.**, I, 56, 59.
- Норбан, Гай — консул 83 г. до н. э. **И.**, III, 72.
- Норбан Флакк, Гай — консул 15 г. н. э. **Ан.**, I, 55.
- Норбан Флакк, Луций — консул 19 г. н. э. **Ан.**, II, 59.
- Норик — область к югу от Дуная между Реей и Паннонией; завоевана римлянами во втором десятилетии н. э. **Ан.**, II, 63. **И.**, I, 11, 70; III, 5. **Г.**, 5.
- Норики — жители римской провинции Норик. **И.**, V, 25.
- Нунтоны — небольшое германское племя, обитавшее в южной части Ютландского полуострова. **Г.**, 40.
- Нума Марций — легендарный заместитель Туллы Гостилия на время его отлучек из Рима. **Ан.**, VI, 11.
- Нума Помпилий — согласно традиционным представлениям римлян, второй римский царь, преемник Ромула. **Ан.**, III, 26, XV, 41.
- Нумантина — первая жена Плавтия Сильвана. **Ан.**, IV, 22.
- Нуманция — город в Тарраконской Испании, у которого осаждавшая его римская армия в 137 г. до н. э. была

- окружена нумантинцами и капитулировала. **Ан.**, XV, 13.
- Нумидийцы — обитатели Нумидии (Северная Африка, приблизительно территория нынешнего Алжира). **Ан.**, II, 52; III, 21; IV, 23—24; XVI, 1. **И.**, II, 40.
- Нумизий см. Нумизий Руф.
- Нумизий Луп — командир легиона в 69 г. н. э. **И.**, I, 79; III, 10.
- Нумизий Руф — командир легиона в 69 г. н. э. **И.**, IV, 22, 59, 70, 77.
- Нуцерийцы — жители г. Нуцерии. **Ан.**, XIV, 17.
- Нуцерия — город в Кампании, ныне Ночера. **Ан.**, XIII, 31; XIV, 17.
- Обарит — флотский центурион. **Ан.**, XIV, 8.
- Обультроний Сабин — претор казначейства в правление Нерона, казнен имп. Гальбой. **Ан.**, XIII, 28. **И.**, I, 37.
- Овидий Назон. Публий — крупнейший римский поэт (43 г. до н. э.—17 г. н. э.). **О.**, 12.
- Одиссей (по-латыни Улисс) — главный герой гомеровской «Одиссеи», после падения Трои пространствовавший 10 лет, пока не вернулся на родной остров Итаку. **Г.**, 3. **О.**, 16.
- Одрисы — фракийское племя, обитавшее в верховьях р. Гебр (ныне Марица). **Ан.**, III, 38.
- Озирис — египетский бог, муж Изиды, покровитель Египта. **И.**, IV, 84.
- Океан — по представлению древних, море, обтекающее со всех сторон сушу; в сочинениях Тацита — Северное море, Балтийское море, Атлантический океан и Северный Ледовитый океан. **Ан.**, I, 9, 63, 70; II, 6, 8, 15, 23, 24; IV, 72; XI, 20; XIII, 53; XIV, 32, 39; XV, 37. **И.**, I, 9; IV, 12, 15, 79; V, 23. **Г.**, 1—3, 17, 34, 37, 40, 44. **А.**, 10, 12, 15, 25.
- Окрикул — город к югу от Нарнии на Фламиниевой дороге, ныне Оттриколи. **И.**, III, 78.
- Оксионы, или этионы, — народ на севере Европы, о котором упоминает лишь Тацит в «Германии». **Г.**, 46.
- Октави — знатный римский род. **Ан.**, IV, 44.
- Октавий, Гай — отец императора Августа, римский полководец и государственный деятель, умер в 59 г. до н. э. **Ан.**, I, 9.
- Октавий Сагитта — народный трибун в 58 г. н. э. **Ан.**, XIII, 44. **И.**, IV, 44.
- Октавий Фронтон — сенатор, бывший претор. **Ан.**, II, 33.
- Октавия (Младшая) — сестра Августа, жена Марка Марцелла, потом Марка Антония (61—11 гг. до н. э.). **Ан.**, IV, 44, 75.
- Октавия Клавдия (42—62 гг. н. э.) — дочь Клавдия и Мессалины, первая жена Нерона. **Ан.**, XI, 32, 34; XII, 2—4, 9, 58, 68; XIII, 12, 16, 18, 19; XIV, 1, 59—63. **И.**, I, 13.
- Окция — весталка, умершая в 19 г. н. э. **Ан.**, II, 86.
- Олений — центурион. **Ан.**, IV, 72.
- Оллий, Тит — отец Поппеи Сабинны Младшей. **Ан.**, XIII, 45.
- Ономаст — вольноотпущенник имп. Отона. **И.**, I, 25, 27.
- Опитеггий — город в северной Италии, ныне Одерцо. **И.**, III, 16.
- Оппий, Гай — народный трибун, издавший в 215 г. до н. э. закон против роскоши среди женщин. **Ан.**, III, 33, 34.
- Оппий, Гай — влиятельный римский всадник в правление Юлия Цезаря, связанный с ним личной дружбой. **Ан.**, XII, 60.
- Опсий, Марк — бывший претор, один из обвинителей Тития Сабина. **Ан.**, IV, 68, 71.
- Ордовики — британское племя, обитавшее в северной части нынешнего Уэльса. **Ан.**, XII, 33. **А.**, 18.
- Оркадские острова — группа островов у северных берегов Шотландии (ныне Оркнейские). **А.**, 10.
- Орноспад — парфянский сановник, правитель Месопотамии. **Ан.**, VI, 37.
- Ород — сын парфянского царя Артабана III. **Ан.**, VI, 33—35.
- Ортигия — священная роща близ г. Эфеса. **Ан.**, III, 61.
- Орфей — сын Аполлона, вдохновенный поэт и певец, растерзанный вакханками (греч. мифология). **О.**, 12.
- Орфидий Бенингн — командир легиона. **И.**, II, 43, 45.
- Орфит см. Корнелий Орфит, Сервий

- Оски, или Опики, — италийский народ, обитавший в Кампании, по соседству с Лацием. **Ан.**, IV, 14.
- Остия — город в устье Тибра близ Рима, являвшийся его морским портом. **Ан.**, II, 40; XI, 26, 29, 31, 32; XV, 39; XVI, 9. **И.**, I, 80; II, 63.
- Осторий Сабин — римский всадник, выдвинувший обвинения против Сервилия Барес Сорана в 66 г. н. э. **Ан.**, XVI, 23, 30, 33.
- Осторий Скапула, Марк — сын наместника Британии Публия Остория Скапулы. **Ан.**, XII, 31; XIV, 48; XVI, 14, 15.
- Осторий Скапула, Публий — наместник Британии с 47 по 52 (?) г. н. э. **Ан.**, XII, 31, 32, 35, 38, 39. **А.**, 14.
- Осы — племя иллирийского происхождения, жившее на левом берегу Дуная; Тацит ошибочно причисляет их к германцам. **Г.**, 28, 43.
- Отон см. Сальвий Отон, Марк, римский император, или Сальвий Отон Тициан, Луций.
- Павел см. Эмилий Павел, Луций.
- Павел Фабий см. Фабий Персик. Павел.
- Пагид — река в Северной Африке (предположительно в Нумидии). **Ан.**, III, 20.
- Пад — река в северной Италии, ныне По. **Ан.**, XI, 24. **И.**, I, 70; II, 11, 17, 19, 20, 22, 23, 32, 34, 39, 40, 43, 44; III, 34, 50, 52.
- Пакарий, Декум (Децим) — прокуратор о. Корсики. **И.**, II, 16.
- Пакониан см. Секстий Пакониан.
- Паконий, Марк — один из обвинителей наместника провинции Азия Гая Силана в 22 г. н. э. **Ан.**, III, 67.
- Паконий Агриппин — в правление Клавдия наместник провинций Крит и Киренаика, сын М. Пакония, обвинителя Гая Силана. **Ан.**, XVI, 28, 29, 33.
- Пакор — сын парфянского царя Орода, побежденный в 39 г. до н. э. легатом Антония Вентидием. **И.**, V, 9. **Г.**, 37.
- Пакор — царь Мидии, брат Вологеза. **Ан.**, XV, 2, 14. 31. **И.**, I, 40.
- Паксея — жена Помпония Лабеоны, покончившая самоубийством вместе с мужем в 34 г. н. э. **Ан.**, VI, 29.
- Пакувий — командир VI легиона в 19 г. н. э. **Ан.**, II, 79.
- Пакувий, Марк — поэт, автор трагедий (около 220—около 130 гг. до н. э.). **О.**, 20, 21.
- Пакций Африкан — сенатор, обвиненный при имп. Веспасиане в том, что в правление Нерона донес на братьев Скрибониев. **И.**, IV, 41.
- Пакций Орфит. **Ан.**, XIII, 36; XV, 12.
- Паламед — сын эвбейского царя Навплия, погубленный Одиссеем под стенами Трои; Паламеду приписывалось введение в греческую письменность некоторых букв. **Ан.**, XI, 14.
- Палатин, или Палатинский холм, — один из холмов, на которых был расположен древний Рим. **Ан.**, XII, 24; XIV, 61; XV, 38. **И.**, I, 32, 39, 47, 72, 80; III, 67, 70, 84.
- Палатин, или Палатинский дворец, — дворец Августа, а затем и последующих принцев, находившийся на Палатинском холме в Риме. **Ан.**, VI, 23; XV, 39, 72. **И.**, I, 17, 29; III, 74.
- Паллант — вольноотпущенник Антонии, матери Клавдия, ведавший императорскими финансами, умерщвленный Нероном в 62 г. н. э. **Ан.**, XI, 29, 38; XII, 1, 2, 25, 53, 65; XIII, 2, 14, 23; XIV, 2, 65.
- Палпеллий Гистр, Секст — наместник римской провинции Паннония при имп. Клавдии. **Ан.**, XII, 29.
- Паммен — ссыльный, знаток искусства предсказания, обвиненный Антистием Созианом. **Ан.**, XVI, 14.
- Памфилия — страна на юге М. Азии между Ликией и Киликией. **Ан.**, II, 79.
- Панд — река на Северном Кавказе, какая именно, не установлено. **Ан.**, XII, 16.
- Пандатерия, или Пандатория, — остров у побережья Кампании, в императорскую эпоху — место ссылки. **Ан.**, I, 53; XIV, 63.
- Паннония — область в среднем течении Дуная, завоеванная римлянами во втором десятилетии нашей эры (приблизительно совпадает с нынешней Венгрией). **Ан.**, I, 16, 24, 47; III, 9; IV, 5; XII, 29, 30; XV, 25. **И.**, I, 76; II, 11, 14, 32, 85, 86; III, 4, 12; IV, 54; V, 26. **Г.**, 5, 28. **А.**, 41.

- Паннонцы — обитатели Паннонии, населенной по преимуществу кельтскими племенами. Г., 1.
- Панса см. Вибий Панса, Гай.
- Пантулей — римский всадник. Ан., II, 48.
- Папий Мутил, Марк — консул-суффект 9 г. н. э.; один из авторов закона Папия и Поппея. Ан., II, 32; III, 25, 28.
- Папиний, Секст — сын консула 36 г. н. э. Папиния Алления. Ан., VI, 49.
- Папиний Аллений, Секст — консул 36 г. н. э. Ан., VI, 40.
- Паприй — центурион. И., IV, 49.
- Паприй Карбон, Гай — народный трибун в 131 г. до н. э., консул 120 г. О., 18, 34.
- Паприй Карбон, Гней — римский консул 113 г. до н. э., разгромленный кимврами в том же году в битве при Норее. Г., 37.
- Парид — актер, вольноотпущенник Домитии Лепиды, тетки Нерона. Ан., XIII, 19—22, 27.
- Паррак — подчиненный отца Мегердата. Ан., XII, 14.
- Парфия — могучее государство в северо-восточной части Иранского нагорья. Ан., XI, 9, 10.
- Парфяне — племена, населявшие северо-восток Иранского нагорья; обитатели Парфянского царства. Ан., II, 1—4, 56—58, 60; III, 62; VI, 14, 31—36, 41—43; XI, 8—10; XII, 11, 12, 44, 49, 56; XIII, 6, 7, 34, 37; XIV, 25, 26; XV, 1, 4, 5, 7, 9, 10, 13—18, 24, 27, 29. И., I, 2; II, 6, 82; III, 24; V, 8, 9. Г., 17, 37.
- Пассиен см. Саллюстий Крисп Пассиен, Гай.
- Патавий — город в Цизальпийской Галлии, в стране венетов, ныне Падуя. Ан., XVI, 21. И., II, 100; III, 6, 7, 11.
- Патробий — вольноотпущенник Нерона, казненный имп. Гальбой. И., I, 49; II, 95.
- Паулин см. Светоний Паулин.
- Паулин Помпей см. Помпей Паулин.
- Певкины — часть германского племени бастарнов, обитавших около 200 г. до н. э. в устье Дуная Г., 46.
- Педаний Коста — сенатор, отстраненный имп. Вителлием от поста консула-суффекта. И., II, 71.
- Педаний Секунд — консул-суффект в 43 г. н. э., префект г. Рима, в 61 г. убитый своим рабом. Ан., XIV, 42, 43.
- Педий, Квинт — племянник Юлия Цезаря, консул 43 г. до н. э., издавший закон против его убийц. О., 17.
- Педий Блез — наместник провинции Крит и Киренаика, исключенный в 59 г. н. э. из сенаторского сословия и в 69 г. возвращенный в сенат. Ан., XIV, 18. И., I, 77.
- Педон — начальник конницы в войске Германика во время похода 15 г. н. э. (предположительно Педон Альбинован, поэт, друг Овидия). Ан., I, 60.
- Пелагон — евнух, посланный с отрядом воинов для умерщвления Требеллия Плавта. Ан., XIV, 59.
- Пелигны — горное сабинское племя, обитавшее в Апенниннах. И., III, 59.
- Пелоп — сын фригийского царя Тантала, изгнанный с родины и овладевший полуостровом в Греции, который стал называться его именем (Пелопоннес) (греч. мифология). Ан., IV, 55.
- Пелопоннес — полуостров в южной оконечности Греции. Ан., IV, 43.
- Пений Постум — префект лагеря II легиона во время восстания бритtanцев в 61 г. н. э. Ан., XIV, 37.
- Пеннинский перевал — альпийский перевал через нынешний Большой Сен-Бернар. И., I, 61, 70.
- Пергам — город в Мизии (М. Азия), столица Пергамского царства, ныне Бергама. Ан., III, 63; IV, 37.
- Пергамцы — жители города Пергама. Ан., IV, 55; XVI, 23.
- Перинф (позднее Гераклея) — город к западу от Бизантия на берегу Пропонтиды (Мраморного моря). Ан., II, 54.
- Перперна (Перпенна), Марк — консул 130 г. до н. э., подавивший антиримское восстание в Пергаме, которое возглавлял Аристоник. Ан., III, 62.
- Персей — царь Македонии, в 168 г. до н. э. разбитый римским полководцем Эмилием Павлом и умерший в римском плену в 166 г. Ан., IV, 55; XII, 38, 62.
- Персы — обитатели Персии. Ан., II, 60; III, 61; VI, 31; XII, 13. И., V, 8. О., 40.

- Перузия — город в Италии (Этрурия), ныне Перуджа, в котором заперлись сторонники Антония, в 40 г. до н. э. сдавшиеся Марку Агриппе. **И.**, I, 50.
- Перценний — воин, вождь восставших в Паннонии римских легионов (14 г. н. э.). **Ан.**, I, 16, 28, 29, 31.
- Петилий см. Петилий Цериал.
- Петилий Руф — бывший претор, один из обвинителей Тития Сабина. **Ан.**, IV, 68.
- Петилий Цериал, Квинт — командир легиона в Британии в 61 г. н. э., консул-суффект в 70 г., наместник Британии с 71 по 74 г. **Ан.**, XIV, 32, 33. **И.**, III, 59, 78—80; IV, 68, 71—79, 86; V, 14—16, 18—24. **А.**, 8, 17.
- Петовион — город на р. Драве, ныне Птуй в Югославии. **И.**, III, 1.
- Пётра — братья, римские всадники, казнённые в 47 г. н. э. имп. Клавдием. **Ан.**, XI, 4.
- Петроний, Гай (Тит?) — римский всадник, приближённый Нерона, предположительно автор «Сатирикона», покончивший самоубийством в 66 г. н. э. **Ан.**, XVI, 17—20.
- Петроний Понтий Нигрин, Гай — консул 37 г. н. э. **Ан.**, VI, 45.
- Петроний Приск — один из сосланных в связи с заговором Пизона в 65 г. н. э. **Ан.**, XV, 71.
- Петроний Турпилиан, Публий — консул-суффект 19 г. н. э. **Ан.**, III, 49; VI, 45.
- Петроний Турпилиан, Публий — консул 61 г. н. э., наместник Британии в 61—62 гг., казнён имп. Гальбой в 69 г. **Ан.**, XIV, 29, 39; XV, 72. **И.**, I, 6, 37. **А.**, 16.
- Петроний Урбик — прокуратор провинции Норик в 69 г. н. э. **И.**, I, 70.
- Петрония — первая жена имп. Вителлия. **И.**, II, 64.
- Пизанский залив — залив у г. Пизы (ныне Пиза) в северо-западной Этрурии у впадения в Тирренское море р. Арн (ныне Арно). **И.**, III, 42.
- Пизон см. Кальпурний Пизон, Гней, или Кальпурний Пизон Лициниан, Гай.
- Пизон Лициниан см. Кальпурний Пизон Лициниан, Гай.
- Пинарий Натта — обвинитель в процессе Кремуция Корда в 25 г. н. э. **Ан.**, IV, 34.
- Пирам — река в восточной Киликии. **Ан.**, II, 68.
- Пирей — город в Греции, морской порт Афин. **Ан.**, V, 10.
- Пиренеи — горная цепь. **И.**, I, 23.
- Пирр — царь Эпира (северная Греция); переправившись в Италию, нанес римлянам несколько серьёзных поражений, угрожавших существованию Римского государства; погиб в 272 г. до н. э. **Ан.**, II, 63, 88.
- Питуаний, Луций — осужден как маг и казнён в 16 г. н. э. **Ан.**, II, 32.
- Пифагор — приближённый Нерона. **Ан.**, XV, 37.
- Пицен — область в средней Италии, примыкающая к Адриатическому морю. **Ан.**, III, 9. **И.**, III, 42.
- Плавт см. Рубеллий Плавт.
- Плавтий, Авл — римский полководец, в 43 г. н. э. положивший начало завоеванию Британии, наместник Британии с 43 по 47 г. **Ан.**, XIII, 32. **А.**, 14.
- Плавтий, Квинт — консул 36 г. н. э. **Ан.**, VI, 40.
- Плавтий Латеран — племянник Авла Плавтия, завоевателя Британии, один из любовников Мессалины. **Ан.**, XI, 30, 36; XIII, 11; XV, 49, 53, 60.
- Плавтий Сильван, Марк — претор. **Ан.**, IV, 22.
- Плавтий Элиан — верховный жрец в начале правления Веспасиана. **И.**, IV, 53.
- Планазия — остров на Средиземном море между Корсикой и Эльбой (ныне Пьяноза), на который Август сослал Агриппу Постума. **Ан.**, I, 3, 5; II, 39.
- Планк см. Мунаций Планк, Луций.
- Планций Вар — бывший претор, друг Корнелия Долабеллы, предавший его в 69 г. н. э. **И.**, II, 63.
- Планина — жена Гнея Кальпурния Пизона. **Ан.**, II, 43, 55, 57, 58, 71, 74, 75, 80, 82; III, 9, 13, 15—18; VI, 26.
- Платон — прославленный греческий философ-идеалист, основатель древней Академии (427—347 гг. до н. э.). **О.**, 31, 32.
- Плацентский округ — г. Плаценция и примыкавший к ней район. **Ан.**, XV, 47.
- Плаценция — город (ныне Пьяченца) в северной Италии, на правом берегу

- р. Пад. **И.**, II, 17—21, 23, 24, 32, 36, 49.
- Плиний Секунд (Старший), Гай — римский писатель, автор «Естественной истории», «Германских войн» и других сочинений; погиб при извержении Везувия в 79 г. н. э. (22 или 23—79 гг. н. э.). **Ан.**, I, 69; XIII, 20; XV, 53. **И.**, III, 28.
- Плодовитость — олицетворение женской плодovitости, в честь которой в 62 г. н. э., по случаю рождения дочери Нерона, Клавдии Августы, было решено возвести храм. **Ан.**, XV, 23.
- Плотий Грип — командир легиона; возведен имп. Веспасианом в сенаторское достоинство. **И.**, I, 46, 82; II, 46, 49.
- Плотий Фирм — префект преторианцев, избранный воинами после убийства имп. Гальбы. **И.**, I, 46, 82; II, 46, 49.
- Победы статуя. **Ан.**, XIV, 32. **И.**, I, 86.
- Полемон — царь Понтийский с 37 г. до н. э. по 1 г. н. э. **Ан.**, II, 56.
- Полемон — царь Понтийский в правление Нерона. **Ан.**, XIV, 26. **И.**, III, 47.
- Поликлит — вольноотпущенник Нерона, отправленный им в 61 г. н. э. в Британию для обследования положения дел. **Ан.**, XIV, 39. **И.**, I, 37; II, 95.
- Помпей — город в Кампании, засыпанный пеплом при извержении Везувия в 79 г. н. э. **Ан.**, XIV, 17; XV, 22.
- Помпей — римский всадник. **Ан.**, VI, 14.
- Помпей — трибун преторианцев, уволенный в отставку по раскрытии заговора Пизона. **Ан.**, XV, 71.
- Помпей см. Помпей Страбон, Секст.
- Помпей (Великий), Гней — полководец и политический деятель, участник первого триумvirата в 60-х годах I в. до н. э. (106—48 гг.). **Ан.**, I, 1; II, 27; III, 22, 23, 28, 72; IV, 7, 34; VI, 18, 45; XII, 62; XIII, 6, 34, 54; XIV, 20; XV, 14, 25. **И.**, I, 15, 50; II, 6, 38; III, 66; V, 9, 12. **О.**, 37, 38, 40.
- Помпей, Секст — консул 14 г. н. э., друг Овидия. **Ан.**, I, 7; III, 11, 32.
- Помпей Вописк — консул-суффект 69 г. н. э. **И.**, I, 77.
- Помпей Галл, Гай — консул 49 г. н. э. **Ан.**, XII, 5.
- Помпей Коллега, Секст — консул 93 г. н. э. **А.**, 44.
- Помпей Лонгин — военный трибун в 69 г. н. э. **И.**, I, 31.
- Помпей Макр — претор в 15 г. н. э.; покончил самоубийством в страхе перед угрожавшим ему осуждением в 33 г. **Ан.**, I, 72.
- Помпей Паулин — консул-суффект в не-установленном году, брат жены Луция Аннея Сенеки, наместник Нижней Германии в 50-х годах н. э. **Ан.**, XIII, 53, 54; XV, 18.
- Помпей Пропинкв — прокуратор Белгики в 69 г. н. э. **И.**, I, 12, 58.
- Помпей Сильван — консул-суффект в 45 г. н. э., наместник Далмации в 69 г. **Ан.**, XIII, 52. **И.**, II, 86; III, 50; IV, 47.
- Помпей Страбон, Секст — сын Гнея Помпея (Великого), полководец, непримиримый враг Октавиана; разбитый в морском сражении у берегов Сицилии в 36 г. до н. э., он в следующем году был убит в Азии приближенными Марка Антония. **Ан.**, I, 2, 10; V, 1.
- Помпей Урбик — участник оргий Мессалины. **Ан.**, XI, 35.
- Помпей Элиан — бывший квестор, замещанный в дело Валерия Фабиана. **Ан.**, XIV, 41.
- Помпейополь — приморский город в Кампании. **Ан.**, II, 58.
- Помпейцы — жители г. Помпеи. **Ан.**, XIV, 17.
- Помпея Макрина — жена Арголика. **Ан.**, VI, 18.
- Помпея Паулина — жена Луция Аннея Сенеки. **Ан.**, XV, 60, 64.
- Помпоний — предположительно приближенный Сеяна. **Ан.**, VI, 8.
- Помпоний Аттик — римский всадник, друг Цицерона, дед матери Друза Випсания. **Ан.**, II, 43.
- Помпоний Лабен — военачальник, покончил самоубийством в 34 г. н. э. **Ан.**, IV, 47; VI, 29.
- Помпоний Секунд, Квинт — брат Публия Помпония Секунда, консул-суффект 41 г. н. э. **Ан.**, VI, 18; XIII, 43.
- Помпоний Секунд, Публий — консул-суффект 44 г. н. э., друг Плиния Старшего, автор трагедий. **Ан.**, V, 8; VI, 18; XI, 13; XII, 27, 28. **О.**, 13.
- Помпоний Флакк, Луций — военачальник, консул 17 г. н. э. **Ан.**, II, 32. 41, 66. 67; VI, 27.
- Помпония Грецина — знатная римлянка, обвиненная в приверженности к чу-

- жеземным суевериям. **Ан.**, XIII, 32.
- Помптинские болота — заболоченная местность на побережье Лация между Цирцеями и Таррациной. **Ан.**, XV, 42.
- Понт (Понтийское царство) — область в М. Азии у берегов Черного моря между Арменией и Вифинией, с 65 г. до н. э. вошла в римскую провинцию Понт и Вифиния. **Ан.**, XII, 21; XV, 6, 9, 26. **И.**, II, 6, 8, 81, 83; III, 47; IV, 83.
- Понтий Пилат — прокуратор Иудеи в правление Тиберия, сменил в 36 г. н. э. **Ан.**, XV, 44.
- Понтий Фрегеллан — сенатор, привлеченный к суду по делу Альбуциллы. **Ан.**, VI, 48.
- Понтийское море, или Понт, — Понт Эвксинский у древних (нынешнее Черное море). **Ан.**, II, 54; XII, 63; XIII, 39 Г., 1.
- Понтийское побережье — южное побережье Черного моря. **И.**, III, 47.
- Понтия Постумия, или Постумина, — возлюбленная Октавия Сагитты. **Ан.**, XIII, 44. **И.**, IV, 44.
- Поппей Сабин. Гай — консул 9 г. н. э., наместник провинций Мезия в 26 г. Ахайя — в 31 г. **Ан.**, I, 80; IV, 46, 47, 49, 50; V, 10; VI, 39; XIII, 45.
- Поппей Секунд, Квинт — консул-суффект 9 г. н. э., один из авторов закона о браке. **Ан.**, III, 25, 28.
- Поппея Сабина (Старшая) — жена Публия Сципиона, мать Поппеи Сабины, жены имп. Нерона. **Ан.**, XI, 2, 4; XIII, 43.
- Поппея Сабина (Младшая) — дочь Тита Оллия и Поппеи Сабины Старшей, жена Руфрия Криспина, потом Отона, потом Нерона. **Ан.**, XIII, 45, 46; XIV, 1, 59—61, 63—65; XV, 23, 61, 71; XVI 6, 7, 21, 22. **И.**, I, 13, 22, 78.
- Порсенна — царь г. Клузий, ныне Кьюзи (Этрурия), в 550 г. до н. э. одержавший победу над римлянами. **И.**, III, 72.
- Порции — древний римский род. **Ан.**, XI, 24.
- Порций Катон — бывший претор, один из обвинителей Тития Сабина в 28 г. н. э. **Ан.**, IV, 68.
- Порций Катон, Гай — народный трибун 56 г. до н. э.; против него в 54 г. был возбужден процесс по обвинению в злоупотреблениях на выборах. **О.**, 34.
- Порций Катон (Старший, или Цензор) — консул 195 г. до н. э., историк, оратор, автор руководств по различным отраслям практической деятельности. **Ан.**, III, 66; IV, 56. **О.**, 18.
- Порций Катон (Младший, или Утичский), Марк — государственный деятель, оратор (95—46 гг. до н. э.). **Ан.**, III, 76; IV, 34; XVI, 22. **И.**, IV, 8. **О.**, 2, 3, 10.
- Порций Септимин — прокуратор Реции в 69 г. н. э. **И.**, III, 5.
- Постумиева дорога — дорога по левому берегу р. Пад из Кремоны в Бедриака. **И.**, III, 21.
- Постумий, Авл — фламин Марса в 242 г. до н. э. **Ан.**, III, 71.
- Постумий Туберт, Авл — диктатор 431 г. до н. э. **Ан.**, II, 49.
- Прасутаг — царь британского племени иценнов. **Ан.**, XIV, 31.
- Пренесте — город близ Рима, ныне Палестрина. **Ан.**, XV, 46.
- Прим Антоний см. Антоний Прим.
- Приск см. Юлий Приск.
- Приск Гельвидий см. Гельвидий Приск, зять Тразен Пэта.
- Присцин. Квинт — консул 93 г. н. э. **А.**, 44.
- Прозерпина — дочь Юпитера и Цереры, жена Плутона, богиня подземного царства (римск. мифология). **Ан.**, XV, 44. **И.**, IV, 83.
- Прокул см. Лициний Прокул.
- Прокулей, Гай — римский всадник, брат жены Мецената, Теренции. **Ан.**, IV, 40.
- Проперций Целер — бывший претор, ходатайствовавший перед имп. Тиберием об исключении из сенаторского сословия ввиду материальной несостоятельности. **Ан.**, I, 75.
- Пропонтида — ныне Мраморное море; пролив Пропонтиды — ныне Босфор. **Ан.**, II, 54.
- Процилла. Юлия — мать Юлия Агриколы, тестя Тацита. **А.**, 4.
- Птолемей — сын Юбы II, царь Мавритании, умерщвленный Калигулой в 40 г. н. э. **Ан.**, IV, 23, 24, 26.

Птолемей — астролог, приближенный Поппеи Сабинны, жены Нерона. **И.**, I, 22.

Птолемей I (Сотер) — полководец Александра Македонского, наместник Египта с 323 по 305 г. до н. э.; царь Египта с 305 по 285 г. **И.**, IV, 83, 84.

Птолемей III (Евергет) — египетский царь (годы правления: 246—221 до н. э.). **Ан.**, VI, 28. **И.**, IV, 84.

Публий Антей см. Антей, Публий.

Публий Веллей — правитель Мезии в 21 г. н. э. **Ан.**, III, 39.

Публий Вентидий см. Вентидий Басс, Публий.

Публий Виниций см. Виниций, Публий.

Публий Вителлий см. Вителлий, Публий.

Публий Галл, см. Галл, Публий.

Публий Долабелла см. Корнелий Долабелла, Публий.

Публий Квинктий см. Квинктий, Публий.

Публий Квириний см. Сульпиций Квириний, Публий.

Публий Клодий см. Клодий, Публий.

Публий Корнелий см. Корнелий Сципион, Публий.

Публий Марий см. Марий, Публий.

Публий Марций см. Марций, Публий.

Публий Осторий см. Осторий Скапула, Публий.

Публий Петроний см. Петроний Турпилиан, Публий.

Публий Помпоний см. Помпоний Секунд, Публий.

Публий Суллий см. Суллий Руф, Публий.

Публий Сципион см. Корнелий Сципион Африканский (Старший), Публий, или Корнелий Сципион, Публий.

Публий Целер см. Эгнаций Целер, Публий.

Публилий Сабин — начальник преторианцев (вместе с Юлием Приском) при имп. Вителлии. **И.**, II, 92; III, 36.

Публиций Маллеол, Луций — эдил второй половины III в. до н. э. **Ан.**, II, 49.

Публиций Маллеол, Марк — эдил второй половины III в. до н. э. **Ан.**, II, 49.

Путеоляны — жители г. Путеол. **Ан.**, XIII, 48.

Путеолы — приморский город в Кампании, ныне Пуццол. **Ан.**, XIII, 48; XIV, 27; XV, 51. **И.**, III, 57.

Пунийцы см. карфагеняне.

Пэт см. Клодий Тразея Пэт или Цезенний Пэт.

Пэт — обвинитель Корнелия Суллы Фавста. **Ан.**, XIII, 23.

Равенна — город в Циспаданской Галлии, на берегу Адриатического моря. **Ан.**, I, 58; II, 63; IV, 5, 29; XIII, 30. **И.**, II, 100; III, 40.

Равеннский флот — эскадра римского флота, имевшая стоянку в Равенне. **И.**, III, 6, 12, 36, 40, 50.

Радамист — сын иберского царя Фарасмана. **Ан.**, XII, 44—51; XIII, 6, 37.

Ракот — часть г. Александрии. **И.**, IV, 84.

Рамсес (II) — египетский фараон из XIX династии (годы правления предположительно: 1307—1240 до н. э.). **Ан.**, II, 60.

Реатинцы — жители г. Реаты (ныне Риети) в области сабинян. **Ан.**, I, 79.

Ревдигны — небольшое германское племя, обитавшее в южной части Ютландского полуострова. **Г.**, 40.

Регий Лепида — поселение бойев в Циспаданской Галлии, ныне Реджо д'Эмилия. **И.**, II, 50.

Регинцы — жители г. Регия (ныне Реджо, на берегу Мессинского пролива). **Ан.**, I, 53.

Регул см. Меммий Регул, Публий.

Рейн — река в Западной Европе, отграничивавшая Германию от Галлии. **Ан.**, I, 3, 31, 32, 35, 38, 45, 46, 56, 59, 63, 67, 69; II, 6, 7, 14, 22, 83; IV, 5, 73; XI, 18—20; XII, 27; XIII, 53, 54, 56. **И.**, I, 51; II, 32; IV, 12, 15, 16, 22, 26, 55, 59, 64, 70, 73; V, 14, 17—19, 21—24. **Г.**, 1—3, 28, 29, 32, 34, 41.

Рем — брат-близнец Ромула, основателя Рима (римск. мифология). **Ан.**, XIII, 58.

Реметалк — царь Фракии, брат и предшественник фракийского царя Рескупорида. **Ан.**, II, 64.

Реметалк — сын Рескупорида, унаследовавший после отца его часть Фракийского царства. **Ан.**, II, 67; III, 38; IV, 5, 47.

Ремий — ветеран, приставленный к Вонону. **Ан.**, II, 68.

Ремы — кельтское племя, обитавшее в Белгике; главный город Дурокортор.

- позднее Реми (ныне Реймс). **И.**, IV, 67—69.
- Рескупорид — царь части Фракии. **Ан.**, II, 64—67; III, 38.
- Реты — народ, обитавший на территории античной Реции; у римлян существовало мнение о родственности ретов с этрусками. **Ан.**, II, 17. **И.**, I, 68; III, 53; V, 25. **Г.**, 1.
- Реция — нынешняя восточная Швейцария, южная Бавария и Тироль, завоевана римлянами и включена в Римскую империю как провинция в 15 г. н. э. **Ан.**, I, 44. **И.**, I, 11, 59, 67; II, 98; III, 5, 8, 15; IV, 70. **Г.**, 3, 41.
- Ригодул — город на р. Мозель, ныне Реаль. **И.**, IV, 71.
- Рим — Римское государство. **Ан.**, I, 31, 42, 46; II, 1; III, 40, 59; IV, 43, 55; XI, 16; XV, 14, 30. **И.**, I, 2, 16, 49, 65, 76, 90; III, 46; IV, 12—14, 32, 55, 57, 67, 70, 77; V, 9, 10, 24. **Г.**, 42.
- Рим — главный город Римского государства. **Ан.**, I, 7, 14, 16, 30, 31, 46, 76, 80; II, 2, 26, 34, 40, 42, 50—52, 72, 74, 76, 81—83; III, 2, 5, 7, 9, 11, 17, 19, 22, 24, 28, 34, 36, 37, 44, 47, 50, 52, 61, 64, 71; IV, 1, 5, 9, 21, 23, 27, 29, 32, 37, 39—41, 52, 56—58, 62, 64, 67, 69, 74, 75; V, 1, 2; VI, 1—3, 8, 10, 11, 14—16, 27, 29, 30—32, 38, 39, 47, 48; XI, 1, 11—13, 16, 21—23, 30, 32—34; XII, 11, 14, 21, 23, 28, 36, 41, 43, 56, 60; XIII, 6, 8, 21, 22, 24—26, 31, 33, 41—43, 45, 46, 50, 54; XIV, 12—14, 17, 20—22, 26, 38, 40—42, 51, 53, 57, 59, 61, 64; XV, 18, 19, 24, 25, 29, 31, 33, 36—41, 43—45, 52, 58, 60, 73; XVI, 1, 5, 13, 14, 22, 28. **И.**, I, 2—4, 6—9, 14, 19, 29, 37, 50, 51, 62, 73, 75, 79, 80, 84, 85, 89; II, 1, 6, 9, 11, 28, 32, 37, 52, 54, 55, 62, 71, 81, 87—89, 95, 99; III, 2, 5, 13, 15, 24, 36, 38, 40, 41, 45, 48, 50, 52, 56, 59, 60, 64, 66, 70, 72, 75, 77—79, 83; IV, 1, 3, 11, 12, 14, 19, 39, 40, 44, 46, 49, 51, 54, 58, 67, 68, 74—75; V, 11. **О.**, 5, 10, 17, 28, 39, 53, 58.
- Римляне — жители Римского государства. **Ан.**, I, 58, 60, 63, 68; II, 3, 9, 10, 16, 20, 21, 25, 42, 44, 45, 46, 62, 65, 67; III, 6, 21, 41, 45, 60; IV, 57, 65; VI, 31, 36; XI, 16, 17; XII, 11, 14, 15, 18, 28, 45; XIII, 37, 40, 54, 56; XIV, 21, 31, 35, 61; XV, 1, 2, 5, 13, 16, 24, 25, 27, 28, 37; XVI, 6. **И.**, I, 66; II, 38, 46, 48; IV, 13—15, 17, 18, 20—23, 25, 29, 32, 34, 35, 54—56, 61, 62, 64, 65, 67, 69, 71, 74—76, 78, 79; V, 8, 11, 12, 14, 15, 17, 19, 21—23. **Г.**, 30.
- Римский форум — центральная площадь в Риме, место народных собраний (на восточной стороне Капитолийского холма и северной Палатинского). **Ан.**, XII, 24. **И.**, III, 70, 71.
- Родан — река в Галлии, ныне Рона. **Ан.**, XIII, 53.
- Родос — остров на Средиземном море у юго-западного побережья М. Азии. **Ан.**, I, 4, 53; II, 42, 55; III, 48; IV, 15, 57; VI, 10, 20, 51; XII, 58. **И.**, II, 2.
- Родосцы — жители о. Родоса. **Ан.**, XII, 58. **О.**, 40.
- Розий Регул — консул-суффект на один день в 69 г. н. э. **И.**, III, 37.
- Роксоланы — сарматское племя, кочевавшее между рр. Борисфеном (Днепром) и Танаисом (Доном). **И.**, I, 79.
- Роман — предположительно вольноотпущенник Нерона. **Ан.**, XIV, 65.
- Ромилий Марцелл — центурион. **И.**, I, 56, 59.
- Ромул — брат-близнец Рема, основатель Рима и его первый царь (римск. мифология). **Ан.**, III, 26; IV, 9, 38; VI, 11; XI, 24, 25; XII, 24; XIII, 58; XV, 41. **И.**, II, 95; IV, 58.
- Росций см. Росций Галл, Квинт.
- Росций Галл, Квинт — самый значительный римский актер во времена Цицерона, один из его подзащитных, раб по происхождению; умер в 62 г. до н. э. **О.**, 20.
- Росций Отон, Луций — народный трибун, автор закона 67 г. до н. э. о предоставлении римским всадникам первых 14 рядов в театре. **Ан.**, XV, 32.
- Росций Целий, Марк — командир XX легиона в 69 г. н. э. **И.**, I, 60.
- Роща Убежища — квартал в Риме на склоне Капитолийского холма, где, по преданию, ранее произрастала дубовая роща, отведенная Ромулом для размещения вновь прибывавших поселен-

- цев основанного им города. **И.**, III, 71.
- Рубеллий Бланд — сенатор, консул-суффект в неустановленном году, в 33 г. н. э. вступивший в брак с Юлией, дочерью Друза Младшего, вдовой Нерона, сына Германика. **Ан.**, III, 23, 51; VI, 27, 45.
- Рубеллий Гемин, Луций — консул 29 г. н. э. **Ан.**, V, 1.
- Рубеллий Плавт — сын Рубеллия Бланда и Юлии, дочери Друза Младшего, муж Антистии Поллитты. **Ан.**, XIII, 19, 20—22; XIV, 22, 57—60; XVI, 10, 23, 30, 32. **И.**, I, 14.
- Рубрий — римский всадник. **Ан.**, I, 73.
- Рубрий Галл — военачальник в войске имп. Отона. **И.**, II, 51, 99.
- Рубрий Фабий — сенатор. **Ан.**, VI, 14.
- Рууги — германское племя, обитавшее сначала на Скандинавском полуострове (Норвегия), а во времена Тацита занимавшее земли вдоль побережья Балтийского моря на запад от Вислы. **Г.**, 44.
- Румина — римское божество, покровительница стад; на Римском форуме произрастаю посвященное ей фиговое дерево. **Ан.**, XIII, 58.
- Рустик см. Фабий Рустик или Юний Арулен Рустик.
- Рутилий Руф, Публий — консул 105 г. до н. э., оратор, юрист, философ-стоик, изгнанный из Рима в 92 г. **АН.**, III, 66; IV, 43. **А.**, 1.
- Руф Гельвий см. Гельвий Руф.
- Руфин — один из предводителей галлов во время восстания Виндекса. **И.**, II, 94.
- Руфрий Криспин — префект преторианцев при имп. Клавдии, первый муж Поппеи Сабинны, позднее жены Нерона. **Ан.**, XI, 1, 4; XII, 42; XIII, 45; XV, 71; XVI, 17.
- Сабин см. Титий Сабин или Флавий Сабин, брат имп. Веспасиана.
- Сабиняне — древнеиталийское племя в гористой области к северо-востоку от Рима. **Ан.**, I, 54; XI, 24. **И.**, III, 72.
- Сабрина — река в Британии, ныне Северн. **Ан.**, XII, 31.
- Савфей Трог — участник оргий Мессалины. **Ан.**, XI, 35.
- Сакровир см. Юлий Сакровир.
- Салей Басс — эпический поэт (I в. н. э.): ни одно из произведений Басса до нас не дошло. **О.**, 5, 6, 9, 10.
- Салиен Клемент — сенатор, выступивший с обвинением Юния Галлиона, брата Луция Аннея Сенеки. **Ан.**, XV, 73.
- Салии — 2 древние жреческие коллегии, из 12 патрициев каждая, заботившиеся об отправлении культа Марса; во время праздников в честь Марса (1, 15 и 19 марта) салии исполняли военные пляски и древние песнопения. **Ан.**, II, 83.
- Саллюстиевы сады — сады в северо-восточной части древнего Рима, посаженные на Квиринале знаменитым историком Саллюстием. **Ан.**, XIII, 47. **И.**, III, 82.
- Саллюстий Крисп, Гай — прославленный римский историк (86—35 гг. до н. э.). **Ан.**, III, 30.
- Саллюстий Крисп — внукастый племянник историка Саллюстия, усыновленный им; приближенный Августа и Тиберия; умер в 20 г. н. э. **Ан.**, I, 6; II, 40; III, 30.
- Саллюстий Крисп Пассиен, Гай — знаменитый оратор и остролов. **Ан.**, VI, 20.
- Салонина — жена Алиена Цецины. **И.**, II, 20.
- Сальвий Кокцеян — племянник имп. Отона. **И.**, II, 48.
- Сальвий Отон, Марк — римский император с 15 I по 16 IV 69 г. н. э., свергнутый Вителлием; в молодости приближенный Нерона. **Ан.**, XIII, 12, 45, 46; XIV, 1. **И.**, I, 13, 21—24, 26—36, 39, 47, 50, 64, 70—90; II, 1, 6, 7, 11—14, 16—18, 21, 23, 25, 26, 28, 30, 31, 33, 36, 38—60, 63, 65, 76, 85, 86, 95, 101; III, 10, 32, 44; IV, 1, 17, 54. **А.**, 7. **О.**, 17.
- Сальвий Отон Тициан, Луций — консул 52 и 69 гг. н. э., старший брат имп. Отона. **Ан.**, XII, 52. **И.**, I, 75, 77, 90; II, 23, 33, 39, 40, 44, 60. **А.**, 6.
- Самаритяне — жители Самарии (области Палестины между Иудеей и Галилеей). **Ан.**, XII, 54.
- Самий — влиятельный римский всадник. **Ан.**, XI, 5.
- Самний — область в центральной части Апеннинского полуострова, с жителями которой (самнитами) римляне вели упорные войны (с 340 по 290 г. до

- н. э. и позже), пока не утвердили своего господства на всем полуострове. Г., 37.
- Самниты — племя, населявшее древний Самний. *Ан.*, XI, 24; XV, 13. *И.*, III, 59.
- Самос — город на одноименном острове в Эгейском море. *Ан.*, VI, 12.
- Самосцы — жители о. Самоса. *Ан.*, IV, 14.
- Самофрака — остров на Эгейском море у побережья Фракии. *Ан.*, II, 54.
- Санбул — гора в Ассирии. *Ан.*, XII, 13.
- Санквиний Максим, Квинт — консул-суффект предположительно в 23 г. н. э., во второй раз в 39 г., наместник Нижней Германии в 47 г. *Ан.*, VI, 4, 7; XI, 18.
- Сантоны — галльское племя, обитавшее в Аквитании. *Ан.*, VI, 7.
- Санция — сестра претора Консидия Прокула. *Ан.*, VI, 18.
- Сардиния — остров на Средиземном море; захвачен римлянами в 238 г. до н. э. *Ан.*, II, 85; XIII, 30; XIV, 62; XVI, 9, 17. *И.*, II, 16.
- Сарды — главный город Лидии (на западе М. Азии). *Ан.*, II, 47; III, 63; IV, 55.
- Сариолен Вокула — сенатор, известный доносчик в правление Нерона. *И.*, IV, 41.
- Сарматы (или савроматы) — по Геродоту, кочевые племена, обитавшие в нижневолжских и приуральских степях; географ Птолемей (II в. н. э.) называл территорию к востоку от Вислы и Карпат Европейской Сарматией, а Балтийское море — Сарматским Океаном; у Тацита сарматы — общее название населения восточноевропейской низменности (от Балтийского моря до Волги). *Ан.*, VI, 33, 35; XII, 29. *И.*, I, 2, 79; III, 5, 24; IV, 4, 54. Г., 1, 17, 43, 46.
- Сатрий Секунд — обвинитель Кремуция Корда; раскрыл заговор Сеяна. *Ан.*, IV, 34; VI, 8, 47.
- Сатрия Галла — жена Гая Кальпурния Пизона, главы заговора против Нерона в 65 г. н. э. *Ан.*, XV, 59.
- Сатурн — древнеиталийский бог посевов и земледелия, отец Юпитера, Плутона и Юноны (римск. мифология). *Ан.*, II, 41. *И.*, I, 27; V, 2, 4.
- Сатурнин см. Аппулей Сатурнин. Луций.
- Свардоны (Сварины) — небольшое германское племя, обитавшее в южной части Ютландского полуострова. Г., 40.
- Свебия — область расселения германских племен, объединявшихся под общим собирательным названием «свебы». Г., 43, 46.
- Свебское море — так называется у Тацита Балтийское море. Г., 45.
- Свебы (свевы) — собирательное название ряда германских племен, обитавших на северо-востоке Германии. *Ан.*, I, 44; II, 26, 44, 45, 62, 63; XII, 29. *И.*, I, 2; III, 5, 21. Г., 2, 9, 38, 39, 41, 43, 45. А., 28.
- Сведий Клемент — центурион. *И.*, I, 87; II, 12.
- Свесса Помеция — город италийского племени вольсков в Лации. *И.*, III, 72.
- Светоний см. Светоний Паулин.
- Светоний Паулин, Гай — римский полководец, наместник Британии в 59—61 гг. н. э., консул в 66 г. *Ан.*, XIV, 29, 30, 33, 34, 36, 38, 39; XVI, 14. *И.*, I, 87, 90; II, 23—26, 32, 33, 37, 39, 40, 44, 60. А., 5, 14, 16, 18.
- Свионы — германское племя, обитавшее в Скандинавии на территории нынешней Швеции. Г., 44, 45.
- Свободы храм — храм в Риме, его местонахождение не установлено. *И.*, I, 31.
- Священная дорога (Via Sacra) — улица в Риме, проходившая через Римский форум, мимо Палатинского холма к Капитолийскому холму. *И.*, III, 68.
- Север — строитель Золотого дворца Нерона. *Ан.*, XV, 42.
- Сегест — знатный херуск, отец Туснельды, жены Арминия. *Ан.*, I, 55, 57, 59, 71.
- Сегеста — город на северо-западе о. Сицилии. *Ан.*, IV, 43.
- Сегимер — знатный херуск, брат Сегеста, передавший римлянам в 15 г. н. э. *Ан.*, I, 71.
- Сегимунд — сын знатного херуска Сегеста, врага Арминия. *Ан.*, I, 57.
- Седохезы — народность, обитавшая в Колхиде (Закавказье). *И.*, III, 48.
- Сей Квадрат — о нем ничего неизвестно. *Ан.*, VI, 7.
- Сей Страбон — префект преторианцев, отец Сеяна. *Ан.*, I, 7, 24; IV, 1.
- Сей Туберон — легат в войске Германика во время похода 16 г. н. э., брат Элия

- Сеяна, консул-суффект 18 г. н. э. **Ан.**, II, 20; IV, 29.
- Секваны — крупное галльское племя, обитавшее в бассейне р. Дубис (ныне Ду), притока Арара (ныне Соны). **Ан.**, I, 34; III, 45, 46. **И.**, I, 51; IV, 67.
- Секст Аппулей см. Аппулей, Секст.
- Секст Вистилий см. Вистилий, Секст.
- Секст Марий см. Марий, Секст.
- Секст Папиний см. Папиний Аллений.
- Секст, или Папиний, Секст.
- Секст Помпей см. Помпей, Секст.
- Секстий Африкан — консул-суффект 59 г. н. э. **Ан.**, XIII, 19; XIV, 46.
- Секстий Пакониан — бывший претор. **Ан.**, VI, 3, 4, 39.
- Секстилий Феликс — римский военачальник, действовавший против мятежных племен во время восстания Цивилиса. **И.**, III, 5; IV, 70.
- Секстилия — мать имп. Вителлия и его брата Луция Вителлия. **И.**, II, 64.
- Секстия — теща Луция Антия Ветера, консула 55 г. н. э. **Ан.**, XVI, 10.
- Секстия — жена Мамерка Скавра, вместе с ним покончившая самоубийством в 34 г. н. э. **Ан.**, VI, 29; XVI, 10.
- Секунд см. Юлий Секунд.
- Секунд Карринат см. Карринат Секунд.
- Селевк — астролог и прорицатель имп. Веспасиана. **И.**, II, 78.
- Селевк Никатор — выдающийся полководец Александра Македонского, основатель царства селевкидов в Сирии (годы правления: 312—281 до н. э.). **Ан.**, VI, 42.
- Селевкия — город в Вавилонии на правом берегу Тигра. **Ан.**, VI, 42, 44; XI, 8, 9.
- Селевкия — город в Сирии. **Ан.**, II, 69. **И.**, IV, 84.
- Семноны — ветвь германского племени свебов; обитали между Эльбой и Одером (в нынешнем Бранденбурге), впоследствии переселились в юго-западную Германию. **Ан.**, II, 45. **Г.**, 39.
- Семпронии — знаменитый римский род. **Ан.**, I, 53.
- Семпроний см. Семпроний Гракх, Гай, народный трибун, или Семпроний Гракх, Гай, или Семпроний Гракх, Тиберий, народный трибун, или Семпроний Гракх, Тиберий, трагический поэт, или Семпроний Лонг, Тиберий.
- Семпроний Гракх, Гай — брат Тиберия Гракха, народный трибун 123—122 гг. до н. э., оратор, вождь демократической партии (популяров), погиб в вооруженной борьбе с партией оптиматов в 121 г. **Ан.**, III, 27; XII, 60. **О.**, 18, 26, 28, 40.
- Семпроний Гракх, Гай — сын Тиберия Семпрония Гракха, сосланного на о. Керкину и там умерщвленного, претор в 33 г. н. э. **Ан.**, IV, 13; VI, 16, 38.
- Семпроний Гракх, Тиберий — старший брат Гая Гракха, народный трибун 133 г. до н. э., вождь партии популяров, автор аграрных законов в интересах безземельных и малоземельных крестьян. Убит в 133 г. до н. э. сторонниками партии оптиматов. **Ан.**, III, 27. **О.**, 28, 40.
- Семпроний Гракх, Тиберий — трагический поэт; сослан Августом, умерщвлен по приказанию Тиберия в 14 г. н. э. **Ан.**, I, 53; IV, 13.
- Семпроний Денс — центурион. **И.**, I, 43.
- Семпроний Лонг, Тиберий — консул 218 г. до н. э. **И.**, III, 34.
- Сенека см. Анней Сенека, Луций.
- Сенецион см. Клавдий Сенецион или Геренний Сенецион.
- Сений — автор закона 29 г. до н. э. о включении некоторых плебейских родов в число патрицианских. **Ан.**, XI, 25.
- Сеноны — галльское племя, в V в. до н. э. перевалившее через Альпы и в 390 г. до н. э. захватившее Рим. **Ан.**, XI, 24; XV, 41.
- Сенская колония (Сена Юлия) — город в Этрурии, ныне Сиена. **И.**, IV, 45.
- Сенций — казнен при Нероне; имя Сенция среди казненных Нероном больше никем не упоминается. **И.**, IV, 7.
- Сенций, Гней — консул-суффект 4 г. н. э. **Ан.**, II, 74, 76, 77, 79—81; III, 7.
- Сенцы — жители Сенской колонии. **И.**, IV, 45.
- Септимий — центурион. **Ан.**, I, 32.
- Серапис, или Сарапис, — египетский бог подземного царства. **И.**, IV, 81, 84.
- Сервей, Квинт — легат Германика, назначенный в 18 г. н. э. наместником Коммагены. **Ан.**, II, 56; III, 13, 19; VI, 7.
- Сервии — знатный римский род. **И.**, II, 48.

- Сервий Гальба см. Сульпиций Гальба, Сервий.
- Сервий Корнелий см. Корнелий Орфит, Сервий.
- Сервий Малугинский см. Корнелий Лентул Малугинский, Сервий.
- Сервий Туллий — согласно римской исторической традиции, шестой царь римлян, преемник Тарквиния Древнего. **Ан.**, III, 26; XV, 41. **И.**, III, 72.
- Сервилиевы сады — находились предположительно на южной окраине древнего Рима по дороге в Остию. **Ан.**, XV, 55. **И.**, III, 38.
- Сервилиий, Марк — консул 3 г. н. э. **Ан.**, II, 48; III, 22.
- Сервилиий Барей Соран — в 52 г. н. э. консул на следующий срок, в правление Нерона (предположительно в 61—62 гг.) наместник провинции Азия; казнен в 66 г. **Ан.**, XII, 53; XVI, 21, 23, 30, 32, 33. **И.**, IV, 7, 10, 40.
- Сервилиий Исаврик, Публий — консул 48 г. до н. э., в 46 г. наместник провинции Азия. **Ан.**, III, 62.
- Сервилиий Нониан, Марк — крупный римский историк, консул в 35 г. н. э., умер в 59 г. **Ан.**, VI, 31; XIV, 19. **О.**, 23.
- Сервилиий Туск — обвинитель на процессе Мамерка Скавра в 34 г. н. э. **Ан.**, VI, 29, 30.
- Сервилиий Цепион, Гней — римский военачальник, в 105 г. до н. э. разбитый кимврами. **Г.**, 37.
- Сервилиий Цепион, Квинт — консул 106 г. до н. э., автор закона о возвращении судебной власти сенату. **Ан.**, XII, 60.
- Сервилия — дочь Сервилия Барен Сорана. **Ан.**, XVI, 30, 33.
- Сергий Катилина, Луций — организатор заговора, раскрытого и подавленного в консульство Цицерона в 63 г. до н. э. **О.**, 37.
- Сериф — один из Кикладских островов, ныне Серфо, или Серфанто. **Ан.**, II, 85; IV, 21.
- Серторий, Квинт — римский полководец, сторонник Мария, с 82 по 72 г. до н. э. успешно сражавшийся в Испании против Суллы и Гнея Помпея. **Ан.**, III, 73. **И.**, IV, 13.
- Сесострид, или Сесострис, или Сесосис (Сенусерт III) — египетский фараон XIX в. до н. э. (XII династия). **Ан.**, VI, 28.
- Сеян см. Элий Сеян.
- Сивилла — легендарная прорицательница из г. Кум в Кампании. **Ан.**, VI, 12.
- Сивиллины книги — книги прорицаний, якобы составленные Сивиллой из г. Кум. **Ан.**, I, 76; VI, 12; XV, 44.
- Сидон — племянник царя маркоманов Вания, впоследствии царь этого племени. **Ан.**, XII, 29, 30. **И.**, III, 5, 21.
- Сиена — город в Верхнем Египте, ныне Ассуан. **Ан.**, II, 61.
- Сизенна — центурион. **И.**, II, 8.
- Сизенна см. Корнелий Сизенна, Луций, или Статилий Сизенна.
- Силан см. Юний Силан, Луций.
- Силаны см. Юний Силан, Марк, консул 19 г. н. э., и Юний Силан, Аппий, консул 28 г. н. э., а также Юний Силан, Марк, брат Луция Юния Силана, жениха дочери Клавдия, Октавии.
- Силий, Гай — военачальник, консул 13 г. н. э. **Ан.**, I, 31, 72; II, 6, 7, 25; III, 42, 43, 45, 46; IV, 18, 19; XI, 35.
- Силий, Гай — сенатор, назначенный консулом-суффектом на последние месяцы 48 г. н. э., возлюбленный Мессалины. **Ан.**, XI, 5, 6, 12, 26, 29—32, 34—36; XII, 65; XIII, 19.
- Силий Италик см. Катий Силий Италик, Тит.
- Силий Нерва, Публий — консул 28 г. н. э. **Ан.**, IV, 68.
- Силий Нерва см. Лициний Силий Нерва, Авл.
- Силия — жена сенатора, приятельница Петрония. **Ан.**, XVI, 20.
- Силуры — кельтское племя, обитавшее в юго-западных областях Британии, на территории нынешнего Уэльса. **Ан.**, XII, 32, 33, 38—40; XIV, 29. **А.**, 11, 17.
- Симбруинские озера — озера среди Симбруинских холмов в Лации. **Ан.**, XIV, 22.
- Симбруинские холмы — гряда холмов в Лации. **Ан.**, XI, 13.
- Симон — бывший раб Ирода, объявивший себя после его смерти (3 г. до н. э.) царем Иудеи. **И.**, V, 9.
- Симонид — прославленный лирический поэт (559—469 гг. до н. э.) с о. Кеоса (один из Кикладских островов). **Ан.**, XI, 14.

- Синд — река в Средней Азии, предположительно ныне Теджен (в верхнем и среднем течении — Герируд). *Ан.*, XI, 10.
- Синнак — знатный парфянин, инициатор тайного посольства в Рим в 35 г. н. э. *Ан.*, VI, 31, 32, 36, 37.
- Синоп — город в Пафлагонии на Черном море, ныне Синоп (Синоб) в Турции. *И.*, IV, 83, 84.
- Синуесса — город в Лации, славившийся целебными источниками. *Ан.*, XII, 66. *И.*, I, 72.
- Сипил — гора на границе Лидии и Фригии близ г. Магнесии. *Ан.*, II, 47.
- Сираки — сарматское племя на Северном Кавказе. *Ан.*, XII, 15, 16.
- Сиракузы — главный город о. Сицилии. *Ан.*, XII, 49.
- Сирийцы — обитатели Сирии. *Ан.*, II, 60.
- Сирия — страна в М. Азии между р. Евфрат, Средиземным морем, Таврским хребтом и Аравией, с 64 г. до н. э. — римская провинция. *Ан.*, I, 42; II, 4, 42, 43, 55, 58, 69, 70, 74, 77, 78, 81, 82; III, 16; IV, 5; V, 10; VI, 27, 31, 32, 37, 41, 44; XI, 10; XII, 11, 23, 45, 49, 54, 55; XIII, 8, 22, 35; XIV, 26; XV, 3—6, 9, 12, 17, 25, 26. *И.*, I, 10, 76; II, 2, 5, 6, 9, 73, 74, 76, 78—81; III, 24; IV, 3, 17, 39; V, 1, 2, 6, 9, 10, 26. *А.*, 40.
- Сирпик — центурион. *Ан.*, I, 23.
- Ситоны — по-видимому, смешанные финно-германские племена, обитавшие на побережье Ботнического залива Балтийского моря. *Г.*, 45.
- Сифак — царь нумидийский, разбитый в 203 г. до н. э. союзником римлян царем Масиниссой и взятый им в плен. *Ан.*, XII, 38.
- Сицилийский пролив — пролив, отделяющий Сицилию от Апеннинского полуострова (ныне Мессинский). *Ан.*, I, 53; VI, 14.
- Сицилия — остров на Средиземном море близ берегов Италии, римская провинция после завершения Первой пунической войны. *Ан.*, I, 2; II, 59; IV, 13; VI, 12; XII, 23.
- Скавр см. Аврелий Скавр, Марк, или Эмилий Скавр, Марк.
- Скантия — весталка. *Ан.*, IV, 16.
- Скидрофемид — царь Синопы в правление Птолемея Сотера. *И.*, IV, 83, 84.
- Скифия — северо-причерноморские степи, заселенные различными племенами, получившими от греков собирательное название скифов. *Ан.*, II, 60; VI, 36, 41.
- Скифы — различные народности и племена, обитавшие в Скифии. *Ан.*, II, 65, 68; VI, 44.
- Скрибониан см. Фурий Камилл Аррунций Скрибониан или Кальпурний Пизон Красс Скрибониан.
- Скрибониан Камерин — сын Скрибониана Камерина, казненного при Нероне. *И.*, II, 72.
- Скрибонии (братья) см. Скрибоний Руф и Скрибоний Прокул.
- Скрибоний Курион, Гай — выдающийся римский оратор II в. до н. э. *О.*, 37.
- Скрибоний Курион, Гай — консул 76 г. до н. э., известный оратор, сын Гая Скрибония Куриона, оратора II в. до н. э. *О.*, 37.
- Скрибоний Курион, Гай — народный трибун 49 г. до н. э., сын Гая Скрибония Куриона, консула 76 г. *О.*, 37.
- Скрибоний Либон, Луций — консул 16 г. н. э. *Ан.*, II, 1.
- Скрибоний Либон Друз, Марк — знатный молодой человек, обвиненный в подготовке государственного переворота в 16 г. н. э. *Ан.*, II, 27—32; IV, 29, 31; VI, 10.
- Скрибоний Прокул — римский военачальник, вместе с братом Скрибонием Руфом посланный в 58 г. н. э. для умиротворения горожан Путеол; казнен Нероном в 67 г. *Ан.*, XIII, 48. *И.*, IV, 41.
- Скрибоний Руф — римский военачальник, вместе с братом Скрибонием Прокулом посланный в 58 г. н. э. для умиротворения горожан Путеол; казнен Нероном в 67 г. *Ан.*, XIII, 48. *И.*, IV, 41.
- Скрибония — вторая жена имп. Августа, вышедшая за него замуж в 40 г. до н. э., мать дочери Августа, Юлии. *Ан.*, II, 27.
- Скрибония — жена Марка Лициния Красса Фруги, консула 27 г. н. э., и мать Гая Кальпурния Пизона Лициниана, усыновленного имп. Гальбой. *И.*, I, 14.
- Смирна — город в М. Азии, ныне Измир (Турция). *Ан.*, III, 63; IV, 43, 55, 56.

- Согласие — олицетворение гражданского согласия в виде богини; в Риме существовал ее храм. *Ан.*, II, 32. *И.*, III, 68.
- Соза — город дандаров, его местоположение не установлено. *Ан.*, XII, 16.
- Созий, Гай — легат Антония, в 37 г. до н. э. овладевший Иерусалимом. *И.*, V, 9.
- Созия Галла — жена Гая Силия. *Ан.*, IV, 19, 20, 52.
- Солимы — упоминаемый Гомером народ, обитавший на юге М. Азии. *И.*, V, 2.
- Соляная дорога — дорога из Рима в г. Реату (ныне Рьети), начинавшаяся от Коллинских ворот. *И.*, III, 78, 82.
- Соран см. Сервилий Барей Соран.
- Сосибий — воспитатель Британника, сына имп. Клавдия. *Ан.*, XI, 1, 4.
- Сострат — жрец при храме Артемиды (Венеры) Пафосской в 69 г. н. э. *И.*, II, 4.
- Софена — область в Армении, отделенная от М. Армении р. Евфрат. *Ан.*, XIII, 7.
- Софокл — великий трагический поэт Афин (около 496—406 гг. до н. э.). *О.*, 12.
- Софоний Тигеллин, Гай — после смерти Бурра в 62 г. н. э. назначен вместе с Фением Руфом префектом преторианских когорт. После свержения имп. Гальбы покончил самоубийством. *Ан.*, XIV, 48, 51, 57, 60; XV, 37, 40, 50, 58, 59, 61, 72; XVI, 14, 17—20. *И.*, I, 24, 37, 72.
- Сохем — царь Итурей (северная часть Палестины), получивший власть от имп. Калигулы. *Ан.*, XII, 23.
- Сохем — властитель области Эмесы в Сирии, пожалованный в 52 г. Нероном царским достоинством и получивший от него во владение область Софену. *Ан.*, XIII, 7. *И.*, II, 81; V, 1.
- Спартак — организатор и руководитель восстания римских рабов в 73—71 гг. до н. э. *Ан.*, III, 73; XV, 46.
- Спартанцы — жители древнегреческого города-государства Спарты, или Лакедемона. *Ан.*, II, 60; III, 26.
- Спурий Лукреций см. Лукреций, Спурий.
- Спурина см. Вестриций Спуринна.
- Средиземное море. *Ан.*, XIII, 53.
- Стай — трибун преторианской когорты. *Ан.*, IV, 27.
- Старые лагеря (*Vetera castra*) — место расположения римского войска на берегу Рейна, близ нынешнего Ксанта. *Ан.*, I, 45. *И.*, IV, 18, 21, 35, 36, 57, 58, 62; V, 14.
- Стабий Сизенна — консул 16 г. н. э. *Ан.*, II, 1.
- Стабий Тавр — префект г. Рима при Августе, бывший консул. *Ан.*, III, 72; VI, 11.
- Стабий Тавр, Тит — консул 44 г. н. э. *Ан.*, XII, 59; XIV, 46.
- Стабия Мессалина — жена консула 65 г. н. э. Марка Вестина Аттика. *Ан.*, XV, 68.
- Стаций см. Стаций Проксум.
- Стаций Анней — приближенный врач Луция Аннея Сенеки. *Ан.*, XV, 64.
- Стаций Домиций — трибун преторианцев. *Ан.*, XV, 71.
- Стаций Мурк — воин из личной охраны Гальбы, один из убийц Кальпурния Пизона Лициниана. *И.*, I, 43.
- Стаций Проксум — трибун преторианцев, участник заговора Пизона. *Ан.*, XV, 50, 60, 71.
- Стертиний, Луций — военачальник в войске Германика в походах 15 и 16 гг. н. э. *Ан.*, I, 60, 71; II, 8, 10, 11, 17, 22.
- Стойхадские (Стохадские) острова — 5 небольших островов к востоку от г. Массилии, ныне Гиерские острова. *И.*, III, 43.
- Стойхады см. Стойхадские острова.
- Страбон см. Сей Страбон.
- Стратоникея — город в Кари. *Ан.*, III, 62.
- Сублаквей — вила Нерона у Симбруинских озер, ныне г. Субьяко. *Ан.*, XIV, 22.
- Субрий Декстер — военный трибун. *И.*, II, 31.
- Субрий Флав — трибун преторианской когорты, участник заговора Пизона. *Ан.*, XV, 49, 50, 58, 65, 67.
- Сугамбры (сигамбры) — германское племя, обитавшее между рр. Зигом (ныне Зиг) и Рейном. *Ан.*, II, 26; IV, 47; XII, 39.
- Суиллий Неруллин, Марк — сын Публия Суиллия Руфа, консул 50 г. н. э. *Ан.*, XII, 25; XIII, 43.
- Суиллий Руф, Публий — сводный брат полководца Корбулона, женатый на дочери жены Овидия от ее прежнего

- брака, известный обвинитель. **Ан.**, IV, 31; XI, 1, 2, 4—6; XIII, 42, 43.
- Суиллий Цезонин — соучастник оргий Мессалины. **Ан.**, XI, 36.
- Сулла см. Корнелий Сулла, Луций, или Корнелий Сулла Фавст, или Корнелий Сулла Феликс.
- Сульпиции — римский патрицианский род. **Ан.**, III, 48. **И.**, I, 15.
- Сульпиций Аспер — центурион преторианцев, участник заговора Пизона. **Ан.**, XV, 49, 50, 68.
- Сульпиций Гальба, Гай — консул 22 г. н. э., старший брат императора Гальбы. **Ан.**, III, 52; VI, 40.
- Сульпиций Гальба, Сервий — консул в 144 г. до н. э., знаменитый оратор. **Ан.**, III, 66. **О.**, 18, 25.
- Сульпиций Гальба, Сервий — консул 33 г. н. э., римский император в 68—69 гг. (в течение 7 месяцев). **Ан.**, III, 55; VI, 15, 20. **И.**, I, 1, 5—27, 29—56, 64, 65, 67, 71—74, 77; II, 1, 6, 7, 9—11, 22, 23, 31, 55, 58, 71, 76, 86, 88, 92, 97, 101; III, 7, 22, 25, 57, 62, 68, 85, 86; IV, 6, 13, 33, 40, 42, 57; V, 16. **А.**, 6. **О.**, 17.
- Сульпиций Камерин, Квинт — консул-суффект 46 г. н. э. В 67 г. казнен вместе с сыном. **Ан.**, XIII, 52.
- Сульпиций Квирий, Публий — консул 12 г. до н. э. **Ан.**, II, 30; III, 22, 23, 48.
- Сульпиций Руф — начальник имп. гладиаторской школы, приближенный Мессалины. **Ан.**, XI, 35.
- Сульпиций Флор — один из убийц Кальпурния Пизона Лициниана. **И.**, I, 43.
- Сульпиция Претекстата — вдова Марка Лициния Красса Фруги, погибшего при Нероне по доносу Аквилы Регула. **И.**, IV, 42.
- Сунуки — германское племя, обитавшее к западу от убиев. **И.**, IV, 66.
- Суррент — приморский город в Кампании на одноименном мысе близ Неаполя (ныне Сорренто). **Ан.**, VI, 1.
- Суррентский мыс — мыс в Неаполитанском заливе, на котором ныне расположен г. Сорренто. **Ан.**, IV, 67.
- Сцевин см. Флавий Сцевин.
- Сцевин (Севин?) Приск — бывший сенатор, осужденный при Клавдии или Нероне по закону о вымогательстве и возвращенный в сенат имп. Отонем. **И.**, I, 77.
- Сципион — командир когорты в Мавритании в 69 г. н. э. **И.**, II, 59.
- Сципион см. Цецилий Метелл Пий Сципион, Квинт или Корнелий Сципион, Публий, наместник провинции Африки в 22 г. н. э.
- Сципионы — прославленный римский род, давший выдающихся деятелей Римского государства республиканского периода (особенно известны Публий Корнелий Сципион Африканский Старший и Публий Корнелий Сципион Африканский Младший, победоносные полководцы во Второй и Третьей пунических войнах). **Ан.**, II, 33.
- Тавн — горная цепь в среднем течении Рейна. **Ан.**, I, 56; XII, 28.
- Тавр см. Статилий Тавр или Статилий Тавр, Тит.
- Тавравиты — обитатели Таврских гор. **Ан.**, XIV, 24.
- Таврина см. Августа Тавринов.
- Таврские горы — горная цепь на юге М. Азии. **Ан.**, VI, 41; XII, 49; XV, 8, 10.
- Тавры — скифское племя, обитавшее в Херсонесе Таврическом (ныне Крым). **Ан.**, XII, 17.
- Такфаринат — вождь нумидийцев. **Ан.**, II, 52; III, 20, 21, 32, 73, 74; IV, 13, 23—26.
- Тала — укрепленный пункт в римской провинции Африка, в нынешнем Тунисе. **Ан.**, III, 21.
- Тамеза — река в Британии, ныне Темза. **Ан.**, XIV, 32.
- Тамир — киликиец, якобы занесший на о. Кипр искусство гарусников. **И.**, II, 3.
- Тампий Флавиан — наместник Паннонии в 69 г. н. э. **И.**, II, 86; III, 4, 10, 11; V, 26.
- Танаис — река, ныне Дон. **Ан.**, XII, 17.
- Танай — древнее название морского залива на побережье Британии; его местоположение не установлено. **А.**, 22.
- Тантал — сын Зевса, отец Пелопы, царь Фригии, осужденный за разглашение божественной тайны на вечные мучения от голода и жажды (греч. мифология). **Ан.**, IV, 56.
- Танфана — богиня германцев; ее святы-

- лице находилось на территории, заселенной племенем марсов. *Ан.*, I, 51.
- Тарент — город на юге Италии, ныне Таранто. *Ан.*, I, 10; XIV, 12, 27. *И.*, II, 83.
- Тарий Грациан — бывший претор, казненный в 35 г. н. э. *Ан.*, VI, 38.
- Тарквинии — по римской исторической традиции, царский род, изгнанный из Рима в 510 г. до н. э. *Ан.*, XI, 22.
- Тарквиний Гордый — согласно римской исторической традиции, седьмой и последний царь римлян, изгнанный восставшим народом. *Ан.*, III, 27; VI, 11. *И.*, III, 72.
- Тарквиний Древний — согласно римской исторической традиции, пятый царь Рима. *Ан.*, IV, 65. *И.*, III, 72.
- Тарквитий Кресцент — центурион. *Ан.*, XV, 11.
- Тарквитий Приск — обвинитель Тита Статилия Тавра, сенатора. *Ан.*, XII, 59; XIV, 46.
- Тарпейская скала — круча с западной стороны Капитолийского холма в Риме, с которой сбрасывали осужденных на смерть за государственные преступления. *Ан.*, II, 32; VI, 19. *И.*, III, 71.
- Тарраконская колония — главный город римской провинции Тарраконская Испания (ныне Таррагона). *Ан.*, I, 78.
- Таррацина — город в Италии на юге Лация близ границ Кампаний, ныне Террачина. *Ан.*, III, 2. *И.*, III, 57, 60, 76, 77, 84; IV, 2, 3.
- Тарса — один из вождей восставших в 26 г. н. э. фракийцев. *Ан.*, IV, 50.
- Тартар — река в северной Италии, ныне Тартаро. *И.*, III, 9.
- Татий, Тит — царь сабинян, современник легендарного Ромула. *Ан.*, I, 54; XII, 24. *И.*, II, 95.
- Тевкр — легендарный основатель г. Саламина на о. Кипре, сын Теламона, царя о. Саламина, участник Троянской войны. *Ан.*, III, 62.
- Тевтобургский лес — покрытая лесом холмистая гряда между рр. Эмсом и Везером; здесь в 9 г. н. э. был разгромлен германцами римский полководец Квинтилий Вар. *Ан.*, I, 60.
- Тевтоны — германское племя, обитавшее в северной Германии, двинувшееся вместе с кимбрами в 113 г. до н. э. на юг и в 102 г. уничтоженное войсками Марии при Акве Секстие (ныне Экс в Провансе). *И.*, IV, 73.
- Тедий, Квинт — консул 43 г. до н. э. (вместе с Августом, тогда Октавианом). *Ан.*, I, 10.
- Теламон — легендарный царь о. Саламина. *Ан.*, III, 62.
- Телебои — племя, обитавшее в Акарнании (Греция). *Ан.*, IV, 67.
- Темн — город на западном побережье М. Азии. *Ан.*, II, 47.
- Тенктеры — германское племя, обитавшее во времена Цезаря между рр. Ланом, правым притоком Рейна, и Зигом. *Ан.*, XIII, 56. *И.*, IV, 21, 64, 65, 77. *Г.*, 32, 33, 38.
- Теносцы — жители о. Теноса (в группе Кикладских островов). *Ан.*, III, 63.
- Теофил — афинянин, осужденный ареопагом за подлог. *Ан.*, II, 55.
- Теренций — ветеран, возможный убийца имп. Гальбы. *И.*, I, 41.
- Теренций, Марк — римский всадник. *Ан.*, VI, 8.
- Теренций Варрон (Реатинский), Марк — римский государственный деятель, плодовитый писатель, автор исторических трудов, грамматических, историко-литературных и философских сочинений, а также сочинений по экономике и т. д. (116—28 гг. до н. э.). *О.*, 23.
- Теренций Варрон Мурена, Авл — глава заговора против Августа в 23 г. до н. э. *Ан.*, I, 10.
- Теренций Лентин — римский всадник, соучастник в деле Валерия Фабиана. *Ан.*, XIV, 40.
- Термейский залив — большой залив у берегов Македонии. *Ан.*, V, 10.
- Терместы — иберийское племя в Тарраконской Испании с главным городом Термес (ныне Тьермес). *Ан.*, IV, 45.
- Тесей — царь афинский, победитель Минотавра, участник похода аргонавтов (греч. мифология). *Ан.*, IV, 56.
- Теттий Юлиан — командир легиона. *И.*, I, 79; II, 85; IV, 39, 40.
- Тиберий Балбилл см. Балбилл, Тиберий.
- Тиберий (Клавдий Нерон, Тиберий) — римский император с 14 по 37 г. н. э. *Ан.*, I, 1, 3—16, 19, 24, 26, 29, 30, 33, 34, 37, 38, 42, 46, 47, 50, 52—54, 58, 59, 62, 69, 72—78, 80, 81; II, 2—5, 10, 11, 18, 22, 26, 28—31, 33—38,

- 40—53, 59, 63—66, 72, 77, 78, 80—83, 86—88; III, 2—4, 6, 8, 10—12, 14—19, 21—24, 28, 29, 31, 32, 35—38, 41, 44, 47—49, 51, 52, 55, 56, 59, 60, 64—76; IV, 1—4, 6, 8—23, 26, 27, 29—31, 33, 34, 36, 37, 39—43, 52, 54, 55, 57—60, 62, 64, 66—71, 74, 75; V, 2—5, 7, 8, 10; VI, 1—3, 5—9, 12, 13, 15—21, 23—32, 37—40, 45—48, 50; XI, 3, 21; XII, 11, 25; XIII, 3, 47, 55; XIV, 63; XV, 44; XVI, 29. И., I, 15, 16, 27, 89; II, 65, 76, 95; IV, 42, 48; V, 9. Г., 37. А., 13. О., 17.
- Тиберий Клавдий Нерон — первый муж Августы, отец имп. Тиберия и Друза Старшего. **Ан.**, V, I.
- Тиберий Семпроний см. Семпроний Лонг, Тиберий.
- Тиберий Юлий Александр — иудей из Египта, перешедший в язычество, римский всадник, с 46 г. н. э. прокуратор Иудеи, в 63 г. во время похода на парфян помощник Корбулона, в 67 г. префект Египта, в 70 г. префект претория в Иудее; участвовал в осаде и взятии Иерусалима в том же году. **Ан.**, XV, 28. И., I, 11; II, 74, 79.
- Тибр — река в средней Италии, впадающая в Тирренское море; древний Рим был расположен на ее левом берегу, в 25 км от устья. **Ан.**, I, 76, 79; II, 41; III, 9; VI, 1, 19; XII, 56; XV, 18, 42, 43. И., I, 86; II, 93; III, 82.
- Тибур — город в Лации, ныне Тиволи. **Ан.**, VI, 27; XIV, 22.
- Тигеллин см. Софоний Тигеллин, Гай.
- Тигр — река в Месопотамии. **Ан.**, VI, 37; XII, 13.
- Тигран III — внук Тиграна II, живший в изгнании в Риме с 20 по 6 г. до н. э., царь Армении. **Ан.**, II, 3.
- Тигран IV — бывший царь Армении, казненный Тиберием в 36 г. н. э. **Ан.**, VI, 40.
- Тигран V — царь Армении, правнук иудейского царя Ирода Великого, племянник Тиграна IV, посаженный на армянский престол Нероном в 60 г. н. э. **Ан.**, XIV, 26; XV, 1—6, 24.
- Тигранокерта, или Тигранокерт, — город в юго-западной части Армении, ныне Диярбакыр. **Ан.**, XII, 50; XIV, 23, 24; XV, 4—6, 8.
- Тимофей — афинянин из рода Евмолпидов. И., IV, 83.
- Тир — древняя столица Финикии и метрополия Карфагена; в 586 г. до н. э. разрушен вавилонским царем Навуходоносором. **Ан.**, XVI, 1.
- Тиридат — внук Фраата IV, пребывавший в Риме среди парфянских заложников и возведенный имп. Тиберием на парфянский престол. **Ан.**, VI, 32, 37, 41, 42—44.
- Тиридат — брат Вологеза, царя парфянского, в 66 г. н. э. признанный Нероном царем Армении. **Ан.**, XII, 50, 51; XIII, 34, 37, 38, 40, 41; XIV, 26; XV, 1, 2, 14, 24, 25, 27—31; XVI, 23.
- Тиرون — вольноотпущенник Цицерона, изобретатель римской скорописи, автор несохранившейся биографии Цицерона. **О.**, 17.
- Тиррен — сын царя Атиса, переселившийся с группой соотечественников в Италию, родоначальник этрусков (греч. мифология). **Ан.**, IV, 55.
- Тит (Флавий Веспасиан, Тит) — римский император (79—81 гг. н. э.), старший сын имп. Веспасиана. И., I, 1, 10; II, 1, 2, 4—6, 74, 79, 82; IV, 3, 38, 51, 52; V, 1, 10, 11, 13.
- Тит Виний см. Виний, Тит.
- Тит Куртизий см. Куртизий, Тит.
- Тит Олий см. Олий, Тит.
- Тит Татий см. Татий, Тит.
- Титидий Лабен — муж Вистилин. **Ан.**, II, 85.
- Титий Прокл — страж, приставленный Силием к Мессалине. **Ан.**, XI, 35.
- Титий Сабин — римский всадник, клиент Германика. **Ан.**, IV, 18, 19, 68—70; VI, 4.
- Тициан см. Сальвий Отон Тициан.
- Тицин — город в северной Италии, ныне Павия. **Ан.**, III, 5. И., II, 17, 27, 30, 68—70, 87, 88.
- Тмол — город в Лидии (М. Азия). **Ан.**, II, 47.
- Тогоний Галл — сенатор. **Ан.**, VI, 2.
- Тольбиак — город к юго-западу от Агриппиновой колонии (ныне Цюльпих). И., IV, 79.
- Тораний, Гай — римский политический деятель, оратор I в. до н. э. **О.**, 21.
- Торкват Силан см. Юний Силан Торкват, Децим.
- Торквата — весталка, сестра Гая Юния Силана. **Ан.**, III, 69.
- Торонский залив — глубоко вдающийся в

- сушу залив на п-ве Халкидика (Македония). **Ан.**, V, 10.
- Травл Монтан — римский всадник из окружения Мессалины. **Ан.**, XI, 36.
- Тразея Пэт см. Клодий Тразея Пэт, Публий.
- Траллы — город в Кари. **Ан.**, IV, 55.
- Транспаданская Галлия см. Галлия Транспаданская.
- Транспаданская Италия см. Галлия Транспаданская.
- Трапезунд — город на Черном море в восточной части М. Азии, ныне Трабзон. **Ан.**, XIII, 39. **И.**, III, 47.
- Трасилл — прорицатель, приближенный Тиберия. **Ан.**, VI, 20—22.
- Траян (Марк Ульпий Траян) — римский император (с 98 по 117 г. н. э.). **И.**, I, 1. **Г.**, 37. **А.**, 3, 44.
- Требелен Руф, Тит — бывший претор, представленный в 19 г. н. э. к малолетним детям умерщвленного Рескупоридом фракийского царя Котиса. **Ан.**, II, 67; III, 38; VI, 39.
- Требеллий, Марк — командир легиона. **Ан.**, VI, 41.
- Требеллий Максим Поллион, Марк — консул-суффект предположительно в 56 г. н. э., наместник Британии в 63—69 гг. **Ан.**, XIV, 46. **И.**, I, 60; II, 65. **А.**, 16.
- Требоний Гаруциан — прокуратор провинции Африка в 68 г. н. э. **И.**, I, 7.
- Треверы, или тревирсы, — кельтизированное германское племя, обитавшее в бассейне нижнего Мозеля. **Ан.**, I, 41; III, 40, 42, 44, 46. **И.**, I, 53, 57, 63; II, 14, 28; III, 35; IV, 18, 28, 32, 37, 55, 57, 58, 62, 66, 68—76, 85; V, 14, 17, 19, 24. **Г.**, 28.
- Триария — жена Луция Вителлия, брата имп. Вителлия. **И.**, II, 63, 64; III, 77.
- Трибоки — германское племя, входившее в свевский военный союз; обитало на левом берегу Рейна, в верхнем его течении, в районе нынешнего Страсбурга. **И.**, IV, 70. **Г.**, 28.
- Тривия — римское божество, представлявшееся в 3 обликах: Селеной (луной) на небе, Дианой на земле и Прозерпиной в преисподней. Соответствует греческой Гекате (римск. мифология). **Ан.**, II, 62.
- Тримит — остров на Адриатическом море, место ссылки Юлии Младшей, ныне Тремити. **Ан.**, IV, 71.
- Тринобанты — британское племя, обитавшее на юго-востоке Британии, южнее иценнов. **Ан.**, XIV, 31.
- Трион см. Фульциний Трион, Луций.
- Троксотор — предводитель племени кливтов (кнетов). **Ан.**, XII, 55.
- Троя, или Илион, — главный город Трояды, области в северо-западной Мизии. **Ан.**, IV, 55; XII, 58; XV, 39.
- Трукул — гавань в Британии; ее местоположение не установлено. **А.**, 38.
- Тубанты — германское племя, обитавшее между Рейном и Амизией (Эмсом). **Ан.**, I, 51; XIII, 55, 56.
- Туберон см. Элий Туберон, Квинт.
- Тубероны — римский род. **Ан.**, XII, 1.
- Тубуск — город в Нумидии. **Ан.**, IV, 24.
- Тудр — родоначальник царской династии у германского племени квадов; жил в начале н. э. **Г.**, 42.
- Туистон, или Туискон, — двуполое божество древних германцев, порожденное, по их верованиям, землей. **Г.**, 2.
- Тулл Гостилий — согласно традиционным преданиям римлян, третий римский царь, преемник Нумы Помпилия. **Ан.**, III, 26; VI, 11; XII, 8.
- Туллий Гемин — консул-суффект в правление Нерона в неустановленном году. **Ан.**, XIV, 50.
- Туллий Цицерон, Марк — прославленный римский писатель, оратор, политический деятель (106—43 гг. до н. э.). **Ан.**, IV, 34. **О.**, 12, 15—17, 18, 21, 22, 24—26, 30, 32, 35, 37, 38, 40.
- Тунгры — германское племя, переправившееся на левый берег Рейна, по-видимому задолго до Юлия Цезаря. Обитало в Бельгии, на территории между рр. Шельдой и Маасом. **И.**, II, 28; IV, 16, 55, 66, 79. **Г.**, 2. **А.**, 36.
- Турес — один из вождей восставших фракийцев. **Ан.**, IV, 50.
- Турийцы — жители г. Турии на юге Италии, построенного афинянами на месте разрушенного Сибариса, славившегося конными состязаниями. **Ан.**, XIV, 21.
- Туроны — галльское племя, обитавшее на р. Лигер (ныне Луара), с главным городом Цезародун (ныне Тур). **Ан.**, III, 41, 46.
- Турпиллиан см. Петроний Турпиллиан.
- Турраний, Гай — префект по снабжению продовольствием в 14 г. н. э. **Ан.**, I, 7; XI, 31.

- Туруллий Цериал — военачальник в войске имп. Вителлия в 69 г. н. э. **И.**, II, 22.
- Туск см. Цецина Туск.
- Туски см. Этруски.
- Тускул — древний город Лация, ныне Фраскати. **Ан.**, XI, 24; XIV, 3.
- Тусский квартал — район в древнем Риме. **Ан.**, IV, 65.
- Тутор см. Юлий Тутор.
- Убии — германское племя, обитавшее сначала между рр. Майном и Рейном; в 38 г. до н. э. убии были переселены римским полководцем Агриппой на левый берег Рейна, между нынешним Бонном и Крефельдом. **Ан.**, I, 31, 36, 37, 39, 57, 71; XII, 27; XIII, 57. **И.**, IV, 18, 28, 55, 63, 77; V, 22—24. **Г.**, 28.
- Узипы, или узипеты, — германское племя, обитавшее во второй половине I в. н. э. на правом берегу Рейна. **Ан.**, I, 51; XIII, 55, 56. **И.**, IV, 37. **Г.**, 32. **А.**, 28, 32.
- Умбриций — гаруспик. **И.**, I, 27.
- Умбрия — область в средней Италии между Этрурией и Адриатическим морем. **Ан.**, IV, 5. **И.**, III, 41, 42, 52.
- Умидий Квадрат, Гай — наместник провинции Сирия в правление Клавдия и Нерона, умер в 60 г. н. э. **Ан.**, XII, 45, 48, 54; XIII, 8, 9; XIV, 26.
- Урбин — город в Умбрии, ныне Урбино. **И.**, III, 62.
- Урбиния — римская матрона, вокруг наследства которой возник спор между ее самозванным сыном и действительными наследниками. **О.**, 38.
- Ургуания — весталка, приближенная Августа, матери имп. Тиберия. **Ан.**, II, 34; IV, 21, 22.
- Успе — город в стране сираков; его местоположение не установлено. **Ан.**, XII, 16, 17.
- Фабий см. Фабий Валент.
- Фабий Валент — командир легиона в войсках наместника Нижней Германии (в 68 г. н. э.), затем — военачальник имп. Вителлия. **И.**, I, 7, 52, 57, 61, 62, 64, 66, 74; II, 14, 24, 27—31, 34, 41, 43, 51, 54—56, 59, 67, 70, 71, 77, 92, 93, 95, 99, 100; III, 15, 36, 40—44, 62, 66.
- Фабий Максим — консул 11 г. до н. э., родственник Овидия и приближенный Августа, сопровождавший его в поездке на о. Планазию в 14 г. н. э. **Ан.**, I, 5.
- Фабий Персик Павел — консул 34 г. н. э. **Ан.**, VI, 28.
- Фабий Приск — командир XIV легиона во время восстания Цивилиса. **И.**, IV, 79.
- Фабий Роман — друг Лукана, выступивший с обвинением его отца Аннея Мелы в 66 г. н. э. **Ан.**, XVI, 17.
- Фабий Рустик — римский историк; кроме Тацита, никаких достоверных упоминаний о нем до нас не дошло. **Ан.**, XIII, 20; XIV, 2; XV, 61. **А.**, 10.
- Фабий Фабулл — командир V легиона в 69 г. н. э. **И.**, III, 14.
- Фабий Юст, Луций — консул-суффект 102 г. н. э., друг Плиния Младшего. **О.**, 1.
- Фабриции — известный римский род. **Ан.**, II, 33.
- Фабриций Вейнтон — консул предположительно в 83 г. н. э., известный доносчик и обвинитель. **Ан.**, XIV, 50.
- Фавонии см. Фавоний, Марк.
- Фавоний — теплый западный ветер. **Ан.**, IV, 67.
- Фавоний, Марк — ученик и последователь Марка Катона Утического. **Ан.**, XVI, 22.
- Фавст Сулла см. Корнелий Сулла Фавст.
- Фаланий — римский всадник, привлеченный к суду в 15 г. н. э. по закону об оскорблении величия. **Ан.**, I, 73.
- Фанум Фортунэ (Капище Фортуны) — прибрежный город в Умбрии, ныне Фано. **И.**, III, 50.
- Фарасман — царь Иберии (кавказской) в правление Тиберия, Калигулы, Нерона. **Ан.**, VI, 32—35; XI, 8, 44—48; XIII, 37; XIV, 26.
- Фарсал — город в Фессалии (Греция). **Ан.**, IV, 44.
- Фарсалия — область в центре Фессалии (Греция) с главным городом Фарсалом, близ которого Юлий Цезарь в 48 г. до н. э. одержал победу над Секстом Помпеем. **И.**, I, 50; II, 38.
- Феб — вольноотпущенник Нерона. **Ан.**, XVI, 5.

- Феликс см. Антоний Феликс.
- Фений Руф — префект по снабжению продовольствием, в правление Нерона командир преторианцев, участник заговора Пизона в 65 г. н. э. **Ан.**, XIII, 22; XIV, 51, 57; XV, 50, 53, 58, 61, 66, 68; XVI, 12.
- Фенны — так у Тацита именуются финны. **Г.**, 46.
- Феофан из Митилен — грек, приближенный Гнея Помпея, награжденный им римским гражданством и почитавшийся соотечественниками за помощь, которую благодаря близости к Помпею он им оказывал. **Ан.**, VI, 18.
- Ферентин — город в Лации, ныне Ферентино. **Ан.**, XV, 53. **И.**, II, 50.
- Ферония — древнеиталийская богиня, покровительница вольноотпущенников, храм которой находился близ г. Таррацины. **И.**, III, 76.
- Фессалийцы — обитатели Фессалии (в северной Греции). **Ан.**, VI, 34.
- Фест см. Валерий Фест.
- Фест — командир когорты. **И.**, II, 59.
- Фиванды — жители г. Фив, столицы Беотии (в Греции). **Ан.**, XI, 14.
- Фивы (Стоватные) — столица Верхнего Египта на Ниле. **Ан.**, II, 60.
- Фидена, или Фидены, — город близ Рима на левом берегу Тибра. **Ан.**, IV, 62. **И.**, III, 79.
- Финест — брат Атрея, убившего детей Фiestа и угостившего его кушаньем из их мяса (греч. мифология). **О.**, 3, 12.
- Филадельфия — город в восточной Лидии (М. Азия). **Ан.**, II, 47.
- Филипп см. Марций Филипп, Луций.
- Филипп II — царь Македонии, отец Александра (годы царствования: 359—336 до н. э.). **Ан.**, III, 38; IV, 43. **О.**, 16.
- Филипп (V) — царь Македонии, в 215 г. до н. э. (в разгар Второй пунической войны) открывший военные действия против римлян. **Ан.**, II, 63.
- Филиппополь — укрепленный город во Фракии (ныне Пловдив). **Ан.**, III, 38.
- Филиппы — город в Македонии, близ которого в 42 г. до н. э. Октавиан и Антоний разбили войско Брута и Кассия. **Ан.**, III, 76; IV, 35. **И.**, I, 50; II, 38.
- Филон Академик — последователь Новой академии, родом из Лариссы (Греция), бежавший с родины во время войны с Митридатом в 88 г. до н. э. и нашедший прибежище в Риме, учитель Цицерона. **О.**, 30.
- Филопатор — царь кикийский в правление имп. Тиберия. **Ан.**, II, 42.
- Финикияне, или финикийцы, — жители Финикии (страна на малоазиатском побережье Средиземного моря северо-восточнее Палестины). **Ан.**, XI, 14; XVI, 1. **И.**, V, 6.
- Фирмий Кат — сенатор, обвинивший в 17 г. н. э. Друза Либона в стремлении захватить верховную власть. **Ан.**, II, 27, 28, 30; IV, 31.
- Флав — брат вождя херусков Арминия, служивший в римской армии. **Ан.**, II, 9, 10; XI, 16.
- Флав — один из предводителей галлов во время восстания Виндекса. **И.**, II, 94.
- Флавиан см. Тампий Флавиан.
- Флавии — римский род, из которого вышли императоры Веспасиан, Тит и Домициан. **И.**, II, 101.
- Флавий Непот — трибун преторианцев. **Ан.**, XV, 71.
- Флавий Сабин, Тит — старший брат имп. Веспасиана, консул-суффект в 45 г. н. э., префект г. Рима во время гражданской войны 69 г. **И.**, I, 46; II, 55, 63, 99; III, 59, 64, 65, 68—71, 73—75, 78, 79, 81, 85; IV, 47.
- Флавий Сабин — консул-суффект в 69 г. н. э. **И.**, I, 77; II, 36, 51.
- Флавий Сцевин — сенатор, участник заговора Пизона. **Ан.**, XV, 49, 53—56, 59, 66, 70, 71, 74; XVI, 18.
- Флакк Вескуларий см. Вескуларий Флакк.
- Флакк Гордеоний см. Гордеоний Флакк.
- Фламиниева дорога — дорога из Рима в г. Аримин, ныне Римини, построенная в 220 г. до н. э. цензором Фламинием. **Ан.**, III, 9; XIII, 47. **И.**, I, 86; II, 64; III, 79, 82.
- Флев — римское укрепление у озер, из которых впоследствии образовался нынешний залив Зейдер-зе в Голландии. **Ан.**, IV, 72.
- Флора — богиня цветов и весны (римск. мифология). **Ан.**, II, 49.
- Флорентийцы — жители города Флоренции на р. Арн (ныне Флоренция). **Ан.**, I, 79.
- Фонтей Агриппа — один из обвинителей Марка Либона Скрибония Друза. **Ан.**, II, 30, 86.

- Фонтей Агриппа — наместник Азии, в 69 г. н. э., назначенный в Мезию. **И.**, III, 46.
- Фонтей Капитон, Гай — консул 12 г. н. э. **Ан.**, IV, 36.
- Фонтей Капитон, Гай — консул 59 г. н. э., наместник Нижней Германии, убитый там в 68 г. **Ан.**, XIV, 1. **И.**, I, 7, 8, 37, 52, 58; III, 62; IV, 13.
- Формии — приморский город в южном Лации, ныне Мола ди Гаэта. **Ан.**, XV, 46; XVI, 10.
- Фортуна — римская богиня счастья и удачи. **Ан.**, II, 41; XV, 23, 53.
- Фортуна Всадническая — храм в ее честь находился в г. Анций. **Ан.**, III, 71.
- Фортунат — вольноотпущенник Луция Антистия Ветера, консула 55 г. н. э. **Ан.**, XVI, 10.
- Форум см. Римский форум.
- Форум Алиена (Форум Алиенум) — город в Цизальпийской Галлии, ныне предположительно Леньяго. **И.**, III, 6.
- Форум Юлия — город в Нарбоннской Галлии, ныне Фрежюс; со времен Августа местопребывание одной из эскадр римского военного флота. **Ан.**, II, 63; IV, 5. **И.**, II, 14; III, 43. **А.**, 4.
- Фосы — германское племя, обитавшее в непосредственном соседстве с херусками в верховьях р. Аллер. **Г.**, 36.
- Фраат — правитель одной из важнейших префектур (провинций) Парфянского царства в правление имп. Тиберия. **Ан.**, VI, 42, 43.
- Фраат — сын Фраата IV, отданный отцом в заложники Августу. **Ан.**, VI, 31, 32.
- Фраат IV — парфянский царь из династии Арсакидов, в 36 г. до н. э. одержавший победу над Антонием, но в 20 г. возвративший Августу военнопленных и боевые значки, захваченные им у Антония и Красса (годы правления: 37 г. до н. э.—2 г. н. э.). **Ан.**, II, 1, 2; VI, 37; XI, 10; XII, 10.
- Фракийцы — обитатели Фракии. **Ан.**, II, 64; III, 38; IV, 48; XII, 63.
- Фракия — страна на Балканском п-ве, между Македонией и Черным и Эгейским морями. **Ан.**, II, 64, 65—67; III, 38; IV, 5; VI, 10. **И.**, I, 11.
- Фризы — германское племя, обитавшее на морском побережье между Флевонским озером (ныне залив Зейдер-зе, образо-
- вавшийся в 1282 г. вследствие опускания и затопления суши) и р. Эмс. **Ан.**, I, 60; IV, 72—74; XI, 19; XIII, 54. **И.**, IV, 15, 16, 18, 56, 79. **Г.**, 34, 35. **А.**, 28.
- Фрикс — сын царя Беотии Афаманта, предназначенный в умиловительную жертву богам и спасенный золотым оном, который и доставил его в Колхиду (греч. мифология). **Ан.**, VI, 34.
- Фронтин см. Юлий Фронтин.
- Фула — полубаснословная страна на севере Европы (некоторые отождествляют ее с западным побережьем Норвегии, другие — с Исландией); в тексте Тацита речь идет, по-видимому, о Шетландских островах. **А.**, 10.
- Фульв Аврелий см. Аврелий Фульв.
- Фульциний Трион, Луций — известный доносчик и обвинитель в правление Тиберия, консул-суффект 31 г. н. э. **Ан.**, II, 28, 30; III, 10, 13, 19; V, 11; VI, 4, 38.
- Фунданий бассейна — водоем в Риме; его местонахождение не установлено. **И.**, III, 69.
- Фундийские горы — гряда гор близ г. Фунди (ныне Фонди) в Лации. **Ан.**, IV, 59.
- Фунизулан Веттоний, Луций — в 62 г. н. э. командир легиона, в дальнейшем наместник Далмации, потом Мезии, потом Паннонии (84—85 гг.). **Ан.**, XV, 7.
- Фурий Бибакул, Марк — римский поэт, современник Катулла. **Ан.**, IV, 34.
- Фурий Камилл, Луций — в 350 г. до н. э. диктатор, в 349 консул; в эти же годы одержал ряд побед над галлами. **Ан.**, II, 52.
- Фурий Камилл, Марк — наместник провинции Африка. **Ан.**, II, 52; III, 20, 21.
- Фурий Камилл Аррунций Скрибониан, Гней — консул 32 г. н. э.; в 42 г., будучи наместником Далмации, подавлял мятеж, подавленный спустя несколько дней. **Ан.**, VI, 1; XII, 52. **И.**, I, 89; II, 75.
- Фурий Камилл Аррунций Скрибониан, Марк — сын Гнея Фурия Камилла Скрибониана, в 52 г. отправленный имп. Клавдием в изгнание. **Ан.**, XII, 52.
- Фурний — любовник Клавдии Пульхры,

- осужденный вместе с ней по обвинению в покушении на особу Тиберия. **Ан.**, IV, 52.
- Фурний, Гай — римский политический деятель, оратор I в. до н. э. **О.**, 21.
- Фуск см. Корнелий Фуск.
- Фуфий Гемин, Гай — консул 29 г. н. э. **Ан.**, V, 1, 2; VI, 10.
- Фуцинское озеро — озеро в Апеннинских горах, ныне Лаго ди Челано. **Ан.**, XII, 56.
- Хавки — германская народность, распавшаяся на несколько племен. Первоначально хавки обитали между нижним течением Эмса и Эльбой; в середине I в. н. э. они распространились на юг и на запад до верховьев Эмса и Везера. Большие хавки обитали к востоку от Везера, меньшие — к западу. **Ан.**, I, 38, 60; II, 17, 24; XI, 18, 19; XIII, 55. **И.**, IV, 79; V, 19. **Г.**, 35, 36.
- Хазуарии — германское племя, обитавшее между рр. Эмсом и Липпе. **Г.**, 34.
- Халдеи — обитатели Халдеи (юго-западная часть Вавилонии, между рр. Евфратом и Тигром); с течением времени слово «халдеи» приобрело среди римлян значение «астрологи», «предсказатели», так как Халдея славилась своими астрономами и астрологами. **Ан.**, II, 27; III, 22; VI, 20; XII, 22, 52, 68; XIV, 9; XVI, 14.
- Халкедоняне — жители г. Халкедона (в провинции Вифиния, на Босфоре, ныне Кадикой). **Ан.**, XII, 62.
- Хамавы — германское племя, обитавшее между рр. Эмсом и Рейном; часть хамавов переселилась на земли, отнятые у бруктеров. **Ан.**, XIII, 55. **Г.**, 33, 34.
- Харикл — приближенный врач имп. Тиберия. **Ан.**, VI, 50.
- Хариовальда — вождь вспомогательного отряда батавов в войске Германика во время похода 16 г. н. э. **Ан.**, II, 11.
- Хатты — одно из крупнейших германских племен, первоначально обитавшее по течению р. Эдер (левого притока Везера), затем продвинувшееся южнее на территорию между Рейном, верхним течением р. Верры и р. Димель (левым притоком Везера). **Ан.**, 55, 56; II, 7, 25, 41, 88; XI, 16; XII, 27, 28; XIII, 56, 57. **И.**, IV, 12, 37. **Г.**, 29—32, 35—36, 38.
- Херуски — одно из наиболее значительных германских племен, обитавшее по среднему течению р. Везер. **Ан.**, I, 56, 59, 60, 64; II, 9, 11, 16, 17, 19, 26, 41, 44—46; XI, 16, 17; XII, 28; XIII, 55, 56. **Г.**, 36.
- Хоб — река на Кавказе, впадающая в Черное море, ныне Хоби. **И.**, III, 48.
- Христос. **Ан.**, XV, 44.
- Цедиция — жена Флавия Сцевина, сосланная в связи с заговором Пизона в 65 г. н. э. **Ан.**, XV, 71.
- Цезарея — город на границе Галилеи и Самарии, резиденция римских прокураторов в Иудее. **И.**, II, 78.
- Цезари — принцепсы из династий Юлиев, Клавдиев и Флавиев, а также их сыновья. **Ан.**, I, 3, 10, 74; II, 30, 42, 76; III, 9, 29; IV, 34, 75; VI, 46; XII, 2, 62; XIII, 1; XIV, 7, 61; XV, 14; XVI, 7. **И.**, I, 5, 16, 29, 30, 48, 89; II, 72; IV, 2, 40, 43, 44, 85; V, 1, 5.
- Цезарь — титул римских императоров. **И.**, I, 62; II, 62, 80; III, 58, 86.
- Цезарь, Гай — сын Випсания Агриппы и Юлии, внук Августа, усыновленный им (20 г. до н. э. — 4 г. н. э.). **Ан.**, I, 3, 53; II, 4, 42; III, 48; IV, 1, 40; VI, 51.
- Цезарь, Луций — сын Випсания Агриппы и Юлии, внук Августа, усыновленный им (17 г. до н. э. — 2 г. н. э.). **Ан.**, I, 3, 53; III, 23; VI, 51.
- Цезеллий Басс — карфагенянин, посуливший Нерону припрятанные под землей сокровища. **Ан.**, XVI, 1, 3.
- Цезенний (Цезоний?) Максим — консул-суффект в неустановленном году, друг Луция Аннея Сенеки, высланный из Италии в 65 г. н. э. в связи с заговором Пизона. **Ан.**, XV, 71.
- Цезенний Пэт, Луций — консул 61 г. н. э., командующий войском в Армении в 62 г. **Ан.**, XIV, 29; XV, 6—17, 24—26, 28.
- Цезий Корд — наместник о. Крита и Киренаики в 22 г. н. э. **Ан.**, III, 38, 70.
- Цезий Назика — командир легиона в Британии в правление имп. Клавдия. **Ан.**, XII, 40.
- Цезийский лес — лесистое нагорье в северо-западной Германии (между рр. Липпе и Исселем). **Ан.**, I, 50.

- Целер — строитель Золотого дворца Нерона. **Ан.**, XV, 42.
- Целер, Публий — римский всадник. **Ан.** XIII, 1, 33.
- Целиев холм, или Целий, — один из 7 холмов, на которых был расположен древний Рим. **Ан.**, IV, 64, 15; XV, 38.
- Целий, Гай — консул 17 г. н. э. **Ан.**, II, 41.
- Целий Вибена — легендарный предводитель этрусков, именем которого назван один из 7 холмов древнего Рима (Целий, или Целиев холм). **Ан.**, IV, 65.
- Целий Курсор — римский всадник. **Ан.**, III, 37.
- Целий Поллион — префект, вместе с центурионом Касперием возглавлявший римский гарнизон в крепости Горнеи. **Ан.**, XII, 45, 46.
- Целий Руф, Марк — известный политический деятель и оратор (82—48 гг. до н. э.), обучался красноречию у Цицерона. **О.**, 17, 18, 21, 25, 26, 38.
- Целий Сабин — консул-суффект в течение нескольких месяцев 69 г. н. э. **И.**, I, 77.
- Цельс Юлий см. Юлий Цельс.
- Цен — вольноотпущенник Нерона. **И.**, II, 54.
- Цепион Криспин — квестор наместника Вифинии Грания Марцелла, доносчик и обвинитель при Тиберии. **Ан.**, I, 74.
- Церакаты — германское племя, обитавшее предположительно по р. Мен (ныне Майн) в западной Германии. **И.**, IV, 70.
- Церварий Прокул — римский всадник, участник заговора Пизона. **Ан.**, XV, 50, 66, 71.
- Церера — дочь Сатурна, сестра Юпитера, богиня земледелия, основательница гражданственности и общности (римск. мифология). **Ан.**, II, 49; XV, 44, 53, 74. **И.**, II, 55.
- Цериал см. Петилий Цериал.
- Цестий Галл, Гай — консул 35 г. н. э. **Ан.**, III, 36; VI, 7, 31.
- Цестий Галл, Гай — консул-суффект 42 г. н. э., предположительно сын Гая Цестия Галла, консула 35 г., наместник Сирии при имп. Нероне. **Ан.**, XV, 25. **И.**, IV, 10.
- Цестий Прокул — наместник Крита и Киренаики в правление Нерона. **Ан.**, XIII, 30.
- Цестий Север — сенатор, известный доносчик при имп. Нероне. **И.**, IV, 41.
- Цетег Лабен — командир V легиона во время восстания фризов в 28 г. н. э. **Ан.**, IV, 73.
- Цетрий Север — военный трибун. **И.**, I, 31.
- Цетроний, Гай — командир легиона. **Ан.**, I, 44.
- Цетроний Пизан — префект лагеря расквартированного в провинции Африка легиона, обвиненный как пособник Луция Кальпурния Пизона. **И.**, IV, 50.
- Цецилиан см. Магий Цецилиан.
- Цецилиан — сенатор (возможно, что он и Магий Цецилиан — одно и то же лицо). **Ан.**, VI, 7.
- Цецилий Корнут, Марк — претор. **Ан.**, IV, 28, 30.
- Цецилий Метелл, Гай — консул 113 г. до н. э. **Г.**, 37.
- Цецилий Метелл, Луций — консул в 251 г. до н. э., великий понтифик с 245 г. **Ан.**, III, 71.
- Цецилий Метелл Непот, Квинт — консул 57 г. до н. э., известный оратор. **О.**, 37.
- Цецилий Метелл Пий Сципион, Квинт — тесть Гнея Помпея, вместе с ним консул 52 г. до н. э., покончил жизнь самоубийством после битвы при Тапсе (46 г.). **Ан.**, IV, 34.
- Цецилий Метелл Целер, Квинт — консул 60 г. до н. э., известный оратор. **О.**, 37.
- Цецилий Симплекс — сенатор, потом консул-суффект в ноябре, декабре 69 г. н. э. **И.**, II, 60; III, 68.
- Цецина см. также Алиен Цецина.
- Цецина Ларг, Гай — приближенный имп. Клавдия. **Ан.**, XI, 33, 34.
- Цецина Север, Авл — римский военачальник. **Ан.**, I, 31, 32, 37, 48, 50, 56, 60, 61, 63—66, 72; II, 6; III, 18, 33, 34.
- Цецина Туск — наместник Египта в правление Нерона. **Ан.**, XIII, 20. **И.**, III, 38.
- Цивика Цериал, Гай — консул-суффект в 76 г. н. э., наместник Азии в 88/89 г., казнен имп. Домицианом. **А.**, 42.
- Цивилис см. Юлий Клавдий Цивилис.
- Цильний Меценат, Гай — римский всадник, близкий друг Августа, покровитель Вергилия, Горация и других поэтов, умер в 8 г. до н. э. **Ан.**, I, 54.

- III, 30; VI, 11; XIV, 53, 55; XV, 39. О., 26.
- Цингоний см. Цингоний Варрон.
- Цингоний Варрон — сенатор в 61 г. н. э., консул на будущий срок в 69 г., казнен в том же году за участие в заговоре Нимфидия Сабина. *Ан.*, XIV, 45. *И.*, I, 6, 37.
- Цинна см. Корнелий Цинна, Луций.
- Цинций (Цинций Алимент, Марк) — автор изданного в 204 г. до н. э. закона (Цинциева закона), воспрещавшего адвокатам получать какое-либо вознаграждение от своих подзащитных. *Ан.*, XI, 5; XIII, 42; XV, 20.
- Цицерон см. Туллий Цицерон, Марк.
- Эбреи — племя, на земле которого, по Тациту, осели ушедшие из Египта иудеи. *И.*, V, 2.
- Эвандр — сын Меркурия, переселившийся из Аркадии (в Греции) в Италию (греч. мифология). *Ан.*, XI, 14; XV, 41.
- Эвбея — остров у побережья Аттики и Беотии (ныне Негропонт, Греция). *Ан.*, II, 54; V, 10.
- Эвлем — врач и приближенный жены Друза Младшего — Ливии. *Ан.*, IV, 3, 11.
- Эвдосы — небольшое германское племя, обитавшее в южной части Ютландского полуострова. *Г.*, 40.
- Эвкер — раб Нерона, флейтист, которому было приписано сожительство с Октавией, женой Нерона. *Ан.*, XIV, 60.
- Эвнон — царь аорсов. *Ан.*, XII, 15, 18—20.
- Эвод — вольноотпущенник, приставленный Нарциссом к отряду, посланному для умерщвления Мессалины, *Ан.*, XI, 37.
- Эгейское море. *Ан.*, V, 10; XV, 71.
- Эги — город в Мизии (на северо-западе М. Азии). *Ан.*, II, 47.
- Эги — приморский город в Киликии. *Ан.*, XIII, 8.
- Эгий — город в Пелопоннесе (Греция). *Ан.*, IV, 13.
- Эгнаций см. Эгнаций Целер, Публий.
- Эгнаций Руф, Марк — глава заговора против Августа; казнен в 19 г. до н. э. *Ан.*, I, 10.
- Эгнаций Целер, Публий — клиент Сервилия Барей Сорана, подкупленный для дачи показаний против него на его процессе в 66 г. н. э. *Ан.*, XVI, 32. *И.*, IV, 10, 40.
- Эгнация Максимилла — жена Глития Галла, последовавшая за ним в ссылку в 65 г. н. э. *Ан.*, XV, 71.
- Эдесса — город в северо-западной Месопотамии, ныне Урфа. *Ан.*, XII, 12.
- Эдуи — галльское племя, обитавшее между рр. Лигером (ныне Луара) и Араром (ныне Соны). *Ан.*, III, 40, 43—46; XI, 25. *И.*, I, 51, 64; II, 61; III, 35; IV, 17, 57.
- Эзернин Марцелл см. Клавдий Марцелл Эзернин, Марк.
- Экбатаны — главный город Мидии, летняя резиденция парфянских царей, ныне Хамадан. *Ан.*, XV, 31.
- Эквы — италийское племя, обитавшее по соседству с Лацием. *Ан.*, XI, 24.
- Элевсин — приморский город в северо-западной Аттике, центр культа богини Цереры. *И.*, IV, 83.
- Элефантина — остров на Ниле в Верхнем Египте у г. Сиены. *Ан.*, II, 61.
- Элий Галл — предположительно старший сын Сеяна, усыновленный, по-видимому, римским всадником Элием Галлом. *Ан.*, V, 8.
- Элий Граций — наместник провинции Белгика в 58 г. н. э. *Ан.*, XIII, 53.
- Элий Ламия, Луций — консул 3 г. н. э., префект г. Рима, умер в 33 г. *Ан.*, IV, 13; VI, 27.
- Элий Сеян, Луций — всесильный временщик при имп. Тиберии, в 31 г. н. э. изобличенный в заговоре и казненный. *Ан.*, I, 24, 69; III, 15, 29, 35, 66, 72; IV, 1—3, 7, 8, 10—12, 15, 17—19, 26, 34, 39—41, 54, 57—60, 67, 68, 70, 71, 74; V, 3, 4, 6, 8, 9, 11; VI, 2, 3, 7, 8, 10, 14, 19, 23, 25, 29, 30, 38, 47, 48, 51; XIII, 45.
- Элий Туберон, Квинт — ревностный приверженец стоической философии, современник и политический противник братьев Гракхов. *Ан.*, XVI, 22.
- Элимен — жители области Элимаиды в Сузиане (страны в М. Азии у Персидского залива). *Ан.*, VI, 44.
- Элия Петина — вторая жена имп. Клавдия. *Ан.*, XII, 1, 2.
- Эмерита — город в римской провинции Лузитания, ныне Мерида. *И.*, I, 78.
- Эмилианы — район древнего Рима близ

- Марсова поля, между Капитолийским холмом и Квириналом. **Ан.**, XV, 40.
- Эмилины — знатный римский род. **Ан.**, III, 22, 24, 72; VI, 27, 29.
- Эмилий — центурион, свидетель на процессе Вотиена Монтана. **Ан.**, II, 11; IV, 42.
- Эмилий, Мамерк — квестор, избранный народом в 447 г. до н. э. **Ан.**, XI, 22.
- Эмилий Лепид, Маний — римский государственный деятель, консул 11 г. н. э., внук триумвира Лепида. **Ан.**, I, 13; III, 11, 22, 35, 50, 51; IV, 20, 56; VI, 5, 27.
- Эмилий Лепид, Марк — консул в 187 и 175 гг. до н. э.; в 181 г. был приставлен к сыновьям умершего в том же году египетского царя Птолемея Эпифана — Птолемею Филометору и Птолемею Фискону. **Ан.**, II, 67.
- Эмилий Лепид, Марк — консул 78 г. до н. э. **Ан.**, III, 27.
- Эмилий Лепид, Марк — консул 46 и 42 гг. до н. э., член второго триумvirата, умер в 13 г. до н. э. **Ан.**, I, 1, 2, 9, 10.
- Эмилий Лепид, Марк — консул 6 г. н. э. **Ан.**, II, 48; III, 32, 72; VI, 40.
- Эмилий Лепид, Марк — сын одноименного консула 6 г. н. э., приближенный имп. Калигулы, муж его сестры Друзиллы, любовник Агриппины Младшей, умерщвленный в 40 г. как участник заговора Гетулика. **Ан.**, XIV, 2.
- Эмилий Лонгин — дезертир из I легиона, убивший Дилия Воклу. **И.**, IV, 59, 62.
- Эмилий Павел, Луций — римский полководец, разбивший последнего царя Македонии Персея в 168 г. до н. э. **Ан.**, XII, 38.
- Эмилий Павел, Луций — консул 50 г. до н. э. **Ан.**, III, 72.
- Эмилий Пацена — военный трибун. **И.**, I, 20, 87; II, 12; III, 73.
- Эмилий Скавр, Марк — консул 115 и 107 гг., цензор в 109 г. до н. э. **Ан.**, III, 66. **А.**, 1.
- Эмилий Скавр, Марк — подзащитный Цицерона на судебном процессе в 54 г. до н. э. **О.**, 39.
- Эмилий Скавр, Мамерк — выдающийся оратор, автор трагедий, консул-суффект предположительно в 21 г. н. э. **Ан.**, I, 13; III, 23, 31, 66; VI, 9, 29, 30.
- Эмилия Лепида — знатная римлянка. **Ан.**, III, 22—24, 48.
- Эмилия Лепида — жена Друза, сына Германика. **Ан.**, VI, 40.
- Эмилия Муза — богатая римлянка, не оставившая завещания. **Ан.**, II, 48.
- Эн — пограничная река между Рецией и Нориком, ныне Инн. **И.**, III, 5.
- Эней — легендарный родоначальник римского народа и рода Юлиев. **Ан.**, IV, 9; XII, 58.
- Энний, Луций — римский всадник. **Ан.**, III, 70.
- Энний, Маний — префект лагеря вексиллариев в стране хавков в 14 г. н. э. **Ан.**, I, 38.
- Энния — жена начальника преторианцев Макрона. **Ан.**, VI, 45.
- Эпафродит — вольноотпущенник имп. Нерона. **Ан.**, XV, 55.
- Эпифагна — предместье столицы Сирии Антиохии. **Ан.**, II, 83.
- Эпикур — афинский философ, один из самых выдающихся представителей античного материализма (341—270 гг. до н. э.). Сочинения Эпикура не сохранились (кроме 3 писем и ряда фрагментов). **О.**, 31.
- Эпифан — сын царя Антиоха Коммагенского, находившийся в войске Отона в 69 г. н. э. **И.**, II, 25.
- Эпихарида — вольноотпущенница, брошенная в темницу и покончившая там самоубийством в связи с заговором Пизона. **Ан.**, XV, 51, 57.
- Эпоредия — город в северной Италии, ныне Ивреа. **И.**, I, 70.
- Эппонина — жена Юлия Сабина, вождя лингонов во время восстания Цивилиса. **И.**, IV, 67.
- Эприй см. Эприй Марцелл, Тит.
- Эприй Марцелл, Тит — в 48 г. н. э. претор на один день, наместник Памфилии и Ликии при имп. Клавдии, в правление имп. Нерона известный доносчик и обвинитель, в 79 г. вынужденный покончить самоубийством. **Ан.**, XII, 4; XIII, 33; XVI, 22, 26, 28, 29, 33. **И.**, II, 53, 95; IV, 6—10, 42, 43. **О.**, 5, 8, 13.
- Эрато — армянская царица. **Ан.**, II, 4.
- Эрик — гора и город в северо-западной части Сицилии с древним культом Венеры. **Ан.**, IV, 43.
- Эринд, или Харинд, — река, впадающая в Астрабадский залив Каспийского моря, ныне Каринд. **Ан.**, XI, 10.

- Эритры — приморский город в Ионии в М. Азии, против о. Хиоса. **Ан.**, VI, 12.
- Эсквилин — один из 7 холмов, на которых был расположен древний Рим. **Ан.**, XV, 40.
- Эсквилинские ворота — крепостные ворота в восточной части Рима; за Эсквилинскими воротами находилось так называемое Эсквилинское поле, на котором обычно производились казни. **Ан.**, II, 32.
- Эскулапий (Эскулап) — фессалийский царь и врач, позднее бог врачевания (грекоримск. мифология). **Ан.**, III, 63; IV, 14; XII, 61; XIV, 18. **И.**, IV, 84.
- Этии — индоевропейский народ предположительно балтийской ветви, предки нынешних латышей и литовцев. **Г.**, 45.
- Эсхин — афинский оратор, политический противник Демосфена, глава промакедонской партии (род. около 390 г. до н. э.). **О.**, 15, 25.
- Этрурия — область в Италии к северо-западу от Рима, ныне Тоскана. **Ан.**, II, 39; IV, 5; XI, 24. **И.**, I, 86; III, 41.
- Этруски, или туски, — народ, обитавший в Этрурии. **Ан.**, IV, 55, 65; XI, 14, 24; XIV, 21.
- Эфес — город в Ионии (область на западном побережье М. Азии). **О.**, 15.
- Эфес — город в Лидии (М. Азия). **Ан.**, IV, 55.
- Эфесцы — обитатели г. Эфеса в Лидии. **Ан.**, III, 61, 62.
- Эфиопия — страна к югу от Египта, простирающаяся вплоть до Индийского океана. **Ан.**, II, 60.
- Эфиопы — обитатели Эфиопии. **И.**, V, 2.
- Эт — легендарный царь Колхиды, отец Медеи, обладатель золотого руна (греч. мифология). **Ан.**, VI, 34.
- Эя — город в Северной Африке, ныне Триполи. **И.**, IV, 50.
- Юба — имя царей Нумидии, которое, как ходили слухи, присвоил себе в 69 г. н. э. Лукцей Альбин, прокуратор обеих Мавританий. **И.**, II, 58.
- Юба II — сын царя Нумидии Юбы I, разгромленного Юлием Цезарем при Тапсе в 46 г. до н. э.; Август поставил его царем над частью отцовского царства. **Ан.**, IV, 5, 23.
- Ювенал — вождь тунгров во время восстания Цивилиса. **И.**, IV, 66.
- Юл см. Антоний Юл Младший.
- Юлиан см. Клавдий Юлиан.
- Юлиан Теттий см. Теттий Юлиан.
- Юлии — старинный римский род. **Ан.**, I, 8; II, 41, 83; III, 5; IV, 9; V, 1; VI, 8, 51; XI, 24; XII, 2, 58; XIV, 22; XV, 23; XVI, 6. **И.**, I, 16; II, 48, 95.
- Юлий Авгурин — римский всадник, участник заговора Пизона. **Ан.**, XV, 50.
- Юлий Авспекс — знатный рем, сторонник примирения с римлянами во время восстания Цивилиса. **И.**, IV, 69.
- Юлий Агрест — центурион из войска имп. Вителлия. **И.**, III, 54.
- Юлий Агрикола, Гней — 40—93 гг. н. э., полководец, консул-суффект 77 г., наместник Британии в 77—85 гг., тесть Тацита. **А.**, 3—9, 18, 20—22, 24—26, 29, 33, 35—46.
- Юлий Агриппа — отправлен в ссылку в связи с заговором Пизона в 65 г. н. э. **Ан.**, XV, 71.
- Юлий Аквила — римский военачальник, действовавший против Митридата VII. **Ан.**, XII, 15, 21.
- Юлий Альпин — гельвет, наказанный Цединой как зачинщик военного столкновения с римлянами в 69 г. н. э. **И.**, I, 68.
- Юлий Альтин — сослан в связи с заговором Пизона в 65 г. н. э. **Ан.**, XV, 71.
- Юлий Аттик — телохранитель имп. Гальбы. **И.**, I, 35.
- Юлий Африкан (Старший) — отец знаменитого при Клавдии и Нероне оратора Юлия Африкана. **Ан.**, VI, 7.
- Юлий Африкан (Младший) — оратор, уроженец Галлии; его жизнеописание (до нас не дошедшее) было составлено Юлием Секундом. **О.**, 14, 15.
- Юлий Бригантик — командир конницы в войске имп. Вителлия, племянник Юлия Цивилиса. **И.**, II, 22; IV, 70; V, 21.
- Юлий Бурдон — командир флота провинции Нижняя Германия. **И.**, I, 58.
- Юлий Валентин — глава делегации треверов на собрании галльских племен во время восстания Цивилиса. **И.**, IV, 68—71, 76, 85.
- Юлий Виндекс, Гай — наместник Галлии при Нероне, вождь восстания 68 г. н. э.; в том же году был разбит и по-

- кончил самоубийством. **Ан.**, XV, 74. **И.**, I, 6, 8, 16, 51, 53, 65, 70, 89; II, 94; IV, 17, 57, 69.
- Юлий Габиниан**, Секст — знаменитый римский ритор, современник Квинтилиана и Светония (I в. н. э.). **О.**, 26.
- Юлий Грат** — префект лагеря в войске имп. Вителлия в 69 г. н. э. **И.**, II, 26.
- Юлий Денс** — римский всадник. **Ан.**, XIII, 10.
- Юлий Инд** — треввер, начальник отряда вспомогательной конницы. **Ан.**, III, 42.
- Юлий Кален** — трибун флавианского войска. **И.**, III, 35.
- Юлий Кар** — легионер, убийца Тита Виния. **И.**, I, 42.
- Юлий Клавдий Цивилис** — знатный ба-тав, предводитель восстания против римлян в 69—70 гг. н. э. **И.**, I, 59; IV, 13—19, 21—26, 28—30, 32—37, 54—56, 58, 60, 61, 63, 65, 66, 70, 71, 73, 75—79; V, 14—17, 19—26.
- Юлий Классик** — командир конного отряда тревверов в войске имп. Вителлия в 69 г. н. э. **И.**, II, 14; IV, 55, 57—59, 63, 70—79; V, 19—21.
- Юлий Классициан** — прокуратор Британии в 61 г. н. э. **Ан.**, XIV, 38.
- Юлий Клемент** — центурион одного из паннонских легионов во время их возмущения в 14 г. н. э. **Ан.**, I, 23, 26, 28.
- Юлий Корд** — наместник Аквитании в 69 г. н. э. **И.**, I, 76.
- Юлий Максим** — военачальник в войске Цивилиса. **И.**, IV, 33.
- Юлий Мансуэт** — воин XXI легиона, убитый в бою с вителлианцами собственным сыном. **И.**, III, 25.
- Юлий Марин** — приближенный Тиберия. **Ан.**, VI, 10.
- Юлий Марциал** — трибун преторианцев, дежуривший в день убийства имп. Гальбы. **И.**, I, 28, 82.
- Юлий Монтан** — знатный молодой человек сенаторского сословия, принужденный лишить себя жизни из-за столкновения с не узнавшим им в ночной темноте Нероном. **Ан.**, XIII, 25.
- Юлий Пелигн** — прокуратор римской провинции Каппадокия в 51 г. н. э. **Ан.**, XII, 49.
- Юлий Плацид** — трибун когорты в войске флавианцев, захвативший имп. Вителлия. **И.**, III, 84.
- Юлий Полион** — трибун преторианской когорты в правление Нерона. **Ан.**, XIII, 15.
- Юлий Постум** — возлюбленный Мутилии Приски, приближенной матери Тиберия Августа. **Ан.**, IV, 12.
- Юлий Приск** — центурион, назначенный имп. Вителлием начальником преторианцев. **И.**, II, 92; III, 55, 61; IV, 11.
- Юлий Сабин** — знатный лингон, присоединившийся к Цивилису. **И.**, IV, 55, 67.
- Юлий Сакровир** — вождь эдуев во время восстания в 21 г. н. э. **Ан.**, III, 40, 41, 43, 46; IV, 18, 19. **И.**, IV, 57.
- Юлий Секунд** — судебный оратор (I в. н. э.), действующее лицо «Диалога об ораторах». **О.**, 2, 3, 5, 9, 14—16, 23, 28, 33.
- Юлий Тудор** — знатный треввер, присоединившийся к Цивилису. **И.**, IV, 55, 57—59, 70—72, 74, 76, 78; V, 19—21.
- Юлий Флавиан** — начальник конницы в войске Веспасиана, сразившемся с вителлианцами у Красных камней. **И.**, III, 79.
- Юлий Флор** — вождь тревверов во время восстания в Галлии в 21 г. н. э. **Ан.**, III, 40, 42.
- Юлий Фронтин**, Секст — римский городской претор в 69 г. н. э., наместник Британии в 74—77 гг., консул в 98 г., писатель. **И.**, IV, 39. **Ан.**, 17.
- Юлий Фронтон** — военный трибун. **И.**, I, 20; II, 26.
- Юлий Цезарь**, Гай — политический деятель, полководец, оратор, историк, описавший свои походы (100—44 гг. до н. э.). **Ан.**, I, 1, 8, 42; II, 41, 43; III, 6, 62; IV, 34, 43, 44; VI, 16; XI, 23, 25; XII, 34, 60; XIII, 3; XIV, 9; XV, 20; XVI, 22. **И.**, I, 42, 50, 86, 90; III, 37, 66, 68; IV, 55, 57. **Г.**, 28, 37. **Ан.**, 13, 15. **О.**, 17, 21, 25, 26, 34, 38.
- Юлий Цезарь** Германик — сын Друза Старшего, племянник имп. Тиберия, полководец, в 13 г. н. э. назначенный командующим 8 рейнских легионов; совершил ряд удачных походов в Германию (14—16 гг.); умер в 19 г. **Ан.**, I, 3, 7, 14, 31, 33, 34, 36—41, 44, 47—49, 51, 52, 54—58, 60—63, 70—72, 76; II, 5, 7—12, 14, 16, 17, 20—26, 40—43, 49, 51, 53—62, 64, 66, 69—71, 73, 75—79, 82—85; III, 1, 2, 4—6, 8, 10—14, 16—19, 29, 31, 40, 49.

- 56; IV, 1, 3, 4, 8, 9, 12, 13, 15, 17, 18, 31, 53, 57, 59, 68, 75; V, 1, 4, 10; VI, 7, 15, 26, 31, 46, 51; XI, 12; XII, 1, 2, 25; XIII, 14, 42, 55; XIV, 7; XVI, 12. Г., 37.
- Юлий Цельс — трибун римской городской стражи при имп. Тиберии. *Ан.*, VI, 9, 14.
- Юлий Цивилис — см. Юлий Клавдий Цивилис.
- Юлия см. Ливия Друзилла или Ливия Ливилла.
- Юлия (Старшая) — дочь имп. Августа, жена Марцелла, потом Агриппы, потом имп. Тиберия, сосланная на о. Пандатерию во 2 г. до н. э. (39 г. до н. э. — 14 г. н. э.). *Ан.*, I, 53; IV, 44; VI, 51.
- Юлия (Младшая) — внучка Августа, дочь Юлии Старшей и Агриппы. *Ан.*, IV, 71.
- Юлия — дочь Друза Младшего, жена Нерона, сына Германика, позднее — Рубеллия Бланда (3—43 гг. н. э.). *Ан.*, III, 29; VI, 27; XIII, 32, 43.
- Юлия Ливилла — дочь Германика; в 33 г. н. э. выдана замуж за Марка Виниция, в 39 г. сослана имп. Калигулой, в 41 г. — Клавдием, в 42 г. умерла в ссылке. *Ан.*, II, 54; VI, 15; XIV, 63.
- Юнии — знатный римский род. *Ан.*, III, 24, 69; XV, 35. *И.*, III, 38.
- Юнии Блезы — предположительно сыновья Юния Блеза Старшего, дяди Сеяна, впавшего в немилость при имп. Тиберии и, возможно, умерщвленного по его приказанию. *Ан.*, VI, 40.
- Юний — некий маг, о котором ничего неизвестно. *Ан.*, II, 28.
- Юний — сенатор, в доме которого во время пожара на Целийском холме в 27 г. н. э. сохранилась неповрежденной статуя имп. Тиберия. *Ан.*, IV, 64.
- Юний Арулен Рустик, Квинт — народный трибун во время процесса против Траези Пэта, намеревавшийся выступить в его защиту, консул 92 г. н. э. Казнен Домицианом в 94 г. (?). *Ан.*, XVI, 26. *И.*, III, 80. *А.*, 2, 45.
- Юний Блез (Старший) — консул-суффект 10 г. н. э., военачальник, наместник провинции Африка в 21—22 гг., дядя Сеяна. *Ан.*, I, 16, 18, 19, 21—23, 29; III, 35, 58, 72—74; IV, 23, 26; V, 7.
- Юний Блез (Младший) — сын Юния Блеза Старшего, служил трибуном под начальством отца во время восстания паннонских легионов в 14 г. н. э.; в 36 г. был вынужден покончить самоубийством. *Ан.*, I, 19, 29; III, 74.
- Юний Блез — наместник провинции Белгика, затем Лугдунской Галлии, примкнувший в 69 г. к Вителлию и в том же году им умерщвленный. *И.*, I, 59; II, 59; III, 38, 39.
- Юний Брут, Луций — основатель Римской республики, первый римский консул в 509 г. до н. э. *Ан.*, I; XI, 22, 25.
- Юний Брут, Марк — оратор, друг Юлия Цезаря, один из организаторов его убийства (85—42 гг. до н. э.), противник Октавиана и Антония. *Ан.*, I, 2, 10; II, 43; III, 76; IV, 34, 35; XVI, 22. *И.*, I, 50; II, 6; IV, 8. *О.*, 17, 18, 21, 25, 38.
- Юний Брут Альбин, Децим — участник заговора против Юлия Цезаря, руководил военными действиями против Антония в Мутинской войне. *Ан.*, I, 10; XVI, 22.
- Юний Галлион см. Анней Юний Галлион, Луций.
- Юний Галлион, Луций — известный римский оратор, друг Овидия и Сенеки Старшего. *Ан.*, VI, 3. *О.*, 26.
- Юний Луп — сенатор в правление имп. Клавдия. *Ан.*, XII, 42.
- Юний Маврик — сенатор, брат Арулена Рустика, отправленный в изгнание имп. Домицианом и возвращенный имп. Нервой. *И.*, IV, 40. *А.*, 45.
- Юний Марулл — консул-суффект 62 г. н. э. *Ан.*, XIV, 48.
- Юний Отон — претор в 22 г. н. э. *Ан.*, III, 66.
- Юний Отон — народный трибун в 37 г. н. э., сын Юния Отона, претора. *Ан.*, VI, 47.
- Юний Рустик — сенатор. *Ан.*, V, 4.
- Юний Силан, Аппий — консул 28 г. н. э., муж матери Мессалины. *Ан.*, IV, 68; VI, 2, 9; XI, 29.
- Юний Силан, Гай — консул 10 г. н. э., наместник провинции Азия в 22 г. *Ан.*, III, 66—69; IV, 15.
- Юний Силан, Децим — брат консула 19 г. н. э. Марка Силана; покинул Италию, избалованный в любовной связи с внучкой имп. Августа. *Ан.*, III, 24.
- Юний Силан, Луций — жених дочери

- Клавдия Октавии. **Ан.**, XII, 3, 4, 8; XIII, 1, 14.
- Юний Силан, Марк — консул-суффект в 15 г. н. э.; его дочь Юния Клавдилла была первой женой императора Калигулы, который в 38 г. н. э. принудил Силана к самоубийству. **Ан.**, III, 24, 57; V, 10; VI, 20. **И.**, IV, 48. **А.**, 4.
- Юний Силан, Марк — консул 19 г. н. э. **Ан.**, II, 59; VI, 2.
- Юний Силан, Марк — наместник провинции Азия, брат Юния Силана, жениха Октавии. **Ан.**, XIII, 1, 14, 33.
- Юний Силан Торкват, Децим — консул 53 г. н. э., брат Юния Силана, жениха Октавии. **Ан.**, XII, 53; XV, 35; XVI, 8, 12.
- Юний Силан Торкват, Луций — сын Марка Силана, наместника провинции Азия в правление Нерона. **Ан.**, XV, 52; XVI, 7—9, 12, 22.
- Юний Цилон — прокуратор провинции Понт при имп. Клавдии. **Ан.**, XII, 21.
- Юния — жена Гая Кассия, сестра Марка Брута. **Ан.**, III, 76.
- Юния Кальвина — сестра Луция Силана, бывшая жена Луция Вителлия, сына Луция Вителлия Старшего. **Ан.**, XII, 4, 8; XIV, 12.
- Юния Клавдилла, или Клавдия, — первая жена имп. Калигулы, дочь Марка Силана. **Ан.**, VI, 20, 45.
- Юния Лепида — сестра Юнии Кальвины, жена Гая Кассия и тетка Юния Силана, обвиненная в 65 г. н. э. в связи с Силоном. **Ан.**, XVI, 8, 9.
- Юния Силана — жена Гая Силия, оставленная им по настоянию Мессалины. **Ан.**, XI, 12; XIII, 19, 21, 22; XIV, 12.
- Юнк Вергиллиан — сенатор, приближенный Мессалины. **Ан.**, XI, 35.
- Юнона — римская богиня, супруга Юпитера, мать Марса, Вулкана, Гебы, покровительница рожениц (римск. мифология). **Ан.**, IV, 14; XV, 44. **И.**, I, 86; IV, 53.
- Юпитер — верховное божество римлян. **Ан.**, I, 73; II, 22, 32; III, 58, 61, 62, 71; IV, 16, 56, 57; VI, 25; XIII, 24; XV, 64; XVI, 35. **И.**, IV, 53, 54, 58, 84; V, 2.
- Юпитер Дит — владыка подземных сокровищ. **И.**, IV, 83.
- Юпитер Капитолийский — храм Юпитеру на Капитолийском холме в Риме. **Ан.**, XV, 23. **И.**, III, 72.
- Юпитер Мститель. **Ан.**, XV, 74.
- Юпитер Освободитель. **Ан.**, XVI, 35.
- Юпитер Остановитель. **Ан.**, XV, 41.
- Юпитер Саламинский — храм Зевсу (Юпитеру) в г. Саламине на восточном побережье о. Кипра. **Ан.**, III, 62.
- Юпитер Страж — храм, воздвигнутый имп. Домицианом на Капитолии. **И.**, III, 74.
- Юпитер Хранитель — храм ему был поставлен Домицианом на месте сторожки, в которой Домициан укрылся во время захвата вителлианцами Капитолийской крепости в 69 г. н. э. **И.**, III, 74.
- Юст Катоний см. Катоний Юст.
- Язиги — сарматское племя, обитавшее между Дунаем и Тиссой. **Ан.**, XII, 29, 30. **И.**, III, 5.
- Яникульский холм (Яникул) — один из 7 холмов, на которых был расположен древний Рим (на правом берегу Тибра). **И.**, III, 51.
- Янус — староиталийский бог солнечного круговращения, времени, 2 своими лицами обращенный к прошедшему и настоящему (римск. мифология). **Ан.**, II, 49.
- Ясон — сын царя г. Иолка Эсона, отправившийся во главе аргонавтов за золотым руном, супруг Медеи (греч. мифология). **Ан.**, VI, 34. **О.**, 9.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Перевод *Г. С. Кнабе*, ред. *М. Е. Грабарь-Пасек*

	Стр.
Книга первая	5
Книга вторая	49
Книга третья	95
Книга четвертая	140
Книга пятая	189

ПРИЛОЖЕНИЯ

Корнелий Тацит (<i>И. М. Тронский</i>)	203
Комментарии к Истории (<i>Г. С. Кнабе</i>)	249
Генеалогические таблицы (составил <i>Г. С. Кнабе</i>)	298—299
Аннотированный указатель собственных имен, географических и этнических названий (составил <i>А. С. Бобович</i>)	300

Корнелий Тацит

Сочинения в двух томах

Том второй

ИСТОРИЯ

Утверждено к печати

Редколлекцией серии

Литературные памятники

Редактор издательства *Е. Г. Дашин*

Художник *Д. С. Данилов*

Технический редактор *Н. А. Круликова*

Корректоры *Е. В. Вивчар* и *Э. В. Коваленко*

Сдано в набор 24/VIII 1967 г. Подписано к печати
12/II 1968 г. РИСО АН СССР № 12—181В. Формат
бумаги 70×90^{1/16}. Бум. л. 12^{1/2}. Печ. л. 23^{1/4} + 2 вкл.
(1 печ. л.) = 28.37 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 31.37.
Изд. № 3443. Тип. зак. № 510 Тираж 30000. Бумага
типографская № 1. Цена 2 р. 08 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»

Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука»

Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“

В магазинах „Академкнига“ имеются в наличии
книги серии

„ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ“

Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. 1962. 300 стр. Цена 1 р. 42 к.

Кохановский Ян. Избранные произведения. (Песни. Стихи. Поэмы). 1960. 370 стр. Цена 50 к.

Крижанич Юрий. Политика. 1965. 735 стр. Цена 3 р. 02 к.

Робеспьер Максимилиан. Избранные произведения. В 3 томах. Том 1. 1965. 378 стр. Том 2. 1965. 399 стр. Том 3. 1965. 318 стр. Цена комплекта 4 р. 80 к.

Серно-Соловьевич Н. А. Публицистика. Письма. Комедия „Из былого“. 1963. 432 стр. Цена 2 р.

Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники 1825—1826 гг. 1965. 622 стр. Цена 2 р. 80 к.

Эпические сказания народов Южного Китая. 1956. 202 стр. Цена 15 к.

Эпос о Гильгамеше. („О все выдавшем“). 1961. 214 стр. Цена 93 к.

*Заявки на книги издательства „Наука“
направляйте по адресу:*

Москва, В-463, Мичуринский пр., 12,
„Академкнига“, магазин „Книга — почтой“;
Ленинград, Д-120, Литейный пр., 57,
„Академкнига“, магазин „Книга — почтой“

ЗАКАЗЫ ВЫПОЛНЯЮТСЯ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ.

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
133	8 сверху	Катуллу	Катулу
133	10 »	Катулла	Катула
134	5—4 снизу	муниципий	муниципиев
199	8 сверху	Германским	германским
254	14 »	Норрик	Норик
255	17 »	Катулла	Катула
257	8 снизу	Поликниит	Поликлит
263	21 сверху	Лациуе	Лациуме
265	20—19 снизу	Альбигуан	Альбигаун
284	14 сверху	Катулла	Катула
304	Правый столб., 4 снизу	И. , 78,	И. , II, 78,
306	Левый столб., 24 сверху	Ан. , 47.	Ан. , II, 47.
313	Левый столб., 28 сверху	20, 73.	20, 23.
318	Правый столб., 7—6 снизу	А. ,	О. ,
323	Правый столб., 14 снизу	221 г.	321 г.
326	Левый столб., 14 снизу	65 г.	69 г.
328	Левый столб., 16 снизу	III, 16.	II, 16.
330	Правый столб., 11 сверху	Тиберия	Публия
330	Правый столб., 22 снизу	Карбулона	Корбулона
334	Левый столб., 11 сверху	Лукулла.	Лукулла. О. , 37.
338	Левый столб., 16 сверху	до н. э.	до н. э. Ан. , III, 71.
348	Левый столб., 25 сверху	I, 7,	I, 1, 7,
349	Левый столб., 19 сверху	Фабий	Фабат
359	Правый столб., 11 снизу	8, 44—48;	8; XII, 44—48;
365	Левый столб., 14 снизу	Пацена	Паценз
368	Правый столб., 12 сверху	I; XI,	I, 1; XI,

КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ

КОРНЕЛИЙ
ТАЦИТ

2

